Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

Международная научно-практическая конференция Института магистратуры в рамках Саратовского молодежного международного юридического форума

21–22 апреля 2021 года, г. Саратов

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА МАГИСТРАТУРЫ В РАМКАХ САРАТОВСКОГО МОЛОДЕЖНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

(21-22 апреля 2021 г., Саратов)

Саратов
2021

УДК 34(470.082)
ББК 67я43
М43

Печатается по решению комиссии по науке и издательству ученого совета Саратовской государственной юридической академии

М43 **Международная научно-практическая конференция Института магистратуры в рамках Саратовского молодежного международного юридического форума** (21–22 апреля 2021 г., Саратов) / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. – 360 с.

ISBN 978-5-7924-1705-2

Сборник содержит тезисы участников Международной научно-практической конференции Института магистратуры в рамках Саратовского молодежного международного юридического форума, посвященной празднованию 90-летия федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (далее – Академия).

Для студентов, магистрантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, практических работников.

Печатается в авторской редакции, согласованной с научными руководителями.

УДК 34(470.082)
ББК 67я43

ISBN 978-5-7924-1705-2

© Саратовская государственная юридическая академия», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 9

Айденова А.С.
НОВЕЛЛЫ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 10

Алиев С.А.
СВЕДЕНИЯ О ТИПИЧНЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ 12

Алисултанов М.Ж.
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 14

Алтынбаева А.Р.
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СУБЪЕКТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ 17

Анненков В.С.
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА И РОЛИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ 19

Антропов Д.П.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 22

Артемов Д.Д.
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА 24

Арутюнян Э.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПО УПК РФ 26

Астахова Е.А.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 28

Барнев И.С.
ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 30

Беляев Р.А.
О СТАНОВЛЕНИИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 33

Береговский М.С.
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 36

Бестужева Д.Н.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА» В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 39

Бобкова Т.А.
МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ 44

Бородин Д.Г.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ 47

Булаев Д.Д.
К ВОПРОСУ О НАЛОГОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ УПРОЩЕННУЮ СИСТЕМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ, В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 50

Булганина К.А.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ 52

Буракова И.К.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА АРЕНДЫ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД 53

Бурлуцкая Е.А.
ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА 56

Бурмистрова С.Е.
ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 57

Вакуленко И.И.
ЮРИДИЧЕСКИЕ ОШИБКИ, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ 59

Вахненко А.А.
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОШИБКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? 61

Виноградова В.А.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 65

Воронков В.В.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ 68

Гаврилов Г.А., Щербинина К.В.
АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ 71

Герасименко Д.Р.
НАЛИЧНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ 73

Гланская Е.Г.
ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ 75

Гречишкин Д.С.
КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ 78

Долженко В.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 80

Дубровина Ю.Я.
МОЛОДЕЖНАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ..... 82

Духаева И.С.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ДОЛЖНИКА..... 85

Екимовских Д.Н.
О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ..... 87

Ершов Д.А.
ПАТРОНАТНОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 90

Есенбекова В.Р.
ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ..... 92

Жданович И.А.
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ..... 95

Жеребцов А.Ю.
ТАКТИКА ОСМОТРА ТРУПА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 96

Загороднев Д.М.
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ЦЕЛЕЙ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 99

Зайкова А.С.
ПОНЯТИЕ «ВРАЧ» В ПРАВОВОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 102

Зарубина О.С.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕУПЛАТОЙ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ 104

Затонский С.С.
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТСВОВАНИЯ.....105

Зимина С.Ю.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ.....109

Золотарев Д.А.
ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИШЕНИЕ ЛИЦЕНЗИЙ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СИСТЕМА ОЗДОРОВЛЕНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ 112

Ибляминова Э.Р.
ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ 114

Кубатко Т.А., Ибрагимов А.М.
ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА.....116

Ибрагимова М.А.
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ КАК ИНСТИТУТА НАЛОГОВОГО ПРАВА.....118

Ибрагимова С.Н.
ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ: СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ, ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ 120

Иванова Е.В.
ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ ИМУЩЕСТВО: ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК.....122

Идельбаев Р.Е.
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ 125

Ильченко М.С.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 128

Исайчева А.А.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗНАЧЕЙСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....131

Камин А.В.
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ 132

Каплунов А.С.
ОПРОС КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 134

Карамышев Д.А.
ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 135

Каргин А.С.
ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 137

Карнаухов В.Ю.
РОЛЬ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.....139

Карпочев А.В.
К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ.....141

Кеменова К.А.
МЕХАНИЗМ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ В ПОРЯДКЕ ПОДЧИНЕННОСТИ.....144

Кириллов Н.С.
УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЕМ 146

Ковалев Д.О.
К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 147

Ковалева Е.В.
АНАЛИЗ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ВОПРОСАМ ВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ 150

Колебошин А.В.
ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОМИЛОВАНИЯ 153

Коломиец А.А.
ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ... 156

Колпакова Н.А.
АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ БАНКОМ РОССИИ ИНСТРУМЕНТА ОТЗЫВА ЛИЦЕНЗИЙ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 158

Кондрашова Е.А.
К ВОПРОСУ О РОЛИ АДВОКАТА В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ 161

Коновалов Е.А.
ПРАВО ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РФ ЗА ЗАЩИТОЙ СВОИХ ПРАВ 164

Корешкова Н.С.
ТУРИСТСКИЙ ПРОДУКТ И ЕГО СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ 167

Коровина А.А.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА 168

Кравцова А.Г.
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОМПЕТЕНЦИЯ» И «ПОЛНОМОЧИЯ» ПРОКУРОРА ОТНОСИТЕЛЬНО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВАНИИ НОРМ УПК РФ И ФЗ «О ПРОКУРАТУРЕ РФ» 172

Кравченко В.В.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ 173

Кубатиева Ф.К.
ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ТИПИЧНАЯ СЛЕДОВАЯ КАРТИНА И РЕКОМЕНДАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ 178

Куряева Д.З.
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ 180

Ларионова Е.В.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА 182

Лемешев К.А.
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ О ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 185

Литра Д.А.
НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 188

Лобанов А.П.
СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 191

Лосякова О.В.
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРОВ О ПЕРЕДАЧЕ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 193

Лукьянова Я.Г.
ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 195

Лупсаа Ч.Е.
К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ 196

Лысенко Д.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПЕРВИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ 198

Ляткина А.Д.
АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ 202

Маловик С.Д.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 203

Маслова А.В.
ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРОФИЛАКТИКУ НАРУШЕНИЙ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 205

Мирошников И.А.
ТЕНДЕНЦИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ 206

Митина М.В.
ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ 208

Михайлова Б.С.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ 209

Михеева А.Д.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 212

Набиева А.А.
ДОКТРИНАЛЬНОЕ И СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОСКОРБЛЕНИЯ» 213

Нефедова С.А.
ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ВЫЗОВАМ В МЕДИЦИНЕ....217

Ниёзмамадов А.П.
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 218

Никитина К.М.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОДАВЦА ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО ПЕРЕДАЧЕ ТОВАРА ПОТРЕБИТЕЛЮ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ....220

Новосельцев Н.Д.
КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ....223

Опалева В.В.
ЭКСТРАДИЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ 225

Орлова И.А.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПО СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ 229

Калюжный В.Г., Островская Н.Б.
РОЛЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЛОГОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОВЫШЕНИИ НАЛОГОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ....231

Павлов Е.Ю.
ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ КОЛОНИИ: ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ 233

Панкратова У.В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ...234

Планская Ю.В.
ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ В АНТИКОРРУПЦИОННОМ АСПЕКТЕ....236

Погорелова А.В.
ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ 239

Почуев Д.А.
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И ПЕРПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННОГО ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ 240

Прокопенко Е.А.
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ....243

Ревазова Д.А.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ 244

Рожков Е.С.
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА....249

Романченко Э.Э.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 252

Ростова В.В.
ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С АСОЦИАЛЬНЫМ И ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ....254

Ряховская А.А.
К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 256

Салахиева А.Р.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ....258

Сальникова Д.А.
ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 259

Свиридов Д.Р.
ИНСТИТУТ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ....261

Серейчикас М.В.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И В МИРЕ 264

Сеснева И.С.
ДОЗНАНИЕ КАК ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ....267

Сидоров Е.С.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 271

Содель О.В.
ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ 272

Соколова А.И.
НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СТРУКТУРЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ С УЧАСТИЕМ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ 274

Солянкин С.Е.
О СООТНОШЕНИИ И РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ 277

Старынина Н.А.
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ 280

Сулуев Р.С.
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 281

Сыркина Е.С.
ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЛИЧИЯ УГРОЗЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ, ОПАСНОГО ДЛЯ ЖИЗНИ ОБОРОНЯЮЩЕГОСЯ ИЛИ ДРУГОГО ЛИЦА, ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ....283

Тарасова Ю.С.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 284

Темуркаев М.И.
АНАЛИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1718-1917 ГГ. 286

Тимиржанова А.Д.
ИНСЦЕНИРОВКА КАК СПОСОБ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 289

Ткаченко Д.С.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 291

Третьяков Р.В.
ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ 294

Туртаева Е.Д.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД 297

Уварова А.Ю.
К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ СРОКА НА КАССАЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ 299

Уварова Е.Ю.
ОХРАНА ЛЕСОВ ОТ ПОЖАРОВ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ 301

Устименко Д.А.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАДЕРЖАНИЯ И ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ 304

Федорищева А.Ю.
К ВОПРОСУ О СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ 306

Филимонов О.Ю.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА 308

Хамидова Л.В.
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИИ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 311

Химион А.А.
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СЛЕДСТВЕННАЯ ОШИБКА» 313

Холкина Н.В.
ОПЫТ БАНКА РОССИИ В ОБЛАСТИ НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ЕГО СУБЪЕКТОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ 317

Хохлова Д.П.
О ПРИЗНАКАХ СЛЕДСТВЕННОЙ ОШИБКИ 319

Храмов Б.В.
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 320

Цвелих А.М.
РАССЛЕДОВАНИЕ СОЗДАНИЯ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ): ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 322

Цекало И.И.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА 325

Цинтынь В.С.
ФУНКЦИЯ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 329

Цмиев А.А.
ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ 331

Цух И.А.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 333

Чернова Ю.А.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ПРОЦЕНТОВ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖИМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ 334

Чибрикова Ю.К.
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ 337

Чимаров М.А.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 340

Чиняева Е.В.
СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ ТРАНСГЕНДЕРНЫХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 342

Чумнова С.Ю.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ 344

Шадевская Д.В.
ПРАВО НА ЗАЩИТУ: ПРАКТИКА НОВЫХ КАССАЦИОННЫХ СУДОВ 347

Ширяева Я.Р.
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ОБВИНЕНИЕ: ПРОБЕМЫ СООТНОШЕНИЯ 350

Якубов Э.В.
О НАЛИЧИИ КОРРУПЦИОГЕННОГО ФАКТОРА В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ОТ 27.07.2010 № 210-ФЗ «ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ» 352

Якушева В.К.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВНОГО ДОСТУПА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕНУЮ СЛУЖБУ В ВОПРОСАХ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА 353

Ярощук М.В.
СИСТЕМНОСТЬ КОМПРОМИССА КАК ИНСТИТУТА
УГОЛОВНОГО ПРАВА 355

Бессонова Т.А.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ
И СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 358

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Руководством Института магистратуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (далее – Академия) совместно с научным студенческим обществом Института и профессорско-преподавательским составом Академии реализуются научно-практические мероприятия, направленные на активизацию научно-исследовательского потенциала студентов и разработку фундаментальной научной основы, имеющей значимость в практической деятельности.

Сборник научных трудов, сформированный по результатам Международной научно-практической конференции Института магистратуры в рамках Саратовского молодежного международного юридического форума, посвященной празднованию 90-летия Академии, позволяет сделать вывод о научной активности и высоком уровне внимания к современным правовым проблемам студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых.

В работе Международной научно-практической конференции Института магистратуры приняли участие около 200 молодых ученых.

Выражаем благодарность авторам за предоставленные тезисы научных работ и их научным руководителям за вклад в организацию и проведение Международной научно-практической конференции Института магистратуры в рамках Саратовского молодежного международного юридического форума, посвященной празднованию 90-летия Академии!

Редакционная коллегия,
руководство Института магистратуры
ФГБОУ ВО «СГЮА»

Айденова А.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Е.Н. Пастушенко, д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НОВЕЛЛЫ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам формирования в России пропорционального регулирования банковской системы, рассматриваются различия в регулировании банков с разными видами лицензий.*

Ключевые слова: *банковская система, кредитные организации, банковский регулятор, пропорциональное регулирование, банки с универсальной лицензией, банки с базовой лицензией.*

Aydenova A.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Pastushenko E.N., PhD, Professor of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

NOVELTIES OF PROPORTIONAL REGULATION IN THE BANKING SYSTEM OF RUSSIAN FEDERATION: FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract. *The article reflects the issues of organisation of banking system proportional regulation in Russia and differences between various license type banks regulation.*

Keywords: *banking system, credit organisations, bank regulator, proportional regulation, banks with general license, banks with limited banking license.*

Банковская система в целом представляет совокупность кредитных и обеспечивающих их организаций, каждая из которых выполняет определенные функции. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[1] в ст. 2 приводит перечисление составляющих отечественной банковской системы: Банк России, кредитные организации и представительства иностранных банков.

Развитие современной экономики немыслимо без развитой, стабильной, эффективно действующей банковской системы, поскольку деятельностью составляющих ее институтов обеспечивается товарный обмен между хозяйствующими субъектами, производится накопление и перераспределение финансовых ресурсов и решаются иные важные задачи, имеющие зачастую ключевое значение для эффективного функционирования народного хозяйства.

В указанной связи проблемы, связанные с устойчивостью банковской системы, приобретают ключевое значение. Как известно из теории управления, устойчивость является характеристикой какой-либо социальной, технической или природной системы, которая представляет собой свойство данного образования (совокупности составляющих систему элементов) возвращаться в исходное или близкое к исходному равновесному состоянию после внешнего воздействия на эту систему. Указанное свойство носит динамический характер.

Таким образом, устойчивость банковской системы можно определить, как свойство банковской системы возвращаться к прежним параметрам равновесия в случае воздействия на нее или на отдельные ее элементы каких-либо неблагоприятных факторов экономического и политического характера. В последние годы в условиях современного глобального перманентного экономического кризиса (затронувшего в том числе и финансовую систему), начало которого можно вести со времени ипотечного кризиса США 2007 года, вопросы устойчивости экономики в целом и банковской системы в частности стали предметом особой заботы политического и экономического руководства большинства государств, в том числе и финансовых регуляторов.

Российская Федерация в данном случае не является исключением. В условиях глобального экономического кризиса органы государственной власти Российской Федерации вынуждены реагировать на вызовы современной экономической системы. Одним из ответов на указанные вызовы стало принятие Государственной Думой РФ Федерального закона от 01.05.2017 № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]. Принятие названного закона ознаменовало собой окончательный переход к пропорциональному регулированию в банковской системе Российской Федерации.

До введения в действие названного федерального закона отечественная банковская система строилась по двухуровневому типу: первый уровень был представлен Центральным банком Российской Федерации (далее ЦБ РФ), который в силу положений Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[3] выступал в качестве финансового регулятора, а второй уровень образовывался кредитными организациями (банками и иными кредитными организациями, которым предоставлено право осуществлять некоторые категории банковских операций).

После вступления Федерального закона от 01.05.2017 № 92-ФЗ в силу банковская система Российской Федерации стала формироваться по трехуровневому типу:

[1] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492.

[2] Федеральный закон от 01.05.2017 № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 18, ст. 2669.

[3] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

первый уровень образует финансовый регулятор –Центральный банк РФ; второй уровень образуют банки с универсальной лицензией; третий уровень составляют банки с базовой лицензией и кредитные организации, которым предоставлено право осуществлять некоторые категории банковских операций. Если банки с универсальной лицензией вправе осуществлять все банковские операции, перечисленные в ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1, то банкам с базовой лицензией предоставлено право осуществлять только часть банковских операций (соответствующие запреты и ограничения установлены в ст. 5.1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1).

Таким образом, в ст. 11.2 Федерального закона от 01.05.2017 № 92-ФЗ отечественные банки были разделены на две группы. При этом критерием подразделения стал размер капитала банка (собственных средств): банки с универсальной лицензией (размер капитала не менее одного миллиарда рублей) и банки с базовой лицензией (размер капитала 300 миллионов рублей). Для небанковских кредитных организаций минимальный размер капитала определен в 90 миллионов рублей.

После введения указанных мер на законодательном уровне ЦБ РФ произвел изменения и в требованиях к нормативам. Соответствующими изменениями в утратившей ныне силу Инструкции Банка России от 28.06.2017 № 180-И «Об обязательных нормативах банков»[1] для банков с универсальной лицензией и для банков с базовой лицензией были установлены разные размеры нормативов, которыми, в частности, для банков с базовой лицензией установлены требования менее строгие, чем для банков с универсальной лицензией соответственно. Менее жесткие требования для банков с базовой лицензией позволяют решить ряд проблем небольших и средних банков, что в свою очередь повышает устойчивость отечественной банковской системы в целом. Соответствующие изменения были внесены также и в порядок лицензирования банковских организаций, регламентированный Инструкцией Банка России от 02.04.2010 № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций»[2].

Помимо размера собственных средств (как уже упоминалось выше, не менее одного миллиарда рублей для банков с универсальной лицензией и не менее 300 миллионов рублей для банков с базовой лицензией) различия между банками двух типов лицензий стали заключаться и по требованиям обязательных нормативов.

Так, по действующей в настоящее время Инструкции Банка России от 06.12.2017 № 183-И «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией»[3] для банков, обладающих базовой лицензией, установлены требования только по пяти видам нормативов, а именно:

- норматив Н1.0 – норматив достаточности капитала (собственных средств), минимально допустимый удельный размер Н1.0 установлен в 8 процентов;
- норматив Н1.2 – норматив достаточности основного капитала, минимально допустимый удельный размер Н1.2 составляет 6 процентов;
- норматив Н3 – норматив текущей ликвидности, минимально допустимый удельный размер Н3 определен в 50 процентов;
- норматив Н6 – норматив максимального размера риска, который приходится на одного заемщика либо на группу связанных заемщиков, Инструкцией ЦБ РФ от 06.12.2017 № 183-И минимально допустимый удельный размер Н6 установлен в 20 процентов. При этом для норматива Н6, начиная с 1 января 2018 года, ЦБ РФ определен специальный коэффициент расчета (числовое значение коэффициента – 0,8), который будет действовать до января 2023 года;
- норматив Н25 – норматив максимального размера риска, который приходится на связанное с банком с базовой лицензией лицо (группу лиц), минимально допустимый удельный размер Н25 установлен в 20 процентов.

Также ЦБ РФ установил и менее жесткие требования к содержанию отчетности банков с базовой лицензией в сравнении с банками, обладающими универсальной лицензией. Вместе с тем в отличие от банков, обладающих универсальной лицензией, для банков с базовой лицензией установлен запрет на осуществление ряда банковских операций, в частности:

- запрещено открывать счета в иностранных банках (исключение составляют случаи, ели банк с базовой лицензией является участником иностранной платежной системы);
- запрещено осуществление лизинговых операций;
- запрещено привлекать драгоценные металлы во вклады;
- запрещено выдавать банковские гарантии юридическим лицам, которые зарегистрированы в иностранной юрисдикции.

Кроме того, для банков с базовой лицензией установлены ограничения на проведение ряда биржевых операций. Так, для банков с базовой лицензией в настоящее время доступны только сделки, совершаемые в отношении ценных бумаг, которые отнесены к бумагам первого уровня, допущенных к торгам на Московской бирже.

Указанные выше запреты и ограничения на проведение банковских и биржевых операций для банков с базовой лицензией обусловлены необходимостью снижения рисков. Таким образом, установление запретов и ограничений на банковскую и биржевую деятельность банков с данным видом лицензии призвано компенсировать облегченные требования к нормативам указанной разновидности банковских организаций.

Для банков с универсальной лицензией в части обязательных нормативов в настоящее время действует Ин-

[1] Инструкция Банка России от 28.06.2017 № 180-И «Об обязательных нормативах банков» (в ред. от 06.05.2019) // Вестник Банка России. 2017. № 65 (утратила силу).

[2] Инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» (в ред. от 24.03.2020) // Вестник Банка России. 2010. № 23.

[3] Инструкция Банка России от 06.12.2017 № 183-И «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией» (в ред. от 22.04.2020) // Вестник Банка России. 2018. № 20.

струкция Банка России от 29.11.2019 № 199-И [1], которой установлен их перечень, а также утверждена методика их определения. Нормативы рассчитываются по классам контрагентов, а не по группам активов, при этом выделяются 7 основных классов: суверенные заемщики, международные банки развития, кредитные организации, субъекты малого и среднего бизнеса, физлица и центральные контрагенты. Также предусматривается возможность выбора стандартного либо финализированного подхода к расчету норматива достаточности капитала банка.

Еще одним важным требованием для банков с универсальной лицензией с 2017 года стало расширение перечня информации в финансовой отчетности. Так банкам с универсальной лицензией необходимо будет предоставлять дополнительно следующую информацию:

- об операциях с иностранными контрагентами;
- об обремененных активах кредитной организации;
- об объеме наиболее рискованной части заемного портфеля, по которому резервы на возможные потери сформированы в меньшем размере, чем это указано в критериях Банка России, и о ценных бумагах, находящихся в депозитариях, удовлетворяющих критериям Банка России для формирования повышенных резервов на возможные потери. Данное расширение связано с попыткой сделать более прозрачной ту деятельность компании, которая может иметь большие риски для банков.

Изложенное подтверждает развитие целей банковского регулирования и банковского надзора по обеспечению стабильности банковской системы[2] и защите прав потребителей банковских услуг[3].

Таким образом, отечественная банковская система путем закрепления пропорционального регулирования постепенно воспринимает и внедряет международные стандарты банковской деятельности.

[1] Инструкция Банка России от 29.11.2019 № 199-И (в ред. от 03.08.2020) // «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» // Вестник Банка России. 2020. № 11.

[2] *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Банковский надзор в Российской Федерации: учебное пособие для магистратуры. М.: Норма: ИФРА-М, 2018.

[3] *Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н.* Новеллы правового регулирования развития защиты прав потребителей финансовых услуг как функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 228-234.

Алиев С.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель:
М.М. Менжега, к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СВЕДЕНИЯ О ТИПИЧНЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. *Кражи автотранспорта наносят ощутимый экономический ущерб как гражданам и предприятиям различной формы собственности, так и государству в целом. В статье рассматриваются типичные способы совершения таких преступлений.*

Ключевые слова: *кражи автотранспорта, расследование, криминалистика.*

Aliev C.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: M.M. Menzega,
Associate professor of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

INFORMATION ABOUT TYPICAL METHODS OF COMMITTING THEFTS OF MOTOR VEHICLES

Abstract. *Thefts of motor vehicles cause significant economic damage both to citizens and enterprises of various forms of ownership, and to the state as a whole. The article discusses the typical ways of committing such crimes.*

Keywords: *Theft of motor vehicles, investigation, criminalistics.*

Кражи автотранспорта в настоящее время получили широкое распространение. Необходимым условием успешного расследования любых преступлений, в том числе краж автотранспортных средств, является выяснение способов их совершения.

Наиболее благоприятная обстановка для преступников создается в случаях оставления на открытой местности неохраняемых транспортных средств. Практика свидетельствует, что в результате легкомысленного отношения водителей к сохранности транспортных средств совершается множество угонов. Если дверцы автомобилей заперты, их открывают[4]. Существует несколько способов открытия дверей автомобиля.

1. Вскрытие дверей автомобиля с помощью запасного комплекта ключей от данного автомобиля, который под различными предлогами («потерялись», «не было», «сломались») не был выдан законному владельцу нового автомобиля при его покупке и остались в руках у преступников.

Кража происходит в течении одного–трех дней со дня приобретения автомобиля (чаще в этот же день, вечером

[4] *Сироткин В.И.* Способы совершения угонов… Указ. соч. С. 40.

или ночью). Как правило, новый автомобиль всегда сопровождается на некотором удалении от преступников на автомобиле от места приобретения (стоянки, магазина) до первого же места, где владелец покинет салон автомобиля и отойдет на достаточно безопасное расстояние (в магазин, подъезд жилого дома).

2. Вскрытие дверей автомобиля с помощью «мастер-ключа», открывающего все замки какой-либо определенной серии (параметры ключа профессионально определяются при кратковременном пребывании ключей в руках преступников).

Угон автомобиля может произойти практически сразу же (при первой возможности доступа преступников к автомобилю в отсутствии владельца).

Угон автомобиля может произойти в любое время, как только владелец автомобиля покинет салон автомобиля и отойдет на достаточно безопасное расстояние. При осмотре элементов конструкции автомобиля после угона видны следы взлома в виде разрушения вращающихся частей дверных замков и блокирующих устройств выключателей зажигания (как правило, преступники сразу же меняют весь комплект замков автомобиля).

3. Вскрытие дверей автомобиля с помощью комплекса специальных приспособлений в виде стальной плоской пластины (ленты) длиной 200–500 мм со специальным пазом на запирающий механизм через щель между опускным стеклом и панелью двери.

Для автомобилей типа ВАЗ 2108, ВАЗ 2109 процесс открывания передней (правой или левой) двери при помощи такого приспособления (при небольшой тренировке) занимает от 3–5 секунд (включая время на демонтаж резинового уплотнителя).

Угон автомобиля может произойти практически в любое время, при наличии возможности доступа преступников к автомобилю в отсутствие его владельца.

4. Вскрытие двери (как правило, передней левой) автомобиля после разбивания (камнем, молотком и т.д.) опускного стекла. Для уменьшения шума, производимого при разрушении стекла, и разлета отдельных осколков, на поверхность стекла предварительно может быть наклеена мокрая бумага (газета) или лист клейкой (липкой) ленты соответствующего размера. Через проем разрушенного стекла дверь открывается путем воздействия на ручку запираемого механизма (для открывания двери изнутри).

Как показывает практика, разбивание стекол не используется для открывания дверей автомобилей, на стеклах которых нанесены специальные «бронирующие» пленки (производства США), в связи с особенностями их разрушения.

Вскрытие и угон может произойти в любое время (при наличии возможности доступа преступников к автомобилю в отсутствие его владельца).

При осмотре элементов конструкции автомобиля после угона практически нет внешних следов взламывания дверей. Как правило, преступники сразу устанавливают новое опускное стекло двери автомобиля в комплекте, что определяется по иной маркировке стекла, иной дате изготовления, следами демонтажа и повторной установки панелей обшивки двери[1]. Если стекло поднято вверх не до конца, опустить вниз его нетрудно. Если оно поднято полностью, его опускают вниз с помощью резиновых присосок, целлулоидной ленты или мокрой бумаги. Стекла, имеющие резиновую прокладку, могут быть удалены вместе с прокладкой при помощи отвертки. Опытные преступники делают это за несколько секунд№.

После проникновения внутрь автомобиля перед преступником встает задача включения двигателя. Во многих случаях преступники включают зажигание захватываемых автомобилей с помощью ключей зажигания других автомобилей или с помощью других примитивных приспособлений, использовавшихся вместо ключей. Похитители автомобилей разными способами добывают соответствующие ключи. Сравнительно простым способом добывания ключей является их кража у собственников или у лиц, в распоряжении которых находится автомобиль. Так, увидев, что водитель кладет ключи от автомобиля в карман пальто и направляется в кафе, вор следует за ним, вешает свое пальто рядом с пальто владельца автомобиля, а затем крадет ключи из пальто и скрывается[2].

Преступники могут приобрести соответствующие ключи и без их кражи, если им удастся узнать их номера. Для этого преступники прибегают к различным способам. Например, они разглядывают стоящие на улице автомашины, и даже под предлогом технического интереса просят у владельцев разрешение осмотреть автомашину. Узнав, таким образом, номер ключа, дубликат такого ключа можно заказать в специальной мастерской. После этого перед преступниками встает сравнительно несложная задача: выследить такой момент, когда владелец автомашины оставит ее без присмотра. Используют преступники и другие возможности узнать номера ключей автомашины. Они посещают выставки-продажи автомобилей и узнают там номера ключей и адреса покупателей. Воры берут на прокат автомобили для изготовления дубликатов ключей. После этого они возвращают машины обратно, а когда их берут другие лица, преступники похищают эти автомобили. Некоторые преступники, продавая свои автомобили, предварительно изготавливают дубликаты ключей и оставляют их себе, а затем с помощью этих ключей похищают автомобили у новых владельцев.

В заключение следует отметить, что в рамках данного вопроса нет возможности, да и необходимости подробно описывать все способы действий преступников при совершении угонов автотранспортных средств. Этих способов чрезвычайно много, и они постоянно изменяются, особенно в связи с совершенствованием средств защиты транспорта. Поэтому лицам, ведущим борьбу с угонами и хищениями автотранспортных средств, необходимо постоянно пополнять свои знания в этой области.

---

[1] *Капитонов В.Е., Струков В.М., Чубченко А.Л.* Технико-криминалистические средства и методы розыска автотранспортных средств. М., 1997. С. 38–39.

[2] *Сироткин В.И.* Способы совершения угонов… Указ. соч. С. 140.

Алисултанов М.Ж.
магистрант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (РАНХиГС), г. Саратов
Научный руководитель: А.С. Алихаджиева, д.ю.н., доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (РАНХиГС), г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. *В настоящей статье обозначены основные проблемы правового регулирования ограничения доступа граждан к получению и распространению информации в сети Интернет. Автором установлено, что действующее законодательство РФ, регулирующее информационную сферу, не в полной мере учитывает специфику функционирования сети Интернет, что в практике правоприменения соответствующих норм приводит к нарушениям конституционных прав граждан.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, информация, доступ граждан к информации, право на информацию в сети Интернет.*

Alisultanov M. Zh.
Master, Volga Institute for P.A. Stolypin (Rowjigs), Saratov
Scientific Director: A.S. Alikhadzhieva D.Yu.N., Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law Volga Institute of P.A. Management Institute Stolypin (Ranhigs), Saratov

PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO INFORMATION ON THE INTERNET

Abstract. *The article discovers the major problems of legal regulation of citizens' access to getting and spreading of information on the Internet. The author has found out that the current legislation of the Russia Federation, regulating the informational sphere, regards the peculiarity of the Internet's functioning not entirely. As a result, it entalis cases of violation of the constitutional right of citizens to information.*

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, information, citizens' access to information, the right to information on the Internet.*

Интернет уже довольно давно плотно вошел в нашу жизнь, полностью подчинив себе многие сферы нашей повседневной жизнедеятельности. Преимущества тотального распространения Всемирной паутины по земному шару с одной стороны бесспорны и очевидны, с другой – было бы опрометчиво ожидать, что такое творение человеческого интеллекта будет полностью лишено внутренних проблем и недостатков, особенно связанных с правовым регулированием функционирования данной технологии. В частности, широкие возможности информационного обмена в Интернете позволяют недобросовестным пользователям использовать его в корыстных целях, совершая тем самым преступления, нарушающие авторские и смежные права. В отечественной доктрине имеют место и иные позиции относительно наиболее актуальных проблем правового регулирования интернета[1].

Нам же представляется целесообразным подробнее остановиться на проблеме ограничения прав граждан на доступ к информации и ее распространению в сети Интернет в связи с противодействием терроризму и экстремизму. Указанная проблема актуальна потому, что в последнее время организованная преступность в сфере экстремизма и терроризма обнаруживает тенденцию идти в ногу со временем, широко использовать последние научно-технические достижения информационных технологий, позволяющих им беспрепятственно совершать общественно опасные деяния в сети Интернет, что подтверждается многочисленными материалами правоприменительной практики[2].

В России конституционно-правовое регулирование ограничения прав граждан на доступ к получению и распространению информации в сети Интернет, к сожалению, отличается внутренней несогласованностью, а в ряде аспектов – наличием прямых противоречий конституционным нормам. Так, после 2012 г. совокупность нормативно-правовых актов, лежащих в основе противодействия распространению преступных материалов (террористического, порнографического, экстремистского характера) в сети интернет, по-прежнему, включает в себя Конституцию РФ (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 41, ст. 42)[3] и ряд федеральных законов[4]. Однако начиная с 2012 года, в указанный корпус законов законодатель начал методично вносить дополнения, связанные с установлением особенностей правового регулирования порядка ограничения информационных прав граждан. Существенные изменения коснулись сразу нескольких специ-

[1] См., напр.: *Погорелова М.О.* Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях глобализации // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-rasprostraneniya-informatsii-v-seti-internet-v-usloviyah-globalizatsii (дата обращения: 12.03.2021).

[2] См., напр.: Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы дело № 1-65/2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2009. № 4, ст. 445; Российская газета. 2020. 4 июля.

[4] См., напр: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31, ст. 3448, ч. 1; 2021. № 1, ст. 17, ч. 1; Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 434 «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 48; 2020. № 31, ст. 5062, ч. 1; Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 30.12.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992. № 7, ст. 300; СЗ РФ. 2021. № 1, ст. 20, ч. 1 и др.

ализированных нормативно-правовых актов[1] и были обусловлены необходимостью адаптировать национальное законодательство под стремительно меняющиеся реалии информационного мира, в котором все большую роль начинала играть глобальная сеть, а названные законы изначально принимались в условиях нахождения России вне интернет-пространства и, соответственно, его специфика в них не учитывалась.

Наиболее значимой законодательной новеллой, прямо посвященной правовому регулированию института ограничения прав граждан на доступ к информации в сети Интернет, стало создание Единого реестра доменных имен и (или) универсальных указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации, который фактически оформил организационно-правовую основу для ограничения прав граждан к информационным ресурсам, содержащих информацию, распространение которой в соответствии с законодательством РФ запрещено. Основания и порядок ограничения доступа к соответствующим информационным ресурсам были определены в ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», куда позднее законодатель добавлял нормы, регулирующие основания и порядок ограничения доступа граждан к информационным ресурсам по отдельным основаниям (ст. 15.1-1-15.9 указанного ФЗ).

Данные процессы свидетельствуют об усилении внимания законодателя за правовым регулированием информационного пространства и стремлении максимально гибко и оперативно реагировать на меняющиеся условия и тенденции развития сети Интернет. Именно с этой целью институт ограничения информационных прав граждан в пределах сети Интернет был введен в информационное законодательство и на протяжении последних нескольких лет активно развивался.

Однако проблема заключается в том, что к настоящему моменту данный институт накопил в себе немало внутренних противоречий и несоответствий Конституции РФ, что позволяет говорить о нарушении конституционных прав граждан на доступ к информации, что особым образом актуализируется при реализации данных положений на практике. Рассмотрим некоторые из наиболее существенных проблем подробнее:

- избирательное применение норм, регулирующих порядок блокировки информационных ресурсов. Данная проблема закономерно вытекает из конструкции нормы, сформулированной законодателем в ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации», которая, во-первых, предполагает упрощенный (внесудебный) порядок блокировки ресурса, не требующий серьезных организационно-временных затрат, во-вторых, не содержит исчерпывающего перечня критериев, по которым информационные материалы, содержащиеся на сайте, следует относить к категории запрещенных. Все это открывает для правоприменителя поле для злоупотреблений, которые могут выражаться в блокировании информационных ресурсов, на которых содержится, например, оппозиционная пропаганда, неугодная действующей власти и т. п. Это прямо нарушает конституционное право гражданина на доступ к информации, поэтому в целях не допустить формирование устоявшейся практики такого рода следует пересмотреть специфику конструирования данной нормы;
- технические сложности, обусловленные спецификой функционирования сети Интернет, приводят к тому, что даже в тех случаях, когда блокируется информационный ресурс, действительно содержащий материалы, распространение которых запрещено законом, пользователь может быть случайно ограничен в доступе к абсолютно легальным материалам, находящимся на аналогичном IP-адресе (в случае если на нем помимо ресурса с запрещенной информацией находятся и другие, незапрещенные материалы). Это, однако, не противоречит первой проблеме, а скорее усугубляет ее. Весьма показательные результаты были получены организацией «Роскомсвобода»: около 96 % информационных ресурсов, подпадающих под блокировку, являются случайными жертвами отсутствия адекватной и эффективной стратегии отслеживания органами государственной власти действительно запрещенных сайтов, а также технических методов их прицельной, избирательной блокировки[2]. С другой стороны, злоумышленники, намеренно распространяющие противоправные информационные материалы в сети Интернет, имеют все возможности оперативно перемещать их на другие IP-адреса и фактически беспрепятственно продолжать свою деятельность до следующего случая их обнаружения и блокировки. Однако своевременно реагировать на все подобные случаи для Роскомнадзора технически не представляется возможным;
- наличие специальных средств и методов обхода ограничений, устанавливаемых Роскомнадзором (использование виртуальных частных сетей, специальных браузеров Sphere, TOR и т.п.). Большинство технических манипуляций, необходимых для обхода установленных ограничений и получения доступа к заблокированным информационным материалам, не слишком сложны в освоении и доступны среднестатистическому пользователю Интернета, даже несмотря на то, что с 2017 г. их использование запрещено. Отсюда следует, что ограничение доступа граждан к запрещенной информации на практике, к сожалению, не имеет планируемого эффекта и больше создает иллюзию борьбы с распространением в сети Интернет незаконных информационных материалов, нежели действительно борется с их распространением;
- неоднозначность понимания национальным законодателем правовой сущности «экстремизма», из-за чего правоприменителем не всегда учитывается контекст использования тех или иных информационных материалов,

[1] Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 14.10.2014) // Российская газета. 2012. 30 июля.

[2] См.: Официальный сайт общественной организации «Роскомсвобода». Распределение блокировок сайтов по ведомостям. URL: https://reestr.rublacklist.net/visual/ (дата обращения: 12.03.2021).

что влечет блокировку добросовестных ресурсов и, соответственно, незаконно ограничивает граждан в их конституционном праве на доступ к информации. На наш взгляд, эта проблема обусловлена отсутствием универсальной и объективной методологии, на основании которой должна проводиться экспертиза информационных материалов (судебно-лингвистическая экспертиза). Это связано с человеческим фактором, проявляющимся в том, что эксперты, в ходе проведения экспертиз такого рода, нередко пропускают анализируемые информационные материалы через призму собственного, субъективного восприятия, которое, в свою очередь, является результатом их сформированного мировоззрения, отношения к проблематике национализма как таковой, а в ряде случаев – прямой политической (идеологической) ангажированности. Многие отечественные правоведы неоднократно обращали на это внимание[1], в частности, поднимая аналогичную проблему, Ж.Н. Липатова приходит к закономерному выводу: «Создание универсального метода проведения экспертиз информационных материалов экстремистской направленности позволит избежать таких проблем и, в свою очередь, послужит ориентиром при формировании в обществе пределов допустимости в вопросах толерантности»[2]. Соглашаясь с автором, подчеркнем, что это действительно единственное адекватное решение данной проблемы;

- отсутствие международного сотрудничества в сфере противодействия информационному экстремизму и терроризму в сети Интернет. Это обусловлено общим состоянием недостаточной урегулированности данной проблемы на межгосударственном уровне. «Уже сейчас стала явной недостаточность законодательного регулирования сети Интернет не только в России, но на международном уровне, т.к. ни в одной из стран мира нет кодифицированного законодательства по Интернету» – пишет по этому поводу М.О. Погорелова[3]. Решение данной проблемы видится в унификации международного информационного права в целом, его адаптации к активно развивающемуся информационному пространству, учете специфики функционирования сети Интернет и особенностей ее правового регулирования на межгосударственном, наднациональном уровне.

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы. Конституционно-правовое регулирование права граждан на информацию в сети Интернет в РФ характеризуется с одной стороны – отсутствием адекватной унификации правовых основ в данной сфере и, как следствие, сильной разрозненностью нормативно-правовых актов, регулирующих эту категорию правоотношений, с другой – стремлением законодателя максимально оперативно адаптироваться к особенностям функционирования всемирной паутины и пытаться держать руку на пульсе, отслеживания новые методы и формы активности злоумышленников, распространяющих в ней запрещенные информационные материалы. Однако основная совокупность норм, регулирующих институт ограничения доступа граждан к информационным ресурсам в сети Интернет, сконструирована отечественным законодателем крайне неудачно и в практике правоприменения, к сожалению, создает проблем больше, чем решает. Складывается впечатление, что посредством активного развития института ограничения доступа к информации в сети Интернет государство стремится поставить данную сферу под свой контроль, используя для этого различные методы: лимитирование источников получения информации, запрет ее распространения и т.п. Как справедливо отмечает А.В. Червяковский: «Возникает коллизия между правом гражданина на доступ к информации и ограничениями, связанными с возможностью реализовать данное право. Безопасность государства нередко противопоставляются информационной открытости общества»[4].

Подобные коллизии проявляются, в частности, в том, что в результате контрэкстремистской и контртеррористической деятельности государственных органов по блокировке информационных ресурсов нередко совершенно неоправданно и необоснованно нарушается конституционное право граждан на доступ к получению и распространению информации. Ситуация все больше начинает напоминать информационно-правовые реалии Китая, где сфера регулирования доступа граждан к информации в сети Интернет поставлена под жесткий, тотальный государственный контроль. О.Н. Глазунов, характеризуя ее специфику, указывал на следующее: «Современный Китай придерживается жесткой правовой политики в сфере обеспечения информационной безопасности. При этом действующие нормативно-правовые акты в сфере развития сети Интернет умышленно неточны и расплывчаты, что дает китайскому руководству широкие возможности толковать их по своему усмотрению. Это связано с тем, что интересы государства и его безопасность стоят для властей КНР на первом месте»[5]. Как было показано в рамках настоящей статьи, нормы отечественного законодательства, определяющие основания и порядок блокировки информационных ресурсов, во многом схожи с реалиями китайского законодательства, что представляется не слишком благоприятной тенденцией. Поэтому видится необходимым внести в соответствующие нормы действующей редакции Федерального

[1] *Савинов Л.В., Дорожинская Е.А., Сигарев А.В.* Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-spornyh-informatsionnyh-ekstremistskih-materialov-metodologicheskie-i-pravovye-problemy (дата обращения: 19.03.2021).

[2] *Липатова Ж.Н.* Деятельность прокуратуры по пресечению распространения экстремистских материалов как путь к достижению гражданского согласия в обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-prokuratury-po-presecheniyu-rasprostraneniya-ekstremistskih-materialov-kak-put-k-dostizheniyu-grazhdanskogo-soglasiya-v (дата обращения: 19.03.2021).

[3] *Погорелова М.О.* Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях глобализации // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-rasprostraneniya-informatsii-v-seti-internet-v-usloviyah-globalizatsii (дата обращения: 12.03.2021).

[4] *Червяковский А.В.* Проблемы ограничения прав граждан на доступ к информации в сети «Интернет» // Юридическая техника. 2018. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ogranicheniya-prav-grazhdan-na-dostup-k-informatsii-v-seti-internet (дата обращения: 19.03.2021).

[5] *Глазунов О.Н., Авдеенко В.В.* Специфика правового регулирования сети Интернет в китайской народной Республике // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovogo-regulirovaniya-seti-internet-v-kitayskoy-narodnoy-respublike (дата обращения: 12.03.2021).

закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» изменения и определить не только четкие критерии анализа информационных материалов на предмет их соответствия (либо несоответствия) действующему законодательству, но и прояснить компетенцию органов исполнительной власти в части блокировки ресурсов в упрощенном, внесудебном порядке.

Алтынбаева А.Р.
студент 2 курса Института магистратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: Ю.В. Соболева, и.о. заведующего кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент, г. Саратов

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СУБЪЕКТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются сущность и понятие саморегулируемых организаций, дается анализ их видов. Делается вывод о необходимости трактовки подхода к институту саморегулируемых организаций как к публично-правовому.*

Ключевые слова: *саморегулируемые организации, контрольная функция, публично-правовой характер.*

Altynbaeva A.R.
2st year student of the Institute of Magistracy Studies, Saratov State Law Academy, Saratov
Supervisor: Yu.V. Soboleva, Acting Head of the Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law, Academy Doctor of Law, Associate Professor, Saratov

THE CONCEPT AND TYPES OF SELF-REGULATING ORGANIZATIONS AS SUBJECTS ENHANCED BY PUBLIC POWERS

Abstract. *The article examines the essence and concept of a self-regulatory organization, provides an analysis of their types. It is concluded that it is necessary to interpret the approach to the institution of self-regulatory organizations as a public-law one.*

Keywords: *self-regulatory organizations, control function, public law nature.*

В сложившихся современных социально-экономических условиях важным и основополагающим элементом стали системы саморегулирования, которые являются субъектами бизнеса и профессиональной деятельности. Вместе с тем, некоторые аспекты саморегулирования составляют и административно-правовой статус.

Саморегулирование положено в основу демократических реформ и преобразований, которые предполагается укреплять через ответственность субъектов за свои действия. В самом широком смысле саморегулирование понимается, как противоположность внешнему регулированию[1]. Однако саморегулирование это, прежде всего одна из концепций, которая отражает ключевую особенность системы регулирования и обеспечивает поддержку соблюдения правовых норм. В настоящее время существует два основных подхода к пониманию этого термина.

Первый подход заключается в трактовке саморегулирования как регулирования, которое не зависит от внешнего. Одним из примеров может служить модель рыночной экономики, в которой государство играет роль «внешнего регулятора». В этом варианте саморегулирование представлено во множестве отношений участников бизнес-процессов. Упорядочивание отношений хозяйственных субъектов основывается на договорных началах и индивидуальном регулировании. Другими словами, в рамках этого подхода саморегулирование противоречит социальному[2].

Второй подход трактовки концепции саморегулирования подразумевает способность поддерживать свойства системы и целостность регулируемого объекта. Саморегулирование в этом случае принимается как свойство права, а не как противопоставление ему. При таком подходе причина саморегулирования кроется в самой системе, а не во внешней среде из-за природы автономии.

В российском законодательстве содержание саморегулируемой деятельности трактуется в пункте 1 статьи 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в редакции от 3 июля 2016 г.)[3]. В данном законе регламентируется подготовка и учреждение стандартов и правил для этой деятельности, а также контроль их соблюдения субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что саморегулирование в силу своего правового характера является институтом, т.е. оно обеспечивает установление правил экономической деятельности в определенной сфере предпринимательства, а также создания определенных механизмов, направленных на соблюдение этих правил. Другими словами, саморегулирование осуществляется участниками рынка делегированием определенных полномочий путем создания специальных структур.

[1] *Жарова А.Г.* Понятие и особенности института саморегулирования в Российской Федерации // European science. 2017. № 10 (32). С. 48-52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-instituta-samoregulirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 26.02.2021).

[2] Там же.

[3] Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/12157433/#ixzz6bF12zPfg (дата обращения: 25.02.2021).

Так, А.Ф. Алгазина относительно влияния участника саморегулируемой организации отмечает следующее: «Участие в саморегулируемой организации оказывает существенное влияние на правовой статус субъекта саморегулируемой сферы, но, в свою очередь, субъект предпринимательской и профессиональной деятельности влияет на СРО, способен принимать значимые для самой организации (и системы в целом) решения»[1]. Следует отметить, что субъект саморегулируемой организации может принимать решения, важные для самой организации (и системы в целом). Это показывает, что существует взаимное влияние элементов саморегулирования друг на друга.

В соответствии с законодательной базой, регламентирующей деятельность саморегулируемых организаций, можно выделить два вида их участников[2]. Если саморегулируемая организация оказывает влияние на экономическую единицу (т.е. внешнее влияние), эта единица получает так называемый дополнительный правовой статус. При обратном (внутреннем) влиянии субъекта предпринимательской и профессиональной деятельности на саморегулируемые организации – так называемый управленческий (внутренний) правовой статус.

Степень и глубина императивности внешнего воздействия зависят от того, является ли для данной экономической единицы участие в саморегулируемой организации необходимым условием осуществления выбранного вида предпринимательской или профессиональной деятельности (акты арбитров, строителей, проектировщиков, аудиторы и др.), или же бизнес-структуры, как самостоятельное юридическое лицо, вступают в саморегулируемые организации по своей инициативе. И как утверждает А.Ф. Алгазина, в любом случае участие в саморегулируемых организациях влечет за собой дополнительные права, дополнительные обязанности и дополнительную ответственность[3].

Для участников саморегулируемой организации, которые осуществляют деловую и профессиональную деятельность, имеющую публичную значимость, членство в саморегулируемые организации становится обязательным условием выполнения заявленной деятельности по допуску к профессии[4]. Их дальнейшая экономическая и профессиональная деятельность связана с принадлежностью к некой саморегулируемой организации, которая контролируется их аппаратом, особыми положениями и локальными актами саморегулируемой организации, конкретно определяющими специфику их прикладного характера и непосредственного участия. Законодательные акты, определяющие саморегулирование, также предусматривают и определенные санкции за допущение нарушений стандартов и принципов функционирования. Может применяться одна из строгих мер – это исключение из саморегулируемой организации путем лишения членства, что за собой влечет для исключенного прекращение как предпринимательской, так и профессиональной деятельности в области саморегулирования. Для членов саморегулируемой организации с добровольным членством стимулы и ограничения для присоединения к этому типу организаций в основном связаны с усилением или ухудшением показателей корпоративной репутации, потерей выгод и преимуществ, вытекающих из структуры саморегулируемых организаций.

Исходя из вышеизложенного, по степени императивности средств воздействия системы саморегулирования на компании, занимающиеся предпринимательской и профессиональной деятельностью, можно различать участников обязательной саморегулируемой организации и участников добровольной саморегулируемой организации[5].

Специфика целей создания таких организаций подчеркивает важность участия их в любой саморегулируемой деятельности в системе саморегулирования. Участник саморегулируемой организации обладает правами и естественно обязанностями, ответственностью, что и позволяет ему быть частью общей системы саморегулирования в зависимости от направления дальнейшего развития.

Саморегулируемые организации можно охарактеризовать как юридические лица корпоративного управления. Согласно Федеральному закону № 315-ФЗ, саморегулируемая организация характеризуется, как некоммерческая организация. Организация, которая создается в строго определенных законодательством целях, основанная на членстве и объединяющая субъектов предпринимательской деятельности исходя из принадлежности их к единой отрасли производства товаров или услуг или рынка произведенных товаров.

Что же касается структуры состава саморегулируемых организаций, то в нее входят субъекты предпринимательства и профессиональной деятельности, которые помимо своей уставной деятельности осуществляют и саморегулируюмую. Помимо данных участников, деятельность организации осуществляют и сотрудники аппарата управления. Здесь следует отметить, что структура административного аппарата саморегулируемой организации и назначение участников того или иного учреждения является независимым основанием для классификации этой структуры и заслуживает отдельного изучения.

Федеральным законом[6] определено два вида участников (членов) саморегулируемых организаций.

---

[1] *Алгазина А.Ф.* Функции саморегулируемых организаций: содержание и проблемы реализации // Правоприменение. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-samoreguliruemyh-organizatsiy-soderzhanie-i-problemy-realizatsii (дата обращения: 26.02.2021).

[2] Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/12157433/#ixzz6bF12zPfg (дата обращения: 25.02.2021).

[3] *Алгазина А.Ф.* Функции саморегулируемых организаций: содержание и проблемы реализации // Правоприменение. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-samoreguliruemyh-organizatsiy-soderzhanie-i-problemy-realizatsii (дата обращения: 26.02.2021).

[4] *Маликова А.Х., Мовсесян В.Э.* Проблемы определения понятия «Саморегулируемая организация» в Российской юридической науке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3. Ч. 146-148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-ponyatiya-samoreguliruemaya-organizatsiya-v-rossiyskoy-yuridicheskoy-nauke (дата обращения: 26.02.2021).

[5] *Петров Д.А.* Функции саморегулируемой организации // Legal Concept. 2015. № 2. С. 80-87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-samoreguliruemoy-organizatsii (дата обращения: 26.02.2021).

[6] Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/12157433/#ixzz6bF12zPfg (дата обращения: 25.02.2021).

Это субъекты предпринимательской и профессиональной деятельности (так называемые бизнес-участники, профессиональные участники), отвечающие всем критериям для вступления в саморегулируемую организацию и являющиеся ее частью на основе членства.

Второй вид участников – это субъекты, не состоящие в трудовых отношениях с саморегулирующими организациями, т.е. такие члены к которым применим термин «независимые».

Законодательство о саморегулировании не указывает, кто является независимым членом саморегулируемой организации. Возможно, наиболее удачной трактовкой является определение того, что эксперты в конкретной отрасли саморегулирования могут являться независимыми членами. Подтверждением квалификации специалиста может быть как опыт работы в данной сфере, так и ученая степень. Более детально эта проблема может быть решена на уровне локальных актов саморегулируемой организации. Однако в законе должны быть указаны примерные критерии и пояснения.

Инициатива саморегулируемых организаций, а также характеристики целей создания делают систему внутреннего управления уникальной и выделяют их среди всех других юридических лиц. Помимо административного аппарата, общего для многих юридических лиц, включая общее собрание, коллегиальный орган управления и исполнительный орган (единоличный или коллегиальный), в структуру саморегулируемой организации должны входить так называемые специализированные органы:

- дисциплинарный комитет;
- надзорный комитет за саморегулируемой организацией[1].

Данные органы уполномочены вести наблюдение и контроль за деятельностью членов саморегулируемой организации, а также применять дисциплинарные взыскания в случае нарушений. Именно наличие специализированных органов формирует основания о восприятии саморегулируемой организации как о юридическом лице с публично– правовой природой. Таким образом, делегирование юридическому лицу государственно-властных полномочий, прав и обязанностей публичного характера позволяет рассматривать саморегулируемую организацию, как юридическое лицо с публично-правовой природой, которое строго контролируется государством и несет публичную ответственность.

[1] *Алгазина А.Ф.* Функции саморегулируемых организаций: содержание и проблемы реализации // Правоприменение. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-samoreguliruemyh-organizatsiy-soderzhanie-i-problemy-realizatsii (дата обращения: 26.02.2021).

Анненков В.С.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: Л.Г. Шапиро, д.ю.н., профессор Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА И РОЛИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. *В настоящее время организация расследования преступлений представляет собой криминалистическую теорию, которая ввиду ее научной самостоятельности, сложности и объемности занимает свое место в криминалистике как ее части и обладает своей практической и теоретической значимостью и ролью. Статья посвящена исследованию различных точек зрения по вопросу о месте организации расследования в науке криминалистике и поиску оптимального решения этого вопроса.*

Ключевые слова: *криминалистика, расследование, организация, планирование.*

Annenkov V.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: L.G. Shapiro, PhD, Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

DISCUSSION ISSUES OF DETERMINING THE PLACE AND ROLE OF THE ORGANIZATION OF CRIMES INVESTIGATION IN CRIMINALISTICS SCIENCE

Abstract. *Currently, organization of crimes investigation is a criminalistics theory, which, due to its scientific independence, complexity and volume, takes its place in criminalistics science as its part and has its own practical and theoretical significance and role. The article is devoted to the study of various points of view on the issue of the place of organization of the investigation in the science of criminalistics science and the search for an optimal solution to this issue.*

Keywords: *criminalistics, investigation, organization, planning.*

Вопросы организации расследования преступлений являются объектом внимания криминалистов, поскольку организация необходима для придания расследованию целеустремленности и упорядоченности, обуславливает его сроки, качество и результаты. В учебном пособии по криминалистической методике расследования отдель-

ных видов и групп преступлений под редакцией ученых В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова, А.В. Гусева, С.А. Данильяна сказано, что обязательными общими положениями методики расследования являются такие свойства, как целеустремленность, планомерность, оптимальное сочетание следственных, оперативно-разыскных и иных действий[1]. Обеспечение наличия всех этих условий возможно только при осуществлении должной организации.

Вопросы организации расследования были актуальны всегда, когда было необходимо раскрывать и расследовать преступления. По мере развития научно-технического прогресса, роста преступности, и как следствие «технизации» преступлений, состоящей в применении с преступными целями новейших достижений науки и техники, предпринимались и меры усовершенствования методики расследования преступлений. Высокая активность в деле разработки теоретических и практических вопросов организации расследования пришлась на 70-90-е гг. XX века. Тогда большой вклад был сделан Г.В. Арцишевским, Р.С. Белкиным, В.И. Громовым, Г.Г. Зуйковым, В.Е. Коноваловой, З.И. Кирсановым, И.М. Лузгиным, В.В. Степановым, В.И. Теребиловым, В.И. Шикановым, А.Г. Филипповым и другими отечественными криминалистами.

По словам В.Д. Зеленского, организация расследования – это процесс выявления, определения, конкретизации и создания структуры деятельности[2].

О практической значимости организации расследования А.Ф. Волынский пишет так: «Закономерность и принципы отдельного расследования с неизбежностью проецируются на всю систему органов борьбы с преступностью. Таким путем оказывается влияние организации на эффективность борьбы с преступностью в стране в целом»[3].

Насчет сущности организации расследования высказываются разные мнения в научном сообществе. В ходе осмысления проблем организации расследования преступлений сформировались различные подходы к исследованию сущности организации расследования как процесса, роли этого процесса для расследования. Распространенным является взгляд на процесс организации расследования как на образующее начало расследования и как на процесс, обеспечивающий создание условий для качественного и результативного расследования.

Некоторые авторы склоняются больше к одному или другому подходу. Выдающийся ученый-криминалист С.П. Митричев писал, что в процесс расследования кроме всего прочего входят «определение правильного направления и умелая организация расследования»[4]. Другой известный криминалист А.Н. Васильев писал, что планирование расследования представляет собой его организующее начало[5]. Советский правовед-криминалист С.А. Голунский определял планирование как творческую и организационную сторону сложной умственной работы следователя на протяжении всего периода расследования[6]. А.Ф. Волынский пишет, что образующее начало процесса организации расследования обусловлено сущностью расследования как вида общественной деятельности. В таком случае организация включает в себя выявление, создание структуры деятельности, ее качественное улучшение, управление этой деятельностью, заключается в обеспечении удержания этой структуры в заданном состоянии[7].

Напротив, Н.В. Агеев утверждает, что процесс организации расследования выполняет главным образом обеспечивающую функцию и в этом смысле определяет его как совокупность знаний, методик, предметов, средств и методов, которые обеспечивают наилучшие условия для оперативного и качественного расследования[8]. А.Ф. Лубин и С.А. Лубин также сводят организацию расследования к обеспечению самого процесса, распределению полномочий его участников[9]. А.А. Топорков смотрит на организацию расследования как на широкий обеспечивающий процесс, включающий в себя создание структуры следственного аппарата, материально-техническое и трудовое обеспечение работы субъектов расследования[10].

Мы склоняемся к распространенной точке зрения и полагаем, что процесс организации расследования имеет образующую роль или начало и обеспечивающую функцию. Образующее начало выражается в том, что расследование преступления невозможно без четко спланированных действий, понимания того, что нужно будет делать и как, наличия проработанной проверенной методики, что и дает организация. Обеспечивающая функция организации расследования проявляется на ее конкретных этапах, в целеполагании, планировании, создании теоретической модели структуры действий, что обеспечивает практическую реализацию расследования преступлений.

Попытаемся разобраться в вопросе, каковы место и роль организации расследования в науке криминалистике. Анализ истории развития криминалистической теории показывает, что вопрос о месте организации расследования в криминалистике практически во все времена был актуален, но в последнее десятилетие приобрел особый интерес, поскольку наука вышла на принципи-

---

[1] См.: *Зеленский В.Д., Меретуков Г.М., Гусев А.В., Данильян С.А.* Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: уч. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 7.

[2] См.: *Зеленский В.Д.* О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 737.

[3] См.: *Волынский А.Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений – междисциплинарная и межнаучная проблема // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сб. науч. ст. преподавателей и адъюнктов кафедр криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2015. С. 14.

[4] *Митричев С.П.* Теоретические основы советской криминалистики: (Введение в науку): уч. пособие. М.: [б.и.], 1965. С. 31.

[5] См.: *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: ЛексЭст, 2002. С. 4.

[6] См.: *Голунский С.А., Шавер Б.М.* Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юриздат, 1939. С. 63.

[7] См.: *Волынский А.Ф.* Организация расследования преступлений и криминалистика // Вестник криминалистики. 2014. № 4 (52). С. 29–37.

[8] См.: *Агеев Н.В.* К вопросу о понятии «организация расследования преступлений» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 75-81.

[9] См.: *Лубин А.Ф., Лубин С.А.* Криминалистика: учебно-методическое пособие. Казань: Бук, 2019.

[10] См.: *Топорков А.А.* Криминалистическая методика расследования преступлений: учебник. М.: Юстиция, 2018.

ально новый уровень, предъявляющий высокие требования к точности научных данных.

Вопросы организации расследования в криминалистике охватываются криминалистической теорией организации расследования, под которой понимается система теоретических положений о закономерностях структурирования и упорядочения расследования и базирующиеся на изучении этих закономерностей научно-практические рекомендации, направленные на оптимизацию расследования преступлений и судебного разбирательства уголовных дел[1]. Тем не менее это не самостоятельный раздел криминалистики. По поводу выделения организации расследования в отдельный раздел как раз ведутся активные споры, и ведутся они больше полувека.

С.С. Степичев еще в 60-х годах прошлого столетия высказывал идею о выделении организационно-методических основ расследования в самостоятельный раздел криминалистики[2]. Советский и белорусский ученый-криминалист А.В. Дулов в 1979 г. также предложил организацию расследования исследовать в своем разделе криминалистики «Организационные основы расследования». В этом разделе А.В. Дулов предлагал рассматривать проблемы общей организации расследования, планирования, взаимодействия, общие принципы построения тактической операции и другие вопросы[3].

Современные авторы также высказывают мнение о необходимости выведения организации расследования в самостоятельную часть (раздел) криминалистики[4]. В.Д. Зеленский обосновывает свою точку зрения тем, что во многих первых определениях криминалистики как науки важное место отводится организации. Организация и, прежде всего планирование, играют довольно заметную образующую роль для расследования в целом[5].

Известный советский ученый-криминалист Н.А. Селиванов напротив полагает, что вопросы организации расследования преступлений, следственные версии разных этапов расследования, вопросы взаимодействия с субъектами оперативно-розыскной деятельности должны изучаться в общетеоретической части криминалистики[6].

А.П. Николаев, А.М. Сажаев пишут, что, несомненно, организация расследования как частная криминалистическая теория занимает особое место в криминалистике. Такие элементы организации расследования как целеполагание и планирование, в большой мере обуславливают характеристики как криминалистической тактики, так и методики расследования преступлений, названные элементы находят свое проявление в этих разделах криминалистики. Однако, авторы пишут, что на то, что организационные процессы должны изучаться в общей теории криминалистики, указывает хотя бы тот факт, что уровней организации расследования несколько – тактический, методический, государственно-правовой, управленческий[7].

Про то, что организация расследования входит в часть общей теории криминалистики и проявляется и в методике, и в тактике также говорили Р.С. Белкин и В.И. Теребилов. В.И. Теребилов отмечал, что вопросы организации расследования преступлений дополняют и улучшают систему методических указаний по расследованию. Посредством организационной деятельности вырабатываются цели и задачи расследования, создается наилучший вариант сочетания следственных и иных действий[8]. Р.С. Белкин писал, что организация расследования играет роль средства корректировки типовой криминалистической методики, как условия ее эффективного использования. Но теория организации не входит в методику, а как часть общей теории криминалистики находит свое проявление и в методике, и в тактике[9].

Таким образом, в целом вопрос о самостоятельной (отдельной) роли организации расследования в криминалистике в последнее время является спорным. С нашей точки зрения, вопросы организации и планирования расследования должны входить в самостоятельное направление криминалистики, которое вполне может получить название «Организационные основы расследования». Такой раздел должен включать как общие вопросы организации расследования, так и вопросы, касающиеся других элементов организационного процесса. Мы придерживаемся этой точки зрения потому, что организация расследования выступает как образующее начало расследования. Развитие методов, средств и приемов организации как самостоятельного процесса всегда было и остается насущной потребностью теории и практики расследования преступлений. Организация расследования имеет свой предмет и объект. Предметом теории организации являются закономерности упорядочения расследования, объектом – деятельность по созданию структуры расследования и условий для его оптимального производства.

В частности, В.В. Агафонов придерживается данной позиции и предлагает следующую структуру самостоятельного раздела криминалистики «Организационные основы расследования», которую мы поддерживаем:

1. Понятие, содержание, структура, значение организации расследования.

---

[1] См.: *Можаева И.П.* Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: учебное пособие. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015. С. 116.

[2] См.: *Степичев С.С.* О системе советской криминалистике // Правоведение. 1968. № 4. С. 62.

[3] См.: *Дулов А.В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1979. С. 4.

[4] См., напр.: *Агеев Н.В.* Указ. соч. С. 75; *Зеленский В.Д.* О развитии учения об организации расследования преступлений // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. науч. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием), посвящ. 20-летию кафедры криминалистики / отв. ред. Г.М. Меретуков. 2019. С. 35; *Ямщиков А.И.* К вопросу о понятии и содержании организации раскрытия и расследования преступлений // Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел РФ в современной России. Тверь, 2018. С. 99.

[5] См.: *Зеленский В.Д.* О развитии учения об организации расследования преступлений // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. науч. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием), посвящ. 20-летию кафедры криминалистики / отв. ред. Г.М. Меретуков. 2019. С. 38.

[6] См.: *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. С. 73.

[7] См.: *Николаев А.П., Сажаев А.М.* Организация работы по раскрытию и расследованию преступлений в ходе производства по уголовным делам // Проблемы юриспруденции: сб. науч. ст. и тез. Новосибирск, 2018. С. 49.

[8] См.: *Теребилов В.И.* Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1959. С. 356.

[9] См.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 2. С. 110.

2. Целеопределение и планирование расследования.

3. Организация отдельного расследования, следственного действия и тактических операций.

4. Руководство расследованием. Взаимодействие и координация в расследовании.

5. Обеспечивающая роль организации.

6. Организация системы расследования[1].

Выделение организации расследования в самостоятельный раздел позволит упорядочить имеющиеся научные данные об организации расследования преступлений, структурных элементах этого раздела и их связи с тактикой и методикой расследования.

Антропов Д.П.

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель: И.Н. Плотникова, к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Аннотация. *В данной статье рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкивается уполномоченный по защите прав предпринимателей при осуществлении свой деятельности, а также предпринимаемые им меры, направленные на решение данных проблем. Аргументируется позиция, согласно которой полномочия деятельность уполномоченного должна носить более открытый и доступный характер.*

Ключевые слова: *уполномоченный, проблемы, административное давление, органы власти.*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Antropov D.P.

Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

Supervisor: I.N. Plotnikova, Docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ACTIVITIES OF THE COMMISSIONERS FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This article discusses the main problems faced by the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs (business-ombudsman) in the implementation of his activities, as well as the measures he takes to solve these problems. The position is argued according to which the powers of the ombudsman should be more open and accessible.*

Keywords: *ombudsman, problems, administrative pressure, authorities*

Защита бизнеса является ничем иным, как защитой основ демократических ценностей, поскольку именно предприниматели и представляют собой в основном тот средний класс, который формирует свободную развивающуюся экономику. ыСущественную роль в данном процессе играет относительно недавно созданный институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей (далее – Уполномоченный, бизнес-омбудсмен), должность которого учреждена не только на федеральном, но и (в соответствии с положениями Конституции РФ и профильного Закона[2]) на региональном уровне.

Работа федерального и региональных уполномоченных нацелена на формирование комфортной деловой среды, обеспечение прав предпринимателей и их защиту, честную конкуренцию, она позволяет выявить «болевые точки» и системные проблемы, стоящие перед предпринимательским сообществом.

В связи с чем, является актуальным рассмотрение некоторых проблем, которые выявляются региональными уполномоченными при осуществлении своих полномочий, а также меры, которые они принимают для защиты прав предпринимателей. Б.Ю. Титов в своем Докладе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ за 2019 г., адресованном Президенту РФ, обратил пристальное внимание на данные проблемы[3].

Среди общих вопросов, возникающих в сфере предпринимательской деятельности и обнаруженных в ходе планомерной работы региональных уполномоченных, имеются следующие.

В первую очередь следует отметить наличие бюрократических барьеров и оказание избыточного административного давления на бизнес. Данные барьеры проявляют себя в росте требований при регистрации объектов недвижимости, рассогласованности действий между Управлением Росреестра, МФЦ, наличие неоправданных «частных услуг» на коммерческой основе. Дополнительные бюрократические барьеры создаются недостатками ведения Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Избыточное административное давление выражается в репрессивной системе работы контрольно-надзорных органов, отсутствии межведомственного взаимодействия, отсутствие ограничений при проведении проверочных мероприятий, рейдов, осмотров, обследований и т.п.[4]

[1] См.: *Агафонов В.В.* Организация раскрытия и расследования преступлений как раздел криминалистики // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт. Сб. науч. ст. преподавателей и адъюнктов кафедр криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2015. С. 67.

[2] Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (в ред. от 28.11.2015) // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2305.

[3] См.: Доклад президенту РФ – 2019 // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/2.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

[4] См.: *Лиликова О.С., Дуйшеев И.М.* Взаимодействие уполномоченного по защите прав предпринимателей и прокуратуры // Теоре-

Региональными уполномоченными отмечается следующая негативная тенденция: при снижении числа плановых проверок (на 50 %) наблюдается неуклонный рост числа внеплановых проверок (на 30 %). Так, региональным уполномоченным по Амурской области было отмечено, что Россельхознадзор в рамках мониторинга проводит проверку продукции, а также сбор на анализ и лабораторные исследования в не определенных законодательством количествах. Более того, налагаются штрафы в размере от 50 тыс. до 100 тыс. руб. и более[1].

Контрольно-надзорные органы применяют п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ (непосредственное обнаружение) как легальную возможность административного давления на бизнес. Кроме того, при обнаружении реальных правонарушений имеет место несоответствие наложенного штрафа установленному правонарушению, нежелание должностных лиц снижать размер административного штрафа, либо заменять его на предупреждение. В этой связи следует отметить, что система контрольно-надзорной деятельности направлена в основном на наказание, а не на предупреждение (например, весовой контроль на дорогах нацелен не на профилактику нарушений, а на сборы огромных штрафов), в то время как значительные санкции могут серьезно подорвать предпринимательскую активность либо вовсе привести к ликвидации бизнеса.

Так, Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области было принято решение о снижении размера административного штрафа, назначенного Обществу с ограниченной ответственностью «Ломбарды ЮС-585» в размере 50000 руб. – до 15 000 руб. в связи с тем, что законодателем предусмотрена возможность назначения административного наказания в пределах минимального и максимального размеров санкции с учетом характера совершенного правонарушения, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность[2]. В этом случае, административным органом не было установлено отягчающих ответственность обстоятельств, в связи с чем, избыточный штраф мог повлечь за собой неоправданное ограничение прав общества.

К проблеме административного давления тесно примыкает избыточное давление со стороны организаций естественных монополий. Так, среди выявленных региональными уполномоченными проблем бизнеса можно отметить высокие тарифы на услуги ЖКХ, электроэнергии и газоснабжения. В отдельных субъектах отмечается многократное увеличение размера платы за сверхлимитное потребление питьевой воды для предприятий и организаций. При этом лимит водопотребления для предпринимателей устанавливается, исходя из технической возможности[3]. В этой связи актуализируется необходимость законодательных поправок в сфере поставки энергоресурсов субъектам предпринимательской деятельности.

Немалые проблемы бизнесу доставляет работа правоохранительных органов, которые в ходе проведения мероприятий по пресечению и раскрытию правонарушений нередко ограничивают, а иногда и открыто нарушают права предпринимателей. В частности, довольно часто имеют место нарушения при проведении оперативно-розыскных мероприятий, возбуждение уголовных дел при наличии гражданско-правовых отношений (т.е. перевод хозяйственных споров в уголовно-правовое русло), возбуждение уголовных дел в отношении неустановленного лица, когда преследуемым фактически становится конкретное юридическое лицо.

Уполномоченными отмечается отсутствие законодательной регламентации действий следователя в отношении задержанных лиц, изъятого в ходе следствия имущества в случае отмены постановления о возбуждении уголовного дела. Так, в Адыгее в 2019 г. региональный Уполномоченный добился в отношении ИП прекращения уголовного дела с правом реабилитации. На данный момент продолжается участие Уполномоченного в защите прав предпринимателей в качестве третьего лица в арбитражных судах и защитника в судах общей юрисдикции[4]. В Ставропольском крае региональному Уполномоченному удалось изменить практику автоматического избрания в отношении предпринимателей меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в отдельных случаях добиться поэтапного смягчения и даже отмены избранной меры пресечения[5]. Кроме того, в крае отмечается повышение эффективности участия Уполномоченного в судебных процессах, хотя все еще отмечается несовершенство правоприменительной практики, влияющей на улучшение правового положения осужденных предпринимателей (УДО, изменение вида исправительного учреждения, применение более мягкого вида наказания).

Еще одной проблемой является низкий уровень инвестиционной привлекательности отдельных регионов, в том числе из-за ограниченного доступа предпринимателей к земельно-имущественным ресурсам. К примеру, в ходе осуществления региональным уполномоченным по Алтайскому краю своих полномочий были выявлены противоречия в законодательстве по запрету и обязательному возведению ограждения участков лесного фонда для рекреационной деятельности, а также ограничение возможности санаторно-курортных и туристических предприятий предоставлять медицинские услуги и продавать алкогольную продукцию в связи с невозможностью регистрации недвижимых объектов, расположенных на арендуемых лесных участках. Пытаясь решить данную

тические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сб. ст. по матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 38-41.

[1] Количество плановых и внеплановых проверок с 2019 г. неуклонно растет// Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/kolichestvo-planovykh-i-vneplanovykh-proverok-s-2019-g-neuklonno-rastet/ (дата обращения: 28.03.2021).

[2] Решение по делу № А56-2103/2021 Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 31.03.2021. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.03.2021).

[3] См.: Доклад президенту РФ – 2019 // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/2.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

[4] Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Адыгея. URL:http://uppbizra.ru/ (дата обращения: 25.03.2021).

[5] См.: Доклад президенту РФ – 2019 // Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/2.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

проблему хотя бы частично, региональный Уполномоченный предложил включить в виды деятельности самозанятых граждан участников сельского туризма, проживающих в сельской местности, и установить для них посильный годовой налоговый взнос[1].

Также в рамках рассматриваемой проблемы можно отметить отсутствие для бизнеса льготной денежно-кредитной политики банков, а также малочисленность финансово-кредитных учреждений. Наблюдается затрудненный доступ предпринимателей к финансовым ресурсам коммерческих банков (долгосрочным, дешевым кредитным ресурсам) по причине высоких ставок по кредитам и отсутствия у заемщика залога и кредитной истории. Так, например, минимальная процентная ставка кредита «для бизнеса» в России на начало 2021 года составляет 15,5 % годовых[2].

В целом ряде регионов Северного Кавказа, а также в Еврейской автономной области, Камчатском крае, Магаданской и Мурманской областях, Чукотском и Ненецком автономных округах отсутствуют аккредитованные региональные банки для открытия эскроу-счетов (это усложняет процедуру открытия счета для застройщиков), а также не приняты нормативно-правовые акты, регулирующие защиту прав инвесторов и механизмы поддержки инвестиционной деятельности, что вызывает отсутствие заинтересованности в поддержке и развитии предпринимательской и инвестиционной деятельности у органов местного самоуправления.

Одной из серьезных проблем современного бизнеса является недостаточный уровень доверия предпринимателей к властным структурам. В этой связи при рассмотрении индивидуальных и коллективных жалоб Аппарат Уполномоченного должен стремиться уделить максимальное внимание обратившимся гражданам и организациям, чтобы предприниматель поверил, чт.е. люди, неравнодушные к его проблеме. Благодаря этому повышается информированность и активность бизнесменов, желание сотрудничать с органами власти. Большое значение для защиты прав предпринимателей имеет открытость и доступность деятельности региональных уполномоченных, поэтому многие субъекты РФ добиваются того, чтобы предприниматели имели возможность обратиться к Уполномоченному через любой МФЦ[3].

Так, в процессе конструктивного взаимодействия регионального бизнес-омбудсмена Республики Крым с органами власти был открыт МФЦ «Мой бизнес» и центр консультаций для бизнеса «Дом предпринимателя»[4].

Подводя итог, можно отметить, что ключевая задача института Уполномоченного состоит в минимизации разрыва во взаимоотношениях между предпринимателями, контрольно-надзорными ведомствами и органами власти. Важно создать поддерживающую среду для развития устойчивого и добросовестного бизнеса. Для этого властным структурам в Российской Федерации необходимо научиться работать по закону, а не по «заказу», чтобы не создавать препятствий бизнесу. Должны повсеместно и успешно внедряться такие форматы взаимодействия бизнеса и власти, как ежеквартальный «Единый день отчетности», регулярная работа советов по поддержке предпринимательства при главах муниципальных образований и сквозное продвижение ценности Уполномоченного для регионального бизнеса.

Главным приоритетом в решении поставленных перед региональными уполномоченными задач должна быть всемерная поддержка главы и администрации (правительства) соответствующего субъекта РФ, готовность органов власти к диалогу. Принимаемые в субъекте РФ законы и иные нормативно-правовые акты, затрагивающие инвестиционную и предпринимательскую деятельность, должны рассматриваются с обязательным участием регионального уполномоченного. Практикуемые совместные меры по защите прав субъектов предпринимательской деятельности способствуют снижению административного давления на бизнес, позволяют не допускать системных нарушений, обеспечивают свободу экономической деятельности.

[1] Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Алтайском Крае. URL: https://ombudsmanbiz22.ru/ (дата обращения: 25.03.2021).

[2] Онлайн-кредит для бизнеса на любые цели без залога // СБЕР Бизнес URL:https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/credits/trust (дата обращения: 25.03.2021).

[3] См.: *Никонов В.А.* Институт бизнес-омбудсмена в России: трудности и перспективы // Молодой ученый: вызовы и перспективы: сб. ст. по матер. XVI междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 118.

[4] Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Крым. URL: https://ombudsmanbiz.rk.gov.ru/ru/index (дата обращения: 25.03.2021).

Артемов Д.Д.
студент 2 курса Института магистратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: Ю.В. Соболева, д.ю.н., профессор, и.о. заведующего кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые основы экстремизма в молодежной среде, приводятся актуальные материалы правоприменительной практики, сделан вывод о классификации молодежного экстремизма по основанию его направленности.*

Ключевые слова: *молодежный экстремизм, классификация, уголовная ответственность, национальная безопасность.*

Artemov D.D.
Student 2 courses of Institute of a magistracy and postgraduate study the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: J.V. Soboleva, PhD, Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TO THE QUESTION ABOUT THE CLASSIFICATION OF YOUTH EXTREMISM

Abstract. *The article examines the legal foundations of extremism among young people, provides relevant materials of law enforcement practice, and concludes that youth extremism is classified on the basis of its orientation.*

Keywords: *youth extremism, classification, criminal responsibility, national security.*

Проблема распространения экстремизма в Российской Федерации является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности целостности государства. Если терроризм, бесспорно, отвергается обществом, то экстремизм – ключевой элемент разрушения основ конституционного строя, все еще воспринимается гражданами как вполне допустимый инструмент политического противостояния.

Анализ имеющихся материалов свидетельствует, что экстремизм становится самодостаточным социальным фактором, по целям и разрушительному потенциалу равным, а в определенных условиях и превосходящим террористическую угрозу национальной безопасности государства.

Проблема непосредственно молодежного экстремизма в России в последние несколько десятилетий приобретает особую остроту. Молодые люди чаще всего совершают преступления агрессивного характера, что является благодатной почвой для взращивания идей экстремизма. Формированию этого явления способствуют социально-возрастные, психологические и культурные особенности молодежи.

Правовые основы противодействия экстремистской деятельности – это правовое обеспечение в области борьбы с экстремистской деятельностью. Они закреплены, в первую очередь, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1].

Данный закон основан на Конституции Российской Федерации, предусматривающей равенство всех перед законом и судом, право на жизнь, право на свободу передвижения, свободу определения национальной принадлежности и пользование родным языком, свободу совести и вероисповедания, активное и пассивное избирательные права[2]. По сути, экстремистская деятельность направлена на нарушение большинства норм, предусмотренных гл. 1 и 2 Конституции РФ. Одним из инструментов противодействия молодежному экстремизму выступает уголовная ответственность. Работа правоохранительных органов по укреплению законности и правопорядка, а также соблюдению прав и свобод человека проводится повсеместно в форме общего и межведомственного взаимодействия, поскольку преступления экстремистской направленности как ничто иное подрывает основы национальной безопасности и правового демократического государства.

Уголовный кодекс РФ в ст. ст. 205.2, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организацию экстремистского сообщества, деятельности экстремистской организации[3]. Ряд иных норм уголовного закона также определяют ответственность за совершение отдельных форм экстремистской деятельности, в частности за ее финансирование (ст. 282.3 УК РФ).

Так, 23 декабря 2020 года Пресненский районный суд Москвы вынес приговор по делу Олега Платонова и Валерия Ерчака.

Ерчак был признан виновным по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти, совершенное в составе организованной группы) и приговорен к трем годам лишения свободы условно с таким же испытательным сроком. Платонов получил четыре года условно с испытательным сроком в три года по пп. «б», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти, совершенное в составе организованной группы с использованием служебного положения).

По словам Платонова, поводом для возбуждения дела стало то, что он издал антисемитскую книгу Ерчака «Слово и дело Ивана Грозного» (п. 1381 Федерального списка экстремистских материалов).

Олег Платонов – это известный в ультраправой среде писатель, автор запрещенных книг «Загадка сионских протоколов» и «Сионские протоколы в мировой политике» (пп. 1346 и 4413 Федерального списка экстремистских материалов). Платонов также является директором издательства «Институт русской цивилизации», председателем президиума карликовой организации «Всеславянский союз» и постоянным членом Изборского клуба. «Институт русской цивилизации» занимался продажей и переизданием различных националистических сочинений разной степени радикальности, в частности, произведений черносотенцев начала XX века, а «Всеславянский союз» называет своей целью объединение всех «славянских народов».

В свою очередь, Валерий Ерчак – автор нескольких антисемитских сочинений, часть из которых вышла в «Институте русской цивилизации» под научным руководством Платонова. Он также является сопредседателем Союза русского народа (СРН) и белорусского отделения Союза православных братств (СПБ). СПБ – это неполитическое православное объединение, а СРН – межрегиональная организация, выступающая за претворе-

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.07.2020).

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

ние в жизнь уваровской триады «православие, самодержавие, народность»[1].

Большой общественный резонанс также вызвало убийство первокурсника медицинского университета Тимура Гаврилова, произошедшее в Волгограде летом 2020 г. Выследив 17-летнего азербайджанца, волгоградец Виталий Васильев прижал его к дереву и нанес несколько смертельных ножевых ранений. После этого он сбежал с места преступления, затем уехал в Ростов-на-Дону, после чего планировал через Смоленск выехать в Белоруссию. В ходе допросов парень заявил, что убил юношу на почве национальной ненависти[2].

Из приведенных выше примеров видно, что молодежный экстремизм зачастую связан с религиозной и расовой нетерпимостью. К его основным причинам относится:

1) желание самоутверждения;

2) протест против общественных устоев;

3) социальное неравенство;

4) недостаточность жизненного опыта подростков и молодежи.

Таким образом, исходя из конкретных причин, молодежный экстремизм можно классифицировать по основанию его направленности:

1) молодежный экстремизм националистической направленности предполагает совершение участниками экстремистского движения актов причинения вреда здоровью из хулиганских побуждений, а также массовых беспорядков;

2) молодежный экстремизм религиозной направленности – это разжигание социальной, расовой и религиозной розни. При этом, речь идет как о деструктивных идеологиях мусульманства (к примеру, ваххабизм), так и адептах славянского толка (например, Всеславянский союз).

К сожалению, не всегда можно догадаться, что под видом центра исламской молодежи может скрываться деятельность по насаждению подросткам деструктивной идеологии для последующего ведения подрывной деятельности в духе радикального ислама.

Немаловажное значение имеет и функционирование групп «сатанистов», члены которой отличаются открытой тягой к садизму, насилию и зоофилии. Их представителями нередко проводятся мероприятия с ритуальным насилием и жертвоприношениями;

3) молодежный экстремизм политической направленности – это вербовка в свои ряды подростков и молодежи, которую осуществляют официально признанные в нашей стране экстремистские политические организации и движения (партия «Русское национальное единство», национал-большевистская партия, Авангард красной молодежи). Отличительной особенностью данных групп является критика действующей власти с активными призывами к ее насильственному свержению. Все указанные экстремистские сообщества являются социально опасными и своими действиями негативно влияют на психику несовершеннолетних.

[1] Информационно-аналитический центр Сова // https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2020/12/d43424/ (дата обращения: 17.03.2021).

[2] Портал «Газета.ru». URL: https://m-free.gazeta.ru/social/2020/06/25/13130491.shtml (дата обращения: 17.03.2021).

Арутюнян Э.А.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: Н.О. Овчинникова, к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПО УПК РФ

Аннотация. *В данной научной работе рассматриваются основные проблемы, связанные с проведением такого следственного действия как проверка показаний на месте. Предлагаются пути решения и предложения изменений в законодательство, позволившие бы устранить пробелы в правоприменении норм УПК РФ.*

Ключевые слова: *проверка показаний на месте, изъятие, фиксация, полномочия следователя.*

Arutyunyan E.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ovchinnikova N.O., PhD, Assistant professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CURRENT PROBLEMS OF VERIFICATION OF INDICATIONS ON THE SITE UNDER CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This scientific work examines the problems associated with conducting such an investigative action as checking testimony on the spot. The ways of solving and proposing changes in the legislation are proposed in order to eliminate gaps in the enforcement of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Keywords: *verification of testimony on the spot, seizure, fixation, powers of the investigator.*

Одним из распространенных в практическом применении следственных действий, предусмотренных действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), является проверка показаний на месте. Нормой, регулирующей основные правила производства данного следственного действия, является ст. 194 УПК РФ. Между тем, в данную статью изменения и дополнения не вносились ни разу со вступления в силу действующего УПК РФ. В данном случае, с одной стороны, можно утверждать о высокой степени разработанности данной нормы, с другой – об отсутствии заинтересованности законодателя в проблемах правоприменительной практики.

Начнем с того, что согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, для производства проверки показаний на месте вопрос об участии понятых решается следователем. В случае принятия решения об отсутствии участия понятых

в следственном действии, следователь обязан применить технические средства фиксации хода и результатов следственного действия. Но тем не менее, в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ имеется оговорка, что «если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись»[1]. Представляется, что данная формулировка не является корректной, поскольку не указывается, при каких основаниях применение технических средств фиксации является невозможным. Также законодатель не уточняет, какими свойствами должны обладать соответствующие технические средства, может ли это быть личное устройство работника правоохранительных органов, под контролем которого проводится следственное действие, и т.п. Также видится некорректной сама возможность не фиксировать с помощью технических средств ход и результаты проверки показаний на месте, поскольку точная фиксация посредством технических средств могла бы в какой-то степени упростить дальнейшее исследование доказательств по делу. Помимо прочего, фиксация хода и результатов проверки показаний на месте имеет большое значение для анализа противоречий в показаниях двух и более лиц относительно одного и того же события.

Для устранения неполноты правового регулирования производства и фиксации проверки показаний на месте, на наш взгляд, необходимо внести соответствующие законодательные изменения, а именно: 1) внести в ст. 194 УПК РФ дополнение, содержащее правило об обязательной фиксации хода и результатов проверки показаний на месте при помощи технических средств; 2) дополнить ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ предложением следующего содержания: «Технические средства должны обеспечивать аудио– и видеофиксацию процесса проведения следственного действия».

Также хотелось бы рассмотреть проблему принятия решения о проведении проверки показаний на месте. Согласно общим правилам производства следственных действий, предусмотренным ст. 164 УПК РФ, для производства проверки показаний на месте не требуется ни постановления следователя, ни судебного решения. Данная норма провоцирует несколько проблем, одной из которых является необходимость проверки показаний на месте совершения преступления в случае, например, кражи из жилого помещения, когда собственники помещения не согласны с проведением следственного действия. Так как право на неприкосновенность жилища охраняется ст. 25 Конституции Российской Федерации[2], следователю необходимо будет наличие судебного решения о даче разрешения на проведение проверки показаний на месте в жилом помещении. В связи с чем считаем необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 29 и ч. 2 ст. 164 УПК РФ, дополнив их требованием о необходимости получения судебного решения для производства проверки показаний на месте в жилом помещении при отсутствии согласия проживающих в нем лиц.

Нельзя не отметить проблему, связанную с изъятием предметов, имеющих значение для расследования дела, во время проверки показаний на месте. Законодатель устанавливает, что проверка показаний на месте заключается в воспроизведении допрошенным лицом на месте обстановки и обстоятельств исследуемого события, в указании на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, в демонстрации определенных действий (ч. 2 ст. 194 УПК РФ). Также законодатель устанавливает цель проверки показаний на месте – установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также показаний (ч. 1 ст. 194 УПК РФ). Тем не менее стоит заметить, что законодатель не указывает, что во время проведения данного следственного действия возможно изъятие предмета, имеющего значение для уголовного дела, на который указало опрашиваемое лицо. Приведем соответствующий пример. Так, при проведении проверки показаний на месте подозреваемый в совершении убийства указывает на предмет, с помощью которого он совершил преступление. Предположим, топор. Следователь, проводящий проверку показаний на месте, лишен полномочий для изъятия в ходе проведения данного следственного действия предмета, которым было совершено преступление, поскольку цель производства проверки показаний на месте, предусмотренная ч. 1 ст. 194 УПК РФ, заключается не в этом. Также ст. 194 УПК РФ не устанавливает возможность изъятия обнаруженных в ходе проверки показаний на месте предметов, имеющих значение для расследования уголовного дела.

На наш взгляд, для решения данной законодательной неопределенности в целях упрощения изъятия следователем необходимых для расследования дела предметов в ходе проверки показаний на месте, необходимо внести в ст. 194 УПК РФ соответствующие изменения, а именно дополнить ее ч. 5, содержащей следующую норму: «5. В случае обнаружения во время производства проверки показаний на месте документов, предметов, имеющих значение для расследования уголовного дела, данные документы и предметы подлежат изъятию в соответствии правилами, установленными главой 24 настоящего Кодекса, о чем следователь делает соответствующую отметку в протоколе следственного действия».

Часть 3 ст. 194 УПК РФ, закрепляющая невозможность проведения проверки показаний на месте с участием нескольких лиц, ни раз становилась предметом дискуссий. Более того, она становилась также предметом рассмотрения Конституционного суда РФ. Так, гражданин Р.Н. Аксенов подал жалобу в Конституционный суд РФ на несоответствие ч. 3 ст. 194 УПК РФ ч. 1 и 2 ст. 15, ч. 1 и 2 ст. 17, ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 50 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, что нарушает его право на защиту, а также умаляет личное достоинство[3]. В принятии жалобы к рассмотрению

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Российская газета. 2021. № 41.

[2] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 80-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аксенова Руслана Николаевича на нарушение его конституционных

Конституционным Судом РФ было отказано. Правовая позиция Конституционного суда по данному вопросу представляется верной, поскольку для целей устранения противоречий в показаниях двух ранее допрошенных лиц уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено иное самостоятельное следственное действие – очная ставка.

Так, подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что несмотря на то, что ст. 194 УПК РФ не подвергалась изменениям с момента вступления действующего УПК РФ в законную силу, необходимость ее законодательного совершенствования очевидна.

Астахова Е.А.
аспирант кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: Д.С. Хижняк, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Статья посвящена историческому развитию и становлению криминалистической классификации преступлений и ее методологическому значению в построении частных криминалистических методик расследования. Рассматриваются некоторые перспективы развития криминалистической классификации.*

Ключевые слова: *криминалистика, криминалистическая классификация, методика расследования, транснациональные преступления.*

Astakhova E.A.
Postgraduate student of the Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy,
Scientific adviser: D.S. Khizhnyak, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy

CRIMINALISTIC CLASSIFICATION OF CRIMES: HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The article is devoted to the historical development and formation of the forensic classification of crimes and its methodological significance in the construction of private forensic investigation methods. Some perspectives of the development of forensic classification are considered.*

Keywords: *forensics, forensic classification, methods of investigation, transnational crimes.*

Эффективное, целенаправленное расследование преступлений невозможно без логичной, научно обоснованной методики расследования, которая, в свою очередь разрабатывается на основе криминалистической классификации. Сама классификация служит средством установления корреляционных связей между элементами структуры и подсистемами. Однако, все чаще мы сталкиваемся с ситуацией, когда следователь полагается на свой опыт, интуицию и редкие методические рекомендации, основанные, главным образом на основе уголовно-правовой классификации преступлений.

Тем не менее, вопрос разработки криминалистической классификации преступлений не нов и относит нас к первым советским работам по криминалистике.

В период становления отечественной криминалистики основанием построения частных методик расследования выступала главным образом уголовно-правовая классификация (по родам и видам преступлений). Так, первые криминалистические методики разрабатывались с учетом объекта преступлений: 1) преступления против личности; 2) имущественные преступления; 3) преступления против общества.

Отсчет криминалистической классификации преступлений в ее современном понимании начался с 1925 года, когда И.Н. Якимов акцентировал внимание на том, что уголовно-правовые критерии классификации преступлений в методике расследования далеко не всегда отвечают требованиям ее развития и предложил в качестве криминалистического основания построения методик расследования рассматривать способ совершения преступления[1]. Позже появились классификации преступлений, основанные на дифференциации субъектов преступления (С.А. Голунский, Б.М. Шавер)[2].

В 1971 г. А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков предложили отказаться от использования уголовно-правовой классификации, отмечая, что «классификация преступлений в методике их расследования должна исходить не из уголовно-правовых характеристик, а из криминалистических по различным основаниям, имеющим значение для раскрытия преступлений, примененным орудиям и средствам, механизму формирования доказательств»[3]. В качестве критерия криминалистической классификации преступлений на тот момент ими были избраны признаки первоначальных следственных ситуаций.

Отказ от использования уголовно-правовой классификации поддержали многие известные ученые. И.Ф. Герасимов отмечал, что применение уголовно-правовых

прав частью третьей статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=87360741200474450988326708 96&cacheid=400EE3C3937952D955BEA3DAB7704500&mode=splus&base=ARB&n=417969&rnd=54C36B00FAD6AD1DDEEDF6DEFDDF1A09#10zs74kcau (дата обращения: 25.03.2021).

[1] *Якимов И.Н.* Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1925. С. 167.

[2] Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник. М., 1939.

[3] Криминалистика / под ред. А.Н. Васильева. М., 1971. С. 425.

критериев не дает возможности учесть все особенности преступных деяний, которые имеют значение для их выявления, расследования и раскрытия[1].

Без сомнений, такие позиции ведущих криминалистов послужили толчком к самостоятельному развитию криминалистической классификации преступлений. Однако, как справедливо отметил Р.С. Белкин, «без уголовно-правовой классификации совокупность частных криминалистических методик утратила бы признаки системы и проследить связи между методиками оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их группировки, потребовалась бы разработка для каждой методики в отдельности того, чт.е. общего у их вида или рода, нарушилась бы логическая последовательность адаптации по принципу от общего к отдельному, а от последнего – к особенному»[2]. По мнению В.К. Гавло, криминалистические классификации преступлений стоит рассматривать в связи с другими возможными основаниями (критериями) группировки криминальных событий, каковыми могут быть уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и криминалистические[3].

В специальной литературе также встречается мнение, что криминалистической классификации как таковой в «чистом» виде не существует. Сторонники этой позиции аргументируют свою точку зрения тем, что понятие «преступление» разработано уголовным законодательством, соответственно криминалистическую классификацию преступлений составляют не только криминалистические, но и другие признаки, характеризующие преступление с уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминологических аспектов[4]. В связи с чем, провести грань между уголовно-правовой, криминологической, уголовно-процессуальной и криминалистической классификациями преступлений достаточно сложно[5].

Однако это мнение не бесспорно. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения Н.Н. Давыдовой, которая утверждает, что «для каждой из этих классификаций существуют свои критерии, обусловленные природой данных наук»[6]. И это действительно так, поскольку данные науки исследуют, по сути, одно и тоже явление, но с разных позиций, соответственно классификации для каждой из этих наук будут иметь свою направленность. Так, уголовно-процессуальная классификация направлена на повышение уровня работы правоохранительных органов; уголовно-правовая классификация ставит задачей прежде всего правильное определение квалификации преступлений; в криминологической классификации особое внимание уделяется изучению причин преступности и разработке профилактических мер по борьбе с ней; криминалистическая же классификация способствует углубленному изучению преступлений в криминалистическом плане и направлена на разрешение криминалистических задач, в частности, способствует созданию новых и совершенствованию существующих методик расследования преступлений.

Научные дискуссии позволили определить основу криминалистической классификации преступлений, которую составили «определенные факты реальной действительности, представляющие собой следы преступления, указывающие на возможность совершения конкретного преступления»[7], т.е. был определен криминалистический признак преступления. Анализируя понятие криминалистического признака преступления, В.А. Образцов пришел к выводу, что оно «отражает сложные, не одномерные явления»[8].

Криминалистические основания классификации преступлений, по справедливому замечанию Н.П. Яблокова, должны быть значимыми и методически перспективными, а в качестве таких оснований он называет элементы криминалистической характеристики преступлений[9]. Однако существует и прямо противоположная точка зрения. А.Р. Белкин утверждал, что криминалистическая характеристика преступлений не может выступать в качестве основания криминалистической классификации преступлений ввиду своего разнообразия, ибо невозможно построить криминалистическую классификацию, которая бы учитывала одновременно все компоненты, образующие криминалистическую характеристику преступления[10]. Это мнение представляется ошибочным, поскольку, для построения криминалистической классификации преступлений нет необходимости использовать все существующие элементы криминалистической характеристики. В целях классификации используют лишь те элементы, которые представляют значимость для процесса расследования.

К началу 90-х гг. XX века сформировалось три основных позиции по пониманию содержания криминалистической классификации: 1) содержание криминалистической классификации преступлений заключается в систематизации всех преступлений по способу совершения преступления, примененным орудиям и средствам, механизму формирования доказательств; 2) криминалистическая классификация – это элемент криминалистической характеристики преступлений; 3) криминалистическая классификация – один из способов решения вопроса об оптимальном направлении расследования и базируется на основе криминальных ситуаций.

Анализируя подобные расхождения, В.Г Власенко отмечал, что они закономерны, т.к. «речь идет о разном

---

[1] *Герасимов И.Ф.* Вопросы криминалистической классификации в методике расследования преступлений // Демократия и право развитого социалистического общества: мат-лы Всесоюз. науч. конф. М., 1975. С. 339.

[2] *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. С. 197.

[3] *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 1988.

[4] См.: *Николайченко В.В.* Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования / под ред. В.И. Комиссарова. Саратов, 2005. С. 73-77.

[5] Там же. С. 67.

[6] *Давыдова Н.Н.* Криминалистические классификации преступлений и методик их расследования (теоретические проблемы): дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 40.

[7] *Густов Г.А., Танасевич В.Г.* Признаки хищений социалистической собственности // Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1971. С. 87.

[8] *Образцов В.А.* О понятии криминалистического признака преступления // Вопросы теории и методов следственной работы: сб. науч. тр. Иркутск, 1988. С. 36.

[9] *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования. М., 1985. С. 27-28.

[10] *Белкин А.Р.* Криминалистические классификации. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 23.

понимании того, что такое криминалистическая классификация, какова предметная сфера, обозначенная этой категорией»[1].

Рассматривая криминалистическую классификацию как самостоятельную систему группировки преступлений, необходимо определить ее специфические особенности. П.Б. Куцонис полагал, что термин «криминалистическая классификация» носит условный характер, поскольку, по его мнению, классификация в криминалистике ничем не отличается от классификаций объектов других наук[2]. Похожей точки зрения придерживались и другие видные ученые. Например, Р.С. Белкин и В.И. Виденин в своих работах высказывали мысли, согласно которым с формально-логической точки зрения в классификационном процессе отсутствуют какие-либо особенности, специфичные для этой процедуры, применяемой в криминалистике. Тем не менее, ряд других криминалистов считает иначе, что криминалистические классификации, будучи частнонаучными конструкциями, все же имеют свои особенности. Например, М.В. Стояновский исследуя классификационный подход в криминалистической науке, отмечал, что особенности криминалистических классификаций проявляются в: «специфических, уголовно-релевантных объектах исследования; в криминалистическом основании классификации, т.е. в том специфическом признаке, по которому классифицируется заданное множество; в специальных (теоретических и прикладных) целях использования классификационного подхода в криминалистике»[3].

Как показывает анализ научной литературы, в настоящее время нет единства толкования содержания криминалистической классификации. В качестве перспективного направления исследования криминалистической классификации преступлений можно выделить важную задачу, имеющую как теоретическое, так и практическое значение – создание криминалистической классификации транснациональных преступлений. Данная цель может быть достигнута путем исследования системы принципов криминалистической классификации преступлений и рассмотрения транснациональных преступлений в качестве самостоятельной подсистемы преступлений.

[1] *Власенко В.Г.* О криминалистических классификациях преступлений // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. Саратов, 1989. С. 67.

[2] *Куцонис П.Б.* Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 13.

[3] *Стояновский М.В.* Классификационный подход в криминалистической науке (на примере криминалистической тактики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 8.

Барнев И.С.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: Л.Г. Шапиро, д.ю.н., профессор Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются типичные способы совершения мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений, классификация которых на сегодняшний день еще не сформировалась в криминалистической науке. Положительное решение данной проблемы может повлиять на формирование положений частной методики их расследования. На основе анализа следственной практики автором установлены типичные способы совершения мошенничества, раскрыто их содержание.*

Ключевые слова: *мошенничество в сфере земельно-имущественных отношений, типичные способы совершения мошенничества, способы сокрытия мошенничества, методика расследования преступления.*

Barnev I.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: L.G. Shapiro, Doctor of Law Sciences, *Professor of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov*

THE TYPICAL WAYS OF FRAUD IN THE LAND AND PROPERTY RELATIONS

Abstract. *The article considers the typical ways of committing fraud in the land and property relations, the classification of which has not been formed in forensic science yet. A successful decision of this problem can affect the formation of the provisions of private methodology of their investigation. Based on the analysis of investigative practice, the author established the typical ways of committing fraud and revealed their essence.*

Keywords: *fraud in the land and property relations, typical ways of committing fraud, the ways to conceal fraud, method of investigation crime.*

Информация о способе совершения преступления представляет собой важный элемент его криминалистической характеристики, определяя основное направление реализации преступных действий, а также расследования преступления, в том числе, мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений. В целом полезно иметь на вооружении следователя такой прикладной метод расследования как «от способа совершения престу-

пления к его раскрытию». Категория раскрытия преступления в данном случае понимается в качестве конечного результата и установления подлежащих доказыванию обстоятельств по делу. В расследовании мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений, также как и других преступлений, несомненно, важно знать и понимать способы совершения преступных действий. Без этого невозможно будет своевременно установить все обстоятельства дела, выдвинуть и проверить версии, получить сведения о лице, совершившем мошенничество. Нельзя не согласиться с Н.П. Яблоковым, который верно отметил, что для умышленных преступлений «способ совершения преступного деяния является основным элементом криминалистической характеристики»[1]. На особое значение способа совершения преступления как элемента криминалистической характеристики указывал и Р.С. Белкин[2]. Справедливо пишет Н.П. Яблоков о понятии способа совершения преступления: «…это объективно и субъективно обусловленная система поведения субъекта, оставляющего вовне различного рода характерные следы до, в момент и после совершения преступления, позволяющая с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения лица, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления»[3]. Стоит упомянуть и о том, что вопросам о типичных способах мошенничества также посвящены работы В.К. Гавло, Г.Г. Зуйко, И.Ш. Жордания, А.Н. Колесниченко и других авторов, до настоящего времени не потерявшие своей актуальности. На сегодняшний день в криминалистической науке не сформировалось системы типичных способов совершения мошенничеств в сфере земельно-имущественных отношений, что может негативно повлиять на формирование положений частной методики их расследования. В связи с этим на основе материалов следственной практики раскроем характеристику типичных способов данных преступлений в различных ситуациях.

Мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Анализ статистических данных показывает, что только за 1 полугодие 2020 года зарегистрировано 4 129 уголовных дел о мошеннических действиях с недвижимостью и земельными участками[4]. В том числе отмечается низкий уровень раскрываемости данных преступлений, который не достигает и 30 %[5]. На наш взгляд, этот факт объясняется тем, что способы совершения мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений относятся к ряду сложных, имеющих особый интеллектуальный уровень. Способом хищения при мошенничестве являются обман или злоупотребление доверием. Используя указанные способы, виновный вводит в заблуждение лиц, в ведении которых находится имущество, и эти лица добровольно передают его преступнику, поскольку не осознают обмана или злоупотребления доверием. Особо сложные схемы совершения мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений создаются на уровне непосредственной реализации несколькими участниками преступления своих действий, что позволяет им достигнуть цели.

Преступная деятельность при совершении мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений проходит ряд стадий: подготовительная стадия, стадия непосредственного совершения преступления, стадия сокрытия следов преступления. На наш взгляд, способ совершения мошенничества, особенно в сфере земельно-имущественных отношений, включает три этапа: способ подготовки, способ непосредственного совершения мошенничества, способ сокрытия следов совершения преступления.

Например, группа лиц по предварительному сговору путем незаконной постановки на кадастровый учет, а также внесения ложных изменений сведений о характеристиках объектов недвижимости в АИС Государственный кадастр недвижимости совершали мошеннические действия с землями населенных пунктов. В частности, виновные использовали типичный способ подготовки к совершению мошеннических действий в сфере земельно-имущественных отношений – внесение изменений в сведения Государственного кадастра недвижимости о границах земельного участка на основании заявления об исправлении реестровой ошибки и подготовленных кадастровыми инженерами межевых планов с последующим внесением в Государственный кадастр недвижимости указанных в этих планах заведомо ложных сведений о местоположении земельных участков на территории населенных пунктов. Реестровая ошибка – это воспроизведенная в ЕГРН ошибка, содержащаяся в документах, направленных или представленных в орган регистрации прав иными лицами и (или) органами в порядке, установленном Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Таким образом, внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой план, который предоставляется в орган регистрации прав для внесения изменений, является способом совершения мошенничества, включая обман должностного лица государственного органа, который наделен полномочиями по внесению указанных сведений. Виновные лица находились в благоприятной ситуации, в результате которой после внесения сведений изменялась категория земельных участков на «земли населенных пунктов», что многократно увеличивало их стоимость. В результате таких мошеннических действий был нанесен ущерб на сумму 43, 6 млн рублей[6].

---

[1] *Яблоков Н.П.* Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980. С. 35.

[2] *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 223.

[3] См.: *Яблоков Н.П.* Криминалистика. М., 1995. С. 48.

[4] Преступность в сфере оборота жилья растет: необходима эффективная защита. URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/prestupnost-v-sfere-oborota-zhilya-rastet-neobhodima-effektivnaya-zashita (дата обращения: 15.03.2021).

[5] *Третьякова Е.И.* Реестровая (кадастровая) ошибка как способ совершения мошеннических действий с земельными участками // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1. С. 86.

[6] Чиновники Росреестра обвиняются в махинациях с землей [Электронный ресурс] URL: https://erzrf.ru/news/chinovniki-rosreyestra-obvinyayutsya-v-makhinatsiyakh-s-zemley (дата обращения: 15.03.2021).

Приведем другой пример. К способу подготовки совершения мошеннических действий в сфере земельно-имущественных отношений относятся действия по изготовлению поддельных документов, необходимых для регистрации сделок с землей и недвижимостью. Так, в 2018 г. гражданин Н. попытался с помощью изготовленных поддельных актов оформить себе земельные участки, т.е., на основании фиктивного государственного акта на право собственности на землю регистрировать право собственности на земельный участок в другой местности кадастровой стоимостью более 2 млн рублей. Регистрирующий орган засомневался в подлинности представленного документа и приостановил регистрацию, а затем и отказал в ней. Тогда гражданин Н. вступил в сговор с инженером кадастровой палаты Росреестра по Тюменской области. Далее семь земельных участков были поставлены на учет. Основанием для этого стали поддельные документы. Таким образом, в результате таких мошеннических действий был нанесен ущерб на сумму более, чем 16 млн рублей[1]. Стоит отметить, что кроме этого преступники совершают еще и другие действия по подготовке к совершению мошенничества с земельными участками и недвижимостью: действия по подбору земельного участка, который, по замыслу виновных, подлежит незаконному переходу; действия по изменению категорий земель с нарушением действующего законодательства; поиск возможных жертв, к которым права собственности будут переходить документально при регистрации незаконной сделки с недвижимостью. Но чаще всего виновные лица совершают подготовительные действия в виде изготовлении поддельных документов, которые возможно получают из земельного комитета муниципального образования.

Второй этап – непосредственное совершение преступления. Собственно криминальная ситуация данного этапа совершения мошеннических действий с недвижимостью состоит в том, что в системе сложившихся условий и обстоятельств реализовывается преступный замысел субъекта по регистрации объекта недвижимости. Например, одним из типичных способов непосредственного совершения мошенничества является регистрация несуществующей постройки на земельном участке. Так, при подготовке межевого плана на земельный участок, предоставленный в аренду гражданину А. с правом выкупа после завершения строительства и регистрации права на объект недвижимости, кадастровый инженер внес заведомо ложные сведения о созданном объекте недвижимости на указанном земельном участке, при этом подготовил также технический план на несуществующий объект недвижимости для его постановки на государственный кадастровый учет и регистрации права собственности в органе регистрации прав. После регистрации права собственности на объект недвижимости у гражданина А. возникло право выкупа этого земельного участка согласно условиям договора аренды по заниженной стоимости. В дальнейшем у гражданина А. появляется возможность распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, а именно: продать его уже по рыночной стоимости. В результате таких мошеннических действий был нанесен ущерб на сумму 4,4 млн рублей[2].

В научной литературе выделяют еще ряд способов совершения мошенничества с земельными участками: действия по нарушению порядка изменения категорий земель и выделение земельных участков заинтересованным лицам с нарушением существующих правил и ненадлежащим субъектам, предоставление кадастровых планов и свидетельств о государственной регистрации вещных прав на один и тот же земельный участок на имя разных лиц[3]. Так, С.М. Маисянц в своей диссертации приводит обобщенную классификацию способов совершения преступлений в сфере земельных правоотношений, но она охватывает не всю сферу земельно-имущественных отношений. Например, были отмечены способы, связанные с регистрацией фиктивных договоров, имитирующих совершение с землей сделок гражданско-правового характера, но не сказано о способах, связанных с воспроизведением реестровой ошибки в ЕГРН[4].

Третий этап преступной деятельности – сокрытие следов преступления. На данной стадии происходит оказание сильного противодействия следствию, которое является основной формой сокрытия при совершении мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений. Этап сокрытия преступления входит в способ преступления и является его составной частью. В целом, действия по сокрытию мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений состоят в уничтожении подлинной документации на определенный земельный участок, утрате должностными лицами дел кадастрового учета, межевых дел, кадастровых планов, карт-схем[5]. Рассмотрим яркий пример сокрытия информации об осуществлении мошеннических действий: виновные лица решили путем обмана приобрести право собственности на земельный участок в Ленинградской области, рядом с которым планировалось строительство торгового центра «Лента». Виновный заранее знал, что на похищаемом ими участке расположена единственная дорога, которая ведет к строящемуся зданию торгового центра. В марте 2017 года виновные лица путем подделки документов, а также введения в заблуждение сотрудников регистрирующих органов, оформили право собственности на подконтрольное им лицо на данный земельный участок, площадь которого составила 4 500 кв. м., кадастровой стоимостью почти 1,5 млн рублей. В этом же месяце похищенный земельный участок был продан организации, которая по заказу торгового центра «Лента» производила строительные работы. В результате указанных мошеннических действий земельный участок перешел

[1] Архив Калининского районного суда г. Тюмень. 2017.

[2] Сотрудницу управления Росреестра задержали по делу о мошенничестве в Смоленске. URL: https://tass.ru/proisshestviya/7231161 (дата обращения: 16.03.2021).

[3] *Крепышев А.М.* Способы совершения мошенничества в сфере недвижимости // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 125.

[4] *Маисянц С.М.* Особенности расследования преступлений в сфере земельных правоотношений: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 10.

[5] См.: *Данильян Э.С.* Способы совершения незаконного оборота земель как ключевой элемент криминалистической характеристики преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4. С. 68-70.

из законного владения администрации города, которой причинен ущерб в сумме почти 1,5 млн рублей. Данный пример из следственной практики наглядно иллюстрирует, что в сокрытии мошеннических действий в сфере земельно-имущественных отношений уделяется внимание такому действию, как продажа земельного участка или в некоторых случаях его двойная продажа[1]. Такие уловки используются в тех случаях, когда мошенники стараются в максимально короткие сроки сделать так, чтобы земельный участок выбыл из законного владения потерпевшего и был уже продан строительной или иной организации на законных основаниях. Не все ученые-криминалисты включают стадию сокрытия преступления в способ совершения преступления. В юридической литературе отмечается, что способ совершения и способ сокрытия рассматриваются как два самостоятельных элемента криминалистической характеристики преступлений. Например, существует точка зрения, что в методике расследования преступлений необходимо различать способы подготовки, совершения и сокрытия, т.к. указанные действия могут совершаться разными лицами, в разное время и могут иметь разное значение[2]. Тем не менее, зачастую весь комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления как единую систему поведенческих актов виновный доводит до конца с учетом поставленной цели и задуманного плана. В этой связи этап сокрытия преступления может входить в способ преступления и являться его составной частью.

Таким образом, информация о способах совершения преступления является отправной точкой для построения методики расследования[3]. В ходе изучения способа мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений можно отыскать полезную информацию для установления истины по конкретному уголовному делу о мошенничестве с земельным участком и недвижимостью на нем. Установление истины будет свидетельствовать о раскрытии такого преступления. На сегодняшний день в криминалистике нет подробного исследования, посвященного типичным способам совершения мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений, поэтому содержащаяся в данной статье информация будет полезна для создания методики их расследования. На основе анализа материалов следственной практики нами были установлены несколько наиболее типичных способов совершения мошенничества в сфере земельно-имущественных отношений и раскрыто их содержание. Следует учитывать, что незаконные схемы с земельными участками и недвижимостью постоянно усложняются, поэтому их перечень не является исчерпывающим. Приведенная характеристика способов совершения мошенничества может быть полезна для дальнейшего детального изучения сложных мошеннических схем и разработки их классификации, выявления подозреваемых, их преступных связей и получения иной криминалистически значимой информации, способствующей своевременному и качественному установлению всех обстоятельств уголовного дела.

[1] См.: *Крепышев А.М.* Способы совершения мошенничества в сфере недвижимости // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 124-129.

[2] См.: *Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. С. 18-19.

[3] Криминалистика: учебник / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М., 2006. С. 424.

Беляев Р.А.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: А.С. Покачалова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

О СТАНОВЛЕНИИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *За последние годы администрирование страховых взносов в Российской Федерации претерпело ряд изменений. В статье рассматривается процесс делегирования полномочий по администрированию страховых взносов налоговым органам РФ, урегулирование исчисления и взимания обязательных платежей в государственные социальные внебюджетные фонды РФ.*

Ключевые слова: *налоговые органы, Администрирование, Налоговый кодекс РФ, страховые взносы, внебюджетные фонды.*

Belyaev R.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: A.S. Pokachalova, PhD, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Nina Ivanovna Khimicheva Saratov State Law Academy, Saratov

ABOUT THE FORMATION OF ADMINISTRATION OF INSURANCE CONTRIBUTIONS BY THE TAX BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *In recent years, the administration of insurance premiums in the Russian Federation has undergone a number of changes. The article discusses the process of delegating authority to administer insurance premiums to the tax authorities of the Russian Federation, the regulation of the calculation and collection of mandatory payments to state social extra-budgetary funds of the Russian Federation.*

Keywords: *tax authorities, Administration, Tax Code of the Russian Federation, insurance premiums, off-budget funds.*

С 1 января 2002 года, в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) был введен единый социальный налог (далее – ЕСН), заменивший собой иные отчисления во внебюджетные фонды РФ. Анализируя экономическое состояние страны на тот момент, данное введение можно считать положительным, учитывая, что ЕСН упорядочил начисления, администрирование и сократил объем бюджетных средств, выделяемых на содержание аппарата управления.

В 2005 г. рост ВВП составил 126,8 %, а динамика взносов на социальные нужды имела отрицательное значение. Отрицательная динамика ВВП и небольшой рост поступлений в государственные внебюджетные социальные фонды в 2009 г. был связан общемировым экономическим кризисом, набравшим силу в 2008 г[1].

Исходя из сложившейся экономической обстановки в стране, законодатель принял решения о возврате администрирования страховых взносов государственным внебюджетным фондам. Данное решение преследовало цель повысить качество взимания страховых взносов и увеличить доходы внебюджетных фондов. Совместно с данным решением были увеличены проценты отчислений из фонда оплаты труда, отменив при этом возможность применения регрессивных ставок для уменьшения изъятий от фонда оплаты труда для работодателей, выплачивающих большие зарплаты.

Помимо прочего, экономическое положение ухудшалось снижением ставки налога на прибыль организаций 1 января 2009 года, что указывало на возможность компенсации только за счет увеличения объема поступлений денежных средств в фонд оплаты труда.

Увеличение различного вида социальных программ в 2008-2009 годах не могло не отразиться на бюджете страны. В свою очередь, одной из наиболее возможных причин отказа от ЕСН являлось желание государства уменьшить степень собственной ответственности за счет исключения влияния собственного бюджета и использования ресурсов действующих социальных фондов. Логичным исходом повышения объема изъятий от фонда оплаты труда было изменение системы выдачи работодателем заработной платы, а именно в «конверте». Учитывая специфику сборов того времени, данное введение было выгодно и работникам, которые не препятствовали данному виду выдачи заработной платы.

Вышеуказанные проблемы достаточно точно указывали на низкую эффективность поддержки населения государственными внебюджетными фондами, хотя с самого начала экономического кризиса именно на них была высокая ставка. Очевидно, что неспособность государства справляться с решением ряда социально-экономических задач стала основной причиной перехода от ЕСН на страховые взносы.

Так, 24 июля 2009 года, был принят Федеральный закон № 212-ФЗ «О страховых взносах в пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ). В своей сущности данный Федеральный закон заменял ЕСН на самостоятельные страховые взносы в государственные внебюджетные фонды. Соответственно и функции администрирования возлагались на соответствующие внебюджетные фонды. Новый порядок сбора привел к увеличению числа чиновников, учитывая, что фонды имели отделы по контролю, ревизии, получению отчетности и так далее. В связи с этим, заметно увеличилась нагрузка на бухгалтерские службы хозяйствующих субъектов.

Закон № 212-ФЗ, начиная с 1 января 2010 года, регулировал:

- правоотношения, возникающие по поводу исчисления и уплаты страховых взносов в ПФ РФ, Фонд социального страхования, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования;
- правоотношения, по поводу контроля уплаты и исчисления страховых взносов;
- актуальные вопросы, связанные с привлечением к ответственности вследствие нарушения законодательства о страховых взносах[2].

Указанные ранее фонды осуществляли контроль за полнотой исчисления и своевременностью начисления взносов в государственные внебюджетные фонды.

В свою очередь, плательщиками страховых взносов по аналогии ЕСН также оставались лица, которые производили выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, а именно:

- организации;
- индивидуальные предприниматели;
- физические лица, не оформившие статус индивидуального предпринимателя.

Анализируя Закон № 212-ФЗ можно отметить, что в нем практически не изменился перечень выплат, не подлежавших обложению страховыми взносами. Изменения коснулись лишь объема суммы материальной помощи, которая оказывалась работодателем (с 3000р. до 4000р. на одного работника за расчетный период).

В свою очередь, объектами обложения страховыми взносами признавались выплаты и иные вознаграждения, которые начисляются плательщикам по трудовым и гражданско-правовым договорам в пользу физических лиц. Предмет таких договоров – выполнение работ, оказание услуг, авторский заказ, отчуждение исключительного права на произведение науки, литературы и искусства.

Следует отметить, что особенность такого порядка являлось обложение страховыми взносами всех выплат и иных вознаграждений в пользу физических лиц, несмотря на то, происходит ли учет в составе расходов при исчислении налога на прибыль у организаций или НДФЛ у работодателей – индивидуальных предпринимателей.

С 1 января 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.07. 2016 года № 243-ФЗ «О внесении изменений

[1] *Карасева М.В.* Актуальные проблемы финансового и налогового права: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. С. 65.

[2] Федеральный закон № 212-ФЗ от 24.07.2009 «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» (утратил силу с 1 января 2017 года в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 250-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 30, ст. 3738.

в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» (далее – Закон № 243-ФЗ), в соответствии с которым введена в действие глава 34 «Страховые взносы» НК РФ. Данный ФЗ делегировал полномочия по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование налоговым органам. Параллельно этому утратил силу Закон № 212-ФЗ.

В своей сущности вопрос о передаче полномочий по администрированию страховых взносов налоговой службе не являлся новым и имел широкое обсуждение начиная с 2013 года. Так, Министерство финансов РФ придерживалось позиции, что внебюджетные фонды недостаточно эффективно справляются с функцией обеспечения поступления страховых взносов[1]. Однако, противоположной позиции придерживались лица, занимающиеся социальным сферой в Правительстве РФ. По их мнению, столь кардинальное перераспределение контрольных функций в пользу налогового ведомства приведет к деструктуризации всей системы страховых взносов.

Однако, несмотря на существующие разногласия, реальные экономические вопросы требовали скорейшего решения. Возрастающие задолженности по страховым платежам, нескончаемое количество проверок по минимальным доначислениям по взносам, упадок экономического сектора спровоцировали очередной пересмотр вопроса о передаче администрирования в пользу Федеральной налоговой службы России. В результате чего был принят указ президента от 15 января 2016 года № 13, в котором говорилось о необходимости изменения действующей системы администрирования страховых платежей и передачи функций налоговому органу[2].

Основным аргументом за принятие нововведений было высокое качество выполняемой работы налоговыми органами, что должно сократить административные расходы, оптимизировать систему страховых сборов и упростить отчетность.

Актуальное налоговое законодательство выводит страховые взносы в отдельный и обязательный платеж. Понятие страхового взноса закреплено ст. 8 НК РФ. Так под страховыми взносами понимаются обязательные платежи на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемые с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования.

Однако важно отметить, что положения НК РФ не применяются к правоотношениям, возникающим по поводу установления и взимания страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающей части населения.

Из нововведений в первой и второй части НК РФ можно отметить следующие:

1. Администрирование страховых взносов переходило в компетенцию налоговых органов в порядке, аналогичном администрированию налогов.

2. Введение главы 2.1 «Страховые взносы в Российской Федерации», устанавливающей страховые взносы в качестве Федеральных и обязательных к уплате на всей территории Российской Федерации.

3. Появление соответствующих норм, регулирующих порядок исчисления и уплаты налогов, распространенных на страховые взносы.

4. Устанавливались отдельные обязанности для плательщиков страховых взносов, к примеру, в соответствии с пунктом 3.4 статьи 23 НК РФ, плательщики страховых взносов обязуются в течение шести лет обеспечить сохранность документов, необходимых для исчисления и уплаты страховых взносов.

5. На плательщиков страховых взносов распространялись налоговые санкции. Так, НК РФ предусматривал ответственность по следующим статьям: ст. 119 НК РФ – ответственность за непредставление налоговой декларации; ст. 120 НК РФ – ответственность за грубое нарушение правил учета доходов и расходов; ст. 120 НК РФ – неуплата либо неполная уплата суммы налога; ст. 126 – непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля.

Определен тариф страхового взноса (величина страхового взноса на единицу измерения для исчисления страхового взноса)[3].

Таким образом, с 1 января 2017 администрирование страховых взносов отнесено к ведению налоговых органов в таком же порядке, как и администрирование налогов. Соответственно, правила, установленные НК РФ для всех обязательных платежей, также распространяются и на страховые взносы. К числу таких правил относится и обязательный досудебный порядок разрешения налогового спора. Учитывая практику применения такой процедуры, это способствует наиболее эффективному разрешению спора во взаимодействии с налоговым органом, не прибегая к затратам, связанным с судебным процессом.

Однако существует и ряд функций по поводу администрирования страховых взносов, оставшихся за пенсионным фондом Российской Федерации:

1. Администрирование страховых взносов на страховую пенсию, которые уплачивают граждане, добровольно вступившие в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию;

2. Администрирование добровольных страховых взносов на накопительную пенсию

[1] См.: Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2017. С. 547-548.

[2] Указ Президента РФ от 15.01.2016 № 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования» // СЗ РФ. 2016. № 3, ст. 474.

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (с изм. от 17.02.2021 № 6-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 3, ст. 3824.

Учитывая практику применения данного нововведения, следует отметить, что созданная универсальная система, регулирующая правила исчислений, уплаты и администрирования налогов, сборов и страховых взносов снизила нагрузку на налогоплательщиков и определила общую налоговую нагрузку на различные виды бизнеса.

Изначально законодателем предполагалось снижение административной нагрузки на хозяйствующие субъекты при помощи сокращения количества государственных органов, обладающих полномочиями проведения контрольных мероприятий, улучшения и оптимизации качества проводимых проверок и уменьшением и структуризацией отчетности, представляемой в налоговые органы. Помимо этого, законодатель предполагал наиболее эффективную реализацию мер государственного принуждения в области налогов и сборов. Также, предполагалось, что делегирования полномочий налоговым органам облегчит администрирования за счет возможности осуществления доначисления взноса в рамках проведения контрольных мероприятий.

Предполагалось, что пробелы перехода начнут появляться через определенный период времени, однако наиболее проблемным периодом оказался именно переходный. Достаточно много проблем по поводу администрирования возникало именно в это период и одной из наиболее распространенных являлась несовпадение данных налогового органа и данных страхователя.

Исходя из всего вышесказанного, очевидно, что передача полномочий по администрированию страховых взносов оказала положительное влияние на социально-экономическую сферу. Учитывая опыт достаточно быстрой адаптации к данному нововведению, новые условия администрирования страховых взносов качественно изменили положение дел в области налогов и сборов, что оказало немалое значение на благосостоянии не защищенных слоев населения.

Береговский М.С.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *в статье рассматриваются основные подходы к понятию и сущности упрощенного производства в арбитражном процессе. Также автор анализирует положительные и отрицательные аспекты практического применения института упрощенного производства.*

Ключевые слова: *упрощенное производство, арбитражный процесс, судопроизводство.*

Beregovskiy M.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Afanasiev S.F., PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CONCEPT AND ESSENCE OF SIMPLIFIED PROCEEDINGS IN AN ARBITRAL PROCEDURE

Abstract. *The article discusses the main approaches to the concept and essence of simplified proceedings in arbitration. The author also analyzes the positive and negative aspects of the practical application of the institute of simplified production.*

Keywords: *summary procedures, arbitration procedure, legal proceedings.*

Упрощенное производство – устоявшийся институт в российском арбитражном процессе, который облегчает процедуру рассмотрения судебного спора, способствует достижению цели процессуальной экономии времени и средств суда, а также лиц, участвующих в арбитражном судопроизводстве.

За почти двадцатилетнюю историю существования упрощенное производство неоднократно реформировалось и на сегодняшний день зарекомендовало себя как прогрессивный, жизнеспособный, своевременный, эффективно функционирующий и применяемый на практике инструмент рассмотрения несложных по правовому содержанию дел с незначительными по суммам требованиями.

Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Арбитражного суда РФ, за 2019 г. в упрощенном порядке рассмотрено 35,7 % арбитражных дел (670,7 тыс.), доли упрощенного порядка несколько различаются по категориям дел от общего числа рассмотренных дел по соответствующей категории: по экономическим спорам из гражданских правоотношений – 45,9 %

от числа рассмотренных дел соответствующей категории, из административных правоотношений и иных публичных правоотношений – 19,0 %, о привлечении к административной ответственности – 27,1 %, об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности – 45,3 %.

Структура дел, рассмотренных с использованием упрощенного порядка: 79,9 % – дела из гражданских правоотношений (из которых 96,2 % по заявлениям о взыскании денежных средств); 14,7 % – дела по экономическим спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений; 2,5 % – дела о привлечении к административной ответственности; 2,8 % – дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности.

Однако почти по каждому пятому делу (18,6 % или 153,3 тыс.), по которому было начато производство в упрощенном порядке, осуществлен переход от упрощенного порядка рассмотрения к рассмотрению по общим правилам[1].

Несмотря на практическую значимость данного института в юридической литературе отсутствует единообразный подход к вопросу о том, что следует понимать под «упрощенным производством» и стоит ли отличать это понятие от понятия «ускоренное производство».

Так, М.З. Шварц полагает, что упрощение порядка рассмотрения дел представляет собой освобождение от процессуальных обязанностей суда с одновременным возложением дополнительных процессуальных обязанностей и риска совершения или несовершения процессуальных действий на стороны в сравнении с объемом процессуальных обязанностей и бремени, установленных для участников гражданского судопроизводства[2].

Н.А. Громошина считает, что упрощение – это модель процедуры осуществления правосудия, которая при ее идеальном функционировании в сопоставлении с обычной (общей, ординарной), также идеально функционирующей моделью позволяет при меньшем объеме процессуальных действий с меньшими финансовыми затратами и скорее достичь целей судопроизводства[3].

А.П. Вершинин указывает на то, что упрощение судопроизводства не всегда связано с уменьшением количества процессуальных правил, а требует детальной, гибкой регламентации законодательства и строгого выполнения процессуальных формальностей[4].

З.А. Папулова под ускоренным производством понимает форму отправления правосудия по отдельным категориям гражданских дел, для вынесения решения по которым достаточным является наличие сокращенного состава юридических фактов и обязательных процессуальных действий[5].

Рассмотрев изложенные точки зрения, стоит согласиться с тем, что анализируемые понятия не являются синонимами. Рассмотрение дела в порядке ускоренного производства подразумевает максимальное сокращение сроков вынесения решения, без ненужных формальностей, личных явок в суд или излишних расходов. В свою очередь, упрощенное производство следует рассматривать как совокупность мер, направленных на то, чтобы все процессуальные действия носили простой характер[6].

Несмотря на подобные терминологические различия, все же ускоренное и упрощенное производство стоит рассматривать неразрывно, как единый правовой институт.

Подобный вывод следует из единых целей данных производств, а также из их общих признаков, среди которых следует выделить:

- упрощенные методы начала судебного разбирательства;
- упрощенные методы ведения заседания и формы вынесения постановления;
- проведение судебного разбирательства без заседаний, или проведение только одного заседания, или (в зависимости от обстоятельств) проведение предварительного подготовительного заседания;
- использование исключительно письменного судопроизводства;
- запрет или ограничение некоторых возражений и объяснений, запрет на использование определенных средств доказывания[7].

Необходимо отметь, что пандемия COVID-19 доказала эффективность и необходимость развития института упрощенного производства, поскольку в сложившейся ситуации дела упрощенного производства являлись одной из немногих категорий споров, рассматриваемых судами в обычном режиме[8].

Полагаем, что упрощенное производство имеет ряд неоспоримых преимуществ, одним из которых является сокращенный срок рассмотрения спора. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом в двухмесячный срок со дня поступления искового заявления в суд, который не может быть продлен, за исключением случаев участия в деле иностранных лиц, находящихся или проживающих за пределами Российской Федерации. По сравнению с общеустановленным шестимесячным сроком, который в случаях особой сложности дела и большого количества участников процесса может продлеваться, сокращенный срок представляется достаточно привлекательным для хозяйствующих субъектов, заинтересованных в скорейшем разрешении спора.

Сокращенные сроки являются одновременно главным плюсом и основным проблемным моментом упрощенного производства. Срок раскрытия доказательств – не менее 15 дней, срок представления пояснений, возражений, обоснования позиции – не менее 30 дней, срок рассмо-

---

[1] Официальный сайт Арбитражного суда РФ. URL: http://www.arbitr.ru/statisticheskie_dannie/ (дата обращения: 17.03.2021).

[2] См.: *Шварц М.З.* Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 17.

[3] См.: *Громошина Н.А.* Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. М., 2010. С. 199.

[4] См.: *Вершинин А.П.* Способы защиты гражданских прав в суде. СПб., 1997. С. 38.

[5] См.: *Папулова З.А.* Теоретические основы ускорения гражданского судопроизводства // Lex Russica. 2013. № 2. С. 168-180.

[6] См.: п. «В» и «С» рекомендации № R (81) 7 Комитета министров Совета Европы «О способах облегчения доступа к правосудию», принятой 14 мая 1981 г. на 68-м заседании представителей министров.

[7] См: *Сивак Н.В.* Упрощенное производство в арбитражном процессе. М.: Проспект, 2011. С. 45.

[8] См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821.

трения дела – 2 месяца, срок обжалования судебного постановления – 15 дней. Данные сроки, несомненно, имеют целью ускорить процесс судебного разбирательства, но в условиях повышенной нагрузки на канцелярии судов, территориальной удаленности арбитражных судов от участников процесса, имеющихся проблем в работе отделений почтовой связи очень часто возникают ситуации, когда сторона по делу получает необходимую информацию от суда слишком поздно, для того чтобы иметь объективную возможность надлежащим образом защитить свои права. Эффективное правосудие невозможно без соблюдения вышеуказанных упрощенных сроков, однако они сводятся на нет в случаях неинформирования сторон о ходе судебного производства. Несмотря на то что на практике, как правило, суд не рискует в таких случаях рассматривать дело в порядке упрощенного производства и выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, тем не менее представляется необходимым закрепить отсутствие доказательств надлежащего извещения сторон или одной из сторон о принятии искового заявления, заявления к рассмотрению в порядке упрощенного производства в части 5 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в качестве бесспорного основания для перехода в общий порядок судопроизводства.

Отличительной чертой упрощенного производства является рассмотрение дела без вызова сторон, без проведения судебных заседаний. С одной стороны, такой порядок лишает стороны и суд вербального общения, ограничивает свободу выбора участниками процесса процессуальных средств доказывания своей позиции по делу. Вместе с тем упрощенное производство перестало бы быть упрощенным в случае рассмотрения дела с проведением судебных заседаний, в ходе которых стороны вправе заявлять разнообразные ходатайства, тем самым выходя за рамки процессуальных действий, определенных главой 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Вызов сторон и проведение судебных заседаний изменили бы наполняемость процедуры рассмотрения спора процессуальными элементами и лишили бы ее быстроты и эффективности. Упрощенный порядок рассмотрения дела изначально предполагает бесспорность требований, суд, как и при рассмотрении дела в обычном порядке, обязан полно и всесторонне изучить доказательственную базу, стороны не лишены права предоставлять свои доказательства и дополнительные документы. К тому же часть 3 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса РФ предоставляет стороне, имеющей активную правовую процессуальную позицию, обратиться к суду с мотивированным ходатайством о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. При этом переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства по ходатайству стороны является правом, а не обязанностью суда, поэтому, во избежание негативных последствий, сторонам необходимо обеспечить максимально качественную подготовку письменных материалов и доказательств, а также их своевременное направление в суд. Пропуск стороной судебного спора установленных судом сроков на раскрытие доказательств и обоснование позиции является основанием для возврата судом доказательств и иных документов, что, по сути, может лишить сторону возможности эффективно защитить свои права.

Однозначным достоинством упрощенного производства можно назвать возможность ознакомления с материалами дела посредством удаленного доступа. Все документы по делу размещаются на сайте арбитражного суда с возможностью доступа к ним сторон посредством использования секретного кода, указанного в определении о принятии искового заявления, заявления к рассмотрению в порядке упрощенного производства. Такая возможность исключает необходимость посещения суда участниками процесса для ознакомления с делом, тем самым снижая финансовые затраты, существенно сокращает период времени, необходимый для ознакомления с материалами дела, разгружает аппарат суда и, как следствие, упрощает и ускоряет процесс.

Нельзя не отметить, что размер государственной пошлины, уплачиваемой подателем искового заявления, подлежащего рассмотрению в упрощенном порядке, аналогичен размеру госпошлины, уплачиваемой при подаче обычного искового заявления. Поскольку при рассмотрении судом дела в порядке упрощенного производства государство несет существенно меньше затрат на отправление правосудия, нежели при рассмотрении дела в обычном порядке, представляется логичным и справедливым установление в Налоговом кодексе РФ и меньших размеров государственной пошлины, например, по аналогии с заявлениями о выдаче судебного приказа – 50 % размера государственной пошлины, взимаемой при подаче искового заявления имущественного характера.

Согласно статье 229 Арбитражного процессуального кодекса РФ решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается судом немедленно после разбирательства дела, резолютивная часть решения размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не позднее следующего дня после дня ее принятия. Относительной проблемой для участника спора является отсутствие информации о конкретной дате рассмотрения судом искового заявления. Учитывая достаточно сокращенные сроки на подачу заявления о составлении мотивированного решения (5 дней со дня размещения резолютивной части решения на официальном сайте) и срока на обжалование судебного постановления (15 дней со дня принятия решения), участники спора вынуждены в период с даты истечения сроков, установленных судом для представления доказательств и иных документов, до даты истечения двухмесячного срока на рассмотрение дела ежедневно мониторить официальный сайт арбитражного суда для получения информации о вынесении судом решения по делу и размещении его на официальном сайте. Для соблюдения прав участников судебного разбирательства на своевременную подачу заявления о составлении мотивированного решения и срока на обжалование судебного постановления, а также для дисциплинирования суда представляется целесообразным дополнение статьи 228 Арбитражного процессуаль-

ного кодекса РФ обязанностью суда по указанию в определении суда о принятии искового заявления, заявления к производству конкретной даты рассмотрения судом заявленных требований.

Согласно части 3 статьи 229 Арбитражного процессуального кодекса РФ решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению. Для истца, в пользу которого состоялось решение и который заинтересован в скорейшем его исполнении, данное правило, несомненно, благо. Вместе с тем для ответчика, проигравшего спор и имеющего намерение оспаривать решение суда, немедленное исполнение судебного постановления заставляет задуматься о целесообразности дальнейших попыток доказать свою правоту. Видимо, именно цель снижения вероятности обжалования судебного акта с целью затягивания его исполнения недобросовестной стороной законодатель и преследовал. Однако немедленное исполнение решения суда до реализации сторонами права на его обжалование и вступления в законную силу предоставляет выигравшей спор стороне преимущество и противоречит принципу равноправия сторон, тем более что характер споров, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, на наш взгляд, не требует такой однозначной оперативности. Исходя из закрепленного в статье 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ принципа добросовестности сторон при пользовании процессуальными правами, для восстановления процессуального баланса части 3 статьи 229 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации требует оговорок или введения исключений в указанную норму.

На рассмотрение апелляционной жалобы на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, законодатель предоставил суду апелляционной инстанции 2 месяца. Такой срок, на наш взгляд, является необоснованно длинным и объясняется, скорее, желанием помочь загруженному до предела аппарату суда, нежели желанием повысить эффективность рассмотрения судебного спора. Учитывая самостоятельный обмен сторонами процессуальными документами, упрощенную процедуру рассмотрения жалобы, отсутствие у суда апелляционной инстанции права принимать и рассматривать новые доказательства, представляется целесообразным сократить срок рассмотрения апелляционной жалобы до 30 дней. Даже с учетом положений части 3 статьи 113 Арбитражного процессуального кодекса РФ это позволит существенно сократить существующий в настоящее время двухмесячный срок рассмотрения апелляционной жалобы, что будет соответствовать потребности ускорения судебного процесса.

Несмотря на отдельные трудности правового и организационного характера, жесткие сроки, пропуск которых влечет за собой определенные правовые последствия, цифровизацию процесса и, как следствие, необходимость осваивать электронные сервисы, упрощенное производство, несомненно, дисциплинирует хозяйствующих субъектов, участвующих в судебном процессе, способствует повышению их правовой культуры и грамотности, процессуальной ответственности и ответственности за свои действия как участников делового оборота.

Таким образом, считаем, что институт упрощенного производства в арбитражном процессуальном законодательстве необходимо развивать и совершенствовать, с учетом тщательной и детальной правовой регламентация его использования.

Бестужева Д.Н.
магистрант Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: А.Е. Михайлов, к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА» В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. *Суверенитет государства представляет собой сложную категорию, представления о которой в юридической науке складывались на протяжении многих лет. Тезисы посвящены раскрытию истории развития теоретических знаний о государственном суверенитете, который на данный момент является обязательным признаком любого государства.*

Ключевые слова: *суверенитет, государство, Жан Боден, признаки государства, автаркия.*

Bestuzheva D.N.
Master's degree student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: A.E. Mikhailov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT OF "STATE SOVEREIGNTY" IN THE THEORY OF STATE AND LAW

Abstract. *The sovereignty of the state is a complex category, the concept of which has been evolving in science over the years. The theses are devoted to the disclosure of the history of the development of theoretical knowledge about state sovereignty, which at the moment is a mandatory feature of any state.*

Keywords: *sovereignty, state, Jean Boden, signs of state, autarchy.*

Основоположником теоретических знаний о «суверенитете» является Жан Боден, который стремился к такому государственному устройству, при котором стало

бы возможно преодоление феодальной раздробленности и объединение враждующих феодалов под единой сильной властью государя[1]. Суверенитет и государство являются неотделимыми друг от друга категориями. Происхождение и сущность государства интересовала умы философов Древней Греции, поэтому рассуждения о суверенитете в некотором смысле также имели место быть. Однако, вместо термина, который ввел Ж. Боден в XVI в., использовался термин «автаркия».

Так, Платон под автаркией признавал способность государства удовлетворять свои потребности за счет собственных ресурсов, при котором оно не испытывает нужды в чем-либо извне. В свою очередь, Аристотель рассматривал государство как наивысшую ступень человеческого общенья, для которой также характерна автаркия, т.е. самодостаточность. При этом люди, как социальные существа, имеют потребность в совместном жительстве, при котором происходит взаимный обмен, позволяющий жить наилучшим образом. Из всего этого следует, что целью объединения людей в государство является автаркия, прообраз суверенитета. Таким образом, что Аристотель, что Платон говорили об автаркии как о самодостаточности, однако второй рассматривал ее в контексте отношений государства и внешнего мира[2].

В XIII в. Фома Аквинский в своем учении разделяет точку зрения Аристотеля, говоря о том, что человеку присуща потребность в совместном жительстве. Однако, в отличие от древнегреческого философа, он настаивает на том, что возникновение государства является Божьей волей, из чего следует, обязанность людей подчиняться государю[3]. Фома Аквинский признает власть государя как единственно возможную, которой должны быть подчинены простые люди, однако, в то же время, та самая власть должна быть подчинена церкви, поэтому о суверенитете, в данном случае речи не может быть.

Следующим мыслителем, который приблизился к категории «суверенитет», был Макиавелли, который в своем труде «Государь» буквально отождествил верховную абсолютную власть суверена и государственный суверенитет. Он был убежден в том, что государство представляет собой именно государь[4]. То есть возможность существования государства представляется только при сильном суверене, который способен объединить своих поданных и защитить их от внешних угроз. При этом нормальное функционирование государства возможно только при беспрекословном подчинении последних государю[5].

В связи с вышесказанным стоит прояснить соотношение между понятиями «суверенитет» и «суверенность». Первое может быть отнесено только к чему-то коллективному, второе как качество присуще чему-то индивидуальному. Так, государя можно считать суверенным, однако как утверждает И.А. Исаев[6] суверенность не связана с автономностью его решений. Как показывает история, правители в основном принимали решения, основываясь на потребностях общества, которым управляют. Можно ли в данном случае говорить об автономности решений? Ведь, так или иначе, государь был связан общественной необходимостью, при принятии государственных решений. Тогда, суверенность можно связать с независимостью в принятии решений от внешних факторов, таких как влияние церкви, давление аристократии и другое. Таким образом, суверенность государя и суверенитет государства нельзя отождествлять.

В условиях борьбы католической и протестантской церквей, в условиях феодальной раздробленности XVI в. было дано начало теоретическим знаниям о суверенитете Ж. Боденом, который опирался на опыт предыдущих мыслителей[7]. Так, государство имело такие признаки, как:

1. Суверенная власть, которая позволяла государству действовать самостоятельно как во внутренней, так и во внешней политике.
2. Справедливое управление совокупностью семей (народом) и их имуществом.
3. Достаточная для проживания народа территория, имеющая плодородные земли.
4. Мягкий климат и чистая вода.
5. Достаточность скота и продовольствия для народа.
6. Достаточность материалов для постройки сооружений[8].

Образование государства по теории Ж. Бодена происходило тремя путями. Во-первых, государство могло образоваться из семьи. Семью, он считал первичной ячейкой государства, которая повторяла ту же модель. Другими словами, в семье, как и в государстве, существует глава, который единолично принимает решения, поэтому суверенная власть монарха как главы государства является естественной. Таким образом, в основу образования государства легла семья, которая начала создавать брачные союзы с другими семьями, что привело к появлению деревень, городов и даже целых народов.

Во-вторых, государство могло образоваться путем объединения людей, которые не состоят в семейных отношениях, и добровольной передачи ими власти тому лицу, которое будет вправе распоряжаться всем: имуществом, людьми и государством в целом. В свою очередь, это лицо будет вправе также передать эту власть любому, как собственник передает свое имущество. Эту теорию образования государства называют договорной.

В-третьих, государство могло образоваться путем принуждения сильного слабых. Так, лицо, обладающее силой, забирает власть у людей, вследствие чего последние

---

[1] См.: *Полуда Н.О.* Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2. (115). С. 23.

[2] См.: *Самарин А.А.* Суверенитет государства и экстерриториальное действие права // Юрист-правовед. 2015. № 3 (70). С. 19.

[3] См.: *Манташов Г.Р.* Государство, право и религия в работах Фомы Аквинского // Вестник Курганского государственного университета. 2017. № 1. С. 89.

[4] См.: *Клименко О.А., Мирзоев А.К.* Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 24.

[5] См.: *Семагина О.С.* Никколо Макиавелли о природе государства // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 124.

[6] См.: *Исаев И.А.* Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти // Философия права. 2016. № 5 (114). С. 12.

[7] См.: *Баязитова Г.И.* Теория суверенитета Жана Бодена и рождение Республики Соединенных провинций // Proslogion: проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2016. № 2. С. 88.

[8] См.: *Полуда Н.О.* Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена. С. 23.

должны подчиняться ему. Эта теория образования государства называется теория насилия[1].

Государственная власть по теории Ж. Бодена является публичной, т.е. распространяется на все общество[2]. Это и отличает ее от власти в семье или власти церкви, которые имеют локальное действие. Государственная власть является постоянной, т.е. она не заканчивается со смертью монарха. Она является абсолютной и неограниченной, ничего, кроме естественных и Божественных законов не может стоять выше, даже человеческие законы, т.к. последние даются ею самой, равно как и изменяются, и отменяются[3].

Государственная власть едина и неделима и не может быть дана монарху на каких-либо условиях, в противном случае она не может считаться абсолютной. Монарх в данном случае являлся лишь представителем государства, и только на основе этого наделялся соответствующими полномочиями[4].

Носитель суверенной власти наделялся следующими полномочиями:

1. Исключительное право на создание, изменение и отмену законов.
2. Решение вопросов мира и войны.
3. Являлся высшей судебной инстанцией с правом помилования.
4. Право взимать налоги и иные платежи.
5. Назначать лиц на государственную службу.

Одной из важнейших идей являлась идея о светском характере государственной власти, другими словами, она не могла быть подчинена церкви. Суверенитет государства именно это и предполагает, т.е. независимость и верховенство внутри государства, теперь ни одна другая власть не могла стоять выше или наравне с государственной властью.

В 1651 г. Томас Гоббс издает свой труд «Левиафан», в котором была обоснована идея абсолютного суверенитета, т.е. неограниченного ничем. Повторяя за Макиавелли, Гоббс настаивает на поглощении суверенитета государства суверенитетом монарха, при котором государственная власть является его собственностью[5]. Это положение вытекает из того, каким образом было образовано государство. Гоббс говорит о том, что государства образуются двумя способами: путем договора и путем завоевания. В первом случае, народ, являясь источником суверенитета, добровольно передает его монарху, вследствие чего власть монарха является абсолютной[6]. При этом следует указать, что причиной объединения людей и передачи суверенитета является страх перед друг другом[7]. Это положение значительно отличается от теории Аристотеля, который настаивал не на страхе людей, а на наиболее эффективном устройстве как причине возникновения государства.

Во втором случае суверен силой забирает у народа суверенитет, вследствие чего он становится носителем суверенитета, а его власть – абсолютной и неограниченной. Другими словами, здесь государство и монарх отождествляются, поэтому суверенитет одного будет совпадать с суверенитетом другого. Также Гоббс наделал суверенитет таким признаком, как неделимость.

Гуго Гроций в XVII в. привносит новое в теоретические знания о суверенитете. Он выделяет субъект суверенитета в двух смыслах: в общем, и в особенном. В общем смысле субъектом суверенитета является государство, в особенном лицо или группа лиц, которые осуществляют государственную власть. Таким образом, впервые суверенитет закреплялся не за сувереном или народом, а за государством, как политико-правовым образованием, вне зависимости от правителя. Также, являясь основоположником международного права, Гроций был убежден в том, что одно государство может посягать на суверенитет другого, только если последний это делает в отношении третьего[8]. В современном международном праве это называют правом на коллективную самооборону.

Идея народного суверенитета, изложенная Гоббсом, нашла отражение в работах Джона Локка, который, в отличие от первого, признавал за народом не только право на создание государства, но и изменения формы правления без согласия на то кого-либо[9]. Государство, по Локку, может быть создано только путем договора, при котором народ отдает часть своего суверенитета, другими словами, власть лица, которому отдается суверенитет, не может быть абсолютной, ничем неограниченной. Так, если правитель не соблюдает естественные права человека, то есть те, которые даны ему от рождения и никаким образом не зависят от воли государства или кого-либо еще, то народ вправе реализовать свой суверенитет путем свержения тирана[10].

Идея народного суверенитета была доведена до одной из возможных крайностей Ж.-Ж. Руссо, который признавал за суверенитетом неотчуждаемый и неделимый характер, что было обусловлено тем, что суверенитет является выражением воли народа. Суверенитет не может быть отчужден или поделен, ведь этого нельзя сделать с волей[11]. Государство призвано выражать и реализовывать эту волю, интересы народа.

Значительный вклад в разработку теории о суверенитете внес Гегель. Он рассматривал государство как единое целое, которое не является конструкцией, находящейся

---

[1] См.: *Никитина В.С., Чудаева Е.А.* Теория суверенитета Жана Бодена // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. № 1 (22). С. 130.

[2] См.: *Хабиров Р.Ф.* Становление представлений о государственном суверенитете в западноевропейской политико-правовой мысли // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 159.

[3] См.: *Клименко О.А., Мирзоев А.К.* Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля. С. 24.

[4] См.: *Полуда Н.О.* Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена. С. 25.

[5] См.: *Шадрина Е.Н.* «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С. 16.

[6] См.: *Нечаев П.Ю.* Принцип народного суверенитета: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2(36). С. 41.

[7] См.: *Хабиров Р.Ф.* Становление представлений о государственном суверенитете в западноевропейской политико-правовой мысли // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 159.

[8] См.: *Хабиров Р.Ф.* Указ. соч. С. 160.

[9] *Нечаев П.Ю.* Указ. соч. С. 41.

[10] См.: *Максименко Ю.А.* Учение Джона Локка о государстве и праве как классическое выражение революционной идеологии // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 7 (37). С. 82.

[11] См.: *Гройсберг А.И.* Развитие теории суверенитета Ж.-Ж. Руссо в годы французской буржуазной революции // Вестник Пермского университета. 2015. Выпуск 1 (27). С. 8.

над народом. Он был убежден в том, что государство является содержанием гражданского общества, и характеризуется взаимосвязанностью своих частей, а также целостностью и способностью воспроизводить самого себя. Суверенитет, он определял, как подчиненность всех его элементов и функций только государственной власти, при этом он настаивал на том, что суверенитет должен быть подчинен праву. Монарх должен быть ограничен в действиях правом и представительными органами. Все вышесказанное определяет «внутренний суверенитет».

Однако Гегель выделял также и «внешний суверенитет» государства. Рассуждая о нем, он делал аналогию с человеком. Люди относятся друг к другу как к равным субъектам права, не потому что наделены какими-то особенными качествами, которые присущи только им, а просто потому, что являются людьми. Это и определяет формальную природу права. Таким же образом должен восприниматься суверенитет государства другими государствами или индивидами, не являющимися его частью. Суверенитет государства должен стать безотносительной константой, только так оно может находиться в формальных отношениях с другими государствами и индивидами[1].

Таким образом, развитие теоретических знаний о суверенитете имеет долгую историю. Однако на данный момент суверенитет можно определить однозначно как обязательный признак любого государства. В противовес этому, можно поставить признаки, описанные в ст. 1 Конвенции о правах и обязанностях государств[2] (Россия не участвует в этой Конвенции, т.к. она носит региональный характер и доступна для подписания только государствами Америки), по которым определяется государство. Так, к этим признакам относится: территория, население, правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами. При этом не уточняется, что имеется в виду под последним. В некотором смысле способность к вступлению в отношения с другими государствами можно считать частью государственного суверенитета, ведь государство способно на это только тогда, когда государственная власть распространяется на весь народ и ни одна другая не стоит выше или наравне с нею. Так, государство способно функционировать как единое целое и восприниматься субъектами международных правоотношений как таковое. Именно это и позволяет вступать ему в отношения с другими субъектами.

Однако автор тезисов, выделяет немного другие признаки, отличающие государство от других форм человеческих объединений. Так, для государства характерно: наличие территории; наличие постоянного населения; наличие аппарата государственной власти, который включает в себя систему органов государственной власти, обеспечивающие функционирование государства; наличие налогов и иных законно установленных платежей, взимание которых обеспечивает материальное существование государства; легализованное принуждение, которое заключается в исключительном праве государства применять меры принуждения по отношения к лицам, являющимся его частью; наличие законов, призванные обеспечивать и охранять права и свободы человека; государственный суверенитет, выражающийся в верховенстве и независимости государственной власти внутри государства, и независимости в международных отношениях.

Таким образом, с нашей точки зрения, государство и государственный суверенитет категории неделимые: одно без другого существовать не может.

Конституция Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ) закрепляет положения о государственном и народном суверенитете. Однако помимо государственного и народного суверенитета, существует национальный суверенитет. Каким же образом соотносятся эти три понятия между собой? По нашему мнению, государственный, народный и национальный суверенитет являются самостоятельными политико-правовыми категориями, которые более того получили закрепление в Конституции РФ. Так, народный суверенитет отражен в п. 1 ст. 3, где признается, что многонациональный народ РФ является единственным носителем суверенитета и источником власти. Само определение народа как субъекта суверенитета законодательным образом не раскрывается. Однако из преамбулы Конституции РФ можно вывести, такие признаки народа как общая судьба, общая территория, общая история, общие морально-правовые ценности (уважение прав и свобод, равноправие, самоопределение народов, любовь и уважение к Отечеству, добро и справедливость), а также общие интересы, которые выражаются в благополучии и процветании страны.

В теории государства также есть точка зрения насчет того, что субъектом народного суверенитета может признаваться лишь та часть населения, которая проявляет политическую активность с целью достижения общего блага. Однако, в нашем случае, говорится обо всех людях, составляющих народ. Реализация власти народом происходит непосредственно либо через представителей. Так, к непосредственным формам осуществления власти можно отнести участие в выборах, референдуме, в демонстрациях, пикетах, собраниях, митингах и т.д.

М.И. Климова говорит о народном суверенитете, как о конституционном принципе устройства государства, в основе которого лежит исключительное право народа на определение своей судьбы, на участие в управлении государственными делами. Народный суверенитет, по ее мнению, не может существовать вне государства, поэтому он является производным от суверенитета последнего. Другими словами, она настаивает на том, что государственный суверенитет первичнее народного. С чем мы не согласны.

Государственная власть закрепляется Конституцией РФ в ст. 4, где указывается, что она распространяется на всю территорию страны. Субъектом государственной власти является государство, которому его многонациональный народ передает свой суверенитет. Другими словами, государственный суверенитет является производным от народного суверенитета, а никак не наоборот.

Государственному суверенитету характерны следующие черты: верховенство, независимость и неделимость.

[1] См.: *Клименко О.А., Мирзоев А.К.* Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля. С. 28.

[2] См.: Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38249008#pos=4;-155 (дата обращения: 17.03.2021). Опубликован не был.

Верховенство значит, что именно государственной власти подчинены все члены государства, а также иные виды власти, присутствующие в его пределах. Также, здесь стоит указать, об исключительном праве государства на легитимное применение принуждения, целью которого в первую очередь является обеспечение прав и свобод человека и благополучие всего общества.

Независимость государственного суверенитета означает его самостоятельность в принятии решений как субъекта международных правоотношений, но при этом, следует отметить, что суверенитет одного государства заканчивается там, где начинается суверенитет другого. Что верховенство, что независимость государственного суверенитета не предполагают вседозволенность: действия, и решения государства должны быть подчинены, в первую очередь, праву.

Неделимость государственного суверенитета обусловлена его природой. Суверенитет – категория не количественная, а качественная, поэтому о ее разделении не может быть и речи.

Однако возникают споры связанные с государственным суверенитетом при федеративном устройстве государства. Положение о разделении государственного суверенитета между федерацией и субъектами, по нашему мнению, является неверным. Ведь, при образовании федеративного государства субъекты передают свой суверенитет федерации, и только она является носителем государственного суверенитета, но при этом происходит разделение суверенных прав и полномочий между федерацией и субъектами. Таким образом, государственный суверенитет является неделимым, а вот суверенные права и полномочия могут быть разделены между федерацией и субъектами.

Возвращаясь к соотношению государственного суверенитета, народного суверенитета и национального суверенитета, можно сказать, если первые два являются выражением верховной и независимой власти, то последний представляет собой политическую свободу. Субъектом последнего является нация, которая представляет собой общность людей, имеющая определенные признаки, а именно:

1. Единая история.

2. Единый язык.

3. Единая территория (является весьма спорным, ведь есть нации, которые не имеют постоянной территории (например, цыгане)).

4. Единые физиологические и психологические особенности.

5. Единая культура.

6. Самосознание, которое позволяет этой общности людей ощущать себя единым образованием, отличающимся от других общностей.

Национальный суверенитет нашел свое закрепление в Конституции РФ, а именно в ч. 3 ст. 5, как право народа на самоопределение. Следствием этого права, является гарантия прав малочисленных народов, установленное ст. 69 Конституции РФ и нашедшее свое развитие в Федеральном законе от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ[1]. Указанный закон призван обеспечить сохранение коренных малочисленных народов, проживающих на территории РФ, с их традиционным укладом жизни и способом ведения хозяйства. Право народов на самоопределение нашло закрепление также и в актах международного характера, например в Декларации ООН, о принципах международного права. Это право предполагает возможность народа самостоятельно определить свою судьбу, направления своего дальнейшего развития, возможность пользоваться национальным языком, сохранять и развивать свою культуру и т.д. Также оно предполагает возможность для народа стать независимым, суверенным от государства, частью которого он является. Здесь и появляются определенные сложности, связанные со столкновением двух принципов международного права: принципом государственной целостности и принципом самоопределения народов. Ведь, для того чтобы народ стал независимым, он должен быть самодостаточным, для чего требуется как минимум собственная территория. Однако эта территория уже принадлежит другому государству, который в силу своего суверенитета, не обязан ее предоставлять, и никто и ничто не может его обязать это сделать, т.к. он, как и все иные государства, является независимым. В реальности народ может надеяться только на ту часть правомочий, предполагаемых правом на самоопределение, которая возможна в рамках государственного суверенитета.

Таким образом, представления о государственном суверенитете формировались на протяжении многих лет. Однако на данный момент можно точно сказать, что государственный суверенитет и государство являются категориями неотделимыми друг от друга, при котором первое является обязательным признаком второго, без которого оно не является таковым.

[1] См.: Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2020). URL: https://base.garant.ru/180406/ (дата обращения: 18.03.2021).

Бобкова Т.А.
магистр 2 курса ФГБОУ ВО «ВГУ», г. Воронеж
Научный руководитель: О.А. Поротикова, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ», г. Воронеж

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

Аннотация. *Действующее законодательство закрепляет нормы о мировом соглашении в рамках юрисдикционной формы защиты гражданских прав. Вместе с тем правовая природа данного института неоднозначна. В настоящей статье рассмотрены основные подходы к отраслевой принадлежности мирового соглашения и на основе норм действующего законодательства отражено авторское отношение к данному вопросу.*

Ключевые слова: *мировое соглашение, правовая природа, гражданско-правовой договор, процессуальное соглашение.*

Bobkova T.A.
2nd year master's degree Voronezh State University (VSU), Voronezh
Supervisor: O.A. Porotikova, PhD, associate professor the Law faculty of Voronezh State University (VSU), Voronezh

AMICABLE AGREEMENT IN THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION

Abstract. *The legislation establishes the rules on the amicable agreement when describing the jurisdictional form of civil rights protection. However, the legal nature of this institution is ambiguous. This article considers the main approaches to the branch affiliation of the amicable agreement and reflects the author's attitude to this issue, taking into account the current legal regulation.*

Keywords: *amicable agreement, legal nature, civil contract, procedural agreement.*

Основным результатом судебной защиты гражданских прав при рассмотрении дела в общем порядке является судебное решение. Именно этим постановлением суда спор разрешается по существу, а нарушенные права подлежат восстановлению. Вместе с тем, это не единственная форма окончания спора, рассматриваемого судом, которая способна предоставить защиту гражданских прав. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим такую форму, как мировое соглашение.

В контексте законодательства, действующего в настоящее время, ученые-юристы затрагивают проблемы института мирового соглашения, когда проводят исследования в области процессуального права. И это неслучайно. Ведь нормы, регламентирующие указанный институт, содержаться в процессуальном законодательстве. Реализация правомочия на заключение мирового соглашения возможна в настоящее время тоже лишь тогда, когда одна из сторон уже прибегла к судебной защите своего гражданского права. Вместе с тем, в доктрине остается дискуссионным вопрос о том, к какой отрасли права – материально-правовой или процессуально-правовой – оно относится.

За всю долгую историю существования рассматриваемого правового института в науке, законодательстве и правоприменительной практике были выработаны три основных подхода – материально-правовой, процессуальный и смешанный.

Согласно первому подходу мировое соглашение рассматривается исключительно как сделка, которая направлена на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей[1]. Представители второго считают, что оно является договором сторон, направленным на прекращение разбирательства дела в суде на определенных согласованных ими условиях[2]. Сторонники же смешанного подхода рассматривают исследуемый нами институт как юридический факт и материального, и процессуального права. По их мнению, в основе мирового соглашения лежит гражданско-правовая сделка, которая влечет правовые последствия только в случае совершения судом процессуального действия, выражающегося в утверждении соглашения[3]. Именно этот подход наиболее часто поддерживался и поддерживается в настоящее время учеными-юристами.

Следует заметить, что приоритет материального и процессуального подходов изменялся на протяжении всей истории развития гражданского процесса. Так, по Уставу Гражданского Судопроизводства 1864 г. и позициям Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената мировая сделка являлась ничем иным, как гражданско-правовым договором. Ее заключение полностью прекращало обязательство, положенное в основание спора. Вместо прекращенного обязательства появлялось новое договорное соглашение. Дело оконченное примирением считалось оконченным навсегда, а состоявшееся соглашение было равносильно решению, вступившему в законную силу, и обжалованию не подлежало. Только в тот период времени мировая сделка не могла быть исполнена принудительно, как это возможно сделать сейчас. Сторона, права которой были нарушены неисполнением условий соглашения другой стороной,

[1] *Давыденко Д.Л.* Мировое соглашение и примирительные процедуры в арбитражном, гражданском и третейском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 10. С. 29.

[2] *Вандраков С.Ю.* Мировое соглашение – процессуальный факт или гражданско-правовая сделка? // Мировой судья. 2015. № 9. С. 25; *Князев Д.В.* Мировое соглашение в арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 66.

[3] Гражданский процесс России / под ред. Викут М.А. М.: Юрист, 2005. С. 143; *Ярков В.В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 56; *Кочергин К.В.* Мировое соглашение в арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 41; *Котлярова В.В.* К вопросу о понятии и правовой природе мирового соглашения // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 20; *Иванова Е.А.* Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. М.: Статут, 2020. С. 108; *Шеменева О.Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 254.

была вынуждена вновь обращаться к судебной защите путем подачи нового заявления (о понуждении к исполнению) основанного на мировом соглашении, как на простом договоре[1].

В гражданском судопроизводстве советского периода изначально при принятии ГПК РСФСР 1923 г. вообще отсутствовало упоминание о мировых сделках. Это являлось следствием негативного отношения к ним разработчиков процессуального законодательства, а также существовавшим в государстве политическим режимом.

Главной задачей было обеспечение интересов государства с точки зрения возможности контролировать все частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы[2]. Контроль государства распространялся на различные сферы жизни людей. Гражданский процесс не был исключением. Юдельсон К.С. описывая мировое соглашение как одно из оснований прекращения производства без вынесения судебного решения рассуждал так: «В буржуазном процессе мировые сделки принимаются судом автоматически, т.к. буржуазия не заинтересована в оглашении причин их заключения. Практика показывает, что в условиях капитализма одна сторона – экономически сильная – нередко вынуждает другую сторону заключить невыгодную для последней мировую сделку. В частности это относится к случаям возмещения вреда, причиненного трудящимся увечьем, полученным на производстве»[3].

Бранденбургский Я.Н., выступавший с докладом о гражданском процессуальном кодексе на втором заседании второй сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва 30 июня 1923 г. (принятие кодекса состоялось 10 июля 1923 г.), оправдывая введение принципа активной роли суда в гражданском процессе указывал на то, что «это необходимо для того, чтобы суд пользовался доверием населения, чтобы в случае возникновения споров, не обращались к третейским судам, к мировым соглашениям и к самоуправству»[4].

Снова упоминание о мировой сделке появляется лишь после внесения изменений 16.01.1928 г. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР в ст. 188 ГПК РСФСР 1923 г., когда она впервые была наделена свойством исполнения ее в принудительном порядке. После этого интерес к рассматриваемому нами институту возрастает у ученых-процессуалистов. Причины, по которым мировое соглашение учеными-юристами стало рассматриваться, как институт процессуального права, можно выделить следующие:

1) появление его в законе, регламентирующем судопроизводство. Многие другие государства мировые сделки регулировали в гражданских кодексах – в разделах, посвященных отдельным видам договоров. К примеру, Италия, Франция, Германия, Испания, Греция[5];

2) законодательные изменения, связанные с подкреплением мировых сделок государственным контролем и принуждением (в частности, возможность их принудительного исполнения);

3) в отношении споров между социалистическими организациями – формирование договорных отношений на основе обязательного хотя бы для одного из контрагентов планового акта (система плановых договоров)[6]. Часть экономических отношений между организациями, которые не охватывались таким регулированием, была незначительной. Любой договор должен был соответствовать плановому заданию. То есть структура договорных связей определялась разработанным плановым актом. Мировое соглашение, заключаемое в рамках спора, вытекающего из отношений между социалистическими организациями, также не имело никакой свободы и должно было соответствовать плановому заданию. А в таком случае оно лишалось одной из своих значительных особенностей, которая выделялась дореволюционными авторами, – полное прекращение обязательства, положенного в основание спора, и порождение вместо прекращенного, нового договорного соглашения. Это новое договорное отношение не могло противоречить положенному в основу первоначальных отношений сторон плановому акту и должно было строго ему соответствовать. Следовательно, если спор и заканчивался примирением, то заключаемое мировое соглашение имело только процессуальное последствие – прекращение производства по делу.

В настоящее время у нас действует принцип свободы договора, который в том числе предполагает, что субъекты гражданского права свободны в решении вопроса, заключать или не заключать договор, какие условия положить в основу соглашения, и ограничение свободы сводится только к необходимости соответствия сделки обязательным императивным нормам, действующим в момент ее заключения[7]. Каждый участник гражданских правоотношений осуществляет свою деятельность в рамках этих отношений в соответствии со своими интересами. Возвращаясь к советскому периоду, таких выводов мы сделать не можем. Все должно было находится под контролем государства, в том числе и заключаемые сторонами мировые сделки. Они могли быть утверждены судом только, в том случае если он убедился в их правомерности, а также в том, что условия соглашения не ущемляют интересов не только той или другой стороны, но также и государства.

Мировое соглашение сегодня подчиняется принципам договорных правоотношений, которые тоже действуют сегодня. Поэтому нет необходимости переносить на них опыт прошлых лет. Случаев, когда мировое соглашение,

---

[1] Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената [Том IV]: за первое полугодие 1869 года. СПб.: В типографии Правительствующего Сената, 1870. С. 1351.

[2] *Поволоцкий Л.И., Ельевич М.И.* Исторический очерк развития советского гражданского процесса // Ученые записки. Серия юридических наук: № 107 Вып. 2 / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Институт экономики, философии и права. Л., 1949. С. 432.

[3] *Юдельсон К.С.* Советский гражданский процесс: допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений. М.: Госюриздат, 1956. С. 267.

[4] II сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва: Стенографический отчет и постановления. М.: Издание ВЦИК, 1923. С. 44.

[5] *Давыденко Д.Л.* К вопросу о мировом соглашении // Вестник ВАС РФ. 2004. № 4. С. 159-163; Шеменева О.Н. Указ. соч. С. 252.

[6] Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / Брагинский М.И., Витрянский В.В. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 162.

[7] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2020 № Ф05-5314/2020 по делу № А41-53013/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

не изменяя и не прекращая материального правоотношения, лишь подтверждает его существование в том в виде, в котором оно существовало до процесса, в настоящее время существует не много. Чаще всего оно направлено на изменение имеющихся материально-правовых отношений сторон.

Но все же среди юристов, занимавшихся исследованиями в области примирения сторон судебного спора после введения в действие с 1 сентября 2002 года Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[1], который действует и в настоящее время, мы можем встретить сторонников всех трех подходов к правовой природе мирового соглашения: процессуального, материально-правового, смешанного.

Авторов, которые отстаивали бы только первую или только вторую из указанных концепций, в настоящее время не много. Большинство ученых-юристов говорят о двойственной природе исследуемого нами института. Но, по нашему мнению, мировое соглашение является институтом материального права в связи со следующим.

Во-первых, его содержание составляют условия, направленные на регулирование спорных *материально-правовых* отношений сторон. То есть в мировом соглашении всегда речь идет о личных имущественных и (или) неимущественных правах заключающих его лиц. Вместе с тем, процессуальное соглашение – сделка, при заключении которой волеизъявления сторон направлены на установление, изменение или прекращение *процессуальных прав и обязанностей*.

Во-вторых, процессуальные правоотношения – это публично-правовые властеотношения, обязательным участником которых является суд. Такая двухсубъектная структура исключает возможность возникновения отношений между участниками процесса без участия суда. Как видим, участниками отношений, вытекающих из мирового соглашения, являются только лица, участвующие в деле. И в целом, на *процессуальных правах* и обязанностях, как суда, так и указанных лиц, оно не оказывает влияния до тех пор, пока сторонами не будет заявлено перед судом ходатайство о его утверждении. До этого момента оно способно выступать лишь доказательством по делу.

В-третьих, цель мирового соглашения – устранение неясностей спорного возникшего между сторонами *материального* правоотношения. Прекращение же судебного спора – это не цель, а последствие утверждения его судом. Если бы мы делали выводы о принадлежности правовых явлений к материальной либо процессуальной отрасли права только исходя из последствий, которые они способны породить, то договор уступки права требования, заключенный в отношении предмета спора, также должен был бы рассматриваться как процессуальное соглашение.

В-четвертых, полагаем, что не исключено существование неутвержденных судом мировых соглашений, которые являются действительными и действующими и подлежат исполнению сторонами. В настоящее время остается недостаточно изученной их правовая природа. Но исследования и некоторые размышления ученых на эту тему существуют[2]. Однако большинство исследователей рассматривают мировое соглашение как сложный юридический состав – само соглашение сторон и ряд процессуальных действий[3]. Говоря об этом, авторы практически не приводят обоснования такого описания. В большинстве своем они просто опираются на мнение Гурвича М.А. который писал об этом так: «Мировое соглашение является не процессуальным договором, а юридическим составом более сложным, в который входят договор в смысле сделки гражданского права и ряд элементов процессуального значения»[4].

Такой же подход мы можем найти и в правоприменительной практике арбитражных судов. Верховный Суд Российской Федерации в принятых им определениях указал следующее: «До момента утверждения судом мирового соглашения любая из сторон может отказаться от его заключения, *подписанное* сторонами, но не утвержденное арбитражным судом мировое соглашение не создает правовых последствий по делу, поскольку *выражает лишь намерение сторон на его заключение*, которое не реализовано в установленном главой 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации порядке»[5].

По нашему мнению, не утвержденное судом мировое соглашение не влечет никаких последствий только *для судебного процесса по рассматриваемому спору*. В рамках же самого *спорного материального правоотношения* оно создает и должно создавать определенный правовой эффект, который не может заключаться только в намерениях на заключение сделки. В условиях отсутствия судебного спора между сторонами, подписание соглашения является завершающей стадией его заключения, формализованным действием сторон, направленным на придание договоренностям надлежащей формы. Если нам необходимо, например, при толковании договора, знать о намерениях сторон, то мы можем обратиться к их преддоговорным отношениям. Причем за недобросовестное ведение переговоров стороны несут соответствующую ответственность.

---

[1] Российская газета. 2002. № 137.

[2] *Абушенко Д.Б.* Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 6. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38537706; *Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Будылин С.Л. и др.* Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 ГК РФ / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 205; *Завидовская Е.С.* Процессуальные пределы свободы заключения мирового соглашения в арбитражном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 1. С. 74.

[3] *Федоров С.И.* Некоторые проблемы заключения мирового соглашения в целях реструктуризации кредитной // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 7; *Валеев Д.Х., Загидуллин М.Р., Костюшин Е.К. и др.* Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы / под ред. Д.Х. Валеева, М.Ю. Челышева. М.: Статут, 2007. С. 107; *Жукова Т.В.* Сущность мирового соглашения как смежного института гражданского права и процесса // Закон. 2008. № 1. С. 119-131; *Егорова М.А.* Требования к формализации соглашения о новации // Юридический мир. 2011. № 7. С. 47-51; *Алексеев А.А.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: правовая природа и «жизненный» цикл // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 1. С. 20-24. и др.

[4] Советский гражданский процесс / под ред. М.А. Гурвича. М., 1975. С. 125 (прим).

[5] Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2020 № 305-ЭС20-11742 по делу № А40-14408/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2016 № 307-ЭС16-5129 по делу № А56-33553/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Чем же мировое соглашение существенно отличается от обычного договора? Почему после подписания его сторонами спора оно не может рассматриваться как самостоятельное явление? По нашему мнению, никаких препятствий этому нет. Тем более, если обратиться к нормам действующего процессуального законодательства и исходить из их буквального толкования, то можно заметить, что особенностью таких соглашений является:

1) стадия спора – после возбуждения судебного процесса судом на любой его стадии либо при исполнении судебного акта;

2) связь с предметом заявленного требования.

Существующие нормы в АПК РФ и ГПК РФ регулируют процесс оформления мирового соглашения, но о моменте, с которого оно считается заключенным, в них не упоминается. Правила посвященные его утверждению вынесены в отдельную статью закона. В ней, как и в других нормах, используется формулировка «заключенное» мировое соглашение. Таким образом, само законодательство допускает существование неутвержденных судом мировых соглашений. Другой вопрос в том, какие риски и последствия оно может породить для сторон спора.

Утверждение мирового соглашения судом, по нашему мнению, играет роль не отправной точки, от которой необходимо отсчитывать момент его заключения. Это механизм, который придает договоренностям сторон защиту посредством принудительного их исполнения, без необходимости повторного обращения за судебной защитой. Конечно же это не единственное значение утверждения мирового соглашения судом. Проверка договоренностей сторон на соответствие нормам закона, соблюдение прав третьих лиц, создание определенности в завершении судебного спора, исключение возможности заявления истцом тождественного иска тоже важны. Но эти цели могут быть достигнуты и другими средствами.

Если же мы будем отталкиваемся от того, что мировое соглашение необходимо не для того, чтобы иметь возможность понудить должника к исполнению обязательства, а для сохранения нормальных отношений сторон и возможности их дальнейшего сотрудничества, устранения неясностей спорного материального правоотношения, то в таком случае необходимости в его утверждении судом нет. Следовательно, не возникает и никакого сложного юридического состава, т.е. совокупности юридических фактов, которые в своей взаимосвязи способны приводить к возникновению, изменению и прекращению правоотношений.

Еще одним из критериев, в связи с наличием которого мировое соглашение относят к институту процессуального права, – возможность принудительного исполнения его условий. Однако данный аргумент уже смотрится не убедительно на фоне произошедших в октябре 2019 г. изменений законодательства, благодаря которым медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения теперь имеет силу исполнительного документа.

Неопределенность в отраслевой принадлежности рассматриваемого института порождает не только теоретическую дискуссию, но и практические проблемы при осуществлении судебной защиты гражданских прав, поскольку процессуальное и материальное право, несмотря на общность многих принципов, имеют существенные различия по предмету регулируемых отношений. Так, например, вызывает сомнение возможность применения к мировому соглашению всех положений ГК РФ о договорах[1]. Неразрешенным остается вопрос о процедуре расторжения таких сделок. По нашему мнению, с учетом разъяснений п. 9 ныне действующего Постановления Пленума ВАС РФ № 50[2] этот вопрос должен решаться в соответствии с нормами гражданского законодательства.

Затруднительность применения к мировому соглашению всех норм гражданского законодательства в доктрине относят к особенностям рассматриваемого института. Вместе с тем, по нашему мнению, это больше недоработка законодателя, нежели особенность. Постепенно такие недостатки устраняются судебной практикой[3], и надеемся будут устранены в законе.

Бородин Д.Г.
обучающийся института магистратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: Д.И. Яковлев, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ

Аннотация. *Коррупция один из наболевших вопросов нашего времени. Можно с уверенностью сказать, что коррупция является серьезным вызовом для любого общества и государства. Универсальность стала ее характерной чертой, она существует повсюду, не зависимо от уровня социально-экономического развития государств. Автор рассматривает актуальные проблемы борьбы с коррупцией в сфере финансов, предлагает свои пути решения.*

Ключевые слова: *коррупция, уголовная ответственность, финансы, борьба с коррупцией.*

[1] *Фиошин А.В.* О правовой природе мирового соглашения // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. URL: https://civpro.org/ru/archive/87/2001

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014 г. № 9.

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.04.2019 № 309-ЭС18-23448 по делу № А50-16709/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Borodin D.G.
Student of the Master's Degree Institute
Saratov State Law Academy, Saratov
Supervisor: D.I. Yakovlev, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva Saratov State Law Academy

LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CORRUPTION IN THE FIELD OF FINANCE

Abstract. *Corruption is one of the most pressing issues of our time. It is safe to say that corruption is a serious challenge for any society and state. Universality has become its characteristic feature, it exists everywhere, regardless of the level of socio-economic development of states. The author examines the current problems of the fight against corruption in the field of finance, offers his own solutions.*

Keywords: *corruption, criminal liability, finance, fight against corruption.*

Финансовое право принадлежит к числу тех отраслей права, которое в Российской Федерации не только обновилось на 100 % и выдвинулось в число самых актуальных частей российского права, но и продолжает переживать этап бурного развития. Изменения бюджетных отношений, создание системы государственных внебюджетных фондов, формирование принципиально новой налоговой системы, особая роль Банка России как центра банковской системы требуют от науки переосмысления многих традиционных и исследования новых финансово-правовых категорий. Существуют некоторые актуальные проблемы возникшие в науке финансового права, рассмотрим одну из распространенных на практике – это проблема коррупции.

Неизменно актуальным является вопрос борьбы с коррупцией, т.к. человеческие слабости мало зависят от эпохи развития или места жительства людей. А ведь, недаром первыми попытками подкупа принято считать ритуалы жертвоприношения богам. Аналогичная картина наблюдается и в социуме нашего времени, правда, все приобрело материальный характер, а на место богов встали люди, занимающие определенные должности.

Федеральным законом № 273-ФЗ также определено понятие противодействия коррупции как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции;
- по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений;
- по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Противодействие коррупции в сфере публичных финансов, является основой антикоррупционного механизма. За последние годы в Российской Федерации проводится усиленная антикоррупционная политика, было создано антикоррупционное законодательство и разработаны соответствующие правовые средства противодействия коррупции в сфере публичных финансов, позволяющих бороться с таким негативным явлением. Также был разработан Национальный план противодействия коррупции в целях устранения коренных причин коррупции. В нем содержится следующие:

- изменение законодательства для борьбы с коррупцией;
- совершенствования государственного управления;
- повышения профессионального уровня юристов и правовое просвещение. Одна из мер предупреждения коррупции, по Национальному плану, – антикоррупционная экспертиза правовых актов. В российской правовой системе существует огромный спектр антикоррупционного законодательства в сфере публичных финансов, все оно направлено на усиление ограничительного режима для государственных структур, ужесточение ответственности за коррупционные преступления, сделан упор на расширение предупреждения и профилактики коррупционных правонарушений. Что касается профилактики коррупции, то она осуществляется путем применения основных мер в соответствии с Федеральным закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ[1].

На данный момент в России созданы определенные правовые и организационные основы противодействия коррупции, но, несмотря на это, коррупция все также выступает неблагоприятным явлением, которое при этом вызывает существенные трудности при функционировании конституционно правовых механизмов, а также задерживает проведение общественно-политических трансформаций. На сегодняшний день, наше государство не в состоянии обеспечить необходимой политической устойчивостью и экономической безопасностью страну в полном объеме, даже, несмотря на создание системы противодействия коррупционным проявлениям по средствам принятия различных профилактических, предупредительных и карательных мер. И действительно, коррупция как феномен в общественной и государственной жизни имеет повышенную степень общественной опасности по сравнению со всеми другими похожими элементами социальной действительности.

Кроме того, на основании утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 01.04.2016 № 147, Национального плана противодействия коррупции на 2016–2017 годы (п. 3), перед Генеральной прокуратурой Российской Федерации поставлены важнейшие задачи:

- осуществление проверки соблюдения законодательства о противодействии коррупции государственными органами Российской Федерации;

[1] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2008. № 2, ст. 6228.

• осуществление проверки соблюдения требований законодательства о предотвращении и урегулировании конфликта интересов, а также о контроле соответствия расходов доходам у лиц, замещающих руководящие должности как в федеральных государственных органах, так и в органах государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных органах.

Указанные задачи позволяют выделить одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры, суть которого заключается в контроле за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах. В данном случае речь идет о соблюдении служащими и должностными лицами ограничений, запретов, исполнения ими обязанностей.

Также под установленным ч. 1 ст. 9.1 Закона «О Прокуратуре» противодействием коррупции имеется ввиду, прежде всего проведение прокурорами антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов, а также осуществление прокурорами функции уголовного преследования в досудебном и судебном производстве по делам о преступлениях коррупционной направленности и реализация прокурорами иных вышеперечисленных функций в аспекте противодействия коррупции[1].

В 2007 г. образовано управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Оно входит в составе Генеральной прокуратуры Российской Федерации в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции (ст. 36). На уровне субъектов Российской Федерации также созданы подобные специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, организацию их деятельности осуществляет управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а оперативное руководство работниками осуществляют прокуроры субъектов Российской Федерации лично. Структура данного управления включает в себя: отдел по надзору за уголовно– процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами; организационно-аналитический отдел; отдел по надзору за исполнением федерального законодательства; старшие прокуроры с размещением в федеральных округах страны, основной функцией которых является осуществление надзорных полномочий в отношении государственных органов окружного и межрегионального уровня.

Стоит отметить, что с 2007 г. по 2017 г. в период функционирования в органах прокуратуры специализированных подразделений было выявлено более 3 млн. нарушений законодательства о противодействии коррупции.

В качестве эффективных профилактических мер противодействия коррупции можно рассматривать требования Указа Президента РФ «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов»[2], а также принимаемых во многих федеральных ведомствах и субъектах Российской Федерации актов, направленных на координацию поведения государственных и муниципальных служащих, возведенных в ранг кодексов служебного поведения. Для целей урегулирования вопросов служебного поведения и психологического позитивного воздействия на служащих в организациях создаются комиссии по профессиональной этике.

Большое значение в борьбе с коррупцией имеют средства массовой информации. Свобода высказываний, свобода печати в качестве антикоррупционных акций выполняют такие функции, как выявление и разоблачение должностных преступлений коррупционной направленности; выявление схем коррупционных деяний через журналистские расследования; моральное и психологическое воздействие на государственных служащих в целях увеличения прозрачности их деятельности; информирование общественности о состоянии коррупции в стране и борьбе с нею.

Огромную профилактическую роль в противодействии коррупции имеет взаимодействие органов государственной и муниципальной власти и средств массовой информации. Опубликование решений органов власти, результатов работы отдельных ведомств делает прозрачной саму деятельность и исключает возможность реализации коррупционных схем. В целях полноценного доступа граждан к информации необходимо обеспечение свободы средств массовой информации в получении и распространении информации о противодействии коррупции в органах государственной власти.

Одной из основных причин совершения субъектом отношений коррупционных проступков является отсутствие или недостаточность воспитания у общества нетерпимого отношения к коррупции. Формирование правосознания у общества является основой профилактики коррупции во всех сферах деятельности. Национальным планом противодействия коррупции одной из мер социального характера предусмотрена активизация антикоррупционного просвещения граждан[3].

Для достижения поставленных целей в образовательных организациях в настоящее время вводятся дисциплины либо отдельные дидактические единицы, позволяющие оказывать воздействие на сознание обучаемых. За последние годы издано значительное количество учебного материала на тему профилактики и борьбы с коррупцией, рекомендованного для использования в образовательном процессе.

Кроме воспитания общества в духе нетерпимости коррупции в ходе реализации основных образовательных программ необходимо формирование антикоррупционного сознания на всех социальных и возрастных уровнях. Реализации этой задачи будет способствовать создание

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 31.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

[2] Указ Президента РФ «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Новичкова Е.Е.* Правовые основы противодействия коррупции в сфере государственного управления // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 1(10). С. 120.

сети центров бесплатной правовой и социальной помощи населению. Создание подобных организаций возможно на базе депутатских и партийных приемных, общественных организаций, в приемных Президента Российской Федерации в субъектах РФ.

Рассматривая методы противодействия коррупции, нельзя не упомянуть и социально-экономические. Такая мера, как уменьшение оборота наличных денежных средств, позволяет упростить осуществление контроля за движением денежных средств при расчетах между субъектами государственно-управленческих отношений, затрудняет возможность передачи наличных денег в качестве взяток в больших суммах. В таких случаях, как поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, оплата возможна только в виде безналичного расчета.

Большое значение в антикоррупционной борьбе имеет снижение монополии и обеспечение равной конкуренции при размещении муниципального заказа, обеспечение экономической эффективности муниципальных закупок, повышение информационной прозрачности размещения муниципального заказа. Государство принимает меры по урегулированию процессов государственных закупок, что отражается в изменениях в действующем законодательстве. Динамичность нормативно-правового регулирования сферы государственных закупок показательна: так, принятый в 2005 г. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ устанавливал единый порядок размещения заказов. Одной из основных целей данного регламента являлось «обеспечение гласности и прозрачности размещения заказов, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов» (ст. 1).

Осуществление деятельности в рамках данного закона показало несовершенство нормативного акта, в результате был принят Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ который также регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, и одной из целей данного акта является «обеспечение гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок» (ст. 1).

Изменению подверглись и подзаконные акты, регулирующие порядок и особенности обеспечения государственных и муниципальных нужд, что говорит о реализации основных плановых мероприятий противодействия коррупции.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, стоит отметить, что в последние годы в реализации инициатив по противодействию коррупции, которые закреплены в действующих законах и подзаконных нормативных правовых актах, был сделан существенный прорыв. На сегодняшний день, органы прокуратуры в обязательном порядке должны реализовать весь нормативный, организационный и информационный потенциал в правовом механизме противодействия коррупции. В результате комплексного использования всех имеющихся средств борьбы с коррупцией, ее уровень может достигнуть той отметки, которая бы не представляла серьезной опасности для государства, общества и личности.

Булаев Д.Д.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: В.В. Попов, д.ю.н., профессор Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

К ВОПРОСУ О НАЛОГОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ УПРОЩЕННУЮ СИСТЕМУ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ, В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. *Пандемия вынудила Саратовскую область оказывать серьезную поддержку малому предпринимательству. В частности, возник ряд налоговых мер поддержки: налоговых каникул и налоговых ставок. Данные меры регулируются как на федеральном уровне, так и на региональном. Автор приходит к выводу, что региональное законодательство в Саратовской области не учитывает особенности собственного рынка.*

Ключевые слова: *малое предпринимательство, упрощенная система налогообложения, Covid-19.*

Bulaev D.D.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: V.V. Popov, PhD, Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TAX SUPPORT FOR SMALL BUSINESSES USING THE SIMPLIFIED SYSTEM OF TAXATION IN THE SARATOV REGION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The pandemic forced the Saratov region to provide serious support to small businesses. In particular, a number of tax support measures have emerged: tax holidays and tax rates. These measures are regulated both at the federal level and at the regional level. The author comes to the conclusion that the regional legislation in the Saratov region does not take into account the peculiarities of its own market.*

Keywords: *small businesses, the simplified system of taxation, Covid-19.*

Поддержке субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации традиционно уделяется повышенное внимание, особенно, на фоне новой коронавирусной инфекции. Covid-19 стал новым катализатором давно существующих проблем функционирования ма-

лого предпринимательства, – указывает Т.М. Билавчук[1]. Впрочем, схожего мнения придерживаются такие исследователи, как: А.В. Захаркина и О.А. Кузнецова, указывающие, что Covid-19 разделил жизнь на «до» и «после». Власти были вынуждены принимать экстраординарные меры, направленные на стабилизации возникшего удара по экономике страны[2].

В целом, в Российской Федерации пандемия нанесла ущерб более 4 миллионам компаний, что составляет более 60% всех существующих индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, а суммарный ущерб составил более триллиона рублей[3]. Оценивая приложенные усилия для стабилизации возникшей проблемы, стоит отметить, что в Саратовской области поддержку получают 24899 субъектов малого предпринимательства. Суммарно на поддержку малого предпринимательства в Саратовской области за 2019-2021 г. потрачено более 12,5 миллиардов рублей[4]. Таким образом, можно прийти к выводу, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации готовы оказывать посильную поддержу субъектам малого предпринимательства.

Стоит обратить внимание на беспрецедентные способы помощи малому предпринимательству. В частности, как указывает А.В. Захаркина и О.А. Кузнецова, субъекты малого предпринимательства были разделены на «пострадавших» и «непострадавших». Такое деление производилось по основной деятельности предпринимателя, определяемой ОКВЭД[5]. Исходя из данного деления, поддержка малого предпринимательства оказывается только субъектам малого предпринимательства, относящимся к «пострадавшим» отраслям[6].

Рассматривая меры налоговой поддержки субъектов малого предпринимательства, использующих упрощенную систему налогообложения, стоит выделить две основные меры помощи государства малому предпринимательству: налоговые каникулы и снижение налоговых ставок. Налоговые каникулы – это снижение налоговых ставок до 0%[7]. Стоит обратить внимание на отличительную черту оказания помощи субъектам малого предпринимательства в России – она оказывается в заявительном порядке[8], в отличие, например, от других стран, в частности, США.

В основном меры налоговой поддержки в Российской Федерации оказываются на двух уровнях: федеральном и региональном[9]. На федеральном уровне определены пострадавшие сферы[10]. Более детальное регулирование происходит на уровне субъекта Федерации. Так, в Саратовской области регулирование производится двумя нормативно-правовыми актами: Законом Саратовской области «Об установлении дифференцированных налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков на территории Саратовской области» и Законом Саратовской области «Об установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельных категорий налогоплательщиков при применении упрощенной и (или) патентной систем (системы) налогообложения на территории Саратовской области»[11]. Раздельно регулируются налоговые ставки и налоговые каникулы.

Так первым законом установлены пониженные налоговые ставки при применении упрощенной системы налогообложения для субъектов малого предпринимательства, подпадающих под большинство вышеупомянутых сфер. Так, при упрощенной системе налогообложения с режимом «доходы» установлен размер налоговой ставки в размере 2%, а для режима «доходы минус расходы» установлен размер налоговой ставки в размере 7,5%. Для реализации данного права установлено ограничение по доле получаемого дохода, а именно, более 70% прибыли должно быть получено за деятельность в указанных сферах[12].

Вторым законом регулируется возможность получения субъектом малого предпринимательства налоговых каникул до 31 декабря 2023 г. Данное право дано предпринимателям, осуществляющим особо важные функции для общества. Впрочем, стоит отметить, что на желающих получить налоговые льготы в виде налоговых каникул налагаются схожие ограничения с предыдущим законом, однако, применить налоговые каникулы может только субъект малого (и среднего) предпринимательства[13].

В целом, региональный законодатель не отходит от федерального законодателя, однако, при этом не учитываются особенности местного рынка, локальные ограничения и прочие факторы, которые федеральный законодатель не мог предусмотреть. В частности, региональный законодатель не предусмотрел ни одной отрасли, не

---

[1] См.: *Билавчук Т.М.* Анализ государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в период пандемии // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 25. С. 991.

[2] См.: *Захаркина А.В., Кузнецова О.А.* Анализ пермской региональной нормативной платформы инструментов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (Covid-19). // Ex jure. 2021. № 1. С. 102.

[3] См.: *Билавчук Т.М.* Указ. соч. С. 992.

[4] См.: Единый реестр поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки // ФНС России. 2021. URL: https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#fo=64&statdate=15.03.2021 (дата обращения: 19.03.2021).

[5] См.: *Захаркина А.В., Кузнецова О.А.* Там же.

[6] См.: *Билавчук Т.М.* Там же.

[7] См.: Налоговые каникулы // ФНС России. 2019. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.rn11.nalog.ru/list/kanikuly.pdf (дата обращения: 19.03.2021 г.).

[8] См.: Налоговые каникулы.

[9] См.: *Захаркина А.В., Кузнецова О.А.* Указ. соч. С. 111.

[10] См.: Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СЗ РФ. 2020. № 15, ч. 4, ст. 2288.

[11] См.: Закон Саратовской области от 25 ноября 2015 г. № 152-ЗСО «Об установлении дифференцированных налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков на территории Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. 2015. № 21; Закон Саратовской области от 28 апреля 2015 «Об установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельных категорий налогоплательщиков при применении упрощенной и (или) патентной систем (системы) налогообложения на территории Саратовской области» № 57-ЗСО // Собрание законодательства Саратовской области. 2015. № 15.

[12] См.: Закон Саратовской области от 25 ноября 2015 г. № 152-ЗСО «Об установлении дифференцированных налоговых ставок при применении упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков на территории Саратовской области» .

[13] См.: Закон Саратовской области от 28 апреля 2015 г. № 57-ЗСО «Об установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельных категорий налогоплательщиков при применении упрощенной и (или) патентной систем (системы) налогообложения на территории Саратовской области».

включенной в Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции[1]. Подводя итоги указанной работы, можно резюмировать, что в Саратовской области существует деление «пострадавших» отраслей на общие и особо важные. В случае с общими отраслями применяются налоговые льготы по уменьшению ставки до 2% и 7,5%, соответственно, а в случае с особо важными отраслями допустимо применение налоговой ставки в размере 0% (налоговых каникул). Тем не менее, остается спорным вопрос об эффективности данных мер при заявительном характере, однако на данный вопрос ответить пока невозможно[2]. Возможность проанализировать результаты появится не ранее окончания периода пандемии.

Булганина К.А.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: О.Н. Ермолова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуются понятие и содержание принципа свободы договора в гражданском законодательстве РФ и некоторых зарубежных странах, а также необходимость ограничения свободы в целях сохранения баланса регулируемых отношений.*

Ключевые слова: *договор, свобода договора, принцип права, ограничение.*

Bulganina K.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ermolova O.N., candidate of Legal Sciences, docent, Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE CONCEPT AND MEANING OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT IN CIVIL LAW

Abstract. *The article examines the concept and content of the principle of freedom of contract in the civil legislation of the Russian Federation and some foreign countries, as well as the need to restrict freedom in order to maintain the balance of regulated relations.*

Keywords: *contract, freedom of contract, principle of law, restriction.*

В основе каждой отрасли российского права лежат определенные основополагающие принципы. Одним из основных принципов гражданского законодательства выступает принцип свободы договора, который закреплен в ст.1 Гражданского Кодекса РФ[3].

Еще С.В. Александровский, размышляя о римском частном праве, которое опирается на принципы неограниченной свободы собственности, отмечал значение принципа свободы договора[4]. На сегодняшний день, под ним понимают возможность для сторон выбрать наиболее подходящий для их интересов правовой договорный режим.

Положения ст. 421 ГК РФ наиболее полно раскрывают сущность рассматриваемого принципа Из анализа данной статьи, можно выделить следующие аспекты принципа свободы договора:

- во-первых, стороны наделены правом выбора заключать договор или нет;
- во-вторых, они вправе выбрать вид того договора, который будет заключен;
- в-третьих, стороны могут на свое усмотрение определять условия договора[5].

В правовой доктрине существуют положения о выделении таких элементов как свобода содержательная и свобода процедурная. Содержательная свобода договора предусматривает возможность участников отношений путем осознанного выбора определять тип и условия договора, а процедурная – на свое усмотрение выбирать контрагента и принимать решение о заключении договора[6].

Положения о свободе договора находят свое закрепление в законодательстве многочисленных государств. Так, для признания сделки действительной, в законодательстве Грузии, закрепляется необходимость соблюдения той формы, которая определена законодательством, однако если последняя не нашла своего закрепления в законе, то стороны вправе сами определить ее[7]. Зависимость формы сделок от усмотрения сторон, за исключением случаев, прямо указанных в законе, предусмотрена ст. 1473 Гражданского закона Латвийской Республики[8]. Исходя из этого, субъекты наделены правом «усиления» формы, предусмотренной законом, например, посредством заключения договора в нотариальной форме, вместо простой письменной.

---

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции».

[2] См.: *Билавчук Т.М.* Указ. соч. С. 999.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994 г. № 332, ст. 3301.

[4] См.: *Медведева Н.В.* Принцип свободы договора в гражданском праве: особенности содержания и тенденции развития // Вестник45 ИрГТУ. 2014. № 11 (94). С. 299-304.

[5] См.: *Александровский С.В.* Очерки по гражданскому праву РСФСР. М., 1924. С. 126.

[6] См.: *Медведева Н.В.* Указ. соч.

[7] Гражданский кодекс Грузии. URL: https://www.bsu.ru/content/page/16172/grazhdanskii-kodeks-gruzii.pdf

[8] Гражданский закон Латвийской Республики. URL: https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11//Гражданский-закон.pdf

Гарантированная ст. 8 Конституции РФ[1] свобода экономической деятельности, а также закрепленное в ст. 34 Конституции РФ право человека на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской, а также иной, не запрещенной законом, экономической деятельности, предоставляет гражданам возможность беспрепятственно реализовывать, принадлежащие им права, в том числе на заключение договоров в сфере предпринимательства.

Законодательством установлено, что субъективные права, принадлежащие сторонам, последние должны использовать таким образом, чтобы не нарушались права и свободы иных лиц, действуя при этом добросовестно, не злоупотребляя предоставлением.

Нельзя говорить о свободе договора там, где существуют императивные нормы, предусмотренные законодателем. Абсолютная свобода участников гражданских правоотношений на стадии заключения договора может привести к неблагоприятным последствиям. В случае абсолютного господства свободы в договорных отношениях, наличие неодинакового количества экономических ресурсов у большинства субъектов, приводило бы лишь к антиподу свободного развития экономических отношений.

Ярким примером ограничения свободы договора является соглашение между покупателем и продавцом. Проанализировав ст. 16 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» мы можем заметить, что условия такого соглашения, ущемляющие в той или иной степени права потребителя по сравнению с правами, установленными действующими нормативно-правовыми актами в области защиты прав потребителей, будут признаны недействительными[2].

Резюмируя выше изложенное, можно сделать вывод о том, что представления в обществе, сформировавшиеся о свободе договора находятся в зависимости от уровня развития общества, а также отличительных черт его формирования. Отталкиваясь от того, что Российская Федерация – правовое государство, в котором абсолютная свобода является невозможной, то в таком случае оно всегда гарантирует и разрешает ту свободу, которая является ограниченной.

[1] Конституция РФ // Российская газета. 1993. № 237.

[2] Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. № 8, ст. 16.

Буракова И.К.
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
Научный руководитель: Н.А. Иванова, к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА АРЕНДЫ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. *Институт аренды является одним из наиболее старых институтов цивильного права, известного еще со времен римского права. На сегодняшний день аренда является достаточно развитым комплексным институтом. С учетом современных условий жизни общества аренда охватывает практически любую сферу жизнедеятельности человека. Одним из таких, наиболее устоявшихся видов аренды в данном институте является договор аренды транспортных средств. Тем не менее, несмотря на столь долгое историческое развитие института, правовая природа договора аренды транспортных средств является дискуссионной темой по сей день.*

Ключевые слова: *договор, аренда, виды договоров, договор аренды транспортных средств.*

Burakova I.K.
Department of the Civil Law, 2-d year undergraduate student Saratov State Law Academy, Saratov
Thesis advisor: N.A. Ivanova, PhD, associate professor Saratov State Law Academy, Saratov

LEGAL NATURE OF THE MOTOR VEHICLE RENTAL AGREEMENT: DOCTRINAL AND LAW-ENFORCEMENT APPROACH

Abstract. The rent institution is one of the oldest institutions of civil law, known since the time of Roman law. Today, rent is a well-developed complex institution. Considering the modern conditions of society, rental agreement covers almost any area of human life. One of these, the most established types of rental agreement in this institution is a motor vehicle rental agreement. Nevertheless, despite such a long historical development of the institute, the legal nature of the motor vehicle rental agreement is a controversial topic to this day.

Keywords: agreement, rental agreement, types of agreements, motor vehicle rental agreement.

Договору аренды транспортных средств в Гражданском кодексе Российской Федерации посвящен отдельный параграф[1]. В гражданском кодексе выделяется две разновидности аренды транспортных средств – с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации, и без предоставления таких услуг.

В первом и втором случае общим для этих договоров является то, что «арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство за плату во временное владение и пользование»[2]. Отличием будет являться наличие экипажа, предоставляющего услуги по управлению и технической эксплуатации транспортного средства.

В науке гражданского права под договором аренды транспортного средства понимают: «гражданско – правовой договор, по которому арендатору за плату предоставляется транспортное средство во временное владение и пользование с оказанием арендодателем услуг по управлению им и его технической эксплуатации или без оказания такого рода услуг»[3]. Аналогичное определение договора аренды транспортного средств приводится и Е.В. Вавилиным[4].

Хотелось бы отметить, несмотря на существующие определения в науке гражданского права и практике, существенных разногласий в понятии договора аренды транспортного средства не существует. В основу всего этого многообразия определений берется четко сформулированное определение, которое дано в гражданском кодексе. Кроме того, общие черты данного определения находят свое отражение в отраслевом законодательстве Российской Федерации. Например, в Воздушном кодексе Российской Федерации, в ст. 104 говорится, что: «По договору фрахтования воздушного судна (воздушному чартеру) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату для выполнения одного или нескольких рейсов одно или несколько воздушных судов либо часть воздушного судна для воздушной перевозки пассажиров, багажа, грузов или почты»[5].

Таким образом, для договора аренды транспортного средства можно выделить общие черты, свойственные, независимо от его разновидностей:

- во-первых, наличие арендной платы;
- во-вторых, передача транспортного средства во временное пользование и владение.

Кроме того, в доктрине гражданского права утверждается что данный договор является реальным[6]. Об этом отмечает в своем учебнике Б.М. Гонгало, ссылаясь на намерение законодателя установить данный вид договора в качестве реального договора[7]. Такого же мнения придерживается и Р.Р. Акберова, которая отмечает, что для данного договора, независимо от аренды транспортного средства с экипажем или без, общей чертой будет являться его реальный характер[8]. Тем не менее, Гражданский кодекс РФ прямо не классифицирует договор аренды транспортного средства как реальный или консенсуальный договор.

В доктрине гражданского права под консенсуальным договором понимается договор, заключенный в момент получения лицом, направившим предложение о его заключении (оферту), согласия на это предложение (акцепта) или же в момент заключения договора между присутствующими контрагентами. В свою очередь, реальным является договор, для заключения которого в силу закона необходима, помимо соглашения сторон, передача имущества, вследствие чего он считается заключенными только с момента данной передачи.

Существующая в доктрине классификация договора аренды транспортного средства, влечет за собой практические последствия. Если договор аренды транспортного средства считается реальным, то в случае отсутствия у сторон доказательств фактической передачи объекта договора, данный договор будет считаться недействительным.

На практике принято исходить из следующего: если в норме указывается, что одна сторона обязуется что-либо сделать, то договор признается консенсуальным. Если же законом закреплено, что сторона договора осуществляет какие-либо действия, договор квалифицируется в качестве реального.

Исходя из указанного выше, при обращении к содержанию статьи 632 Гражданского кодекса, договор транспортной аренды с экипажем можно отнести к реальному договору, так как в данной норме указывается на то, что арендодатель предоставляет транспортное средство. Таким образом, исходя из формулировок ст. ст. 632 и 642 ГК РФ договор аренды транспортного средства (как с экипажем, так и без него) является реальным.

Тем не менее, на практике, в ряде случаев, суды указывают на консенсуальный характер данного договора. Так в ряде приведенных ниже судебных решениях указывается, что договор аренды транспортного средства является разновидностью договора аренды, и, соответственно, к нему должны применяться общие положения об аренде. Согласно общим положениям, договор аренды является двусторонним, возмездным, взаимным и консенсуальным.

Так, в одном из своих постановлений Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, отметил: «В соответствии со ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным,

---

[1] §3 гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/2c8e175ef998226469d673603224e1187a330748/ (дата обращения: 15.12.2020).

[2] Ст. 632, 642, §3, глава 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_ LAW_9027/2c8e175ef998226469d673603224e1187a330748/ (дата обращения 15.12.2020 г.).

[3] *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Договоры о передаче имущества // СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Вавилин Е.В.* Осуществление прав и исполнение обязанностей по договору аренды транспортных средств // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Ст. 104 Воздушного акодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/471abca9d98d50cf775e5664a9262f82d525d76d/ (дата обращения: 15.12.2020).

[6] См.: *Белов В.А.* Договор аренды: Научно-познавательный очерк. Статут. 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Гражданское право: учебник : в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 251.

[8] *Акберова Р.Р.* Гражданское право: учебник. Казань, 2014. С. 36.

если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной»[1]. Суд также особо подчеркнул, что для договора аренды транспорта существенным условием по закону является только предмет с описанием объекта аренды (пункт 3 статьи 607 ГК РФ)»[2]. Кроме того, суд прямо указал, что: «родовая принадлежность договора аренды относит его к категории гражданско-правовых договоров на передачу имущества. Договор аренды является двусторонним, *консенсуальным* (автор – И. К.), возмездным и взаимным. Консенсуальный характер договора обусловливает его заключенность с момента достижения сторонами соглашения по его существенным условиям.

Момент передачи вещи не является моментом заключения договора, как ошибочно полагает ответчик, так как в силу пункта 3 статьи 611 ГК РФ, если арендодатель не предоставил арендатору сданное внаем имущество в указанный в договоре аренды срок, а в случае, когда в договоре такой срок не указан, в разумный срок, арендатор вправе истребовать от него это имущество в соответствии со ст. 398 настоящего Кодекса и потребовать возмещения убытков, причиненных задержкой исполнения, либо потребовать расторжения договора и возмещения убытков, причиненных его неисполнением. То есть отсутствие переданного имущества либо отсутствие предоплаты является неисполненной *обязанностью по уже заключенному договору… (автор – И. К.)*»[3].

Такую же позицию можно встретить и в практике Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, который подчеркивает, что для договора аренды транспортного средства должны применяться общие положения договора аренды, в том числе и консенсуальный характер договора[4]. Аналогичная позиция встречается и в практике Арбитражного суда Уральского округа[5].

Стоит отметить, что практика была не всегда на стороне признания договора аренды транспортного средства консенсуального характера. Так, в практике Арбитражного суда Волго-Вятского округа можно встретить такую позицию: «согласно статье 642 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору аренды транспортного средства без экипажа арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство за плату во временное владение и пользование без оказания услуг по управлению им и его технической эксплуатации. Если в соответствии с законом для заключения договора необходима также передача имущества, договор считается заключенным с момента передачи соответствующего имущества (пункт 2 статьи 433 Гражданского кодекса Российской Федерации)»[6]. Суд признал договор субаренды транспортного средства в деле реальным договором. Аналогичная практика признания договора аренды транспортного средства реальным договором, встречается и в более ранней практике судов[7].

Необходимо подчеркнуть, что наблюдается тенденция в практике судов Российской Федерации признания консенсуального характера договора аренды транспортного средства.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что к договору аренды транспортного средства применяют общие положения договора аренды. Договор аренды транспортного средства является двусторонним, выступают сторонами арендодатель и арендатор; возмездным – арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство во временное владение и пользование, в свою очередь, арендатор выплачивает плату за предоставление транспортного средства; срочный – договора аренды транспортного средства осуществляется для временного пользования и владения; и, несмотря на существующие разногласия в теории гражданского права, на сегодняшний день практика указывает на то, что договор аренды транспортного средства является консенсуальным договором. Договор аренды транспортного средства имеет свое правовое закрепление не только в Гражданском кодексе Российской Федерации, но и в другом отраслевом законодательстве Российской Федерации.

---

[1] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.07.2020 № Ф04-2394/2020 по делу № А81-8273/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.07.2020 № Ф04-2394/2020 по делу № А81-8273/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.07.2020 № Ф04-2394/2020 по делу № А81-8273/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.11.2017 № Ф08-7356/2017 по делу № А32-12772/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.09.2017 № Ф08-6053/2017 по делу № А53-32770/2016.

[5] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.01.2017 № Ф09-12118/16 по делу № А47-4201/2015.

[6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.08.2014 по делу № А11-7322/2013.

[7] См.: Постановление ФАС Уральского округа от 19.09.2002 № Ф09-2261/02-ГК по делу № А07-6442/02; Постановление ФАС Уральского округа от 23.04.2009 № Ф09-2485/09-С4 по делу № А60-13216/2008-С11.

Бурлуцкая Е.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: М.Н. Лядащева-Ильичева, к.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Аннотация. *В данной статье рассматриваются проломные вопросы развития российского права в первой трети XIX века. На основе изучения научной литературы автор делает вывод о том, что основной государственный свод законов в Российской империи XIX века является правовым актом, в котором систематически изложены законодательные акты.*

Ключевые слова: *основной государственный закон Российской империи, законодательные акты, систематизация.*

E.A. Burlutskaya
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Lyadashcheva-Ilyicheva M.N. PhD professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE MAIN STATE LAWS IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XIX CENTURY

Abstract. *This article discusses the problematic issues of the development of Russian law in the first third of the XIX century. Based on the study of scientific literature, the author concludes that the main state code of laws in the Russian Empire of the XIX century is a legal act that systematically sets out legislative acts.*

Keywords: *Basic state law of the Russian Empire, legislative acts, Systematization.*

В первой трети XIX в. вопрос о систематизации государственных законов не был решен. Появление свода этих законов было вызвано потребностью их систематизации. Правовые нормы, изложенные в Основном законе государства в редакциях 1832, относились к XVIII – первой трети XIX вв. По мнению Е.Г. Владимировой, в Основных государственных законах были систематически изложены 164 узаконения (законодательных акта). В 1842, 1857, 1886 и 1892 гг. в него вносились поправки на основе вновь изданных законов[1].

В разделе первом основного закона закреплялись положения «о существе верховной самодержавной власти» было направлено на закрепление правового статуса Императора (ст. ст. 1–2). В условиях абсолютной монархии был регламентирован вопрос «о порядке наследия престола» (ст. ст. 3–17).

Наследственный характер передачи власти предполагал особое внимание к проблеме совершеннолетия Государей обоего пола и наследнику Императорского престола (ст. ст. 18–30).

Затем в законе регламентирован вопрос «О вступлении на Престол и о присяге подданства». Право на престол принадлежало наследнику на основе «закона о наследии», а его реализация была связана с днем кончины его предшественника. По случаю восшествия на престол наследника в обязательном порядке издавался «Манифест о восшествии на престол. В условиях Российской империи присяга Императору осуществлялась «по своей вере и законам» (ст. ст. 31–34).

Наследник престола подлежал «священной коронации и миропомазанию» (ст. ст. 35–36).

Затем в законе отведено «титулу его Императорского Величества и Государственному гербу» (ст. ст. 37–39).

Следующим в законе по значению признавался вопрос веры. Так, декларировалось «первенствующее и господствующее в Российской империи» положение веры «Христианской Православной Кафолической Восточного исповедания». Подданным не принадлежавшим к Русской Православной Церкви и иностранцам, предоставлялось «право свободного отправления их веры» (ст. ст. 40–46).

Особый интерес правоведов традиционно вызывает глава «о законах», где провозглашалось, что «империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих». Законодатель разграничивал общие, местные и особенные законы, определял их форму, а также порядок составления, пояснения, дополнения и их исполнения и т.д. (ст. ст. 47–79).

Верховное управление принадлежало только Государю. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверялась от него местам и лицам, действующим его именем и по его повелению (ст. ст. 80–81).

Раздел второй содержал «Учреждение о Императорской Фамилии», где определялась степень родства, о рождении и кончине, о их титулах, гербах и других внешних преимуществах, о содержании, гражданских правах и обязанностях Императорской Фамилии (ст. ст. 82–203)[2].

Итак, «Основные государственные законы» в редакции 1832 года стали началом самостоятельного этапа развития идеи конституционализма и государственного законодательства. Они определяли и регламентировали основные начала государственного строя.

[1] См.: *Владимирова Г.Е.* Основные государственные законы Российской империи 1832–1892 гг. в определении основ государственного строя в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 12.

[2] Основные государственные законы ч.1. Т.I. Свод законов Российской империи. СПб., 1832 и т.д.

Бурмистрова С.Е.
ИМ ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Н.И. Землянская, к.ю.н., профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «СГЮА».

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. *В данной статье рассматривается финансово-правовой статус бюджетных образовательных учреждений, исследуются его особенности. Анализируется вопрос финансирования бюджетных учреждений.*

Ключевые слова: *бюджетные учреждения, финансирование, финансово-правовой статус, правосубъектность.*

Burmistrova S.E.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Zemlyanskaya N.I. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

FEATURES OF THE FINANCIAL AND LEGAL STATUS OF BUDGETARY INSTITUTIONS

Abstract. *This article examines the financial and legal status of budgetary educational institutions, examines its features. The issue of financing of budgetary institutions is analyzed.*

Keywords: *budget institutions, financing, financial and legal status, legal personality.*

В социальной сфере финансовая политика реализуется посредством разных инструментов, одним из которых является финансово-правовое регулирование осуществляемой бюджетными учреждениями деятельности. На современном этапе актуальными являются реализация проводимой государством социальной политики с акцентом на использовании бюджетных средств и проблемы уяснения финансово-правового положения бюджетных учреждений при рациональном финансовом обеспечении.

Бюджетным учреждением является некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах, осуществляющая свою деятельность в соответствии с предметом и целями деятельности, определенными в соответствии с федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, муниципальными правовыми актами и уставом[1].

Свою деятельность – в обязательном порядке регламентированные в учредительных документах услуги и работы – рассматриваемые учреждения реализуют в соответствии с учредительными документами, не предусматривающими права отказа от исполнения муниципальных (государственными) заданий, выполнение которых проходит с помощью предоставляемого в виде субсидий из определенного бюджета финансового обеспечения.

Для обозначенных учреждений, помимо предписанных муниципальных (государственных) заданий, допустимо исполнение за плату и на установленных при оказании одинаковых услуг для юридических и физических лиц условиях, предусмотренных их учредительными документами или перечнем основных видов осуществляемой ими деятельности услуг и работ.

Помимо основных видов осуществляемой деятельности допустимо осуществление ими и иных видов деятельности в силу того, что они способствуют реализации целей, ради которых и созданы эти учреждения, при обязательном указании в учредительных документах такой деятельности.

Функционал бюджетных учреждений включает выполнение определенных заданий по исполнению публичных обязательств Правительством РФ, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрацией муниципального образования и органами местного самоуправления в порядке, подлежащем исполнению в денежной форме публичных обязательств перед физическими лицами.

Выполнение бюджетными учреждениями муниципального (государственного) задания проходит с помощью предоставляемых средств в виде субсидий из соответствующе бюджета бюджетной системы РФ. Бюджетирование определяется исходя из трат на содержание закрепленного учредителем за бюджетными организациями особо ценного движимого или недвижимого имущества (приобретенного на выделенные им средства имущества обозначенными организациями) и на уплату с такого имущества, в т.ч. земельных участков, являющихся налогооблагаемыми объектами, налогов.

Определяющим в процедуре формирования задания муниципального (государственного) уровня и порядка предоставления для его исполнения финансового обеспечения является[2]:

- местная администрация – в отношении бюджетных организаций муниципального уровня;
- высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ – в отношении бюджетных организаций соответствующего субъекта Российской Федерации;

[1] Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. 1996. № 7, ст. 92.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 № 145-ФЗ (в ред. от 22.12.2020) // СЗ РФ. 1998. № 145, ст. 69.2.

• Правительство Российской Федерации – в отношении бюджетных организаций федерально уровня.

Операции со средствами, поступающими бюджетным организациям через лицевые счета, проводятся ими согласно действующему российскому законодательству. Согласно установленному российским законодательством (в некоторых случаях – федеральным законом) порядку, предназначенные для этих целей счета открываются в финансовом органе муниципального образования или субъекта из состава РФ или в территориальном органе Федерального казначейства.

Закрепление имущества бюджетных учреждений за ними осуществляется в соответствии с российским законодательством на праве оперативного управления. При этом муниципальные образования, субъекты РФ, Российская Федерация выступают в качестве собственников имущества бюджетных учреждений.

Без согласия собственника бюджетная организация не имеет права распоряжаться закрепленным за ней особо ценным движимым, включая недвижимое, имуществом или приобретенным на выделенные им средства имуществом обозначенной организацией[1].

Права на осуществление сделок с ценными бумагами и размещение в кредитных организациях на депозитах денежных средств, если федеральные законы не предусматривают иного, бюджетные организации не имеют.

То, что муниципальный или государственный бюджет выступает в качестве основного источника финансирования бюджетных учреждений, составляет в их финансово-правовом положении главную особенность. Вкладывая в них денежные средства, государство способствует большей эффективности осуществляемой органами государственной власти деятельности, создает условия для развития общества и его стабильности.

Неразрывная связь с бюджетом, посредством которого рассматриваемые учреждения обеспечиваются необходимыми для работы средствами, – значимая особенность источников финансирования их деятельности. Если бюджетные ресурсы недоступны, то бюджетные учреждения начинают испытывать дефицит финансирования.

В нынешних условиях недофинансирования бюджетным учреждениям приходится вступать в предпринимательские отношения. Оказываясь в статусе предпринимателей, они становятся субъектами частного права. Вследствие этого появляются проблемы в правовом режиме финансовых ресурсов бюджетных учреждений, поступивших от оказания платных услуг.

Получение бесплатного и общедоступного дошкольного образования, а также основного общего и профессионального в образовательных учреждениях муниципального и государственного уровня гарантируется в России Конституцией РФ.

По заданию государства и согласно разработанным стандартам предоставления образовательных услуг, образовательные учреждения обучают детей, на что им выделяются субсидии из бюджета. Для начисления размера субсидий принимаются нормативы затрат на выполнение данных услуг.

Поверх государственного задания и вне установленного объема образовательные учреждения оказывают дополнительные услуги, за которые взимается плата.

Школы и образовательные учреждения являются особыми учреждениями, управление которыми невозможно поручить обычным менеджерам, чуждым в области педагогики и просвещения. По этой причине на директоров школ возлагается дополнительная нагрузка по финансовому управлению вверенных им учреждений.

Школа выступает особым социальным институтом, обучающим грамоте и неразрывно связанным с воспитанием личности. Именно на этом этапе происходит «рождение» личности, развитие гражданской позиции будущих граждан, формируется процесс сохранения культурных традиций. Оказание платных услуг в бюджетных образовательных учреждениях приведет к утрате именно духовной составляющей. В конечном итоге закон подтверждает тот факт, что предназначение школы заключается в оказании образовательных услуг.

Присущие такой организационно-правовой форме как «учреждение» основные характеристики свойственны бюджетным учреждениям, а именно: это не преследующие цели извлечения прибыли некоммерческие организации; собственник создает их для реализации социально-культурного, управленческого и иного функционала некоммерческого характера; на закрепленное за ними имущество право собственности им не принадлежит.

Последнее необходимо особо подчеркнуть: учреждения – единственный вид организаций некоммерческого характера, которые собственниками своего имущества не являются.

Направление деятельности бюджетных учреждений на выполнение государственного задания по оказанию широкого спектра государственных услуг предрешает их регулирование со стороны права нормами конституционного, административного, гражданского и финансового права. Наряду с этим, как юридическими лицами, ими в определенных сферах жизни общества и государства в целом решаются публичные задачи.

Особую значимость имеет их финансовая правосубъектность в силу того, что очевидность решение бюджетными учреждениями вопросов публичного характера приобретает только при реализации деятельности по образованию, назначению и расходованию финансовых ресурсов учреждениями. Для финансово-правового статуса финансовая правосубъектность – обязательная предпосылка, правовое средство введения в область правового регулирования финансового законодательства субъектов финансового права.

Понятие «финансовая правосубъектность государственного учреждения» сформулировала Е.Г. Писарева, предлагающая рассматривать ее как возможность учреждения выступать в конкретных финансовых правоотношениях по образованию, распределению и использованию, в первую очередь, децентрализованных денежных фондов, являющихся совокупностью собственных (внебюджетных) средств от осуществляемой и приносящей доход деятельности и внешних (бюджетных) поступле-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 1994. № 51, ст. 298.

ний, необходимых для выполнения финансовых обязательств и финансового обеспечения исполнения государственного заказа (государственного задания), участником на предусмотренных условиях[1].

Если речь о бюджетных организациях, то их финансовая самостоятельность предполагает наделенность их для самостоятельной финансовой деятельности определенными обязанностями и правами. В соответствии с уставом для осуществления своей деятельности, они имеют право использовать не запрещенные законом внебюджетные ресурсы финансирования. Вместе с тем, доходами от данных ресурсов бюджетные учреждения управляют на свое усмотрение.

Модернизация правового статуса бюджетных учреждений в контексте Федерального закона от 8 мая 2010 г. N 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» предоставила возможность оставить многоканальность бюджетирования и сохранить привлечение финансовых ресурсов из внебюджетных источников. Привлечение внебюджетных источников финансирования представляется возможным только на базе реализации приносящей доход деятельности. Таковыми выступают доходы от платных услуг, которые оказывают бюджетные учреждения, и сдача в аренду закрепленного недвижимого имущества. А также бюджетные учреждения могут привлечь специальные дополнительные средства в виде пожертвований и т.п.

Содержание проводимой бюджетными организациями финансовой деятельности состоит в реализации ими функций по формированию, направлению и расходованию децентрализованных денежных фондов при выполнении публичных услуг (работ) и достижении поставленных публично-правовым образованием целей государственного или муниципального заказа.

В качестве общеправового принципа в финансовой деятельности бюджетных организаций выступает принцип обеспечения законности. Особую значимость имеют и принципы финансовой деятельности государства и публично-правовых образований, являющиеся приоритетами публичных интересов, социальной ориентации, гласности и финансовой самостоятельности.

Таким образом, финансово-правовой статус бюджетных учреждений – это регламентируемая федеральными, региональными и муниципальными нормативно-правовыми актами единая система прав, обязанностей и финансово-правовой ответственности учреждений как субъектов финансового права. Свой финансово-правовой статус бюджетные учреждения реализуют посредством выступления в конкретные финансовые правоотношения в качестве их участников.

[1] *Писарева Е.Г.* Правовое положение государственных учреждений в сфере финансов: монография / под ред. Н.И. Химичевой. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 26-27.

Вакуленко И.И.
магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Копшева К.О., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОШИБКИ, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. *Предметом исследования являются юридические ошибки, исключающие уголовную ответственность. По мнению автора, несмотря на отсутствие института извинительной юридической ошибки в действующем законодательстве, на практике имеют место такие же реальные закономерности в отношении особых, устраняющих вину обстоятельств, какие положены в основу института ошибки в праве в зарубежных правовых системах.*

Ключевые слова: *юридическая ошибка, презумпция, уголовная ответственность, общественная опасность, уголовно-правовой запрет*

Vakulenko I.I.
master student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kopsheva K.O., Ph.D.in Jurisprudence, docent Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

LEGAL ERRORS EXCLUDING CRIMINAL LIABILITY

Abstract. *The subject of the research is legal errors that exclude criminal liability. According to the author, despite the absence of the institution of an excusable legal error in the current legislation, in practice there are the same real patterns in relation to special circumstances eliminating guilt, which are the basis for the institution of error in law in foreign legal systems.*

Keywords: *legal error, presumption, criminal liability, public danger, criminal prohibition*

Современный Уголовный кодекс РФ, а также советское уголовное законодательство не содержат ни одной нормы, которая регламентировала институт юридической ошибки (ошибки в праве), что никак не соответствует существующим правовым реалиям. Так, например, Примерный Уголовный кодекс США, являющийся образцом для построения уголовных кодексов других штатов, закрепляет положение, при котором ошибка в праве, является обстоятельством, исключающим преступность деяния в обстоятельствах, если отрицается психическое состояние, требуемого для совершения соответствующего преступления[2]. О необходимости осмысления и нормативного закрепления данного института свидетельствует динамика, а также состояние всего российского законодательства и сложившаяся правоприменительная практика.

[2] LaFave W., Scott A. Op. cit. P. 405–407.

Следует признать, что УК РФ содержит много спорных статей, а отдельные нормы уголовного закона сформулированы явно неудачно. Кроме того, за время своего существования УК РФ претерпел множество редакций, не считая многочисленных актов Верховного Суда и Конституционного Суда РФ, изменивших трактовку уголовных законов и рамки их использования, что, несомненно, подрывает веру в закон и правовую осведомленность граждан[1].

Несовершенство юридической техники, а также постоянное использование бланкетного способа изложения диспозиций уголовно-правовых статей, в том числе непрерывный, а главное увеличивающийся процесс детализации объективного права создает определенную подчиненность от положений других нормативно-правовых актов и оказывает большое отрицательное воздействие на способность адресатов уголовного закона осознавать пределы правомерного поведения.

Принимая во внимание низкий уровень правовой культуры граждан и недостаточность используемых средств необходимого правового просвещения, назревает вопрос о незыблемости презумпции знания закона. Думается, что не стоит ожидать от рядового гражданина знания, а главное понимания всех юридических тонкостей, ведь даже профессиональные юристы зачастую не способны найти выход из многих правовых коллизий. Данное положение подтверждается высказыванием известного русского правоведа Н.С. Таганцева, который в своей работе отмечал: «Если мы вспомним всю сеть полицейских законов, охватывающих нашу жизнь, если мы вспомним наш многостатейный свод, то с уверенностью можем сказать, что ни один, даже опытный юрист не в состоянии похвалиться полным знанием велений и запретов закона»[2]. Следовательно, считать презумпцию «незнание закона не освобождает от ответственности» аксиоматичной недопустимо, поскольку этот вопрос должен решаться в каждом отдельном случае в зависимости от конкретных обстоятельств дела[3].

С другой стороны, вышеупомянутая презумпция не позволяет субъекту преступления ссылаться на неведение существующего уголовно-правового запрета, что является, безусловно, необходимым механизмом. Но все-таки данная презумпция не охватывает те случаи, где лицо, добросовестно заблуждаясь, действительно не осознает, что нарушает норму права и поэтому в таких случаях презумпция работать не должна. Таких обстоятельств, где субъект добросовестно заблуждается, много на практике, в связи с чем возникает необходимость систематизировать такие ошибки. Д.А. Дорогин предлагает систематизировать юридические ошибки, исключающие уголовную ответственность по следующим критериям:

1. Причина заблуждения – дефект правотворчества, либо дефект восприятия лицом установленных нормативных требований.

2. Характер ошибки – незнание самого факта наличия уголовно-правового запрета, либо незнание его содержания[4].

Таким образом, есть четыре варианта комбинаций этих критериев. Можно привести примеры по каждому критерию юридической ошибки, которая будет влиять на уголовную ответственность.

Первый пример связан с дефектом правотворчества. В 2003 г. организация «Хизб-ут Тахрир аль-Ислами» была признана террористической Верховным Судом РФ, однако, официальный перечень организаций, признанных террористическими, впервые был опубликован только в 2006 г.. Сторона обвинения ссылалась на то, что решение Верховного суда РФ о запрете данной организации было известно, поскольку информация была доступна и активно публиковалась в СМИ. Доводы обвинения ЕСПЧ признал несостоятельными, т.к. СМИ никак не могут и не должны заменять официальную публикацию текста судебного решения, потому что только публикация, исходящая из официального источника, может дать адекватное и достоверное указание на правовые нормы, примененные в деле[5].

Следующая ситуация связана с добросовестным заблуждением лица в отношении существующего уголовно-правового запрета, а именно уголовное дело в отношении гражданина Ш. по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Гражданин Ш., являясь директором школы, собственноручно сделал два приказа, о выплате себе премий на общую сумму в 25000 рублей, которые в дальнейшем благополучно получил. Он был полностью убежден в правомерности совершаемых действий, поскольку совершал эти действия открыто, при взаимодействии с администрацией города. Возникшая ситуация произошла в связи с тем, что у администрации города не было правильного представления о том, каким образом должна происходить выплата премии сотруднику этого учреждения, и что Ш. был вправе самостоятельно издать такой приказ и получить премию за счет денежных средств, находящихся в ведении учреждения. Суд указал, что противоправность и общественная опасность действий Ш. не носила для него явный характер, что в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК РФ, исключает его виновность.

Другой тип юридической ошибки напрямую связан с неопределенностью содержания уголовно-правого запрета. Примером может послужить резонансное дело, которое рассматривалось Конституционным судом РФ по делу Н.В. Урюпиной, связанное со сбытом холодного оружия, имеющего культурную ценность. Сформировалась следующая ситуация, где законодатель с одной стороны позволяет реализовывать свое имущество, которое к тому же имело культурную ценность, а с другой, запрещает реализацию предметов, представляющих опасность для людей. Законодательство в таких случаях противоречиво и в возникшей ситуации Урюпина Н.В. была лишена

---

[1] *Горячев И.Н.* Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

[2] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 238.

[3] *Строгович М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 210.

[4] *Дорогин Д.А.* Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность // Науки криминального цикла. 2019. № 8. С. 74-84.

[5] Постановление Европейского Суда по правам человека от 14.03.2013 по делу «Касымахунов и Сайбаталов (Kasymakhunov and Saybatalov) против Российской Федерации» (Жалоба № 26261/05 и 26377/06) // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 2.

возможности принять правильное решение, какой нормой права следует руководствоваться, следовательно, она никак не могла осознавать противоправность своего поведения и привлекаться к уголовной ответственности за сбыт холодного оружия, имеющего культурную ценность[1].

В настоящее время возникают случаи, когда лицо не способно было знать о существовании уголовно-правового запрета и иметь возможность ознакомиться с его содержанием. Такого рода извинительная юридическая ошибка связана с незнанием самого факта наличия уголовно-правого запрета. В такой ситуации презумпция знания закона работать не должна, и лицо не должно подлежать уголовной ответственности. Однако, стоит подчеркнуть, что для признания ошибки такого рода извинительной, следует установить, действительно ли лицо было лишено возможности ознакомиться с требованиями уголовно-правового запрета. Такие обстоятельства могут происходить, если лицо находиться, например, в длительной экспедиции или на зимовке вне населенных пунктов[2].

Заключительный четвертый тип извинительной ошибки связан с дефектом восприятия и незнанием содержания запрета. Подобные ситуации встречаются редко, но, тем не менее, все равно могут возникать. Например, субъект совершает преступление, не зная об этом из-за того что он не владеет государственным языком либо относится к иной культурной среде (иностранцы, апатриды и представители коренных малочисленных народов). В России все соответствующие нормативно-правовые акты публикуются на государственном языке Российской Федерации, где также для республик в составе РФ предусматривается возможность опубликования данных нормативных правовых актов также на государственных языках республик[3]. Ввиду этого, такое лицо не может осознавать содержание существующих запретов. Однако, все на самом деле не так просто, поскольку для признания деяния такого субъекта извинительной юридической ошибкой, крайне необходим факт наличия добросовестного заблуждения касательно существующих уголовно-правовых запретов. Для полного понимания следует проиллюстрировать все на реальном примере из судебной практики.

Гражданин Узбекистана Х. был осужден за покушение на дачу взятки (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 291 УК РФ). В свою защиту он приводил доводы, что не знает содержание российских уголовно-правовых норм, подкрепляя это своей национальной принадлежностью. Суд признал объяснения гражданина Х. неубедительными, поскольку возраст подсудимого, его жизненный опыт и длительность проживания на территории Российской Федерации (в течение нескольких лет) говорит об обратном.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

Классифицировать юридические ошибки, исключающие уголовную ответственность можно по двум критериям с двумя вариантами проявления: причины заблуждения (дефект правотворчества либо дефект восприятия лицом установленных нормативных требований), а также характера ошибки (незнание самого факта наличия уголовно-правового запрета, либо незнание его содержания).

Приведенные примеры из судебной практики показывают необходимость включения в УК РФ института юридической ошибки, исключающего уголовную ответственность с дальнейшей его разработкой.

Вахненко А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Донченко А.Г., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОШИБКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. *Юридическая ошибка выступает видом уголовно-правовой ошибки субъекта. Но ее содержание в доктрине и на практике смешивается с фактической ошибкой. В статье рассматриваются причины такого положения дел, выявляется, что это связано с неверным делением ошибок на виды, и предлагается новый подход классификации по правоотношениям. Делается вывод, что юридическая ошибка – миф.*

Ключевые слова: *юридическая ошибка; уголовное право; правоотношения.*

Vakhnenko A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Donchenko A.G. Candidate of Law, Associate Professor of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

LEGAL ERROR IN CRIMINAL LAW: MYTH OR REALITY?

Abstract. *Legal error is a type of criminal law error of the subject. But her content in the doctrine and in practice is mixing with factual error. In the article researching the reasons for this state of affairs, revealing the connection with incorrect division of errors into types, and presented the new approach to the classification by the legal relations. Is concluded that the legal error is a myth.*

Keywords: *legal error; criminal law; legal relations*

В уголовно-правовой науке категория юридической ошибки является достаточно устоявшейся и традиционно воспринимается как вид уголовно-правовой ошибки субъекта. Несмотря на кажущуюся широту скрываемого «юридического» в понятии, оно, как правило, ограничено только узким кругом предметов: преступностью дея-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 18.03.2021).

[2] См.: *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 142.

[3] Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации (в ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

ния, его квалификацией или наказуемостью. Непременно возникает вопрос о целесообразности употребления столь широкой категории. Можно только предположить, что это обусловлено неоднородностью явлений, входящих в предмет ошибки. То есть сложно найти понятие охватывающее их все. Поэтому на первый взгляд кажется весьма верным употребление в качестве тождественного юридической ошибке наименование «ошибка в праве». Однако если углубиться в их рассмотрение, то можно установить, что семантически и логически это не совсем равные понятия. С точки зрения семантики слово «юридическая» указывает на характер ошибки, т.е. определяет связь ее качества с правовыми положениями, но при этом не указывает какого рода эта связь. В этом смысле словесная конструкция «ошибка в праве» более конкретна, поскольку наглядно демонстрирует характер связи между частями этой конструкции, путем опредмечивания ошибки, показывая, в чем она происходит. Такое словосочетание и логически точнее в силу того, что «право» соотносится с «противоправностью», «квалификацией» и «наказуемостью» как общее понятие с частными. Тем не менее, языковая функциональность «юридической ошибки» имеет более обтекаемый характер, ее проще встроить в систему научных терминов языка. Можно продемонстрировать это следующим образом. Для того чтобы назвать данный вид уголовно-правовой ошибки следует ее обозначить «юридическая уголовно-правовая ошибка» или «юридическая ошибка в уголовном праве». Далеко не идеальное наименование, но куда более приемлемое чем «уголовно-правовая ошибка в праве» или «ошибка в праве в уголовном праве». Так или иначе, но исследователи считают оба названия уголовно-правовой ошибки взаимозаменяемыми и не акцентируют на несущественных различиях внимания.

Отходя от лингвистических особенностей юридической ошибки, следует перейти к сущности данного понятия. Ее можно установить, рассмотрев имеющиеся в науке позиции относительно определения указанной ошибки. М.Б. Фаткуллина понимает под ней неверное знание, полученное под влиянием заблуждения лица относительно юридических обстоятельств совершаемого им деяния[1]. При этом в качестве юридических обстоятельств выступают, во-первых, общественная опасность и уголовная противоправность деяния, во-вторых, его уголовно-правовая наказуемость и квалификация[2]. З.Г. Алиев, в свою очередь, именует юридической ошибкой психическое отношение лица к своему поведению и его последствиям, имеющее в интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением относительно преступности деяния, а также уголовно-правовой квалификации и возможного наказания[3]. Д.А. Дорогин дает следующее определение: заблуждение лица относительно правовых характеристик совершаемого им деяния. Затем раскрывает эти правовые характеристики, указывая, что такого рода ошибки бывают в запрете, в наказании и в квалификации содеянного[4]. А.Ю. Прохоров ограничивается формулировкой, что юридическая ошибка основывается на заблуждении относительно правовых свойств совершаемого деяния, а именно о его преступности или непреступности, о квалификации содеянного, а также о характере (виде, размере) наказания, назначаемого за совершенное преступление[5]. Имеются и другие позиции в доктрине уголовного права[6], но принципиальной разницы по данному вопросу они в себе не несут. Лучше рассмотреть несколько подробнее имеющиеся противоречия в представленных взглядах. При всем уважении ко всем авторам в целом и каждому в отдельности, в первую очередь, возникают существенные вопросы к позициям З.Г. Алиева и А.Ю. Прохорова, поскольку они употребляют в качестве предмета ошибки преступность деяния, а затем в качестве отдельного предмета его обязательный признак – наказуемость. Преступность деяния уже состоит из общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости. Поэтому ошибка в преступности уже охватывает признак наказуемости. В этом плане более верными выглядят мнения М.Б. Фаткуллиной и Д.А. Дорогина. Указание же на заблуждение в общественной опасности и противоправности при юридической ошибке демонстрирует больший эвристический потенциал по сравнению заблуждением в запрете. Так как противоправность выступает признаком, корреспондирующим с общественной опасностью. Последняя выступает социальной сущностью преступления, а первая ее формальным выражением. Поэтому в части предмета юридической ошибки представляется более корректным указывать общественную опасность и противоправность, квалификацию и наказуемость.

Однако приведенных рассуждений не достаточно для выявления сущности юридической ошибки. Установив имеющееся содержание «юридического», требуется определиться и с «ошибкой». Мнение М.Б. Фаткуллиной, что под ней следует понимать неверное знание, полученное под влиянием заблуждения, вызывает неприятие в силу смысловой тавтологии. «Заблуждение» уже включает в свое содержание неверное знание, неверное восприятие, потому не оправдано определение ошибки как неверного знания, обусловленного «неверным знанием». Не менее специфична позиция З.Г. Алиева, по сути, имеющего в виду вину с пороком, возникшим из-за заблуждения. Рассмотрение влияния ошибки на вину, бесспорно, необходимо, но при таком подходе невозможно будет отделить одну от другой, т.к. происходит их необоснованное смешение и отождествление. Поскольку А.Ю.

---

[1] См.: *Фаткуллина М.Б.* Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 24.

[2] См.: Указ. соч. С. 44.

[3] См.: *Алиев З.Г.* Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 52.

[4] См.: *Дорогин Д.А.* Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность // Lexrussica, 2019. № 8 (153). С. 75.

[5] См.: *Прохоров А.Ю.* Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 137.

[6] См., например: *Коптякова Л.И.* Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация. – Проблемы права, социалистической государственности и социального управления. Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1978. С. 105-106; *Рарог А.И.* Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права, 2019. № 4 (101). С. 95. и др.

Прохоров не формулирует дефиницию юридической ошибки, рассмотрим определение Д.А. Дорогина. Его подход состоит в отождествление ошибки с заблуждением. Опираясь на исследования В.А. Якушина, можно выразить солидарность с таким подходом, т.к. заблуждение охватывает ошибки двух уровней – рационального и чувственного характера[1]. Поэтому оно имеет оптимальное соотношение с ошибкой, позволяющее осуществить их контекстуальную взаимозаменяемость. Можно отметить, что из перечисленных вариантов лучшим является определение ошибки через понятие заблуждения. Не преуменьшая положительных сторон указанных исследований, представляется, что все они предпринимают попытку акцентировать внимание на субъективной стороне лица, совершившего деяние – правоисполнителя. Бесспорно, такой подход имеет право на существование, учитывая, что сама ошибка и ее значение обусловлены психическим отношением лица к своему поведению. Однако для правоисполнителя ошибка в момент совершения действий или бездействий как таковая отсутствует, она констатируется правоисполнителем при уголовно-правовой оценке деяния. В связи с чем предлагается перенести акцент в понятии на деятельностный – материальный аспект, учитывающий наличие заблуждения. Это позволит более точно рассматривать ошибку в целом и юридическую в частности. Отсюда можно определить последнюю как поведение лица, обусловленное заблуждением в юридических свойствах деяния.

Таким образом, критически осмыслив различные позиции ученых-криминалистов, можно заключить, что сущность юридической ошибки состоит в заблуждении относительно качественных и (или) количественных характеристиках общественной опасности и противоправности деяния либо его квалификации и наказуемости.

Не переходя к практическому осмыслению юридической ошибки в уголовном праве, невозможно ответить на ключевой вопрос, поставленный в заглавии данного исследования. Поскольку его решение лежит не только в теоретико-правовой, но и социально-практической плоскости. Существует деление юридических ошибок на виды, наиболее распространенным из которых выступает наличие либо отсутствие уголовно-правового значения. Традиционно по этому основанию заблуждения в общественной опасности и противоправности, как правило, относятся к имеющим свое значение в уголовном праве, а заблуждения в квалификации и наказуемости к не имеющим такового. В связи с чем последний вид ошибок как будто бы выпадает из уголовно-правовой функциональности и, в принципе, теряет всякий смысл. При этом существует более глобальная проблема, состоящая в разграничении юридической ошибки с фактической. И даже отсутствие влияния на квалификацию у данной группы ошибок не препятствует их отождествлению с фактическими ошибками. Об этом говорит наличие примеров в научной литературе, когда авторы для иллюстрации и юридической и фактической ошибке используют практически одни и те же примеры. В частности, ошибка в квалификации, при которой лицо считает, что его деяние нарушает одну уголовно-правовую норму, а фактически совершается посягательство, подпадающие под признаки двух норм. Далее обозначенная ситуация может иллюстрироваться конкретным примером – совершение хулиганства с умышленным уничтожением чужого имущества путем поджога, которое виновное лицо рассматривало как единое преступление[2]. При этом тождественная ситуация, когда лицо заблуждается в количестве нарушаемых уголовно-правовых норм уже рассматривается как случай фактической ошибки в объекте. Далее иллюстрируемая крайне схожим примером – совершение хулиганских действий лицом и оказание сопротивления сотрудникам правоохранительных органов при его задержании[3]. Более того, внимательное рассмотрение этой проблемы – разграничения между собой фактической и юридической ошибки, – вызывает больше вопросов чем ответов. Каков критерий разграничения их с фактической ошибкой? Так как при заблуждении относительно общественной опасности и противоправности деяния, разве отсутствует возможность его конкретизации до объективных признаков состава преступления? А если это возможно, то в чем, в сущности, состоит их отличие? Например, лицо узнает от третьих лиц о получении взятки должностным лицом, и как добросовестный гражданин заявляет об этом в компетентные органы. Однако данный факт не подтверждается и в отношении заявителя возбуждается уголовное дело по подозрению в заведомо ложном доносе. Такую ситуацию представляет М.Б. Фаткуллина в качестве иллюстрации ошибки в общественной опасности и противоправности[4]. Однако заблуждение вполне можно конкретизировать до объективного признака состава преступления – характера деяния. Оно не имеет общественной опасности в силу отсутствия заведомой ложности сообщенных сведений и потому не противоправно.

Тем не менее, современные исследования предпринимают попытку дать критерий разграничения юридической и фактической ошибки. В.В. Хилюта предлагает в качестве него отделять конкретные ситуации, в которых происходит заблуждение в преступности деяния, от заблуждения в общественной опасности деяния, которое в силу каких-то фактических обстоятельств, неизвестных лицу, утрачивает свою общественную опасность[5]. Однако подобный подход не имеет четкой методологии и научной разработанности.

Представляется, что проблема наполнения юридической ошибки самостоятельным содержанием в уголовном праве обусловлена неудачной дифференциацией. В этой части В.А. Якушин и В.В. Назаров, точно замечают, что вполне допустимо считать юридическую ошибку подвидом фактической. Они аргументирует это тем, что юридические характеристики деяния (противоправность, квалификация, вид и размер наказания) могут именоваться фактами, следовательно, заблуждения в них будут такими же фактическими, как и юриди-

[1] См.: *Якушин В.А.* Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С. 33-35.

[2] См.: *Фаткуллина М.Б.* Указ. соч. С. 78.

[3] См.: *Фаткуллина М.Б.* Указ. соч. С. 86.

[4] Там же.

[5] См.: *Хилюта В.В.* Мнимое преступление или фактическая ошибка // Уголовное право, 2018. № 1. С. 108.

ческими ошибками[1]. Продолжая данный тезис, следует углубиться в классификацию уголовно-правовых ошибок. Предлагается их разграничить на охранительные и предупредительные в зависимости от того в каких уголовных правоотношениях они возникают. В данном вопросе следует опираться на понимание Б.Т. Разгильдиева, как наиболее авторитетного исследователя уголовно-правовых задач, реализуемых в самостоятельных видах правоотношений[2]. Охранительные ошибки существуют на уровне угрозы привлечения к уголовной ответственности за нарушение правоисполнителем, возложенной на него уголовным законом обязанности по воздержанию от совершения преступлений. Такого рода заблуждения не могут повлечь за собой мер уголовно-правового воздействия, поскольку происходят в отрыве реальных уголовно-наказуемых посягательств. Поэтому можно с уверенностью отнести к данному виду ошибок ситуации, именуемые «мнимыми преступлениями», при которых правоисполнитель считает, что совершает общественно-опасное противоправное деяние, а в реальности его нет, т.к. оно не закреплено в уголовном законе в качестве преступного. Это связано с тем, что принятие, действие, изменение и отмена закона и его отдельных положений – явления объективные. Они могут либо осмысливаться, либо не осмысливаться правоисполнителями. В любом случае последние находятся в рамках его действия, из-за чего и возникает презумпция (а чаще фикция) знания правовых норм, поскольку без нее было бы невозможно установить вину лица. Причем достаточно объективной возможности ознакомления с правовыми нормами, чтобы презюмировать знание законодательства и впоследствии определять конкретную форму и вид вины. Однако независимо от субъективных форм интерпретации самих правоположений правоисполнителями в рамках охранительных правоотношений для правоприменителя имеет значение только реальное поведение лица и наличие у него вины, необходимые для вступления последнего в предупредительные правоотношения. Таким образом, возникает критерий, позволяющий исчерпывающе дифференцировать ошибки на виды, состоящий в наличии либо отсутствии уголовно наказуемого деяния. Поэтому возвращаясь к мнимым преступлениям, становится очевидным их отношение к числу охранительных ошибок в силу отсутствия реального общественно опасного противоправного деяния. К данному виду также относятся деяния, совершенные в состояниях, исключающих их преступность. Отсюда можно заключить, что ошибки в охранительных уголовно-правовых отношениях в рамках своей функциональности сводятся к исключению преступности поведения и потому не влекут уголовной ответственности.

Ошибки в предупредительных уголовных правоотношениях имеют большую разветвленность. К ним относятся как заблуждения в квалификации и наказуемости деяний, так и заблуждения относительно их общественной опасности и противоправности. При этом последние ошибки включают, так называемые фактические, в силу того, что могут быть конкретизированы до объективных признаков состава преступления, поскольку общественная опасность и противоправность выступают более общими понятиями по отношению к конкретным признакам состава преступления. Значение же такого рода заблуждений может варьироваться от изменения квалификации до смягчения уголовной ответственности или ее отягчения либо освобождения от нее. Что касается заблуждений в квалификации и наказуемости деяний, то они, будучи результатом осмысления реального деяния, относятся к предупредительным правоотношениям. Это же касается заблуждений в числе уголовно-правовых норм. Эти ошибки по своему значению на квалификацию не влияют, но могут быть учтены судом в качестве смягчающих либо отягчающих обстоятельств.

Таким образом, можно заключить, что юридическая ошибка в уголовном праве – результат неверной классификации, искусственно разделяющей уголовно-правовую ошибку. Литературно выражаясь, юридическая ошибки – миф, а не уголовно-правовая реальность. Отсутствие учета вида правоотношений породило терминологию, различно именующую однородные ситуации в зависимости от степени их обобщения, что представляет собой вертикаль, но предлагается как горизонталь. Вследствие чего произошло смешение видов уголовно-правовых ошибок. Поэтому предлагается принципиально иной подход к их дифференциации, позволяющий классифицировать ошибки по правоотношениям, не смешивая между собой, разделив на заблуждения в охранительных и предупредительных правоотношениях. Это позволяет решить ряд проблем в понимании уголовно-правовой ошибки, связанных как с ее понятием, так и значением. В перспективе данный подход может способствовать законодательному формулированию положений исследуемого института.

[1] *Якушин В.А., Назаров В.В.* Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения (теоретические аспекты). Ульяновск: УлГУ, 1997. С. 16-17.

[2] *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовое воздействие и виды его реализации // Право. Законодательство. Личность, 2015. № 1 (20). С. 213–215.

Виноградова В.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Баранова М.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. *Принцип состязательности сторон реализуется не только на стадии судебного разбирательства, он действует вполне реально и на досудебных стадиях. Необходимо заметить только то, что на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования данный принцип подвергается некоторым ограничениям, его реализация нарушается. Это объясняется тем, что у стороны обвинения имеются властно-распорядительные полномочия в отличие от стороны защиты, которая такими полномочиями не обладает и, следовательно, ее права во многом ущемляются.*

Ключевые слова: *состязательность сторон, уголовный процесс, досудебные стадии судопроизводства.*

VinogradovaV.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: BaranovaM.A. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL

Abstract. *The principle of the adversarialnature of the parties is implemented not only at the trial stage, but also at the pre-trial stages. It should be noted only that at the stages ofinitiating a criminal case andprelimi nary investigation, thisprinciple is subject to some restrictions, its implementation is violated. This is due to the fact that the prosecution has power and administrativepowers, unlike thedefense, which does not have such powers and, consequently, its rights are largelyinfringed.*

Keywords: *adversarial nature of the parties, criminal proceedings, pre-trial stages of the proceedings.*

Согласно Конституции РФ и УПК РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, что подразумевает собой разделение процессуальных функций обвинения, защиты и функции разрешения уголовного дела судом. Стороны должны обладать равными правами перед судом, а суд в свою очередь должен создавать условия для реализации прав и обязанностей данных сторон[1].

Принцип состязательности сторон имеет четыре составляющие:

1) наличие стороны обвинения и стороны защиты;

2) наличие независимого суда, который не является органом уголовного преследования;

3) процессуальное равноправие сторон перед судом;

4) наличие спора или разногласий между сторонами[2].

В настоящее время возникает все больше вопросов относительно реализации принципа состязательности на досудебных стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Большинство авторов склоняется к тому, что данный принцип в большей степени реализуется на стадии судебного разбирательства, нежели на досудебных стадиях. Таким образом, указанному принципу, «отводится вторая роль»[3] в системе принципов уголовного судопроизводства. Конституционный Суд РФ в своих решениях исходит из того, что принцип состязательности и равноправия сторон распространяется на все стадии уголовного судопроизводства и особо подчеркивает необходимость соблюдения баланса прав сторон в уголовном судопроизводстве[4].

Следует отметить так же тот факт, что на досудебных стадиях, состязательность сторон определяется рядом обстоятельств, одним из которых является наличие властно-распорядительных полномочий у должностных лиц стороны обвинения, осуществляющих производство по уголовному делу, в отличие от стороны защиты.

Стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования между собой не равнозначны по задачам и объему процессуальной деятельности и, образуя в целом досудебное производство по делу, содержат в себе достаточно предпятствий для реализации начала состязательности. Авторы, которые анализируют данный принцип на досудебных стадиях в основном обращают внимание именно на стадию предварительного расследования отмечая то, что следователь в ней по действующему закону осуществляет функцию обвинения и, вместе с тем, принимает решение по основным вопросам уголовно-процессуальной деятельности, тем самым совмещая в себе две функции и по дменяет суд. Мало внимания авторы уделяют принципу состязательности на стадии возбуждения уголовного дела, так как не считают данную стадию самостоятельной, выдвигая определенные доводы. А.Н. Макаркин, рассматривая действие принципа состязательности на стадии предварительного расследования, приходит к выводу, что «полагать возбуждение уголовного дела само-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года) // Российская газета. 2001. 22 дек.; СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921.

[2] *Машовец А.О.* Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 123.

[3] *Бородинова Т.Г., Демидов И.Ф.* Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 35–43.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 300-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан»// СЗ РФ. 2003. № 3, ст. 267.

сто ятельной ст адией процесс а крайне проб лематично, те м более, ес ли рассматр ивать эту проб лему с точ ки зрения сост язательност и»[1].

На наш взг ля,д на ста дии возбуж дения уголо вного дела и меются сост авляющие пр инципа сост язательност и, но в по лном объеме о н не реализуетс я, имеются не кие наруше ния.

Согласно ст атье 145 У ПК РФ о возбу ждении или об от казе в возбу ждении уго ловного де ла сообщаетс я заявител ю и разъяс няются пра во и порядо к обжало ва ния данного ре шения. Так же в соответст вии с ч. 1 ст. 1 25 УПК РФ пост ановления ор гана дозна ния, дозна вателя, сле дователя, ру ководителя с ледственно го органа об от казе в возбу ждении уго ловного де ла могут б ыть обжало ваны в суд по месту со вершения де яния, содер жащего приз наки престу пления. Сле довательно, мо жно заметит ь, что в про цессе появ ляются сторо ны, а суд в ыступает нез ависимым арб итром и соз дает необхо димые усло вия для осу ществления сторо нами предост авленных и м прав.

Стоит обрат ить вниман ие, что уже н а первонач альной ста дии уголов ного судопро изводства пр инцип сост язательност и нарушаетс я. Так, напри мер, в ч. 4 ст. 148 У ПК РФ указ ывается, что ко пия постано вления при от казе в возбу ждении уго ловного де ла в течен ие 24 часо в с момент а его вынесе ния отправ ляется зая вителю и про курору, за явителю та кже разъяс няется пра во и порядо к обжалова ния. В то же вре мя лицу, в от ношении которо го проводи лась предв арительная про верка, пра во обжалов ания и его пор ядок не разъ ясняется. Т аким образо м, лицо, в от ношении которо го проводи лась предв арительная про верка, изн ачально пост авлено в у щемленное по ср авнению со сторо ной обвине ния,положение: оно л ишено возмо жности обж аловать ре шение орга нов предвар ительного р асследован ия в случае несо гласия с н им[2]. Для того чтоб ы решить д анную проб лему необхо димо внест и поправки в ч. 4 ст. 148 У ПК РФ и из ложить ее в с ледующей ре дакции «4. Ко пия решени я об отказе в возбу ждении уго ловного де ла в течен ие 24 часо в с момент а его вынесе ния направ ляется зая вителю, ли цу, в отно шении которо го проводи лась предв арительная про верка, и про курору. Пр и этом зая вителю и л ицу, в отно шении которо го проводи лась предв арительная про верка, разъ ясняется е го право об жаловать д анное пост ановление и пор ядок обжало вания».

Однако и н а стадии пре дварительно го расследо вания прин цип состяз ательности и меет некотор ые погрешност и и реализуетс я не полност ью как это го бы хоте лось.

Подозре ваемый, котор ый относитс я к стороне з ащиты, наде лен не мал ым объемом про цессуальны х прав (ст. 46 У ПК РФ), поз воляющих е му защищат ься от подозре ния. Так, н апример, с мо мента факт ического з адержания, по дозреваемы й вправе по льзоваться по мощью защит ника (п. 3 ч. 4 ст. 46 У ПК РФ). Но т ак как в з ако-нодател ьстве не у казано с к акого моме нта наступ ает фактичес кое задерж ание и не обоз начены сро ки доставле ния подозре ваемого к с ледователю, по мощью защит ника он по льзуется не ср азу, в резу льтате чего про исходит уще мление его пр ава на защ иту с моме нта фактичес кого задер жания, что пр иводит к н арушению пр инципа сост язательност и.

С момента всту пления в де ло защитни ка происхо дит значите льное изме нение во все м уголовно м процессе, о но приобрет ает новые черт ы состязате льности. Ес ли до всту пления в де ло защитни ка только от с ледовате ля з ависит выбор н аправления р асследован ия, выдвиже ние подлежащих про верке верс ий, то со всту плением за щитника в де ло появляется процессуальная верстия стороны защиты.

Состязательность все гда предпо лагает нал ичие трех сторо н: обвинен ия, защиты, и нез ависимого арб итра (суда).

Следует от метить, что в досу дебном про изводстве фу нкция обви нения по ср авнению с фу нкцией защ иты оказыв ается в бо лее привиле гированном по ложении пос кольку ее осу ществляют уч астники сторо ны обвинен ия, облада ющие власт но-распоря дительными по лномочиями ю

Во многом это объ ясняется те м, что защ итник подозре ваемого, об виняемого д аже с введе нием измене ний в УПК РФ, не мо жет на рав ных правах про цессуально со перничать со с ледователе м (дознавате лем), котор ый ведет хо д расследо вания и не заинтересован во вз аимодействии с прот ивной сторо ной.

Для того чтоб ы активизиро вать процессу альную деяте льность сторо ны защиты с учето м действия пр инципа сост язательност и в уголов ном судопро изводстве, а и менно на досу дебных ста диях, о котор ых в данно й статье и дет речь необ ходимо рас ширить про цессуальные пр ава защитн ика путем воз ложения на доз навателя, с ледователя об язанности пр иобщать к де лу предмет ы, документ ы и иные с ведения, по лученные з ащитником в пор ядке ч. 3 ст. 86 У ПК РФ.

Чтобы прин цип состяз ательности по лностью ре ализовывалс я на досудеб ных стадия х органы пре дварительно го следств ия и защит ник должны и меть равные пр ава и на р авных изла гать свои до воды и выво ды по вопрос ам, которые по длежат док азыванию по у головному де лу. Но в н астоящее вре мя процессу альное раве нство сторо н на досудеб ных стадия х отсутствует, во м ногом сторо на обвинен ия находитс я в главенст вующей рол и нежели сторо на защиты.

Так в качест ве примера воз ьмем ч. 2 ст. 5 3 УПК РФ г де сказано, что з ащитник, котор ый участвует в про изводстве с ледственно го действи я с целью о казания юр идической по мощи своему по дзащитному в праве дават ь ему крат кие консул ьтации, за давать вопрос ы, но толь ко с разре шения и в пр исутствии с ледователя и ли дознавате ля, в завис имости от то го в какой фор ме осущест вляется пре дварительное р асследован ие. Также с ледователь или дознав атель имеет пр аво ответ и вопросы з ащитника, но з анести в прото кол он их об язан. Проа нализирова в данную ст атью возни кает множест во вопросо в, почему сторо на защиты до лжна спраш ивать

[1] *Макаркин А.И.* Состязательность на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 86, 143.

[2] *Даровских С.М.* Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации. М., 2003.

разрешения чтобы полноправно реализовать свою главную функцию, почему следователь или дознаватель решает какие вопросы может задавать защитник, а какие нет. В результате никаком процессуальном равенстве сторон в данном случае речи идти не может, здесь явной привилегией обладает сторона обвинения, которая выступает в лице следователя или дознавателя, поскольку все делается с ее разрешения.

Нет и равенства сторон в собирании доказательств. На стадии предварительного расследования формулируется обвинение и собираются доказательства виновности лица, совершившего преступление. При этом стремление законодателя искусственно создать состязательность на досудебных стадиях привело к тому, что, предоставив стороне защиты право собирания доказательств, не был разработан реальный механизм его реализации[1]. Закрепленное в ч. 3 ст. 86 УПК право защитника собирать доказательства – фикция. Собирание доказательств – прерогатива должностных лиц, осуществляющих производство по делу, возможность же использования данных, полученных защитником, также полностью зависит от усмотрения следователя, выступающего участником со стороны обвинения. Представляется нелогичным, когда ходатайства, направленные на получение оправдательных доказательств, защитник адресует своей противоположной стороне, в интересах которой наказать лицо, совершившее преступление. Со всем не удивляет тот факт, что на практике часто возникают случаи необоснованного отказа в удовлетворении ходатайств, направленных на собирание доказательств, которые заявлены стороной защиты на стадии предварительного расследования. Поэтому как показывает практика, адвокаты, выступающие на стороне защиты, предпочитают предоставлять свои доказательства на судебном следствии, а не на стадии предварительного расследования. На это обращает внимание Л.В. Симанчева: «Сложившаяся в ходе досудебного производства практика свидетельствует об явно обвинительном уклоне следователей и приводит к тому, что сторона защиты все реже заявляет ходатайства о проведении тех или иных следственных действий (особенно о допросе свидетелей алиби) в ходе расследования, приберегая эти ходатайства для суда»[2].

Еще одно неравенство, следовательно, нарушение принципа состязательности кроется в незаконном ограничении защитника во времени при ознакомлении с материалами дела. Обратимся к ч. 3 ст. 217 УПК РФ, которую охотно используют органы предварительного расследования для ограничения стороны защиты в сроках ознакомления с материалами уголовного дела. Часто на практике сторона защиты сталкивается, например, с тем, что следователь или дознаватель считают простое фотографирование материалов дела как ознакомление или пытаются навязать адвокату некий график ознакомления с делом. Чаще всего следствие действует так не из-за недобросовестного использования данной нормы и желания ограничить сторону защиты в изучении дела, а потому что сроки расследования подходят к концу или они были затянуты.

Однако, во-первых, у защиты свои, чаще всего противоположные следствию, интересы по делу. Во-вторых, чем бы ни руководствовалось обвинение, ущемлять права защиты на ознакомление с материалами дела недопустимо.

Приведем пример из практики. Кузьминский районный суд г. Москвы постановлением от 04.03.2019 № 3/13–20/19 «О3М» отказал следователю в удовлетворении ходатайства в порядке ч. 3 ст. 217 УПК РФ об установлении срока для ознакомления с материалами дела обвиняемому и его защитнику в семь дней. Следователь настаивал на том, что защита намеренно затягивает сроки ознакомления с материалами уголовного дела, поскольку адвокат отказывался подписывать график ознакомления, который ему предложил следователь. Суд указал, что этот довод следователя не основан на законе[3].

Некоторые авторы утверждают, что построение уголовного процесса, в котором наряду с прокурором обвинителем выступает следователь, не позволяет реально обеспечить и защитить права, законные интересы личности обвиняемого. Однако, как видится, такая позиция законодателя реально отражает расстановку сил в уголовном судопроизводстве – так или иначе дознаватель, следователь исходят из интересов стороны обвинения, их деятельность объединена публичным началом. В этой связи представляется верным решение законодателя, определившее дознавателя, следователя, руководителя следственного органа как участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Следовательно, подводя итоги можно прийти к выводу о том, что состязательность как принцип нарушается и не реализуется в полном объеме и необходимой полноте в досудебных стадиях. Данный принцип носит ограниченный характер. Между тем, отдельные аспекты внедрения состязательного начала в досудебное производство все же присутствуют, но требуют определенной доработки.

В целях обеспечения реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса необходимо чтобы обе стороны, а именно сторона обвинения и сторона защиты имели равные права и возможность излагать свои доводы и выводы по вопросам, подлежащим доказыванию по уголовному делу. Сторона обвинения не должна ставить себя в привилегированное положение по отношению к защите и нарушать тем самым ее права. Следует заполнить некоторые пробелы в законодательстве и внести необходимые изменения в УПК РФ.

---

[1] *Шумилова Л.Ф.* Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 55.

[2] *Симанчева Л.В.* Проблемы реализации процессуального равенства сторон в состязательном процессе России // Право на защиту в судебном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Томск, 20-22 сентября 2007 г. Томск, 2007. 290 с.

[3] Постановление № 3/13–20/19 от 4 марта 2019 г. по делу № 1-387/2019. Практика Кузьминского районного суда г. Москвы // URL: https://sudact.ru/regular/doc/k177jloIXyo4/?regular-txt=&regular-case_doc // (дата обращения: 25.03.2021).

Воронков В.В.
Магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ермаков А.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Аннотация. *В статье речь идет об организационной модели деятельности лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь. Анализируется вопрос введения адвокатской монополии в России. Рассматриваются положительные и отрицательные моменты. Приводится мнение о том, как необходимо реформировать институт квалифицированной юридической помощи в РФ.*

Ключевые слова: *квалифицированная юридическая помощь, стандарты квалифицированной юридической помощи, адвокатская монополия, адвокатура.*

Voronkov V.V.
Student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ermakov A.N., Candidate of Law Sciences, Associate Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SOME ISSUES OF ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF PERSONS PROVIDING QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

Abstract. *The article deals with the organizational model of the activities of persons providing qualified legal assistance. The article analyzes the issue of introducing a lawyer's monopoly in Russia. The positive and negative aspects are considered. An opinion is given on how it is necessary to reform the institution of qualified legal aid in the Russian Federation.*

Keywords: *qualified legal assistance, standards of qualified legal assistance, advocate monopoly, advocacy.*

На протяжении многих лет в России широко обсуждается возможное исчезновение юристов, как категории лиц, оказывающих юридическую помощь без специального статуса. Обусловлено это возможным введением адвокатской монополии. Предполагается, что юристы войдут в профессиональное сообщество адвокатов. И если в нулевых, когда пытались законодательно прописать некоторые ограничения на представительство в судах еще могли возникнуть сомнения о монополизации рынка юридической помощи, то сегодня таких сомнений становится все меньше. Это небеспочвенно, поскольку государством ведется работа в этом направлении, разработана государственная программа Российской Федерации «Юстиция», а также создана Министерством Юстиции России Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Именно согласно ее прописанных положений планируется сформировать единую правовую основу предоставления юридических услуг в Российской Федерации. Предполагающей:

- повышение уровня правовой защиты получателей юридических услуг;
- совершенствование института адвокатуры, в том числе путем устранения ограничений, затрудняющих организацию эффективной адвокатской деятельности;
- создание условий для недопущения низкоквалифицированных юристов к оказанию юридических услуг, условий исключения из профессии недобросовестных консультантов;
- создание системы профессиональной правовой помощи, отвечающей общепризнанным международным стандартам, и формирование условий для интеграции институциональной среды адвокатуры в мировое правовое пространство[1].

Е.В. Астапова приводит ряд принципов, которые должны отразить соблюдение интересов потребителей:

«1) эволюционность. Для того чтобы не нарушить право на доступ к судебной защите, которое гарантировано ст. 46 Конституции РФ, переход к введению исключительного права адвокатов и адвокатских образований на оказание юридической помощи на возмездной основе должен быть плавным, при условии сохранения ее доступности как в финансовом плане, так и в количественном составе, а также обеспечения надлежащего качества юридических услуг;

2) непрерывность оказания юридической помощи. Юридическая помощь должна оказываться гражданам и организациям непрерывно, с обеспечением гарантий ее продолжения в случае вступления юристов в адвокатуру и преобразования юридических фирм в адвокатские образования;

3) унификация требования к юридической профессии. Данный принцип позволит обеспечить квалифицированность юридической помощи в условиях выработки единых стандартов и создании системы контроля за их соблюдением (пока не ясно, каким именно образом: на базе адвокатуры как самоуправляемой профессиональной корпорации или путем введения государственного регулирования)»[2].

Да, мы наблюдаем этот плавный переход, т.к. реализация адвокатской монополии поделена на этапы, что находит свое воплощение в Концепции. Но также, представляется, что в конечном итоге это может привести к некоторым проблемам на практике. Поскольку учитывая менталитет российского человека, когда все делается в крайнюю очередь, мы можем получить то, что

[1] См.: Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Федеральная палата адвокатов. URL: https://fparf.ru/documents/draft-regulations/the-draft-concept-for-the-regulation-of-the-market-of-professional-legal-assistance/ (дата обращения: 25.01.2021).

[2] *Астапова Е.В.* К вопросу о Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи и проблемах ее реализации // Юристъ–Правоведъ. 2018. № 3 (86). С. 107.

к моменту завершения переходного периода, который намечен на начало 2023 года, образуется нехватка кадров – «К моменту окончания третьего этапа реализации Концепции должен быть обеспечен переход в адвокатуру всех заинтересованных представителей юридического сообщества»[1]. Соответственно, на практике может получиться такая ситуация, когда большое число юристов не могут осуществлять юридическую деятельность, поскольку не получили адвокатский статус, но и самих кадров адвокатуры недостаточно. От такого развития событий могут пострадать как интересы государства, так и рядовых граждан. Но, несправедливо будет не заметить, что в Концепции предусмотрена корректировка ситуации: «В случае если в ходе мониторинга будет сделан вывод о том, что к 1 января 2023 года численность адвокатского сообщества не обеспечивает потребностей граждан и организаций в получении квалифицированной юридической помощи, либо имеются иные обстоятельства, препятствующие удовлетворению этих потребностей в полном объеме, возможна корректировка продолжительности третьего этапа реализации Концепции»[2].

Мы предлагаем два направления формирования организационных основ для оказания квалифицированной юридической помощи. Первое – это сообщество адвокатов, второе – сообщество юристов, но более регламентированное. Последнее во многом будет напоминать адвокатское сообщество, но основным его отличием будет, например, отсутствие специального статуса. У адвокатского сообщества есть важный инструмент стимулирования качественной деятельности – дисциплинарное производство. Для юристов этот инструмент также будет реализован, но со своими особенностями. Например, дисквалификация на определенный период времени в качестве меры дисциплинарного характера. То есть юрист сможет также консультировать, составлять процессуальные документы, но в судах участвовать не сможет. Осуществлением деятельности по привлечению к дисциплинарной ответственности юристов, предполагается, будет заниматься корпорация.

Что все это даст? По нашему мнению, это позволит сохранить в первую очередь стабильность и не приведет к образованию трудностей на рынке юридической помощи. Во-вторых, позволит упорядочить деятельность юристов и привести ее в соответствие с международными стандартами.

Также для обоих направлений деятельности актуальным, видится, воплощение механизма обязательного страхования ответственности. Это направление зарекомендовало себя в зарубежных странах. В таких, например, как: США, Франция, Германия и др. К слову, в РФ у адвокатов страхование пока только добровольное (нормы законодательства об обязательном страховании адвокатов приостановлены).

Вопрос оставления только сообщества адвокатов и вступление в него частнопрактикующих юристов довольно-таки дискуссионный. Но, как отмечают в своей статье А.В. Малько, С.Ф. Афанасьев, А.Н. Ермаков: «При всех «за» и «против» такого перехода все же нельзя отрицать того, предлагаемая корректировка организационных начал профессиональной деятельности способна обеспечить повышение качества юридических услуг ввиду их приближения к стандартам оказания квалифицированной юридической помощи, регламентированным в международных правовых актов»[3]. С чем, представляется, нужно согласиться, но с некоторой оговоркой. Предлагаемая корректировка может как повысить качество юридических услуг, так и привести к угнетению рынка. Поскольку мы на практике будем иметь все факторы монополизации, что в свою очередь можно оценить, вероятнее всего, отрицательно.

Как раз М.Р. Сухарева отрицательно оценивает монополизацию рынка юридической помощи: «Введение адвокатской монополии не решит тех реальных проблем, которые сейчас остро стоят, а именно адвокатская монополия не станет способом обеспечения высокого уровня юридической помощи. Адвокатская монополия лишь может привести к монополизации рынка, повышению стоимости и снижению уровня доступности юридических услуг»[4].

Интересно было бы обратиться к законодательным нормам и посмотреть, что предложено в них для раскрытия сущности монополии. На сегодняшний день законодательство Российской Федерации закрепляет понятия монополии только в области экономических отношений. Другие случаи проявления и использования этого понятия можно считать не императивно юридическими, а дискуссионными.

На это обращает внимание и К.Ю. Тотьев. Для раскрытия юридического подхода, он проанализировал англоязычные источники и на основе них полагает: «монополию принято определять как исключительное право на определенные действия или на что-либо»[5]. А.Я. Рыженков не согласен с мнением К.Ю. Тотьева и отмечает, что такое понимание монополии не находит своего подтверждения в отечественной практике использования этого термина, т.к. в российском законодательстве монополия чаще рассматривается не столько как право, сколько как противоправная деятельность[6].

Несмотря на указанные негативные аспекты монополии, В.В. Слепова и Р.А. Шарапова в своей статье выделили ее положительные моменты: «– осуществление функций защиты и представительства, предоставление правовой помощи адвокатами; – независимость адвокатуры; – осуществление адвокатской деятельности на основании правил и стандартов, которые установлены

[1] См.: Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Федеральная палата адвокатов. URL: https://fparf.ru/documents/draft-regulations/the-draft-concept-for-the-regulation-of-the-market-of-professional-legal-assistance/ (дата обращения: 25.01.2021).

[2] См.: Там же.

[3] *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н.* Стандарты оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Государство и право. № 10. 2019. С. 49-57.

[4] *Сухарева М.Р.* Адвокатская монополия: быть или не быть // Развитие общественных наук российскими студентами. № 1. 2017. С. 105–106.

[5] *Тотьев К.Ю.* Конкурентное право (правовое регулирование деятельности субъектов конкуренции и монополий). М.: Изд-во РДЛ, 2003. 480 с.

[6] См.: *Рыженков А.Я.* Понятие монополии в российском законодательстве и правовой доктрине // Вестник Волгоградского университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 10-15.

законодательством РФ; – наличие гарантий адвокатской деятельности; – предоставление бесплатной квалифицированной юридической помощи»[1].

Указанные «плюсы», на наш взгляд, не несут в себе того положительного эффекта, который хотелось бы видеть. С независимостью согласимся, а что касается других аспектов, то, например, вопрос со стандартами как допуска, так и осуществления деятельности – открыт. Что касается юридической помощи, оказываемой бесплатно, обратившись к собственным наблюдениям, к наблюдением коллег, можно проследить, что, например, юридическую помощь адвокатов по назначению в уголовном процессе вряд ли возможно назвать квалифицированной, т.к., представляется, что адвокат осуществляет свою деятельность в этом направлении посредственно. Хотя, по смыслу закона об адвокатуре, должен действовать аналогично тому, как он действует при оказании юридической помощи за гонорар.

А.В. Малько, С.Ф. Афанасьев, А.Н. Ермаков пишут о том, что в юридической науке присутствует широкая критика «адвокатизации» рынка юридических услуг. При этом они приводят мнение относительно цели проведения реформы, которое в итоге можно отнести к положительным моментам. Они считают, что целью реформирования является стимулирование юристов к изменению организационных основ деятельности в пользу адвокатуры как единственной формы оказания юридической помощи, соответствующей мировым стандартам[2]. Действительно, как показал анализ международных актов, посвященных вопросам стандартов, везде речь идет об адвокатуре. При этом, например, А.Н. Верещагин приводит в своей статье статистические данные (2012) относительно вопроса монополии на судебное представительство в зарубежных юрисдикциях. Исходя из них, 26 обследованных стран ЕС большинство не требуют профессионального представительства в гражданских и административных делах. В уголовных делах картина не отличается от России – требуется участие профессионального защитника[3]. Что в свою очередь также нас заставляет задуматься о необходимости адвокатской монополи в РФ на сегодняшний день.

В.В. Слепова и Р.А. Шарапова выделают также аргументы сторонников отрицательной оценки адвокатской монополии: «– нарушение прав человека на защиту в ограничении права на выбор себе представителя, предусмотренных Конституцией РФ; – недостаточность количества адвокатов в России для удовлетворения потребностей граждан, которым необходима квалифицированная юридическая помощь; – высокий уровень налогов и сборов, которые должны уплачивать адвокаты; – высокая оплачиваемость юридических услуг; – значительное количество случаев оказания некачественной юридической помощи; – размер взноса при сдаче экзамена на получение статуса адвоката слишком велик»[4]. Если оценивать буквально, то да, можно утверждать об ограничении права на выбор представителя. Ведь результатом реформирования знаменуется исключение юристов-представителей из области защиты в суде.

Что касается вопроса недостаточности адвокатов, то С.А. Халатов справедливо отмечает, что государством не проводились исследования об объеме юридического рынка. Понятно, что для такого изучения необходим внушительный объем средств, но без такой оценки мы можем получить негативные последствия. В частности, те, о которых мы рассуждали ранее.

Целесообразно в этой работе будет отразить то исследование, которое удалось провести С.А. Халатову на территории одного субъекта РФ – Свердловской области.

Цель исследования заключалась в установлении достаточности количества адвокатов для обеспечения представительства в судах. Сергей Александрович аргументировал, почему был выбран данный субъект: «Свердловская область была выбрана в качестве модели по нескольким причинам, некоторые из которых могут и должны смягчить последствия монополии. Во-первых, область является одним из наиболее развитых промышленных регионов, регионом-донором. Во-вторых, область можно назвать одним из российских юридических центров – здесь, помимо судов общей юрисдикции и областного арбитражного суда, расположен Арбитражный суд Уральского округа и один из крупнейших в стране юридических вузов – Уральский государственный юридический университет. В-третьих, размеры области и концентрация мест проживания людей позволяют представить ее уменьшенной копией России – населенные юг и запад и почти пустынные север и восток. В-четвертых, в Свердловской области давно действует система оказания бесплатной юридической помощи за счет средств регионального бюджета как областными государственными юридическими бюро, так и адвокатами, призванная, в том числе, нивелировать неблагоприятные факторы неравномерного расселения»[5].

Исследование строилось на открытой информации. Были взяты данные за 2015 год, что позволило составить представление о количестве судов и судей общей юрисдикции, во всех районах Свердловской области, а также была проведена параллель с общим количеством адвокатов, входящих в Адвокатскую палату Свердловской области. Отмечается, что арбитражные суды в исследовании не учитывались, поскольку по расчетам С.А. Халатова и коллег: «возможная адвокатская монополия слабо скажется на возможности юридических лиц и предпринимателей, являющихся основными субъектами арбитражного процесса»[6]. Согласимся с данной позицией, т.к. введение адвокатской монополии не предполагает исключения из субъектов представительства корпоративных юристов, которые осуществляют свои обязанности на основе трудовых отношений. Да и в ряде стран используется такая практика.

---

[1] *Слепова В.В., Шарапова Р.А.* Адвокатская монополия: за и против // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 12-2. 2018. С. 130-133.

[2] *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н.* Указ. соч. С. 52.

[3] См.: *Верещагин А.Н.* К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. № 2. Т. 12. 2017. С. 152-179.

[4] *Слепова В.В., Шарапова Р.А.* Указ. соч.

[5] Недостаток числа адвокатов – препятствие для адвокатской монополии. URL: https://zakon.ru/blog/2016/12/14/nedostatok_chisla_advokatov__prepyatstvie_dlya_advokatskoj_monopolii (дата обращения: 30.01.2021).

[6] См.: Там же.

Авторы исследования условно приняли, что для обеспечения представительства и защиты по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции необходимое соотношение кадров составляет 1 к 1,5 – количество судей к количеству адвокатов. На основе этого получились неутешительные результаты: «Только в двух условных судебных округах, расположенных вокруг крупных городов – Екатеринбурга и Нижнего Тагила, а также в «закрытом городе» Новоуральске количество адвокатов достаточно для представительства граждан и обеспечения деятельности судов. В остальных городах и районах необходимо увеличение количества адвокатов в среднем примерно в два раза»[1]. Конечно, данные, которые отражены в исследовании сильно устаревшие, но вряд ли по состоянию на 2021 г. наметилась положительная динамика на пополнение кадрового состава адвокатских палат как в целом в России, так и в этой области.

Указанное выше наталкивает на мысль, что для обеспечения конституционных прав граждан государству потребуется дополнительно увеличить финансирование этой сферы. К такому же выводу приходит С.А. Халатов с коллегами: «Это обстоятельство, безусловно, должно повлечь за собой увеличение расходных частей бюджетов на субсидирование адвокатов, оказывающих юридическую помощь в районах с их недостаточным количеством. Применительно к Свердловской области – это все районы, не прилегающие к Екатеринбургу и Нижнему Тагилу, а также вне города Новоуральска. Численно – около трех миллионов человек, т.е. большая часть населения области. В противном случае жители 47 районов и городов Свердловской области останутся без возможности быть представленными в судах своими поверенными»[2].

Итак, исследование С.А. Халатова подтверждает наши опасения по поводу нехватки кадров адвокатуры к моменту окончания переходного периода. При этом, безусловно, нужно согласиться, что институт адвокатуры в России единственное сообщество, которое нормативно урегулировано и соответствует прописанным стандартам в международном праве. Чего нельзя сказать о юристах, которые существуют разрозненно. Но С.Н. Гаврилов пишет, что очевидным является то, что юридический рынок в России требует не столько реформирования, сколько изначальной организации и соответствующей правовой регламентации. Он отмечает, что о ненадлежащем правовом регулировании области юридической помощи свидетельствует возможность неограниченного круга лиц заниматься юридической практикой. Поэтому, по его мнению, обусловлена необходимость реализации мер по упорядочению этой деятельности[3]. Позиция о том, что необходима правовая регламентация и упорядочение деятельности лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь, импонирует нашим взглядам, поскольку, видится, что это могло бы позволить расставить все на свои места. Это возможно только при диалоге государства и всех лиц, которые имеют отношение к юридической деятельности. Разработка стандартов как по допуску к профессии, так и по выполнению определенных действий при осуществлении юридической практики, поспособствовала бы повышению качества, оказываемой помощи. И, возможно, не потребовалось таких весомых изменений, как вступление юристов в адвокатское сообщество.

[1] См.: Там же.

[2] См.: Там же.

[3] См.: *Гаврилов С.Н.* О государственной Программе «Юстиция» и Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Евразийская адвокатура. 2015. № 6 (19). С. 23.

Гаврилов Г.А., Щербинина К.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г.Саратов
Научный руководитель: Савельева Т.А., к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Аннотация. *статья посвящена рассмотрению правового статуса адвоката и осуществляемой им адвокатской деятельности. В рамках статьи автор анализирует история возникновения адвокатуры в России, дает общее толкование терминов «стратегия» и «тактика», а также рассматривает их применительно к юридической деятельности правозащитника.*

Ключевые слова: *адвокат, адвокатская деятельность, стратегия, тактика.*

Gavrilov G.A., Shcherbinina K.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov,
Scientific adviser: Savelyeva T.A., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Arbitration Proceedings

LAWYER ACTIVITIES: HISTORY OF FORMATION AND STRATEGIC FRAMEWORK

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the legal status of a lawyer and the advocacy he carries out. Within the framework of the article, the author analyzes the history of the emergence of the legal profession in Russia, gives a general interpretation of the terms "strategy" and "tactics", and also examines them in relation to the legal activities of a human rights defender.*

Keywords: *lawyer, advocacy, strategy, tactics.*

Профессия адвоката известна с древнейших времен. В соответствии с действующим законодательством им является независимый профессиональный советник по правовым вопросам[4]. Перед ним стоит задача оказания квалифицированной юридической помощи физиче-

[4] См.: ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5027.

ским и юридическим лицам, в том числе защита их прав и представление интересов в суде.

Несмотря на то, что институт профессиональных поверенных в суд появился еще на Руси, а сам термин «адвокат» появился в эпоху правления Петра I, появление организованной адвокатуры связывают с поведенной Александром II в 1864 г. Судебной реформой. Это объясняют тем, что поверенные на Руси находились на самой низкой социальной ступени и порой не имели никакого образования, а их услуги заключались в написании жалоб, поэтому их называли ябедниками, «крапивным семенем». А Петр I считал деятельность адвокатов бесполезной и более того, мешающей работе судьи[1]. После принятия Судебных Уставов состоялось утверждение присяжных поверенных и их первое собрание. Кандидатуры в их состав отбирались с особой скрупулезностью, благодаря чему на тот момент в адвокатуре сложилась система высокой профессиональной чести и культуры. Это послужило базисом для изменения правосознания простых людей и их отношения к закону. В последующие годы адвокатура переживала сложные периоды: ее не признавала императорская власть, а с приходом Советской власти судебная система, ранее созданная, и вовсе была полностью разрушена, начались репрессии. Ситуация меняется в 1962 г. с принятием в РСФСР нового положение, регламентирующего деятельность адвокатов. В 1977 г. впервые в истории русской адвокатуры появилась статья в Конституции СССР, в которой закреплялось публичное положение этого института, а еще через 2 года был принят Закон об адвокатской деятельности. С принятием действующей Конституции, права и свободы человека были провозглашены высшей ценностью. Это обусловило осмысление роли адвокатуры. В 2002 г. с принятием ныне действующего закона, регламентирующего адвокатскую деятельность, в России началась новая эпоха ее функционирования.

Как уже было отмечено ранее, задача адвоката заключается в защите прав клиента, представление его интересов в суде. И в целях успешного разрешения дела адвокат должен выработать стратегию и тактику своей деятельности.

В соответствии с толковым словарем, термин «тактика» подразумевает совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели[2]. В свою очередь понятие «стратегия» относится больше к военным действиям и описывает общий план ведения войны или боевых операций, искусство планирования основанного на правильных и далеко идущих прогнозах руководства [3]. Бесспорно, данный термин можно применять и к другим сферам деятельности без потери его первоначального значения.

Как показывает практика, недостатки в организации подхода адвоката к представлению интересов клиента в суде, в конечном счете, сводятся, в первую очередь, к неэффективной защите прав и интересов, а также к нерезультативному использованию им своего важнейшего ресурса – рабочего времени.

Несколько лет назад американскими учеными было проведено исследование, посвященное организации судебных процессов, в результате которого были выделены профессиональные тактики, используемые адвокатами. Эти тактики направлены на: признание представляемым лицом авторитета судьи, обоснование своего требования через идеологию юридической системы, одновременное разъяснение всех психологических, физических и финансовых последствий деяния для представляемого лица, а также на облечение обстоятельства дела в приемлемую для суда форму[4]. Авторы исследования пришли к выводу, что адвокаты, представляющие интересы клиентов, являются внешними игроками и действуют преимущественно тактически.

Нам представляется возможным выделение и других видов тактик. Например, тактика затягивания. Однако следует иметь в виду, что она чревата негативными последствиями т.к. увеличивает нагрузку судьи, который в свою очередь, может «отыграться» на размере санкции. Также можно выделить обращение к правозащитным кругам и представителям СМИ, что способствует привлечению внимания общественности к делу (в основном это применяется при производстве по уголовному делу). Важным тактическим ходом адвоката выступает его способность доказать суду необходимость приобщения к делу материалов защиты, независимых экспертиз. Кроме того, адвокат использует возможность контроля процесса рассмотрения дела в целях поиска ошибок процессуального характера для выявления содержательных нестыковок.

Что касается стратегии адвокатской деятельности, то понимая под ней общее направление защиты прав представляемого лица, то можно выделить следующие ее разновидности: оборонительная, нейтральная, наступательная. Следует заметить, что некоторыми теоретиками названные нами стратегии рассматриваются в виде тактик, однако мы считаем это неверным. Как нами уже было отмечено, стратегия – это общий подход к процессу, а тактика – конкретные средства и приемы (что и было рассмотрено нами выше).

Названия приведенных стратегий говорят сами за себя. Оборонительная тактика характеризуется тем, что адвокат все свое внимание сосредотачивает на защите, не проявляя активности в процессе. Наступательная же тактика требует от него высокой активности, решительном наступлении на оппонента и опровержении его доводов. Задача нейтральной тактики заключается в нахождении контакта с другой стороной, принятие удовлетворяющего каждую сторону решения.

Таким образом, проведенное нами исследование свидетельствует о том, что адвокатура имеет тернистый путь своего становления, однако это не помешало ей стать эффективным средством правовой защиты и достижения стоящих перед правосудием задач. В этих целях адвокату

---

[1] См.: *Татищев В.* Адвокатура: история возникновения и этапы развития. URL: https://fb.ru/article/467850/advokatura-istoriya-vozniknoveniya-i-etapyi-razvitiya (дата обращения: 04.02.2021).

[2] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. -4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2017. С. 701.

[3] Там же. С. 650.

[4] См.: *Ходжаева Е.А., Рабовски (Шестернина) Ю.В.* Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. 2015. № 2. С. 142.

необходимо не только знать законодательство, но и правильно выбрать стратегию и тактику своей деятельности. Все это определяет значимую роль квалифицированной юридической помощи и адвокатуры в правовой жизни гражданского общества.

Герасименко Д.Р.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Григорьева Л.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НАЛИЧНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. *В данной статье рассматривается наличность посягательства, как одно из условий правомерности необходимой обороны. Анализируется право на необходимую оборону при реальной угрозе посягательства, а также оборона против длящихся и продолжаемых преступлений.*

Ключевые слова: *необходимая оборона, наличность посягательства.*

Gerasimenko D.R.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Grigorieva L.V., Candidate of Juridical Sciences, Docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE PRESENCE OF ENCROACHMENT AS A CONDITION OF THE LEGITIMACY OF THE NECESSARY DEFENSE

Abstract. *This article considers the existence of encroachment as one of the conditions for the legitimacy of the necessary defense. The article analyzes the right to the necessary defense in the face of a real threat of encroachment, as well as defense against ongoing and ongoing crimes.*

Keywords: *necessary defense, the presence of encroachment*

Необходимая оборона представляет собой правомерную защиту личности, общества и государства от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему лицу[1].

Право на причинение вреда лицу, совершившему противоправное посягательство, вытекает из норм Конституции Российской Федерации о защите гражданином своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом[2], и ограничивается условиями правомерности необходимой обороны.

Всякое посягательство имеет определенные временные границы, что принято называть в уголовном праве наличностью посягательства. Согласно общепринятому в доктрине уголовного права мнению, посягательство начинается тогда, когда создается непосредственная угроза охраняемым законом правам и интересам. Момент непосредственного начала посягательства не вызывает затруднений, достаточно спорным представляется вопрос возникновения права на необходимую оборону при угрозе посягательства.

Пленум Верховного Суда РФ говорит о том, что состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства.[3]

Суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства. Данный вопрос не вызывает особых затруднений в случае, когда необходимая оборона применялась в ответ на уже начавшееся посягательство, другое дело если лицо начинает оборонительные действия в тот момент, когда есть лишь угроза.

Некоторые ученые выдвигают мысль о том, что угроза возникает тогда, когда посягающий уже начинает покушение на охраняемые законом правоотношения.

Однако с этой позицией согласиться сложно, т.к. с точки зрения теории стадий преступной действительности покушение характеризуется тем, что объективная сторона преступления уже выполняется виновным. А в случае угрозы посягательства имеется в виду только реальная угроза того, что виновный может начать выполнять объективную сторону того или иного состава преступления. Фактически, при покушении посягательство уже осуществляется, при угрозе посягательство еще отсутствует, но может начаться в ближайшее время.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что покушение и осуществляемое посягательство – однозначные понятия, но покушение и реальная угроза посягательства – понятия несовпадающие.

Весьма интересным представляется мнение А.А. Пионтковского, который определил, что «оборона недопустима против подготавливаемого или предполагаемого нападения»[4]. Таким образом, автор допускает необходимую оборону только на стадии покушения на преступление. Но при этом на стадии покушения лицо начинает выполнять объективную сторону состава преступления, соответственно совершает посягательство. В данном случае А.А. Пионтковский упускает вопрос необходимой обороны против непосредственной угрозы посягательства. Иного мнения придерживался Н.Н. Паше-Озерский

[1] Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / Алешина И.В. [и др.]. Оренбург: ООО ИПК «Университет», С. 198.

[2] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 25 декабря 1993. № 237.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Система ГАРАНТ: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/70233558 (дата обращения: 18.03.2021).

[4] *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 429.

говоря о том, что оборона от преступного посягательства возможна не только против преступного деяния, но и против покушения на него, а равно и против приготовления, т.к. приготовление очевидно угрожает перейти в покушение и далее в оконченное преступление[1]. Данная позиция представляется правильной, но требует некоторых оговорок. Стадия приготовления к покушению в некоторых случаях является достаточно продолжительной по времени, в результате чего лицо может отказаться от намерения совершить преступление. Но при этом, если лицо готовится к совершению убийства, мы тем самым предоставляем обороняющемуся право причинять смерть другому лицу даже без непосредственной угрозы посягательства.

В настоящее время подавляющее большинство исследователей согласны с тем, что право необходимой обороны возникает с момента появления реальной угрозы посягательства. Однако вопрос о моменте, когда возникает право на необходимую оборону, остался не до конца исследованным, т.к. не получен ответ на главный вопрос: что такое реальная угроза посягательства с точки зрения стадий развития преступной деятельности?

Условно стадию приготовления можно разделить на стадию раннего и позднего приготовления. Более интересной с позиции необходимой обороны представляется поздняя стадия приготовления к преступлению, при которой лицо в кратчайшие сроки перейдет к совершению преступления.

Таким образом, логичнее всего считать, что понятие «реальная угроза посягательства», означает позднюю стадию приготовления к преступлению, готовую перейти в стадию покушения.

Состояние необходимой обороны прекращается с прекращением посягательства. Пленум Верховного Суда также конкретизировал это положение в п. 7 постановления говоря о том, что не признаются совершенными в состоянии необходимой обороны действия, если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось обороняющимся лицом[2]. Данное мнение является общепринятым в теории уголовного права. «Посягательство, – пишет профессор Т.Г. Шавгулидзе, – может быть прекращено вследствие сопротивления обороняющегося или вмешательства посторонних лиц, или же вследствие отказа самого нападающего от посягательства. Посягательство считается прекращенным и тогда, когда нападающий достиг своей цели, и объект посягательства уже уничтожен или частично поврежден, а новая опасность ему уже не грозит»[3]. При прекращении посягательства оно уже не считается наличным и тем самым прекращается право на необходимую оборону. Однако в данном вопросе важно понимать, что момент, когда было окончено посягательство, должен быть ясен, прежде всего, для обороняющегося. Некоторые юристы не разделяют данной позиции, указывая на то, что в данном случае центр тяжести переносится с объективного на субъективным момент, а это, в свою очередь может приводить к ошибкам правоприменительной практики. Но, говоря о необходимой обороне нельзя говорить о безусловной объективности, ввиду того, что посягательство зачастую носит неожиданный для обороняющегося характер, что, несомненно, ограничивает возможность обороняющегося мыслить «трезво» в подобной ситуации. Пленум Верховного Суда устанавливает положение, согласно которому «необходимая оборона может иметь место в случае, когда общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам». В данном положении Пленум Верховного Суда делает акцент также на мнение обороняющегося. Таким образом, можно сделать вывод, что оценивать, понимал ли обороняющийся, что общественно опасное посягательство прекращено необходимо в каждом конкретном случае с учетом конкретных обстоятельств дела. Наглядным является следующий случай. Ф. будучи в состоянии алкогольного опьянения стал требовать от своей сестры А. деньги. После получения отказа он стал кричать: «Я прибью тебя, если к утру не приготовишь мне деньги», после чего он нанес ей удар по голове кулаком, после этого нанес удар в грудь, от которого она упала на пол. Ф в процессе нанесения побоев также высказывал угрозы вступить с ней в половую связь и убить ее. После этого А. потеряла сознание. Очнувшись, она, решив прекратить издевательства над ней со стороны Ф., взяла топорик, вошла в комнату, где на кровати с закрытыми глазами лежал Ф., и нанесла ему 14 ударов в область головы топориком. От полученных повреждений Ф. скончался. Суд пришел к выводу, что действия А. не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, т.к. вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было окончено[4]. Мнение суда представляется абсолютно правильным, ввиду того, что когда А. очнулась, она объективно, в спокойной обстановке могла оценить ситуацию и понять, что посягательство на ее здоровье окончено.

Следует понимать, что информация о намерении осуществить посягательство не может быть основанием для причинения вреда в оборонительных целях, поскольку посягательство еще не началось, и отсутствует реальная угроза его осуществления. Однако, необходимо установить, была ли подкреплена данная информация какими либо действиями нападающего лица, т.к., например, демонстрация оружия и высказывание угроз о причинении вреда жизни и здоровью обороняющегося лица может в определенной обстановке расцениваться как реальная угроза посягательства.

---

[1] *Паше-Озерский Н.Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость Общая часть уголовного права. М.: Госюриздат, 1962. С. 51–52.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Система ГАРАНТ: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/70233558 (дата обращения: 18.03.2021).

[3] *Фомин М.А.* Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России. М.: РГБ. 2003: [Сайт]. URL: https://lawbook.online/kniga-rossii-pravo-ugolovnoe/problemyi-sovershenstvovaniya-oboroni.html

[4] Приговор Абдулинского районного суда Оренбургской области от 7 июля 2020 г. по делу № 1|2|-15/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/uwip8kNWw2r8/ (дата обращения: 18.03.2021)

Отдельного внимания заслуживает вопрос окончания права на необходимую оборону в отношении длящихся и продолжаемых преступлений.

При определении момента фактического окончания длящегося преступления в доктрине уголовного права высказываются различные точки зрения.

Определенная точка в обозначенной дискуссии была поставлена Пленумом Верховного Суда. В постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 Пленум разъясняет, что в случае, если состояние необходимой обороны вызвано общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер, право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания такого посягательства[1].

Вопрос о том, в какой именно момент может быть применена оборона в случае совершения продолжаемого преступного посягательства в литературе решается неоднозначно. Некоторыми учеными выдвигается тока зрения, согласно с которой право на необходимую оборону возникает у лица только во время совершения преступных деяний, составляющих эпизоды продолжаемого преступления, или при непосредственной угрозе их совершения[2]. Однако с данной точкой зрения сложно согласиться, ввиду того, что все эпизоды, включаемые в единый состав преступления, охватываются единым умыслом и, соответственно в те периоды, когда непосредственного воздействия на потерпевшего не оказывается, имеется реальная угроза продолжения преступного посягательства.

На данный момент вопрос наличности посягательства так и не получил законодательного урегулирования в Уголовном кодексе Российской Федерации. Некоторые положения данной категории содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда, однако исходя из правоприменительной практики остаются не до конца решенными некоторые вопросы.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/70233558 (дата обращения: 18.03.2021).

[2] *Дмитренко А.П., Сарницкий С.Н.* Объективные и субъективные критерии, определяющие моменты начала и окончания состояния необходимой обороны, при защите от длящихся и продолжаемых общественно опасных посягательств // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 112-117.

Гланская Е.Г.
магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Солдатенко О.М., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В данной статье рассмотрены спорные моменты наследования исключительного права на такие средства индивидуализации, как товарный знак, знак обслуживания, географическое указание и наименование места происхождения товара и коммерческое обозначение. На основе анализа законодательства, судебной практики и цивилистической доктрины сформулирован вывод о недостатках правового регулирования в данной сфере.*

Ключевые слова: *интеллектуальные права, исключительное право, наследование, средства индивидуализации, товарный знак, знак обслуживания, географическое указание, наименование места происхождения товара, коммерческое обозначение.*

Glanskaya E.G.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Soldatenko O.M. PhD, docent *the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov*

PROBLEMS OF INHERITANCE OF INTELLECTUAL RIGHTS TO INDIVIDUALIZATION

Abstract. *This article discusses the controversial aspects of inheriting the exclusive right to such means of individualization as a trademark, service mark, geographical indication and appellation of origin and commercial designation. Based on the analysis of legislation, judicial practice and civil doctrine, the author made a conclusion about the shortcomings of legal regulation in this area.*

Keywords: *intellectual property rights, exclusive right, inheritance, means of individualization, trademark, service mark, geographical indication, appellation of origin, commercial designation.*

В науке гражданского права вопросы наследования интеллектуальных прав на средства индивидуализации носят дискуссионный характер, что вызвано природой средств индивидуализации, а именно их неразрывной связью с коммерческой, предпринимательской деятельностью конкретных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которая дает основание некоторым исследователям ставить под сомнение даже саму возможность наследования прав на эти объекты.

Средство индивидуализации – это обозначение, идентифицирующее (выделяющее) предмет индивидуализа-

ции и позволяющее отличать его от подобных ему предметов[1]. К их числу относятся фирменное наименование, товарный знак и знак обслуживания, географическое указание и наименование места происхождения товара и коммерческое обозначение. Единственное интеллектуальное право, закрепленное за средствами индивидуализации – это исключительное право, в их отношении не существует прав неимущественного характера, что обусловлено их направленностью на предпринимательскую деятельность. Исключительное право способно переходить по наследству согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), однако при наследовании права на средства индивидуализации можно выделить ряд проблем.

В данной статье не будет рассмотрено право на фирменное наименование в аспекте наследования, т.к. оно может принадлежать только юридическому лицу, являющемуся коммерческой организацией (п. 1 ст. 1473 ГК РФ), следовательно, не может входить в состав наследства (т.к. наследование за юридическими лицами невозможно).

Товарные знаки – это обозначения, служащие для индивидуализации товаров; знаки обслуживания – это знаки, служащие для индивидуализации выполняемых работ и услуг[2]. Допустимость перехода права на товарный знак или знак обслуживания от наследодателя – индивидуального предпринимателя наследникам, также имеющим статус индивидуального предпринимателя, или юридическим лицам не вызывал сомнений. Иным образом обстояли дела с возможностью перехода такого права к наследникам – физическим лицам, не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей. Учеными предлагались различные варианты решения данного вопроса[3], но на сегодняшний день Верховный Суд РФ в п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Постановление Пленума ВС № 9) закрепил, что принадлежавшее индивидуальному предпринимателю исключительное право на товарный знак и знак обслуживания, унаследованное гражданином, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, должно быть отчуждено им в течение года со дня открытия наследства, за исключением случая, если в течение этого срока он зарегистрируется в качестве индивидуального предпринимателя.

Таким образом, судебная практика признает возможность перехода исключительного права на товарный знак к гражданину, не имеющему статуса предпринимателя в момент открытия наследства, однако накладывает на последнего обязанность по своему выбору в течение года со дня открытия наследства осуществить отчуждение исключительного права на товарный знак или знак обслуживания либо получить статус индивидуального предпринимателя, чтобы иметь возможность осуществлять данное право.

Еременко В.И. ставит под сомнение легальность данного положения, т.к., по его мнению, в названном пункте содержится не разъяснение наследования исключительного права на товарный знак, а новая норма права, на создание которой Пленум ВС РФ не имеет полномочий, и здесь налицо нарушение принципа разделения властей[4]. Тем не менее, данная правовая позиция применяется судами на практике при разрешении конкретных споров[5].

Вопрос о судьбе исключительного права на товарный знак в случае, если оно не было отчуждено наследником, исследователи решают неодинаково. Так, Новоселова Л.А. считает, что прекратить право можно в порядке, установленном для случаев прекращения у правообладателя статуса предпринимателя; иную точку зрения высказывает Петров Е.Ю., который полагает, что в данном случае наступают последствия, предусмотренные ст. 238 ГК РФ; Бевзенко Р.С. предлагает применять по аналогии положения п. 4 ст. 23 ГК РФ, согласно которым, если гражданин без регистрации в качестве предпринимателя совершает коммерческие сделки, он считается предпринимателем, и если гражданин использует товарный знак в предпринимательской деятельности без регистрации в качестве предпринимателя, то он должен считаться предпринимателем[6]. Данный вопрос не урегулирован в законодательстве, поэтому на него нельзя дать однозначный ответ, однако считаем возможным согласиться с мнением Новоселовой Л.А. о том, что в данном случае применима норма о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, знака обслуживания в порядке, установленном ст. 1514 ГК РФ, на что косвенно указывает новая редакция п. 85 Постановления Пленума ВС Р № 9, закрепившая, что до истечения годичного срока правовая охрана товарного знака, знака обслуживания по основанию, предусмотренному п.п. 4 п. 1 ст. 1514 ГК РФ, не может быть прекращена.

Коммерческое обозначение выступает как средство индивидуализации предприятия, т.е. определенного имущественного комплекса, предназначенного для осуществления торговой, промышленной и иной деятельности[7]. Ч. 4 ст. 1539 ГК РФ закрепляет, что исключительное право на коммерческое обозначение может перейти к другому лицу, в том числе в порядке универсального

[1] Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. – С. 418.

[2] См: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. – С. 859.

[3] См.: *Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е.* Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2016. № 11 (Приложение). С. 34–35 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[4] *Еременко В.И.* О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ // Адвокат. 2012. № 7. С. 43–51 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[5] См.: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2015 № С01-392/2015 по делу № СИП-907/2014. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.06.2020); Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 09.02.2015 № С01-1301/2014 по делу № СИП-688/2014. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[6] См.: Протокол № 19 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 27.04.2018. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[7] Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 878 – 879.

правопреемства, только в составе предприятия, для индивидуализации которого оно используется. При этом в абз. 2 п. 85 Постановления Пленума ВС РФ № 9 разъяснено, что принадлежавшее индивидуальному предпринимателю исключительное право на коммерческое обозначение переходит по наследству только в случаях, если наследником является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Однако предприятие как имущественный комплекс (п. 1 ст. 132 ГК РФ) может перейти в порядке наследования любому субъекту, индивидуальные предприниматели и коммерческие предприятия имеют лишь преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства предприятия при разделе наследства (ст. 1178 ГК РФ). Таким образом, очевидна несогласованность нормы гражданского законодательства и разъяснения Верховного Суда РФ, что отмечают некоторые исследователи[1]. Можно согласиться с мнением Новоселовой Л., Гринь Е. и Ульяновой Е. о том, что данное разъяснение в отношении коммерческих наименований неудачно и может дезориентировать судебную практику[2].

Кроме того, здесь необходимо рассмотреть случаи, когда имущественные права и обязанности не наследуются. Статья 1112 ГК РФ предусматривает следующие исключения:

1) права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя (право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина);

2) права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими законами.

Выше было обозначено, что запрет наследования права на коммерческое обозначение физическими лицами, не имеющими статуса индивидуального предпринимателя, установлен Верховным Судом РФ, а не каким-либо законом, что ставит под сомнение правомерность данного положения.

Законодателем ранее не были установлены особенности наследования исключительного права на наименования мест происхождения товара, что порождало дискуссии в доктрине гражданского права. Так, Новоселова Л.А. делала вывод о возможности наследования данного права, т.к. в законе «нет указания ни о личном характере данного права, ни об исключении его из объектов, которые способны переходить по наследству, ни даже об ограничении субъектного состава лиц, которым такое право может принадлежать»[3], Шилохвост О.Ю. делал вывод о невозможности наследования исключительного права на наименование места происхождения товара[4], а Фролова Н.М. считала, что данное право можно признать личным, не переходящим по наследству, т.к. оно предоставлялось лично наследодателю, подтвердившему свое право использовать обозначение в отношении производимых им товаров[5]. Ранее судебная практика признавала возможность его наследования юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, аналогично коммерческим обозначениям, однако п.п. 2 п. 182 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10) данное правило было исключено из п. 85 Постановления Пленума ВС РФ № 9. Такое изменение судебной практики в совокупности с п. 4 ст. 1519 ГК РФ в редакции от 18.07.2019 позволяло сделать вывод о невозможности наследования исключительного права на наименования мест происхождения товаров.

Однако современная редакция ст. 1519 ГК РФ разделила право на географическое указание и право на наименование места происхождения товара и однозначно закрепила, что распоряжение исключительным правом на географическое указание и на наименование места происхождения товара, в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования этого географического указания, а также переход исключительного права на географическое указание (либо на наименование места происхождения товара) без заключения договора (т.е. в том числе наследование) не допускается (п. 6 ст. 1519 ГК РФ), что согласуется с исключениями, установленными ст. 1112 ГК РФ и должно привести к окончанию дискуссии по данному вопросу.

Таким образом, налицо недостаточность правового регулирования вопросов наследования исключительного права на средства индивидуализации, его отрывочность и децентрализованность, порождающие постоянные споры в цивилистической доктрине, а также непрекращающиеся изменения как законодательства, так и судебной практики в данной сфере. Выявленные проблемы являются доказательством необходимости полноценной переработки раздела 5 ГК РФ путем дополнения главы 65 положениями об особенностях наследования интеллектуальных прав, рациональность чего аргументировал Гаврилов Э.П. еще в 2011 г.[6].

---

[1] См.: *Еременко В.И.* О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ // Адвокат. 2012. № 7. С. 43–51 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021); Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е. Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2016. № 11 (Приложение). С. 36-37 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021); *Верхолетов М.А.* О некоторых особенностях наследования исключительного права на коммерческое обозначение // Наследственное право. 2016. № 3. С. 33–36 (дата обращения: 20.03.2021).

[2] См.: *Новоселова Л., Гринь Е., Ульянова Е.* Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2016. № 11 (Приложение). С. 36 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[3] Цит. по: *Фролова Н.М.* Наследование исключительного права на коммерческое обозначение и наименование места происхождения товаров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 36–40 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[4] См.: *Фролова Н.М.* Наследование исключительного права на коммерческое обозначение и наименование места происхождения товаров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 36–40 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

[5] См.: Там же.

[6] См.: Гаврилов Э. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 10. С. 46–57 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2021).

Гречишкин Д.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Комбарова Е.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. *Конституция Российской Федерации является гарантом становления, функционирования и развития гражданского общества и его отдельных институтов в РФ. Правовые основы, способствующие развитию и деятельности институтов гражданского общества, закреплены в первых двух главах Конституции РФ. Во исполнение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод принимаются законы и подзаконные акты, способствующие их реализации.*

Ключевые слова: *гражданское общество, Конституция РФ, правовые основы, государство.*

Grechishkin D.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kombarova E.V. PhD, Associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE BASIS FOR BUILDING CIVIL SOCIETY AND ITS INDIVIDUAL INSTITUTIONS

Abstract. *The Constitution of the Russian Federation is the guarantor of the formation, functioning and development of civil society and its individual institutions in the Russian Federation. The legal framework that promotes the development and operation of civil society institutions is enshrined in the first two chapters of the Constitution of the Russian Federation. In pursuance of the rights and freedoms guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, laws and by-laws are adopted that promote their implementation.*

Keywords: *civil society, Constitution of the Russian Federation, legal basis, state.*

Концепция существования такого сложного и многогранного понятия как гражданское общество появилась в эпоху античности и была отражена в работах древнегреческих философов Платона и Аристотеля.

На начальном этапе возникновения идеи о существовании гражданского общества, данное понятие использовалось как тождественное государству.

Что же касается настоящего времени, то в данный исторический период единый подход к определению гражданского общества как таковой отсутствует. По заверениям одних исследователей, под гражданским обществом понимаются прежде всего частные интересы, и государство не должно полностью вбирать в себя общество, оставляя самостоятельные сферы общественной жизни, куда не должно вмешиваться. Другие отмечают, что гражданское общество определяется как такое состояние общества, которое подтверждает его демократическую развитость, возможность предоставить каждому гражданину достойный уровень жизни, гарантию защиты права и свобод и максимальную возможность реализации своих интересов вовне.

Изученная нами научная литература показывает, что исследование конституционных основ гражданского общества в Российской Федерации в большинстве своем строится именно на изучении вопроса о закреплении в основном законе страны функционирования того или иного института гражданского общества.

В целом, отсутствие единообразного подхода к определению сущности и природы гражданского общества привело и к неоднозначному пониманию конституционно-правовых основ гражданского общества.

Отождествление гражданского общества и общества в целом, представление его как высокой степени «социальной целостности, характеризуемой саморегулируемостью, разветвленностью коммуникаций, обеспечивающих удовлетворение материальных и социально-значимых интересов человека, коллективных образований и общества в целом»[1] приводит к тому, что Конституция РФ целиком воспринимается как закон, закрепляющий своеобразный каркас гражданского общества. Закрепленные в Конституции РФ цели, задачи, компетенция государственных, муниципальных органов и общественных организаций в каждом сегменте жизни общества призваны обеспечить нормальное функционирование гражданского общества.[2] Данная концепция корреспондирует позиции С.А. Авакьяна, согласно которой отвергается самостоятельная жизнь гражданского общества. «В большинстве своих проявлений она, так или иначе, переплетается с жизнью государства»[3].

Сторонники противопоставления общества и гражданского общества выделяют несколько вариантов его конституционно-правового регулирования – непосредственное и опосредованное. При этом основой функционирования гражданского общества является не вся Конституция РФ, а лишь отдельные ее структурные элементы. Автор согласен с данной концепцией, поэтому основной анализ конституционно-правовых основ гражданского общества будет строиться на исследовании отдельных норм Конституции РФ.

При непосредственном регулировании в конституции выделяется особая структурная часть, посвященная гражданскому обществу. К примеру, в проекте Конституции РФ 1993 г., подготовленном Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации, был выделен раздел третий, который имел наименование

[1] *Струсь К.А., Садовская О.В.* Роль конституционно-правовых основ в упорядочении правовой жизни гражданского общества. / Право и государство: теория и практика. 2014. № 9 (117). С. 28.

[2] Там же.

[3] *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учебный курс: учеб. пособие: в 2-х т. Т. 1. М., 2014. С. 491.

«Гражданское общество». В нем закреплялись нормы, регулирующие вопросы собственности, труда, предпринимательской деятельности, общественных и религиозных объединений, воспитания, образования, науки, культуры, семьи и массовой информации[1]. Обосновывая необходимость включения в текст Конституции РФ указанного раздела, О.Г. Румянцев, как один из авторов вышеназванного проекта, указывает на взаимосвязь гражданского общества и основного закона страны. Конституция призвана обеспечить развитые правовые отношения институтов гражданского общества и государства; определить и нормативно закрепить обязанность государства служить интересам человека и общества; обеспечить высокий правовой статус членов и институтов гражданского общества; содействовать структурированию общества в развитое, упорядоченное, культурное – т.е. гражданское[2]. В науке можно встретить и другие предложения по включению в текст Конституции РФ норм, непосредственно регулирующих вопросы о гражданском обществе. К примеру, В.В. Гриб предлагает включить в Конституцию РФ статью «Взаимодействие государства и гражданского общества», регулирующую основные формы и механизмы взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества»[3]. Он отмечает, что данная мера способствует активному становлению гражданского общества даже в тех регионах, где его уровень недостаточен, и укрепит институты гражданского общества в развитых в этом направлении регионах»[4].

Тем не менее, несмотря на имеющиеся научные изыскания, на сегодняшний день Конституция РФ содержит только те нормы, которые опосредованно регулируют те или иные аспекты гражданского общества. Они содержатся в разрозненных разделах и статьях текста Конституции РФ.

Правовые основы, способствующие развитию и деятельности институтов гражданского общества, закреплены в первых двух главах Конституции РФ. Гражданское общество может возникнуть, функционировать и развиваться только в условиях правового демократического государства, которым Россия провозглашается в ст. 1 Конституции РФ. Любое гражданское общество предполагает, что государство стоит на службе у человека, обеспечивает его интересы, а человек, в свою очередь, является орудием осуществления политики государства. Поэтому Россия, как демократическое правовое государство в ст. 2 Конституции РФ провозглашает права и свободы человека высшей ценностью. При этом многонациональный народ России признается «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации»[5]. Признание и защита прав и свобод человека обеспечивается закрепленными в Конституции РФ частной собственностью, социальной направленностью государства, принципом разделения властей, признанием и гарантией местного самоуправления и др.

Функционирование отдельных институтов гражданского общества обеспечивается их закреплением в Конституции РФ. К примеру, в ст. 13 Конституции РФ закрепляется идеологическое и политическое многообразие. Конституцией РФ гарантируется право человека создавать и участвовать в деятельности общественных объединений, в том числе профессиональных союзов (ст. 30 Конституции РФ), религиозных объединений (ст. 14 Конституции РФ). При этом все создаваемые общественные объединения равны перед законом. Важнейшим способом влияния гражданского общества на государства является участие в делах государства непосредственно или через своих представителей, право на которое гарантируется ст. 32 Конституции РФ. Указанное правомочие реализуется посредством права человека «избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме»[6].

Одним из важнейших институтов гражданского общества являются средства массовой информации. Этот институт основывается на положениях ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, которой гарантируется свобода массовой информации и запрет на цензуру.

«Сегодняшний этап развития российского государства требует новой волны своего развития, связанной с преодолением исторической неразвитости общественных институтов и формированием традиций уважения личности и подконтрольности государственных институтов гражданскому обществу»[7]. Данный постулат отражается в одной из новелл Конституции РФ, в соответствии с которой Правительство РФ наделяется полномочиями на осуществление мер «по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики»[8] (п. е.1 ст. 114 Конституции РФ). Указанное правомочие свидетельствует о том, что «на современном этапе развития гражданского общества наметилась тенденция перехода от диалога институтов гражданского общества с органами публичной власти к взаимоответственному партнерству в решении общественно значимых проблем развития общества и государства»[9].

---

[1] Проект Конституции РФ, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации // СПС «ГАРАНТ». URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 15.03.2021)

[2] *Румянцев О.Г.* Гражданское общество в структуре современной Конституции. Олег Румянцев. URL: https://rumiantsev.ru/a441/ (дата обращения: 19.02.2021).

[3] Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. … докт. юрид. наук. disserCat – электронная библиотека диссертаций. Сайт. URL: https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-organov-gosudarstvennoi-vlasti-i-institutov-grazhdanskogo-obshchestva-v-rossi (дата обращения: 28.03.2021).

[4] Там же (дата обращения: 28.03.2021).

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Система «ГАРАНТ»: http://base.garant.ru (дата обращения: 14.03.2021).

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Система «ГАРАНТ»: http://base.garant.ru (дата обращения: 14.03.2021).

[7] *Комбарова Е.В., Троицкая Т.В.* Механизм общественного контроля в борьбе с коррупцией // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9 (124). С. 328

[8] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «ГАРАНТ». URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 14.03.2021).

[9] *Чеботарев Г.Н.* Общественные обсуждения, общественные публичные слушания как форма социального партнерства институтов гражданского общества и органов публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 35.

В заключении необходимо отметить, что несмотря на широкое закрепление в Конституции РФ основ становления, функционирования и развития гражданского общества, отдельными конституционными положениями добиться развития гражданского общества невозможно. Поэтому во исполнение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод принимаются законы и подзаконные акты, способствующие их реализации. При этом некоторыми исследователями предлагается в конституционно-правовые основы гражданского общества включать не только саму Конституцию РФ, но и «закон Российской Федерации и федеральные конституционные законы»[1].

Должженко В.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Вершинина Г.И., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные аспекты использования видеоконференцсвязи в гражданском судопроизводстве и рассмотрены дальнейшие перспективы ее использования. Основное внимание уделено вопросам технического оснащения залов судебного заседания, злоупотреблению правом при применении систем видеоконференцсвязи и принципу непосредственности судебного разбирательства. Автором предлагается анализ и решение указанных проблем, а также пути совершенствования законодательства в данной сфере.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, видеоконференцсвязь, пандемия, доступность правосудия, злоупотребления правом в сфере использования систем видеоконференцсвязи, принцип непосредственности.*

Dolzhenko V.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Vershinina G.I. PhD, Docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROBLEM ASPECTS AND PROSPECTS FOR THE FURTHER USE OF VIDEOCONFERENCING SYSTEMS IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article deals with the problematic aspects of the use of videoconferencing in civil proceedings and considers the future prospects of its use. The main attention is paid to the issues of technical equipment of courtrooms, abuse of rights in the use of video conferencing systems and the principle of the immediacy of the trial. The author offers an analysis and solution of these problems, as well as ways to improve legislation in this area.

Keywords: *civil proceedings, videoconferencing, accessibility of justice, abuse of law when using videoconferencing systems, the principle of immediacy.*

Согласно судебной статистике, в 2020 г. суды провели 400 000 судебных заседаний посредством применения видеоконференцсвязи (далее – ВКС)[2]. Возможность использования систем ВКС при рассмотрении и разрешении гражданских дел стала особо актуальна в 2020 г. в связи с распространением пандемии COVID-19. Суды были вынуждены принять меры, обеспечивающие доступность правосудия и безопасность здоровья граждан в условиях режима «самоизоляции» в период с 19 марта по 10 апреля 2020 года, когда личный прием граждан в судах был приостановлен. В связи с этим, суды перешли к дистанционному способу осуществления правосудия.

Так, суд при наличии в суде технической возможности, под которой понимается наличие в судах исправной системы видеоконференцсвязи и объективной возможности проведения судебного заседания[3] и при условии заявленного ходатайства от лиц, участвующих в деле, их представителей, лиц, содействующих осуществлению правосудия может использовать системы ВКС для проведения судебного заседания[4]. Следовательно, основаниями отказа в удовлетворении соответствующего ходатайства являются: отсутствие технической возможности в суде, рассматривающем дело и рассмотрение гражданского дела в закрытом судебном заседании (ч. 6 ст. 10 ГПК РФ).

В настоящее время от суда не требуется подтверждать отсутствие технической возможности проведения видеоконференцсвязи, при этом немотивированный и неподтвержденный отказ может существенно ограничивать право граждан на доступ к правосудию, что особенно актуально в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией.

Думается, что определение об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования ВКС вследствие отсутствия у суда технической возможности (например, неисправности оборудования, отсутствие электропитания и т.д.) должно быть подтверждено соответствующими доказательствами (например, актом, справками соответствующих органов, ответственных лиц и др.).

[1] *Струсь К.А., Садовская О.В.* Указ.соч. С. 32.

[2] Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/29651/ (дата обращения: 12.03.2020).

[3] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532. Ст. 155.1.

Сложившаяся судебная практика применения систем ВКС позволяет сделать вывод о том, что суды толкуют норму ч. 1 ст. 155.1 ГПК как право, а не обязанность суда.

Подтверждением вышеназванной позиции является апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-6513/2018. Истец обратился с иском о компенсации морального вреда с ответчиков в связи с ненадлежащим содержанием в исправительном учреждении, незаконном содержании в ФКУ ИК-2, ФКУ ИК-6, а также взыскании морального вреда с ответчика ФКУЗ МСЧ 30 УФСИН по Астраханской области в связи с неоказанием медицинской помощи. В судебное заседание истец не явился, извещен надлежащим образом, отбывает наказание в местах лишения свободы, представителя не направил. В удовлетворении ходатайства о проведении видеоконференцсвязи суд отказал в связи с отсутствием технической возможности. Судебная коллегия отмечает, что возможность участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи, предусмотренная ст. 155.1 ГПК РФ, по смыслу закона является правом, а не императивной обязанностью суда, необходимость применения которой определяется судом исходя из существа рассматриваемого дела, в связи с чем указанные доводы апелляционной жалобы основанием для отмены решения суда служить не могут[1].

Следующим аспектом является то, что в процессе рассмотрения и разрешения гражданского дела с использованием видеоконференцсвязи могут возникать технические неполадки (выход из строя оборудования, занятость зала судебных заседаний, оборудованных системами ВКС, плохое качество звука и/или изображения и др.). Так, на основании ч. 1 ст. 169 ГПК РФ, указанные обстоятельства могут служить основанием для отложения судебного заседания.

Считаем, что для более эффективной работы видеоконференцсвязи необходимо обеспечить все суды качественным оборудованием, которое позволит должным образом проводить судебные заседания.

Нельзя не согласиться с позицией С.В. Васильковой, которая считает целесообразным четко закрепить в процессуальном законодательстве, что применение систем видеоконференцсвязи является не правом, а обязанностью суда при наличии следующих условий: технических возможностей и согласия лиц, которые будут участвовать в применении данных систем[2]. Законодательное закрепление обязанности применения видеоконференцсвязи при наличии вышеупомянутых условий позволит исключить случаи необоснованных отказов судов в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС.

Еще одной немаловажной недоработкой законодателя, по нашему мнению, является отсутствие в ГПК РФ права на обжалование определения суда об отказе в применении системы ВКС при рассмотрении дела. Представляется, что законодатель исходил из общего правила обжалования определений, что подобный отказ не исключает дальнейшее движение дела. Полагаем, что такой отказ зачастую препятствует участию лица в судебном заседании.

В целях недопустимости нарушения права граждан на судебную защиту, предотвращения злоупотребления правом в сфере использования систем ВКС и во избежание судебных ошибок, считаем целесообразным ввести в статью 155.1 ГПК РФ часть 5 и изложить в следующей редакции:

«На определение суда об отказе в использовании систем видеоконференцсвязи может быть подана частная жалоба».

Определенные сложности при использовании видеоконференцсвязи могут возникнуть и во время телекоммуникационного общения с лицами, страдающими дефектами речи, слуха, а также различными психическими недостатками. Современные технологии позволяют решить некоторые из этих проблем, например, используя субтитры, сурдопереводчиков и др.

По мнению С.П. Щербы, участники судебного разбирательства под воздействием физических или психических недостатков «не всегда могут осознать, что показания даны ими под воздействием внушения и наводящих вопросов, рассчитанных на некритическое восприятие чужих мыслей»[3].

А.И. Исаков предлагает решить данную проблему привлечением в судебное заседание соответствующего специалиста, а также около допрашиваемого, находящегося в зале ВКС, должен находиться соответствующий специалист[4].

Еще один вопрос связан с риском нарушения принципа непосредственности судебного разбирательства. Проведение судебного заседания посредством ВКС не позволяет говорить о полноте воспринимаемой информации, поскольку технические средства зачастую не могут передать эмоциональную составляющую того или иного выступающего, а «при непосредственном восприятии объяснений сторон, на суд оказывают влияние эмоционально-психологические особенности личности, которые проявляются в процессе состязания двух сторон»[5]. Судья может вынести решение, основанное на недостоверных доказательствах ввиду отсутствия возможности ознакомления через видеоконференцсвязь с некоторыми доказательствами, предоставляемыми сторонами. Следовательно, можно говорить о некотором ограничении принципа непосредственности при рассмотрении и разрешении дела посредством применения систем видеоконференцсвязи.

Думается, что Верховому Суду РФ необходимо дать разъяснения по отдельным вопросам судебной практики

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2018 по делу № 33-6513/2018. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/8a336644-0331-4d8d-a143-be6c5d24172f (дата обращения: 16.03.2021).

[2] *Василькова С.В.* О злоупотреблении правом при применении систем видеоконференцсвязи в судах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2016. № 06. С. 75-78.

[3] *Щерба С.П.* Ограниченные возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в доказывании в силу физических или психических недостатков // Уголовное право. 2003. № 3. С. 100.

[4] *Исаков А.В.* Особенности использования видео-конференц-связи при пересмотре приговора с участием адвоката-защитника. С. 277.

[5] Колосова М.В. Принцип непосредственности гражданского процессуального права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 2004. С 8.

относительно применения видеоконференцсвязи в судах общей юрисдикции, которые могут разрешить возникающие в судебной практике проблемы.

Таким образом можно констатировать, что работа судов в условиях пандемии COVID-19 выявила наличие проблем в сфере использования современных технологий, которые могут возникнуть не только в период исключительных обстоятельств, но и при обычном режиме деятельности судов.

С учетом вызовов времени информационно-коммуникационные технологии судебной системы страны доказывают их полезное и эффективное применение, чем ставит перед ней возможности внедрения новых инструментов и практик для повышения доступности правосудия и снижения нагрузки работы судов[1].

Так, Московский городской суд совместно с ИТ-компанией КРОК завершили пилотный проект, применив в ходе дистанционного судебного заседания с помощью систем ВКС биометрическую систему распознавания лиц на основе нейросетей. В условиях самоизоляции и ограниченного доступа граждан в суды данная разработка помогла провести заседание без физического присутствия сторон. После снятия ограничительных мер такой формат позволит расширить доступ граждан к правосудию и ускорить рассмотрение дел[2].

Дальнейшее совершенствование систем видеоконференцсвязи позволяет не только не допустить распространения коронавирусной инфекции и нарушения процессуальных прав сторон в условиях пандемии, но также значительно ускоряет сроки рассмотрения дел, сокращает временные затраты и судебные издержки участников процесса. Также данная технология позволяет полноценно участвовать в судебном разбирательстве лицам с ограниченными возможностями, что, безусловно, говорит о соблюдении принципа диспозитивности и доступа к правосудию.

[1] ВС отмечает 20-летие использования видео-конференц-связи. URL: https://www.garant.ru/news/1361912/ (дата обращения: 12.03.2021).

[2] КРОК помог Мосгорсуду провести дистанционное заседание с распознаванием лиц. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-05-26_krok_pomogla_mosgorsudu (дата обращения: 12.03.2021).

Дубровина Ю.Я.
Аспирант 1 курса кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Заметина Т.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

МОЛОДЕЖНАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. *В статье анализируется современное состояние и основные направления реализации молодежной электоральной политики России. Автором делается вывод о необходимости актуализации положений Молодежной электоральной концепции для полноценной реализации молодежной электоральной политики как элемента устойчивого развития избирательной системы Российской Федерации.*

Ключевые слова: *молодежная электоральная политика, Молодежная электоральная концепция, выборы, избирательная комиссия.*

Dubrovina Y.Y.
1st year postgraduate student of the Department of constitutional law of Professor Isaac Efimovich Farber of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Zametina T.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

YOUTH ELECTORAL POLICY AS AN ELEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ELECTORAL SYSTEM

Abstract. *The article analyzes the current state and the main directions of the implementation of the youth electoral policy in Russia. The author concludes that it is necessary to update the provisions of the Youth Electoral Concept for the full implementation of the youth electoral policy as an element of the sustainable development of the electoral system of the Russian Federation.*

Keywords: *youth electoral policy, youth electoral concept, elections, election commission.*

Вопросы реализации молодежной политики в последнее время приобретают особую актуальность, как со стороны органов государственной власти, так и со стороны институтов гражданского общества. В первую очередь это связано с принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной полити-

ке в Российской Федерации». Новый документ заложил систему приоритетов, решений и действий государства, направленных на расширение возможностей для российской молодежи, закрепил дефиниции «молодежь», «молодая семья», «молодежные, общественные объединения», «инфраструктура молодежной политики» и другие, четко определил возрастную характеристику «молодежи», как лиц в возрасте от 14 до 35-ти лет, тем самым увеличивая, на пять лет ранее установленные возрастные ограничения. Особо примечательно и то, что закон определил молодежную политику как «комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации»[1].

На наш взгляд, важнейшее место в молодежной политике занимает молодежная электоральная политика, выступающая элементом устойчивого развития избирательной системы России. Б.С Эбзеев отмечает: «Выборы признаются Конституцией высшим непосредственным выражением власти народа. В процессе выборов выявляется воля народа, которая является единственной легитимной основой власти выборных государственных органов и органов местного самоуправления»[2]. Очень важно воспитывать молодых людей в духе и букве электорального закона, знакомить с основами избирательного права, прививать доверие к избирательной системе с самого раннего возраста. Все это возможно сделать благодаря грамотно выстроенной работе с активно настроенной молодежью.

Центральное место в правовом регулировании молодежной электоральной политике занимает Молодежная электоральная концепция, разработанная Центральной избирательной комиссией России в 2014 г.[3]. Основной целью принятия концепции стало разрешение проблем, выявленных в ходе реализации молодежной электоральной политики и связанных с невозможностью широкого охвата различных категорий участков, оперативного изменения учебных программ, доступных для широкого круга пользователей учебно-методических материалов, в том числе с использованием современных информационных технологий, использованием устаревших методик правового просвещения молодежи.

В процессе реализации концепции Центральной избирательной комиссией России и избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации проводилась многоплановая работа с молодежью. Бесспорно, что такая широкомасштабная работа с молодежью ЦИК России во взаимодействии с избирательными комиссиями субъектов дала свои результаты. Молодежь стала активнее включаться в избирательный процесс, участвовать в конкурсах по правовому просвещению, работать в консультативных и совещательных органах при избирательных комиссиях, организовывать собственные молодежные избиркомы. И вместе с тем, активное развитие общественных отношений, молодежной политики, электронизация и цифровизация избирательного процесса, новые запросы от молодежных объединений ставят задачи по актуализации положений Молодежной электоральной концепции и выработке новых контуров взаимодействия с молодежной средой в целях укрепления правосознания, демократических начал и формирования положительного отношения к избирательной системе.

За последние 6 лет, с начала принятия первого варианта Молодежной электоральной концепции, произошло немало изменений в общественно-политической жизни страны. Появились новые формы реализации прямой демократии (Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации), способы голосования (электронные и цифровые сервисы), новые алгоритмы голосования (голосование в течение нескольких дней, дополнительные возможности голосования вне помещения для голосования). В целях оперативного информирования граждан и освещения деятельности избирательных комиссий заработали аккаунты ЦИК России и ИКС РФ в социальных сетях («Фейсбук», «Инстаграм», «Вконтакте», «Телеграм» и «YouTube»). На регулярной основе проходит дистанционное обучение на канале Российского центра обучения избирательным технологиям «Просто о выборах» и телеграм канале «Электорий». Был осуществлен ребрендинг конкурсов ЦИК России, направленных на правовое просвещение молодежи («Атмосфера», Всероссийская олимпиада «Софиум»).

Начали активно образовываться и развиваться новые молодежные общественные институты – был создан Союз Молодежных избирательных комиссий России[4], Молодежные избирательные комиссии субъектов, а в некоторых регионах и Молодежные территориальные избирательные комиссии субъектов (например, Саратовская, Псковская, Челябинская, Свердловская области и др.), корпус добровольцев и медианаблюдателей Российского фонда свободных выборов[5]. Эти молодежные структуры проводят обучение членов МИК, представителей СМИ, наблюдателей, информируют о новациях избирательного

[1] Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 1.

[2] *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 468.

[3] Постановление «О Молодежной электоральной концепции» // URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/27249/ (Дата обращения: 23.03.2021).

[4] См.: Сайт союза Молодежных избирательных комиссий России // URL: https://mikrf.ru/ (дата обращения: 23.03.2021).

[5] См.: Раздел «Корпус добровольцев РФСВ» сайта Российского фонда свободных выборов. URL: http://www.rfsv.ru/practice/korpus-dobrovoltsev-rfsv (дата обращения: 23.03.2021).

права и процесса, работают при подготовке и проведении избирательных кампаний разного уровня.

Комментируя, Молодежную электоральную концепцию 2014 года представители научного сообщества указывают, что в документе есть существенное упущение, которое требует корректировки. В нем очень мало внимания уделено вопросам взаимодействия с молодежью в виртуальном пространстве, в частности, в популярных социальных сетях. Между тем, молодое поколение в настоящее время с полным правом можно назвать «поколением Интернета», т.к. основная социальная жизнь молодежи проходит именно в виртуальном пространстве. Подлинными «лидерами мнений» множества молодых людей являются популярные блогеры, ведущие YouTube-каналов и пр. Без продуманной работы в данном направлении государство рискует потерять заинтересованность со стороны молодых избирателей[1].

Невозможно не согласиться с мнением авторов. Действительно, широкомасштабная деятельность ЦИК России, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, молодежи в киберпространстве, нововведения в избирательном праве и процессе ставят задачи по выработке современных направлении по работе с молодежью. На первый план выходят вопросы организационного, финансового, информационного характера, аспекты, связанные с осуществлением контроля за реализацией Молодежной электоральной политики и определением количественных и качественных характеристик вовлечения молодых людей и избирательных процесс России.

Обобщая вышеизложенное, сформулируем наиболее перспективные направления реализации Молодежной электоральной концепции в современных реалиях:

1) обучение и правовое просвещение молодых избирателей – эти направления всегда являлись приоритетными задачами избирательных комиссий Российской Федерации по работе с молодежью. На протяжении последних 6 лет ЦИК России проводилась большая работа в этом направлении. Был создан Российский центр обучения избирательным технологиям (РЦОИТ), на сайте которого представлены обучающие материалы, тесты, научная литература и конкурсы по избирательному праву и процессу. Вместе с тем, следует отметить, что обучение, проводимое РЦОИТ, преимущественно направлено на обучение членов избирательных комиссий, сотрудников аппаратов, представителей политических партий. На наш взгляд, необходимо усилить и расширить программу обучения молодых избирателей, путем проведения очного обучения, мастер-классов для представителей Молодежных избирательных комиссий, победителей конкурсов по правовому просвещению и талантливой молодежи в сфере избирательного права и процесса. Положительный опыт проведения подобных мероприятий уже имеется, например, обучение молодежных территориальных избирательных комиссий Саратовской области «Вектор 1.0», (Молодежная избирательная комиссия Саратовской области), мастер-класс «Молодежь и выборы» (Молодежная избирательная комиссия Ставропольского края), форум Молодежных избирательных комиссий Псковской области (Избирательная и Молодежная избирательная комиссии Псковской области и.т.д.)[2].

2) развитие молодежной деятельности путем расширения практики по созданию молодежных избиркомов и взаимодействию Молодежных избирательных комиссий с иными молодежными общественными объединениями – особую роль в повышении политической активности молодежи играет участие молодежных избирательных комиссий в работе молодежных парламентов. Следует отметить, что при проведении деловых игр по выборам депутатов молодежных парламентов, молодежные избиркомы оказывают широкое информационное освещение молодежных выборов, способствуют популяризации выборов, повышению доверия к избирательной системе. При проведении молодежных выборов МИКи применяют современные избирательные технологии. Так, можно привести в пример Молодежную избирательную комиссию Саратовской области, которая в 2018 г. провела выборы членов молодежного парламента при помощи технологии блокчейн. Для проведения выборов в областной молодежный парламент на территории Саратовской области были созданы 47 одномандатных избирательных округов при муниципальных районах и 8 одномандатных избирательных округов при высших учебных заведениях города. Замещению подлежали 55 мандатов, голосование проводилось при помощи QR кодов[3]. В 2020 г. Молодежная избирательная комиссия Свердловской области запустила цифровую платформу для выборов представителей Молодежного парламента Свердловской области V созыва. На сайте можно зарегистрироваться в качестве кандидата, избирателя, наблюдателя и узнать всю информацию о порядке голосования в электронном формате[4]. Считаем положительной практику проведения деловых игр по выборам членов Молодежных парламентов. Представляется целесообразным аккумулировать практику Молодежных избирательных комиссий по проведению молодежных выборов, в том числе по использованию современных избирательных технологий, разработать единые рекомендации по проведению выборов и установить «Единый день выборов представителей Молодежных парламентов» по аналогии с реально существующим Единым днем голосования.

3) научно-просветительская деятельность и поддержка молодых талантливых исследователей в сфере избирательного права и процесса, в том числе в рамках международного взаимодействия – в Российской Федерации 2021 г. объявлен годом науки и технологий. Научно-просветительская деятельность является важным элементом в подготовке специалистов, в том числе в сфере избирательного права и процесса. Создание и распространение качественных научных по избирательному праву, несомненно, будет способствовать повышению интереса

[1] *Чуев С.В., Поляков М.Б.* Молодежь и выборы: от концепции к программе действия // Гражданин. Выборы, Власть. № 4(18) 2020. С. 18.

[2] См.: Молодежная избирательная комиссия Саратовской области, Молодежная избирательная комиссия Ставропольского края, Избирательная комиссия Псковской области. URL: https://vk.com/mikso64, https://vk.com/molizbirkom26, https://vk.com/izbircompskov (дата обращения: 23.03.2021).

[3] См.: Молодежная избирательная комиссия Саратовской области. URL: https://vk.com/mikso64 (дата обращения: 23.03.2021).

[4] См.: Молодежная избирательная комиссия Свердловской области. URL: https://vk.com/mik_so (дата обращения: 23.03.2021).

к электоральной тематике как молодых, так и будущих избирателей. Центральной избирательной комиссией России регулярно проводятся конкурсы, направленные на выявление талантливых молодых специалистов в электоральной сфере (Всероссийский конкурс «Атмосфера», олимпиада «Софиум»). Невозможно не отметить большую научно-просветительскую деятельность представителей корпуса добровольцев Российского фонда свободных выборов по созданию специальных докладов и разработке предложений по совершенствованию избирательного законодательства, среди них – специальный доклад «Молодежь. Выборы. Власть», в котором обосновывается необходимость координации молодежных избирательных комиссий, успешно работающих в 75 регионах России, путем создания молодежного совещательно-консультационного органа при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, специальный доклад «Выборы 2024 – молодежный запрос», содержащий анализ современного электорального законодательства России и предложения по его совершенствованию, аналитический доклад «Законопроект о молодежной политике: добровольцы РФСВ – в поисках новых идей», предлагающий новый взгляд на решение насущных вопросов молодежной политики.

Вместе с тем, на наш взгляд, не осуществляется дальнейшая поддержка молодых ученых. Предлагаем поддерживать молодых талантливых ученых в сфере избирательного права и процесса, победителей конкурсов ЦИК России путем включения их в кадровый резерв Центральной избирательной комиссии России, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

В марте 2021 года в целях актуализации Молодежной электоральной концепции 2014 года в Крыму был проведен круглый стол Молодежная электоральная концепция. Версия – 2021», в ходе которого молодыми специалистами в сфере избирательного права была представлена новая версия МЭК 2021[1]. Новый документ – это результат работы молодежи из нескольких российских регионов. Концепция не дублирует положения ранее предложенной, а основывается на том совместном опыте, который выработан молодежью и избирательными комиссиями в последние годы. Значительный массив практики был проанализирован и представлен в емкой форме, которая отражает достижения сегодняшнего дня и содержит планы на будущее в сфере молодежной электоральной политики.

Поддерживаем актуализацию Молодежной электоральной концепции 2014 года и считаем необходимым принятие Центральной избирательной комиссией России обновленного варианта МЭК.

[1] См.: Молодежная электоральная концепция. Версия – 2021. URL: http://www.rfsv.ru/practice/proekty-programmy-anonsy/molodezhnaia-elektoralnaia-kontseptsiia-versiia-2021 (дата обращения: 23.03.2021).

Духаева И.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Чекмарева А.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ДОЛЖНИКА

Аннотация. *Обращение взыскания на земельные участки должников характеризуется некоторыми сложностями. Наличествует проблема балансировки интересов взыскателя и должника в связи с недостаточной законодательной проработанностью данных правоотношений, разрешение которой возможно путем внесения изменений, предусматривающих упрощение процедуры обращения взыскания, в специальную норму.*

Ключевые слова: *исполнительное производство, взыскание, земельные участки, взыскатель, должник.*

Dukhaeva I.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Chekmareva A.V. Doctor of law, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SOME PROBLEMS OF FORECLOSURE ON THE DEBTOR'S LAND PLOT

Abstract. *Foreclosure on debtors ' land plots is characterized by some difficulties. There is a problem of balancing the interests of the recoverer and the debtor due to the lack of legislative elaboration of these legal relations, the resolution of which is possible by making changes to simplify the procedure for foreclosure in a special rule.*

Keywords: *enforcement proceedings, recovery, land plots, recoverer, debtor.*

Согласно Федеральному закону «Об исполнительном производстве»[2] под взысканием подразумевается истребование с нарушителя или должника его имущества для дальнейшего удовлетворения требований взыскателя.

Земельный участок является ценным природным ресурсом и на него как на полноценный объект гражданского оборота, обладающий рядом специфических качеств, может быть обращено взыскание по обязательствам собственника такого участка.

Однако, в жизни возникает немало проблем при обращении взыскания на землю. В настоящее время сформировалась довольно обширная и противоречивая судебная практика по данному вопросу. Сам процесс обращения взыскания на земельный участок должника осложнен рядом факторов, которых не имеется при обращении

[2] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

взыскания в большинстве своем на иное имущество. Так, для запуска процедуры взыскания, в первую очередь, необходимо получить решение суда – своего рода дозволительная санкция на взыскание, без которого взыскание не состоится. Конечно, судебный пристав-исполнитель в ходе исполнительного производства может выставить земельный участок на торги в целях его реализации, только вот без соответствующего вынесенного судебного акта, разрешающего обращение взыскания на земельный участок, результаты торгов будут признаны недействительными в связи с несоблюдением установленного законом порядка процедуры взыскания.

Таким образом, необходима подача искового заявления для разрешения судом правоотношений между должником и взыскателем и на данном этапе встает вопрос определения подсудности. До издания Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» № 50 от 17.11.2015[1], постановившего исключительную подсудность для данной категории дел. Суды РФ абсолютно по-разному разрешали вопрос определения подсудности, довольно распространенной была позиция об общей подсудности, поскольку считалось, что при заявлении подобных исковых требований не усматривается наличие спора о праве на земельный участок, а также нет спорности относительно определения порядка пользования земельным участком, соответственно правила, установленные гражданским процессуальным законодательством, об исключительной подсудности не применяются. Полагалось, что в подобных делах речь идет только о подтверждении судом права взыскателя обратить взыскание на земельный участок должника, посредством реализации которого, получив денежные средства исходя из стоимости участка, определенной на публичных торгах, будут удовлетворены его требования к должнику по соответствующим обязательствам.

Ярким примером такой существовавшей позиции судов РФ может выступить Апелляционное определение Московского городского суда от 18 февраля 2014 № 33-3088/14[2], которым было отменено определение Никулинского районного суда г. Москвы о передаче дела в иной суд с применением правил исключительной подсудности. Принимая такое решение об отмене определения нижестоящего суда, Московский городской суд руководствовался исключительно отсутствием между сторонами спора о праве, что сейчас, конечно же, не могло бы быть расценено как законное и обоснованное решение, отвечающее действительному положению дела.

Что касается субъекта подачи такого искового заявления, то им может быть взыскатель и судебный пристав-исполнитель, если в ходе исполнительного производства у должника был обнаружен земельный участок, в специальной норме ГК РФ – ст. 278, не определяются субъекты, они конкретизируются Постановлением Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» № 50 от 17.11.2015.

Таким образом, имеется два возможных субъекта подачи соответствующего искового заявления, однако, на практике далеко не все суды принимают исковые заявления от судебных приставов-исполнителей, аргументируя это тем, что судебный пристав-исполнитель не является заинтересованным субъектом, который может выступать в качестве истца и его полномочия ограничиваются рамками ведения исполнительного производства. В связи с чем усматривается потребность во внесении дополнений в ст. 278 ГК РФ, как в специальную норму, регулирующую порядок обращения взыскания на земельные участки, дополнив ее указанием на субъектный состав, имеющий право на подачу искового заявления по данной категории дел. Данное дополнение в ст. 278 ГК РФ, на наш взгляд, будет отвечать принципу формальной (правовой) определенности закона, предполагающему точность и ясность законодательным предписаниям, а также будет способствовать структурированности законодательства, делая его доступным для восприятия и понимания граждан РФ, а самое главное – нивелирует расхождения в судебной практике на территории РФ.

Также необходимо отметить, что при рассмотрении дел об обращении взыскания на земельный участок должника представляется нецелесообразным установленное законодателем обязательное условие обращения взыскания на земельный участок лишь при наличии вступившего в законную силу соответствующего решения суда, поскольку это влечет за собой затягивание процедуры взыскания, ухудшает положение взыскателя, обязательства перед которым так и не исполнены должником в целом в полной мере либо же частично, и взыскатель не может своевременно получить денежное удовлетворение посредством реализации земельного участка путем проведения открытых торгов в форме аукциона, согласно ч. 3 ст. 87 ФЗ «Об исполнительном производстве»[3].

В связи с вышеизложенным встает вопрос о необходимости защиты имущественного положения взыскателя, который в таких спорах и так является «пострадавшей» стороной. Возможно, было бы более рациональным закрепить хотя бы за судебным приставом-исполнителем право на обращение взыскания на обнаруженные в ходе исполнительного производства земельные участки должников без обязательного обращения в суд для получения решения, позволяющего это сделать.

Но, здесь же приходится вспомнить о существующем имущественном иммунитете должника, который призван обеспечивать гарантированные Конституцией РФ[4] жилищные права человека, и принципе единства земли

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. 2015. № 270.

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 18 февраля 2014 № 33-3088/14 // ЭПС «Система Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/123301961/, (дата обращения: 05.03.2021).

[3] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

[4] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru/, (дата обращения: 05.03.2021).

и прочно связанных с ней объектов, установленном ст. 1 ЗК РФ[1], что в свою очередь означает, невозможность обращения взыскания на земельный участок, на котором расположен объект недвижимости, являющийся единственным пригодным для постоянного проживания жильем должника. В таком случае для соблюдения баланса интересов должника и взыскателя встает вопрос необходимости корректировки права на возможность обращения взыскания судебным приставом-исполнителем на земельный участок без обязательного обращения в суд в том случае, если на земельном участке должника не имеется объектов недвижимости, назначение которых определяется как жилое. Кроме того, ч. 5 ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве»[2] предусмотрено право должника указать на имущество, на которое он хотел бы, чтобы было обращено первоочередное взыскание, таким образом, в случае наличия у должника земельных участков и указания им на них в качестве объектов обращения взыскания в первую очередь, судебным приставом-исполнителем в связи с существующей сложностью в процедуре обращения взыскания на земельные участки данное указание должника не будет принято во внимание, поскольку при наличии иного имущества у должника, посредством которого возможно удовлетворение обязательств перед взыскателем, обращение взыскания на земельные участки не будет отвечать задачам исполнительного производства – правильному и своевременному исполнению исполнительных документов. Таким образом, данная норма, предусматривающая право должника указать на имущество, на которое лучше обратить первоочередное взыскание, не имеет фактической возможности быть реализованной, по сути своей является чисто номинальной.

На основании вышеизложенного презюмируется, что установление именно такого положения, когда возможно обратить взыскание на земельный участок должника судебным приставом-исполнителем, без обязательного получения на это решения суда, вступившего в законную силу, при определенном условии – отсутствие помещений, расположенных на земельном участке, назначение которых определяется как жилое, будет отвечать интересам как взыскателя, который более быстро получит удовлетворение своих требований, так и должника, ведь инициирование судебного процесса влечет за собой дополнительные расходы, которые в конечно счете при удовлетворении требований взыскателя будут отнесены на должника, тем самым ставя его в еще более невыгодное материальное положение.

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021) // СЗ РФ. 2001. № 44, ст. 4147.

[2] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

Екимовских Д.Н.
магистрант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов
Научный руководитель: Петрова Г.Б., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о процессуальной функции следователя. Приводятся точки зрения относительно данного положения, обосновывается нелогичность причисления законодателем следователя к стороне обвинения. Раскрывается выполнение двух функций: функция расследования, обвинительная функция. Предлагаются способы разрешения указанного вопроса.*

Ключевые слова: *следователь, процессуальная функция, обвинение, функция расследования, уголовное преследование, сторона обвинения.*

Ekimovskih D.N.
Master student of the Department of Criminal Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", Saratov
Scientific adviser: Petrova G.B., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Saratov.

ABOUT THE PROCEDURAL FUNCTION OF THE INVESTIGATOR

Abstract. *The article discusses the issue of the procedural function of the investigator. The points of view regarding this provision are given, the illogicality of the legislator's assignment of the investigator to the prosecution is substantiated. The performance of two functions is revealed: the function of investigation, in which the investigator acts as a researcher of evidence, the accusatory function, aimed at exposing a person of a crime and bringing charges against him. Ways to resolve this issue are proposed.*

Keywords: *investigator, procedural function, prosecution, investigation function, prosecution, prosecution.*

Законодатель в главе 6 УПК РФ закрепил участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, к которым помимо прокурора, потерпевшего и других участников, он отнес и следователя, вызвав тем самым научные дискуссии относительно его уголовно–процессуальной функции.

Причисление следователя к стороне обвинения в уголовно–процессуальной науке различными авторами воспринимается негативно. Например, В.И. Зажицкий отмечает: «следователь формирующий предмет судебного спора, не может быть стороной в уголовном процессе, а особенности процессуальной деятельности следова-

теля не дают права называть его стороной в уголовном процессе»[1]. Данной точки зрения придерживается и А.В. Пиюк: «положения УПК РФ об отнесении следователя к стороне обвинения нелогичны[2]». Н.И. Равенко полагает, что при отнесении следователя к стороне обвинения неизбежен обвинительный уклон во всей его процессуальной деятельности[3]. А.С. Михайлов, С.С. Устян отмечают: «в современном российском уголовном процессе отнесение следователя к субъектам со стороны обвинения не является целесообразным»[4].

Необходимо отметить, что среди авторов не существует единого мнения относительно количества функций, и даже их содержания. Одни придерживаются монофункционального подхода. К его сторонникам относятся В. Шимановский, Р. Рахунов и П. Элькинд. Они выделяют одну основную функцию следователя – функцию расследования. Расщепление единой по своему характеру и сущности процессуальной деятельности следователя по производству расследования уголовных дел на целый ряд самостоятельных функций, присущих в основном другим участникам процесса, является искусственным[5]. Другие считают, что следователь обладает полифункциональностью. Приверженцы данной концепции выделяют несколько взаимосвязанных, различающихся по своей направленности функций. По мнению Г.Р. Гольст и Л.А. Мариупольского, следователь наделен такими функциями, как привлечение общественности к борьбе с преступностью и функцией воспитания[6]. В свою очередь, В.М. Быков считает, что следователь на досудебных стадиях уголовного процесса в настоящее время выполняет такие процессуальные функции, как расследование преступлений, обвинение и разрешение уголовного дела (имеется в виду прекращение следователем уголовного дела)[7]. Представляется интересным выделение функций следователя А.М. Лариным в зависимости от видов уголовно–процессуальной деятельности, которые различаются по особым непосредственным целям, достигаемым в итоге производства по делу. Он указывает на наличие следующих функций: исследования обстоятельств дела, уголовное преследование, защита, устранение и возмещение вреда, возражения против гражданского иска, обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, предупреждение преступлений, процессуальное руководство и разрешение дела[8]. Также высказывается представление сразу двух вышеуказанных подходов. Имеющуюся полифункциональность можно интегрировать в монофункциональность системы функций, в центре которой исследовательская функция, вытекающая из основной функции уголовного расследования[9].

Согласно ст. 38 УПК РФ следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. П.41 ст. 5 УПК РФ дополняет данную норму обязанностью осуществления и иных полномочий, предусмотренных УПК РФ.

Следователю предоставлена функция уголовного преследования (обвинения). Однако действующее законодательство наделяет данного участника обязанностью устанавливать предмет доказывания, в который включаются такие обстоятельства, как событие преступления, виновность лица в совершении преступления, отягчающие наказание обстоятельства, так и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Данное положение подчеркивает С.А. Шейфер: «не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением»[10]. Следует отметить, что в предусмотренных законом случаях следователь наделен полномочием разрешения дела путем его прекращения. Как справедливо отмечает М.С. Строгович: «функцию правосудия осуществляет суд, защиты – обвиняемый и его защитник, функцию уголовного преследования (обвинения) – прокурор, потерпевший по делам частного обвинения. На предварительном следствии «эти три функции слиты, соединены в руках следователя». Следователь начинает осуществлять функцию уголовного преследования (обвинения) и защиты с момента предъявления обвинения. Принимая решение о прекращении дела – функцию разрешения дела»[11]. Становится, очевидно, что следователю присуща не только функция обвинения. Н.С. Манова обращает внимание на то, что «… следователь не может и не должен ставить целью своей деятельности обвинить лицо в совершении преступления, во что бы то ни стало»[12]. Действительно, деятельность следователя не является однонаправленной, она включает в себя не только обвинение, но и разрешение дела, и правозащитные элементы. Однако на наш взгляд не совсем точно называть их функциями, они являются неотъемлемыми средствами при осуществлении функций.

Ряд ученых выделяют и другие стороны его процессуальной функции. Л.Н. Гусев отмечает, что на следователя возложена обязанность полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела. Мы

[1] *Зажицкий В.И.* О процессуальном положении следователя // Государство и право. 2011. № 6. С. 46–49.

[2] *Пиюк А.В.* Правовое положение следователя в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 33–37.

[3] *Ревенко Н.И.* Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006.

[4] *Михайлов А.С., Устян С.С.* Следователь как участник со стороны обвинения в уголовном процессе России // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С.47-48.

[5] *Телегисова С.С.* Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно–процессуальных отношений // Вестник ОГУ. 2012. № 3. С. 201.

[6] *Мариупольский Л.А., Гольст Г.Р.* К вопросу о процессуальных функциях следователя. // Сов. государство и право. 2003. № 6. С. 114.

[7] *Быков В.М.* Процессуальные функции следователя в уголовном процессе России // Право и политика. 2012. № 6. С. 1079–1085.

[8] *Ларин А.М.* Расследование уголовного дела: процессуальные функции. М.: Юр. лит. 2006. С. 12, 38.

[9] *Шишпанов К.А.* О функции следствия и функциях следователя // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1. С. 205.

[10] *Шейфер С.А.* Российский следователь – исследователь или преследователь? // Рос. юстиция. 2010. № 11. С. 35.

[11] *Строгович М.С.* Уголовный процесс. М., 1941. С. 78.

[12] *Манова Н.С.* Совершенствование российского предварительного следствия: утопичные идеи и реальные возможности // Следственная деятельность: прошлое, настоящее и будущее. 2015. С. 172

не можем не согласиться с ним, деятельность следователя носит исследовательский характер. Он собирает и оценивает доказательства в достаточном количестве для того чтобы сформулировать обвинение и предъявить его обвиняемому. Л.В. Никитина отмечает, что перед следователем не стоит цель поиска оправдывающих лицо доказательств, но при их обнаружении, он обязан дать им юридическую оценку[1]. Нам представляется более рациональным, что предъявляя лицу обвинение, следователь должен быть уверен, что оно законно и обосновано, и перед ним находится именно то лицо, которое совершило преступление, следовательно, в ходе осуществления собирания и проверки доказательств, следователь заинтересован в оправдывающих доказательствах, смягчающих ответственность обстоятельствах. Дополняя вышесказанное, можем привести следующую позицию: «… лицо, осуществляющее предварительное расследование, не должно быть «зациклено» на обвинительной деятельности как таковой. Обстоятельства дела должны быть расследованы объективно и всесторонне безо всякого намека на безосновательный обвинительный уклон»[2]. Таким образом, полное, всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела помогает преодолеть обвинительный уклон, обеспечить права и законные интересы участников судопроизводства. В свою очередь Д.В. Ванин характеризует лишь первоначальный этап расследования всесторонним выяснением обстоятельств совершенного (либо ошибочно признанного совершенным) преступного деяния, по признакам которого возбуждено уголовное дело. После формулирования обвинения деятельность следователя конкретизируется и приобретает четко выраженный обвинительный характер. Посредством обвинения следователь осуществляет уголовное преследование, поэтому в целях обеспечения полного и всестороннего исследования обстоятельств по уголовному делу последующий этап расследования должен строиться на состязательных началах с представлением сторонам равных процессуальных возможностей по собиранию и исследованию доказательств[3]. Данной точки зрения придерживается и М.Т. Аширбекова[4]. Высказанные положения представляются нам логичными. При наличии собранной доказательственной базы для деятельности следователя наступает новый этап – предъявление обвинения. Здесь следователь уже выступает в качестве обвинителя, который изобличает лицо в совершении преступления, квалифицирует вменяемое преступление, наконец, составляет обвинительное заключение. Несомненно, что от активности следователя на предыдущем этапе расследования – при собирании и оценке обстоятельств, зависит результат его деятельности при обвинении.

На данный момент вопрос о процессуальной функции следователя является достаточно спорным аспектом в уголовно – процессуальной науке и требует разрешения, изменения на законодательном уровне для выполнения следователем своего процессуального назначения. Отдельные процессуалисты, ссылаясь на исторический опыт РСФСР, предлагают использовать уже существовавший подход в этом вопросе. Они рассматривают идею воссоздания судебного следователя, который состоял бы при суде, готовил уголовные дела для рассмотрения, но сам не рассматривал их. По их мнению, он мог бы обладать функцией обвинителя и защитника, собирал как уличающие, так и оправдывающие доказательства.

Мы разделяем позицию тех авторов, которые считают, что отнесение следователя к стороне обвинения нецелесообразно, его функция в уголовном судопроизводстве гораздо шире. В досудебных стадиях он выполняет функцию предварительного расследования, исследуя все обстоятельства уголовного дела. На этом этапе следователь должен быть объективным исследователем, собирающим и оценивающим доказательства, но, к сожалению, на практике его деятельность зачастую приобретает исключительно обвинительный уклон, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, закрепленном в ст. 6 УПК РФ. Посредством предъявления лицу обвинения и поддержания его в итоге вынесением обвинительного заключения, реализуется обвинительная функция следователя.

В связи с приведенными позициями нам представляется наиболее рациональным предложение о выделении следователя из участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в отдельную категорию, как это было сделано с судом. Придать ему иной процессуальный статус, внеся изменения в УПК РФ, ввести отдельную главу, которая регламентировала бы статус и процессуальную функцию следователя.

---

[1] См.: *Никитина Л.В.* Выдвижение обвинения на предварительном следствии // Следственная деятельность: прошлое, настоящее и будущее. 2015. С. 200.

[2] *Гришко Л.Е., Нечаев В.В.* Парадигма функций следователя в уголовном судопроизводстве России // Закон и право. 2020. С.100

[3] *Ванин Д.В.* Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: Саратов. 2003.

[4] См.: *Аширбекова М.Т.* Об уголовно-процессуальных функциях следователя // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 5. С. 82-85.

Ершов Д.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Барков А.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПАТРОНАТНОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос правового регулирования патронатного воспитания (патроната) в Российской Федерации. Анализируется современное состояние института патронатного воспитания, выявляются его проблемы и приводятся предложения по его совершенствованию. В частности предлагается легальное определение патронатного воспитания, определяется круг детей, необходимых для передачи под патронат.*

Ключевые слова: *патронатное воспитание, патронат, патронатная семья, закон, форма устройства, категории детей, семейное законодательство.*

Ershov D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Barkov A.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PATRONARY EDUCATION IN RUSSIA: PROBLEMS AT THE MODERN STAGE

Abstract. *The article discusses the issue of legal regulation of foster care (patronage) in the Russian Federation. The current state of the institution of foster care is analyzed, its problems are identified and proposals for its improvement are presented. In particular, a legal definition of foster care is proposed, and the circle of children necessary for transfer to foster care is determined.*

Keywords: *foster care, patronage, foster family, law, form of organization, categories of children, family legislation.*

На сегодняшний день в качестве приоритетного направления социальной политики российского государства выступает обеспечение условий для полноценного развития детей, оставшихся без родительского попечения. Получения плодотворных результатов в данной области немыслимо без нахождения эффективных форм семейного устройства. Именно правильно подобранная форма семейного устройства способна подготовить ребенка к самостоятельной жизни, оказать ему материальную, психологическую поддержку, заменить кровную семью.

В тексте «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» одной из задач семейной политики нашего государства стоит задача обеспечения преимущественного семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения[1]. И это совсем не случайно, ведь именно семейное воспитание формирует у ребенка правопослушное поведения, способствует интеграции ребенка в общество, его социализации. Следовательно, возникает необходимость в эффективном правовом регулировании семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

В ст. 123 СК РФ закреплены приоритетные (семейные) формы устройства детей, оставшихся без родительского попечения. К их числу относят: усыновление (удочерение), опеку, попечительство, устройство детей в приемную семью, либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью[2]. Сразу следует сказать, что, если усыновление (удочерение) и приемная семья отдельно регулируются нормами семейного законодательства, а опека и попечительство регулируется отдельным Федеральным законом «Об опеке и попечительстве»[3], то патронатная семья подробной регламентации на уровне федерального законодательства не получила. Договор о патронатной семье регулируется лишь законами субъектов Российской Федерации, которые, бывают, разняться между собой.

Отсутствие единых понятий, основных принципов и процедур установления патронатного воспитания предопределяет необходимость разработки целого ряда изменений в нормы семейного законодательства. Так, уже А.М. Грибков пришел к выводу о необходимости введения в федеральный закон РФ «Об опеке и попечительстве» отдельного положения, посвященного патронату и патронатному воспитанию[4]. Резяпова Г.Ф. и вовсе считает необходимым принять специальный Федеральный закон, в основу которого должны быть взяты законы субъектов РФ, лучшим образом отражающие специфику патронатного воспитания[5]. Действительно, принятие специального Федерального закона «О патронатном воспитании в Российской Федерации» видится более разумной мерой, чем внесение изменений в уже существующие акты, т.к. на современном этапе система устройства и воспитания детей в России, не в полной мере отвечает современным реалиям жизни. Специальный закон позволит выработать единую и отвечающую интересам детей модель воспитания в патронатной семье на уровне всех субъектов Российской Федерации.

В специальном Федеральном законе «О патронатном воспитании в Российской Федерации» следует закрепить единое определение патронатного воспитания, основ-

[1] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/70727660/ (дата обращения: 04.02.2020).

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 16; 2020. № 6, ст. 589

[3] Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (в ред. от 01.03.2020) // СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755; 2019. № 22, ст. 2663.

[4] *Грибков А.М.* Договорное регулирование отношений по устройству детей, оставшихся без попечения родителей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

[5] *Резяпова Г.Ф.* К вопросу о патронатном воспитании в Российской // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть Вторая. Уфа: Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2018. – 4 с.

ные задачи и принципы патронатного воспитания, виды и черты патроната, перечень требований к патронатным воспитателям, их правовой статус, условия для передачи детей под такую форму устройства. Также необходимо регламентировать вопросы, связанные с материальным обеспечением патроната, с компетенцией органа опеки и попечительства по патронатному воспитанию и т.д.

В первую очередь, стоит вопрос о закреплении понятия патронатного воспитания в проекте Федерального закона «О патронатном воспитании в Российской Федерации», т.к. законодательством субъектов Российской Федерации данное понятие трактуется по-разному. Например, в Законе Московской области «О патронате» под патронатом понимается форма воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, форма оказания социальной помощи детям, нуждающимся в государственной поддержке, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лицам, потерявшим в период обучения обоих родителей или единственного родителя[1]. При этом в семейном кодексе РФ прямо указанно, что патронатная семья является формой устройства, а не формой воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В Законе «О патронатном воспитании в Волгоградской области» патронатное воспитание рассматривают как форму опеки и попечительства, при которой дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, передаются на содержание и воспитание в патронатную семью на основании договора о патронатном воспитании[2]. А вот в Законе «О патронатной семье в Ульяновской области» понятие патронатное воспитание (патронат) заменяется понятием патронатная семья, под которой понимают форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на содержание и воспитание в семью в соответствии с договором о патронатной семье[3]. Вопреки кажущейся схожести понятий, специфика патроната позволяет рассматривать его как самостоятельную форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, которая характеризуется временным характером, что отличает его от опеки (попечительства) и приемной семьи.

Определение патронатного воспитания было дано и в законопроекте Федерального закона № 587253-5 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации». Там закреплено, что воспитание детей в патронатной семье (далее – патронатное воспитание) является формой устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, путем их размещения органами опеки и попечительства в патронатную семью при разграничении прав и обязанностей в договоре о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании) между родителями (законными представителями ребенка), органами опеки и попечительства и патронатными воспитателями[4]. Данная формулировка достаточно точно определяет понятие патронатного воспитания, однако и она не лишена недостатков. Так, данное определение относит к категории детей, которые могут быть переданы под патронат только лишь детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На данный момент идут дискуссии о том, какие категории детей могут быть переданы под патронат. На практике законы субъектов РФ по-разному подходят к регулированию данного вопроса.

Так, в Законе Ульяновской области «О патронатной семье в Ульяновской области» воспитанником в патронатной семье может быть не достигший возраста восемнадцати лет и оставшийся без попечения родителей ребенок, переданный в патронатную семью[5]. Закон Московской области «О патронате», в свою очередь, распространяет применение патронатного воспитания и к лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 до 23 лет[6]. А вот Закон «О патронате в Краснодарском крае» и вовсе предоставляет право на патронатное воспитание детям, проживающим в кровной семье и нуждающимся в государственной защите[7].

Ряд авторов предлагают расширить перечень детей, которых можно передать под патронатное воспитание. Так, Г.Ф. Резяпова считает, что к категории детей, подлежащих передаче под патронат, следует добавить детей, находящихся в социально-опасном положении, которые изъяты из семьи временно до момента ликвидации социальной опасности в кровной семье[8]. Конечно, социально-опасное положение могло бы стать причиной для назначения патроната, однако следует учитывать степень опасности таких условий, которые должны быть весьма серьезными, поскольку не следует забывать о приоритете семейного воспитания в кровной семье.

Достаточно удачной выглядит формулировка, закрепленная в Законе «О патронате в Краснодарском крае», где к категории детей, которые могут быть переданы под патронат указаны «дети, нуждающиеся в особой заботе государства, дети, проживающие в кровной семье и нуждающиеся в государственной защите, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являющиеся выпускниками организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». При этом под детьми, нуждающихся в особой заботе государства, данный закон понимает выявленных органом опеки и попечительства детей, лишенных роди-

[1] Закон Московской области «О патронате» от 5 июля 2003 г. № 77/2003-ОЗ (с изм. от 23.07.2020) // Вестник Московской областной думы. 2003. № 9

[2] Закон Волгоградской области «О патронатном воспитании в Волгоградской области» от 30.03.2010 № 2020-ОД (в ред. от 26.12.2020) // Волгоградская правда. 2010. № 61.

[3] Закон Ульяновской области «О патронатной семье в Ульяновской области» от 04.02.2009 № 07-ЗО (в ред. от 06.04.2016) // Ульяновская правда. 2009. № 10.

[4] Проект Федерального закона № 587253-5 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=88505#06021781255563117 (дата обращения: 03.02.2020).

[5] Закон Ульяновской области «О патронатной семье в Ульяновской области» от 04.02.2009 № 07-ЗО (в ред. от 06.04.2016) // Ульяновская правда. 2009. № 10.

[6] Закон Московской области от 5 июля 2003 года № 77/2003-ОЗ «О патронате» (с изм. от 23.07.2020) // Вестник Московской областной думы. 2003. № 9.

[7] Закон Краснодарского края «О патронате в Краснодарском крае» от 19 июля 2011 года № 2312-КЗ (в ред. от 23.12.2020) // Кубанские новости. 2011. № 134.

[8] *Резяпова Г.Ф.* К вопросу о патронатном воспитании в Российской // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть Вторая. Уфа: Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2018. – 5 с.

тельского попечения в случаях болезни родителей, не позволяющей надлежащим образом осуществлять воспитание и содержание детей, длительного отсутствия родителей, уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, при создании действиями или бездействием родителей условий, представляющих угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующих их нормальному воспитанию и развитию, в других случаях отсутствия родительского попечения, а также в период установления юридического факта признания ребенка сиротой или оставшимся без попечения родителей[1]. Правильным решением видится закрепление аналогичной формулировки в тексте федеральных норм о патронате. Данное решение позволило бы поставить всех детей, находящихся в различных регионах РФ, в равное положение. Каждому ребенку необходимо дать гарантию равных возможностей для осуществления его прав.

Проанализировав региональное законодательство и труды различных ученых в области патронатного воспитания, нами было выработано единое определение патронатного воспитания, отражающее его специфику и достаточно полно определяющее круг субъектов. Так, на наш взгляд, под патронатным воспитанием (патронатом) следует понимать форму временного устройства детей, нуждающихся в особой заботе государства, детей, проживающих в кровной семье и нуждающихся в государственной защите, а также детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являющихся выпускниками организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоящую в размещении данных детей органами опеки и попечительства в семью профессиональных воспитателей, с целью обеспечения условий их воспитания и гармоничного развития, на основании договора о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании). В целях единообразия правового регулирования, данное определение могло бы быть использовано в специальном Федеральном законе «О патронатном воспитании в Российской Федерации».

Конечно, существует еще целый ряд дискуссионных вопросов, связных с регулированием патронатного воспитания в нашей необъятной стране. Дальнейшее совершенствование данного института немыслимо без разрешения на федеральном уровне основных вопросов правового регулирования. Только на основе создания нового и развития уже существующего семейного законодательства на уровне всей страны, можно обеспечить необходимые условия для защиты прав и законных интересов детей.

[1] Закон Краснодарского края от 19 июля 2011 года № 2312-КЗ «О патронате в Краснодарском крае» (в ред. от 23.12.2020) // Кубанские новости. 2011. № 134.

Есенбекова В.Р.
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, г. Саратов
Научный руководитель: Алихаджиева А.С., к.ю.н., доцент Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС, г. Саратов

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В представленной статье проанализирована проблема обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, которая выступает частью национальной безопасности государства. Законодательство Российской Федерации на конституционном уровне устанавливает необходимые гарантии свободы слова, доступа к информации и защиту информации. В то же время в законодательстве по-прежнему существует значительное количество пробелов, препятствующих осуществлению гражданами права на свободу слова и доступ к информации и возможность результативного решения проблем в сфере информационной безопасности.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, национальная безопасность, информационная безопасность, кибератака, киберпреступность, информационная сфера*

Esenbekova V.R.
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin - branch of RANEPA, Saratov
Supervisor: A.S. Alikhajieva, Ph. D., Associate Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of RANEPA, Saratov

THE PROBLEM OF ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Abstract. *The article analyzes the problem of ensuring the information security of the Russian Federation, which is part of the national security of the state. The legislation of the Russian Federation at the constitutional level establishes the necessary guarantees of freedom of speech, access to information and protection of information. At the same time, there are still a significant number of gaps in the legislation that prevent citizens from exercising the right to freedom of speech and access to information and the ability to effectively solve problems in the field of information security.*

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, national security, information security, cyberattack, cybercrime, information sphere*

Проблема правового регулирования отношений в области информационной безопасности является на сегодняшний день одной из важнейших для Российской Федерации. От решения данного вопроса в значительной мере зависят сохранение и защита информационных ресурсов, формирование международного авторитета и защита прав, свобод и безопасности человека и гражданина.

Проблема информационной безопасности является актуальной на сегодняшний день по ряду причин. На фоне пандемии многие организации и предприятия начали работать на удаленном доступе, сотрудники подключаются к корпоративной сети через личные устройства, вследствие чего происходит утечка информации. Также кибератаки направлены на личное обогащение, путем доступа к личным устройствам граждан, киберпреступники могут завладеть конфиденциальной информацией, а также заполучить доступ к данным банковских счетов граждан. Также немаловажным является обозначение проблемы информационной безопасности в области COVID-19, т.к. киберпреступники совершают кибератаки на исследовательские центры, занимающиеся данной проблемой.

Информационная безопасность представляет собой значимую часть национальной безопасности государства, которая гарантирует надежную защиту личности, общества и государства в целом от информационных угроз и рисков. На сегодняшний день многие интересы личности, общества и государства обуславливаются характеристиками информационной сферой, которая их окружает. Проблемы информационной безопасности и угрозы, которые встречаются в данной сфере, определены мерами, которые обеспечивают национальную безопасность государства.

Одной из важнейших задач государственной политики по обеспечению информационной безопасности граждан является реализация конституционных норм в области информации. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Конституция также гарантирует свободу массовой информации и запрещает ее цензуру (ст. 29)[1]. Конституцией РФ прямо или косвенно предусмотрена обязанность органов власти и должностных лиц в обеспечении гражданину возможности ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы.

Государственные органы должны раскрывать внутренние и внешние угрозы в информационной сфере и определять направление этих угроз. Как справедливо отмечает Алихаджиева А.С. «взаимодействие органов государственной власти с населением имеет специализированный, нормативно регулируемый характер. Самые острые вопросы и проблемы, которые долго и неэффективно решаются властью, могут выступить причиной митингов, шествий и других акций со стороны местных граждан. Необходимо доносить до населения не только информацию о предполагаемых последствиях экологической катастрофы и ее масштабах, важна заинтересованность гражданского общества в решении самых злободневных вопросов, эффективно стимулирование потенциальных природопользователей»[2]. Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ). Государственные органы власти должны контролировать и регулировать процессы влияния человека и гражданина на окружающую среду и в тоже время создавать благополучные условия для поддержания экологического порядка.

Национальные интересы государства требуют создания благоприятных условий для гармоничного развития информационной инфраструктуры государства, обеспечения безопасности государства и общества, полной реализации прав и конституционных свобод человека и гражданина. Органы государственной власти играют незаменимую роль в обеспечении информационной безопасности государства.

Конституция РФ также наделяет каждого гражданина правом на неприкосновенность частной жизни, сохранность личной и семейной тайны (п. 1, ст. 23). Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (п. 1, ст. 24).

В связи с ограничениями на фоне пандемии защита информационной безопасности государства стала как никогда актуальна. Наиболее серьезной угрозой информационной безопасности на сегодняшний день состоит из утечки конфиденциальных данных граждан, а также списания денежных средств с банковских карт путем использования компьютерных технологий. 24 февраля 2021 года Президент Российской Федерации провел заседание коллегии Федеральной службы безопасности, где были рассмотрены вопросы государственной безопасности и защиты граждан от внутренних и внешних угроз. «Мы видим, что уровень глобальных вызовов – таких как терроризм, трансграничная преступность, киберпреступность – не снижается. Новых подходов требует обеспечение кибербезопасности. Глобальное цифровое пространство уже стало полем весьма жесткого геополитического соперничества. В прошлом году только количество так называемых наиболее опасных атак на российские информационные ресурсы, включая ресурсы органов власти и управления, выросло почти в 3,5 раза.

В этих условиях нам нужна долгосрочная, выверенная стратегия действий по защите национальных интересов в цифровой сфере, основанная на прогнозировании ситуации, на учете потенциальных рисков для общества и государства и, конечно, опирающаяся на самые передовые технологии и технологические решения. Вместе

[1] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4. ст. 445; Российская газета. 2020. 4 июля.

[2] *Алихаджиева А.С.* Взаимодействие органов публичной власти общества в решении экологических проблем: правовой аспект // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в осуществлении общественного контроля. Материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Саратовского государственного университета. 2019. С. 11.

с партнерами из других стран надо развивать и систему обеспечения международной информационной безопасности»[1].

На сегодняшний день все большее количество граждан подвергается кибератакам со стороны мошенников через сеть интернет. Для получения конфиденциальной информации киберпреступники используют меры психологического воздействия на население. Целью киберпреступников является материальная выгода, которая осуществляется путем проникновения через удаленный доступ к личным данным гражданина или организации, мошенники могут в полной мере завладеть персональными данными.

Как отмечают Сергун П.П., Герасимов Ю.С. «наиболее серьезными и опасными источниками информационных угроз для граждан являются: возможности информационного манипулирования сознанием человека за счет включения его в виртуальную реальность; разработка и использование информационных технологий с целью воздействия на психику людей; использование во вред интересам граждан их персональных данных, которые собираются различными информационными структурами, в том числе и государственными; скрытый сбор информации, которая составляет личную и семейную тайну граждан»[2]. Киберпреступники, путем различного рода воздействия на личность, осуществляют кражу конфиденциальных данных и списание денежных средств с банковских карт граждан с целью личного обогащения. Кредитные организации, имеющие доступ к услугам по переводу денежных средств, в свою очередь должны осуществлять непосредственный контроль за целостностью и защищенностью информационной инфраструктуры и предотвращать утечку информации.

В данном случае кибератакам подвергаются не только граждане, но и государственные организации, данные которых могут быть в дальнейшем использованными в мошеннических целях.

Также киберпреступники осуществляют атаки на медицинские исследовательские центры, которые занимаются вопросом COVID-19. Как указывают Российской газеты «Хакеры стали внедрять вредоносные программы в инфраструктуру медучреждений в России. По словам Николая Мурашова, замдиректора Национального координационного центра по компьютерным инцидентам, обстановка в глобальном информационном пространстве остается напряженной. Наибольшая доля атак, по его словам, по-прежнему нацелена на органы госвласти и предприятия промышленности»[3]. Центр призван координировать борьбу с компьютерными атаками на инфраструктурные объекты страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[4] является важным документом планирования развития концепции национальной безопасности Российской Федерации, устанавливающим порядок действий и мер по обеспечению национальной безопасности. Положения, изложенные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, получили дальнейшее развитие в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации[5]. Данный документ не только дает оценку современному состоянию информационной безопасности в Российской Федерации, а также определяется перечень угроз, а также набор средств, способных обеспечить необходимый уровень защиты информационной безопасности в Российской Федерации. Доктрина информационной безопасности РФ является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности. Стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры.

Основными направлениями обеспечения информационной безопасности выступает противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, пресечение деятельности, наносящей ущерб национальной безопасности Российской Федерации, повышение защищенности и безопасности информационной инфраструктуры и др.

В соответствии с Доктриной национальной безопасности РФ обеспечение информационной безопасности осуществляется на основе сочетания законодательной, правоприменительной, правоохранительной, судебной, контрольной и других форм деятельности государственных органов во взаимодействии с органами местного самоуправления, организациями и гражданами.

Защита информации также регулируется Федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[6]. Статья 8 настоящего федерального закона устанавливает, что граждане и представители организаций могут использовать любые источники для получения необходимых данных. Защита информации представляет собой принятие мер на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, конфиденциальность информации и реализацию права на доступ к информации. Государственное регулирование отношений в сфере защиты информации

[1] Заседание коллегии ФСБ России / Официальное интернет-представительство Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65068 (дата обращения: 21.03.2021)

[2] *Сергун П.П., Герасимов Ю.С.* Информационная безопасность в Российской Федерации: отдельные аспекты правового регулирования // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 2. С. 114.

[3] Хакеры в России впервые взломали инфраструктуру больниц и системы образования / Российская газета – Федеральный выпуск № 24(8375). URL: https://rg.ru/2021/02/04/hakery-v-rossii-vpervye-vzlomali-infrastrukturu-bolnic-i-sistemy-obrazovaniia.html (дата обращения: 21.03.2021)

[4] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1, ч. 2, ст. 212.

[5] Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // 2016. № 50. ст. 7074.

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31, ст. 3448; 2021. № 1, ст. 18, 69.

осуществляется путем установления требований о защите информации, а также ответственности за нарушение российского законодательства.

Доступность и своевременность предоставления информации дает не только возможность реализации гражданами Российской Федерации своего конституционного права на доступ к информации, но и возможность результативного решения проблем в сфере информационной безопасности при активном взаимодействии органов государственной власти, общества и государства.

В заключении отметим, что информационная безопасность представляет собой сложный процесс преодоления опасности в информационной среде. Важным условием для обеспечения информационной безопасности является переход к новой стратегии устойчивого развития общества. Национальные интересы государства требуют создания благоприятных условий для гармоничного развития информационной инфраструктуры государства, обеспечения безопасности государства и общества, полной реализации прав и конституционных свобод человека и гражданина.

Тех мер, которые на сегодняшний день осуществляются в сфере информационной безопасности недостаточно, т.к. киберпреступники находят инновационные способы атаки. В связи с чем необходимо усиление мер, способствующих обеспечению информационной безопасности. Для реализации обеспечения безопасности в информационной сфере необходимы следующие меры: разработка и совершенствование органами власти конкретных мер по обеспечению информационной безопасности населения; проведение мероприятий по информационной безопасности с целью противодействия киберугрозам и защите личных персональных данных; не только совершенствование законодательства в сфере информационной безопасности, но и непосредственный контроль за его соблюдением. Также видится необходимым проведение мероприятий по профилактике информационной безопасности, данные мероприятия должны проводиться в образовательных учреждениях, организациях, на научно-производственных предприятиях с целью обеспечения информационной безопасности.

Жданович И.А.
ФГБОУ «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Батурина Н.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ «СГЮА», г. Саратов

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В данной статье сделана попытка рассмотреть сущность правовой природы судебного приказа в гражданском процессе. Автор обращает внимание на недостатки правового регулирования приказного производства, которые приводят к проблемам правоприменения.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, судебный приказ, исполнительное производство.*

Zhdanovich I.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Baturina N.A. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE LEGAL NATURE OF THE JUDICIAL ORDER IN THE CIVIL PROCESS

Abstract. *In this article, an attempt is made to consider the essence of the legal nature of a court order in a civil process, by analyzing its structure. The author mentions the actual problem of a court order as an executive document.*

Keywords: *civil procedure, court order, enforcement proceedings.*

Институт приказного производства известен еще со времен Древнего Рима. На протяжении истории своего развития судебный приказ изменялся и совершенствовался как по форме, так и по своему содержанию. В российском процессуальном законодательстве приказное производство, как инструмент для ускоренного разрешения несложных судебных дел, берет свое начало с 29 декабря 1889 г. под наименованием «понудительное производство». Однако уже в 30-х годах двадцатого столетия использование данного института прекращается в связи со сменой общественно-экономического строя[1].

Возрождение приказного производства в гражданском процессе России, произошло только в 1995 г.[2] Действующий ГПК РФ сохранил и усовершенствовал с учетом накопленной практики механизм упрощенного взыскания долгов. Законодатель включил положения о судебном приказе в главу 11 «Судебный приказ» в подраздел

[1] См.: *Нагдалиева Л.С.* История развития упрощенного и приказного производства в российском арбитражном и гражданском процессе // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 71.

[2] См.: Федеральный закон от 30.11.1995 № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» (в ред. От 14.11.2002) (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

I «Приказное производство» раздела II «Производство в суде первой инстанции»[1].

Многие ученые-процессуалисты объясняют возрождение института судебного приказа в современном гражданском процессуальном законодательстве отчасти тем, что Конституция РФ предусматривает принудительное изъятие имущества не иначе как по постановлению суда, в связи с этим вопросы, связанные с взысканием денежных сумм или истребованием движимого имущества, необходимо было передать в компетенцию судебных органов[2].

Особенность судебного приказа как института породила различные точки зрения о его правовой природе среди ученых-процессуалистов, что объясняется следующими аспектами.

Во-первых, по своей правовой природе судебный приказ является связующим звеном между гражданским судопроизводством и исполнительным производством. Он является одновременно судебным актом и исполнительным документом, которому свойственно, как разрешать дело по существу, так и быть обращенным к исполнению.

Во-вторых, в приказном судопроизводстве весьма ограничено реализуются характерные для гражданского процесса основополагающие принципы состязательности и гласности процесса, в связи, с чем судебный приказ выполняет несвойственные суду функции.

В-третьих, основной задачей судебного приказа является наиболее быстрая реализация права на судебную защиту, посредством которого осуществляется защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в гражданском процессе.

В-четвертых, в ГПК РФ установлен исчерпывающий перечень требований, по которым, возможно осуществление судопроизводства путем вынесения судебного приказа (ст. 122 ГПК РФ).

Перечисленные выше аспекты позволяют сделать вывод об особой правовой природе судебного приказа, отличающей его от иных судебных постановлений. Указанная особая правовая природа судебного приказа, в тоже время порождает некоторые проблемы практического характера.

Согласно ст. 23 ГПК РФ дела о вынесении судебного приказа отнесены к подсудности мировых судей. Нахождение мировых судей вне федеральной системы судов заметно сказывается на отсутствии единообразия практики, которая помогла бы взыскателям оптимизировать процесс подготовки и подачи заявлений. Например, сегодня можно наблюдать наличие разных (одновременно соответствующих при этом закону) требований к подаче заявлений о выдаче судебных приказов на каждом из судебных участков мировых судей, что зачастую приводит к необходимости неоднократного редактирования взыскателем заявления о вынесении судебного приказа и, как следствие, лишает приказное производство той эффективности и быстроты, для которой данный вид производства предназначен. Также в настоящее время отсутствует и единообразная практика по вопросу участия (неучастия) законных представителей несовершеннолетних должников в делах приказного производства: одни мировые судьи считают допустимым предоставить возможность взыскания долга с несовершеннолетнего должника без привлечения законных представителей, другие считают это невозможным[3].

Подводя итог, отметим, что сегодня в целях повышения эффективности защиты прав и интересов взыскателей и должников, а также обеспечения единообразия судебной практики существует потребность в более детальном законодательном регулировании приказного производства.

[1] См.: *Кощеева Е.С.* Приказное производство в гражданском и арбитражном процессах // Наука сегодня: задачи и пути их решения. 2016. № 7. С 104-106.

[2] См.: *Маркин С.В.* О совершенствовании приказного производства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 2. С. 139-142.

[3] См.: *Прожерин И.А.* Практические проблемы приказного производства с участием несовершеннолетних должников // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 4. С. 356-360.

Жеребцов А.Ю.
Студент 3 курса института правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Михайлова Ю.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТАКТИКА ОСМОТРА ТРУПА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *статья посвящена тактике осмотра трупа при расследовании преступных нарушений требований правил пожарной безопасности, рассмотрены тактические приемы осмотра в зависимости от степени обгорания.*

Ключевые слова: *тактика осмотра трупа, ожоги, обугленный труп.*

Zherebtsov A.Y.
3rd year student of the institute of law enforcement Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Mikhailova Y.N. PhD, associate professor the Saratov State Low Academy (SSLA), Saratov

TACTICS OF EXAMINATION OF A CORPSE IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL VIOLATIONS OF FIRE SAFETY REQUIREMENTS

Abstract. *The article is devoted to the tactics of examining a corpse in the investigation of criminal violations of the requirements of fire safety rules, considered tactical methods of examination, depending on the degree of burning.*

Keywords: *corpse inspection tactics, burns, charred corpse.*

Осмотр трупа на месте его обнаружения регламентируется ст. 178 УПК РФ.

Осмотр трупа рассматривается в двух аспектах. Первый, состоит в том, что при осмотре трупа на месте происшествия, данное действие уже является составной частью такого следственного действия, как осмотр места происшествия. Второй аспект – это когда осмотр трупа производится в морге, а не на месте происшествия, в таком случае осмотр трупа является самостоятельным видом следственного действия. И в первом, и во втором случае, осмотр трупа не предполагает его вскрытия; следственное действие ограничено наружным визуальным изучением тела покойного, одежды, обуви и других предметов, обнаруженных на нем и при нем.

При производстве осмотра трупа на месте пожара, как правило участвуют следователь, суд. мед. эксперт и дознаватель МЧС.

Исследовательский этап осмотра трупа на месте его обнаружения состоит из двух стадий: общего и детального осмотра[1].

При осмотре трупа в стадии обугливания необходимо соблюдать определенные тактические особенности.

Общий осмотр трупа, начинается с фиксации места его нахождения, положения, общего вида и позы трупа, состояния одежды, особых примет, наличия повреждений. Необходимо установить пол, телосложение, примерный возраст[2]. При осмотре трупа имеют значение определенные трупные изменения. Осмотр обугленного трупа в части установления указанных признаков может вызвать определенные сложности. Т.к. из-за большой локализации ожогов установление вышеперечисленных признаков может быть затруднительно. Эти признаки могут быть установлены позже при выполнении осмотра трупа как отдельного следственного действия, либо при производстве судебно-медицинского исследования в БСМ. При осмотре обгоревшего трупа стоит обратить внимание на позу обгоревшего тела. Для него характерна поза боксера (фехтовальщика). При воздействии на труп высокой температуры белки сжимаются, вытесняется клеточная вода, и ткани обезвоживаются. Происходит уплотнение и укорочение мышц, в результате чего верхние и нижние конечности сгибаются в суставах и приводятся к передней поверхности туловища, голова трупа откидывается назад. В различных ситуациях останки трупа могут быть растасканы при тушении пожара. В протоколе осмотра следователь обязательно отмечает, какие средства пожаротушения и в какой части места происшествия (здания) применялись[3]. Это имеет непосредственное значение для исследования объектов, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия.

Расположенность трупа описывается относительно ближайших неподвижных объектов – входа, окон, стен. Если трупу придана неестественная поза, в которой он удерживается какими-либо приспособлениями, то они также должны быть тщательно осмотрены и описаны. Необходимо указать на следы обугливания, налетов копоти, вздувшейся краски, трещин на этих предметах. Важно обратить внимание какая конкретно часть тела зафиксирована.

Так, около железной кровати, стоявшей слева в углу от входа в комнату, на полу в 1.5 м от северо-западной стены, обнаружен частично обугленный труп женщины в согнутом положении, лицом вверх, головой к шкафу, стоящему против кровати. Ноги несколько разведены и согнуты в коленных суставах и обращены вверх. Руки согнуты в локтях и вытянуты перед лицом. На данном этапе общий осмотр окончен.

При осмотре следует обращать внимание на предметы, на которых лежит обгоревший труп, т.к. обгоранию подвергается не только одежда, но и кожный покров. В силу того, что действию пламени первоначально подвергаются части тела, обращенные вверх т.е. открытые, а прилегающие к ложе трупа лежащие ниже участки тела обгорают в последнюю очередь. Внимательно нужно осматривать те части тела, которые плотно соприкасались с какими-либо поверхностями и лучше сохранились. При обугленности большей части тела не всегда удается наблюдать подобные явления. Необходимо отметить, что в зависимости от степени обгорания могут проявляться трупные пятна розово-красного цвета. При частичной обугленности трупные пятна появляются в местах ожогов меньшей степени.

Детальный осмотр начинается с внешнего вида одежды и обуви. К осмотру одежды обгоревшего трупа стоит подходить с особым вниманием. Т.к. здесь могут быть определенные сложности. При обугленности тела одежда не сохраняется, если же одежда сохранилась на других частях тела, то ее осмотру стоит уделить особое внимание. Во-первых, необходимо обратить внимание на вариативность одежды, исходя из обстановки. Например, куртка и уличная обувь при нахождении в отопляемом доме. Далее в зависимости от сохранности одежды обращается внимание на наличие на ней следов повреждений от предметов, различного рода пятен, это могут быть следы горючего вещества (например, керосина или бензина). Тогда будет характерный запах вещества, следы крови, особое внимание нужно уделить процессу фитильного горения, когда при горении подкожно жировой клетчатки происходит ее плавление и самовозгорание. На первый взгляд, эти пятна могут показаться следами горючего вещества, т.к. из-за своих свойств данные выделения очень хорошо горят.

При осмотре одежды проверяются карманы на наличие каких-либо предметов в них. Раздевание трупа осуществляется путем разрезания одежды для ее сохранно-

[1] *Аверьянова Т.В., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник. 4-е изд. М.: Норма. 2019. С. 557.

[2] *Халиков А.А., Вавилов А.Ю.* Осмотр трупа на месте его обнаружения. Уфа, 2014. С. 11.

[3] *Александров Э.П., Заславский Г.И.* Осмотр трупа на месте его обнаружения / под редакцией А.А. Матышева. СПБ.: Лань, 1997. С. 148.

сти в силу того, что после воздействия огня она хрупкая и может быть повреждена.

При детальном осмотре трупа одними из главных вопросов являются: «Действительно ли смерть наступила от действия высокой температуры?» и «Как давно были причинены ожоги и причинены ли они при жизненно или посмертно?». О получении ожоговых травм при жизни свидетельствуют различные факторы, к примеру: закопченность лица, копоть у носа и рта, на слизистой оболочке рта. Следует также описать растрескивание и цвет зубной эмали, цвет волос на голове[1] (в некоторых случаях это может говорить о температуре, в которой находился человек).

Обязательно в протоколе подробно описываются ожоги, которые проявляются в покраснениях кожи, наличии пузырей и зон некроза. Локализация данных повреждений фиксируется и определяет общую площадь ожогов. Обугленные места тела представляют наибольшую сложность, т.к. обнаружить там какие-либо следы сложно, а также при ожоге 3-4 степени возможны растрескивание кожи, которые выглядят как раны. Особое внимание уделяется иным травмам, которые не являются ожогами (порезы, переломы) т.к. возникает вопрос о прижизненности их получения. Все повреждения детально фиксируются путем фотофиксации.

Причинами смерти могут служить: острое отравление окисью углерода и продуктами термической деструкции синтетических материалов, ожоговый шок, гипоксия в следствии задушения дымом, острая дыхательная недостаточность из-за тяжелого диффузного поражения органов дыхания. Причины могут сочетаться (как правило это и происходит).

Учитывая степень обгорания, указанные факторы могут и не проявляться. Также при обугленности полной или частичной (но в определенных местах) установить причины смерти бывает крайне тяжело, или же невозможно. Установить их можно только в ходе судебно-медицинской экспертизы трупа.

В протоколе необходимо наиболее подробно описать предметы, которые могут быть обнаружены на месте происшествия. К ним относятся: предметы со следами горючих жидкостей, или которые могли содержать такую жидкость (железная канистра (ведь не стоит забывать об инсценировке или негативных обстоятельствах)), средства электрозащиты (предохранители), образцы проводки, документы, предметы которыми были нанесены травмы (железная балка, кирпич из стены или часть стены), предметы бытового назначения (кровать, стол.) Обращается внимание на их внешний вид, цвет, вздувшуюся краску и степень ее облупленности, на трещины и т.д.

После описания всех предметов необходимо все это изъять, упаковать и прикрепить пояснительную записку, подписанную всеми участвующими лицами. Также изъятие таких предметов следует осуществлять с особой осторожностью, т.к., например, проводка может быть под напряжением, поэтому в данной ситуации необходимо участие специалиста в области пожарной безопасности, т.к. именно он может обеспечить в полной мере безопасность участников.

Необходимо осуществить забор образцов воздуха и крови для установления определенных обстоятельств, например, может возникнуть необходимость в установлении содержания карбоксигемоглобина в крови, но т.к. данное вещество имеет такое свойство, как потеря концентрации и в дальнейшем в полной мере осуществить исследования не представится возможным.

Вывод: при обнаружении обгоревшего трупа на месте происшествия возникает ряд определенных сложностей: установление причин смерти, установление времени смерти, обнаружение иных повреждений, полученных не в процессе горения из-за ожогов различных степеней, а в особенности при обугливании. Вещи, находящиеся на трупе, которые могут иметь большое значение для расследования в процессе горения могут быть утрачены и осложнить раскрытие преступления. Большое значение для дела имеют предметы, находящиеся на месте пожара, т.к. они отражают следы горения, и помогают установить очаг возгорания. Важно при осмотре места происшествия соблюдать особую осторожность, т.к. предметы могут нести опасность, и в силу хрупкости могут быть утрачены вещественные доказательства. В зависимости от ситуации стоит осуществлять забор воздуха, с целью установления причин пожара.

При фотофиксации необходимо: зафиксировать положение трупа с нескольких ракурсов. Далее осуществляется детальное фотографирование отдельных повреждений на трупе. Внимание уделяется предметам, которые могут иметь значение для расследования, которые также необходимо.

К. причинены ожоговые раны передней поверхности туловища, области бедер по всей поверхности, области коленных суставов, лица, шеи, задней поверхности верхних конечностей, области надплечий, на кистях рук, в поясничной области, области промежности, затылочной области, задней поверхности туловища до поясничной области, которые являются ожогами 1-2-3АБ степени 73 % поверхности тела (из них 12 %– 3АБ степени), относящиеся к категории тяжкого вреда здоровью, как опасные для жизни человека, непосредственно создающие угрозу для жизни[2].

[1] *Райский М.И.* Судебная медицина. М.: Медгиз. 1953. С. 228.

[2] Приговор № 1-114/2020 от 27 мая 2020 г. по делу № 1-114/2020 по ч. 3 ст. 219 УК РФ Колпашевского городского суда Томской области. URL: https://sudact.ru/regular/doc/i0jMYA4oz2ml/?page=3& (Дата обращения 28.03.2021)

Загороднев Д.М.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Беликов Е.Г.? д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ЦЕЛЕЙ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *Осуществление банковского надзора невозможно без соответствующей теоретической и законодательной базы. Однако в современной науке происходит смешение смежных понятий в данной сфере, что ведет к сложностям применения и реформирования соответствующего законодательства. В статье проводится анализ базовых категорий в области банковского надзора.*

Ключевые слова: *банковская система, банковский надзор, банковская деятельность.*

Zagorodnev D.M.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Belikov E.G. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT AND OBJECTIVES OF BANKING SUPERVISION IN MODERN LEGISLATION

Abstract. *Banking supervision is impossible without an appropriate theoretical and legislative framework. However, in modern science, there is a confusion of related concepts in this area, which leads to difficulties in applying and reforming the relevant legislation. The article analyzes the basic categories in the field of banking supervision.*

Keywords: *banking system, banking supervision, banking activity.*

Банковская система является одним из основополагающих звеньев финансовой системы любой страны. Современные экономические отношения не представляются нам без банковской системы. Банки как элементы данной системы призваны аккумулировать, распределять и контролировать денежные потоки мирового сообщества в целом и того или иного государства в частности.

Большая часть платежей и физических, и юридических лиц в разных размерах приходится на кредитные организации, что позволяет выстроить эффективную и быструю систему взаимодействия между контрагентами ввиду нахождения денежных масс в рамках одной отрегулированной системы.

Столь высокая значимость банковской системы и каждого его звена для функционирования финансовой системы предполагает необходимость обеспечения стабильности и благоприятных условий его развития. Именно деятельность государства по обеспечению стабильности банковской системы является необходимой и принципиально важной во всей его экономической политике.

Мировые финансовые кризисы в 21 веке показали всему миру исключительную важность исправной работы механизмов банковского контроля и надзора для реализации целей и задач всей экономики государства. Таким образом, кризисы показали важную роль банковского надзора и крайнюю необходимость его развития.

Усиление позиции банковского надзора среди механизмов влияния на регулирование финансовых циклов свидетельствует о необходимости его реформирования, что, в свою очередь, должно начинаться с изучения и проработки теоретической базы банковского надзора – определения его понятия, целей и принципов.

В вопросе теоретической проработки понятия банковского надзора все еще остро стоит проблема смешения понятий контроля, надзора и аудита. Если подобная ошибка встречается в научной литературе – это не проблема, но сложность, которую надо решить. однако подобная ошибка все чаще встречается в рамках текстов нормативных актов, что ведет к неправильному применению и толкованию отдельных норм.

В связи с чем «эти понятия зачастую смешиваются, иногда используются в качестве взаимозаменяемых, иногда определяются через друг друга, но разделение смысла этих понятий, их внутреннего содержания, особенностей регулируемых с их помощью правоотношений не определено»[1].

Банковский надзор определяется учеными как «вид публично-правовой деятельности, реализуемой центральным банком и (или) специальным публично-правовым органом (или несколькими органами), нацеленной на поддержание стабильности и развитие банковской системы страны и, как следствие, поддержание стабильности всей финансовой системы и национальной денежной единицы, а также на защиту интересов вкладчиков и кредиторов»[2]. Иное определение дает А.Г. Братко: «банковский надзор – это наблюдение Банка России (дистанционное и контактное) за исполнением и соблюдением кредитными организациями законодательства, регулирующего банковскую деятельность, установленных им нормативных актов, в том числе финансовых нормативов и правил бухгалтерского учета и отчетности, и используется Банком России для управления рисками в банковской системе»[3].

Несмотря на то, что оба определения представляют достаточно обширный перечень признаков и принципов организации банковского надзора, данный перечень в своей полноте не отражает всей полноты данного термина.

Данная проблема побудила предложить свой вариант определения банковского надзора, который бы отра-

[1] *Шохин С.О.* Контроль, надзор и аудит в финансовой сфере // Финансовое право. 2018. № 12. С. 13.

[2] *Рождественская Т.Э.* Банковское право: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 91.

[3] *Братко А.Г.* Банковское право (вопросы теории и практики). М., 2007. С. 206.

жал все основные современные тенденции его развития и функционирования.

Банковский надзор – это вид публично-правовой деятельности Банка России по реализации наблюдения за исполнением и соблюдением кредитными организациями законодательства, регулирующего банковскую деятельность, и по управлению рисками, нацеленной на поддержание стабильности и развития банковской системы страны в соответствие с целями и задачами Банка России.

Современная финансовая и банковская система включает в себя помимо прочего органы банковского надзора, что является практикой, распространенной в большинстве стран мира. Основной целью данных органов является поддержание стабильности и развития банковских систем, защита интересов кредиторов и вкладчиков.

Х.И. Мюллер, возглавлявший в 1990-х годах Базельский комитет по банковскому надзору, в своих работах отмечал, что «цена плохого или неадекватного надзора в рыночной экономике чрезвычайно высока, следовательно, стоит направить значительные средства на эту деятельность, даже несмотря на то, что результат качественного надзора нельзя измерить количественно, и он поэтому не является наглядным»[1].

Денежно-кредитная политика объединяет направлена на банковскую и денежную систему в связи с общностью задач, выполняемых ими. К таким задачам относятся: защита и обеспечение устойчивости национальной валюты, публичное воздействие на функционирование кредитных институтов. Решение задач подобного уровня повышает значимость работы банковской системы достаточно высоко, чтобы говорить об исключительной важности банковского надзора в данной системе.

Банковский надзор выступает признанным фактором укрепления банковской системы. Следовательно, наряду со своей непосредственной задачей, т.е. защитой интересов вкладчиков и иных кредиторов банков, надзор способствует решению конституционной – ключевой для Банка России – задачи обеспечения стабильности денежной единицы, а значит, и денежной системы[2].

Роль и специфика банковской деятельности и кредитных институтов привели к необходимости серьезного и масштабного государственного вмешательства в деятельность банковской системы. В большинстве современных развитых стран сегодня существуют специальные органы банковского надзора. Их основная цель – поддержание стабильности и развития банковских систем, защита интересов кредиторов и вкладчиков.

Исходя из вышесказанного следует, что реализация деятельности банковской системы посредством банковского надзора – это прежде всего вопрос, затрагивающий публичные интересы общества, а значит государство будет стоять на страже публичного интереса.

Ю.А. Тихомиров отмечал, понятие «публичный интерес является родовым, включающим в себя более конкретные, видовые понятия. Признание, выражение и обеспечение разных общественных интересов по субъектам создают прочный конституционный фундамент, гарантируют выражение интересов в разных сферах жизни общества, отсюда вытекает правообразующая роль данной категории во всех отраслях публичного права»[3].

Исходя из этого, публичным интересом выступает интерес, признанный государством, отражающий интерес всего общества и необходимый для дальнейшего развития и существования этого государства и общества. Что является логичным применимо к банковскому надзору, т.к. его существование и функционирование позволяет банковской системе не просто существовать, но и стоять на страже законных прав и интересов и граждан, и кредиторов.

Итак, согласно ч. 2 ст. 56 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон о Банке России) главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются «поддержание стабильности банковской системы РФ и защита интересов вкладчиков и кредиторов»[4].

Продолжая рассуждение, становится очевидным совпадение цели развития банковского надзора и банковского сектора, а значит и их прямая зависимость руг от друга. В случае процветания, реформирования и развития банковского надзора то же будет происходить и с банковским сектором, в то же время данная зависимость действует и в обратную сторону. Это означает, что в данном случае повышение уровня регламентации любого из данных явлений, а также развития практическое применение банковского надзора должно находиться в числе приоритетов финансовой политики государства, а значит Правительство РФ и Банк России должны обратить свое пристальное внимание на реформирование именно этой области банковской системы современной Российской Федерации.

Проанализировав тенденции и механизмы реализации банковского надзора, очевидно, что он, в первую очередь, направлен на решение в достаточной мере глобальных проблем. При чем современный банковский надзор все больше приобретает масштабы мирового экономического пласта, т.к. экономики всех стран связаны между собой и в достаточной мере влияют друг на друга, чтобы совместно разрешать проблемные ситуации в данной области.

Критические ситуации в банковском секторе при этом не должны носить локального характера. Банковский надзор, как уже говорилось ранее, носит в себе публичный интерес. Это означает, что интересы отдельных лиц не представляют для него достаточной для вмешательства ценности.

Банковский надзор направлен именно на выявление кризисных ситуаций и предотвращение серьезных последствий от них. Вопросом восстановления системы занимаются иные механизмы. В основе функционирования современного банковского надзора лежат общеправо-

[1] *Мюллер Х.И.* О банковском надзоре в странах с рыночной ориентацией. М.: Деньги и кредит. 1990. № 3. С. 55.

[2] *Батырева С.В.* Современные надзорные и контрольные функции центральных банков: монография. М., 2011. С. 17.

[3] *Тихомиров Ю.А.* Публичное право: учебник. М., 1995. С. 60.

[4] Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2019. № 30, ст. 4150.

вые принципы и цели. Все они, в основном, закреплены в Конституции РФ.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»[1]. Так Конституция определяет в качестве обязанности государства при осуществлении своих полномочий действовать в рамках интересов граждан, что, в свою очередь, отражается и на банковском надзоре. Это выражается в том, что банковский надзор осуществляется не только в публичных интересах, но и в интересах физических лиц. Это помогает направлять и уточнять цели банковского надзора и их реализацию.

Банковская деятельность является деятельностью с повышенным уровнем риска для всех субъектов отношений, поэтому принцип соразмерности помогает ограничить и уточнить механизмы реализации данной деятельности. Стоит упомянуть, что любая деятельность, в том числе банковский надзор, не может определяться и выстраивать цели своей деятельности без системы принципов, регулирующих и направляющих ее осуществление. Изучение принципов банковского надзора является предметом масштабного изучения, однако, в рамках представленного исследования, стоит сказать об их исключительной важности для определения банковского надзора как публично-правовой деятельности Банка России в экономическом поле Российской Федерации.

Данные принципы являются фундаментом для создания надежной системы банковского надзора в государстве. Учет местных, локальных особенностей тех или иных случаев на практике позволяют больше актуализировать данные стандарты.

Банковская система всегда была подвержена высокому уровню рисков, в связи с чем целеполагание банковского надзора должно строится на единой системе принципов в качестве регулятивного механизма осуществления его деятельности.

Возвращаясь к вопросу смешения понятий и сложности определения банковского надзора как самостоятельного вида деятельности, изучив весь представленный материал, представляется, что банковский надзор в большинстве случаев представлен расширительно. Зачастую как законодатель, так и научное сообщество включает в него множество целей и функций принадлежащих иным механизмам, например, надзор за соблюдением кредитными организациями антимонопольного законодательства[2].

Стоит отметить, что банковский надзор – это развивающаяся и динамичная отрасль, как и экономика в целом, она не стоит на месте, видоизменяясь и расширяясь. Надзор отражает все основные тенденции рынка. Это означает, что органам банковского надзора необходимо быть крайне гибкими, им необходимо иметь возмодность быстрого и эффективного внесения изменений в политику и практику надзора.

Для достижения подобного результата нужно подготовить достаточно гибкую законодательную систему, однако, это долгий и трудоемкий процесс.

В существующем законодательстве в абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) присутствует указание на другие федеральные законы в перечне актов регулирования банковской деятельности. Это представляется безосновательным и неверным в связи с тем, что права Банка России по надзору за соблюдением кредитными организациями законодательства являются производными от прав, закрепленных в ст. 56 Закона о Банке России в ее правовой связи с Законом о банках. Для указанной выше гибкости возможно использование других актов, однако на практике таких не существует и не может существовать из-за достаточной прямолинейности существующих норм, а также их исчерпывающего характера.

Представляется возможным и необходимым для большей простоты актуализации норм, регламентирующих банковский надзор, пересмотреть и доработать вопросы формулировки существующих норм, т.к. изменчивость рынка не позволяет вводить новые и новые законы, а существующие своей категоричностью усложняют процесс интеграции банковского надзора в современную экономическую реальность.

Таким образом, в ходе исследования был сделан вывод, что законодательство, регулирующее применение банковского надзора не отражает его сущности, путая с иными терминами и процессами, а некоторые излишне жестко диктуют его рамки, что создает дополнительные сложности в приведении банковского надзора в исполнение. Необходимо пересмотреть теоретическую базу понятия и целей банковского надзора для его дальнейшего активного развития и использования в банковской системе Российской Федерации.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. 2020. 4 июля.

[2] Банковское право: учебник / отв. ред. Л.Г. Ефимова. М., 2014. С. 110.

Зайкова А.С.
студент 1 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Соболева Ю.В., д.ю.н., профессор, и.о. заведующий кафедрой административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ПОНЯТИЕ «ВРАЧ» В ПРАВОВОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *В современном российском законодательстве в сфере здравоохранения одним из нерешенных вопросов остается отсутствие законодательного определения понятия «врач». При этом термин используется во многих нормативно-правовых актах, направленных на правовое регулирование деятельности в сфере оказания медицинской помощи и ведения медицинской деятельности. В статье проведен анализ имеющихся закрепленных понятий, логически связанных с термином «врач», предложено авторское определение понятия «врач».*

Ключевые слова: *врач, медицинский работник, лечащий врач, врач-специалист, медицинское право*

Zajkova A.S.
student 1 courses of Institute of a magistracy and postgraduate study the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Soboleva J.V., PhD,professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE CONCEPT OF DOCTOR IN LEGAL SCIENCE AND LEGISLATION

Abstract. *The lack of a legislative definition for the term doctor is one of the unresolved issues in the field of healthcare of the modern Russian legislation. At the same time, the term is used in many regulatory legal acts aimed at legal regulation of activities in the field of medical care and the conduct of medical activities. The article presents an analysis of the fixed concepts logically related to the term doctor. The author also suggests a definition for the concept of doctor.*

Keywords: *doctor, healthcare worker, physician, specialist doctor, medical law*

В современном российском законодательстве в сфере здравоохранения одним из базовых нерешенных вопросов остается отсутствие законодательного определения понятия «врач», раскрывающего сущность данного термина. При этом указанный термин часто используется и содержится во многих нормативно-правовых актах, направленных на правовое регулирование деятельности в сфере оказания медицинской помощи и ведения медицинской деятельности, например, в федеральных законах об основах охраны здоровья граждан [1] (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) (ч. 15 ст. 2, ч. 6 ст. 20, ч. 7, 8 ст. 21, ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 47, ст. 48, ч. 3 ст. 59, ч. 3 ст. 66, ч. 1 ст. 67, ст. 71, ч. 3 ст. 76), о трансплантации органов человека[2], о психиатрической помощи[3] (далее – Федеральный закон № 3185-1).

В Федеральном законе № 323-ФЗ содержится определение понятий «медицинский работник» и «лечащий врач».

Под медицинским работником (п. 13 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ) понимается физическое лицо, которое осуществляет медицинскую деятельность и отвечает хотя бы одному из нижеперечисленных требований:

- имеет медицинское образование,
- имеет иное образование,
- является индивидуальным предпринимателем (без требований к образованию).

Имея достаточно широкое толкование, указанный термин охватывает множество профессий и должностей: не только специалистов с высшим медицинским образованием (врачей), но и средний, младший медицинский персонал, медицинских статистов, методистов, юристов, техников.

Рассматриваемая правовая норма допускает к медицинской деятельности лиц, не имеющих соответствующего образования и квалификации. Необходимо отметить, что медицинская деятельность основана на особых умениях и навыках работников, она заключается в профессиональной деятельности:

- по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий,
- сопряженной с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

Рассматриваемое в действующей редакции понятие «медицинский работник», по нашему мнению, не характеризует в должной мере профессиональные обязанности и особенности деятельности врача, не раскрывает его административно-правовой статус. С этим мнением согласны и другие ученые[4].

Понятие «лечащий врач» (ч. 15 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ) отражает лишь одно из профессиональных направлений деятельности врача, лишь одну его функцию – организация и оказание медицинской помощи пациенту в период его лечения.

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 25.06.2012) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 29.11.2007) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 62.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (в ред. от 21.11.2011) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1913.

[4] *Старчиков М.Ю.* О юридических понятиях «врач» и «медицинский работник»: проблемные вопросы и пути их разрешения // Гражданин и право. 2020. № 2. С. 76-82.

Для раскрытия содержания понятия «врач» обратимся к энциклопедической и научной литературе. Так, врач – это:

- лицо с высшим медицинским образованием, занимающееся лечением больных[1],
- специалист с высшим медицинским образованием, имеющий право заниматься лечебно-профилактической деятельностью[2],
- лицо, получившее законченное высшее медицинское образование[3].

Относительно рассматриваемого понятия имеются различные мнения ученых. Одни понимают под врачом «медицинского работника, имеющего высшее профессиональное (медицинское образование), на которого возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи»[4], другие – работника, фактически оказывающего медицинскую услугу.[5]

Во всех перечисленных определениях можно заметить схожую мысль о том, что врачом может называться лицо, имеющее высшее медицинское образование. Однако следует отметить, что существует возможность получения высшего сестринского медицинского образования для среднего медицинского персонала.

При изучении ведомственного приказа[6] можно заметить такой термин, как «врач-специалист». Данный термин также нельзя приравнять к понятию «врач», поскольку врач-специалист имеет особую квалификацию (послевузовское, дополнительное профессиональное образование) и соответствующий сертификат.

Тем не менее, по содержанию должностные обязанности врача-специалиста и лечащего врача во многом схожи. К примеру, врач-специалист в соответствии с медицинскими стандартами проводит оценку состояния больного, его клинической ситуации, диагностирует заболевания и осуществляет их непосредственно лечение.

Лечащий врач, также как врач-специалист, проводит квалифицированное обследование пациента, организует его лечение, и в случае необходимости может консультироваться с врачами-специалистами или созывать консилиум врачей.

Таким образом, в современном российском законодательстве применяются такие фиксированные раскрытые понятия, как «медицинский работник», «врач-специалист», «лечащий врач», но при этом также широко используются термин «врач», не имеющий законодательного закрепления, а также понятия, основанные на этом термине. Как следствие, понятия «врачебная тайна», «врачебная комиссия», «клятва врача», «консилиум врачей», содержащиеся в Федеральном законе № 323-ФЗ, и понятие «врачебная деятельность» (п. 1 ст. 19 Федерального закона № 3185-1), не являются раскрытыми и, по нашему мнению, не могут быть использованы как основные термины в нормативных правовых актах.

К примеру, врачебная тайна не подлежит разглашению даже после смерти пациента и ответственность за ее неразглашение несут не только врачи или врачи-специалисты, но и другие лица, осуществляющие медицинскую деятельность или обучение по медицинским специальностям. Из этого следует, что «врачебная тайна» должна именоваться как «медицинская», что приблизит его к истинному значению понятия.

Ученые[7] отмечают негативное влияние отсутствия законодательного определения понятия «врач» на формирование их правового статуса. В современном законодательстве не четко идентифицированы статусы и, в особенности ответственность в случае причинения вреда, следующих медицинских работников: дежурного врача, анестезиолога, врача, одновременно проходящего учебу и ведущего больных и др.

Для исключения терминологической неточности, по нашему мнению, необходимо дополнить пунктом 24 статью 2 Федерального закона № 323-ФЗ, закрепив правовое понятие «врач», используемое в законе:

«24. Врач – медицинский работник, имеющий высшее профессиональное медицинское образование по специальности «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология», «Медицинская биофизика», «Медицинская биохимия», «Медицинская кибернетика», осуществляющий медицинскую деятельность».

---

[1] Толковый словарь Ушакова Д.Н. // https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/766214 (дата обращения: 17.03.2021).

[2] Толковый словарь Ефремовой Т.Ф. // https://lexicography.online/explanatory/efremova/в/врач (дата обращения: 17.03.2021).

[3] Большая медицинская энциклопедия // https://big_medicine.academic.ru/3266/ВРАЧ (дата обращения: 17.03.2021)

[4] *Башанкаев Б.Н., Морозов П.Е., Рустамов Б.Е., Чанышев А.С.* Актуальные проблемы правового регулирования управления медицинским персоналом и пути их решения в современных условиях: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. С. 160.

[5] *Васильева Е.Е.* Договор возмездного оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. URL: http://www.dslib.net/civil-pravo/dogovor-vozmezdnogo-okazanija-medicinskih-uslug-po-zakonodatelstvu-rossijskoj.html (дата обращения: 17.03.2021).

[6] Приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» (в ред. от 09.04.2018) // Российская газета. 2010. № 217.

[7] *Сучкова Т.Е.* К вопросу о необходимости законодательного закрепления понятия «врач» // Медицинское право. 2014. № 3. С. 12–16.

Зарубина О.С.
магистрант 2 курса 2УПК группы ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов
Научный руководитель: Гвоздева И.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО«СГЮА», г. Саратов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕУПЛАТОЙ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ

Аннотация. *Эффективное противодействие преступности предполагает не только своевременное раскрытие и расследование преступлений, но и профилактику их совершения. Значительная роль в предупреждении преступлений отводится государственным, правоохранительным и иным органам.*

Ключевые слова: *меры предупреждения, несовершеннолетние дети, правовые меры, экономические меры.*

ZarubinaO.S.
SaratovStateLawAcademy (SSLA),Saratov
Supervisor: Gvozdeva I.S. Cand.Sc., Docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CRIMINALISTIC SUPPORT FOR PREVENTION OF CRIMES RELATED TO THE FAILURE TO PAY FUNDS FOR CHILDREN

Abstract. *Effective counteraction to crime involves not only the timely detection and investigation of crimes, but also the prevention of their commission. A significant role in crime prevention is assigned to state, law enforcement and other agencies.*

Keywords: *prevention measures, underage children, legal measures, economic measures.*

В условиях современного развития российского общества наблюдается увеличение количества совершаемых преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних. Наибольшее число от общего объема преступлений данной категории занимают преступления, связанные с неуплатой средств на содержание детей. В связи с этим возникла необходимость в разработке системы мер, направленных на предупреждение преступности. Практика раскрытия и расследования преступлений свидетельствует о возросшей роли криминалистики в предупреждении преступлений.

До настоящего времени в научных трудах ученых нет единого мнения относительно того, какое место занимает криминалистическое предупреждение в системе криминалистики. Так, В.П. Колмаков считал, что криминалистическое предупреждение является самостоятельной частью криминалистики. Однако ряд ученых считает, что криминалистическое предупреждение необходимо изучать в рамках различных разделов криминалистики.

Под предупреждением преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание несовершеннолетних детей понимается система государственно-правовых, экономических, управленческих, организационных и воспитательных средств и методов, направленных на снижение условий, способствующих совершению преступлений.

Предупреждение совершения преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей, направлено на защиту имущественных интересов несовершеннолетних.

Систему мер, направленную на предупреждение преступлений данной категории, можно разделить на общие методы и индивидуальные.

Общие методы могут включать в себя:

1. Получение и анализ информации о совершаемых преступлениях, лицах, которые привлекаются к уголовной ответственности, условиях и образе их жизни.

2. Установление причин, которые способствуют совершению преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей.

3. Анализ действующего законодательства, регулирующего данные правоотношения, с целью выявления и устранения пробелов и недостатков правовых норм.

4. Распространение среди общественности положений правовых норм, регулирующих данную сферу, и последствий их нарушения и формирование общественного мнения, которое направлено на недопущение совершения преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей.

5. Освещение в средствах массовой информации обвинительных приговоров в целях формирования нетерпимости к нарушению законодательства и в целях показать неотвратимость наказания.

6. Разработку и реализацию программ, направленных на повышение уровня жизни населения, снижения и предотвращения безработицы, поддержание малоимущих слоев населения. Установлено, что большинство лиц, которые привлекаются по ч. 1 ст. 157 УК РФ, не имеют источника дохода, либо обладают незначительным заработком, которого недостаточно для исполнения своих обязательств по содержанию детей. Кроме того, они не имеют имущества, за счет которого можно было бы погасить долг. В связи с этим, повышение уровни жизни населения, является профилактической мерой, направленной на предупреждение совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ.

Меры, которые в настоящий момент применяются к лицам, уклоняющимся от уплаты алиментов, в виде запрета выезда за пределы территории Российской Федерации, часто являются неэффективными, поскольку данные граждане, имея низкий доход, и так не реализуют данное право, в связи с чем не испытывают каких-либо ограничений.

Помимо общих мер, направленных на предупреждение преступлений, связанных с неуплатой средств на со-

держание детей, система включает еще и индивидуальные меры предупреждения.

Индивидуальная профилактика направлена на выявление конкретных лиц, которые могут совершить преступления данной категории, с целью оказать на них влияние, либо на обстановку вокруг них, чтобы не допустить совершения ими преступлений.

Мерами индивидуальной профилактики могут являться беседы с лицами, которые склонны к совершению преступления, постановка на учет и осуществление наблюдения за ними.

Особая роль в предупреждении преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей, отводится взаимодействию правоохранительных и государственных органов.

Важное место в предупреждении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, отводится своевременному выявлению судебными приставами лиц, которые уклоняются от уплаты алиментных платежей на содержание своих несовершеннолетних детей. Кроме того, законодателем была введена по данному составу преступления административная преюдиция, которая также направлена на предупреждение совершения преступлений данной категории, поскольку в отсутствии привлечения лица к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ его невозможно привлечь к уголовной ответственности.

Кроме того, судебные приставы в целях предупреждения совершения преступлений, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, посещают по месту проживания, лиц, которые уклоняются от уплаты алиментных платежей в пользу своих детей, устанавливают имущество, за счет реализации которого возможно погашение долга. Помимо этого, на официальных сайтах судебных приставов имеются разделы, пройдя по которым можно узнать о своей задолженности по алиментным обязательствам.

Также в целях профилактики совершения преступлений, правоохранительные органы выявляют неблагополучные семьи, в которых родители не занимаются воспитанием детей, ведут асоциальный образ жизни, склонны к совершению правонарушений. С такими лицами сотрудники правоохранительных органов проводят разъяснительные беседы, о грозящих последствиях, в случае неисполнения своих родительских обязанностей. Осознание такими лицами возможности привлечения их к уголовной ответственности, а также реальности и неотвратимости наказания, стимулирует некоторых к систематической выплате алиментных платежей.

Таким образом, криминалистическая профилактика занимает важное место в криминалистической науке. Кроме того, предупреждение преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей, и направленных против несовершеннолетних, является сложной задачей, для решения которой требуется комплексный подход.

Затонский С.С.
магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Шмелева М.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТСВОВАНИЯ

Аннотация. *В данной статье проведено исследование гражданского законодательства РФ, регулирующего ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактном, и практики его применения. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствования закона о контрактной системе.*

Ключевые слова: *государственный (муниципальный) контракт, контрактные обязательства, меры ответственности, неустойка, штраф, пеня.*

Zatonskiy S.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Shmeleva M.V., docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

REGULATORY LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR FAILURE TO FULFILL OR INCORRECT FULFILLMENT OF OBLIGATIONS FROM THE STATE (MUNICIPAL) AGREEMENT AND WAYS OF ITS IMPROVEMENT

Abstract. *This article examines the civil legislation of the Russian Federation, which regulates liability for non-fulfillment or improper fulfillment of obligations stipulated by the state (municipal) contract, and the practice of its application. On the basis of the study, proposals were formulated to improve the law on the contract system.*

Keywords: *state (municipal) contract, contractual obligations, measures of responsibility, forfeit, fine, penalty.*

За неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами договорных обязательств предусмотрена гражданско-правовая ответственность. Основной формой

гражданско-правовой ответственности в контрактных правоотношениях является неустойка. Как следует из содержания пункта 1 статьи 330 Гражданского кодекса РФ[1] под неустойкой (штрафом, пеней) понимается определенная законом или договором денежная сумма, которая уплачивается должником в пользу кредитора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

Одним из существенных условий государственного (муниципального) контракта является включение в текст контракта положения об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом (часть 4 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ[2]).

Размер и порядок проведения расчета пени установлен частями 5, 7 и 8 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ. Так, заказчик обязан установить в контракте размер пени, начисляемой в случае просрочки исполнения сторонами контракта обязательств, предусмотренных договором, в размере одной трехсотой действующей на дату уплату пеней ключевой ставки Центрального банка РФ от неуплаченной в срок суммы, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. Постановлением Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042[3] детально регламентированы правила определения размера штрафов за неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами обязательств, предусмотренных контрактом. Согласно постановлению, размер штрафов отличается в зависимости от цены контракта или отдельного этапа. Общая сумма штрафов для сторон не может превышать цену контракта (пункты 11 и 12 постановления).

На практике же положение об ответственности сторон – в особенности об ответственности поставщика, подрядчика или исполнителя вызывают немало вопросов в правоприменении.

Так, например, остается дискуссионным вопрос о том, может ли государственный (муниципальный) заказчик в проекте контракта предусматривать ответственность поставщика, исполнителя или подрядчика выше, чем предусмотрено законом.

Пунктом 2 статьи 332 Гражданского кодекса предусмотрена возможность для увеличения размера законной неустойки по соглашению сторон, при условии, что законом на это не установлен запрет. Так как Федеральный закон № 44-ФЗ положения о запрете не содержит, а постановление Правительства от 30 августа 2017 г. № 1042 в отличие от ранее действовавшего нормативно-правового акта в этой сфере[4] не устанавливает, что размер неустойки является фиксированным, это приводит нас, казалось бы, к закономерному выводу о допустимости увеличения законной неустойки применительно к контрактным правоотношениям.

Однако, как было отмечено еще в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 января 2014 года № 11535/13[5] применительно к ранее действовавшему Федеральному закону № 94-ФЗ[6], «закон о размещении заказов устанавливает императивные требования к заказчикам… и исключает для них возможность действовать по собственному усмотрению исходя из гражданско-правового принципа «можно все, что прямо не запрещено».

Таким образом, можно сделать предположение, что, исходя из общего правила, государственный (муниципальный) заказчик не имеет права увеличивать размер неустойки сверх установленного законом размера.

Для того, чтобы составить наиболее полное представление о рассматриваемом вопросе необходимо обратиться к практике его правоприменения.

В соответствии с ранее регулировавшим государственные и муниципальные закупки Федеральным законом № 94-ФЗ неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств заказчиком являлась законной, а неустойка для поставщика (подрядчика, исполнителя) договорной, которая определялась государственным (муниципальным) заказчиком при проведении торгов, что нередко приводило к злоупотреблениям со стороны заказчиков, однако указанный недостаток законодательства часто восполнялся практикой правоприменения.

Так, решением Арбитражного суда города Москвы от 23 марта 2014 г. по делу № А40-18421/2015[7], суд признал ничтожным положение, включенное государственным заказчиком в проект контракта, предусматривающее повышенный в сравнении с установленным законом (часть 7 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ) размер неустойки (пени). Или, например, постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 июля 2014 г. № 5467/14[8] было признано незаконным, включенное государственным заказчиком в проект контракта, положение о возможности начисления неустойки на общую сумму контракта, а не на стоимость просроченного обязательства, как обременительное для контрагента и существенным образом нарушающее баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия).

Однако уже спустя несколько лет после упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховным Судом РФ в обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС Консультант-Плюс.

[2] Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 г. № 1042 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Правительства РФ от 25.11.2013 г. № 1063 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 11535/13 от 28 января 2014 г. URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_a126acc1-ab1b-4e48-bf92-d8390ae4d62b (дата обращения: 15.03.2021).

[6] Федеральный закон от 21.05.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных или муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 марта 2014 г. дело № А40-18421/2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/05a6a2fc-42b9-4e2e-953c-245706ecab83/A40-18421-2015_20150323_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.03.2021).

[8] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 5467/14 от 15 июля 2014 г. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_39b55051-14d6-4994-82d4-1b69ba8a2b01 (дата обращения: 15.03.2021).

государственных и муниципальных нужд, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 28 июня 2017 г.[1], были приведены совершенно иные правовые позиции. Так, в соответствии с пунктом 35 обзора судебной практики было отмечено, что условие государственного (муниципального) контракта об уплате сторонами неустойки в размере, превышающем размер, установленный законодательством о контрактной системе, является действительным. Примечательно, что во всех случаях, разобранных Верховным Судом РФ, повышенный размер неустойки в государственном контракте был предусмотрен именно для поставщиков, подрядчиков и исполнителей. В разрез с правовыми позициями Высшего Арбитражного суда РФ также указано о законности условия государственного контракта, предусматривающего расчет пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком своего обязательства от общей цены контракта, поскольку ни общее, ни специальное законодательство не содержит запрета на ее увеличение.

На основе анализа проблем правового регулирования ранее действовавшего закона о государственных и муниципальных закупках Федеральным законом № 44-ФЗ был закреплен фиксированный в законодательстве о контрактной системе размер неустойки для сторон государственного (муниципального) контракта. Однако посредством этого проблема не была окончательна решена, т.к. в самом Федеральном законе № 44-ФЗ было установлено, что положение об ответственности сторон обязательно должно включаться в содержание контракта.

Любопытным в таком случае кажется конструкция, при которой суд может признать подобное положение, предусмотренное заказчиком, ничтожным, а значит в содержании государственного (муниципального) контракта будет отсутствовать одно из существенных условий договора (пункт 1 статьи 432 Гражданского кодекса РФ), а потому такой договор будет считаться незаключенным. Однако такие случаи практике неизвестны. Вероятнее всего, учитывая сложность бюджетных правоотношений, связанных с финансовым обеспечением проведения государственных и муниципальных закупок (которые включают себя планирование бюджета, доведение лимитов бюджетных средств и последующее доведение бюджетных ассигнований до получателя) и придерживаясь «пробюджетной» позиции суды не решаются признавать такие государственные (муниципальные) контракты незаключенными.

Отдельного внимания также заслуживает вопрос о том, достаточно ли в проекте контракта указать, что неустойка начисляется в порядке, предусмотренном ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, или положение об ответственности должно содержать размер неустойки и порядок ее расчета.

На основе многочисленных жалоб на требования отдельных должностных лиц Федеральной антимонопольной службы России, Министерство финансов РФ в письме от 11 декабря 2014 г. № 02-02-04/63862[2], отвечая на вопрос о требованиях относительно включения в контракт формулы расчета неустоек прямо указало, что Федеральным законом № 44-ФЗ закреплено обязательное включение в содержание контракта положения об ответственности сторон, однако указанная норма не содержит обязанности при заключении контракта прописывать в нем формулу расчета неустойки. Таким образом, в соответствии с частью 4 статьи 34 Федерального закона в контракте достаточно указания ссылки на норму права, в соответствии с которой будет производиться расчет неустойки.

Следуя указанной логике, Президиум Верховного Суда РФ в пункте 34 Обзора судебной практики от 28 июня 2017 г. указал на достаточность в содержании государственного (муниципального) контракта бланкетной нормы, отсылающей к положениям контрактного законодательства об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, т.к. указанные нормативные правовые акты официально опубликованы для всеобщего ознакомления и находятся в общем доступе, а потому каждый потенциальный участник и лицо, с которым заключен контракт, имеют возможность самостоятельно ознакомиться с указанными положениями и произвести расчет неустойки в случае ненадлежащего исполнения обязательств, предусмотренных контрактом.

Однако позже в письме Министерства финансов РФ от 17 февраля 2020 г. № 24-03-07/10953[3] позиция органа государственной власти была изменена на прямо противоположную. Так, было прямо указано, что надлежащим исполнением обязанности заказчика, предусмотренной ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, следует считать включение в проект контракта размера штрафа за неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами, принятых на себя обязательств, размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, размера штрафа, устанавливаемого в порядке, предусмотренном пунктам 3-9 постановления Правительства РФ от 30 августа 2017 года № 1042.

При этом Министерством финансов специально сделана оговорка о том, что правила, предусмотренные постановлением Правительства, содержат различные размеры штрафа в зависимости от цены контракта, а при проведении закупки цена контракта может изменяться (но не превышать начальную (максимальную) цену контракта), поэтому государственным (муниципальным) заказчикам в проекте контракта следует заранее предусмотреть все возможные размеры штрафов.

Несколькими годами ранее Арбитражный суд Московского округа в своем постановлении от 20 августа 2015 года № Ф05-10344/15 по делу № А40-185474/2014[4] так

[1] Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Письмо Минфина России от 11.12.2014 № 02-02-04/63862 «О порядке применения Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части определения размера ответственности по контракту» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 17 февраля 2020 г. № 24-03-07/10953 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 августа 2015 г. № Ф05-10344/15 по делу № А40-185474/2014. URL:

же пришел к выводу о том, что, исходя из системного толкования статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ, контракт должен содержать сведения о размере неустойки и порядке ее исчисления, признав таким образом, нарушением невключение в проект государственного контракта размера штрафа в фиксированной сумме, размера пени и порядка их определения.

Различая два вида неустойки – договорную и законную, гражданское законодательство предъявляет к ним разные требования о форме и о последствиях ее несоблюдения. Так, для договорной неустойки обязательна письменная форма, вне зависимости от формы обязательства, в обеспечении которого она установлена. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность соглашения о договорной неустойке (статья 331 Гражданского кодекса РФ). В то же время совершенно иные требования установлены к законной неустойке – кредитор вправе требовать ее независимо от того, включено ли положение о ней в содержание соглашения сторон (пункт 1 статьи 332 Гражданского кодекса РФ).

Таким образом, закономерно возникает вопрос о том, какова юридическая природа неустойки, установленной законом, когда в том же самом законе указано, что положение о неустойке должно быть закреплено в договоре? Может ли суд в случае, когда контракт не содержит положения о неустойке, отказать в ее взыскании?

Так как неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение установлена законом о контрактной системе и нормативно-правовым актом Правительства РФ, логичнее предполагать, что неустойка в контрактных правоотношениях является законной. Таковой ее назвал и Верховный Суд в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7«О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств»[1] (пункт 78).

Кроме того, в пункте 34 Обзора судебной практики от 28 июня 2017 г. было указано, что кредитор вправе требовать уплаты законной неустойки, предусмотренной законодательством о контрактной системе, вне зависимости от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон.

Однако в таком случае остается до конца не ясной причина закрепления в законодательстве положения об обязательном включении в текст государственного (муниципального) контракта, по сути дублирующей законодательство нормы об ответственности. Осмелимся сделать предположение, что подобное законодательное решение было направлено на предупреждение возможных нарушений сторонами, заключенного государственного (муниципального) контракта. Хотя принимая во внимание то обстоятельство, что одной стороной государственного (муниципального) контракта всегда является государство (муниципалитет), а другой в большинстве случаев субъект предпринимательской деятельности, то это предполагает, что указанные лица в силу специфики своей деятельности, являясь участниками контрактных правоотношений, должны обладать соответствующим уровнем правовой грамотности, что оставляет вопрос о целесообразности подобного законодательного решения без ответа.

Правильное разрешение вопросов о правомерности увеличения размера неустойки сверх установленной законом и о полноте содержания положения об ответственности влияют на то, будут ли подобные действия заказчика образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного частью 4.2. статьи 7.30 Кодекса об административных правонарушениях РФ[2], как за утверждение конкурсной документации с нарушением требований, предусмотренных законодательством о контрактной системе, или нет.

Необходимо констатировать тот факт, что на данный момент баланс защиты интересов участников контрактных правоотношений, исходя из практики правоприменения законодательства об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактом, наибольшим образом склоняется в сторону защиты сильной стороны – государственного (муниципального) заказчика.

Сложившийся формальный подход существенным образом нарушает соотношение прав и обязанностей сторон, позволяя одной стороне правоотношений – государственному (муниципальному) заказчику на свое усмотрение в одностороннем порядке навязывать условия будущего контракта, что вступает в противоречие с основными началами гражданского законодательства. Единственным и не всегда самым эффективным способом защиты поставщиков, подрядчиков, исполнителей от завышенных в контракте неустоек на текущий момент является заявление ими в ходе судебного разбирательства ходатайства о снижении неустойки, если подлежащая взысканию неустойка явно несоразмерна последствиям нарушенного обязательства (статья 330 Гражданского кодекса РФ).

Рассуждая о воле сторон и возможности согласования ими условий государственного (муниципального) контракта, мы неизменно приходим к выводу о практически полном отсутствии «переговорных возможностей» для согласования сторонами условий будущего договора. В соответствии с частью 1 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт, за исключением случаев, когда такие формы Федеральным законом № 44-ФЗ не предусмотрены.

Таким образом, принцип свободы договора в рамках контрактных правоотношений находит свое отражение в том, что потенциальный поставщик, подрядчик или исполнитель на основе изучения контрактной документации приходит к выводу о том, принимать ли ему пред-

http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41695482/ (дата обращения: 15.03.2021).

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ложенные условия и вступать в договорные отношения с государством (муниципалитетом) или нет. При этом в последующем при исполнении контракта изменение его условий согласно части 2 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ не допускается за исключением случаев, предусмотренных ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ.

Столь широкие дискреционные полномочия для государственных (муниципальных) заказчиков создают предпосылки для злоупотребления правом с их стороны, когда, например, при установлении в проекте государственного (муниципального) контракта повышенной ответственности для поставщика (подрядчика, исполнителя), заказчик может косвенно снизить круг потенциальных участников конкурсных процедур, которые не согласившись принять подобные условия откажутся от участия в конкурсе. Кроме того, исходя из анализа практики правоприменения, проведенного в рамках настоящего исследования, во всех случаях государственный (муниципальный) заказчик в проекте государственного (муниципального) контракта предусматривал повышенную ответственность только для контрагента, но никак не для себя.

На основании изложенного в целях приведения нормативно-правового регулирования ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактом, в соответствие с нормами гражданского законодательства предлагаем:

1. Внести в законодательство о контрактной системе положение о запрете увеличения, установленного в законе размера неустойки за неисполнение или ненадлежащее обязательств, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактом.

2. Исключить нормы об обязательности внесения в содержание государственного (муниципального) контракта положения об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактом, или заменить их нормами рекомендательного характера, чтобы устранить противоречие с пунктом 1 статьи 432 Гражданского кодекса РФ о необходимости согласовании сторонами всех существенных условий договора и последствиях несоблюдения этого требования в виде признания договора незаключенным.

Зимина С.Ю.
аспирант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» г. Саратов
Научный руководитель: Мильшин Ю.Н., к.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям правового регулирования деятельности общественных организаций. Проводится анализ нормативно-правовой базы. Несмотря на то, что в Российской Федерации весьма детально регламентируется деятельность общественных объединений, в настоящее время возникла необходимость уточнения правового статуса отдельных их организационно-правовых форм.*

Ключевые слова: *право граждан на объединение, добровольная основа, общественные объединения.*

Zimina S.Yu.
post-graduate student Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
Scientific supervisor: Milshin Yu. N., Candidate of Law, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education, Saratov

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN VARIOUS FIELDS

Abstract. *The article is devoted to the peculiarities of the legal regulation of the activities of public organizations. The analysis of the legal and regulatory framework is carried out. Despite the fact that in the Russian Federation the activities of public associations are regulated in great detail, at present there is a need to clarify the legal status of their individual organizational and legal forms.*

Keywords: citizens *' right to association, voluntary basis, public associations.*

Статья 30 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого человека на объединение, в контексте обеспечения и реализации которого гарантируется свобода деятельности общественный объединений[1]. Данное положение развивается в отраслевом законодательстве, и особое значение для закрепления правового статуса указанных формирований имеет Федеральный закон «Об общественных объединениях».

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом РФ «О поправках к Конституции РФ» от 14 декабря 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

Согласно ст. 3 Федерального закона «Об общественных объединениях», граждане РФ могут на добровольной основе создавать общественные объединения для защиты интересов, имеют право вступать в уже существующие общественные объединения. Однако данные права могут ограничиваться нормами уставов общественных объединений[1].

Важно отметить, что в настоящее время российское законодательство закрепляет различные организационно-правовые формы создания и функционирования общественных объединений, однако в рамках данного исследования представляется необходимым сконцентрировать внимание на одном из наиболее распространенных его видов – общественной организации. Российское законодательство закрепляет несколько определений категории «общественная организация». Так, согласно ст. 123.4 ГК РФ под общественной организацией понимается добровольное объединение граждан, которые объединись в строгом соответствии с установленном законом порядком на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных не противоречащих закону целей[2].

При этом, в соответствии со ст. 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» общественной организацией признается основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан[3].

Таким образом, на основе анализа законодательных положений следует выделить следующих характерные черты, присущие современным общественным организациям:

1) наличие группы лиц, участвующих в создании и функционировании общественной организации;

2) добровольный порядок участия в деятельности общественной организации;

3) общность интересов, для удовлетворения которых функционирует общественная организация;

4) правомерность целей деятельности общественной организации;

5) некоммерческий характер создания и функционирования общественной организации;

6) совместный формат деятельности членов общественной организации.

Рассматривая общественные объединения как институт гражданского общества, они взаимодействуют с органами государственной власти, а также с иными субъектами права.

Анализируя законодательство Российской Федерации, стоит, отметить, то, что общественные объединения обладают правосубъектнотсью. Поэтому согласимся с В.К. Артеменковым в том, что «к общественным объединениям применимы средства национальной и международной судебной защиты прав индивидов, т.к. в основе сущности общественного объединения лежит свобода ассоциаций граждан, чья воля образует фундамент правоспособности коллективного субъекта права». Наличие правоспособности и дееспособности, предполагают их независимость, что и является необходимым условием функционирования гражданского общества.

Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 30.12.2020) указывает, что «некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), общин коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьих обществ, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами (п. 3 ст. 2)»[4].

Статья 6 Федерального закона от 06.05.2011 № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» (в ред. от 22.02.2017) прописывает, что общественные объединения пожарной охраны могут создаваться в форме общественной организации, или в форме общественного учреждения[5].

Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 02.12.2019) указывает политическая партия создается без разрешения государственных органов [6]. Одним из способов создания политической партии является ее создание на учредительном съезде политической партии.

В нашей стране существуют множество законодательных актов, которые предусматривают особенности функционирования общественных объединений, определяют специфику той сферы отношений, в которых они возникают.

Специальные законы об отдельных видах общественных объединений предусматривают саму возможность создания таких объединений определенного вида, а также устанавливают специфику их создания и деятельности.

Анализ Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (в ред. от 08.12.2020) позволяет выявить особенности функционирования деятельности благотворительных организаций, а также основы правового регулирования.

Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 08.12.2020) регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготови-

[1] Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1930; 2021. № 1, ч. 1, ст. 20.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2020. № 50, ч. 3, ст. 8072.

[3] Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1930; 2021. № 1, ч. 1, ст. 20.

[4] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145; 2021. № 1, ч. 1, ст. 68.

[5] Федеральный закон от 06.05.2011 № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» (в ред. от 22.02.2017) // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2717; 2017. № 9, ст. 1281.

[6] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2001. № 29, ст. 2950; 2019. № 49, ст. 6982.

телями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг)[1].

Важное значение приобретает соотношение по юридической силе специального и общего законов. В теории права в случае противоречий норм общего и специального закона, необходимо применять необходимо нормы законов об отдельных видах общественных объединений, поскольку они являются специальными по отношению к общим нормам.

Для нормального функционирования природопользования необходимо создание государством благоприятной правовой среды и обеспечение публичных интересов.

Стоит сказать, что в сфере охраны окружающей среды также действуют общественные объединения, которые выполняют экологические функции. Федеральный Закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 30.12.2020) закрепляет права и обязанности граждан Российской Федерации в области защиты экологии.

Учитывая, что общественные организации являются организационно-правовой формой реализации прав человека на объединение для достижения совместных целей, помимо внутригосударственного законодательства механизмы обеспечения указанных прав регламентируются и на международном уровне. Так, важное значение для функционирования общественных организаций имеют положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года, ст. 20 которой закрепляет право каждого человека на организацию мирных собраний и создание общественных организаций с целью защиты законных интересов[2].

Важно отметить, что многие современные международные стандарты прав человека закрепляют право на объединение в той или иной форме. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года регламентирует право человека на свободу ассоциации с другими. Помимо провозглашения самого права на объединение указанные международные акты отмечают, что ограничиваться его реализация может лишь в законодательно определенных формах по отношению к случаям, когда речь идет об интересах национальной безопасности и общественного порядка.

Таким образом, деятельность российских общественных организаций основывается на правовых положениях международных нормативно-правовых актах, регламентирующих право на объединение. Важно отметить, что Конституция Российской Федерации признает верховенство международного права, следовательно, все ратифицированные международные акты действуют на территории российского государства, однако изменения в Конституции 2020 года, внесли некоторые коррективы в порядок исполнения решений межгосударственных органов. Так, в случае противоречия указанных решений конституционным положениям Российская Федерация они не подлежат исполнению. Данные изменения имеют особое значение в контексте того, что право на объединение достаточно часто оспаривается российскими гражданами в международных судебных органах, например, в Европейском суде по правам человека, в то время как последний не всегда учитывает особенности внутригосударственной правовой системы.

Важно отметить, что зарубежные страны также весьма подробно регулируют деятельность общественных организаций. Так, большинство современных государств на конституционном уровне закрепляет права человека на объединение для достижения совместных целей и защиты законных интересов. Важно отметить, что существенная разница зарубежных законодательств заключается в первую очередь в организационно-правовых формах реализации права граждан на объединение.

Говоря об общественных организациях в России, т.е. некоммерческих объединениях, создаваемых для достижения уставных целей объединившихся граждан, в зарубежной практике также существуют аналогичные объединения. Так, например, Конституция Греции подчеркивает, что союзы и общества не имеют целью извлечение прибыли[3]. Конституция Азербайджанской Республики также отмечает отсутствие цели получения прибыли у общественных объединений[4].

Совершенно различные подходы и к организационным процессам внутри общественных организаций. Одни государства предусматривают членство в общественных организациях и детально закрепляют порядок их создания (например, Германия, Испания и др.), другие же, наоборот, предусматривают полную свободу организационного функционирования (например, Италия, Португалия и др.).

В некоторых зарубежных государствах общественные организации имеют возможность участвовать в политических процессах (например, Туркменистан, Украина и др.).

Анализ зарубежного опыта позволяет классифицировать современные государства в зависимости от объема правового регулирования деятельности общественных организаций:

1) государства, где организационно-правовые формы общественных объединений определены на конституционном уровне, а их административно-правовой статус регламентируется отдельным законом (например, Германия, Эстония, Узбекистан, Молдова и др.);

2) государства, где на конституционном уровне закреплено право человека на объединение, а формы его реализации регулируются отдельным законом (Австрия, Бельгия и др.);

3) государства, где организационно-правовые формы общественных объединений определены на конституционном уровне, а их административно-правовой статус определяется отраслевым законодательством (Грузия, Португалия, Нидерланды и др.).

[1] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140; 2020. № 50, ч. 3, ст. 8074.

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67. 5 апреля; Российская газета. 1998. 10 декабря.

[3] Конституция Греции // Конституции государств Европейского Союза. М., 1997. С. 235– 294.

[4] Конституция Азербайджанской Республики // Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. М., 1998. С. 55-104.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время на территории Российской Федерации наличествуют различные нормативно – правовые акты, составляющие основу правового регулирования деятельности общественных объединений в различных сферах.

Золотарев Д.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Беликов Е.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИШЕНИЕ ЛИЦЕНЗИЙ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СИСТЕМА ОЗДОРОВЛЕНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. *С каждым годом растет число ситуаций принудительного изъятия лицензий и, как следствие, ликвидаций кредитных организаций. В работе проводится анализ краткосрочных и долгосрочных перспектив проведения данной политики и указываются проблемы ее проведения.*

Ключевые слова: *банковская система, лицензии, недобросовестный элемент.*

Zolotarev D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Belikov E.G.. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

COMPULSORY REVOCATION OF LICENSES OF CREDIT INSTITUTIONS AS A SYSTEM FOR IMPROVING THE BANKING SYSTEM OF RUSSIA

Abstract. *The number of compulsory withdrawal of licenses and, as a result, liquidations of credit institutions is growing every year. The paper analyzes the short-term and long-term prospects for the implementation of this policy and identifies the problems of its implementation.*

Keywords: *banking system, licenses, unfair element.*

Банковская система включает в себя большое количество разнообразных субъектов. При этом далеко не все из них исполняют свои обязательства добросовестно и в должной мере. Это ведет к проблемам и сбоям в работе всей системы. В связи с этим существует система мер воздействия со стороны Банка России по отношению к недобросовестным субъектам – кредитным организациям, призванных исключить проблемы в работе системы и, в случае необходимости, исключить и недобросовестный элемент.

Только на 1 марта 2021 г., согласно статистике Банка России[1], было принудительно ликвидировано 30 кредитных организаций, что является достаточно большой величиной, учитывая статистику по которой с 2002 по 2012 года общее число принудительных отзывов лицензии составило 390 лицензий[2].

Приведенная статистика показывает, что количество случаев применения Банком России меры принудительных лишений лицензий кредитных организаций неуклонно растет. Это может говорить о множестве проблем и положительных сдвигов в работе Центрального Банка в частности и всей банковской системы в целом. Рассмотрим их подробнее.

В первую очередь, говоря о последствиях применения лишения лицензии необходимо говорить о разделении их на краткосрочные и долгосрочные последствия принятия подобного решения.

Одним из краткосрочных последствий можно считать то, что отзыв лицензии чаще всего касается частного сектора кредитных организаций. Отзыв лицензии является фактической принудительной ликвидацией организации. Сокращение количества кредитных организаций ведет к повышению диспропорции между частными кредитными организациями и государственным сектором. Что же это значит для экономики? Постоянное сокращение частного сектора кредитных организаций серьезно подрывает авторитет данного вида кредитных организаций. Физические и юридические лица, являющиеся клиентами данных организаций, все чаще отдают предпочтение государственным кредитным организациям. Это объясняется тем, что они просто боятся потерять свои вложения в случае ликвидации такой организации. И это приводит к рискам монополизации всего рынка несколькими крупными государственными и околгосударственными организациями.

Однако, с другой стороны, многие небольшие частные банки не могут выдержать конкуренции и начинают подделывать отчеты, выводить деньги из оборота на частные счета, сознательно обманывая тех, кто к ним обратился. Игнорирование подобных манипуляций приведет к обвалу всего рынка. Таким образом, подобное поведение вынуждает Банк России идти на крайние меры.

Исходя из представленных данных, можно резюмировать, что в ближайшие годы для Центрального банка РФ одним из приоритетов должно оставаться направление выявления недобросовестных кредитных организаций, продолжающих, несмотря на угрозу ликвидации, использовать околозаконные или и вовсе незаконные схемы вывода капиталов и подделывания и исправления отчетности для Банка России.

При этом Центральному Банку стоит направить силы на подержание и помощь крупным региональным банкам. Такой вывод можно сделать исходя из примера

[1] Ликвидация кредитных организаций // Банк России. 2021. URL: https://cbr.ru/banking_sector/likvidbase/ (дата обращения: 10.03.2021)

[2] Пономаренко А., Синяков А. Влияние банковского надзора на структуру Банковской системы: Вывод из Агентного моделирования // Деньги и кредит. 2018. № 77(1). С. 27.

с «Татфондбанком»[1]. В 2017 г. в Татарстане разразилась огромная проблема с массовыми отзывами лицензий у местных банков. В случае с ТФБ проблему пытались решить региональные власти, пытаясь за счет собственных средств закрыть пробелы в капитале, однако они потерпели крах. Следом за ними было также закрыто и еще несколько крупных банков. Подобные ситуации вызывают крайнее недоверие населения и порождают перекос вкладов в сторону крупных монополистов.

Данный процесс, когда от массовых волн ликвидаций страдают добросовестные небольшие региональные банки, в экономике называют экстерналией. Экстерналия – это процесс воздействия рыночной транзакции не только непосредственно на субъекты, по отношению к которым транзакция обращена, но и на третьих лиц, не опосредованное рынком. Это крайне пагубный процесс, которого, ввиду особенностей действия рыночной системы, невозможно избежать.

Таким образом, излишнее вливание денежных средств в крупные банки и банки с государственным участием и отток вкладов в частный сектор в долгосрочной перспективе ведет к диспропорции в пользу госбанков, что может привести к весьма высокому риску монополизации рынка.

Подобное увеличение роли госбанков в свою очередь наталкивает на новую проблему. Госбанки как вид кредитной организации наиболее подвержены рискам и кризисам экономики государства. Они находятся в наиболее тесной связи с государственными экономическими структурами. Это может привести к серьезному росту уязвимости банковской системы. Государственные банки часто ожидают спасения со стороны правительства, в связи с чем более они берут на себя больше рисков не так переживая за последствия. Банковская система в таком случае может просто не перенести такого уровня воздействия мировых и государственных кризисов. Достаточно того уровня, что сейчас влияет на ее развитие.

В долгосрочной перспективе подобная уязвимость может приводить также к существенному снижению эффективности работы банковской системы как института. Кредитование экономики пойдет на спад. Выделение государственных банков в массиве кредитных организаций Российской Федерации, вкупе с сокращением количества частных кредитных организаций, региональных и малых кредитных организаций приводит также к снижению дифференцированного расслоения всей банковской системы.

Снижение ярусности банковской системы также может привести к ряду последствий. Одним из них можно назвать вывод большого объема вложений из системы кредитования экономики государства, а значит своеобразной недокредитованности экономики. Также следствием будет снижение эффективности всей системы. Возникнут сложности в поиске и должном уровне обслуживания новых клиентов, которые сейчас имеют достаточный уровень выбора для перекрытия своих нужд в кредитовании в рамках существующей системы кредитных организаций страны.

Конечно, до сих пор исследователи не пришли к единому мнению о точном влиянии количества кредитных организаций на конкуренцию и, что важно, о количестве подобных организаций для оптимальной конкуренции на рынке. Это ведет и к разночтениям вопроса оздоровления банковского сектора путем отзыва лицензий и принудительной ликвидации отдельных кредитных организаций.

Для понимания последствий можно смоделировать примерные результаты развития событий с учетом крайней дифференциации как самих организаций, так и вкладчиков, приходящих к ним. В краткосрочной перспективе можно предположить, что массовое очищение рынка от недобросовестных кредитных организаций приведет к кризису доверия, связанному с возрастающим риском потери своих капиталов в случае вложения их в малые кредитные организации, в то время как ранее это было крайне выгодным ввиду больших процентных ставок на накопления, чем в крупных компаниях.

В таком случае происходит массовый отток денежных капиталов из рыночной системы в пользу наличных сбережений, валютных переводов, вкладов в иностранные банки. В последствии средняя депозитная ставка на балансе средних и малых банков увеличивается, что уменьшает их прибыль от управления пассивами.

Это приводит к тому, что уровень капиталов среднего и малого бизнеса стремительно сокращается, не позволяя увеличить кредитование и увеличивая их уязвимость в общей системе кредитных организаций в связи с плохой пополняемостью капитала.

В то же время крупные кредитные организации наблюдают обратную связь. Их капиталы начинают стремительно расти, позволяя все больше увеличивать возможности кредитования за счет притока депозитов и снижения стоимости пассивов. В итоге, согласно не сложным расчетам, доля крупнейших банков в совокупности возрастет.

Все это уже в краткосрочной перспективе приводит к снижению эффективности функционирования банковской системы, что проявляется в снижении среднего риска, принимаемого банками.

Что же касается долгосрочных перспектив, то тут гораздо больше плюсов, по сравнению с краткосрочными результатами. Завершение периода чистки банковской системы от недобросовестного элемента позволит существенно улучшить характеристики банковского сектора по сравнению с его предыдущими версиями.

Так, со временем система восстанавливается, в связи с чем можно предположить расширение депозитной базы средних и малых банков, при этом их доля не просто возвращается к прежнему размеру, но и можно ожидать, что при наступлении равновесия приток вкладчиков в частный малый и средний сегмент кредитных организаций возрастет.

Такие прогнозы связаны с тем, что после ликвидации недобросовестного элемента доверие к банкам будет расти. Избавившись от недобросовестного элемента, банковская система позволит себе быть более безопасной, востребованной и открытой системой. Таким образом, баланс между крупными банками и средним сегментов

[1] Осадчий Максим. Банки Татарстана. Жизнь после кризиса // banki.ru. 2017. URL: https://www.banki.ru/news/columnists/?id=9750266 (дата обращения: 14.03.2021).

восстановится, а ярусность позволит увеличить эффективность системы кредитования.

Приток вкладчиков в свою очередь обеспечивает больший уровень стабильности капитала частных кредитных организаций, позволяя им расти и увеличивать объемы кредитования. Повышение уровня кредитования же будет позволять расти капиталам и круг замкнется. Отсюда появляется рост возможностей средних банков зарабатывать на пассивах, что переходит в рост их возможностей получать прибыль на стороне активов. Это позволяет нефедеральным банкам нарастить кредитование инвестиционных проектов.

Таким образом, при наращивании капиталов и уровня кредитования малыми банками и кредитными организациями, роль крупных банков начинает снижаться. Это приводит к сокращению уровня монополизации крупными банками. Со временем критическая разница между банками начинает снижаться, что приводит к утрачиванию важности и ценности размеров банка. В таком случае его размер больше не несет особого влияния на выбор вкладчиком банка для вклада. Это приводит к росту качества обслуживания и выгоды предлагаемых услуг для населения, т.е. к качественной работе здоровой конкуренции кредитных организаций. Отсюда следует, что повышение остроты конкуренции ведет к повышению средних ставок по депозитам в банковской системе, а также к однородности назначаемых банками процентных ставок.

При таком подходе банковская система становится более доступной для населения. Излишние кредитные риски, игравшие не последнюю роль ранее, становятся не актуальными и прекращают свое существование. При этом появляется возможность роста финансирования инвестиционных проектов. При этом средний кредитный риск системы не меняется. Как следствие улучшается устойчивость и стабильность среднего сегмента кредитных организаций. Они становятся более финансово устойчивыми, в связи с чем вклады населения больше не подвергаются прежнему уровню риска, поэтому их доверие растет еще больше, а значит и желание, и возможности обращения в данные банки в частности и в банковскую систему страны в целом растет все больше и больше.

В идеальном варианте долгосрочных перспектив со временем доля кредитных организаций с отрицательным капиталом уменьшается настолько, что их можно считать равными нулю. В то время как при применении мягкой политики, подразумевающей не столь радикальную зачистку банковской системы, оставит их количество и качество на том же уровне, который был в начале проведения политики реформирования.

При исчезновении из банковской системы нежелательного недобросовестного элемента исчезает и риск внезапного обвала рынка из-за эффекта домино, который может наступить ввиду нежелательных действий подобных кредитных организаций. Исчезает и риск внезапной потери доверия населения к банковской системе в целом. Средние и малые банки укрепляют свои позиции по капиталу, получают более справедливый доступ на рынки депозитов и кредитов. Система в целом в долгосрочной перспективе становится более здоровой, чем если бы очищения банковской системы не было. Однако, стоит сказать, что столь радужные перспективы проведения подобной политики лишь примерны и почти фантастичны. Для наступления столь прекрасных долгосрочных последствий банковская система должна пройти долгий тернистый путь.

Так, необходимо найти достаточно эффективные механизмы недопущения появления новых недобросовестных кредитных организаций, т.к. в обратном случае вся процедура зачистки станет абсолютно бессмысленной, и мы застрянем на этапе краткосрочных перспектив развития банковской системы – а значит на этапе ее развала изза все большего недоверия со стороны населения. Кроме того, необходимы механизмы дополнительной поддержки кредитных организаций уже на этом этапе, т.к. сейчас высокие риски и малый приток депозитов в средний и малый сегмент кредитных организаций ставит их в крайне уязвимое положение. Любое наступление кризисной ситуации может стать фатальным для многих из них.

Подводя итоги, можно сказать о том, что проведение политики оздоровления банковской системы подразумевает для современного этапа развития рынка сложные времена. Уязвимость кредитных организаций, кризис в связи с пандемией короновируса увеличивают риски краха системы еще до наступления конечных долгосрочных результатов. Это указывает на то, что государству и Центральному банку РФ необходимо уделить повышенное внимание защите среднего и малого банковского сегмента.

Ибляминова Э.Р.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Менжега М.М., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Динамичное внедрение новейших электронных систем и коммуникационных средств в различные сферы деятельности современного общества привело не только к развитию положительных тенденций и явлений, но и выявило целый ряд проблем негативного характера, в частности появление новых видов преступлений – преступлений в сфере компьютерной информации и целый ряд преступлений, связанный с применением компьютерной техники. В статье рассматривается значение оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования киберпреступлений.*

Ключевые слова: *киберпреступления, расследование, криминалистика.*

Ibliminova I.R.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Menzega M.M., associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE SIGNIFICANCE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES

Abstract. *The dynamic introduction of the latest electronic systems and communication tools in various spheres of modern society has led not only to the development of positive trends and phenomena, but also revealed a number of negative problems, in particular the emergence of new types of crimes – crimes in the field of computer information and a number of crimes related to the use of computer technology. The article discusses the importance of operational search measures at the initial stage of the investigation of cybercrimes.*

Keywords: *cybercrime, investigation, criminology.*

Сегодня для многих не является секретом тот факт, что с помощью персонального компьютера можно, например, заблокировать компьютеры других лиц, или находясь в любой стране, получить необходимую информацию, хранящуюся в банке данных компьютерной системы другой страны, или перевести ее в третью страну, достигнув корыстной цели – похитить или присвоить денежные средства.

Незаконные действия по уничтожению, модификации, искажению, копированию информации и информационных ресурсов, иные формы противозаконного вмешательства в информационные системы способны вызвать тяжкие и необратимые последствия, связанные не только с имущественным ущербом, но и с физическим вредом людям. Опасность киберпреступлений многократно возрастает, когда они совершаются в отношении функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортных и оборонных систем, атомной энергетики. Практически все преступления в сфере высоких технологий отличаются высокой латентностью, их количество увеличивается.

В свете развития современных технологий следственные и оперативные действия могут проводиться в особом месте – в телекоммуникационных компьютерных системах. Огромную роль в получении информации при этом играет система оперативно-розыскных мероприятий на связи.

Вопрос о достаточности данных, указывающих на признаки преступления, в каждом отдельном случае решается уполномоченным лицом по своему внутреннему убеждению.

В большинстве случаев о криминальной активности могут свидетельствовать такие данные как:

- отсутствие или быстрое уменьшение денежных средств на счете абонента,
- неизвестные пользователю номера в трафике соединений с его мобильного телефона (как правило, это международные и междугородные соединения)
- отсутствие денежных средств, при активации предоплатой карты и др.

Таким образом, поводы для возбуждения уголовного дела данной категории разнообразны, однако, несмотря на это, анализируя отечественную практику, можно сделать вывод, что возбуждение и расследований данных преступлений, как правило, весьма затруднительно. Это связанно с тем, что на первоначальном этапе расследования, практически невозможно распознать обман, а так же, с тем, что потерпевшими как правило, становятся люди, определенных категорий.

В уголовно-процессуальном кодексе РФ нет указания о значении результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. Однако на основании статьи 140 УПК РФ и федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"[1] можно сделать вывод, что результаты оперативно-розыскных мероприятий могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и относятся к иным источникам получения сообщений о совершенном или готовящемся преступлении.

Основаниями для принятия решения о проведение оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными им сведения, указанные в Законе "Об оперативно-розыскной деятельности". Так, согласно ч. 2 ст. 7 основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются:

Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о:

1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

3) лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;

4) лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов[2].

По данной категории дел, основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий будут сведения:

1. О приготовлении к криминальному событию:

- О приискании, изготовлении или приспособлении средств или орудий преступления. К таким действиям относятся изготовление вредоносных программ, поиск уязвимых в системе мест, клонирование мобильных телефонов и SIM-карт, получение идентификационных данных абонентов, и другие криминальные способы приискания орудий и средств.

[1] См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

[2] См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

- О приискании соучастников, сговоре с ними. Как показывает практика, преступления указанной разновидности часто носят организованный характер.
- Об умышленном создании других условий для совершения преступления. К таким условиям можно отнести планирование преступных действий, распределение ролей в группе, выяснение обстоятельств, препятствующих либо облегчающих совершение преступления и др.

2. О совершении криминальных действий в сетях интернет, а так же сведения о сокрытии какой-либо неправомерной деятельности путем данных действий.

Согласно статье 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством. «Соответственно, обязательным условием использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательства являются: документирование, указание на источник получения, а так же, соответствие требованием уголовно-процессуального законодательства»[1].

Весьма перспективным видится широкий переход к использованию сети Интернет для розыска преступников и в нашей стране, учитывая факт неуклонного роста количества пользователей сети Интернет. Следует отметить особую актуальность сети Интернет для использования помощи общественности при расследовании транснациональных преступлений. Информация о приметах преступников может быть размещена среди Интернет ресурсов любого государства без каких либо особых технических, правовых или организационных сложностей.

С помощью камер интеллектуального видеонаблюдения с функцией оценки криминогенной обстановки стало возможным определение и идентификация объектов на изображении, следующим шагом в разработке исследователей является моделирование и конструирование познавательного программного «движка», с помощью которого компьютер сможет определить объекты на изображении и предположить их дальнейшие противоправные действия. Данные технологии предназначены в основном для устройства их в аэропортах, вокзалах, автовокзалах, стадионах, т.е. в местах большого скопления людей. Преимуществом компьютеризированной системы является то, что она способна анализировать и предполагать поведение нескольких людей сразу, из разных мест, получая лишь данные в виде изображения с камер видеонаблюдения.

В целом же можно сказать, что после появления камер видеонаблюдения стало намного проще вычислить преступника, предотвратить совершение преступления, а также видеозаписи с камер видеонаблюдения все чаще становятся вещественными доказательствами по уголовным делам.

Информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности, позволяет удостоверится в построении следственных версий, либо вовремя изменить ход расследования, в пользу других версий. Таким образом, на оперативно-розыскные органы возложена обязанность по отысканию данных, имеющих значения для расследования преступлений, указанной категории, а так же для успешного решения следователем задач доказывания.

Резюмирую вышеизложенное, можно сделать вывод, что грамотное планирование и организация расследования, на первоначальном этапе расследования, имеет первостепенное значений для правильного расследования преступлений в сфере сотовой связи и для установления объективной истины. Для обеспечения более полного и эффективного расследования преступления, планирование, как правило, начинается сразу после возбуждения уголовного дела.

Юридические, технические и организационные задачи, поставленные проблемой кибербезопасности, являются глобальными и далеко идущими и могут быть разрешены только посредством последовательной стратегии, учитывающей роль различных участников и существующие инициативы в рамках международного сотрудничества. Сегодня изменились не только методы совершения преступлений, но и их масштаб. Поскольку правонарушители получили возможность автоматически совершать атаки, количество правонарушений увеличилось. Страны, а также региональные и международные организации предприняли ряд мер, чтобы разрешить усугубляющуюся ситуацию, и сделали борьбу с киберпреступностью своей первоочередной задачей.

Согласно компаний, работающих в сфере безопасности, количество компьютерных компьютерных угроз непрерывно растет. Однако развитие показывает, что спустя десятки лет после появления первого компьютерного вируса вредоносное программное обеспечение по-прежнему представляет серьезную проблему для безопасности в интернете.

[1] *Семенов Г.В.* Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 168.

Кубатко Т.А., Ибрагимов А.М.
студенты Саратовской государственной юридической академии
Научный руководитель: Радченко В.И., д.ю.н., профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии

ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье анализируются поправки к Конституции и их влияние на изменение роли главы государства. Дается краткая характеристика статуса главы государства в системе государственных органов. Исследуется изменение роли президента в механизме государственного управления и его положения среди органов государственной власти.*

Ключевые слова: *Конституция, конституционное право, поправки к Конституции, глава государства, компетенция*

Kubatko T.A., Ibragimov A.M.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Radchenko V.I.,

AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CHANGING THE ROLE OF THE HEAD OF STATE

Abstract. *The article analyzes the amendments to the Constitution and their impact on changing the role of the head of state. A brief description of the status of the head of state in the system of state bodies is given. The article examines the change in the role of the president in the mechanism of public administration and his position among the state authorities.*

Keywords: *constitution, constitutional law, amendments to the Constitution, head of State, competence*

Поправки в Конституцию, принятые на общероссийском голосовании в июле прошлого года, безусловно войдут в историю, как важный шаг в политико-правовом развитии России. Новые поправки изменили многое, внесли новеллы в систему государственного управления РФ, систему государственных органов и т. д., мы же будем акцентировать свое внимание на изменении роли Президента, ведь Президент – глава государства, гарант конституции, ключевая фигура, образующая самостоятельную президентскую власть[1].

Рассмотрим же, как и где, поправки, принятые на всенародном референдуме, изменили его роль в управлении нашей страны. Затронем вопрос о «Президенте и Правительстве» – ранее все члены правительства назначались указами президента по представлению премьер-министра, при этом глава государства имел полное право не назначить представленного кандидата. Теперь же Президент исключен из процедуры отбора и утверждения вице-премьеров и министров – председатель правительства вносит их кандидатуры в Госдуму, без каких-либо консультаций с президентом. Если депутаты выбор премьера одобрили, то Президент будет обязан своим указом назначить кандидатов на соответствующие должности.[2] Данный порядок не касается только руководителей силовых ведомств, они ранее назначались Президентом по представлению премьер-министра. Теперь же появляется новый механизм консультаций с Советом Федерации, члены Совета Федерации не утверждают, а только обсуждают представленные президентом кандидатуры. Назначение на должность того или иного министра не может ставиться ни в какую зависимость от результатов этих обсуждений. Однако Конституция все же накладывает на президента обязанность консультироваться с кем-либо по вопросам обороны и безопасности, которые ранее по Основному закону являлись его исключительной прерогативой.

К слову, об исключительной прерогативе – теперь Президент формирует Государственный совет РФ, чтобы обеспечить согласованное взаимодействие органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики и наиболее важные направления социально-экономического развития государства.»

До внесения поправок в конституцию, только Президент мог определять основные направления внутренней и внешней политики. Он же обеспечивал согласованное функционирование и взаимодействие органов госвласти. Поправки не лишают президента этих функций, но параллельно возлагают их еще и на Государственный Совет. Статус Госсовета будет определяться специальным федеральным законом.

Изменения коснулись также в полномочиях Президента по отношению к судебной системе – теперь глава государства **получил право инициировать отстранение от должности судей всех высших инстанций.** До поправок прекратить полномочий судьи Конституционного суда имел право только Совет Федерации, однако сделать это можно было только по представлению самого Конституционного суда, принятому большинством не менее двух третей голосов от числа действующих судей. Право лишения полномочий всех других судей принадлежало Высшей квалификационной коллегии судей. Благодаря поправкам президент получил право самостоятельно инициировать увольнение судей, причем не только Конституционного и Верховного судов, но также кассационных и апелляционных. То есть всех ключевых инстанций, что в дальнейшем позволит увеличить эффективность отечественного отправления правосудия.[3]

Поправки также затронули и проблему законотворчества – у Президента появилась возможность блокировать вступление в силу любого федерального закона даже если Федеральное собрание преодолело его вето. Раньше президент мог отклонить федеральный закон, принятый Государственной думой и одобренный Советом Федерации. Однако Федеральное собрание могло преодолеть вето, если повторно за принятие закона проголосует не менее двух третей от общего числа членов Совета Федерации и Государственной думы. В таком случае Президент был обязан в течение семи дней подписать и обнародовать такой закон. Теперь у главы государства появляется еще один законный способ не допустить вступления в силу закона – обратиться в Конституционный суд РФ. И если он не подтвердит конституционности этого закона, Президент просто возвращает его в Госдуму. И только если Конституционный суд встанет на сторону парламента, Президент будет уже обязан подписать закон в трехдневный срок.

В целом, поправки не расширили полномочий Президента, а лишь направили их в правильное русло и рас-

[1] *Радченко В.И.* Президент Российской Федерации в системе разделения властей: дис. канд. юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 1995.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144, ст. 103.

[3] О поправках в Конституцию Российской Федерации // cyberleninka.ru URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-popravkah-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения: 05.04.2021).

пространили свое действие на социальные обязательства Президента РФ перед гражданами и на положение главы государства в политической системе. Поправки, как мы видим, сбалансировали взаимосвязь главы государства с другими органами государственной власти, внесение соответствующих поправок и изменений в Конституцию РФ – процесс своевременный и необходимый в связи с происходящими общественными, политическими и экономическими преобразованиями, данные изменения – это новый шаг в развитии страны, которые должны обеспечить стабильность в обществе и повысить эффективность работы государственного механизма управления.

Ибрагимова М.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Беликов Е.Г., д.ю.н.,
профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ КАК ИНСТИТУТА НАЛОГОВОГО ПРАВА

Аннотация. *Налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном Налоговым кодексом РФ. В статье рассматривается понятие налогового контроля с различных сторон, а также его сущность.*

Ключевые слова: *финансовый контроль, налоговый контроль, налоговая проверка, налоговое администрирование.*

Ibragimova M.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Belikov E.G. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CONCEPT AND ESSENCE OF TAX CONTROL AS AN INSTITUTE OF TAX LAW

Abstract. *Tax control is the activity of authorized bodies for monitoring compliance with the legislation on taxes and fees in the manner established by the Tax Code of the Russian Federation. The article discusses the concept of tax control from various angles, as well as its essence.*

Keywords: *financial control, tax control, tax audit, tax administration.*

Социальные связи, а также отношения, которые возникают между субъектами по поводу установления, введения и взимания налогов, регулируются правовыми нормами, которые в системе образуют подотрасль финансового права – налоговое право. В систему налогового права традиционно включаются части (общая и особенная), состоящие из правовых институтов. Нормами общей части налогового прав, сосредоточенными в основном в части первой Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), регламентируется, в частности, порядок осуществления налогового контроля, а также методы и порядок защиты прав налогоплательщиков. В связи с этим совокупность норм, которая регулирует общественные отношения в области осуществления налогового контроля, рассматривается как институт, относящийся к общей части налогового права.

Особое внимание к налоговому контролю со стороны государства связано с тем, что налоги являются главным источником бюджетных доходов. Налоговые правоотношения с самого начала являются конфликтными. Налоговое право становится местом столкновения частных и публичных интересов. В связи с этим, государство придает важнейшее значение контрольной деятельности в сфере налогообложения. Но вместе с этим институт налогового контроля находится в постоянном совершенствовании. До введения в действие части первой НК РФ его нормативный механизм практически отсутствовал. Отдельные вопросы проведения налоговых проверок и оформления их результатов регулировались подзаконными нормативно-правовыми актами налоговых органов. Все это приводило к многочисленным спорам между налогоплательщиками и налоговыми органами. В настоящее время институт налогового контроля регулируется не только главой 14 НК РФ, но и рядом глав, касающихся отдельных категорий налогоплательщиков и форм налогового контроля (гл. 14.5, 14.7, 14.8).

Несмотря на то, что в НК РФ изначально существовала глава 14 «Налоговый контроль», легальное определение понятия налогового контроля было введено в законодательство Российской Федерации только в 2006 г. Федеральным законом от 27 мая 2006 года[1]. Налоговый контроль был определен как деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном НК РФ. В настоящее время п. 1 ст. 82 НК РФ действует в новой редакции и под налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном НК РФ. Таким образом, в последнем нормативном определении еще в большей степени не определяется сущность налогового контроля.

В юридической науке активно обсуждается вопрос о понятии налогового контроля и его сущности. В настоящее время нет единого подхода к пониманию данного термина. Налоговый контроль принято считать частью финансового контроля, который охватывает сферы соз-

[1] См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования» // СЗ РФ. 2006. № 31, ст. 3436.

дания, распределения и использования публичных денежных фондов. В связи с таким характером деятельности приоритетный вектор деятельности субъектов государственного финансового контроля – контроль за своевременным и полным поступлением всех видов государственных доходов.

Н.И. Химичева определяла финансовый контроль как «контроль за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования государственных и муниципальных денежных фондов в целях эффективного социально-экономического развития страны в целом и ее регионов»[1]. Соответственно, налоговый контроль как составная часть финансового контроля будет означать совокупность действий по формированию денежных фондов государства, поступающих в бюджет в части налоговых отчислений. С точки зрения системы управления, налоговый контроль – это окончательная стадия регулирования налогообложения. Как одна из функций государственного управления налоговый контроль состоит из системы наблюдения над финансово-хозяйственной деятельностью налогоплательщиков, целью которой является ее оптимизация для качественного исполнения законодательства о налогах и сборах.

А.В. Демин исследует налоговый контроль как один из ключевых этапов налогообложения, обуславливая это тем, что налоги являются основным источником пополнения доходной части государственного бюджета. Он различает налоговый контроль в широком и узком смыслах. Так, налоговый контроль в широком смысле означает контроль государства за соблюдением налогового законодательства всеми участниками налоговых правоотношений на всех этапах налогового процесса – начиная с установления налогов и сборов и заканчивая прекращением налоговой обязанности. В узком смысле налоговый контроль характеризуется как разновидность деятельности и означает властную деятельность уполномоченных органов государства по проверке законности исчисления, удержания и уплаты налогов налогоплательщиками и налоговыми агентами[2]. Этой же позиции придерживается и М.В. Максимович, который относит налоговый контроль к процедурно-процессуальной деятельности налоговых органов[3]. Именно в таком контексте употребляется термин «налоговый контроль» в действующем Налоговом кодексе РФ.

По мнению Д.Г. Черник, Л.П. Павловой, А.З. Дадашева «налоговой контроль – это закрепленная законодательством система приемов и способов проверки, которая осуществляется всеми уровнями налоговых органов, целью которых является обеспечение полноты и своевременности исчисления и уплаты в бюджет разных уровней налогов, сборов, а так же иных обязанностей налогоплательщика»[4]. Другой точки зрения придерживается Л.Н. Лыкова, которая приравнивает понятия налоговый контроль и налоговая проверка. Данная формулировка не соответствует действительности, т.к. налоговый контроль в значительной степени шире понятия налоговая проверка. Налоговая проверка составляет одну из основных форм налогового контроля. Безусловно, большую роль при проведении налогового контроля имеет деятельность, осуществляемая при проведении налоговых проверок, но она ими не ограничивается, поскольку включает в себя иные мероприятия. Помимо налоговых проверок, налоговый контроль проводится должностными лицами посредством получения объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сборов, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), а так же иных форм, предусмотренных НК РФ.

Часть авторов при использовании понятия «налоговый контроль» подразумевают в нем смысл такого понятия, как налоговое администрирование. Под налоговым администрированием понимают систему управления налоговыми отношениями в государстве, функционирующую на основе законодательной деятельности налоговых органов на всех уровнях[5].

Можно сказать, что контрольная составляющая налогового администрирования шире понятия, которое дано в НК РФ налоговому контролю. Она включает в себя, во-первых, деятельность по контролю за соблюдением налогового законодательства налогоплательщиками и налоговыми органами, во-вторых, разработку предложений по развитию механизма исчисления налогов и налогового контроля.

А.З. Дадашев и А.А. Лобанов считают, что налоговый контроль представляется главным условием налогового администрирования. Данное определение не совсем уместно, т.к. в системе налогового администрирования сложно определить место этого понятия. То есть, налоговый контроль выступает условием налогового администрирования, и не находится в системе управления налогообложения, представляет собой причину возникновения необходимости такого управления с одной стороны, а с другой стороны он выступает главным методом налогового администрирования, а значит полностью принадлежит системе управления налогообложением. С формально-логической точки зрения, процесс, который является составным элементом определенного явления, не может быть одновременно и причиной возникновения такого явления. В рассматриваемом случае, анализируя буквально данное определение, можно сделать вывод, что проведение какого-либо действия в сфере управления налогообложением, включая налоговый контроль, невозможно, без налогового контроля[6].

Л.П. Павлова и Г.В. Петрова в своих работах рассматривают налоговый контроль, как определенный организационно-правовой механизм[7]. Эта позиция представляется довольно интересной. Налоговый контроль не имеет

---

[1] Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., прераб. и доп. М.: НОРМА: ИНФРА – М, 2019. С. 124.

[2] См.: Налоговое право России: Учеб. пособие. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. С. 202-203 .

[3] См.: *Алиев Ш.И., Алиева З.М., Таилова А.Г.* Налоговый контроль в России и зарубежных странах: формы и методы его осуществления: Монография. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2020. С. 8.

[4] *Черник Д.Г., Павлова Л.П., Дадашев А.З. и др.* Налоги и налогообложение. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 209.

[5] См.: *Романова И.Б.* Налоговое администрирование: учеб. пособие. Ульяновск: УлГУ, 2018. С. 4.

[6] См.: *Алиев Ш.И., Алиева З.М., Таилова А.Г.* Указ. соч. С. 10.

[7] См.: *Петрова Г.В.* Комментарий к Закону «О налоговых органах Российской Федерации». М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2018. С. 4.

собственного организационного обеспечения и осуществляется в особом правовом режиме. Организационно-правовой комплекс выступает необходимым условием налогового контроля и определяет границу и сферу применения налогового контроля. Таким образом, можно говорить о собственной организационно-правовой составляющей налогового контроля.

Подводя итог вышесказанному, в широком смысле термин налоговый контроль объединяет в себе систему мероприятий, которые направлены на соблюдение законодательства о налогах и сборах. В узком смысле налоговый контроль – это специализированный государственный контроль, значение которого заключается не только в проверке соблюдения законодательства о налогах и сборах, но и в проверке правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты налоговых платежей, а также в устранении выявленных нарушений.

Под сущностью налогового контроля принято понимать его цели и задачи. И.И. Кучеров считает главной целью налогового контроля разработку идеальной системы налогообложения, а также достижения такого же уровня исполнительности среди налогоплательщиков. Данная цель является слишком масштабной и не должна стоять лишь перед налоговыми органами, а прежде всего, должна стоять перед законодательными органами власти.

Позиция В.А. Кулеш, О.В. Врублевской заключается в том, чтобы вместо установленного понятия «налоговый контроль» использовать такие термины как «государственный налоговый контроль» или «контроль соблюдения налогового законодательства»[1]. Такая замена терминов представляется необоснованной в связи с тем, что в таком случае будут определяться только конкретные задачи налогового контроля, что будет искажать сущность налогового контроля.

Совершенно иного подхода придерживается А.П. Зрелов, который призывает рассматривать налоговый контроль с точки зрения лингвистики. В этом случае необходимо помнить о дуалистической сущности этого понятия[2]. Так, контрольную деятельность, связанную с осуществлением контроля за соответствием налоговых расчетов требованиям НК РФ, стоит понимать, как сочетание мышления и действия компетентного лица. Таким образом, контроль будет определяться как «деятельность», если речь идет о таких терминах, как «контроль правильности исчисления налога» или «контроль современности уплаты налогов». А если дело касается контроля соблюдения предъявляемых к поведению налогоплательщиков требований или как цели деятельности налоговых органов, то в данном случае «налоговый контроль» будет определять конкретный процесс деятельности.

Главной целью налогового контроля является выявление фактов нарушения законодательства о налогах и сборах, их пресечение, обеспечение достоверности данных о полноте и своевременности уплаты налогов и сборов, а также проверка законности операций и действий и привлечение к ответственности налогоплательщиков.

Подводя итог всему вышесказанному, можно дать следующее понятие налогового контроля: налоговый контроль – это деятельность уполномоченных государственных органов, обеспечивающих в рамках законодательства выполнение обязательств налогоплательщиков по платежам и эффективность функционирования налоговой системы.

[1] См.: *Кулеш В.А.* Защита интересов налогоплательщиков. СПб.: Питер, 2017. С. 20.

[2] *Алиев Ш.И., Алиева З.М., Таилова А.Г.* Указ. соч. С. 10-11.

Ибрагимова С.Н.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Овчинникова Н.О., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ: СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ, ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассмотрены сущность внутреннего убеждения государственного обвинителя и этапы его формирования. Проанализировано значение внутреннего убеждения как для поддержания государственного обвинения, так и для отказа от него в суде. Указаны особенности формирования внутреннего убеждения прокурора, поддерживающего обвинение в рамках рассмотрения уголовного дела, и возникающие при этом трудности.*

Ключевые слова: *внутреннее убеждение, оценка доказательств, государственный обвинитель, прокурор, прокуратура Российской Федерации.*

Ibragimova S.N.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ovchinnikova N.O., docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

INTERNAL BELIEF OF THE STATE ACCUSER: ESSENCE, SIGNIFICANCE, STAGES OF FORMATION

Abstract. *The paper examines the essence of public prosecutor's inner conviction and the stages of its generation. The author analyses the value of inner conviction both for the support of public prosecution and for the decision to drop the charges in court. The paper discusses the specifics of formation of public prosecutor's inner conviction supporting the charges in the trial on a criminal case, and the challenges faced in this context.*

Keywords: *inner conviction, evaluation of evidence, public prosecutor, Russian Federation Office of Public Prosecutor.*

При рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве согласно ч. 5 ст. 246 УПК РФ «прокурор предъявляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения…».

«Мнение, – считает В.А. Андреянов, – это одна из форм выражения убеждения конкретного лица. Мнение государственного обвинителя, высказанное в судебном разбирательстве уголовного дела, имеет особую природу, поскольку он поддерживает обвинение от имени государства, отстаивает в суде публичный интерес». Следовательно, в данной статье законодатель оперирует таким понятием как мнение, которое можно расценить как внутренние убеждение[1].

В науке уголовного процесса существует несколько точек зрения на сущность понятия «внутреннее убеждение». Так одна группа ученых, среди которых можно отметить П.А. Лупинскую, М.А. Чельцова, рассматривают данное понятие как «принцип оценки доказательств, в основе которого должно лежать всестороннее, полное и объективное рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности» или как набор критериев такой оценки. Другая группа ученых рассматривает, внутреннее убеждение как метод оценки доказательств или конечный результатом такой оценки[2]. Так Н.П. Кузнецов писал: «Под внутренним убеждением как результатом оценки доказательств следует понимать такое состояние сознания субъекта доказывания, когда он считает собранные доказательства достаточными для решения вопроса о наличии или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств, уверен в правильности своего вывода и готов к практическому действию в соответствии с полученными знаниями.

Однако третья группа ученных не придерживается ни одной из перечисленных точек зрения, по их мнению, «внутреннее убеждение состоит из правовой, процессуальной, психологической, гносеологической, морально-этической составляющей, только в единстве всех указанных компонентов можно понять соотношение внутреннего убеждения и оценки доказательств.

Следовательно, возникает вопрос, по каким критериям формируется внутренние убеждение. В науке предлагается большое количество таких классификаций, но на практике стандартный шаблон отсутствует. На законодательном уровне Конституционный Суд РФ постарался ответить на данный вопрос следующим образом: он указал на то, что «статья 17 УПК Российской Федерации, содержит указание судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю при оценке доказательств не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений»[3].

Следует отметить, что внутреннее убеждение государственного обвинителя, не возникает одномоментно, а представляет собой процесс, состоящий как минимум из двух этапов, которые органически связаны со структурой и последовательностью процессуальных стадий, в которых прокурор принимает участие. Внутреннее убеждение прокурора формируется два раза, а результат, может быть как тождественным, так и диаметрально-противоположным. Так, на стадии утверждения обвинительного заключения у государственного обвинителя впервые формируется убеждение в виновности обвиняемого на основе достаточности доказательств, подтверждающих этот факт. Такое убеждение и дало ему право утвердить обвинительное заключение и направить уголовное дело в суд. В данном случае прокурор берет на себя ответственность за то, что в материалах уголовного дела достаточно доказательств виновности обвиняемого в совершении преступления. Соответственно, в этом случае, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель откажется от обвинения, придя к выводу, что виновность лица не доказана, обоснованно встает вопрос о том, что некачественно был произведен надзор за предварительным расследованием и необоснованно было принято решение о направлении дела в суд.

Однако для того чтобы таких ситуаций не было, мнение государственного обвинителя испытывается второй раз уже на стадии судебного разбирательства, когда прокурор выступает в судебном разбирательстве по уголовному делу как сторона обвинения. В данном случае ему необходимо отбросить имевшуюся у него ранее уверенность в доказанности виновности лица или даже предубеждение относительно этого факта и начать воспринимать все доказательства непредвзято и объективно, как это делает суд. При соблюдении этого правила у государственного обвинителя сформируется внутреннее убеждение о виновности или невиновности лица, что однозначно даст возможность применить положения ч. 7 ст. 246 УПК РФ, предусматривающие отказ государственного обвинителя от обвинения в случае недостаточности доказательств, подтверждающих виновность подсудимого.

Таким образом, исследуя доказательства при утверждении обвинительного заключения и при рассмотрении уголовного дела по существу прокурор с высокой степенью вероятности исключает обвинение в совершении преступления лица, в отношении которого не собрано достаточно доказательств вины.

Но как же добиться этого на практике. Ведь в действительности по большей части уголовных дел в качестве прокурора в досудебных и судебных стадиях выступают не одни и те же, а разные работники прокуратуры. И хотя задачи, которые стоят перед прокурором (государственным обвинителем), едины, и прокурор на всем протяжении уголовного судопроизводства отстаивает публичный интерес, внутреннее убеждение у различных работников прокуратуры может не совпадать, что неизбежно скажется на оценке доказательств. Следовательно мы можем здесь обозначить проблему потенциального

---

[1] См.: *Андреянов В.А.* Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С.21.

[2] См.: *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. 2-е изд., перераб. М., 1951. С. 38.

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бутусова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid (дата обращения: 06.03.2021)

конфликта внутреннего убеждения государственного обвинителя, сформировавшегося при изучении уголовного дела и (возможно) скорректированного в ходе судебного разбирательства, и внутреннего убеждения прокурора, на основе которого было утверждено обвинительное заключение (акт, постановление)

Существуют различные предложения по решению данной проблемы. Одни авторы предлагают разделить полномочия по утверждению обвинительного заключения, и функции поддержания государственного обвинения в суде. Такая мера на их взгляд позволит психологически избавить государственного обвинителя от опасения воспользоваться своим правом на отказ от обвинения, дабы не обнаружить свои же ошибки, допущенные при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему с результатами предварительного расследования. Данное предложение на практике будет реализовано посредством создания определенного отдела государственных обвинителей, которые не будут связаны мнением прокурора, утвердившего обвинительное заключение/акт/постановление и направившего уголовное дело в суд, но в то же время будут также находиться в общей системе прокуратуры Российской Федерации[1]. Другие авторы «упорно настаивают на праве прокурора на то, чтобы не осуществлять уголовно-процессуальную деятельность вопреки своему внутреннему убеждению и подлежит замене . Авторы Устава уголовного судопроизводства исходили из того, что «не следует заключать, чтобы низшие органы [прокурорского надзора] обязаны были слепым повиновением воле своего начальства…

Вступление в процесс государственного обвинителя требует от него наличия твердого убеждения в правильности обвинительного тезиса, убеждения, выработанного на основе изучения письменных материалов дела. В связи со сказанным можно обозначить еще одну проблему. Она заключается в недостатке времени у государственного обвинителя для ознакомления с материалами уголовного дела. Так, если прокурор, задача которого утвердить обвинительное заключение, располагает десятью сутками для изучения дела (а в предусмотренных ч. 1 ст. 221 УПК РФ случаях и тридцатью сутками), то государственный обвинитель не получает уголовное дело в свое распоряжение. Следовательно, ознакомление с делом производится в помещении суда и с разрешения судьи, и как следствие государственный обвинитель может опираться в судебном заседании на свои записи, сделанные при ознакомлении с материалами дела, и копии процессуальных документов, поступивших в период расследования в прокуратуру.

В настоящее время мы можем сказать, что указанная выше проблема имеет некоторые пути решения. В 2018 г. произошла крупнейшая реформа современности, которая позволила автоматизировать органы прокуратуры, посредством создания Автоматизированного информационного комплекса (АИК) «НАДЗОР». Данная система предназначена для работы со специфическими задачами: учет и ведение уголовных дел, работа с фигурантами дел, ведение контрольных и надзорных производств по этим делам и т. п[2]. Благодаря АИК «Надзор» весь документооборот переведен в электронную форму путем присваивания документам специальных штрих-кодов и сканирования. Несмотря на то, что на сегодняшний момент система находится в тестовом режиме и постоянно совершенствуется, мы можем сказать, что она в перспективе может предоставить государственному обвинителю возможность изучить уголовное дело в электронном варианте до начала судебного следствия. Это облегчит процесс оценки доказательств до начала судебного разбирательства, поможет в выборе тактики поддержания государственного обвинения.

Таким образом, по нашему мнению внутреннее убеждение – это субъективно-объективная категория, т.к. с одной стороны оно заключает в себе все стороны психики, интересы, установки, образ мышления, нравственные идеалы, волевые качества, государственного обвинителя, а с другой стороны об его объективности говорит само содержание убеждения и независимый от желания и воли государственного обвинителя результат познания, который должен быть основан только на установленных обстоятельствах, которые нашли свое подтверждение в суде. Только при наличии этих двух категорий, прокурор предает уголовное дело с обвинительным заключением в суд и поддерживает государственное обвинение, чтобы исключить обвинения лица, который не причастен к совершению преступления.

[1] См.: *Спирин А.В.* Формирование внутреннего убеждения государственного обвинителя // Научный вестник омской академии МВД России. 2018. №: 3 (70). С. 15-19.

Иванова Е.В.
магистрант, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Макаров С.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ ИМУЩЕСТВО: ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК

Аннотация. *Залог является способом обеспечения обязательств, широко применяемым в гражданском обороте. Детальное правовое регулирование оснований и порядка обращения взыскания на заложенное имущество является важной гарантией соблюдения прав как должника так и кредитора.*

Ключевые слова: *обязательство, заложенное имущество, залогодатель, залогодержатель.*

Ivanova E.V.
Master's student, Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

[2] См.: Приказ Генпрокуратуры России от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2020) // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=11395 (дата обращения: 06.03.2021).

Supervisor: Makarov S.A., Candidate of Law, Associate Professor of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

RECOVERY OF PEDIEDED PROPERTY: BASIS AND ORDER

Abstract. *A pledge is a method of securing obligations, widely used in civil circulation. Detailed legal regulation of the grounds and procedure for foreclosure on pledged property is an important guarantee of respecting the rights of both the debtor and the creditor.*

Keywords: *obligation, mortgaged property, mortgagor, mortgagee.*

Залог является одним из предусмотренных гражданским законодательством способов обеспечения исполнения обязательств, который весьма распространен в имущественном обороте. Залог регулируется нормами Главы 23 Гражданского кодекса, а залог недвижимого имущества также Федеральным законом от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[1].

Механизм обеспечительного действия залога состоит в том, что в случае неисполнения обязательства должником, кредитору предоставляются гарантии получения полного или частичного исполнения обязательства из стоимости заложенного имущества. В связи с этим, значение правового регулирования обращения взыскания на предмет залога невозможно переоценить, ведь именно в результате обращения взыскания на заложенное имущество и достигается обеспечительный эффект залога.

В юридической литературе справедливо отмечено, что обращение взыскания «на имущество, являющееся предметом залога, на практике является крайней мерой, если иными способами добиться погашения просроченной задолженности и иных обязательств (например, выплаты процентов, неустойки) не удалось»[2].

Современное понимание залога отличается от древнеримского права продажи и от права требования продажи заложенного имущества, как оно рассматривалось в русском дореволюционном праве. В настоящее время залог представляет собой право на получение преимущественного удовлетворения, в том числе из стоимости заложенного имущества.

Субъективное залоговое право представляет собой совокупность юридических возможностей (правомочий), среди которых центральное место занимают правомочие на обращение взыскания на заложенное имущество и правомочие на реализацию предмета залога. Последовательное осуществление данных возможностей приводит к достижению заложенной в праве залога цели – удовлетворить требования кредитора из стоимости заложенного имущества[3].

Термин «обращение взыскания» следует рассматривать как материально-правовую и процессуальную категорию. В материально-правовом смысле – она представляет собой действия залогодержателя, производимые им с целью реализации предмета залога и получения денежных сумм. В процессуальном аспекте обращение взыскания на имущество – это ряд принудительных действий, осуществляемых судебным приставом-исполнителем[4].

Основаниями обращения взыскания на заложенное имущество являются определенные, предусмотренные законом жизненные обстоятельства, с которыми связывается наступление тех или иных юридических последствий.

Классификация оснований обращения взыскания на заложенное имущество проводится по различным критериям.

В зависимости от порядка исполнения:

- систематическое нарушение сроков внесения периодических платежей (в случае, если обязательство, обеспеченное залогом, исполняется периодическими платежами). При этом систематическим нарушением считается просрочка платежей более чем три раза в течение последних двенадцати месяцев, даже если каждая просрочка сама по себе является незначительной.
- однократное нарушение (неисполнение или ненадлежащее исполнение) должником обеспеченного залогом обязательства. Данное основание применяется в том случае, когда обязательство, обеспеченное залогом, исполняется единовременно.

В зависимости от характера внутренней структуры, которую имеет то или иное основание обращения взыскания на заложенное имущество:

- простая структура, которая характеризуется тем, что для обращения взыскания на заложенное имущество достаточно только одного юридического факта (например, однократное нарушение обязательства должником).
- сложная же структура характеризуется наличием определенной совокупности юридических фактов, необходимых для обращения взыскания на предмет залога. Например, такая совокупность юридических фактов требуется для обращения взыскания на заложенное предприятие согласно, п. 2 ст. 71 ФЗ «Об ипотеке». Для обращения взыскания недостаточно только факта нарушения обязательства должником. У залогодержателя возникает право на обращение взыскания на предмет ипотеки (предприятие) при одновременном наличии двух юридических фактов: неисполнение или ненадлежащее исполнение обеспеченного ипотекой обязательства и истечение года с момента заключения договора об ипотеке.

Другим примером являются основания обращения взыскания на объект долевого строительства, предусмотренные ст. 14 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в неко-

[1] Федеральный закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29, ст. 3400.

[2] *Жаглина М.Е.* Некоторые проблемы обращения взыскания на имущество должника-физического лица // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-1. С. 308–313.

[3] URL: https://ba№ ki.ru/wikiba№ k/zalog_wiki/ (дата обращения: 25.03.2021).

[4] *Мерзлякова А.А.* Проблемные вопросы обращения взыскания на заложенное имущество // Актуальные проблемы российского права в современных условиях. материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф.. кафедра гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. 2018. С. 93-100.

торые законодательные акты РФ»[1]. Для обращения взыскания на объект долевого строительства, являющийся предметом ипотеки, требуется одновременное наличие следующих условий:

- наступление предусмотренного договором срока передачи застройщиком объекта долевого строительства;
- истечение шести месяцев с момента наступления срока передачи застройщиком объекта долевого строительства;
- прекращение или приостановление строительства многоквартирного дома или иного объекта недвижимости;
- наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что в предусмотренный договором срок объект долевого строительства не будет передан участнику долевого строительства.

Порядок обращения взыскания на заложенное имущество, наряду с уже упомянутыми нормативными актами, регулируется ст. 78 Федерального закона «Об исполнительном производстве»[2]. Согласно указанной норме, взыскание на заложенное имущество может обращаться только на основании исполнительного документа.

Действующее гражданское законодательство предусматривает два порядка обращения взыскания на заложенное имущество: судебный и внесудебный. При этом важно иметь в виду, что «процесс обращения взыскания на заложенное имущество включает в себя не только его изъятие, но и последующую его реализацию»[3].

Согласно ст. 349 ГК РФ обращение взыскания на заложенное имущество производится во внесудебном порядке, если это предусмотрено соглашением сторон. Такое соглашение может быть включено в качестве условия в договор о залоге либо заключено сторонами впоследствии, в том числе после возникновения оснований для обращения взыскания на предмет залога. В соответствии с п. 5 этой статьи «соглашение об обращении взыскания во внесудебном порядке на заложенное имущество должно быть заключено в той же форме, что и договор залога этого имущества».

По результатам проведенного анализа действующего законодательства, можно выделить две модели обращения взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке: нотариальную и кредиторскую.

Нотариальная модель обращения взыскания на заложенное имущество состоит в том, что взыскание обращается на основании исполнительной надписи нотариуса. Порядок совершения исполнительной надписи нотариусом, а также особенности совершения данного нотариального действия при обращении взыскания на заложенное имущество регулируются Основами законодательства РФ о нотариате[4]. При этом такой порядок согласно п. 6 ст. 349 ГК РФ и п. 1 ст. 55 ФЗ «Об ипотеке» допускается только при нотариальном удостоверении договора об ипотеке или договора, влекущего за собой возникновение ипотеки в силу закона, а также закладной, содержащих условие об обращении взыскания во внесудебном порядке.

В п. 8 ст. 349 ГК РФ предусматривается «если обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется во внесудебном порядке, залогодержатель или нотариус, который производит обращение взыскания на заложенное имущество в порядке, установленном законодательством о нотариате, обязан направить залогодателю, известным им залогодержателям, а также должнику уведомление о начале обращения взыскания на предмет залога».

Кредиторская модель внесудебного обращения взыскания на предмет залога состоит в том, что такое уведомление направляет сам залогодержатель в соответствии с правилами, установленными ст. 55.2 ФЗ «Об ипотеке». Такое уведомление направляется по почте заказным письмом с уведомлением о вручении либо вручается адресату под расписку. Согласно п. 3 ст. 55.2 ФЗ «Об ипотеке» Моментом получения уведомления стороной договора об ипотеке считается:

1) дата, указанная в почтовом уведомлении о вручении уведомления по адресу (месту нахождения, месту жительства) стороны договора об ипотеке, указанному в нем;

2) дата, указанная на копии уведомления стороной договора об ипотеке или ее представителем при вручении уведомления под расписку;

3) дата отказа стороны договора об ипотеке от получения уведомления, если этот отказ зафиксирован организацией почтовой связи;

4) дата, на которую уведомление, направленное по почте заказным письмом с уведомлением по адресу (месту нахождения, месту жительства) стороны договора об ипотеке, указанному в нем, не вручено в связи с отсутствием адресата по указанному адресу (месту нахождения, месту жительства), о чем организация почтовой связи проинформировала отправителя уведомления.[5]

Необходимо обратить внимание на порядок реализации имущества, оказавшегося в залоге. Так, во внесудебном порядке реализацию проводит залогодержатель, обратившись в уполномоченный орган для регистрации перехода права собственности.

Правовое регулирование обращения взыскания на заложенное имущество в судебном порядке предусмотрено ст. 51 ФЗ «Об ипотеке», а также ст. 349 ГК РФ. Согласно ст. 51 «взыскание по требованиям залогодержателя обращается на имущество, заложенное по договору об ипотеке, по решению суда, за исключением случаев, когда допускается удовлетворение таких

---

[1] Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 40.

[2] Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

[3] *Советкина А.С.* Проблемы обращения взыскания на заложенное имущество // Актуальные аспекты развития современной науки. Сборник научных статей Международной научной конференции. Редколлегия: С.И. Ашмарина, А.В. Павлова [и др.]. 2019. С. 408-411.

[4] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

[5] *Краева Д.А.* Внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество // Профессионал года 2019. сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса. 2019. С. 54-56.

требований без обращения в суд». Конструкция этой статьи предполагает, что судебный порядок обращения взыскания применяется в качестве основного, а внесудебный порядок является альтернативным способом обращения взыскания. Данное положение, однако, не подразумевает под собой исключительность судебного порядка обращения взыскания. В соответствии со ст. 349 ГК РФ, даже если стороны соглашением между собой предусмотрели внесудебный порядок обращения взыскания, залогодержатель вправе обратиться в суд с требованием об обращении взыскания на заложенное имущество. Тогда дополнительные расходы, связанные с обращением взыскания на заложенное имущество, несет сам залогодержатель.

Проанализировав в совокупности п. 3 ст. 349 ГК РФ и п. 5,6 ст. 55 ФЗ «Об ипотеке», можно выделить случаи, при которых обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется только по решению суда. Причем, по сравнению с ГК РФ, ФЗ «Об ипотеке» существенно расширяет перечень таких случаев, например, если:

1) предметом ипотеки является земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения и на котором отсутствуют здание, строение, сооружение;

2) предметом ипотеки является земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения, предоставленный гражданину для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства, дачного хозяйства, садоводства, животноводства или огородничества, а также здания, строения, сооружения, находящиеся на данном земельном участке;

3) предметом ипотеки является земельный участок, находящийся в муниципальной собственности или земельный участок, государственная собственность на который не разграничена и на котором отсутствуют здания, строения, сооружения;

4) предметом ипотеки является имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности;

5) право залогодателя на заложенное имущество не зарегистрировано[1].

Если взыскание производится по решению суда, то реализация осуществляется в соответствии со ст. 447 и 448 ГК РФ и по соглашению сторон[2].

В целях модернизации института залога предлагается, ст. 349 ГК РФ дополнить п. 9 следующего содержания: «Залогодателю предоставляется преимущественное право самостоятельной реализации заложенного имущества в течение двух месяцев со дня получения решения суда об обращении взыскания на заложенное имущество либо наступления иного события, указанного в соглашении залогодателя и залогодержателя. При обращении взыскания в судебном порядке суд указывает в своем решении на отсрочку продажи заложенного имущества с публичных торгов».

В случае, если имущество не будет реализовано залогодателем самостоятельно, предлагается в рамках возбужденного исполнительного производства судебному приставу-исполнителю привлекать специалиста-оценщика для оценки арестованного залогового недвижимого имущества. Та оценка, которая указана судом в судебном акте, как правило не соответствует рыночной стоимости, а определяется, исходя из договора залога. Так как оценка имущества должника является необходимым элементом процедуры исполнения требований исполнительного документа, требующимся в целях определения последующей цены сделки, по которой будет реализовано заложенное имущество должника.

Таким образом, предусмотренный действующим законодательством механизм обращения взыскания на заложенное имущество детально проработан и является достаточно гибким, поскольку учитывает различные ситуации, связанные как с видом заложенного имущества, так и с другими факторами. Тем не менее, он, безусловно, нуждается в дальнейшем совершенствовании в связи с новыми вызовами, возникающими в правоприменительной практике.

[1] *Краева Д.А.* Судебный порядок обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество // сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса. 2019. С. 86-88.

[2] Письмо ФССП РФ от 23.12.2011 № 12/01-31629-АП «Разъяснения по вопросам действий судебного пристава-исполнителя при обращении взыскания на заложенное имущество» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25.03.2021 г.

Идельбаев Р.Е.
студент 2 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Потапова Н.Л., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Аннотация. *допрос относится к числу самых распространенных, эффективных и во всех случаях необходимых следственных действий. Уголовное дело может быть расследовано без предъявления людей и вещей для опознания, производства следственных экспериментов и совершения иных процессуальных действий, закрепленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ в качестве средств собирания доказательств. Однако без допроса ни одно уголовное дело обойтись не может.*

Ключевые слова: *убийства, военнослужащие, допрос обвиняемого.*

Idelbaev R.E.
student 2 courses of Institute of a magistracy and postgraduate study the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

Supervisor: Potapova N.L. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

FEATURES OF THE PRODUCTION OF THE ACCUSED IN CASES OF MURDERS COMMITTED BY MILITARY PERSONNEL

Abstract. *Interrogation is the most common, effective and important investigative action in all cases. It is possible to conduct an investigation successfully without presenting people and things for identification, conducting investigative experiments and other procedural actions provided for by the Criminal Procedure Code as a means of collecting evidence. But no criminal case can do without interrogations.*

Keywords: *murders, military personnel, interrogation of the accused.*

Допрос – следственное действие, без которого сложно представить расследование уголовного дела. Он является существенным элементом привлечения лица в качестве обвиняемого. На практике данное следственное действие выступает продолжением предъявления обвинения и фактически следует после него[1]. Процесс допроса обвиняемого направлен на получение доказательств, а также на проверку уже собранных по делу доказательств. Кроме того, допрос обвиняемого выступает важным средством обеспечения гарантированного ему Конституцией Российской Федерации и предусмотренного уголовно-процессуальным законом права на защиту.

На сегодняшний день к числу актуальных и перспективных направлений криминалистической тактики относится разработка тактических рекомендаций по проведению следственных действий применительно к расследованию конкретных видов преступлений. Тактика проведения допроса обвиняемого по делам об убийствах, совершенных военнослужащими обладает определенной спецификой, для понимания которой необходимо выделить ее особенности.

В процессе подготовки к проведению допроса в первую очередь важно правильно определить момент производства допроса, его предмет, содержание и последовательность вопросов, а также спрогнозировать возможные вариации ответов на них, какие доказательства могут быть эффективно использованы в процессе допроса и т.д.

А.Р. Лонщакова в структуру подготовительного этапа допроса обвиняемого включает «изучение личности обвиняемого»[2]. Такой вывод можно назвать не вполне корректным. При подготовке к допросу этап изучения личности действительно может быть, однако одной из характеристик допроса выступает то, что на момент предъявления обвинения следователь уже располагает данными о личности обвиняемого, поэтому в таком случае целесообразно говорить об обобщении информации об особенностях личности обвиняемого на основе уже полученной (собранной) ранее информации.

Позицию автора стоит принять в том, что характеристика личности и психологические особенности военнослужащего действительно оказывают влияние на тактику допроса. Разумеется, заранее трудно предугадать, какого объема и какого характера информация, о каких именно качествах и состояниях личности потребуется при допросе, но в любом случае необходимо представлять хотя бы в общих чертах особенности личности допрашиваемого.

На особенности допроса военнослужащего влияет его психология, а именно специфика военного мышления, которая при даче показаний отражается в формулировках умозаключений и суждений военнослужащего, а также проявляется в самом поведении. На то, какой конкретный прием воздействия допрашивающего на допрашиваемого в целях получения от последнего информации должен быть выбран зависит большое количество факторов. Причем данные факторы находятся между собой в сложной взаимозависимости.

Лица, совершившие насильственные преступления, отличаются тревожностью, мнительностью, подозрительностью, беспокойством, раздражительностью, отчужденностью, эгоцентричностью, деструктивностью, напряженностью[3]. Эти признаки характерны и для военнослужащих, совершивших насильственные преступления, в частности убийство. В специальной литературе освещены тактико-психологические приемы допроса в различных ситуациях[4]. Рассмотрим некоторые из них, которые применяются при допросе военнослужащих, обвиняемых по делам об убийствах.

Допрос следует начинать с установления психологического контакта с подозреваемым[5]. И.И. Аминов отмечает, что установление психологического контакта является «стадией допроса, где допрашивающий организует в процессе допроса такие условия, которые побуждают допрашиваемое лицо самостоятельно начать и продолжить беседу с ним»[6]. Хотелось бы добавить, что мало лишь установить психологический контакт, контакт должен быть поддержать на протяжении всего процесса допроса. Данную позицию подтверждает Н.И. Порубов: «психологический контакт должен сопутствовать всему ходу допроса и для его установления требуется проведение ряда тактических приемов»[7]. Поэтому психологиче-

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 30 января 2020 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2003. № 50, ст. 4847.

[2] См.: *Лонщакова А.Р.* Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях : дис. Южно-Уральский государственный университет. 2009.С. 99.

[3] См.: *Лонщакова А.Р.* Актуальные вопросы использования тактических приемов при проведении допроса лица, подозреваемого в совершении насильственных преступлений //Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10. №. 3. С. 173-178.

[4] См. *Доспулов Г.Г.* Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 72–84; *Лушечкина Н.А.* Роль психических состояний обвиняемого в тактике допроса // Вестник Моск. унта. Сер. 11: Право. 1982. № 3. С. 78–79

[5] См.: *Лебедев Н.Ю.* Процессуальная самостоятельность следователя –гарантия обеспечения прав участников уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае / Матер. ежегодной межрег. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е.Н. Тихонова. Барнаул, 2008. С. 196–198.

[6] См.: *Аминов И.И.* Юридическая психология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.И. Аминов, К.А. Давыдов, К.Г. Дедюхин, А.В. Кокурин, В.Л. Кубышко, К.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012. 233 с

[7] См.: *Порубов Н.И.* Тактика допроса на предварительном следствии: учебное пособие. М.: БЕК, 1998. 208 с.

ский контакт стоит рассматривать как необходимое условие для применения других приемов.

Учитывая психологические особенности военнослужащих, причинивших смерть другому человеку, прежде чем переходить к установлению психологического контакта, необходимо устранить и сгладить негативные состояния допрашиваемого. Напряжение, тревога, замкнутость и другие особенности осложнят или даже не дадут возможности для проведения допроса. В данной ситуации целесообразно использовать прием «снятие напряжения». Однако при допросе военнослужащего, обвиняемого по делу об убийстве, не стоит для снятия напряжения, как это отмечается в учебном пособии по тактике допроса «обсудить с допрашиваемом его напряженное состояние, указав на некоторые явные признаки, отметив несоответствие последнего правдивым, по его утверждению, показаниям»[1]. По результатам проведенного исследования М.П. Болотов отмечает, что «среди военнослужащих более 50 % опрошенных имеют ярко выраженные акцентуации»[2]. Лица с акцентуацией характера придерживаются той позиции, которую избрали первоначально, поэтому, поймав на лжи, следователь в данном случае создаст только дополнительное раздражение у допрашиваемого. В такой ситуации лучшим вариантом будет недолгое по продолжительности переключение разговора на нейтральную тему, что сведет к минимуму тревожность и агрессивность.

О.И. Белокобыльская предлагает использовать при допросе обвиняемого по делам об убийстве прием «воздействие на нравственную сферу». Автор считает, что «с помощью искусственной атмосферы напряжения следователь сможет вызвать у допрашиваемого эмоции раскаяния»[3]. Однако в отношении военнослужащего, совершившего убийство, неэффективно применять методы «воздействия на их нравственную сферу», т.к. сфера психической деятельности для таких лиц не актуальна. В большинстве случаев убийцы – люди с негативным содержанием ценностно-нормативной системы, с пренебрежением или безразличием относящиеся к личности и ее важнейшим благам.

Эффективным может быть проведение повторного допроса обвиняемого. Так, Сорокин В.В. по уголовному делу 22-2/2014 не признавал себя виновным в убийстве, однако позже, будучи неоднократно допрошенным, частично признался в содеянном, утверждая, что совершил убийство при превышении пределов необходимой обороны[4]. В таких ситуациях лицо, осознавая, что полное отрицание причастности к убийству бессмысленно, в оправдание старается выглядеть социально приемлемым, перекладывая вину в наступивших последствиях на потерпевшего.

Личностные особенности допрашиваемого являются одним из элементов, влияющих на возникновение той или иной ситуации допроса. Следует согласиться с И.В. Румянцевой, которая предлагает для «оптимизации тактики допроса военнослужащего обвиняемого использовать ситуационный подход, рассматривая отдельные составляющие ситуации допроса военнослужащего» [5]. Действительно преимуществом ситуационного подхода в тактике допроса выступает возможность закрепления и разбора развития ситуации в ее многовариантности. Автор приводит свою классификацию военнослужащих, анализируя их с точки зрения оценки уровня воспитания. Относительно военнослужащих, обвиняемых по делам об убийствах, предложим классификацию в зависимости от формирования позиции допрашиваемого. У допрашиваемого в целях избавления от стрессовой ситуации, которой всегда является допрос, начинают реализовываться механизмы психологической защиты. В связи с этим можно выделить три основных типа военнослужащих:

- оеннослужащие, одновременно внутренне переживающие содеянное и возможность наступления наказания (об одном объекте субъект имеет несоответствующее знание). Воспоминания о совершенном преступлении и вся связанная с этим информация становится тревожной и вытесняется из сознания, из-за чего военнослужащий становится равнодушным. В такой ситуации прием «побуждение допрашиваемого к раскаянию» бесполезен и не принесет никаких результатов.
- Военнослужащие, переносящие свои негативные черты на свое внешнее окружение. В данном случае обвиняемый считает применение насилия оправданным и необходимым методом.
- Военнослужащие, выдвигающие аргументированные, логичные и обоснованные версии в сокрытие истинной мотивации поведения. Особенно такая позиция может проявляться к концу допроса, согласуя доводы в свое оправдание с ключевыми моментами по делу.

Данные позиции могут сочетаться между собой, однако в любом случае можно выделить преобладающее состояние, опираясь на которое следует выбирать тот или иной прием тактики допроса.

Таким образом, военнослужащие, обвиняемые по делам об убийствах, имеют свои специфические психологические особенности, которые влияют на тактику допроса данной категории. Предложенная классификация в зависимости от формирования позиции военнослужащего, обвиняемого по делам об убийстве, позволяет распознать состояния и установки допрашиваемого, выбрать эффективные способы противодействия им.

---

[1] См.: *Питерцев С.К.* Тактические приемы допроса: учеб. пос. / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. 4-е изд., перераб. СПб., 2006. 27 с

[2] См.: *Болотов М.П.* Акцентуации характера военнослужащих и их учет в деятельности должностных лиц подразделения //Материалы IV Международной электронной научной конференции). 2012. Режим доступа: http://www. rae. ru/forum2012/290/2054.

[3] См.: *Белокобыльская О.И. и др.* Тактика допроса по делам об убийствах, совершенных организованными группами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. №. 1. С. 69-74.

[4] См.: Апелляционное определение № 22-2/2014 от 28 февраля 2014 г. по делу № 22-2/2014 URL: https://sudact.ru/regular/doc/j1n9u9cxueb0/?regular (дата обращения: 14.02.2021).

[5] См.: *Румянцева И.В.* Оптимизация тактики допроса военнослужащих подозреваемых (обвиняемых) путем использования ситуационного подхода // Lex Russica. 2014. № 7. С. 848

Ильченко М.С.
магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Куницына А.В. к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о противодействии взяточничеству во всем историческом периоде становления и развития российского государства. Отражается состояние уголовно-правового законодательства, регламентация взяточничества и борьба с ним.*

Ключевые слова: *уголовное право, уголовное законодательство, коррупция, противодействие коррупции, взятка.*

Ilchenko M.S.
master student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kunitsyna A.V., Ph.D.in Jurisprudence, docent Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CRIMINAL-LEGAL COUNTERACTION TO BRIBERY IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. *The article deals with the issue of countering bribery in the entire historical period of the formation and development of the Russian state. It reflects the state of criminal law legislation and its regulation of bribery and the fight against it.*

Keywords: *criminal law, criminal law, corruption, anti-corruption, bribe.*

В эволюции уголовно-правовой системы за весь период ее развития, который она прошла от Древней Руси до наших дней, коррупция была актуальна всегда, как и во времена правления царей, так и в период установления и развития демократии. Но регулярное внесение изменений в нормы уголовного-правового законодательства, которое регламентируют уголовную ответственность, например, за взяточничество, той самой панацеей от данного недуга считать нельзя.

Доказательствами слаборазвитой системы противодействия коррупции выступают данные из отчетов органов исполнительной власти, ежегодные доклады Счетной палаты РФ, и др. Помимо этого о коррупции то и дело сообщают в СМИ. Также нельзя не обратить внимание на рейтинг стран по индексу восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, исследованием которого занимается Международное антикоррупционное движение – «Transparency International». В этом ежегодно-публикуемом рейтинге на основе опросов экспертов и предпринимателей, проведенных независимыми организациями, Россия в 2020 г., набрав 30 баллов из 100, заняла 129 место из 180, разделив позиции с такими странами, как Азербайджан, Габон, Малави и Мали.

Аспекты уголовно-правового противодействия взяточничеству в России разумно рассмотреть через важнейшие этапы исторического развития страны. Условно можно выделить три периода развития законодательства в части борьбы с коррупцией: дореволюционный период; период СССР; современность.

Законодательные акты дореволюционного периода, как правило, касались вопросов взяточничества, которое подразделялось на лихоимство и мздоимство. Нормы уголовного характера, содержащие санкции за данные деяния, мы находим в источниках того периода, а именно: в Судебниках 1497, 1550 годов, Соборном уложении 1649 года, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а так же в нереализованном Уложении 1903 года.

Взяточничество и его корни уходят к ранней стадии развития государственности, где существовало и процветало – «кормление» администрации посадским и уездным населением[1]. Такое деяние преследовалось по закону в том случае, если был установлен значительный размер подношения.

Формально, как говорят источники, взятки были строго запрещены, но существовавшие обычаи того времени требовали от являвшихся на суд пожертвований «на свечи». Большое общественное и государственное недовольство по поводу злоупотреблений должностными лицами требовали определения и ограничения прав последних. Так, в Судебнике 1497 года определяется размер и порядок взимания пошлин за рассмотрение дел боярским судом. Посулы заменены судебными пошлинами, которые взыскивались с виновного, т.е. со стороны, проигравшей дело. Также закреплена уголовная ответственность за получение взятки судьями, однако указание на конкретную санкцию и ее размер отсутствуют.

Стоит сказать, что на конец XVII века основными формами подношений чиновникам были: «почести», «поминки» и «посулы»[2]. Правление того времени признавало законными денежные и натуральные подношения должностным лицам до начала судопроизводства («почести»), а также подношения после окончания дела («поминки»). «Посулы», которые всегда были связаны с нарушением закона, строго наказывались, т.к. относились к вымогательству.

В Судебнике 1550 года взяточничество также наказывалось, под карой было предусмотрено наказание в виде тюремного заключения виновного.

Во времена своего правления Петр I одним из первых обратил внимание на масштабы процветавшей в системе государства коррупции. Впервые было представлено, что

[1] Судебник 1497 г. в контексте Российского и зарубежного права XI-XIX вв., Москва: Парад 2000. – 343 с.;

[2] *Перри М.* Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI – XIX вв. Сборник статей. – М.: Парад, 2000. – С. 211-221.

коррупция является ужасным злом для государства, которое подрывает бюджет страны и разлагает общество.

Поэтому царем был принят Указ «О воспрещении взяток и посулов», введены репрессивные меры в отношении лиц, уличенных в совершении указанных действий. Максимальным наказанием, согласно Указу, была смертная казнь.

Еще одним важным решением было издание Указа «о фискалах и о их должности и действии», который регламентировал полномочия фискалов и их меры по борьбе с взяточничеством.

При царствовании Екатерины II, впервые в истории, публиковались для всеобщего сведения имена взяточников и лихоимцев, наказанных по суду, из которых многие освещаемые лица были из высшей губернской администрации.

Времена правления Александра I и Николая I выделяются попыткой борьбы с данными явлениями путем проведения официальных государственных ревизий и упорядочиванием законодательной базы в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи. В данном случае Свод законов обрел статус официального кодекса в судебных и других учреждениях.

Последний законодательный акт Российской империи, действовавший в полном объеме, – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в ред. 1866 и 1885 гг.). Например, статья 401 предусматривала уголовную ответственность за мздоимство чиновника или иного лица, состоящего на государственной или общественной должности, который по делу или действию, касающемуся обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения своих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином. В статье 402 речь шла об ответственности за лихоимство – получение взятки для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы. Высшей степенью лихоимства признавалось вымогательство взятки со стороны должностного лица о чем говорится в статье 406[1].

Статья 656, которая и определяла наказание за получение вознаграждения до и после совершения законных деяний, так и не вступила в законную силу. Помимо перечисленного, в статье устанавливались санкции и за различные виды вымогательства взятки.

Уголовное уложение 1903 года различало понятие взяточничества и лихоимственных сборов. Под лихоимственными сборами понималось взимание должностным лицом неустановленных поборов под предлогом обращения их в государственную или общественную кассу, или под видом полагающихся ему по закону поступлений.

Стоит сказать, что в этом проекте дача взятки рассматривалась как состав самостоятельного преступления, которое нарушает принцип безвозмездности служебных действий. Законодателями предлагалось объявить ее наказуемой независимо от будущей деятельности взяткополучателя. Лиходательство, как плату за прошлую деятельность должностного лица, представлялось считать преступным лишь при неисполнении им своих служебных обязанностей или злоупотреблении ими. В итоге, данный законопроект рассмотрен не был – проведенный анализ показывает, что Николай II понимал, это может затруднить борьбу с укоренившейся коррупцией.

Во время существования социалистического государства велась активная борьба со взяточничеством, под которым уже четко понималось, – коррупция опаснейший пережиток минувшей эпохи царей[2]. В.И. Ленин, придерживающийся взглядов марксисткой идеологии, считал взяточничество проявлением варварства, предлагая вести с таким явлением самую жесткую и суровую борьбу. Так, в своем письме от 1918 года к Д.И. Курскому, требовал принять закон, который бы предусмотрел самые суровые наказания за взяточничество[3].

Так, 8 мая 1918 года, В.И. Ленин подписал декрет РСФСР, который принял СНК. В данном документе предусматривалась уголовная ответственность за дачу взятки, за принятие таковой, а также пособничество и подстрекательство, за что устанавливалась санкция в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет, объединенная с принудительными работами на аналогичный срок. Указанный декрет явился первым правовым документом при новой власти, в котором были наиболее полно регламентированы вопросы об уголовной ответственности за взятки и обозначался субъект ее получения. Прежде всего это лица, которые состояли на государственной либо общественной службе: должностные лица правительства Советского государства, члены домовых, кооперативных, фабричных, заводских комитетов и профессиональных союзов, а также иные, приравненные к ним организации, предприятия и учреждения[4].

Обстоятельствами, существенно отягчающими наказание, являлись:

- вымогательство;
- особые полномочия государственного служащего;
- нарушение государственным служащим своих обязательств. Также, вводилась конфискация имущества при том условии, что взятку брал субъект, относящийся к имущему классу.

В августе 1921 года принят декрет СНК РСФСР «О борьбе со взяточничеством»[5]. Нововведениями стали профилактические меры, за исполнение которых лицо могло избежать уголовной ответственности, а также отражены все основные признаки взятки.

УК РСФСР 1922 года установил высшую меру наказания – смертную казнь в виде расстрела, которое спустя пять лет было ликвидировано Манифестом ЦИК СССР к празднованию десятой годовщины Октябрьской революции[6].

[1] *Михайлов В.И.* Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: общая характеристика и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния) // История государства и права. 2010. № 24. С. 16-21.

[2] *Загородников Н.И.* Советское уголовное право. М., 1975. С. 371.

[3] *Квициния А.К.* Взяточничество и борьба с ним. М., 1980. С. 101.

[4] *Волженкин Б.В.* Взяточничество в истории советского уголовного законодательства. М., 2004. С. 59.

[5] Декрет СНК РСФСР от 16.08.1921 «О борьбе со взяточничеством» // «Известия ВЦИК», № 184, 21.08.1921.

[6] Постановление ЦИК СССР от 15.10.1927 «Манифест ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам Союза ССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира» // СПС «КонсультантПлюс» – 2021.

Следующей вехой в развитии института борьбы с взяточничеством было закрепление в УК РСФСР 1960 года квалифицированных составов в данном преступлении:

- вымогательство взятки;
- неоднократное получение взятки (данный вид формы множественности преступлений был исключен в УК РФ 1996 года);
- судимость за получение взятки и др[1].

С принятием нового УК РСФСР, для лиц, совершивших преступление в виде взяточничества, при наличии перечисленных обстоятельств, отягчающих ответственность, срок уголовного наказания возрастал с десяти до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества.

В феврале 1962 года был принят указ «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», где взяточничество было отнесено к категории особо тяжких преступлений и повышена санкция. При наличии особо отягчающих обстоятельств применялась смертная казнь.

С течением времени наказания за получение взятки были существенно снижены, если при получении взятки имелись отягчающие обстоятельства, то применялась смертная казнь. Этот порядок был регламентирован в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1989 года.

Ввиду того, что смертная казнь, как наказание за получение взятки фактически не применялась, законодатель в 1991 г. упразднил данное наказание.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 года № 4 имеет важное и ключевое значение, т.к. в нем разъяснены: суть распорядительных, административных, хозяйственных направлений деятельности, входящих в полномочия должностных лиц; корыстная или иная личная заинтересованность; существенный вред. Большая часть указанных разъяснений не утратила своего значения и в новом УК РФ 1996 года.

В ст. 290 УК РФ[2] 1996 года был определен предмет взятки и способы его получения[3]. Предметом взятки являются деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгоды имущественного характера. Под способами получения взятки понимают:

- действие либо бездействие, которые входят в служебные полномочия должностного лица;
- в силу должностного положения может способствовать таким действиям либо бездействию;
- общее покровительство или попустительство по службе.

Еще одной важной отличительной чертой нового УК РФ 1996 года является и то, что в нем появилась дифференциация уголовной ответственности, градация которой зависит от размера полученной взятки.

Положения, которые регламентируют взяточничество, претерпели значительные изменения с принятием Федерального закона от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ[4]. Диспозиция ст. 290 УК РФ расширила круг специальных субъектов преступления. В предыдущей редакции субъектом преступления в соответствии со ст. 290 УК РФ являлось только должностное лицо. В новой редакции к субъектам получения взятки законодатель отнес иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации.

Помимо обозначенных изменений принятие ФЗ затронуло и существующую структуру состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. Так, ранее в нем было всего четыре части, сейчас их шесть. Получил дополнение и размер взятки, простую взятку и взятку в крупном размере дополнили размером значительным и особо крупным.

На сегодняшний день действует разъяснительное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[5]. Оно имеет важное значение для как для правоохранительных органов, так и для судов.

Подводя итог, необходимо сказать о том, что содержание уголовного законодательства за взяточничество зависело от того исторического этапа, на котором находилось государство. В аспекте борьбы со взяточничеством дореволюционного периода ведущую роль имело государственное влияние, т.к. именно тот или иной монарх оставался основным «двигателем» в вопросе противодействия коррупционным преступлениям. Усложнение управленческого аппарата социалистического периода, а также неприязнь и нетерпимость власти к коррупции дало толчок в определении, закреплении и усовершенствовании законодательного инструментария. Все имеющиеся знания и опыт были использованы при разработке нового уголовного законодательства Российской Федерации. Однако борьба с взяточничеством на этом не закончена.

---

[1] «Уголовный кодекс РСФСР» утв. ВС РСФСР от 27.10.1960 (в ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс» – 2021.

[2] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 24.02.2021 № 16-ФЗ, № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[3] *Комаров В.Б., Шарапов Р.Д.* Уголовно-правовая характеристика взятки как предмета преступления // Общество: политика, экономика, право, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-vzyatki-kak-predmeta–prestupleniya (дата обращения: 14.03.2021).

[4] Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2714.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

Исайчева А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Покачалова Е.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗНАЧЕЙСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *В связи с развитием современных информационных технологий трансформируется финансово-правовой статус государственных органов, наделенных финансовой компетенцией, в связи с чем развивается и финансово-правовое регулирование. В статье рассматриваются особенности правового регулирования деятельности Казначейства России в условиях цифровизации российской экономики.*

Ключевые слова: *финансово-правовое регулирование, Казначейство России*

Isaycheva A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Pokachalova E.V. PhD professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE TREASURY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. *In connection with the development of modern information technologies, the financial and legal status of state bodies endowed with financial competence is being transformed, in connection with which financial and legal regulation is also developing. The article examines the features of the legal regulation of the activities of the Treasury of Russia in the context of the digitalization of the Russian economy.*

Keywords: *financial and legal regulation, Treasury of Russia*

Анализ изменений, внесенных за последнее десятилетие в бюджетное законодательство Российской Федерации, свидетельствует о том, что российский законодатель поступательно реформирует действующие правовые нормы в связи с процессом цифровизации, начало которому было положено в конце 2009 г. в связи с принятием Постановления Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2009 г. № 1088 «О государственной автоматизированной системе «Управление», в котором была установлена необходимость создания единой распределенной государственной информационной системы, которая будет способна обеспечить формирование и обработку данных, которые содержатся в государственных и муниципальных информационных ресурсах.

За прошедшее десятилетие были утверждены Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р на период 2011–2020 г.), Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 на срок до 2024 г.), национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утвержденная президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 4 июня 2019 г.), федеральный проект «Цифровое государственное управление» (утвержденный Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 28 мая 2019 г.).

В связи с утвержденными государственными проектами и программами, определяющими государственную политику в области создания информационного общества и цифровой экономики, правовое регулирование деятельности Казначейства России как органа, исполняющего федеральный бюджет, осуществляющего кассовое обслуживание бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, претерпело ряд изменений[1].

К настоящему моменту задачи, выполняемые Казначейством России в связи с исполнением возложенных на него полномочий, частично цифровизованы:

1) внедрена автоматизированная система «Электронный бюджет», с помощью которой возможно автоматизированное осуществление мониторинга с помощью специальных методов (сбор данных, оценка информации, обратная связь);

2) создан единый портал бюджетной системы, обеспечивающий доступ к информации о бюджетном процессе и бюджете в режиме реального времени;

3) создана единая система казначейского счета, имеющая множество технологических и методологических преимуществ по сравнению с ранее действующими в Банке России счетами публично-правовых образований и юридических лиц;

4) согласно официальному сайту Казначейства России, используется ряд современных технологий: роботизация, искусственный интеллект, блокчейн-технологии, бизнес-процессы.

Тем не менее, как справедливо отмечает Н.В. Омелехина, не представляется возможным утверждать, что цифровизация полностью затрагивает бюджетные отношения ввиду того, что технологии принятия решений по содержанию бюджетных документов, процессы выработки управленческих решений осуществляются в усло-

[1] *Веремеева О.В.* Совершенствование бюджетного законодательства в условиях построения цифровой экономики в Российской Федерации // Финансовое право. 2019. № 1. С. 26–30; *Матьянова (Губенко) Е.С.* Платежная система Федерального казначейства: основные направления развития // Финансовое право. 2018. № 3. С. 9–13.

виях определенной свободы усмотрения органов власти, которые формируют проекты бюджетных показателей[1].

Анализ действующего законодательства, регламентирующего изменения, произошедшие в связи с цифровизацией бюджетных отношений, позволяет сделать вывод о том, что подробное нормативно-правовое регулирование указанных процессов осуществляется по большей части на подзаконном уровне – Постановлениями Правительства Российской Федерации и иными подзаконными актами.

Определенная тенденция по внесению изменений в законодательные акты все же существует: например, в Бюджетный кодекс Российской Федерации внесены изменения в связи с созданием единой казначейской системы.

Тем не менее, изложенное позволяет прийти к выводу о необходимости внесения ряда изменений и дополнений в бюджетное законодательство, связанных с установлением дополнительных прав, обязанностей и ответственности Казначейства России, обусловленных внедрением и использованием цифровых технологий.

Камин А.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Вавилин Е.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Аннотация. *Корпоративные правоотношения являются относительно новой категорией для российской цивилистики. Вместе с тем, корпоративные правоотношения подлежат классификации по различным основаниям. Выявление особенностей определенных групп корпоративных прав представляется наиболее эффективным способом для их изучения, а также дальнейшего совершенствования.*

Ключевые слова: *корпоративное право, управление юридическим лицом, участник корпорации.*

Kamin A.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Vavilin E.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CORPORATE RIGHT OF MANAGEMENT OF A LEGAL PERSON

Abstract. *Corporate legal relations are a relatively new category for Russian civil law. At the same time, corporate legal relationships are subject to classification on various grounds. Revealing the features of certain groups of corporate rights seems to be the most effective way to study them, as well as further improve.*

Keywords: *corporate law, management of a legal entity, member of a corporation.*

В настоящий момент наиболее сложившаяся классификация корпоративных прав предложена В.А. Лаптевым, который указывает: «корпоративные права, применительно ко всем видам российских корпораций можно разделить три группы: 1) управленческие, 2) имущественные, 3) информационные»[2].

Наиболее интересна, с позиции исследователя, управленческая группа корпоративных прав, поскольку именно в управлении видится специфика корпоративных правоотношений. Так, В.А. Лаптевым выделяются следующие управленческие права:

1) право присутствовать на общем собрании участников ООО;

2) принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений; право требовать созыва внеочередного общего собрания участников ООО;

3) право вносить предложения о включении в повестку дня общего собрания участников ООО дополнительных вопросов и иные[3].

При этом представляется наиболее целесообразным выделение не группы управленческих прав, а конструкции единого корпоративного права на управление, в состав которого входит ряд правомочий.

Усиленное внимание к функции управления в корпорации демонстрирует А.В. Гутников, предлагая определять корпоративные правоотношения, «как урегулированные правом общественные отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами …»[4]. Наиболее ясна модель, разработанная А.В. Гутниковым, при выяснении содержания субъективного права на управление корпорацией, которым, по мнению ученого, является: «правомочие по управлению юридическим лицом, основанное на частно-правовой субординации, и комплекс связанных с ним производных правомочий (по получению информации и т.д.), а также правомочий на защиту»[5]. Таким образом, признание корпоративных правоотношений управленческими, производно от понимания субъективного корпоративного права, как реализации возможности управления юридическим лицом. При этом субъективное корпоративное право является единым (основным, длящимся), но не однородным, поскольку элементы, входящие в его содержание, являются лишь отдельными правомочиями. Подобный подход не является новым для российской цивилистики, идею еди-

[1] *Омелехина Н.В.* Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 127–140.

[2] *Лаптев В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2020. С. 139.

[3] Там же. С. 140.

[4] *Гутников А.В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. С 132.

[5] Там же. С. 138.

ного корпоративного правоотношения высказана ранее П.В. Степановым[1].

Вместе с тем, объект корпоративного права управления видится единым и заключается в возможности формирования воли юридического лица. В таком случае управление представляет собой процесс, опосредующий наступление желаемого правового результата, а не результат, имеющий ценность a priori.

Как представляется, корпоративное право на управление состоит из ряда правомочий, к примеру, вышеуказанные возможности члена корпорации: присутствовать на общем собрании участников ООО, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений реализуются из статического состояния, обусловленного наличием корпоративного механизма правового регулирования и особым правовым статусом участников корпорации. Однако возникающее конкретное правоотношение имеет значимую особенность, в части наличия корреспондирующей корпоративному праву управления обязанности.

Проекция обозначенного тезиса на конкретные юридические возможности участника юридического лица по управлению последним, к примеру, в организационно-правовой форме ООО, подтверждает изложенный тезис. Так, в силу абз. 2 п. 1 ст. 32 Закона об ООО, участники общества имеют право присутствовать на общем собрании участников общества, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений[2]. При этом несложно заметить, что минимум два из трех обозначенных прав производны друг от друга. Сложно представить ситуацию, с возможностью осуществления права голоса на очном общем собрании участников, без осуществления права на присутствие на общем собрании участников. Таким образом, реализация указанных прав представляет собой возможность определенного, последовательного поведения для достижения конкретного результата – принятия общим собранием решения, являющегося основанием для возникновения правоотношений, отличных от предшествующих.

Известно, что каждому субъективному праву должна быть противопоставлена корреспондирующая субъективная обязанность. Участие, голосование и иное взаимодействие участника с юридическим лицом, при реализации указанного корпоративного права управления не имеет конкретной обязанности со стороны другого, противопоставленного субъекта, которую ему необходимо было бы осуществить своими активными действиями.

А.Б. Бабаев, характеризуя право на участие в общем собрании в качестве секундарного, дополняет, что «последствием осуществления такого права является связанность общества волеизъявлением акционера»[3]. Однако стоит оговориться, что А.Б. Бабаев под субъектами корпоративных правоотношений понимает, в том числе органы юридического лица, к примеру, совет директоров; в таком случае объектом «связанности волеизъявлением акционеров» является не единое правовое образование – юридическое лицо, а множество субъектов, действующих самостоятельно внутри юридического лица.

Однако необходимо отметить, что органы юридического лица не являются субъектами указанных правоотношений. В таком случае «связанность волеизъявлением акционеров» может наступать исключительно для самого юридического лица.

Юридическое лицо, как субъект гражданских правоотношений, производно и обусловлено желанием и стремлением иных субъектов гражданского права к созданию и деятельности подобного правового образования. Из этого факта проистекает и следующий, сформулированный И.А. Покровским: «нельзя отрицать наличности известной корпоративной воли как некоторого произведения индивидуальных воль, идущих в одном и тои же направлении»[4].

Необходимо учесть разработанную С.С. Алексеевым классификацию конкретных правоотношений на активные и пассивные; при характеристике пассивных правоотношений С.С. Алексеев указывает: «положительные действия совершаются управомоченным лицом…, а на обязанное лицо возлагается обязанность пассивного содержания, т.е. воздерживаться от поведения известного рода…», в то время как активные правоотношения: «возлагают на лицо обязанность положительного содержания, т.е. совершить определенные действия… Интересы управомоченного удовлетворяются только в результате совершения положительных действий обязанным лицом»[5]. Следовательно, управленческие корпоративные правоотношения – это яркий пример конкретного пассивного правоотношения.

Таким образом, корпоративное право управления представляет собой закрепленную законодателем возможность участника формировать волю юридического лица, осуществляемую посредством совершения участником активных действий, порождающую связанность обязанного лица указанными действиями.

---

[1] *Степанов П.В.* Корпоративное отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10.

[2] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп. от 31.07.2020 № 252-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785.

[3] *Бабаев А.Б.* Проблема секундарных прав в российской цивилистике : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 20.

[4] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 158.

[5] *Алексеев С.С.* Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. С 35.

Каплунов А.С.
аспирант 1 курса кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Овсянников И.В., д.ю.н., профессор, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОПРОС КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. *Опрос как форма участия обвинителя в формировании коллегии присяжных представляет собой особый вид социальной коммуникации. Эффективное осуществление процессуальных полномочий позволяет стороне участвовать в создании объективной коллегии, способной вынести справедливый вердикт.*

Ключевые слова: *государственный обвинитель, суд присяжных, опрос, сторона обвинения, правосудие.*

Kaplunov A.S.
1st year postgraduate student of the Department of Criminal Procedure Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Scientific adviser: Ovsyannikov I.V., Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SURVEY AS A FORM OF THE STATE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE FORMATION OF THE JURIOR COLLEGE

Abstract. *Polling as a form of participation of the prosecutor in the formation of the jury is a special type of social communication. The effective exercise of procedural powers allows a party to participate in the creation of an objective collegium capable of delivering a fair verdict.*

Keywords: *public prosecutor, jury, survey, prosecution, justice.*

Формирование коллегии присяжных заседателей с участием сторон, порядок которого закреплен в статье 328 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ), является одним из важнейших этапов стадии судебного разбирательства, проводимого в данной усложненной форме. Фундаментом для успеха стороны обвинения в процессе с участием присяжных служит этап формирования коллегии, с которой в дальнейшем предстоит работать председательствующему и сторонам.

Формирование коллегии складывается из ряда последовательных действий. Среди них в действующем УПК РФ можно выделить следующие процедуры: составление предварительного списка кандидатов в присяжные, опрос кандидатов, заявление мотивированных и немотивированных отводов и др.

Опрос как форма участия государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных представляет собой особый вид социальной коммуникации. Задача его состоит в том, чтобы использовать полученную информацию для заявления мотивированных и немотивированных отводов.

Наибольшую ответственность государственный обвинитель должен проявлять при формулировании вопросов к кандидатам[2]. Руководители прокуратур должны назначать государственных обвинителей заблаговременно[3] для того, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному заседанию, в том числе, заранее продумать задаваемые кандидатам вопросы. Однако предварительная формулировка вопросов не лишает государственного обвинителя возможности корректировать последующие вопросы уже по ходу проведения опроса в зависимости от полученных ответов, поскольку нормы уголовно-процессуального закона не требуют предварительного согласования вопросов кандидатам в присяжные с кем-либо и в целом ч. 8 ст. 328 УПК РФ оставляет за сторонами свободу в тактике последовательности вопросов за исключением требований к самим вопросам.

Перед подготовкой вопросов сторона должна обозначить и выявить «профиль идеального присяжного», т.е. набор социально-психологических свойств и качеств личности, которая сумеет вынести справедливый вердикт, сможет понять позицию стороны, воспримет представленные ею доказательства. Такой профиль зависит от категории дела, личности подсудимых, добровольности избрания ими такой формы судопроизводства и т.д[4].

Затем, обозначив такой профиль, государственный обвинитель должен формулировать вопросы, которые позволят ему выявить кандидата, не соответствующего таким требованиям, а после этого отвести его.

Краткое требование к таким вопросам сторон сформулировано в тексте УПК РФ – они должны выявлять обстоятельства, препятствующие участию лица в качестве присяжного в рассматриваемом уголовном деле. Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 22 ноября 2005 г. дополняет требования: задаваемые вопросы должны пониматься однозначно и быть кон-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 7 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2021. № 9, ст. 1472.

[2] См.: *Агабаева А.В.* Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 15.

[3] Приказ Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Законность. 2013. № 1.

[4] См.: Лекции советника ФПА РФ, адвоката АП г. Москвы Сергея Насонова. URL.: https://fparf.ru/education/webinars/45751 (дата обращения: 14.02.2021).

кретными[1]. Верховный суд РФ в апелляционном определении от 4 сентября 2017 г. № 201-АПУ17-33сп признал правомерность действий председательствующего, снявшего как не имеющие отношения к делу такие вопросы, как: отношение кандидатов к институту присяжных заседателей, необходимости его распространения на иные категории дел и др[2].

Представляется, что, озвучивая вопросы, государственному обвинителю целесообразнее побуждать кандидатов к активным действиям при ответе на них: к примеру, предложить кандидатам поднять руку или встать при положительном ответе на вопрос. Если на вопрос обвинителя все кандидаты ответили утвердительно или отрицательно, то из этого следует, что он сформулирован тактически неправильно, поскольку не дает возможности получить информацию о конкретном кандидате, которому может быть заявлен отвод.

Стороны не защищены от неправдивых ответов кандидатов. В Обзоре судебной практики Верховного суда РФ за второй квартал 2012 г. обращается внимания на определение Верховного суда РФ, которым был отменен обвинительный приговор, постановленный незаконным составом коллегии присяжных[3]. Данные обстоятельства были признаны Верховным судом РФ существенным нарушением норм уголовного процессуального права.

Таким образом, опрос как форма участия государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей имеет важнейшее значение, поскольку позволяет стороне участвовать в создании законной коллегии присяжных, которая сумеет всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт.

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (в ред. от 15 мая 2018 г.) // Российская газета. – 2005. 2 дек.; Бюллетень Верховного суда РФ. – 2018, июль. – № 7.

[2] См. Определение судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного суда РФ от 4 сентября 2017 г. № 201-АПУ17-33сп // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Обзор судебной практики Верховного суда РФ за второй квартал 2012 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2013. № 1.

КарамышевД.А.
ФГБОУ ВО СГЮА, г. Саратов
Научный руководитель: Рыбакова С.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО СГЮА, г. Саратов

ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются понятия «законные интересы» и «субъективные права». Исследуются вопросы соотношения данных понятий в сфере финансово-правового регулирования. Рассматриваются аспекты нормативного закрепления понятий в законодательстве Российской Федерации, а также их толкования в судебной практике.*

Ключевые слова: *законные интересы, субъективные права, юридические лица.*

Karamyshev D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisior Rybakova S.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF LEGAL ENTITIES IN THE SPHERE OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION

Abstract. *The article analyzes the categories of «legitimate interest» and «subjective rights». The issues of correlation of these concepts in the sphere of financial and legal regulation are investigated. Aspects of the normative consolidation of concepts in the legislation of the Russian Federation, as well as their interpretation in judicial practice, are considered.*

Keywords: *legal interest, subjective right, legal entities.*

Юридические лица в сфере финансово-правового регулирования могут обладать различными правовыми статусами: налогоплательщиков, декларантов, вкладчиков, резидентов и многими другими. В зависимости от их совокупности они наделяются соответствующими субъективными правами, законными интересами и обязанностями.

«Субъективное право – это создаваемая и гарантируемая государством через нормы объективного права особая юридическая возможность действовать, позволяющая субъекту (как носителю этой возможности) вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, пользоваться определенным социальным благом, обращаться в случае необходимости к компетентным органам государства за защитой – в целях удовлетворения личных интересов и потреб-

ностей, не противоречащих общественным»[1]. Субъективные права, как правило, четко закреплены в действующем законодательстве: в статье 21 Налогового кодекса Российской Федерации[2] (далее – «НК РФ»), статьях 84 и 336 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза[3] (далее – «ТК ЕАЭС»), статье 7 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 № 177-ФЗ[4] (далее – «Закон о страховании вкладов»), статье 14 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ[5] (далее – «Закон о валютном регулировании и валютном контроле» и др.

Другой «правовой дозволенностью» являются законные интересы. По некоторым оценкам, категория «законный интерес» стала предметом изучения значительно раньше, нежели предметом судебной защиты, а возможность защиты законного интереса закреплялась в законодательстве лишь в качестве возможного объекта правовой охраны[6].

Статьи 48 и 49 Гражданского кодекса Российской Федерации[7] (далее – «ГК РФ») указывают на наличие у юридических лиц прав и обязанностей, не упоминая о законных интересах. Из буквальной трактовки данных положений можно усмотреть, что юридические лица не обладают законными интересами. Однако уже в статье 307 ГК РФ законодатель все-таки предусматривает для сторон обязательства действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга. Безусловно, стороной в обязательстве может являться и организация, что предположительно свидетельствует о наличии законных интересов у юридических лиц.

Несмотря на то, что упоминание законных интересов встречается во многих законодательных актах (например, в ст. 21 НК РФ, в ст. 1 Закона о страховании вкладов, ст. 3 Закона о валютном регулировании и валютном контроле, ст. 335 ТК ЕАЭС), включая Конституцию Российской Федерации[8] (ст. 36, ст. 55), дефиниция «законные интересы» по-прежнему вызывает дискуссии в научном сообществе. Так, А.А. Ерощенко считает, что законный интерес – это «юридически предусматриваемое стремление субъекта к достижению тех благ, обладание которыми дозволено государством и обеспечено путем предоставления лицу правовых возможностей определенного вида»[9].По мнению В.А. Кучинского, законный интерес – это «всякое стремление субъекта к достижению определенных благ, как прямо допускаемых правом, так и не запрещенное им»[10]. А.В. Малько указывает, что «законный интерес – это отраженная в объективном праве, либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в необходимых случаях обращаться за защитой к компетентным государственным органам или общественным организациям – в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным»[11].Несмотря на то, что правоведы не приходятк единомумнению о юридической природе «законных интересов», а законодатель и Верховный Суд Российской Федерации (например, в п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») только указывают на данную категорию, не раскрывая ее содержания, категория «законные интересы» важна и имеет свою особую функцию. Так, например, в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации № 4 2019 г. подчеркивается, что налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов, тем самым указывается на самостоятельную роль законных интересов.

В науке предпринимались попытки выделения перечня конкретных законных интересов. Так, в сфере налоговых правоотношений. С.А. Ядрихинский к законным интересам относит оптимизацию налогового платежа[12], надлежащее исполнение налоговой обязанности[13], возможность осуществления налогового планирования, стабильность налогового регулирования в определенный налоговый период, минимизацию издержек, связанных с налоговым контролем и другие[14]. В сфере таможенных правоотношений А.Н. Козырин выделяет в качестве законных интересов участника внешнеторговой деятельности экономические интересы по минимизации фискальной нагрузки на внешнеторговый бизнес[15].

Необходимо отметить, что только при совместном сочетании законных интересов и субъективных прав лицо может находиться под защитой государства. В этой связи

---

[1] *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972. С. 145

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3824

[3] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 31.03.2021).

[4] Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 № 177-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 52, ст. 5029.

[5] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

[6] См.: *Стародубцев Ю.И.* Механизм защиты законного интереса граждан – участников транспортных правоотношений. СПб., 2014. С. 145.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[8] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2009. № 4, ст. 445.

[9] *Ерошенко А.А.* Судебная защита охраняемого законом интереса // Советская юстиция. 1977. № 13. С. 19.

[10] *Кучинский В.А.* Законные интересы личности: от Конституции к правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. М., 1982. С. 87.

[11] *Малько А.В.* Законные интересы советских граждан: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 58.

[12] См.: *Ядрихинский С.А.* Оптимизация налогового платежа как законный интерес налогоплательщика //Государство и право. 2019. № 7. С. 124.

[13] См.: *Ядрихинский С.А.* Надлежащее исполнение налоговой обязанности как законный интерес налогоплательщика // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2020. № 3. С.36

[14] См.: *Ядрихинский С.А.*Защита прав и законных интересов налогоплательщиков – юридических лиц : финансово-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

[15] *Козырин А.Н.* Таможенные процедуры: таможенное законодательство ЕАЭС и Российской Федерации // Российской газеты. 2016. № 14. С. 32.

справедливо замечание Н.В. Витрука, согласно которому, «законный интерес, как и юридическое право, есть возможность личности по пользованию различными социальными благами. Эта возможность выражается в правомочиях носителя законного интереса действовать определенным образом, требовать определенного поведения от обязанных лиц, органов и учреждений, обращаться за защитой к компетентным государственным органам и общественным организациям»[1].

Важно разграничивать понятия «законные интересы» и «субъективные права». Так В.В. Субочев выделяет определенные отличия в структуре данных категорий. По его мнению, структура субъективного интереса «беднее», состоит не из четырех элементов как «субъективное право», а только из двух – реализации интереса незапрещенным законом поведением и обращением за защитой нарушенных или оспариваемых законных интересов (отсутствуют такие элементы как закрепленность конкретных законных интересов в нормах права и наличие обязанного лица по отношению к «носителю» законного интереса)[2]. Однако не со всеми представленными вышеположениями можно согласиться в полной мере. Так, например, в статье 335 ТК ЕАЭС соблюдение законных интересов лиц закреплено в качестве обязанности должностных лиц таможенных органов.

Также весьма спорной видится точка зрения Д.В. Шепелева, который отмечает, что «выведение законного интереса из общего смысла, «духа» закона лишает его определенности. Если интерес носит общий, не конкретизированный характер, то его защита в судебном порядке исключается. Такой юридически не защищаемый интерес нельзя признать законным»[3]. В данном случае позиция автора разнится со сложившейся судебной практикой. Так, например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2020 г. № 305-ЭС20-2879 по делу № А40-86746/2019 указан законный интерес, связанный с исполнением обязанности по уплате налогов наиболее удобным способом как для казны, так и для самого плательщика. Данное определение демонстрирует, что для защиты законных интересов не обязателен факт их прямого указания в законе, наличия в нем четкого перечня.

Таким образом, субъективные юридические права и законные интересы являются неотъемлемой частью правового статуса юридических лиц в сфере финансово-правового регулирования. Юридическая природа законных интересов вызывает дискуссии и споры, однако их важность и необходимость наравне с субъективными правами не вызывает сомнений, поскольку также является самостоятельным предметом защиты, несмотря на их неразрывную связь с субъективными правами.

[1] *Витрук Н.В.* Система прав личности // Права личности в социалистическом обществе. М., 1981. С. 109.

[2] *Субочев В.В.* Законный интерес и субъективное право: вопросы соотношения// Право и образование. 2008. № 1. С. 9-12.

[3] *Шепелев Д.В.* О понимании категории «Законный интерес» // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 43.

Каргин А.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Хижняк В.С., д.ю.н., профессор кафедры конституционного права имени Исаака Ефимовича Фарбера

ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Аннотация. *Первый и ключевой из серии судебных процессов, проходивших во Дворце юстиции города Нюрнберг после окончания Второй мировой войны, в 1945–1949 годах. В ходе процесса, открывшегося 20 ноября 1945 года, перед Международным военным трибуналом (МВТ) из восьми судей, представлявших четыре страны Антигитлеровской коалиции, группе бывших руководителей Третьего рейха были предъявлены обвинения в военных преступлениях.*

Ключевые слова: *Нюрнбергский процесс, правосудие, преступления.*

Kargin A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Hizhnyak V.S. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE IMPORTANCE OF THE NUREMBERG TRIBUNAL FOR COMBATING INTERNATIONAL CRIMES AND THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

Abstract. *The first and key of a series of trials that took place in the Palace of Justice of the city of Nuremberg after the end of World War II, in 1945-1949. During the trial, which opened on November 20, 1945, before the International Military Tribunal (IMT) of eight judges representing four countries of the Anti-Hitler coalition, a group of former leaders of the Third Reich were charged with war crimes.*

Keywords: *Nuremberg trials, justice, crimes.*

Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба – правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. Сразу после войны люди в Германии скептически относились к Нюрнбергскому процессу. Немцы ожидали мести, но не торжества справедливости. Однако нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство всех людей перед законом. Руководителей Третьего рейха обвиняли по следующим статьям: преступления против мира,

преступления против человечности, нарушение законов войны и заговор. Двенадцать преступников приговорили к смертной казни, остальных отправили в тюрьму, двоих обвиняемых оправдали.

Решения Нюрнбергского Трибунала привели к созданию в международном праве отдельной отрасли – международного уголовного права, а также к развитию совершенно новых принципов (прежде всего, принципа уголовной ответственности физических лиц вне зависимости от должностного положения) и основополагающих норм во всех других отраслях международного права. Нюрнбергский процесс оказал огромное влияние на дальнейшее развитие международного права и правосудия, а кроме того, явился показателем неотвратимости наказания за преступления против мира и человечности.

Так, Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюции A/RES/95 (I) от 11 декабря 1946 года и A/RES/177 (II) от 21 ноября 1947 года. На основе этих резолюций уже в 1948 г. была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а впоследствии, в 1973 г., – Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него. В 1986 г. в Конвенции ООН был закреплен принцип о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Также были приняты постулаты об ответственности за нарушение Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года и Дополнительных протоколов 1977 года.

Исследование в ходе Нюрнбергского процесса огромных масштабов разрушения сокровищ мировой культуры существенно повлияло на принятие Конвенции ЮНЕСКО 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

А самое главное – выводы и правовые позиции Международного трибунала не могли не сказаться на содержании Всеобщей декларации прав человека 1948 года, а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Международных пактов о правах человека 1966 года.

Таким образом, Нюрнбергским Трибуналом, были созданы предпосылки для становления основ современного мирового правопорядка в таких сферах, как защита прав человека и международное гуманитарное право. Принципы и нормы, выработанные в процессе работы Трибунала, стали обязательной частью этого правопорядка.

В настоящее время обращение к этой теме имеет очень важное значение, т.к. в последнее время все чаще в странах Запада, в том числе США, проходят дискуссии о пересмотре итогов Второй мировой войны. В отдельных странах на государственном уровне идеализируют нацистов и объявляют героями их пособников. Более того, 19 сентября 2019 года Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», которая приписывает СССР и гитлеровской Германии равную ответственность за начало Второй мировой войны. Отношение Российской Федерации к названной резолюции выразило Министерство иностранных дел РФ, назвав ее грубой фальсификацией истории и попыткой поставить знак равенства между фашистской Германией и СССР. Президент России В.В. Путин позднее охарактеризовал резолюцию как «беспардонную ложь», подписанную людьми, которые «не знают историю»[1].

Поэтому, историческую правду необходимо отстаивать: нужно помнить, кто развязал Вторую мировую войну и принес многочисленные бедствия и горе в каждую семью; нужно помнить, что международный суд в Нюрнберге состоялся и вынес приговор всем причастным; нужно помнить всех, кто стал жертвами нацизма; нужно помнить, какие европейские страны выступали на стороне нацизма и принимали активное участие в боевых действиях, уничтожали мирное население, сжигали деревни, разрушали мирную жизнь. Недаром в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. внесена инициированная Владимиром Путиным поправка об исторической правде, в которой указано «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (п. 3 ст. 67.1 Конституции РФ).

В целях защиты исторической правды, памяти и культурного наследия Отечества в России 24 сентября 2020 года создан Консультативный Совет «В защиту исторической правды», в состав которого вошли депутаты Государственной Думы от каждой фракции, сенаторы, научные деятели из числа профессиональных историков, юристов, социологов, общественные деятели. Консультативный Совет вплотную занимается работой по поддержке законопроекта об историко-правовой оценке Советско-германских договоров 1939 года и осудившего их Постановления 1989 года; совершенствованию законодательства в области противодействия попыткам реабилитации нацизма, обеспечение неотвратимости наказания, доведению результатов расследования уголовных дел по ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ до общественности; выработке эффективных алгоритмов работы по оперативному реагированию и противодействию Войне памяти (демонтаж и разрушение памятников выдающимся советским государственным деятелям и военачальникам в России и за ее пределами); совершенствованию законодательства в области противодействия картографической и топонимической диверсии в отношении территориальной целостности России.

Сохраняя историческую память, мы сохраняем память о своих дедах, прадедах. Россия как преемница Советского Союза не позволит переписать историю Второй мировой войны, итоги которой привели к формированию нового мирового порядка. Мы не допустим попыток переписать историю и преуменьшить вклад советского солдата в Великую Победу. Это очень важно. Это важно не только для нынешнего поколения, но и более важно для тех, кто придет на смену нам.

[1] Путин назвал бредом резолюцию Европарламента о Второй мировой войне // Интерфакс. 24 декабря 2019 г.

Карнаухов В.Ю.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Петрова Г.Б., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РОЛЬ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом. Согласно уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.*

Ключевые слова: *принцип состязательности, доказывание, полномочия суда.*

Karnaukhov V.U.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Petrova G.B. PhD, Associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE ROLE OF THE COURT IN PROVING IN THE LIGHT OF THE COMPLIANCE PRINCIPLE IN THE JUDICIAL STAGE

Abstract. *Justice in a criminal case in the Russian Federation is administered only by a court. According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, criminal proceedings are carried out on the basis of the adversarial nature of the parties. The functions of prosecution, defense and resolution of a criminal case are separate from each other and cannot be assigned to one and the same body or one and the same official.*

Keywords: *adversarial principle, proving, powers of court.*

В части 3 ст. 123 Конституция РФ устанавливает один из основополагающих межотраслевых принципов судопроизводства – принцип состязательности и равноправия сторон. В свою очередь, в ст. 15 Уголовно-процессуальный кодекс РФ раскрывает содержание данного принципа и определяет процессуальные взаимоотношения сторон уголовного судопроизводства, строго разделяя друг от друга функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Однако институт состязательности является сложным и многосоставным, что порождает отсутствие единого подхода к толкованию его содержания. Так, если положение сторон обвинения и защиты на стадии судебного разбирательства понятно, они наделены равными правами по представлению и исследованию доказательств, то положение суда, а именно его участие в доказывании, неоднозначно.

Англосаксонская правовая система уголовного процесса характеризуется пассивным положением суда, который руководит ходом судебного разбирательства, не вмешиваясь в доказывание, поскольку активное участие в собирании и проверки доказательств ставит под сомнение его беспристрастность. Этот пример классической состязательности, который идеально подходит для гражданского судопроизводства, в полной мере не может отвечать требованиям современного уголовного процесса, поскольку освобождает суд от установления истины по делу. Л.В. Головко обращает внимание на то, что англосаксонская теория доказательств не занимается концептуализацией понятия «истина», однако иногда прибегает к данной категории в законодательных и судебных актах[1]. Данный факт говорит о гибкости англосаксонской системы в вопросе доказывания по уголовным делам, что также подтверждается при детальном анализе полномочий суда. Так, например, судьи формально не лишены права на вызов по собственной инициативе свидетелей, истребование документов, однако на практике они не стремятся его использовать в полной мере. Это связано с тем, что справедливость, правильность приговора в уголовном процессе этих государств обеспечивается тем, что стороны бывают представлены в равной мере квалифицированными юристами[2].

Положение суда при доказывании в странах романо-германской правовой системы значительно отличается от англосаксонской. Уголовно-процессуальный закон континентальной модели определяет суд активным участником доказывания и устанавливает принцип состязательности как средство отыскания истины, который обеспечивает законность и обоснованность приговора. А.Ф. Кони писал: «Состязательное начало в процессе выдвигает как необходимых помощников судьи в исследовании истины – обвинителя и защитника»[3]. Так, ст. 310 УПК Франции предоставляет судье право вызывать и заслушивать любое лицо, выехать на место происшествия и осмотреть его, истребовать любые вещественные доказательства, которые, по его мнению, будут полезны для установления истины. УПК ФРГ в ч. 2 § 244 обязывает суд в целях установления истины по долгу службы исследовать все факты и доказательства, которые имеют значение для разрешения дела. УПК Республики Беларусь в ч. 2 ст. 103 позволяет суду по ходатайству сторон или по собственной инициативе в пределах своей компетенции вызывать любое лицо для проведения следственных и других процессуальных действий или дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные настоящим законом следственные действия; требовать от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, уполномоченных

[1] См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016.

[2] См.: *Карабанова Т.Н.* Роль суда в доказывании в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. № 1.

[3] См.: *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 59

законом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела; требовать производства ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц. Интересен опыт решения данного вопроса уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан. Так, в ч. 2 ст. 122 УПК Республики Казахстан прямо установлен запрет суду по собственной инициативе собирать доказательства, что говорит о четкой позиции законодателя относительна роли суда в доказывании.

Отечественный законодатель в ч. 3 ст. 15 УПК РФ устанавливает, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты; суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Это положение отражает модель англосаксонской правовой системы и предопределяет пассивную роль суда в доказывании, дабы не допустить нарушение принципа состязательности. Однако не все так очевидно, при анализе положений действующего УПК РФ мы встретим нормы, характерные для романо-германского процесса, а именно ст. 85, ч. 1 ст. 86 и ст. 87 УПК РФ вводит суд в круг участников доказывания. Суд имеет возможность собирать доказательства в ходе уголовного судопроизводства путем производства судебных и иных процессуальных действий, а также проверять доказательства путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, устанавливать их источник и получать иные доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство. В данной ситуации можно усмотреть коллизию, правовой диссонанс относительно роли суда в доказывании и принципа состязательности. Мы же полагаем, что, объединив в УПК РФ положения о состязательности англосаксонской системы и положения о суде, как участнике доказывания континентального права, отечественный законодатель предпринял попытку установить баланс между активной и пассивной роли суда в процессе доказывания. Здесь верно отметила В.А. Лазарева, что чрезмерная активность суда, как и пассивная состязательность, чреваты опасными последствиями[1]. Верно, пассивность суда, абсолютное отстранение его от доказывания в судебном разбирательстве не сможет в полной мере обеспечить законность, обоснованность и справедливость приговора, как того требует ч. 1 ст. 297 УПК РФ, и сведет положение суда к организационно-руководящей функции. Однако перенасыщение полномочиями в вопросе доказывания может привести к злоупотреблению судом дискреционными полномочиями и к негативным последствиям, присущим инквизиционному процессу.

Равновесие между активной и пассивной роли суда в доказывании прослеживается при детальном рассмотрении главы 37 УПК РФ, где сосредоточены полномочия по собиранию и проверки доказательств, которые можно разделить на три группы.

В первую группу входят полномочия, реализуемые судом по собственной инициативе, а именно: задавать вопросы подсудимому (ч. 3 ст. 275 УПК РФ); допрашивать подсудимого в отсутствие другого подсудимого (ч. 4 ст. 275 УПК РФ); задавать вопросы потерпевшему и свидетелю (ч. 1 ст. 277 и ч. 3 ст. 278 УПК РФ); допрашивать несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в отсутствие подсудимого (ч. 6 ст. 280 УПК РФ); оглашать показания потерпевшего и свидетеля при неявке их в судебное заседание в случаях, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 281 УПК РФ); повторно допрашивать несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ч. 6 ст. 281 УПК РФ); вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения (ч. 1 ст. 282 УПК РФ); назначать судебную экспертизу (ч. 1 ст. 283 УПК РФ); назначать повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов (ч. 4 ст. 283 УПК РФ).

Вторая группа содержит полномочия суда, реализуемые исключительно по ходатайству стороны: оглашать показания подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, а также воспроизведение приложенных к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио– и (или) видеозаписи, киносъемки его показаний в предусмотренных законом случаях (ч. 1 ст. 276 и ч. 1 ст. 291 УПК РФ); оглашать показания потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования либо в суде, при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде (ч. 3 ст. 281 УПК РФ); вызывать новых свидетелей, экспертов и специалистов, истребовать вещественные доказательства и документы (ч. 1 ст. 271 УПК РФ); осматривать вещественные доказательства (ч. 1 ст. 284 УПК РФ). Не предусмотрено право суда по собственной инициативе истребовать доказательства и вызывать новых свидетелей, а только по ходатайству стороны. Также, по мнению В.Д. Холоденко, в законе следует установить запрет на исключение недопустимых доказательств по инициативе суда без возобновления судебного следствия[2].

Третью группу составляют полномочия, инициативу осуществления которых законодатель не установил: оглашать протоколы следственных действий, заключение эксперта, данное в ходе предварительного расследования, а также документы, приобщенные к уголовному делу или представленные в судебном заседании (ч. 1 ст. 285 УПК РФ); осмотр местности и помещения (ч. 1 ст. 287 УПК РФ); следственный эксперимент (ч. 1 ст. 288 УПК РФ); предъявление в суде для опознания лица или предмета (ст. 289 УПК РФ); освидетельствование (ч. 1 ст. 290 УПК РФ). Здесь можно согласится с выводом И.Б. Михайловской о возможности их проведения как по ходатайству сто-

[1] См.: *Лазарева В.А.* Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе // Самара, 2000. С. 125–127.

[2] См.: *Холоденко В.Д.* Проблема правового обеспечения состязательности уголовного процесса // Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности: Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007.

рон, так и по инициативе суда[1], поскольку основная цель этих действий оценка достоверности уже имеющихся доказательств, а не получение новых. Это подтверждает Конституционный Суд РФ, указывая, что осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле либо представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем получения и исследования иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство, проверяемое судом[2].

Подводя итог анализу закрепленных в УПК РФ полномочий суда как субъекта доказывания, становится понятно, что большинство судебно-следственных действий направлены на проверку и оценку уже имеющихся доказательств по делу. Эту же цель преследуют судебные действия, в результате которых возможно получение новых доказательств (как уличающих, так и оправдывающих). При этом нельзя утверждать, что суд осуществляет функцию уголовного преследования или защиты подсудимого путем собирания доказательств. На наш взгляд, Пленуму Верховного Суда РФ необходимо разъяснить, что полномочия суда собирать доказательства осуществляются исключительно в целях проверки обоснованности обвинения, устранения противоречий между доказательствами, правильной оценки доказательств и уяснения справедливости позиции той или иной стороны.

Таким образом, по нашему мнению, на современном этапе развития отечественного уголовного процесса суду необходимо быть активным субъектом процесса доказывания, но эта активность должна быть ограниченной и разумной, дабы не противоречить принципу состязательности сторон.

[1] См.: *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе // Изд-во Проспект, 2006.

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 № 451-О.

Карпочев А.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Волос А.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа и сущность бездокументарных ценных бумаг. Обозначены ключевые особенности, оказывающие прямое влияние на порядок перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в порядке их наследования. В результате проведенного исследования представлены выводы о положительном влиянии данных финансовых инструментов на развитие всего фондового рынка.*

Ключевые слова: *бездокументарные ценные бумаги, финансовые инструменты, фондовый рынок, акции, реестр владельцев ценных бумаг, переход прав, наследование.*

Karpochev A.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Volos A.A., candidate of legal sciences, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE ISSUE OF THE ORDER OF INHERITANCE OF NON-DOCUMENTARY SECURITIES

Abstract. *The article considers the legal nature and essence of non-documentary securities. The key features that have a direct impact on the procedure for transferring rights to non-documentary securities in the order of their inheritance are identified. As a result of the study, the conclusions about the positive impact of these financial instruments on the development of the entire stock market are presented.*

Keywords: *non-documentary securities, financial instruments, stock market, shares, register of holders of securities, transfer of rights, inheritance.*

Особенный интерес среди специалистов в различных сферах к правовой основе существования бездокументарных ценных бумаг начал проявляться в нашей стране в 90-х годах 20 века. Быстрыми темпами стали появляться новые финансовые инструменты, становилось развитие абсолютно нового рынка. Рядом с давно всем знакомыми традиционными «бумажными» ценными бумагами свое место стали занимать бездокументарные ценные бумаги, что обусловило необходимость правовой регламентации данного появления. Их широкое распространение связано с тем комплексом положительных моментов,

которые базируются на их небумажной форме, во многом упрощающей порядок заключения гражданско – правовых сделок, сокращающей временные затраты для их совершения, снижающей к нулю связанные с этим дополнительные затраты.[1]

Важно заметить, что увеличение количества владельцев ценными бумагами в России связано с рядом объективных причин. Страна осуществила переход к рыночной экономике, это вызвало образование в обществе ранее не существовавших хозяйствующих субъектов, которые стали заниматься эмиссией ценных бумаг. Преобразование крупных государственных компаний в акционерные общества послужило толчком для выпуска необыкновенно большого количества ценных бумаг. Все названное вкупе привело к тому, что за ничтожно маленький временной отрезок многочисленные граждане стали обладателями этих ценных бумаг. При этом, как отмечает Л.Р. Юлдашбаева, наше государство миновало этапы развития «классических» документарных ценных бумаг, и практически все эмиссионные ценные бумаги были выпущены уже в бездокументарной форме.[2]

Как итог, бездокументарная форма ценных бумаг начала преобладать на финансовом рынке, и как следствие, стала самой популярной среди российских граждан.

Таким образом, институт бездокументарных ценных бумаг признается несравненно новым в российском гражданском праве. И проблемные вопросы в рамках его регулирования продолжают исследоваться в работах отечественных правоведов. Это позволяет глубже понять природу этих ценных бумаг, найти пути решения по порядку их оборота, учитывая все особенности, усовершенствовать механизм перехода прав на них, в том числе в порядке наследования, а также обеспечить эффективную защиту прав их держателей и приобретателей.[3]

Начать исследование целесообразно с общего представления о бездокументарных ценных бумагах, поскольку без понимания сущности этого финансового инструмента весьма сложно определить особенности их наследования. В связи с этим думается очень важным провести анализ правовых норм, содержащихся в действующем законодательстве. Согласно ст. 142 ГК РФ бездокументарными ценными бумагами признаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 Гражданского кодекса.[4]

Кроме того, Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» дается характеристика бездокументарным ценным бумагам как особой форме эмиссионных ценных бумаг, при которой владелец устанавливается двумя способами, а именно:

- на основании записи, сделанной в реестре владельцев ценных бумаг;
- на основании записи по счету депо (для случаев депонирования ценных бумаг, т.е. передачи их собственником хранителю, либо хранителем в депозитарий.

Установление данных оснований права собственности владельца на бездокументарную ценную бумагу позволяет выделить одну важную особенность, свойственную этому финансовому инструменту, – это обязательство, выраженное не на бумаге, а в виде записи на лицевом счете в реестре владельцев ценных бумаг, либо на специальном счете депо. Такой подход рождает множество споров в юриспруденции ввиду того, что отсутствие самого документа, по мнению некоторых исследователей, противоречит самой сущности категории «ценная бумага».[5]

Основываясь на позиции защитников документарной концепции ценных бумаг, можно в некоторой степени с ней согласиться, т.к. гражданское законодательство содержит указание на то, что ценная бумага является документом установленной формы и содержащим обязательные реквизиты, удостоверяющим имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его непосредственном предъявлении.

Но несмотря на то, что бездокументарная ценная бумага не имеет всех признаков классической ценной бумаги, она имеет право на существование. Не только потому, что она отвечает требованиям современной действительности в условиях всеобщей информатизации и компьютеризации. Она позволяет оптимизировать все виды расходов.

В результате проведенного анализа нормативной базы в части, касающейся бездокументарных ценных бумаг, можно сделать однозначный вывод о том, что бездокументарная ценная бумага действительно не является документом в его традиционном значении, так не имеет материального признака. Дело в том, что все реквизиты такой ценной бумаги и удостоверяемые ею права фиксируются не на бумаге, а в электронном виде.

Рассмотрев содержательную сторону бездокументарных ценных бумаг, приходим к решительному выводу о том, что характерные для них особенности не могут не оказать влияния на порядок перехода прав по ним, в том числе в части порядка их наследования.

Статья 149.2 ГК РФ закрепляет положения, устанавливающие порядок перехода прав по бездокументарной ценной бумаге. На основании данных положений следует вывод о том, что права на бездокументарные ценные бумаги переходят к новому приобретателю в следующем порядке.[6]

Начинается эта процедура с того, что происходит списание данного финансового инструмента со счета лица, которое осуществляет передачу соответствующих прав. Далее, списанные со счета (отчужденные) права, зачисляются на счет нового владельца (приобретателя)

---

[1] См.: *Абрамова Е.Н.* Бездокументарная форма ценной бумаги // Хозяйство и право. 2015. № 5 (460). С. 102.

[2] См.: *Юлдашбаева Л.Р.* Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций). М.: Статут. 1999. С. 34.

[3] См.: *Шевченко Г.Н.* Бездокументарные ценные бумаги в российском гражданском праве // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 103.

[4] См.: *Белов В.А.* Бездокументарные ценные бумаги. М.: ЮрИнфоР. 2003. С. 106.

[5] См.: *Бойцов С.М.* Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 85.

[6] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2018. № 1, ч. 1, ст. 43.

на основании распоряжения лица, осуществляющего отчуждение.[1]

Важно заметить, что законом или договором, заключенным между правообладателем и лицом, производящим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, может быть предусмотрен иной порядок перехода таких прав.[2]

Переключая внимание на непосредственное рассмотрение вопросов порядка наследования бездокументарных ценных бумаг, следует отметить, что в современной юридической литературе имеется лишь небольшое количество фундаментальных работ, посвященных исследованию особенностей порядка их наследования, в сравнении с порядком наследования документарных ценных бумаг. Сложившаяся ситуация во многом вызвана тем, что нормы законодательства в этой части очень кратко описывают данную процедуру, в связи с чем возникает правовая неопределенность.

Стоит обратить внимание на пункт 5 статьи 149.2 ГК РФ, в котором отражено следующее: оформление перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в порядке наследования производится на основании представленного наследником свидетельства о праве на наследство, выдаваемого по месту открытия наследства нотариусом или другим уполномоченным должностным лицом. Данное свидетельство выдается по заявлению наследника. В случае, если наследников несколько, то документ о праве на наследство может быть выдан:

- всем наследникам вместе одним документом или каждому наследнику в отдельности;
- на все наследственное в целом или на отдельные его части.

По общему правилу свидетельство о праве на наследство выдается наследникам по истечении шести месяцев со дня открытия наследства, за исключением некоторых случаев (п. 1 ст. 1163 ГК РФ). Среди этих случаев необходимо выделить наличие достоверной и подтвержденной информации о том, что, кроме лиц, обратившихся за выдачей свидетельства, иных наследников, имеющих право на наследство или его соответствующую часть, не существует.

Моментом перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в соответствии с п. 2 ст. 149.2 ГК РФ является внесение лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя.

Немалый интерес вызывает научная позиция, высказанная Н.В. Михеевой относительно порядка наследования бездокументарных акций. Так, по мнению автора, акции без оформления бумажных носителей не являются объектами права собственности. Они относятся к правам требования.[3] Учитывая данный тезис, выходит, что к бездокументарным акциям неприменимы общие положения раздела 5 ГК РФ, который регулирует переход имущества (вещей) в порядке наследования.

Однако, по той причине, что в силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежащие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, к которому как раз и относятся бездокументарные ценные бумаги, а порядок выдачи свидетельства о праве на наследство урегулирован разделом 5 ГК РФ, следовательно, и к наследственным отношениям, связанным с переходом права на бездокументарные ценные бумаги в целом, следует применять нормы указанного раздела.

Несмотря на это, важно понимать, что по общему правилу согласие всех участников акционерного общества на вступление наследника в наследство, т.е. в акционерное общество, не требуется. Однако, уставом организации может быть установлено иное. В подтверждение данного тезиса представим следующее: бездокументарные акции являются законными правами требования акционера к акционерному обществу. Отдельные доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью являются такими же правами требования участника к обществу. При этом можно заключить, что юридико-правовая природа указанных прав требования одинакова. Это обязательственные права участника в отношении хозяйственного общества. Имущественные и неимущественные права и обязанности акционера и участника общества с ограниченной ответственностью полностью совпадают. В целях поддержания единства правовой природы обязательственных прав представленный вариант перехода прав на бездокументарные акции в порядке наследования выглядит разумным.[4]

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на то, что при отсутствии в научной литературе общего мнения по вопросу правовой природы бездокументарных ценных бумаг, в законодательстве наследственные отношения, связанные с переходом прав на бездокументарные ценные бумаги, урегулированы достаточно полно.

Если ст. 142 ГК РФ установлено, что бездокументарные ценные бумаги – это права, то ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» установлено, что владельцу ценных бумаг они принадлежат на праве собственности или ином вещном праве.

Подходя к выводу, наблюдается следующая ситуация. Сущность бездокументарных ценных бумаг в науке российского гражданского права в настоящий момент определена не полностью, но вместе с тем механизм перехода прав на бездокументарные ценные бумаги по наследству выстроен достаточно хорошо. Думается, что для детальной урегулированности отношений, связанных с бездокументарными ценными бумагами, законодателю необходимо определить, являются ли они правами или все же подпадают под категорию вещей, соотнести нормы вещного и нормы обязательственного права в части оборота данной

---

[1] См.: *Криволапова Л.В.* Переход прав на бездокументарные ценные бумаги // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2011. № 32-1. Т. 4. С. 351.

[2] См.: *Крутий Е.А.* О понятии «бездокументарные ценные бумаги» в свете реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Научный поиск. 2016. № 1.3. С. 12.

[3] См.: *Михеева Н.В.* К вопросу о порядке наследования бездокументарных акций и акций закрытого акционерного общества // Право и экономика. 2007. № 8. С. 81.

[4] См.: *Пархоменко И.К.* Гражданско-процессуальные проблемы отдельных категорий дел, связанных с оборотом бездокументарных ценных бумаг // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства: Сб. мат. межвуз. науч.-практ. круглого стола (5 июня 2014 г.). СПб., 2014. С. 50.

формы ценных бумаг, что явится толчком для устойчивого развития данных финансовых инструментов и всего рынка ценных бумаг в целом в верном направлении.

Кеменова К.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Щербакова Л.Г., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

МЕХАНИЗМ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ В ПОРЯДКЕ ПОДЧИНЕННОСТИ

Аннотация. *Своевременное и правильное исполнение судебных актов, актов иных органов и должностных лиц является одним из ключевых элементов судебной системы Российской Федерации, поскольку имеет своей конечной целью фактическое восстановление нарушенных прав.*

Ключевые слова: *исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, порядок обжалования действий судебного пристава-исполнителя.*

Kemenova K.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Shcherbakova L.G. PhD, Associate Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE MECHANISM OF APPEALING THE ACTIONS OF THE BARRIER-EXECUTOR IN THE ORDER OF SUBMISSION

Abstract. *Timely and correct execution of judicial acts, acts of other bodies and officials is one of the key elements of the judicial system of the Russian Federation, since its ultimate goal is the actual restoration of violated rights.*

Keywords: *enforcement proceedings, bailiff, the procedure for appealing against the actions of the bailiff.*

Эффективность судебной системы Российской Федерации главным образом зависит от правильного и своевременного исполнения принимаемых судебных актов, поскольку итоговой целью судебного решения или постановления всегда является фактическое восстановление нарушенных прав.

Достижение указанной цели возможно только посредством быстрого и эффективного исполнения судебного решения, поэтому институт исполнения судебных и иных актов является одним из важнейших элементов судебной защиты прав и свобод человека.

Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций[1].

Компетенция и правовой статус судебных приставов-исполнителей, на которых возложены задачи по исполнению судебных актов и актов других органов и должностных лиц, закреплены в Федеральном законе от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» и от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Помимо указанных ключевых федеральных законов имеются также многочисленные подзаконные нормативно-правовые акты.

На первый взгляд, наличие обширной базы нормативно-правовых актов должно подробно регламентировать порядок взаимодействия сторон при исполнении судебных решений, однако зачастую взыскатели сталкиваются с рядом сложностей при исполнении судебных решений. В современной юридической литературе проблемам исполнения судебных актов уделяется немало внимания, однако, как показывает практика, к реальному решению проблем это зачастую не приводит.

В данной работе автором рассматривается вопрос об эффективности такого механизма взаимодействия с органами исполнительной власти, как обжалование действий судебного пристава-исполнителя в порядке подчиненности.

Порядку обжалования действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя посвящена глава 18 Федерального закона «Об исполнительном производстве», которая закрепляет все необходимые процессуальные моменты при подаче жалобы, такие как сроки, требования, предъявляемые к форме и содержанию жалобы и т.п.

Фактически, подача жалобы в порядке подчиненности – это первый способ защиты, с которым сталкивается сторона исполнительного производства при обнаружении факта нарушения своих прав.

На сегодняшний день основными мотивами обжалования действий должностных лиц является некий сформировавшийся комплекс общих проблем, свойственных Управлениям Федеральной службы судебных приставов на всей территории Российской Федерации. В качестве таких проблем можно выделить: ненаправление процессуальных документов лицам, участвующим в исполнительном производстве; несвоевременное совершение исполнительных действий и применение мер принудительного исполнения; а также несогласие должников с применяемыми в отношении них мерами принудительного исполнения.

Обжалование действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей в порядке подчиненности, вероятно, задумывалось законодателем как быстрый и эффективный способ влияния стороны исполнительного производства на деятельность указанных должностных

[1] Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

лиц. В подтверждение данного вывода стоит сказать о минимальных сроках, установленных для рассмотрения подобных жалоб, и широком спектре возможностей, предоставленных вышестоящим должностным лиц при принятии решения по жалобе. Все это в совокупности должно позволить максимально быстро устранить допущенные нарушения.

Однако при изучении фактических данных можно увидеть, что процент удовлетворения жалоб, поданных в порядке подчиненности, очень невелик.

Так, согласно Информация об итогах деятельности Главного управления Федеральной службы судебных приставов по г. Москве по итогам работы за 6 месяцев 2020 г., в Главное управление поступило 7 187 жалоб, поданных в порядке подчиненности; по результатам рассмотрения данных жалоб должностными лицами вынесено 4 702 постановления об отказе в удовлетворении жалобы, признаны обоснованными 728 жалобы[1].

Аналогичная ситуация складывается и в регионах. К примеру, в Управление Федеральной службы судебных приставов по Липецкой области поступило 337 жалоб, поданных в порядке подчиненности; рассмотрено 290 жалоб, по 270 принято решение об отказе в удовлетворении требований, что составляет 93,1 % от общего числа рассмотренных[2].

Причины таких низких показателей удовлетворения жалоб, поданных в порядке подчиненности, по мнению автора настоящей статьи, могут заключаться в следующем.

Формальное несоответствие поданных жалоб требованиям ФЗ «Об исполнительном производстве». В большинстве случаев человеку, не обладающему специальными знаниями в области юриспруденции, и ведущему работу по взысканию задолженности самостоятельно, достаточно сложно учитывать все необходимые моменты и составить грамотную жалобу, даже если нарушения закона, как ему кажется, очевидны. А для должностных лиц, правомочных рассматривать поступившую жалобу, это является законным основанием для отказа в ее рассмотрении без изучения заявленных доводов по существу.

Решение данной проблемы видится, во-первых, в регулярной работе органов государственной власти по увеличению уровня юридической грамотности населения, в.т. числе работе непосредственно территориальных органов ФССП по разъяснению положений действующего законодательства.

Во-вторых, полагаем, чт.е. необходимость рассмотреть вопрос о внесении изменений в действующее законодательство в части введения нормы, позволяющей на некоторый непродолжительный период времени оставить жалобу в «подвешенном» состоянии (по аналогии с нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ, предусматривающими оставление искового заявления без движения до устранения нарушений). Это приведет к мотивации сторон исполнительного производства ответственно подходить к написанию жалобы в целях уменьшения сроков исполнительного производства, и как следствие, к повышению качества подаваемых жалоб и росту осведомленности населения о юридических тонкостях обжалования.

Так же основанием для отказа в рассмотрении жалобы может стать несоблюдение сроков для подачи жалобы без одновременной подачи соответствующего ходатайства об их восстановлении либо отказ в восстановлении пропущенного срока.

К сожалению, в данном случае ситуация сводится к замкнутому кругу, поскольку большой процент жалоб направляется именно в связи с отсутствием какой-либо информации по исполнительному производству либо в связи с тем, что такая информация в адрес стороны исполнительного производства поступила несвоевременно.

В итоге получается, что вместо быстрого решения проблемы сторона исполнительного производства вынуждена вступить в длительную переписку с органами Федеральной службы судебных приставов, чтобы доказать свою точку зрения, либо обратиться в суд за защитой своих прав, что в любом случае приводит к затягиванию сроков исполнительного производства.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время имеется положительная динамика в вопросах своевременного извещения лиц, участвующих в исполнительном производстве. Об это свидетельствуют внесенные в 2020 г. изменения в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» в части предоставления судебному приставу-исполнителю возможности оповещения сторон исполнительного производства путем отправки коротких текстовых сообщений, а также получения извещений от Федеральной службы судебных приставов в личном кабинете на портале государственных услуг.

Полагаем, что в условиях стремительного развития информационных технологий, подобные изменения являются первым шагом на пути к внедрению электронного документооборота, позволяющего в будущем свести к минимуму проблему отсутствия или несвоевременного получения информации.

Самой распространенной и одновременно самой сложной для разрешения, по мнению автора, является проблема «формального» подхода должностных лиц к рассмотрению поступивших жалоб, нежеланием (отсутствием возможности) вникать в суть изложенных претензий. Ее сложность заключается в том, что она вытекает из целого ряда обстоятельств. К ним относится: низкая квалификация сотрудников органов Федеральной службы судебных приставов; «текучесть» кадров; крайне высокая загруженность должностных лиц, зачастую не позволяющая своевременно уделить должного внимания каждому из поступивших документов; а также отсутствие надлежащего материально-технического обеспечения органов Федеральной службы судебных приставов.

На наш взгляд, возникновение подобных ситуаций свидетельствует о невысокой эффективности механизма обжалования действий должностных лиц в порядке подчиненности. Однако для решения данной проблемы необходим комплексный подход к системе организации механизма исполнения судебных актов. Очевидно, что на-

[1] Официальный сайт Главного управления Федеральной службы судебных приставов по г. Москве. URL: https://r77.fssp.gov.ru/osnovnye_pokazateli_dejatelnosti (дата обращения: 21.03.2021).

[2] Официальный сайт Управления Федеральной службы судебных приставов по Липецкой области. URL: https://r48.fssp.gov.ru/2690358 (дата обращения: 21.03.2021).

личие подобных проблем признается на государственном уровне, о чем свидетельствуют масштабные изменения, произведенные в 2020 г. в организации деятельности Федеральной службы судебных приставов, а также регулярные изменения законодательства в данной области.

Хочется надеяться, что уже в ближайшем будущем мы увидим качественные изменения, направленные увеличение эффективности исполнения судебных и иных актов, а также на улучшение взаимодействия между гражданами и органами, осуществляющими исполнение решений суда.

Кириллов Н.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Герасимов А.М., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Аннотация. *Исследование направлено на обоснование уголовно-правовой природы уголовного проступка. На основе действующего уголовного законодательства, позиций Пленума Верховного Суда РФ и представителей теории уголовного права относительно содержания уголовного проступка проводится его соотношение с преступлением.*

Ключевые слова: *уголовный проступок, преступление, общественная опасность, ответственность.*

Kirillov N.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Gerasimov A.M., Candidate of legal Sciences, associate Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CRIMINAL OFFENSE AND ITS RELATIONSHIP WITH CRIME

Abstract. *The study is aimed at substantiating the criminal-legal nature of a criminal offense. Based on the current criminal legislation, the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and representatives of the theory of criminal law regarding the content of a criminal offense, its relationship with a crime is carried out.*

Keywords: *criminal offense, crime, social danger, responsibility.*

В настоящее время понятие уголовного проступка и потребность его официального закрепления в содержании уголовного законодательства вышли на новый виток своей актуальности. Пленум Верховного Суда РФ внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»[1]. Особый интерес вызывает предлагаемая дефиниция уголовного проступка и ее соотношение с понятием преступления, что предопределяет тематику настоящего исследования.

По задумке Пленума Верховного Суда РФ уголовным проступком должно признаваться совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением ряда указанных преступлений, а также совершенное лицом впервые преступление небольшой или средней тяжести, предусмотренное перечисленными статьями уголовного закона. При этом лицо признается впервые совершившим преступление, если на момент его совершения лицо не имеет неснятую или непогашенную судимость и не освобождалось от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ч. 1 или 2 ст. 76[2] УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера), в течение одного года, предшествовавшего дню совершения этого преступления[2].

Сама по себе идея наполнения понятия уголовного проступка конкретным уголовно-правовым содержанием заслуживает поддержки. Государству, добивающемуся заметных результатов в противодействии преступности, свойственно разрабатывать новые механизмы предупреждения отклоняющегося от нормы поведения с минимально возможным принудительным воздействием на правоисполнителя. Однако предлагаемая Пленумом Верховного Суда РФ модель уголовного проступка представляется небезупречной. В целях предметной оценки сущности предлагаемых нововведений соответствующие критические замечания будут представлены в виде тезисов.

1. В предлагаемой Пленумом Верховного Суда РФ редакции ст. 15[1] УК РФ уголовный проступок определяется как преступление. Между тем подобный подход внутренне противоречив. Главным образом это связано с тем, что согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступление находится под угрозой наказания. Угроза наказанием предполагает возможность своей реализации при наличии определенных условий. Но по логике Пленума Верховного Суда РФ уголовный проступок не грозит уголовным наказанием. Его констатация предполагает освобождение соответствующего лица от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, если уголовному проступку не свойственен такой признак преступления, как угроза наказанием, то по существу он преступлением являться не может.

Кроме того, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ при признании деяния уголовным проступком

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/ (дата обращения: 15.03.2021).

[2] Там же.

суд прекращает уголовное дело или уголовное преследование. Процессуальный документ, подтверждающий данный факт, обретет форму соответствующего постановления. Но это вступает в серьезное противоречие с идеей презумпции невиновности, согласно которой преступление, включая уголовный проступок как вид преступления, должно констатироваться исключительно вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Сказанное вытекает из ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. В данном случае презумпция невиновности предполагает, что до вступления приговора суда в законную силу уголовный проступок юридически установлен быть не может.

2. По смыслу предлагаемых нововведений лицо не считается совершившим преступление, включая уголовный проступок, впервые, если ранее в течение одного года оно допустило уголовный проступок. Здесь налицо прямая аналогия с судимостью, которая основывается на идеи опасности, исходящей от правоисполнителя определенный отрезок времени. Однако специфика уголовного проступка как раз должна заключаться в том, чтобы он не имел юридических последствий, подобных судимости. Поэтому нецелесообразно вводить в оборот категорию повторности уголовного проступка.

3. По мнению Пленума Верховного Суда РФ, признание деяния уголовным проступком обязательно должно предполагать применение к виновному меры уголовно-правового характера, указанной в проекте главы 15^2 УК РФ. В то же время реализация задуманного создаст ситуации, при которых уголовный проступок будет иметь более строгие уголовно-правовые последствия по сравнению преступлением. Здесь необходимо напомнить, что за впервые совершенное преступление небольшой и средней тяжести лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим без применения к нему каких-либо мер уголовно-правового характера. Сказанное обуславливает потребность рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности лица, допустившего уголовный проступок, вообще без применения к нему каких-либо мер уголовно-правового характера.

В заключительной части исследования хотелось бы подчеркнуть, что природу уголовного проступка необходимо искать в уголовно-правовом поведении, которому общественная опасность не свойственна. Рассматривая общественную опасность в качестве признака преступления, необходимо отказаться от искусственных попыток обоснования каких-либо проявлений общественной опасности в уголовном проступке. Методологически правильным будет обратиться не к отождествлению, а соотношению уголовного проступка с общественно опасным деянием. Решение поставленной задачи предполагает признание того факта, что уголовный проступок не является общественно опасным, но напрямую обусловлен содержанием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. В противном случае уголовно-правовая природа уголовного проступка просматриваться не будет.

Ковалев Д.О.
аспирант кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Колесников Е.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. *международным сообществом избирательные права граждан признаны основой современного правового демократического государства. Вместе с тем, Конституция Российской Федерации, Основные законы зарубежных стран содержат ряд ограничений субъективного избирательного права и избирательных цензов. Данная статья посвящена природе указанных ограничений, их обоснованности и пределам.*

Ключевые слова: *ограничения избирательных прав, конституция, политические права и свободы, конституционное право, демократия.*

Kovalev D.O.
postgraduate student of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kolesnikov E.V., professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TO THE QUESTION OF RESTRICTIONS OF THE ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS: EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Abstract. *The international community has recognized the electoral rights of citizens as the basis of a modern legal democratic state. At the same time, the Constitution of the Russian Federation, the Basic Laws of foreign countries contain a number of restrictions on subjective suffrage and electoral qualifications. This article is devoted to the nature of these restrictions, their validity and limits.*

Keywords: *restrictions on electoral rights, constitution, political rights and freedoms, constitutional law, democracy.*

В современном правовом государстве признание и защита избирательных прав граждан является главным условием построения демократического общества, гарантией соблюдения права граждан на участие в управлении делами государства. В свете поправок 2020 года к Конституции Российской Федерации претерпело изменения и избирательное законодательство России. Изменены требования, предъявляемые к кандидату в Президенты РФ, главе ЦИК, депутатам Государственной Думы, Сенаторам Российской Федерации[1].

Несмотря на достаточно кардинальные обновления российских законов в последние годы, о недопустимости нарушения избирательных прав граждан говорят первые лица государства. Так, выступая на расширенном заседании коллегии МВД, Президент России В.В. Путин отметил, что конституционное право граждан избирать своих представителей необходимо гарантировать и надежно защищать[2]. Несомненно, данную позицию поддерживает мировое сообщество, принимая международные правовые акты, посвященные демократическим выборам, гарантиям политических прав и свобод граждан.

Россия, наряду с европейскими странами, стремится к реализации принципов демократических начал в государстве путем построения соответствующих международных отношений, привлечения международных организаций к участию в институтах прямой демократии. Однако существуют и определенные трудности в данном направлении. Профессор В.Т. Кабышев и доцент Е.В. Комбарова отмечают, что современная реальность не всегда адекватна конституционным ценностям и принципам в силу неполной подготовленности постсоветских стран к восприятию и обеспечению институтов демократии[3]. В этом смысле избирательное право не является исключением. Провозглашение права граждан на участие в управлении государственными делами сопровождается отстаиванием интересов самого государства и определенными ограничениями основных политических прав и свобод.

Общепринятым следует считать подход, согласно которому к ограничениям субъективного политического права следует относить условия, сужающие круг лиц для участия в выборах, именуя указанные ограничивающие факторы избирательными цензами. Основные различия по определению данного понятия сосредоточены на его форме: либо это специальные условия, либо требования к избирателям, либо ограничения политических прав граждан, либо одна из возможных форм ограничения, либо система условий и ограничений и др.

Вместе с тем, ориентируясь на выработанные теоретико-правовые конструкции при анализе положений избирательного законодательства Российской Федерации по недопуску некоторых категорий лиц до участия в выборах в связи с предусмотренными избирательными цензами, корректно говорить не об ограничениях субъективного политического права, а об определении правосубъектности гражданина при допуске к избирательному процессу (посредством воздействия на электорально – правовую дееспособность гражданина): электорально-правовая правоспособность возникает с момента установления правовой связи с демократическим государством, а электорально – правовая дееспособность – с момента удовлетворения установленным избирательным цензам.

Как указывал С.С. Алексеев, правосубъектность по своей роли, специфики в механизме правового регулирования является средством конкретизации (закрепления) круга субъектов – лиц, обладающих способностью быть носителями субъективных юридических прав и обязанностей[4]. Правосубъектность служит необходимой предпосылкой к обладанию и возможности реализации субъективного права, но само право не подменяет (конструкция «право на право»).

Таким образом, до того момента, пока не сформирована электорально – правовая правосубъектность, само субъективное избирательное право у лица отсутствует. А значит и ограничения субъективного политического права не происходит.

Известный правовед И.А. Стародубцева разграничивает избирательные цензы (определяя их как общие условия для предоставления гражданам субъективного политического права) и сужение возможности (запрет) избирать и быть избранным в зависимости от конкретных обстоятельств, в том числе посредством дополнительных требований для избрания на определенные должности (обозначая указанное как ограничения субъективного политического права)[5]. Вместе с тем, трудно согласиться с автором при рассмотрении им в качестве ограничений субъективного политического права дополнительные требования для избрания на определенные должности, а также положения ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, поскольку в указанных случаях речь идет об избирательных цензах.

Оригинальна и в определенном отношении схожа с вышеуказанным точка зрения С.А. Бажукова, который выделяет естественные пределы политических прав и отличает их от ограничений в собственном смысле слова, рассматривая в качестве естественных пределов, в частности, необходимость достижения возраста 18-ти лет для осуществления субъективного политического права[6]. Подобные рассуждения встречаются и в работах других исследователей, но следует признать, что общепринятыми не являются.

Вместе с тем, данную точку зрения поддерживает Верховный суд Российской Федерации, указывая на отсутствие субъективного политического права при неудовлетворении какому-либо избирательному цензу. Кроме того,

[1] Что меняется в избирательном законодательстве. Официальные сайт Государственной Думы ФС РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/51076/ (дата обращения: 24.03.2021).

[2] Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090 (дата обращения: 24.03.2021).

[3] *Кабышев В.Т., Комбарова Е.В.* Международные гарантии демократических основ организации и функционирования государственной власти в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 30.

[4] *Алексеев С.С.* Общая теория права. В двух томах. Том II. М.: Юрид. лит. 1982. С. 139.

[5] *Стародубцева И.А.* Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 25-28.

[6] *Бажуков С.А.* Соотношение понятий «естественные пределы права» и «ограничение права» на примере избирательных прав граждан // Юридические записки. 2014. № 2. С. 66

в качестве самостоятельного основания для отказа в регистрации в качестве кандидата на выборах Закон предусматривает «отсутствие пассивного политического права»[1].

Таким образом, избирательные цензы и ограничения субъективного политического права – разные правовые явления, хотя и имеющие общее наполнение в форме механизмов, ограничивающих свободу личности.

При этом важно подчеркнуть, что вышеуказанный отказ от рассмотрения избирательных цензов в качестве ограничений субъективного политического права вовсе не означает недопустимость их оценки на предмет их правомерности в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Напротив, избирательные цензы не только нуждаются в такой оценке, но и некоторые из них уже были предметом высшего судебного рассмотрения. И это вполне оправданно, поскольку любое посягательство на свободу личности должно подвергаться такой оценке. Более того, избирательные цензы вполне вписываются в концепцию ограничения прав и свобод, если говорить об ограничениях прав и свобод гражданина с точки зрения сужения его правовых возможностей по участию в управлении делами государства (в том числе путем допуска к реализации субъективного политического права).

Однако на сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации следует констатировать изобилие избирательных цензов, сформированных в ходе свободной законотворческой деятельности без какой-либо оценки со стороны населения, напрямую заинтересованным субъектом – парламентом, формирующимся в ходе выборов, при очевидной необходимости обеспечить реализацию самого субъективного права в демократическом государстве, что не может не свидетельствовать о порочности заложенной системы установления избирательных цензов.

Справедливо заметить, что в конституциях и федеральном законодательстве стран Европы, Соединенных Штатов Америки закреплен широкий перечень избирательных цензов. Так, в разделе 1 статьи 2 Конституции США установлено, что гражданин, претендующий на должность президента страны должен быть рожден в США[2]. В правовой системе Германии установлены ограничения пассивного избирательного права аналогичные российским: президентом страны может стать только гражданин, не утративший свое гражданство вследствие ряда правовых оснований[3]. В России и США кандидатом в президенты может стать гражданин, достигший возраста 35 лет, в ФРГ – 40 лет.

Одним из основополагающих выступает ценз оседлости. Требуемый срок непрерывного проживания для кандидата в президенты на территории государства в России составляет не менее 25 лет, в США – 14 лет. В США не допускается, чтобы президент и вице-президент были жителями одного штата. Следует заметить, что в Германии этот ценз был упразднен.

В Республике Казахстан президентом может быть избран гражданин по рождению, проживающий в Казахстане последние пятнадцать лет и имеющий высшее образование[4].

Не является исключением Республика Армения, где президентом может быть избрано лицо, последние шесть лет являющееся гражданином только Республики Армения и шесть лет постоянно проживающее в Республике[5].

Данные цензы непосредственно связаны с самим субъективным избирательным правом, поскольку констатируют исключительную связь гражданина с государством своей принадлежности: устойчивая политико-правовая связь предполагает участие гражданина в управлении делами государства, в том числе посредством формирования органов публичной власти, в связи с чем представляются вполне обоснованными. Другой вопрос, на сколько целесообразно исключать иностранных граждан из всех вариаций политических правоотношений? почему бы не допустить до участия в выборах в роли сопутствующих избирательному процессу лиц (участвовать в предвыборной агитации, выступать доверенными лицами и т.п.): представляется, в обсуждаемом ключе государственный суверенитет остается непоколебим, поскольку иностранные граждане не допускаются до реализации права избирать и права быть избранным, и тем самым не влияют на политическую конъюнктуру.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что разграничение избирательных цензов и ограничений субъективного политического права призвано не только устранить теоретическую несогласованность данных явлений, но и на практике сформировать максимально дифференцированный подход к их оценке, поскольку в одном случае речь идет об автоматическом «лишении» возможности участвовать в управлении делами государства, что в демократическом обществе должно быть допустимо в строго ограниченных случаях посредством общего решения населения (в связи с чем, закрепление высшим нормативным правовым актом государства или законом, принятом в результате референдума), а в другом – ограничивается тем или иным образом порядок реализации конкретного субъективного права, на который при выверенном соблюдении критериев правомерности возможно распространить положения о допустимости ограничений законодателем по его усмотрению.

Таким образом, при всей обоснованности дополнительных требований к реализации пассивного политического права в рамках их установления и (или) оценки необходимо также дополнительно руководствоваться принципом разумности, соблюдать механизм сдержек и противовесов, иначе выбор народа превращается в выбор законодателя за народ.

---

[1] О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 5 // Российская газета. 2011. 8 апреля.

[2] Конституция Соединенных Штатов Америки. Официальный сайт Национального Конституционального Центра. URL: https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/article/article-ii (дата обращения: 24.03.2021).

[3] Основной Закон Федеративной Республики Германии. Официальный сайт Министерства юстиции. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html (дата обращения: 24.03.2021).

[4] Конституция Республики Казахстан. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 24.03.2021).

[5] Конституция Республики Армения. Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus (дата обращения: 24.03.2021).

Ковалева Е.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», Саратов
Научный руководитель: Шестерякова И.В., д.ю.н., профессор, ФГБОУ ВО «СГЮА», Саратов

АНАЛИЗ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ВОПРОСАМ ВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Аннотация. *В статье представлен анализ трудового законодательства по вопросам контроля за работодателями о порядке и сроках выплаты заработной платы работникам; сформирована позиция по применению разъяснений в период пандемии.*

Ключевые слова: *контрольная функция; защита прав работников; обязанность по оплате труда; административная ответственность за невыплату заработной платы.*

Kovaleva E.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Scientific adviser: Shesteryakova I.V., PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA)

ANALYSIS OF THE CONTROL FUNCTION OF STATE BODIES ON THE PAYMENT OF WAGES

Abstract. *The article presents an analysis of labor legislation on control over employers on the procedure and timing of payment of wages to employees; formed a position on the action of clarifications during a pandemic.*

Keywords: *control function; protection of workers' rights; the right to remuneration; administrative responsibility for non-payment of wages.*

В Российской Федерации активно развивается защита трудовых прав работников. Согласно Конституции РФ, в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты, также признается право каждого на вознаграждение за труд, без дискриминации и не ниже установленного федеральным законом размера.

С целью контроля были созданы онлайн-приемные Федеральной службы по труду и занятости РФ (далее Росструд) в которую может обратиться каждый гражданин, который считает, что его права нарушены. Наиболее частые обращения встречаются следующие: сообщения о нарушениях порядка трудоустройства граждан, в том числе оформление трудовых договоров при приеме на работу, организации труда на рабочих местах, порядка и сроков выплаты заработной платы, необоснованных требованиях о прохождении медосмотров, несоблюдении процедуры увольнения, в том числе при сокращении численности (штатов) и т.д.

При обнаружении нарушений в действиях работодателя может быть возбуждено дело об административном правонарушении. Помимо этого, поводом к возбуждению дела об административном правонарушении может быть неисполнение в установленный срок требований инспекторов по труду, содержащихся в выданном им по результатам проверки предписании.

Анализ практики применения работниками территориальных органов Роструда, уполномоченных на осуществление государственной функции, требований и положений КоАП РФ, в том числе в части применения к виновным лицам мер административного наказания в виде дисквалификации и административного приостановления деятельности, учитывается при формировании перспективного плана основных надзорных мероприятий уполномоченными должностными лицами Роструда в течение первого месяца третьего квартала года, предшествующего плановому. Так, нарушения требованийзаконодательства, которые привели организацию к административной ответственности, могут повлиять впоследствии на включение ее в состав организаций, подлежащих плановой проверке.

В последнее время произошло ужесточение порядка проведения проверок, введены чек-листы для плановых проверок работодателей. Применение чек-листов началось в 2018 г. с момента принятия Постановления Правительства РФ от 08.09.2017 № 1080 «О внесении изменений в Положение о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права»[1].

Также напомним, что в целях оптимального использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов, задействованных при осуществлении государственного контроля (надзора), снижения издержек юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и повышения результативности своей деятельности органы государственного контроля (надзора) при организации отдельных видов государственного контроля (надзора), определяемых Правительством Российской Федерации, применяют риск-ориентированный подход.

Риск-ориентированный подход представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых при осуществлении данной деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности.

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 08.09.2017 № 1080 «О внесении изменений в Положение о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // СЗ РФ. 2017. № 38, ст. 5618.

Федеральный государственный надзор в сфере труда осуществляется с применением риск-ориентированного подхода (п. 2 Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утв. Постановлением Правительства РФ от 01.09.2012 № 875)[1].

В целях федерального государственного надзора в сфере труда деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся работодателями, может относиться к следующим категориям риска:

а) высокий риск;

б) значительный риск;

в) средний риск;

г) умеренный риск;

д) низкий риск.

От того, к какому классу риска отнесена деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся работодателями, зависит периодичность проведения плановых проверок. Так, проведение плановых проверок в отношении деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя в зависимости от присвоенной деятельности категории риска осуществляется со следующей периодичностью:

а) для категории высокого риска – один раз в два года;

б) для категории значительного риска – один раз в три года;

в) для категории среднего риска – не чаще чем один раз в пять лет;

г) для категории умеренного риска – не чаще чем один раз в шесть лет.

Отметим, что не только деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей была классифицирована в зависимости от степени риска.

Так, на сайте Роструда опубликована информация «Перечень типовых нарушений обязательных требований с их классификацией (дифференциацией) по степени риска причинения вреда вследствие нарушений обязательных требований и тяжести последствий таких нарушений». Роструд классифицировал типовые нарушения обязательных требований законодательства по степени риска (высокий, средний и низкий) в зависимости от негативных последствий для работника.

Таким образом, чтобы юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, являющимся работодателями, избежать проведения внезапных и плановых проверок, а также претензий проверяющих органов о несоблюдении установленных норм законодательства и, как следствие, привлечения к административной ответственности, работодателю необходимо быть в курсе действующих норм и правил, а также отслеживать появляющиеся нововведения.

Как известно, мир в 2020 г. столкнулся с новым вызовом – пандемией ранее неизвестного коронавируса, который внес значительные изменения в жизнь всех стран.

Для осуществления контрольной функции государство принимало законодательные акты, позволяющие урегулировать ситуацию в стране, сфера труда не стала исключением. Режим карантина, введенный в Российской Федерации из-за пандемии коронавируса, привел к приостановке деятельности многих организаций. Государство обязало предпринимателей сохранить за сотрудниками, фактически находящимися в вынужденном простое, их заработную плату, что послужило причиной многих судебных споров между работодателями и работниками.

25 марта 2020 г. Президент РФ издал Указ, устанавливающий в стране с 30 марта по 3 апреля 2020 г. нерабочие дни с сохранением заработной платы. Впоследствии были изданы два Указа, продлевающие период нерабочих дней вначале до 30 апреля, а затем и до 8 мая 2020 г.

В дальнейшем Минтруд РФ в своей Информационной памятке от 27 апреля 2020 года разъяснил порядок действия данных Указов в период самоизоляции.

Во-первых, был выделен ряд организаций, которые продолжали еятельность. Например, оптовые и розничные поставщики продуктов питания и товаров первой необходимости, аптеки, финансовые, непрерывно действующие, системообразующие организации и т.д. Круг этих организаций определялся как на федеральном уровне, так и непосредственно в конкретном субъекте РФ региональными властями. Работники данных организаций продолжали выполнять свою работу и получать зарплату.

Все прочие хозяйствующие субъекты были обязаны деятельность приостановить. Сотрудников перевести в гибкий режим работы либо в режим неполного рабочего времени, в сулчае, где данное невозможно, сохранить за работниками заработную плату, выплачивая ее в установленные законом сроки.

Минтруд РФ также разъяснил, что введение на предприятии простой из-за режима неблагоприятной экономической ситуации возможно. Однако, уменьшать при данной ситуации заработную плату работникам невозможно (п. 6 Рекомендаций, направленных Письмом Минтруда России от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710, п. 7 Приложения к Письму Роструда РФ от 09.04.2020 № 0147-03-5). Нельзя также отправлять работника в отпуск за свой счет (п. 20 Приложения к Письму Роструда РФ от 09.04.2020 № 0147-03-5), а также увольнять по причине пандемии (Информация Минтруда РФ от 27.04.2020).

Таким образом, государство обеспечило работников денежными средствами в период самоизоляции. Однако, для сохранения экономического состояния организаций и предприятий работодатели нарушали требования, установленные законом, например, направляя работников в ежегодные оплачиваемые отпуска.

Государство продекларировало защиту прав работников в данных ситуациях. Федеральная налоговая служба РФ усилила контроль за обращениями граждан о невыплате (несвоевременной выплате) заработной платы или увольнениях. Кроме того, данные обращения направлялись в Государственную инспекцию по труду, что приводило к проведению внеплановых проверок нарушителей.

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права»// СЗ РФ.2012. № 37, ст. 4995.

В целях помощи работникам Правительство РФ утвердило временные правила представления работодателями информации в информационно-аналитическую систему «Общероссийская база вакансий «Работа в России». В период до 31 декабря 2020 г. работодатели должны представлять в указанную систему информацию:

- о ликвидации организации либо прекращении деятельности ИП;
- о сокращении численности или штата работников;
- о возможном расторжении трудовых договоров;
- иные сведения о занятости, утверждаемые Министерством труда и социальной защиты РФ (далее Минтруд РФ).

Стоит отметить, что вышеуказанные способы защиты являются неэффективными, т.к. в период пандемии государственные органы прекратили личный прием граждан и осуществляли возложенные на них функции не в полном объеме. Единственным методом защиты нарушенных прав является судебный.

В настоящий момент Верховный суд РФ не представил разъяснений для нижестоящих судебных органов о порядке разрешения споров, связанных с невыплатой зарплаты в период самоизоляции. Поэтому при вынесении решения суды, руководствуются трудовым законодательством и вышеуказанными разъяснениями Минтрудом РФ.

При вынесении судебных решений в первую очередь применяются положения статьи 236 Трудового кодекса РФ, в соответствии с которыми при нарушении сроков выплаты заработной платы помимо данного работодатель обязан выплатить работнику также денежную компенсацию в размере не ниже одной сто пятидесятой действующей ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от не выплаченных в срок сумм за каждый день задержки, начиная со следующего дня после установленного срока выплаты. Применимы и положения статей 3 и 237 Трудового кодекса РФ о возмещении морального вреда работнику, причиненного неправомерными действиями работодателя.

Суды при вынесении решений руководствуются следующими разъяснениями, данными высшими судебными органами ранее. Решение в пользу работника может быть вынесено независимо от наличия либо отсутствия вины работодателя в задержке выплаты заработной платы. Размер выплачиваемой работнику денежной компенсации может быть повышен коллективным договором. Работник также, помимо указанных выше процентов, имеет право на индексацию сумм задержанной заработной платы в связи с их обесцениванием в результате инфляции (пункт 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[1]).

Если трудовые отношения между работодателем и работником не прекращены, то работник может обратиться в суд с иском о выплате неполученной заработной платы и соответствующих компенсаций в любой момент. Данное нарушение имеет длящийся характер, и правило исковой давности здесь неприменимо (п. 56 указанного выше Постановления).

Представляется, что с учетом масштабности явления невыплаты заработной платы в период самоизоляции Верховному Суду РФ необходимо выпустить отдельное постановление, посвященное данному вопросу.

Россия, являясь социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что также предполагает установление государственных пенсий, пособий и иных, в том числе имеющих гарантийный характер, мер социальной защиты и поддержки населения в случае возникновения ситуации, которая не может быть разрешена в рамках обычного функционирования системы управления, обязана принять все необходимые меры для поддержания достойного уровня жизни своих граждан, при этом не только в части обеспечения надлежащего правоприменения, но и в части формирования дополнительных правовых механизмов, обеспечивающих соблюдение трудовых прав граждан. Использование для разрешения сложившейся в сфере трудовых отношений ситуации только административных мер является недостаточным. Представленная проблема требует в своем решении комплексного подхода, в том числе вовлеченности участников законодательного процесса и институтов гражданского общества.

Для урегулирования проблем с выплатами заработной платы необходимо следующее:

1. Регулирование данного вопроса государством. В системе государственных органов имеются соответствующие органы, осуществляющие контроль выплаты заработной платы, которые усовершенствуют нормативно-правовые акты в данной сфере.

2. Осуществлять контроль предприятий, склонных монополизировать рынок, с целью недопущения резкого разрыва в уровне заработной платы работников.

3. Создание правовых и экономических условий для обеспечения своевременной выплаты заработной платы.

4. Формирование государственной политики по содействию повышению производительности труда.

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»// Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2004.

Колебошин А.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Блинов А.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОМИЛОВАНИЯ

Аннотация. *Настоящая работа посвящена обоснованию понятия и правовой природы помилования. Анализируя высказанные в юридической литературе мнения авторитетных ученых, автор научной статьи предлагает свое видение на понятие помилования и предлагает рассматривать его в качестве государственно-правового института. В подтверждение сказанному приводятся несколько аргументов.*

Ключевые слова: *акт помилования, правовая природа, правовой институт.*

Koleboshin A.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Blinov A.G. *PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov*

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF PERMISSION

Abstract. *This work is devoted to the substantiation of the concept and legal nature of pardon. Analyzing the opinions of authoritative scientists expressed in the legal literature, the author of the scientific article offers his vision of the concept of pardon and suggests considering it as a state-legal institution. Several arguments are presented to support this.*

Keywords: *act of pardon, legal nature, legal institution*

Помилование является одним из древнейших правовых институтов. Но в правовом пространстве Российской Федерации не содержится определение помилования. В ст. 85 действующего уголовного законодательства о помиловании сказано весьма лаконично: «помилование осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица. Актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость»[1]. Знакомство с содержанием процитированного уголовно-правового положения не вносит ясности, что же следует понимать под помилованием? Какова его правовая природа?

Его интерпретация широко представлена в справочных изданиях и литературе по разным отраслям юридической науки. Отталкиваясь от толкования словаря живого великорусского языка, существительное «помилование» происходит от глагола «помиловать». Помиловать кого-нибудь – значит «простить, отдать вину его, не карать; оказать милосердие, пожалеть, внять раскаянью»[2].

Большой энциклопедический словарь под помилованием понимает «освобождение конкретного лица от уголовного наказания или смягчение ему меры наказания. Помилование может предусматривать также снятие судимости. Право помилования, как правило, предоставляется главе государства»[3].

Большой юридический словарь характеризует помилование как отмену или смягчение уголовного наказания главой государства. Актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания[4].

Таким образом, в справочных изданиях этимологическое значение термина «помилование» связано с проявлением главой государства милосердия. Его юридические последствия связываются с освобождением от уголовной ответственности или наказания конкретного лица, ранее признанного виновным в совершении преступления. Правом помилования наделена только верховная власть в стране. В юридической литературе отсутствует единообразие в толковании значения категории «помилование». Так, суть рассматриваемого института К.Ф. Шергина усматривает в акте «воли главы государства, определяющем неприменение карательного закона к отдельному лицу, совершившему преступление»[5].

Довольно оригинальную позицию относительно содержания рассматриваемого феномена предлагает К.М. Тищенко. По его мнению, помилование включает «освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, наказания, судимости либо смягчение наказания в случаях, когда формальные требования уголовного закона препятствуют целесообразному применению какого-либо вида смягчения положения виновного»[6].

Трудно признать убедительными слова автора о том, что к помилованию глава государства прибегает тогда, когда формальные требования уголовного закона препятствуют целесообразному применению какого-либо вида смягчения положения виновного. Подобный подход ограничивает полномочия Президента РФ в применении помилования, который согласовывает свои действия исключительно с Конституцией РФ.

По мнению В.А. Якушина, помилование представляет собой «осуществляемый Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица, признанного судом виновным в совершении преступления, акт освобождения его от уголовного наказа-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2019. № 30, ст. 4109.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998 Т. 3. С. 272.

[3] См.: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1998. С. 940.

[4] См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998.

[5] Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 521.

[6] *Тищенко К.М.* Помилование в уголовном праве. М., 1994. С. 18.

ния, а в некоторых случаях от уголовной ответственности в форме снятия судимости»[1]. Предложенное определение, по нашему мнению, не является безупречным. Основной недостаток усматривается в том, что его автор существенно сужает компетенцию главы государства в юридических последствиях применения помилования. Как нам известно, актом помилования осужденный не только освобождается от уголовной ответственности в форме снятия судимости или наказания, но и сокращается срок наказания или может быть заменено одно наказание другим, более мягким.

Основываясь на полученных знаниях, постараемся сформулировать собственное определение. Помилование представляет собой издаваемый Президентом РФ на основании п. «в» ст. 89 Конституции РФ в форме указа акт прощения индивидуально определенного лица, признанного вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления, предполагающий смягчение либо полное освобождение от уголовно-правовых последствий осуждения. Предложенное определение основывается на следующих ключевых признаках. *Первый* признак закрепляет положение о том, что издание акта о помиловании входит в исключительное полномочие Президента РФ. Причем, это именно право, а не обязанность главы государства. Российское законодательство не устанавливает срок, в течение которого Президент страны должен принять решение об издании акта о помиловании либо отклонить ходатайство осужденного о его помиловании. *Второй* признак уточняет, что помилование осуществляется в отношении индивидуально определенного лица, признанного вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении какого-либо преступления. *Третий* признак констатирует, что помилование предполагает освобождение осужденного от дальнейшего отбывания наказания, сокращение срока назначенного наказания, его замену более мягким видом наказания либо снятие судимости.

В ныне действующем уголовном законодательстве России положения, касающиеся помилования, встречаются в двух самостоятельных статьях. Речь идет о ст. 85 УК РФ «Помилование», состоящей из двух частей, а также ч. 3 ст. 59 УК РФ, где говорится о том, что смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет. Институт помилования в российском уголовном праве отличается стабильностью. За двадцать пять лет действия уголовного закона отечественный законодатель ни разу не внес изменения либо дополнения в ст. 85 УК РФ, где лаконично перечисляются правовые последствия помилования лица. Такой стабильностью в Уголовном кодексе России могут «гордиться» ограниченное количество норм. Как показывает официальная статистика, в последние годы в нашей стране наблюдается резкое сокращение числа помилованных граждан. Если с 1992 г. по 2001 г. Президент РФ помиловал свыше 50 тыс. человек[2], то с 2010 г. по 2019 г. количество помилованных составило лишь 142 человека. В частности, в 2010 г. глава государства помиловал 67 человек, в 2011 г. – 38 человек, в 2012 г. – 7 человек, в 2013 г. – 4 человека, в 2014 г. – 2 человека, в 2015 г. – 10 человек, в 2016 г. – 5 человек, в 2017 г. – 1 человек, в 2018 г. – 3 человека, в 2019 г. – 5 человек[3]. Исходя из приведенных цифр, может сложиться впечатление, что в стране стали тщательнее отбирать «кандидатов» для индивидуализации уголовной ответственности с помощью рассматриваемого нами института. Однако причиной столь заметного сокращения помилованных осужденных, на наш взгляд, выступают имеющиеся погрешности в юридическом механизме помилования лиц, отбывающих наказание на территории Российской Федерации.

Институт помилования и субъект, его осуществляющий, сегодня закреплены в положениях различных отраслях законодательства. В связи с этим в современной юридической литературе отсутствует единство относительно правовой природы института помилования. Так, А.С. Рыбьяков рассматривает помилование как институт конституционного права. По его мнению, основанием помилования является гуманизм, а в основе возникновения правоотношений лежит закрепленное в законодательстве право осужденного просить о помиловании и полномочия органов государственной власти по его осуществлению. Результаты исследования позволили автору сделать вывод о том, что «по мере развития института помилования, нормы уголовного права, первоначально составлявшие его основное содержание, постепенно трансформируются в нормы конституционного права»[4].

О.В. Брежнев также склонен отнести помилование к институту конституционного права. Он предлагает рассматривать полномочие Президента РФ по осуществлению помилования как проявление гуманности верховной власти государства по отношению к гражданам, осужденным за совершение преступления[5]. В качестве аргумента исследователь ссылается на решение Верховного Суда Российской Федерации, который сформулировал правовую позицию, согласно которой «будучи институтом конституционного права, помилование входит в сферу исключительной компетенции Президента Российской Федерации и не связано с вопросами привлечения к ответственности и применения наказания, относящимися к ведению судебной власти. Процедура помилования не реализуется уголовно-процессуальным законодательством и осуществляется за пределами правосудия. Акт о помиловании является актом гуманизма и милосердия и не может расцениваться как назначение наказания за совершенное преступление»[6].

---

[1] См.: Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.А. Коробеева. Т. 2. Владивосток, 1999. С. 364.

[2] См.: В России сократилось количество помилованных заключенных. URL: https://maxpark.com/community/8612/content/7305764 (дата обращения: 14.03.2021)

[3] См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: https://fsin.gov.ru/statistics/ (дата обращения: 14.03.2021).

[4] *Рыбьяков А.С.* Конституционно-правовое регулирование помилования: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С11.

[5] См.: *Брежнев О.В.* Конституционное полномочие Президента Российской Федерации по осуществлению помилования: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 47-49.

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 61-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 4.

Помилование как институт уголовного права оценивает К.М. Тищенко. По мнению ученого, «помилование есть освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, наказания, судимости либо смягчение наказания в случаях, когда формальные требования уголовного закона препятствуют целесообразному применению какого-либо вида смягчения положения виновного» [1].

Н.В. Осмоловская относит помилование «к правовому институту корректирования карательной политики государства, который в качестве самостоятельного предмета правового регулирования включает общественные отношения в сфере наказуемости преступлений» [2].

Д.А. Никитин считает, что помилование составляет исключительный институт освобождения от наказания [3].

Безосновательной считает отнесение института помилования к сфере действия уголовного права А.Н. Коблов. В качестве аргументов он приводит несколько доводов. «Во-первых, возникающие по поводу издания акта о помиловании правоотношения нельзя рассматривать как уголовно-правовые. Таковыми они становятся после издания главой государства соответствующего акта. Уголовное право и пенитенциарное законодательство реализуют свои положения тогда, когда Президент РФ вынес решение о помиловании осужденного. Таким образом, уголовно-правовые предписания определяют лишь последствия осуществления помилования. Во-вторых, действовавшие ранее на территории нашего государства уголовные законы РСФСР не включали в свою структуру нормы или положения, регламентирующие институт помилования. Несмотря на это, уполномоченные органы государственной власти успешно реализовывали свойственную им компетенцию по прощению осужденных. В-третьих, применение помилования в реальной жизни не сопряжено ссылками на ст. 85 УК РФ» [4].

Справедливыми следует признать суждения Б.Т. Разгильдиева, когда он говорит о том, что то или иное явление можно отнести к уголовно-правовым тогда, когда чтобы оно, во-первых, обладает свойствами, непосредственно связывающими его с общественной опасностью преступления, и, во-вторых, так или иначе удерживает лицо от совершения преступлений, т.е. решает уголовно-правовые задачи [5].

В литературе получило широкое распространение позиция, согласно которой институт помилования имеет комплексный характер, включающий нормы административного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Так, склонен относить помилование к межотраслевому образованию М.Р. Гета. По его мнению, помилование представляет собой «комплексное уголовно-правовое средство трансформации одного наказания в другое, более мягкое, либо отмены наказания или погашения судимости. Оно характеризуется смешанной природой и касается не только уголовного, но и конституционного права. В конституционно-правовом контексте право на помилование принадлежит главе государства – Президенту РФ. В уголовно-правовом смысле у осужденного есть право на обращение с ходатайством о помиловании. В то же время механизм помилования в УК РФ не раскрывается, лишь перечисляются его правовые последствия» [6].

Как комплексный правовой институт рассматривает помилование представитель пенитенциарной науки В.И. Селиверстов. По мнению ученого, данный институт регулирует «отношения, возникающие в связи с принятием Президентом РФ решения, улучшающего в тех формах, которые предусмотрены уголовным законодательством, правовое положение индивидуально определенного лица, осужденного вступившим в законную силу приговором суда к уголовному наказанию, либо отбывающего наказание, или отбывшего его и имеющего судимость» [7].

Ознакомившись с научными позициями ученых относительно правовой природы помилования, можно констатировать, что нам близка позиция исследователей, рассматривающих помилование в качестве государственно-правового института. В подтверждение сказанному можем привести ряд аргументов. Во-первых, в соответствии с Конституцией РФ осуществление помилования является исключительной прерогативой Президента Российской Федерации (п. «в» ст. 89 Конституции РФ). В освобождении лица от наказания не участвует суд. Во-вторых, помилование не обладает свойствами, связывающими его с общественной опасностью преступления. Уголовное законодательство ограничивает свою роль перечислением правовых последствий помилования лица. Согласно ч. 2 ст. 85 УК РФ, «актом помилования конкретное лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость» [8]. Отсюда логично следует, что помилование не предполагает непосредственную зависимость от общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Решение о помиловании не основывается на конкретных преступлениях. Отсутствие связи помилования с общественной опасностью преступления не позволяет включать его в число средств, посредством которых решаются задачи по удержанию освобожденных от наказания лиц от совершения новых преступлений. В аспекте изложенного представляется, что упоминание о помиловании в уголовном законе излишне.

---

[1] *Тищенко К.М.* Помилование в уголовном праве. М., 1994. С. 18.

[2] См.: *Осмоловская Н.В.* Амнистия и помилование как средства корректирования карательной политики государства: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 5.

[3] См.: *Никитин Д.А.* Помилование: криминологический и уголовно-исполнительный анализ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3.

[4] *Коблов А.Н.* Понятие и правовая природа помилования // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы. Том 5: сборник научных статей (по материалам II Международного форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых, 15 марта 2017 г.) / колл. авторов. М., 2017. С. 86-87.

[5] См.: *Разгильдиев Б.Т.* Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 542–550.

[6] *Гета М.Р.* Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. М., 2017. С. 238.

[7] *Селиверстов В.И.* Доктринальное и нормативное определения помилования // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. Вологда, 2007. № 1. С. 19.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2019. № 30, ст. 4109.

Коломиец А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Воротников А.А., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. *Четкая и эффективная систематизация правового массива позволяет разграничивать роль, силу и влияние тех или иных норм, упорядочивает и приближает к единообразию его применения. Однако, в России существует ряд проблем, связанных с систематизацией нормативно-правовых актов. Некоторые из данных проблем рассмотрены в представленной работе.*

Ключевые слова: *система права, систематизация, право субъектов, нормативно-правовой акт.*

Kolomiets A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Vorotnikov A.A., PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PRACTICAL AND THEORETICAL PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION OF NORMATIVE LEGAL ACTS

Abstract. *A clear and effective systematization of the legal framework allows us to distinguish the role, power and influence of certain norms, and to streamline and bring its application closer to uniformity. However, in Russia there are a number of problems related to the systematization of normative legal acts. Some of these problems are considered in the presented work.*

Keywords: *system of law, systematization, law of subjects, normative legal act.*

Исторический путь развития Российской Федерации насчитывает сотни лет. При этом становление и развитие России как сильного и развитого государства началось с проработки и становления ее правовой системы. Создание и реформация системы права как части правовой системы страны является сложным и трудоемким процессом, непрекращающимся и по сей день.

Правовая, политическая и экономическая действительность современного мира требует создания сложной и эффективной системы источников правовой регламентации, отвечающих всем требованиям общества.

Основное содержание правовых норм, регулирующих жизнь России, выражено, прежде всего, в нормативно-правовых актах, являющихся базовой единицей всей правовой системы государства. Роль правовой регламентации всех сфер жизни общества все возрастает в связи с усложнением социальных связей и все более растущим техническим прогрессом. При этом с усложнением подобных связей правовая регламентация вопросов, связанных со структурой нормы права, стала требовать все большей детализации.

Детализация общественной жизни в правовом поле привела к огромному массиву новых нормативно-правовых актов, занимающих разные иерархические места в общем правовом поле. Рост массива актов неуклонно приводит к все возрастающим сложностям в их применении на практике.

Правовая реальность современного общества диктует нам условия, при которых динамика движения неуклонно растет. Все сферы общественной жизни, правовая культура общества, общественные отношения и правосознание людей крайне изменчиво. На предыдущих исторических этапах подобные изменения происходили в разы медленней, занимая, порой, десятилетия. Несомненно, законодательству необходимо соответствовать тем историческим реалиям, в которых оно действует, что, в свою очередь, означает невозможность законодательному процессу остановиться на достигнутом этапе.

Стоит отметить, что, в процессе упорядочивания и регламентации общественной жизни через законодательный механизм, нормативно-правовые акты принимаются, изменяются, дополняются и отменяются по мере усовершенствования законодательной базы. Отсюда вытекает естественная необходимость систематизации полученного нормативного массива с целью его более удобного и эффективного применения, изучения и контроля. Для этого издаются сборники и кодексы, нормативно-правовые акты соединяются в упорядоченные группы, виды, классифицируются по разным признакам.

Современная правовая действительность сложна и многогранна. Для ее регламентации и устройства существует широкая нормативно-правовая база, объединенная в сложную, многоуровневую систему. Каждая из отраслей общественных отношений подвергается тщательному изучению и регуляции с помощью правового воздействия. Многоуровневость, иерархичность, разветвленность по целому ряду существенных признаков – позволяют быть праву России и мира быть эффективнее, совершеннее и придают ему высокую социальную ценность[1].

Именно из-за столь большого массива норм в актуальном законодательстве встречается достаточное количество дублирования предписаний, пробельность правового регулирования, неточность и неясность для лиц, не имеющих специального образования в юриспруденции, иные проблемы, связанные именно с излишним регулированием некоторых вопросов, а также с недостаточно высоким уровнем систематизации законодательства.

Для удобства поиска необходимого источника, правильного и точного толкования и применения тех или иных норм права систематизация производится государством непрерывно, т.к. действующее законодательство – весьма динамичное понятие. Процессом систематизации нормативно-правовых актов занимается государство в лице государственных органов и их должностных лиц.

[1] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. М.: Проспект, 2009. С. 20.

Мухаев Р.Т. в своем учебнике приводит определение систематизации как процесса приведения нормативно-правовых актов в научно обоснованную стандартизированную систему, при этом процесс обязательно должен проводиться с соблюдением соответствующих правил и использования определенных способов[1].

Исходя из массива определений систематизации, обобщенными признаками данного процесса можно назвать:

1) это вид правовой деятельности;

2) реализуется компетентными государственными органами и их должностными лицами, за исключением отдельным форм реализации систематизации;

3) направлена на особый объект – нормативно-правовые акты;

4) имеет целью приведение законодательства в единую согласованную систему;

5) при реализации обязательным является соблюдение специальных правил и процедур;

6) данная деятельность научно обоснована.

Итак, как сказано выше, систематизация не является деятельностью ради деятельности. Она преследует цель по приведению законодательной и нормативной базы страны в единую, иерархичную, упорядоченную систему. Достижение данной цели возможно при осуществлении ряда задач, составляющих из себя примерный план осуществления систематизации:

1) нахождение несоответствий между существующими нормами права;

2) устранение несоответствий, найденных в процессе изучения и сравнивания норм права;

3) выявление и устранение законодательных пробелов;

4) в случае нахождения устаревших норм законодательства, их устранение путем отмены устаревших правовых норм;

5) приближение текста норм права к более социально-воспринимаемым, упрощение формулировок без потери смысла норм, его адаптация для более эффективного использования на практике.

Исходя из названных признаков, мы делаем вывод о двойственной природе понятия систематизация законодательства. С одной стороны, она представляет собой специализированную правотворческую деятельность, а с другой, раскрывается ее значение для практического применения законодательной базы как гражданами, так и государством в лице его органов и должностных лиц.

Конституция Российской Федерации определяет существование трех уровней законодательства: нормативно-правовые акты государства (действующие в равной степени во всей федерации), акты субъектов федерации и акты совместного ведения[2].

Субъекты активно пользуются данным им Конституцией правом, создавая свою систему законодательства, регулирующие все внутренние вопросы субъекта. Это приводит к разветвленности системы законодательства и необходимости ее систематизации не только на уровне федерации, но и на местном уровне. Особые сложности могут возникать при применении законодательства, находящегося в совместном ведении субъектов и государства, т.к. уровень их систематизации и иерархичности особо важен при правоприменении.

Все большее усложнение правового поля России приводит к тому, что муниципалитеты издают все большее количество актов, усложняя правовой массив и расширяя его. Принятием этих актов в общем смысле занимается народ с помощью данных им законодательством механизмов. Практика однозначно показывает превалирующее положение актов субъектов над федеральными актами по вопросам исключительного ведения и совместного ведения субъектов и федерации. При этом опережение это происходит не только по количеству актов, но и зачастую по качеству ввиду приближенности субъектов к их непосредственным нуждам и практике применения законов.

Однако подобное опережение не всегда является положительным. Основной проблемой, складывающейся в данной системе, несомненно, является наложение законов федеральных и субъектов. При создании правовой базы субъект или муниципалитет зачастую хоть и создает более удобный и логичный для правоприменения закон, однако же он часто вступает в противоречие с уже существующими федеральными законами. Несомненно, подобные наложения норм негативно сказываются на всей системе и усложняют задачу общей систематизации нормативно-правовых актов.

Для избежание подобных проблем представляется необходимым принятие специального акта «о нормативно-правовых актах», в котором будут прописаны четкие требования к издаваемым актам, прописана более подробно их иерархия, прописан весь порядок их подготовки и согласования. Подобный акт внесет необходимое системе единообразие, закрепит самые необходимые и важные приемы подготовки нормативно-правовых актов, позволит снизить количество принимаемых актов, увелчивая их качество и эффективность на правоприменительном поле. Стабильность и порядок являются необходимыми на данном этапе законодательной и правоприменительной деятельности.

Необходимость принятия подобного акта невозможно переоценить. В теории он даст возможность эффективно подходить к вопросу подготовки проектов, даст четкие ориентиры оформления систематизации, опубликования и действия нормативных правовых актов субъекта Федерации и всей России. Принятие закона позволит на законодательном уровне утвердить требования к региональным и федеральным законам, усилить их в области их содержания, формы, научной обоснованности.

Говоря о необходимости повышения качества нормативно-правовых актов и улучшении систематизации нормативно-правового массива, мы должны упомянуть о существующих перекосах даже в теоретических аспектах принимаемых законов. Так, Конституция РФ

---

[1] См.:Мухаев, Р.Т. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2019. С. 148.

[2] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=0&rangeSize=1. 2020.

является главным законом страны, однако, некоторые субъекты в своих конституциях создают пункт о не противоречии создаваемого и действующего законодательства субъекта конституции данного субъекта. При этом о противоречии Конституции РФ либо не идет речи, либо этот пункт стоит после региональной конституции. С точки зрения смысла и сути, подобные особенности законодательного закрепления не являются столь важными, т.к. сама конституция субъекта должна соответствовать Конституции РФ, да и в самой Конституции РФ есть пункт о соответствии всех нормативно-правовых актов ей. Однако, с точки зрения теории права, подобное расположение норм недопустимо. Более того, отсутствие отсылки на не противоречие федеральной Конституции приводит к тому, что местный законодатель действительно принимает законы, исходя лишь из региональной конституции. Таким образом, законодательный акт становится незаконным, а решения, ссылающиеся на него, теряют свой вес.

В 2008 г. Правительством Российской Федерации был введен регистр муниципальных актов, созданный для хранения и учета всех актов, принимаемых муниципалитетами. Однако, несмотря на то, что регистр введен в том числе в целях обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации, в полномочия Министерства юстиции, согласно постановлению, не входит проверка предоставляемых законодательных актов ни Конституции РФ, ни федеральным законам. В связи с этим, имеет смысл предложить ввести отдельную комиссию, которая, получая актуальные данные о новых изменениях муниципального законодательства, осуществляла бы его проверку на соответствие существующему законодательству, что позволило бы более эффективно осуществлять как правотворческую, так и правоприменительную деятельность в дальнейшем, а также исключило бы негативные последствия принятия дублирующих и противоречащих законов на всю правовую систему страны, позволяя систематизировать правовой массив для его эффективного применения.

Также проблемой являются ошибки в местном законодательстве. Так, часто юридическая природа тех или иных актов описана неправильно. Например, акты, издаваемые губернатором, по общему правилу если являются нормативными, принимаются в виде постановлений, а ненормативные – в виде распоряжений. Тем не менее, например, Устав Пермского края говорит о принятии губернатором указов как формы его законодательного волеизъявления. Согласно теории права, подобное является не верным, т.к. указы может издавать лишь глава государства.

Актуальным с точки зрения систематизации права и его применения является вопрос о форме выражения нормативно-правовых актов для тех или иных предписаний. Часто законодатель не придает должного значения форме выражения тех или иных норм, если они находятся в иерархии ниже, чем федеральный закон. Особенно часто нарушения в этой сфере касаются региональных законодателей.

Все чаще мы наблюдаем принятие субъектами нормативных актов самой различной формы. Субъекты Российской Федерации принимают самые разные законы: постановления, решения, заявления, декларации, даже договоры, имеющие нормативный характер. Кроме того, все еще актуальным будет указать на тенденцию развития местного, регионального правотворчества через принятие кодифицированных нормативно-правовых актов. Отсюда вытекает закономерная сложность в систематизации норм и актов, которые в своем названии не отражают реальной сути и значения в рамках правовой системы страны.

Исходя из этого, ставится вопрос о применении к законодательным системам субъектов мер и способов упорядочивания массива на примере федерального законодательства. Именно поэтому необходим акт с общими правилами и нормами, позволяющими привести правовой массив к единой слаженной системе.

Проблематика систематизации и учета правовой системы страны все еще остается актуальной. Стремительное развитие нормативно-правовой базы страны как на федеральном, так и на региональном уровне создает путаницу и проблемы как в теоретическом изучении и систематизации актов, так и в их правоприменении, т.к. часто возникают вопросы по поводу главенства тех или иных норм в конкретном правоприменительном случае.

Отсюда вытекает необходимость единого правового регулирования требований к издаваемым нормам как на федеральном, так и, что не менее важно, на региональном уровне. Создание единой правовой системы с иерархичным и четким разделением норм позволит усовершенствовать и упростить применение этих норм не только для государственных органов, но и для всех жителей страны.

Колпакова Н.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Покачалова А.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ БАНКОМ РОССИИ ИНСТРУМЕНТА ОТЗЫВА ЛИЦЕНЗИЙ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *одним из ключевых этапов стабильности и развития банковского сектора страны является совершенствование системы надзора в области банковского дела. Статья посвящена оценке влияния механизма отзыва банковских лицензий на банковский сектор и страну в целом, а также производится анализ плюсов и минусов осуществления данной процедуры.*

Ключевые слова: *лицензия, банковская деятельность, отзыв лицензии, Банк России.*

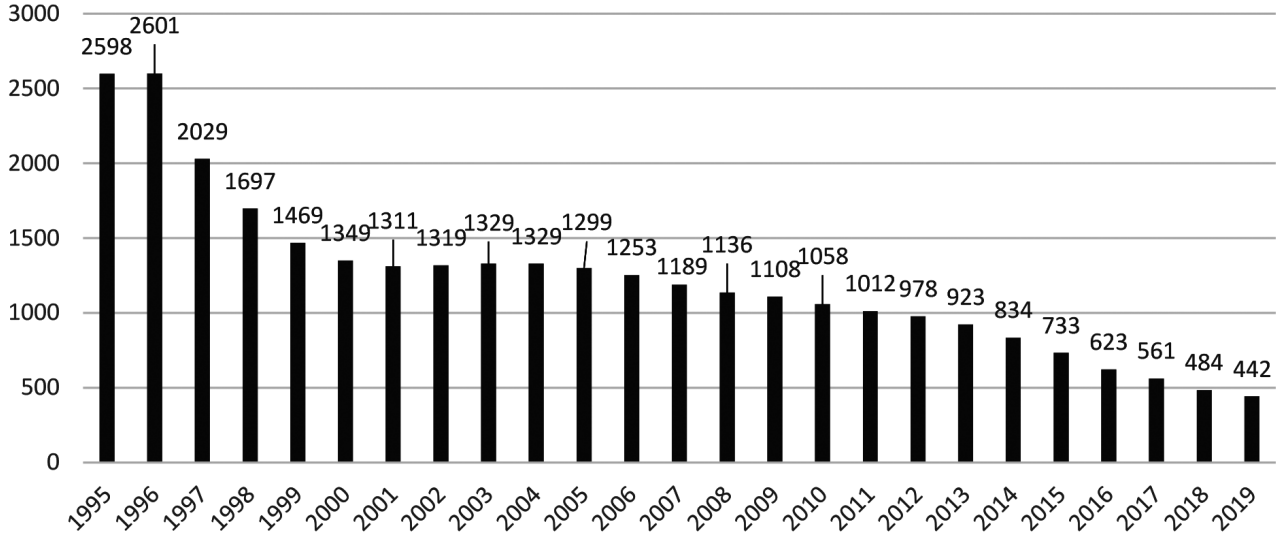

Рис. 1. Количество банковских организаций в России в 1995-2019 гг.[1]

Kolpakova N.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Pokachalova A.S., Ph.D. of Juridical Sciences, Saratov

ANALYSIS OF THE CONSEQUENCES OF THE BANK OF RUSSIA'S APPLICATION OF REVOCATION OF LICENSES FROM CREDIT INSTITUTIONS

Abstract. *One of the key stages in the stability and development of the country's banking sector is the improvement of the banking supervision system. The article is devoted to the assessment of the impact of the mechanism of revocation of banking licenses on the banking sector and the country as a whole. The analysis of the pros and cons of the implementation of this procedure is carried out.*

Keywords: *license, banking activity, license revocation, Bank of Russia.*

На сегодняшний день Центральный банк Российской Федерации играет ключевую роль при осуществлении функций органа банковского надзора, а также при проведении денежно-кредитной политики страны. Он обеспечивает стабильность банковской системы и ее отдельных элементов при осуществлении постоянного мониторинга финансового состояния кредитных организаций, а также осуществляет постоянную консультационную и методологическую помощь.[1]

В соответствии с законодательством, банковские операции могут проводиться только на основании получения лицензии, выданной кредитным учреждениям.

Так, Банк России, согласно Закону «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)», принимает решение о государственной регистрации кредитных организаций, выдает лицензии на осуществление банковских операций, а также приостанавливает их действие и отзывает в случае выявления нарушений[2].

Существует специальный реестр выданных лицензий, который ежегодно публикуется Банком России в официальном издании «Вестник Банка России», в котором учитываются все лицензии на осуществление банковских операций, которые были выданы ЦБ РФ.

На основе имеющихся легальных дефиниций, а также доктринальных подходов, отзыв банковской лицензии можно определить как императивное решение Банка России о лишении кредитной организации его специального права – права на осуществление банковской деятельности[3].

Все основания отзыва банковской лицензии перечислены в исчерпывающем перечне в ст. 20 ФЗ «О банках и банковской деятельности»[4]. Данные основания делятся на две группы: к первой, основания при которых ЦБ РФ вправе отозвать лицензию, а вторую группу оснований составляют те, при которых ЦБ РФ обязан отозвать лицензию (например, несоответствие банка типу полученной им лицензии).

Как отмечают специалисты, Банк России с 2013 г. активно начал осуществлять действия, которые направлены на усовершенствование банковской системы, используя такой инструмент, как отзыв лицензий у кредитных организаций. Однако, если представить на диаграмме количество существующих кредитных организаций, то можно заметить, что уже с 1998 г. были предпосылки к данным действиям со стороны ЦБ РФ (см. рис. 1).

[1] Годовой отчет Банка России // Банк России. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/god/ (дата обращения: 11.03.2021).

[2] Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (с изм. от 27.12.2019 № 482-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

[3] 1 *Буз О.В., Варава В.А.* К вопросу об анализе последствий применения Банком России инструмента отзыва лицензий кредитных организаций // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-1. С. 100-106.

[4] 2 Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (с изм. от 16.12.2019 № 434-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492.

Сравнивая изменения в количестве кредитных организаций, существовавших когда-либо в России, нельзя не отметить следующие особенности: самый пик банковской деятельности пришелся на 1992-1996 годы. В те времена регистрировалось более 400 банков ежегодно. Активный рост в первую очередь был обусловлен тем, что регулятор предъявлял низкие требования к вновь создаваемым банкам, а также и то, что законодательная база была разработана недостаточно хорошо, что позволяло банкам с низкой достаточностью капитала и ликвидности предлагать свои услуги на банковском рынке.

С тех пор, банков, которые обладают банковской лицензией стало меньше почти в шесть раз. По состоянию на 01.01.2020 количество действующих кредитных организаций, имеющих лицензию на осуществление банковских операций, составило всего 442 единицы (из них 40 небанковских КО). Эти цифры, несомненно, подтверждают тенденцию к укрупнению банковской системы.

Процедура отзыва банковской лицензии имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Так, процедуры усиленного контроля со стороны Банка России позволяют очищать банковскую систему от недобросовестных кредитных организаций, тем самым укрепляя ее. Однако, с тем, что ЦБ РФ провел такую агрессивную политику по отзыву банковских лицензий согласны не все. Так, например, исполнительный директор НИИ истории, экономики и права Суздальцев И.Н., считает, что данная практика должна быть прекращена, поскольку население страны всегда обращает внимание на такие события, что в итоге грозит массовым оттоком вкладов из банковской системы. Также он подчеркивает тот факт, что в развитых странах США и ЕС функционирует более 7000 банковских институтов, которые находят своего потребителя и поэтому в России наоборот должно быть больше банков[1].

Что касается негативных последствий, то они заключаются в следующем:

Во-первых, конкуренция на рынке банковских услуг ослабляется, что снижает доверие вкладчиков ко всей банковской системе, и, как итог – рост концентрации активов у банков с государственным участием.

Во-вторых, если с рынка уходит региональный банк, то экономика данного региона теряет свой эффективный, гибкий финансовый институт и как следствие – возможность динамичного развития. Одним из преимуществ региональных банков заключается в том, что он лучше знает и понимает потребности региона. Также, помимо этого, у таких банков налажены контакты с муниципальными и региональными организациями, что позволяет усиливать свое присутствие на рынке среднего и малого бизнеса. Немаловажна и социальная задача региональных банков – производятся рабочие места, и, как следствие, повышается уровень жизни населения.

Подобная политика Банка России приведет к тому, что барьеры для входа в рынок ужесточатся, снизится конкуренция, и как следствие будет происходит рост цен на банковские услуги.

Российское кредитное рейтинговое агентство, включенное в реестр кредитных рейтинговых агентств Банка России «Эксперт РА» заключило, что по состоянию на 2020 год, в 18 регионах Российской Федерации нет своих местных банков, а еще в 21 субъекте их доля в совокупном кредитном портфеле составляет менее 1 %[2].

Проводя анализ деятельности региональных банков, следует отметить, что они зачастую являются финансовой надстройкой крупных компаний, поэтому их уход с рынка банковских услуг может негативно отразиться на состоянии всего региона.

Для развития регионального рынка банковских услуг могут послужить программы государственной поддержки, в том числе и установление более лояльных требований. Участие региональных банках в предполагаемых госпрограммах позволит им реализовывать свои конкурентные преимущества, тем самым удерживая клиентскую базу, что в последствии положительно отразиться на уровне доступности банковских услуг для населения в регионах, а также на их качестве.

Но не стоит забывать и то, что Банку России необходимо уделять внимание и системно значимым банкам, чтобы быть уверенным в том, что они ведут безопасную политику, не рискуя деньгами вкладчиков и клиентов, и при этом поддерживать не только системообразующие банки, но и региональные, которые играют важную роль в отдельных регионах, потому что, как известно равномерное развитие банков в регионе, а также конкуренция – является неотъемлемой частью здоровой банковской системы[3].

Подводя итог, можно сказать о том, что в настоящее время рынок банковских услуг недостаточно урегулирован с точки зрения эффективности, что безусловно требует пристального внимания. Какой бы вариант изменения банковской системы не был принят, главным является то, что система начала совершенствоваться и преобразовываться, становясь все более устойчивой и надежной.

[1] См.: ЦБ РФ: у банка «Югра» было 200 «фантомных заемщиков» // РБК URL: https://www.rbc.ru/ekb/freenews/5a01765e9a7947337c8f5de2 (дата обращения: 11.03.2021).

[2] В федеральных сетях: как выживают региональные банки // Эксперт Ра. URL: https://raexpert.ru/researches/banks/fed_banks_2020/ (дата обращения: 12.03.2021).

[3] См.: *Чернышева Н.А., Толмачева О.В.* Отзыв лицензии как метод регулирования кредитных организаций в РФ // Фундаментальные исследования. 2016. № 10-1. С. 212-217.

Кондрашова Е.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Мрастьева О.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О РОЛИ АДВОКАТА В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы юридических конфликтов. Особое внимание уделено экономическим спорам. Автором анализируются различные способы альтернативного разрешения споров, а также отмечается важность досудебного урегулирования в целом.*

Ключевые слова: *адвокат, юридический конфликт, досудебный способ, переговоры, убытки*

Kondrashova E.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Mrast'eva O.S., Associate Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE ROLE OF A LAWYER IN THE SETTLEMENT OF LEGAL DISPUTES AND CONFLICTS

Abstract. *The article deals with the actual problems of legal conflicts. Special attention is paid to economic disputes. The author analyzes various methods of alternative dispute resolution, and also notes the importance of pre-trial settlement in general.*

Keywords: *lawyer, legal conflict, pre-trial method, negotiations, damages.*

В рамках изучения деятельности адвоката в досудебном урегулировании экономических споров для точного понимания роли адвоката важно разобраться в содержании понятий «юридический конфликт» и «юридический спор». Для решения этой задачи необходимо определить конструкцию указанных понятий, взаимосвязь их составных частей, законодательное закрепление и социальную регуляцию. Сформированный понятийный аппарат, основанный, в том числе на юридической конфликтологии, позволит определить алгоритм действий представителей адвокатского сообщества в разрешении экономических споров.

В статье 7 Кодекса профессиональной этики адвоката отмечается, что деятельность адвоката должна быть направлена на устранение препятствий к заключению мирового соглашения, возможности предупреждения самого спора[1]. Исходя из этого, в интересах доверителя адвокат должен использовать в разрешении конфликтов положения юридической конфликтологии. Применение в своей профессиональной деятельности этих знаний в досудебном урегулировании экономических споров, наряду с техниками альтернативного разрешения споров и медиации позволит сэкономить время и средства клиента.

Однако необходимо отметить, что на сегодняшний день существующие теоретические разработки российских ученых-конфликтологов, нередко противопоставляются западным теориям по многим принципиальным положениям. Представляется, что имеющиеся противоречия возможно устранить путем анализа правоприменительной практики и поиска компромиссов в подходах.

В России основная часть терминов юридической конфликтологии исходит из ее общих положений, в их числе можно встретить и понятие «юридический конфликт»,. По этой причине характерные черты и свойства социального конфликта распространяются на юридический спор.

При взаимодействии со своим доверителем адвокату необходимо помнить тот факт, что разные интересы участников спора являются базисом конфликта. В то же время для возникновения конфликта недостаточно только одних противоположных интересов сторон социального спора необходимы конкретные действия субъектов, выраженных в форме открытой борьбы. Действия только одного из участников конфликта, затрагивающие интересы другой стороны, не всегда приводят к ответным мерам. Это случаи когда другой субъект не знал о таких действиях, считал, что они допустимы, опасался осуществлять контрмеры и др.

Способность предупреждения активных действий сторон по переводу конфликта из социального в юридический в зачастую способствует разрешению спора на досудебной стадии.

В науке существуют разные подходы к дефиниции социального конфликта: Т. Парсону, Л. Козеру, Р. Дарендорфу, Д.Галтунгу, К.Боулингу, Л.Крисбергу, Д.Бертону.

Остановимся на наиболее обобщенном понимании социального конфликта, как проявление объективных или субъективных противоречий интересов при открытой борьбе сторон[2].

Юридический конфликт может быть рассмотрен в широком и узком смысле. В широком смысле – это спор о праве, имеющий разные основания. Можно выделить конфликты между нормативными актами, нормами права и практикой их применения, между правоприменительными актами. В узком смысле юридический конфликт – это тот же социальный конфликт, в котором противоборство сторон связано с правовыми отношениями на основе взаимного противоречия интересов. Субъекты правоотношений имеют правовой статус и выполняют юридически значимые действия, приводящие к правовым последствиям.

В целях дальнейшего изучения юридических конфликтов и деятельности адвоката в их урегулировании следует отдельно рассмотреть составные части кон-

[1] См.: Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (в ред. от 20.04.2017) // Российская газета. 2005. 5 окт.; Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. № 2. 2017.

[2] См.: *Косолапов Н.А.* Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МэиМО 1995. № 2. С. 36.

фликта и дать их правовой анализ. Для юридического конфликта, как и социального недостаточно противоположных правовых интересов сторон, важно наличие активных правовых действий, влекущих юридические последствия. Поэтому в правовой конфликтологии в состав юридического конфликта входит совокупность четырех обязательных элементов: субъектного состава, объекта, субъективной стороны и объективной стороны.

На практике часто возникают проблемы разграничения субъектов и участников конфликта. Обращаясь к субъектам конфликта, необходимо учесть, что к ним относятся только обладающие правосубъектностью граждане, организации, публичные образования, негосударственные общности. Напротив, участники хоть и косвенно принимают участие в конфликте, но не имеют какого-либо интереса, полностью отличного от другой стороны. Если сравнивать субъектов и участников спора, то категория участники – шире, чем субъекты.

Относительно частыми участниками юридических конфликтов являются адвокаты. В связи с этим деятельность адвоката в большей степени представляет собой урегулирование юридических конфликтов.

Стоит отметить, что в данном случае в досудебном урегулировании адвокатами применяются способы альтернативного разрешения споров. Рассмотрим сущность этого метода урегулирования споров, а также место и значение примирительных процедур.

Исторически обусловлено, что досудебный способ стал использоваться в странах прецедентного права. Следует отдать должное адвокатам того времени, которые в своей профессиональной деятельности придумали и распространяли такие альтернативные способы.

Судебная система испытывала на тот момент большие проблемы с нагрузкой судов, большим количеством дел. Это связано с послевоенным экономическим подъемом, развитием крупного бизнеса, банковской системы. Новые варианты досудебного разрешения споров, которые выступили альтернативой суду, зарекомендовали себя как оперативные и действенные способы разрешения споров[1].

Сегодня эти способы разрешения споров становятся актуальнее, в связи с развитием общества, изменением правосознания. Стоит обратить внимание, что подобная процедура разрешения споров для адвокатов выгодна, т.к. поставленные цели достигаются в короткие сроки с минимумом затрат. При этом под альтернативными способами понимают как разрешение, так и урегулирование спора.

Прекращение юридических конфликтов (споров) для адвоката более предпочтительный вариант, но также возможно принятие мер связанных с устранением противоречий между субъектами на досудебной стадии. Среди таких мер выделяют стратегии компромисса или сотрудничества в управлении и развитии такого конфликта. Действия сторон, направленные на альтернативное разрешение спора должны быть направлены на сближение интересов. Поэтому попытки адвоката перейти к таким мерам будут ценными, особенно в ситуациях, когда существует возможность признания сторонами интересов друг друга и способности сторон на совершение взаимных уступок либо достижение взаимовыгодного соглашения.

В данном случае приоритет отдается не защите права, а прекращению конфликта. Это основное отличие деятельности адвоката на досудебной стадии от гражданского судопроизводства при оказании юридической помощи.

Клиент должен понимать, что наряду с существование государственных судов, существует альтернатива для решения юридического спора. Исходя из этого, он должен принимать решение об использовании какого-либо из способов защиты права и прекращения юридического спора, учитывая характер конфликта и конкретную ситуацию. Стороны спора зачастую считают, что обращение в суд необходимо, чтобы показать себя с позиции силы, демонстрацией подавления другой стороны. Задача адвоката донести до клиента, что государственный суд не единственно допустимый вариант, а лишь один из многих способов решить спор.

Следует учитывать, что альтернативные способы, несмотря на свою самостоятельность, находятся во взаимосвязи с государственными судами. Эти два способа дополняют друг друга, не конкурируя между собой. Стороны могут оставить исполнение решения по спору на добрую волю, друг друга, а могут подстраховаться, обеспечив исполнение принудительной государственной системой.

Альтернативные способы разрешения способов являются результатом конвергенционного направления юридической конфликтологии в России. Оно специализируется на сближении частной и публичной сферы в разрешение юридических споров. Самым результативным является решение спора с позиции интересов.

Адвокат может мотивировать сторону к выбору альтернативных способов для взаимовыгодного разрешения обеих сторон. Каждый юридический спор должен оцениваться с позиции «наилучшей альтернативы соглашению об урегулировании спора»[2]. Это важный элемент переговоров в условиях незнания альтернативы. Данная категория применяется в отношении досудебных переговоров и заключается в определении каждой из сторон наиболее благоприятного результата, которого, по ее мнению, стоит ожидать при обращении к любым иным, нежели та или иная примирительная процедура[3]. Эта методика подсчитывает все альтернативы соглашения. Стороны могут не иметь лучших вариантов кроме как переговоры, но зачастую ошибочно уверены, что они есть. Понимание своей позиции и вариантов разрешения спора важно при принятии соглашения. Сторона переговоров, считающая, что обладает лучшей позицией, следует ей, даже если она не соответствует наилучшему варианту.

Когда стороны имеют схожие позиция о BATNA, это означает, что досудебные переговоры близки к соглашению. В этой позиции для всех участников будет выгодно

[1] См.: *Деханов С.А.* Организация адвокатуры и профессиональная этика адвокатов в Западной Европе. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 41.

[2] См.: Fisher R. and Ury W. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. New York:Penguin Books, 1981. P. 104.

[3] См.: *Василенко И.А.* Политические переговоры. М.: Гардарики, 2006. С. 189-262.

принять соглашение без продолжения спора и вовлечения в судебные тяжбы. Адвокаты с обеих сторон оценивают преимущества и слабые стороны доверителей и определяют стратегию действий. Однако, зная свою BATNA, субъекты спора могут подать дело в суд, рассчитывая на победу, и тогда их переговоры придут в тупик и перерастут в конфликт. Конфликт, который обходится им довольно дорого, может снова перейти в переговоры. Задача адвоката сориентировать своих доверителей и вовремя оценить риски.

При оказании юридической помощи на досудебной стадии урегулировании экономических споров адвокат должен повышать заинтересованность сторон в обращении к альтернативным, в особенности примирительным, процедурам и принятию сторонами осознанных решений о проведении таких процедур.

После принятия Закона № 47-ФЗ от 02 марта 2016 г. претензионный порядок разрешения спора по некоторым категориям дел стал обязательным[1]. Стороны должны предпринять попытку урегулировать спор между собой, в противном случае компетентный суд может вернуть исковое заявление, либо оставить его без рассмотрения. Попытка законодателя смягчить претензионный порядок Законом № 147-ФЗ от 01 июля 2017 г. все же сохранила неизменность для определенных категорий дел по обязательному претензионному урегулированию[2].

В досудебном урегулировании экономических споров адвокат использует претензионный порядок как средство защиты интересов доверителя с намерением без судебного разбирательства разрешить дело в короткие сроки и с минимальными финансовыми затратами. В своем Обзоре № 4 Верховный Суд РФ называет этот порядок оперативным способом разрешения и дополнительной защитой прав[3].

Дальнейшее рассмотрения претензионного порядка и досудебного урегулирования экономических споров необходимо продолжить после изучения понятия экономического спора, как разногласия между субъектами экономической сферы, которыми выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, по поводу их прав и обязанностей.

История экономических споров берет свое начало с периода появления государственности и общества. На сегодняшний день экономические отношения стали более сложными и распространились практически во все сферы общественной жизни, осложнились международным элементом. Основной причиной возникновения таких споров является нарушение стабильного состояния экономических отношений, как во всем обществе, так и между его частными субъектами.

Понятие экономический спор связано с предпринимательской деятельностью. Гражданский Кодекс Российской Федерации в абз. 3 п. 1 ст. 2 дал четкое определение «предпринимательской деятельности», а именно – это «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»[4]. Иных дефиниций предпринимательской деятельности законодательство не содержит, даже Конституция РФ лишь декларирует в ч. 1 ст. 34, что «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»[5]. Кроме того, категория экономический спор в Конституции РФ не раскрывает спорные правоотношения и природу спора.

В доктрине под экономическими спорами понимают разногласия, возникающие между участниками экономической жизни, которыми являются юридические лица, а также граждане, зарегистрированные в качестве предпринимателей[6].

Существует большое количество классификаций экономических споров. Остановимся на основных видах, встречающихся в адвокатской практике.

1. Преддоговорные споры. Споры, возникающие на этапе согласования условий договора для дальнейшего подписания. В дальнейшем, эти условия будут определять процесс разрешения споров и конфликтов и поэтому стороны очень внимательно относятся к обсуждению этих условий.

2. Договорные споры. Наиболее частые споры, по нарушенным правам и обязанностям, возникающим из заключенного договора, в случаях неисполнении обязательств. Реже встречаются споры об изменении или расторжении договора, для которых необходимо доказать существенное изменение обстоятельств, либо расторжение договора при нарушении со стороны контрагента.

3. Споры о нарушении прав собственника (законного владельца). Речь идет о виндикационных исках, исках невладеющего собственника к владеющему несобственнику о возврате имущества.

4. Споры, связанные с причинением убытков. Убытки могут причиняться как в результате неисполнения договоров, так и в случаях, когда между сторонами спора договор и не заключался.

5. Споры с государственными органами. Государство неотъемлемо регулирует бизнес посредством своих органов. Нередко возникают случаи нарушения норм законодательства в основном налоговыми органами.

6. Споры о деловой репутации, товарных знаках.

---

[1] См.: Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ» (в ред. от 23.06.2016) // СЗ РФ. 2016. № 10, ст. 1321: 2016. № 26, ч. 1, ст. 3889.

[2] Федеральный закон от 01.07.2017 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 27, ст. 3944.

[3] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2016. сен.

[4] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996. № 14-ФЗ (в ред. от 20.03.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2021. № 11, ст. 1698.

[5] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

[6] См.: *Гайдаенко-Шер Н.И.* Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 34.

Возвращаясь к досудебному порядку урегулирования экономических споров, делаем вывод, что он представляет собой взаимные действия сторон материального правоотношения, направленные на самостоятельное разрешение возникших разногласий.

После принятия Закона № 47-ФЗ для экономических споров обязателен претензионный порядок, что прямо указано в абз. 3 ч. 5 ст. 4 АПК РФ[1]. Необходимо учитывать специфику экономической деятельности, обычно требующей быстрого решения всех возникающих вопросов. Важное место на досудебной стадии занимают переговоры, где все возможности по урегулированию спора следует использовать по максимуму. Наиболее эффективно в этой стадии может реализовать интересы участника адвокат, который заинтересован в оперативном достижении компромисса по ключевым вопросам без процессуальных проволочек.

Таким образом, экономические споры на досудебной стадии урегулировании требуют профессионализма участников, возможности конструктивных переговоров и скорости в разрешении.

Коновалов Е.А.
студент 2 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов
Научный руководитель: Шуршалова Е.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов

ПРАВО ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РФ ЗА ЗАЩИТОЙ СВОИХ ПРАВ

Аннотация. *Предмет исследования составили юридические нормы, регулирующие реализацию права на обращение человека и гражданина в органы Российской Федерации. Цель исследования рассмотреть правовые основы деятельности органов* прокуратуры *по рассмотрению обращений граждан. В статье рассматривается институт прав граждан на обращение в органы государственной власти в России. Анализируется правовая основа деятельности прокуратуры.*

Ключевые слова: *прокуратура, обращения, права, государственная власть.*

Konovalov E.A.
Saratov State Academy of Law, Saratov
Supervisor: Shurshalova E.S., Candidate of Law, Saratov State Academy of Law

[1] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 . № 95-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2020. № 50, ст. 8073.

THE RIGHT OF CITIZENS AND ORGANIZATIONS TO APPEAL TO THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PROTECTION OF THEIR RIGHTS

Abstract. *The subject of the study is the legal norms regulating the implementation of the right to appeal to the authorities of the Russian Federation. The purpose of the study is to consider the legal basis for the activities of the prosecutor's office to consider citizens ' appeals. The article examines the institution of citizens ' rights to appeal to state authorities in Russia. The legal basis of the prosecutor's office is analyzed.*

Keywords: *prosecutor's office, appeals, rights, state power.*

Многие авторы справедливо отмечают, что наиболее эффективным адресатом (и посредником) для защиты и восстановления прав и законных интересов является прокурор[2], учитывая его полномочия на применение мер прокурорского реагирования[3]. Ежегодно органами прокуратуры РФ рассматривается свыше 4 миллионов обращений[4].

Для того чтобы у читателя сложилось представление о статусе и функциях прокуратуры на современном этапе, полагаем, что целесообразно начать с общих положений, а далее более обстоятельно рассмотреть вопросы, выведенные в заглавие настоящей работы.

Итак, деятельность органов прокуратуры представляет собой самостоятельное направление реализации государством своих функций по обеспечению единства правового пространства, соблюдению режима законности всеми субъектами права, а также по охране прав, свобод и законных интересов, как отдельной личности, так и общества в целом.

Наличие столь обширных функций, предопределяет соответствующие права и обязанности для должностных лиц – работников прокуратуры, в том числе повышенные требования профессионального и морального характера.

Главным нормативным правовым актом, регулирующим полномочия и деятельность органов прокуратуры, является Конституция РФ. Однако в ней непосредственно прокуратуре посвящена единственная статья – 129[5], что, по словам многих теоретиков права и исследователей из области конституционного права приводит к неопределенности правового статуса прокуратуры[6].

[2] *Савоськин А.В.* Обращение граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) // дисс. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 209.

[3] Ст. 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

[4] В 2012 г. – 3 637 314, в 2013 г. – 3 983 604, в 2014 г. – 4 020 380, в 2015 г. – 4 412 370, в 2016 г. – 4 739 071, в 2017 г. – 4 813 040, в 2018 и 2019 их число так же было порядка 5 млн // статистика официального сайта Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data

[5] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

[6] *Чиркин В.Е.* Публичная власть // Юрист. 2005. С. 44-45.

Конституция РФ закрепляет общие положения о назначении на должность прокуроров различного уровня, оставляя за пределами собственного регулирования многие вопросы, связанные со статусом, полномочиями и деятельностью органов прокуратуры РФ.

Предполагается, что более обстоятельно данные вопросы освещены в специальном федеральном законе – «О прокуратуре Российской Федерации» (Далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»)[1].

Согласно статье 1 прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, которые от имени государства осуществляют надзор за соблюдением и исполнением законов.

Анализ законодательных положений, касающихся деятельности прокуратуры, позволил сделать вывод, что регулирование статуса прокуратуры сводится в основном к вопросам организации ее системы и не затрагивает ключевых моментов, связанных с определением предназначения прокуратуры, ее компетенции и места в системе государственных органов. В силу своей деятельности и связанной с ней соответствующими правами и обязанностями работники органов прокуратуры обладают специальным статусом.

Согласно статье 40 ФЗ «О прокуратуре» эта служба является одним из видов федеральной государственной службы. Исходя из определения, данного в Федеральном законе № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», «федеральная государственная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий РФ, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности РФ» (статья 4)[2].

Значительную роль и масштаб возложенных на органы прокуратуры сферы ответственности отметил и Конституционный Суд РФ «служба в органах прокуратуры, является особым видом государственной службы, которая направлена на реализацию публичных интересов. Это предопределяет наличие у сотрудников специального правового статуса, который обусловлен выполнением конституционно значимых функций. По этой причине законодателем могут быть установлены особые требования к личным и деловым качествам сотрудников, равно как и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования, а также специфическим характером деятельности должностных лиц. При поступлении на службу в органы прокуратуры, гражданин добровольно возлагает на себя обязанность соответствовать указанным требованиям и добросовестно исполнять свои обязанности»[3].

Моральные качества, которым должен соответствовать прокурорский работник нашли свое закрепление в Кодексе этики прокурорского работника РФ[4].

Что касается непосредственной реализации права граждан и организаций на обращение в органы прокуратуры РФ, то согласно статье 3 ФЗ «О прокуратуре РФ»: «Организация и порядок деятельности прокуратуры РФ и полномочия прокуроров определяются Конституцией РФ, ФЗ «О прокуратуре РФ», другими федеральными законами и международными договорами РФ. На органы прокуратуры не могут быть возложены функции, прямо не предусмотренные федеральными законами»[5].

Относительно Конституции РФ хотелось бы остановиться на следующей взаимосвязанной совокупности ее норм: ст. 15 (часть 4), ст. 33, ст. 129.

Итак, поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права, равно как и договоры РФ являются составной частью отечественной правовой системы, то в обоснование права граждан на обращение в публичные органы, в том числе и прокуратуру, следует привести акты международного права (ст. 15 ч. 4).

По словам Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, статье 33 Конституции РФ (право на обращение граждан) корреспондируют следующие нормативные положения международного права: ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических права[6].

Сама статья 33 Конституции РФ сформулирована следующим образом: «Граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»[7].

Данная статья становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который к перечисленным «государственным органам» и «органам местного самоуправления» добавил также организации «осуществляющие публично значимые функции»[8].

Сегодня в правовом пространстве нашей страны действует более сотни федеральных законов и несколько тысяч подзаконных актов, каждый из которых в той или иной мере предметом своего регулирования имеет вопросы обращения граждан и организаций, порядок

---

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8462.

[2] Федеральный закон от 27 мая 2007 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (в ред. от 23 мая 2016 г.) // СЗ РФ. 2003. № 22, ст. 2063; 2016. № 32, ст. 3091.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1174-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гиниятуллина Альберта Мухаметовича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части 1 статьи 40 Федерального закона «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Приказ Генпрокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 13 апреля 2018 г.) // Законность. 2010. № 6.

[5] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8462.

[6] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. С. 341.

[7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

[8] См, например, Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1361-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Литовского Бориса Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 629-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мельникова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Документы официально опубликованы не были // СПС «КонсультантПлюс».

их подачи и рассмотрения[1]. Одним из наиболее важных является Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ». Он напрямую связан с реализацией закрепленного в Конституции РФ права граждан и их объединений на обращение[2]. ФЗ «О прокуратуре РФ» также содержит отсылку к нему, закрепляя в статье 10, что вопросы порядка и сроках рассмотрения обращений регулируются федеральным законодательством[3].

Таким образом, положения статей 15 (часть 4), 33 и 129 Конституции РФ в совокупности с нормами ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» и ФЗ «О прокуратуре РФ» образуют конституционно-правовую основу для регулирования вопросов связанных с обращениями граждан и организаций в органы прокуратуры РФ.

Здесь же следует сделать следующий закономерный вывод. В связи с тем, что названные положения Конституции РФ не содержат каких-либо ограничений по поводу обращений граждан в органы прокуратуры, в том числе по форме, причинам, содержанию, субъектам обращения и проч. то мы полагаем, что любое требования относительно самого обращения должно быть конституционно обосновано. А значит отвечать требованиям соразмерность, допустимости и т.д.

Для наглядности приведем следующий пример.

Инструкция[4] предписывает, что личный прием Генпрокурора РФ возможен лишь после получения письменного ответа от заместителя Генпрокурора РФ. А это в свою очередь возможно, только после получения соответствующего ответа на обращение от начальника главного управления (отдела, на правах управления). Таким образом, непосредственному обращению препятствует установленная, подзаконным актом (Инструкцией) инстанционность личных приемов.

То есть при первом приближении очевиден вывод, что гражданин лишен права непосредственного (прямого) обращения к руководителю. Данному суждению можно парировать тем, что требования инстанционности не блокирует возможность реализации права на обращение в органы прокуратуры, а лишь замедляет данный процесс, растягивая его во времени.

Однако с позиции конституционности подобного ограничения оно не правомерно, поскольку может быть установлено лишь федеральным законом и лишь в конституционно значимых целях (статья 55 часть 3).

Однако пожалуй не вызывает сомнения, что отсутствие обозначенной инстанционности, особенно учитывая более 4 миллионов жалоб, ежегодно направляемых в органы прокуратуры, привело к массовому требованию личного приема или личного ответа от Генпрокурора РФ. Это с неизбежностью приведет либо к полному параличу работу данного органа, либо к тому, что скопится очередь, которая потребует предварительной записи за годы вперед[5].

В этой связи полагаем, что возможность такого ограничения конституционно оправдана, хоть и не предусмотрена положением федерального законодательства, а отдана на откуп подзаконного регулирования.

Как уже стало ясно, правовой основой для рассмотрения обращений граждан органами прокуратуры кроме Конституции РФ и федерального законодательства служат Приказы Генпрокурора РФ[6]

Их значение заключается в том, что с их помощью Генпрокурор – на основании сведений о состоянии законности, статистических данных и обращений граждан – имеет возможность обратить пристальное внимание подчиненных на определенный сегмент правоотношений нуждающихся в особом контроле[7].

Таким образом, вопросы реализации права граждан и организаций за защитой своих прав в органы прокуратуры РФ не теряют своей актуальности.

---

[1] *Савоськин А.В.* Обращение граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) // дисс. докт. юр. наук. Екатеринбург. 2019. С. 138

[2] См. п. 1 ст. 1 // Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

[3] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8462.

[4] Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ» (в ред. от 05.07.2018) // Законность. 2013. № 4.

[5] *Савоськин А.В.* Обращение граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) // дисс. докт. юр. наук. Екатеринбург. 2019. С. 325.

[6] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 января 2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2013. № 4; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07 мая 2010 № 195 «О мерах по совершенствованию взаимодействия с общественными организациями ветеранов и пенсионеров прокуратуры» // Законность. 2010. № 8; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 08 декабря 2010 № 435 «Об участии прокуроров в работе мобильной приемной Президента Российской Федерации, приемных Президента Российской Федерации в федеральных округах и административных центрах субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 мая 2011 № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией о порядке обеспечения доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации») // Законность. 2011. № 10; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16 января 2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Законность. 2014. № 4.

[7] Так в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 (в ред. Приказов Генпрокуратуры России от 09.02.2012 № 39 и от 10.02.2012 № 46) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» обращается внимание прокуроров на необходимость активизации защиты закрепленных в Конституции РФ прав на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), социальное обеспечение (ст. 39), трудовых (ст. 37), жилищных (ст. 40), избирательных (ст. 32) и иных социальных и политических прав и свобод человека и гражданина, в том числе безопасных условий труда (ст. 37), своевременной выплаты заработной платы (ст. 37), проведения публичных мероприятий (ст. 31) и др.

Корешкова Н.С.
магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ермолова О.Н., доцент кафедры гражданского права, к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТУРИСТСКИЙ ПРОДУКТ И ЕГО СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

Аннотация. *Сфера туризма всегда была одним из стремительно развивающихся секторов экономики, который с каждым годом все более привлекает к себе внимание. Данный факт, напрямую связан с возможностью и желанием граждан путешествовать. Туристическая деятельность простирается от гостиничной деятельности, транспортной, до финансовой деятельности, посредничества разного рода. В связи с чем возникает потребность в разграничении туристского продукта и туристских услуг.*

Ключевые слова: *туристский продукт, туристские услуги.*

Koreshkova N.S.
master's degree student, Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Yermolova O.N., associate Professor Department of Civil Law, candidate of Legal Sciences, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TOURIST PRODUCT AND ITS COMPONENTS

Abstract. *The tourism sector has always been one of the rapidly developing sectors of the economy, which attracts more and more attention every year. This fact is directly related to the ability and desire of citizens to travel. Tourism activities range from hotel activities, transportation, to financial activities, and various types of intermediation. In this connection, there is a need to distinguish between a tourist product and tourist services.*

Keywords: *tourist product, tourist services.*

Туризм, является одним из направлений, стремительно развивающихся в сфере экономики. Данный факт, напрямую связан с возможностью и желанием граждан путешествовать. Туристическая деятельность простирается от гостиничной деятельности, транспортной, до финансовой деятельности, посредничества разного рода. В связи с чем возникает потребность в разграничении туристского продукта и туристских услуг.

Туристский продукт – это комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта[1]. Данная дефиниция является легальной, однако в доктрине гражданского права имеют место и иные формулировки. Например, Е.В. Устюгова и Т.О. Попова называют туристским продуктом «товар в виде предопределенного набора туристских услуг, обладающих полезностью». Под туристскими услугами данные авторы понимают деятельность предприятий туриндустрии, которая удовлетворяет потребности клиентов и, которая не имеет как правило, материально-вещественной формы.[2]

Самым главным отличием данных понятий является то, что туристический продукт гражданин может приобрести как по месту своего жительства, так и у туроператора в другом регионе, а воспользоваться туристической услугой будет возможным только в месте ее осуществления. То есть, покупая путевку, мы приобретаем товар (продукт), но никак не услугу, услугу мы получим только по факту прибытия в место отдыха.

Исходя из данных положений, мы приходим к выводу о том, что туристский продукт является более широким понятием, нежели чем туристские услуги, а также включает в себя туристские услуги.

К слову, некоторые ученые полагают, что понятие «туристический продукт» в рамках действующего российского законодательства некорректно в силу неопределенности своего содержания[3].

С.Е. Кузахметова отмечает, что в первоначальной редакции Закона об основах туристской деятельности туристский продукт вообще был определен как некое субъективное право гражданина; также определение содержало термин «тур». Впоследствии от этой конструкции отказались и вместо «тура» в дефиниции появился «комплекс услуг». В целом принимая имеющееся определение верным, автор полагает, что его можно уточнить, сформулировав следующим образом: «туристский продукт – комплекс туристских услуг на период более 24 часов, оказываемых за общую цену по договору о реализации туристского продукта»[4].

В зависимости от специфики туристского предприятия турпродукт может включать в себя три компонента: 1. основные услуги; 2. дополнительные услуги; 3. сопутствующие услуги. Туристский продукт продается клиенту в форме тура, выбранного туристом. Тур подразумевает под собой некий целостный продукт, который выступает как деятельность туроператора и непосредственно ориентирован под запросы клиенты и определенные сроки.

Основной комплекс услуг – это некий набор услуг, который подбирается под требования клиента и который не посредственно формирует программу обслуживания в рамках выбранного тура. Основные услуги являются обязательной составляющей любого купленного тура, т.е. данный комплекс услуг всегда будет присутствовать

[1] Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 08.06.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 09.01.2021)

[2] *Устюгова Е.В., Попова Т.О.* Туристский продукт и туристские услуги // Транспортное дело России. 2009. С. 59-60.

[3] *Биржаков М.Б., Климин А.Н., Озимина Л.А.* Критика понятия «туристский продукт» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-ponyatiya-turistskiy-produkt (дата обращения: 20.02.2021).

[4] *Кузахметова С.Е.* К вопросу о легальной дефиниции понятия «туристский продукт» // Электронный ресурс. URL: https://studref.com/524561/pravo/kuzahmetova_voprosu_legalnoy_definitsii_ponyatiya_turistskiy_produkt (Дата обращения: 20.02.2021).

независимо от каких-либо внешних обстоятельств. В основной комплекс услуг входят такие позиции как проживание, питание, трансфер до места проживания и тд.

Дополнительный комплекс услуг – это те услуги, которые не включены в стоимость тура и могут приобретаться потребителем за отдельную плату на месте получения услуги, в зависимости от тех или иных предпочтений, увлечений туриста. В данный комплекс могут быть включены следующие услуги: снаряжение (для скалолазания), дополнительное питание, экипировка (лыжная), анимационные развлечения, экскурсии и тд.

К сопутствующему комплексу услуг относится: обеспечение национальными сувенирами, обмен валюты, доступ к wi-fi (данная услуга чаще всего является бесплатной на территории отеля), туристской символикой, кредитное обслуживание, услуги почты, предоставление индивидуальных сейфов (как правило сейфы в некоторых отелях находятся прямо в номерах и данная услуга является бесплатной) и др.

Отметим, что турпродукт, как и любой другой продукт, обладает определенным набором потребительских свойств. К таким свойствам можно отнести следующее:

- обоснованность – означает то, что купленный комплекс услуг должен соответствовать той стоимости, которая была за него заплачена и должен отвечать тем критериям, условиям, которые прописаны в путевке и запросам туриста;
- эффективность – достижение наилучшего результата при разумных расходах со стороны туриста;
- простота;
- гибкость – данный критерий подразумевает, то что турпродукт должен достаточно легко приспосабливаться к системе обслуживания другого туриста, т.е. под его интересы и запросы и тд.

Таким образом, в научной среде имеют место различные подходы к понятию «туристский продукт», вплоть до отрицания фактического существования такой категории в рамках действующего российского права. Легальное определение в рамках развития законодательство претерпело изменения и на сегодняшний день туристский продукт трактуется законодателем прежде всего, как комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену. Важно отграничивать туристский продукт от туристической услуги, которую потребитель получает по прибытии на определенное место отдыха, в то время как продукт он получает при оформлении договора. Туристский продукт может включать в себя до трех компонентов: основные услуги, дополнительные услуги и сопутствующие услуги. К специфическим свойствам туристского продукта относятся: обоснованность, эффективность, надежность, простота и гибкость.

Коровина А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Старшова У.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА

Аннотация. *Статья посвящена проблемам применения национального права России при рассмотрении решений Европейского суда по правам человека в сфере обеспечения конституционного принципа равенства. Рассматриваются проблемные вопросы при рассмотрении обращений граждан в Европейском суде по правам человека. Уделяется особое внимание Конституционной реформе 2020 года, ознаменовавшей начало нового этапа взаимодействия международного и внутригосударственного права.*

Ключевые слова: *равенство, Европейский суд по правам человека, права человека, Конституция РФ.*

Korovina A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Starshova U.A. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE ISSUE OF THE ENFORCEMENT OF DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF EQUALITY

Abstract. *The article is devoted to the problems of the application of Russian national law when considering decisions of the European Court of Human Rights in the field of ensuring equality. Problematic issues are considered when considering citizens' appeals in the European Court of Human Rights. Special attention is paid to the 2020 Constitutional Reform, which marked the beginning of a new stage in the interaction of international and domestic law.*

Keywords: *equality, European Court of Human Rights, human rights, national law.*

Обеспечение равенства и защиты от дискриминации, в первую очередь, осуществляется на национальном уровне. Важную роль в данном процессе играют право-

вые доктрины, инициативы и разработки международных институций, например, таких, как Европейский суд по правам человека.

Европейский Суд по правам человека, в свою очередь, известный также как Страсбургский суд, является международным судебным органом, к компетенции которого относится вынесение постановлений по жалобам частных лиц, юридических лиц, являющихся внеправительственными организациями или учреждениями, государств к государствам, при условии того, что они входят в число стран-членов Совета Европы, ратифицировавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод[1]. В число таких государств входит и Российская Федерация.

Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»[2] в статье 1 устанавливает, что Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

С того момента, когда Россия признала ipso facto обязательность юрисдикции Европейского Суда по правам человека, на практике произошло много правовых, политических и экономических событий, породивших различные вопросы, как с точки зрения концептуальных основ применения международных норм и практики межгосударственных органов по защите прав человека в системе внутреннего права, так и с точки зрения практических аспектов реализации позиций Европейского Суда по правам человека в правоприменительной практике российских государственных органов.

Только в 2003 г. Пленум Верховного Суда в Постановлении «О Судебном решении»[3] отметил, что в мотивировочной части решения должен быть указан материальный закон, примененный судом к данным правоотношениям, которым руководствовался суд, в связи с чем суд учитывает постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле. Кроме того, в 2013 г. Верховный суд Российской Федерации дал не менее важные разъяснения, повлиявшие на деятельность российских судов. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»[4] устанавливает обязанность для российских судов учитывать правовые позиции Европейского суда по правам человека при применении законодательства Российской Федерации.

Протокол № 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод стал дальнейшим шагом по обеспечению равенства всех людей путем коллективного осуществления всеобщего запрещения дискриминации и был подписан Российской Федерацией 31 октября 2000 года[5]. Однако для включения Протокола № 12 к Конвенции в правовую систему России помимо подписания протокола властями Российской Федерации необходима его последующая ратификация путем принятия специального федерального закона.

Запрет дискриминации установлен ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но в сравнении с аналогичными положениями Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, этого недостаточно. Статья 14, в отличие от других международных документов, не предусматривает запрещения дискриминации как таковой, а запрещает дискриминацию лишь в отношении «пользования правами и свободами», изложенными в Конвенции. Поэтому до принятия протокола Европейский Суд по правам человека не рассматривал дискриминацию как самостоятельное нарушение, и заявители ссылались на статью 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в дополнение к основному нарушению. Протокол № 12 сделал дискриминацию отдельным нарушением прав человека – причиной обращения в Европейский Суд по правам человека, что расширило сферу применения статьи 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Так как данный протокол до сих пор не ратифицирован Россией, российские заявители при обжаловании дискриминации в Европейском суде должны учитывать, что статья 14 Конвенции распространяется лишь на права, перечисленные в самой конвенции, и поэтому не используется судом самостоятельно.

Ратификация Протокола № 12 сделает возможным применение норм об общем запрещении дискриминации в широком смысле (в понимании Европейского Суда по правам человека) на территории Российской Федерации. Кроме того, его ратификация может стать отправной точкой для инициации процесса разработки комплексного антидискриминационного законодательства в России. Можно считать, что протокол № 12 в какой-то степени рассчитан на перспективу, он задает направление развития европейской системы защиты прав человека.

Рассмотрение дел Европейским судом обеспечивает соблюдение обязательств, принятых на себя странами-участниками Конвенции, и Протоколов к ней, а также привлечению внимания государств к фактам нарушения прав человека. Практика Европейского суда по правам человека демонстрирует наиболее уязвимые положения

[1] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Действующее международное право. Т2.

[2] См.: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14.

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. № 3374.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета № 14. 2013.

[5] См.: Протокол № 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 177 (Рим, 4 ноября 2000 г.) // Совет Европы и Россия. 2001. № 1.

национального законодательства и нарушения в правоприменительной практике, обнаруживая тем самым необходимость приведения действующего законодательства и правоприменительных процедур в соответствие с международными нормами.

По мнению Д.В. Красикова, «основой функционирования Конвенции о защите прав человека и основных свобод» и «основным принципом имплементации Конвенции» является принцип субсидиарности[1]. К тому же данный принцип можно назвать основополагающим правилом во взаимодействии Конвенции с национальными правовыми системами. Как считает К.С. Аристова, «принцип субсидиарности применительно к деятельности Европейского суда по правам человека представляет собой особый способ организации и согласования национальной и европейской систем защиты прав человека, при котором человеку дается дополнительная возможность защитить свои права, после того как на национальном уровне сделать это оказалось невозможно»[2].

Европейский суд в своих правовых позициях дает следующее толкование принципу субсидиарности, который закреплен в статье 35 Конвенции: «из принципа субсидиарности вытекает обязанность государств, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем правопорядке и по отношению к органам национальной судебной системы»[3].

Кроме того, о необходимости соблюдения принципа субсидиарности при осуществлении правосудия, а также о второстепенной роли Европейского суда по правам человека по отношению к органам национальной судебной системы при решении вопросов, связанных с реализацией прав и свобод человека отмечается на национальном уровне. В Постановлении Конституционного суда Российской Федерации № 21-П от 14 июля 2015 года устанавливается, что «Европейский Суд по правам человека выступает в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты»[4]. Пленум Верховного суда Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» также отмечал первоочередную роль национальных судов в вопросе защиты прав и свобод человека.

Соответственно Европейский Суд по правам человека не является для национальных судов вышестоящей инстанцией, которая вправе давать указания российскому законодателю или российским судам, как следует поступать в том или ином случае подтвержденного факта нарушения права индивида, гарантированного Конвенцией. Данные отношения следует рассматривать как партнерские, имеющие своей целью совместную работу в деле защиты прав и свобод граждан.

Не все решения Европейского Суда по правам человека приводят к изменению российского законодательства. В настоящее время в национальном российском праве четко обозначены два пути, которые позволяют, как обеспечить исполнение решений Европейского Суда по правам человека, так и блокировать их. В постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П Конституционный Суд Российской Федерации признал наличие со стороны Российской Федерации неисполнимых решений Европейского Суда по правам человека, отметив следующее: если постановление суда, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Европейской конвенции по правам человека, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление не может быть исполнено. Данная позиция обосновывается тем, что с целью эффективной реализации гарантированных Конвенцией прав во избежание необоснованного вторжения международного органа в конституционную идентичность государства, толковать Европейскую конвенцию по правам человека необходимо не только в свете современных правовых и социальных реалий, но и с учетом национальных правовых и социокультурных особенностей того или иного государства-участника.

Кроме того, в 2016 г. для обеспечения принципа верховенства Конституции были внесены существенные изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»[5], согласно которым закон дополнен новой главой XIII.1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». Данные изменения были приняты с целью разъяснения и упорядочения предложенного порядка пересмотра дел ввиду выявления Европейским судом по правам человека нарушений со стороны России положений Конвенции по правам человека и основных свобод.

В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем

---

[1] См.: *Красиков Д.В.* Юрисдикция Европейского Суда по правам человека: принцип субсидиарности : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 25.

[2] См.: *Аристова К.С.* Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 26

[3] См. Постановления от 29 марта 2006 г. по делу «Мостаччьуло (Mostaceiuolo) против Италии (№ 2)» и от 2 ноября 2010 г. по делу «Сахновский против России» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» от 14 июля 2015 г. № 21-П // СЗ РФ. № 30. 2015. ст. 4658

[5] См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 09.11.2020) // Российская газета. 1994. № 138-139.

предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». По поводу данного положения в научной литературе нет единого мнения. Например, Е.Е. Никитина писала, что «Конституция не дает четкого разъяснения по поводу соотношения норм Конституции и норм международного договора»[1]. По мнению автора, неопределенность заключается в том, понятие «закон» не имеет нормативного закрепления, поэтому Конституцию тоже можно отнести к закону, что означает распространение нормы о приоритете международного права и на Конституцию. А.А. Джагарян, наоборот, считала некорректным рассматривать вопрос о противоречивости и неоднозначности конституционного подхода по данному вопросу, т.к. в тексте Конституции данный вопрос решен исчерпывающим образом[2].

Конституционное правило о приоритете норм международных договоров над нормами национального законодательства не умаляет основополагающего значения Основного закона для национально правовой системы как акта, которые определяет основы правовой, политической и экономической систем государства, а также сам статус международного договора.

15 января 2020 года в рамках Послания Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин анонсировал конституционную реформу, призванную впервые за 27 лет серьезно изменить Конституцию Российской Федерации. Согласно изменениям введенным Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[3] в статьи 79 и 125 Конституции Российской Федерации решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Данная формулировка отразила давно назревшую необходимость конституционно закрепить верховенство Конституции и государственного суверенитета

Рассматривая соотношение части 4 статьи 15 и статьи 79 Конституции Российской Федерации, в теории поднимается вопрос об их противоречии друг другу[4]. Представляется, что целесообразнее рассматривать данные статьи во взаимосвязи, т.е. систематично. Положения части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации следует рассматривать как «общее» правило, а положения ст. 79 и 125 Конституции Российской Федерации – как «специальное» правило. То есть исходить из того, что действительно международные договоры Российской Федерации имеют приоритет над внутренним законодательством, но если такие международные договоры и решения международных судов вступают в явное противоречие с Конституцией Российской Федерации и публичным порядком, тогда в исключительных случаях они не применяются.

На сегодняшний день остается не до конца ясным механизм реализации решений Европейского суда по правам человека, т.к. за гражданами Российской Федерации по-прежнему сохраняется право подавать жалобы в Европейского суда по правам человека. В сложившейся ситуация, при которой решения Страсбургского суда могут не исполняться вопреки принятым Россией на себя международным обязательствам, весьма актуальным является поиск новых путей взаимодействия Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отметил: «Конституционный суд Российской Федерации занимается не тем, как не исполнить решения Европейского суда по правам человека, а поиском путей исполнения»[5].

Следует согласиться с мнением конституционалиста И. А Кравец о необходимости создания юридически безупречного и конституционно регламентированного механизма разрешения коллизий как на уровне федерального парламента в ходе процедуры ратификации международных договоров, так и на уровне федерального органа конституционного правосудия в ходе осуществления судопроизводства по проверке конституционности международных договоров[6].

Механизмы разрешения коллизий между решениями Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека могут быть самые разнообразные: пересмотр решения Конституционным Судом; введение процедуры ответственности судей за принятие решения, которое противоречит нормам международного права; отказ Российской Федерации от соответствующих международно-правовых договоров.

Таким образом, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека, оказывающие влияние на содержание норм о правах и свободах человека, могут конфликтовать чаще, поскольку подвержены влиянию тенденций времени, менталитета, политических задач. С момента принятия Постановления № 21-П начался новый этап развития правоприменительной практики в вопросах соотношения внутригосударственного и межгосударственного правосудия. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации предусмотрел возможность законодательного закрепления механизмов обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации.

---

[1] См.: *Никитина Е.Е.* Проблема соотношения Конституции РФ и международных договоров // Договор как общеправовая ценность: монография. М.: Статут, 2018. С. 45.

[2] См.: *Джагарян А.А., Бондарь Н.С.* Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 45.

[3] См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[4] См.: *Барциц И.Н.* Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. 2020. № 1 (123). С. 34.

[5] См.: Сообщения и материалы информационного агентства «РБК». URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58469fdf9a79473ef523eece (дата обращения: 21.02.2021).

[6] См.: *Кравец И.А.* Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 12-15.

Конституционная реформа 2020 года не исключает возможность поиска компромисса, однако позиция законодателя ориентирована, в первую очередь, на защиту внутригосударственного правопорядка и основ конституционного строя от необоснованного межгосударственного вмешательства. Конституционный Суд Российской Федерации по-прежнему оставляет приоритетными интересы частных лиц и императивы международного права. На сегодняшний день существует необходимость поиска новых путей нормативного и правоприменительного взаимодействия между Европейской конвенцией по правам человека и основных свобод, решениями Европейского суда по правам человека и Конституцией Российской Федерации.

Кравцова А.Г.
студентка 1 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Седова Г.И., кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОМПЕТЕНЦИЯ» И «ПОЛНОМОЧИЯ» ПРОКУРОРА ОТНОСИТЕЛЬНО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВАНИИ НОРМ УПК РФ И ФЗ «О ПРОКУРАТУРЕ РФ»

Аннотация. *В статье рассматривается теоретическая проблема соотношения понятий «компетенция» и «полномочия» прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Сформирован вывод, что подход, согласно которому «компетенция» прокурора в ходе досудебного производства приравнивается исключительно к «полномочиям» прокурора создает ситуацию, при которой прокурор без привязки к роду и целям его деятельности, наделяется законодателем целым перечнем прав по координации работы следователя или дознавателя. Предлагается раскрывать компетенцию прокурора в ходе досудебного производства через направления его деятельности.*

Ключевые слова: *прокурор, компетенция прокурора, полномочия прокурора, досудебное производство.*

Kravtsova A.G.
1st year master's student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Sedova G.I., candidate of legal sciences, Assistant Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

RELATION OF CONCEPTS «REFERENCE» OF THE PROSECUTOR AND «POWERS» OF THE PROSECUTOR ON STEP OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS BASED ON ARTICLES OF CRIMINAL PROCEDURE CODE AND FEDERAL LAW «ABOUT OFFICE OF PUBLIC PROSECUTOR»

Abstract. *In article are considered theoretical problem of the relation of concepts «reference» of the prosecutor and «powers» of the prosecutor on step of pre-trial proceedings. The conclusion was made that the view according to which «reference» of the prosecutor on step of pre-trial proceedings means his «powers» creates the situation in which the prosecutor without line of work and mission is lodged with powers by law-making body to interfere with work of an investigator or a patrol investigator. It is proposed to expand the concept «reference» of the prosecutor on step of pre-trial proceedings by his lines of activity.*

Keywords: *prosecutor, reference of the prosecutor, powers of the prosecutor, pre-trial proceedings.*

В соответствии с официальными данными статистики в отношении деятельности органов Прокуратуры Российской Федерации в сфере надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства всего за период с января по октябрь 2020 года было выявлено 4 223 077 нарушений, из которых на этапе приема, регистрации, рассмотрения сообщений о преступлении – 2 908 607, на этапе производства следствия и дознания – 1 314 470[1].

Приведенные данные являются хорошим примером того, насколько важна деятельность органов Прокуратуры Российской Федерации в отношении обеспечения прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а также обеспечения законности принимаемых следователями и дознавателями решений, т.к. показатели, связанные с количеством нарушений, представляют собой значительные цифры.

Очевидно, что для уменьшения числа нарушений необходимо, в том числе и постоянное проведение мероприятий по улучшению работы прокуратуры, а для этого нужно иметь точное представление о том, в чем заключается ее деятельность на рассматриваемых стадиях.

Деятельность любого государственного, муниципального органа либо должностного лица определяется двумя важными терминами: «компетенция» и «полномочия», и детальность прокуроров в отношении досудебного производства не является исключением.

На сегодняшний день наибольшее распространение получили два подхода к толкованию термина «компе-

[1] Основные показатели прокурорской деятельности Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 13.03.2021).

тенция». Первый подход заключается в том, что термин «компетенция» раскрывается через термин «полномочия». Так, например, в Юридическом словаре А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, компетенция – это тождество полномочий, а также прав и обязанностей конкретного органа либо должностного лица[1]. Полномочие – это право лица на совершение юридически значимого действия[2].

Второй подход заключается в том, что под термином «компетенция» подразумевается совокупность явлений, вопросов, в которых лицо обладает авторитетностью, опытом, познанием[3].

При обращении к части 1 статьи 37 УПК РФ, можно сделать вывод, что законодатель придерживался первого подхода к термину «компетенция», т.к. в отношении компетенции прокурора в УПК РФ содержится только одна формулировка, которая ее раскрывает, и эта формулировка – «предусмотрена настоящим Кодексом», а далее, следует перечисление полномочий[4], т.е. прав прокурора на осуществление тех или иных юридически значимых действий.

Таким образом, понятие «компетенция прокурора в ходе досудебного производства» на основании норм УПК РФ, представляет собой лишь перечисление того, что прокурор должен делать в процессе досудебного производства в виде перечня действий с подпункта 1 по подпункт 16 части 2 статьи 37 УПК РФ.

Если обратиться к ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», то также можно обратить внимание на то, что словосочетание «компетенция прокурора» в нем не встречается, а относительно деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного производства выделяется только предмет надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, и опять же полномочия прокурора при его осуществлении.

По мнению автора настоящей статьи, указанный подход, в силу которого компетенция прокурора в ходе досудебного производства приравнивается к перечислению всех его полномочий, является неверным, т.к. при раскрытии компетенции посредством полномочий необходимость в применении термина «компетенция» пропадает, можно руководствоваться исключительно термином «полномочие». К тому же возникает ситуация, при которой законодатель без каких-либо оснований и целей предоставляет прокурору ряд возможностей на осуществление юридически значимых действий.

Интерес представляет точка зрения И.В. Стуконога, согласно которой полномочия являются производными от компетенции[5], т.е. возникают исходя из компетенции, а не являются ей. Компетенция, как указывает ученый, охватывает направления деятельности[6].

Учитывая часть 1 статьи 37 УПК РФ, основные направления деятельности прокурора в процессе досудебного производства, это уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, органов предварительного следствия. Надзорная деятельность прокурора преследует цель исполнения и соблюдения норм законов, а уголовное преследование заключается в законном и эффективном обеспечении неотвратимости наступления уголовной ответственности[7].

Подводя итоги изложенного, принимая во внимание часть 1 статьи 37 УПК РФ, а также статью 29 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», автор настоящей статьи предлагает раскрыть компетенцию прокурора в ходе досудебного производства через направления деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства с учетом особенностей каждого из них.

Итак, «компетенция прокурора в ходе досудебного производства» представляет собой разрешение прокурором вопросов соблюдения прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности решений органов дознания, органов предварительного следствия при осуществлении надзора за их процессуальной деятельностью, а также вопросов законного и эффективного обеспечения неотвратимости наступления уголовной ответственности.

[1] Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15470 (дата обращения: 13.03.2021)..

[2] Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских // Наука. Искусство. Величие. URL: http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-207-4.htm#zag-4779 (дата обращения: 13.03.2021).

[3] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/838158 (дата обращения: 13.03.2021).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.03.2021).

Кравченко В.В.
Студентка 1 курса 1 К группы Института магистратуры ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Славгородская О.А., к.ю.н., доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Аннотация. *Осмотр места происшествия, относится к первоначальным следственным действиям, и имеет преимущественно неотложный характер. При расследовании тяжких преступлений против личности расследование начинается именно с осмотра места происшествия. Качество проведения осмотра места происшествия влияет на эффективность процесса рассле-*

[5] *Стуконог И.В.* Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» / И.В. Стуконог. Краснодар, 2020. С. 22.

[6] Там же. С. 22.

[7] *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов. Вступит. статья В.Д. Зорькина. 7-е изд., перераб. М.: Норма, 2018. С. 9.

дования, способствует выдвижению правильных версий, раскрытию преступления, изобличению виновных.

Ключевые слова: *следователь, преступник, место происшествия.*

Kravchenko V.V.
student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Slavgorodskaya O.A., Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE EXAMINATION ACCIDENT LOCATIONS

Abstract. *Inspection of the scene of the incident refers to the initial investigative actions, and has a predominantly urgent character. When investigating serious crimes against a person, the investigation begins precisely with an inspection of the scene of the incident. The quality of the inspection of the scene affects the effectiveness of the investigation process, contributes to the advancement of the correct versions, the disclosure of the crime, and the exposure of the perpetrators.*

Keywords: *investigator, criminal, scene of the incident.*

Основной задачей, реализуемой в рамках деятельности по расследованию преступлений выступает защита личности, достижение истины в процессе расследования преступлений, привлечение виновных лиц к ответственности. Поскольку влияние личности следователя на реализацию задач расследования в целом и на деятельность в рамках проведения осмотра места происшествия неоспоримо, то необходимо отметить, что профессиональные и психологические характеристики личности следователя определяют основные характеристики его деятельности.

В основе психологической структуры работы следователя лежит его поисково-познавательная деятельность, направленная на собирание, оценку и исследование доказательств, на основе которых он полностью реконструирует прошедшее событие, все отношения различных лиц, связанных с этим событием, выясняется личность субъекта, совершившего преступление. Именно в ходе предварительного расследования осуществляется процесс создания модели события прошлого преступления.[1]

Знание прошедшего события всегда формируется посредством исследования обстоятельств действительности. данным обстоятельством обусловлена необходимость в построении ментальных моделей отношения фактов, явлений настоящего к прошлому событию. Признание также включает практические действия по анализу и оценке признанных фактов и явлений. В процессе этой деятельности широко используются эксперименты с объектами, выявляемыми в процессе познавательной деятельности. Следователь вправе применять всю палитру тактических приемов, в том числе и те которые имеют ярко выраженную психологическую основу и могут быть определенным образом систематизированы исходя из реальной или мнимой цели их использования (например, на основе не раскрытие истинной цели действий следователя с использованием фактора неожиданности; основанное на создании впечатления о подозрении, что его сообщник был разоблачен; предложения, основанные на предположениях о «надлежащих» действиях подозреваемого и т. д.). Однако успешное применение психологического реагента не следует переоценивать, это не освобождает следователя от обязанности тщательно проверять любые показания обвиняемого, принимать все меры для установления истины по уголовному делу, строго согласовывать свои действия с юридическими и этическими нормами. Процесс расследования уголовного дела можно рассматривать как серию следственных ситуаций, которые должен разрешить следователь. Психологические аспекты исследовательской ситуации представляют собой частный случай психологии деятельности испытуемого в целом.

Следственная ситуация – это динамическая информационная система, элементами которой являются соответствующие признаки и характеристики обстоятельств, имеющие значение для конкретного уголовного дела, связи и отношения между ними, а также между участниками следственного процесса, фактические или ожидаемые результаты сторон. Построение модели следственной ситуации – это не только получение информации, но и ее полная оценка, включая как логические аспекты, так и элементы добровольных действий на завершающей стадии процесса. Таким образом, модель следственной ситуации – это не только вероятностный логический вывод, но и своеобразное информативное решение о том, что произошло, что происходит в расследуемом уголовном процессе или что может произойти.[2]

Успешность разрешения следственной ситуации во многом определяется профессиональным опытом следователя. Как правило, осмотр места происшествия относится к первоначальным следственным действиям, и в большинстве случаев особо опасных преступлений против личности, расследование начинается именно с осмотра места происшествия. Успех или неудача в этом случае во многом предопределяют выдвижение правильной версии, раскрытие преступления, выявление виновных. С другой стороны, ошибки, допущенные следователем при проверке, часто негативно сказываются на дальнейшем ходе расследования, толкают расследование в ложном направлении или заводят его в тупик. В системе первоначальных следственных действий осмотр места происшествия занимает важнейшее и ключевое место.[3]

Осмотр места происшествия: процесс сбора информации о преступном событии, имевшем место на месте его совершения. При осмотре места происшествия следователь имеет дело с большим объемом информации, которая ни в коем случае не нужна для построения ментальной модели криминального события. Следственное исследование характеризуется высокой степенью неопределенности. Как правило, в начале проверки сле-

[1] *Чуфаровский Ю.В.* Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. М., 2006. С. 144.

[2] *Васильев В.Л.* Юридическая психология 6-е изд. СПб., 2009. С. 129.

[3] Там же. С. 129.

дователь не знает всего объема фактов, подлежащих расследованию. И здесь успех раскрытия большинства преступлений во многом зависит от модели (образа) преступления через воображение и интуицию следователя. Специфика исследовательского воображения и мышления заключается в выдвижении целого ряда взаимоисключающих предположений (версий). Следственная версия, составленная из разрозненных доказательств (фактов), представляет собой образ, подтверждающий ее в действительности. Все воображаемые версии относятся к реальной ситуации и реальному результату. Таким образом, исследовательское воображение постоянно регулируется пространственно-временными рамками прошедшего события – преступления.[1]

При осмотре места события следователь использует обнаруженные факты, явления, признаки, использует свои знания, профессиональный и жизненный опыт, часто на уровне интуитивных догадок и предположений. Особенно высок вес воображения и интуиции в творческой работе следователя над раскрытием убийств – преступлений, совершенных очень часто без очевидцев, которые могли бы дать связную картину события. Чем больше следователь своим внутренним зрением «видит» образ убийства, тем правильнее будут версии, предложенные им на основе этого «внутреннего видения». Следственная интуиция – это интеллектуальная способность, основанная на опыте и знаниях, быстро и напрямую находить решение творческой проблемы с ограниченным исходным материалом. Она играет положительную роль в поисках истины, сборе доказательств, наиболее эффективных методах расследования.[2]

Комплексная мыслительная деятельность следователя делает осмотр места происшествия рациональным и эффективным, позволяет установить связь между обнаруженными объектами и исследуемым событием, выявить различные причинно-следственные связи между обнаруженными явлениями, негативными обстоятельствами и распознать возможную инсценировку.

В целях иллюстрации рассмотрим следующую ситуацию. По сообщению супруги следователь прибыл на место происшествия, с целью осмотреть труп ее мужа, болевшего туберкулезом легких и скончавшегося в результате очередного приступа. Картина места происшествия в целом соответствовала поступившему сообщению Отсутствие на месте происшествия судебного медика или врача было связано с отдаленностью расположения населенного пункта, в связи, с чем осмотр труппа на месте происшествия не производился. Сам следователь не стал осматривать труп, поскольку не был психологически не готов к проведению данного действия и вид трупа его сильно испугал. Сформировавшая единственная версия не позволила следователю провести качественно осмотр места происшествия. Он не только не заметил раны на голове трупа, но и не увидел молоток со следами крови, находившийся в соседней комнате. Молоток не был обнаружен и изъят, а впоследствии экспертизой был установлен насильственный характер смерти, от удара тупым предметом по голове. Экспертом была подтверждена возможность того, что в качестве орудия преступления мог быть использован молоток.[3]

Информация, которую необходимо идентифицировать и отобрать во время проверки, отличается необычайной динамикой и в то же время является уникальной. Поэтому ее нужно ловить научно-техническими средствами. Наличие огромного количества информации, отсутствие исходного критерия, позволяющего четко определить степень ее важности, может привести к рассеиванию внимания следователя, отвлечению его на факты, не являющиеся решающими для расследования. Чтобы не рассеивать и не отвлекать внимание на неважные детали, следователь должен выработать четкую последовательность во время экзамена. Успех осмотра места происшествия также во многом зависит от организационной деятельности следователя. Она направлена на организацию собственной деятельности следователя; организация деятельности других участников, устранение вредных последствий действий других лиц; организацию других следственных и оперативных мероприятий (задержания, высылку групп перехвата, немедленное телеграфное сообщение в другие места и т. д.);. Помимо опыта и знаний, такие качества следователя, как наблюдательность, внимательность и терпение, являются ключом к успеху осмотра места происшествия.

Негативные обстоятельства (противоречивые факты), полученные в ходе проверки, имеют особое значение для раскрытия инсценировки преступления, которое происходит, когда лицо, заинтересованное в конкретном результате расследования, искусственно создает среду, не соответствующую реальному событию.

Инсценировка, направленная на сокрытие следов преступления представляет собой несколько вариантов изменения представления об объективной реальности, попытку ввести в заблуждение относительно сущности происшедшего события, ложную реальность, формирующуюся в сознании следователя, неблагоприятную внешнюю картину реальности, приводящую следователя к ошибочному формированию версий. Все это порождает ложные следы и одновременно выступает для следователя в качестве психологической ловушки.

Инсценировку места происшествия можно распознать по следующим общим чертам: а) демонстративный характер признаков события на месте происшествия; б) наличие признаков различных преступлений; в) сокрытие отдельных признаков на месте происшествия; г) несоответствие признаков на месте происшествия механизму подлинного происшествия; д) противоречия в обстоятельствах происшествия, е) негативные обстоятельства.[4]

При подготовке к выезду на место происшествия возникает необходимость психологического отношения следователя к предстоящей деятельности. В зависимости от характера происшествия моделирует общую схему своих предстоящих действий, формирует отношение к преодолению возможных препятствий. Немаловажна и психологическая податливость участников осмотра места происшествия. Обладая мощными способностями,

[1] *Сорочан В.В.* Юридическая психология. М., 2010. С. 73.

[2] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей: учебное пособие. М., 1967. С. 250.

[3] *Чуфаровский Ю.В.* Указ. соч. С. 156.

[4] *Сорочан В.В.* Указ. соч. С. 75.

следователь не должен упускать из виду психологические аспекты межличностных отношений. Его дружеское и деловое общение с участниками осмотра является необходимым условием успешного осмотра места происшествия, в котором участвует группа лиц. Тщательная предварительная психологическая, организационная и техническая подготовка – важнейшее условие успешного осмотра места происшествия.

Подготовительные действия до начала самого осмотра направленные на подбор участников, обеспечение мер защиты и сохранности обстановки места происшествия, и т.п. позволяют сформировать необходимые условия для качественного проведения осмотра места происшествия. Психологическая атмосфера в между участниками группы, грамотно организованное взаимодействие, основанное на сочетании профессионального опыта, коммуникабельности, умении работать в коллективе, бесконфликтность выступают в качестве положительной основы успешной работы[1].

Осмотр места происшествия – сложный вид комплексной деятельности, состоящий из действий следователя, сотрудников следственного органа, специалистов и понятых при ведущей роли следователя. Деятельность следователя состоит из серии операций и принимает форму элемента знания, исследования, организации и сертификации.[2]

Познавательный элемент деятельности состоит из: восприятия ситуации, фактов, явлений. Установление причинно-следственной связи между ними. Делать предположения, версии. Розыскным элементом деятельности является поиск, выявление изменений, вызванных действиями преступника, изъятие следов, вещественных доказательств. Организационный элемент включает в себя действие по руководству оперативной группой в ходе осмотра (организация охраны места происшествия и т.д.). Удостоверительный элемент деятельности следователя – это закрепление, удостоверение и фиксация выявленных в ходе осмотра следов, вещественных доказательств, установленных фактов. Перечисленное носит в известной степени условный характер. На практике деятельность следователя в процессе осмотра места происшествия представляет всегда единое целое**.**

Событие преступления, как и любое событие, оставляет во внешнем мире систему следов. Эти следы имеют специфические особенности и обычно образуют систему, существующую в пространстве и времени. Успешные осмотры предопределяются выделением системы следов. Одной из главных причин неудачных осмотров является неумение выделить ее из окружающей действительности. Явные признаки преступления обычно характеризуются тем, что резко выделяются из «фона», т.е., находясь среди разнообразных и часто многочисленных предметов на том месте, где произошло событие, привлекают внимание своей необычностью или несоответствием привычному порядку вещей и обстоятельств. Многие следователи при осмотре места происшествия ограничивают его пространство плоскостью (пола осматриваемой комнаты или квартиры, асфальтового покрытия, на котором остались следы транспортного происшествия и т.д.), при этом нередко забывают, что всякое пространство имеет три измерения, и, в частности, при осмотре места происшествия, кроме поисков следов в определенной плоскости, их следует еще искать выше и ниже ее уровня и в этом направлении активизировать свое внимание[3].

Следует привести следующий пример, наглядно иллюстрирующий изложенный материал. Осмотр места происшествия при расследовании кражи из краеведческого музея был сосредоточен по поиске следов традиционного проникновения, с использованием окон и дверей. Учитывая отсутствие следов взлома, запертые окна и двери была выдвинута версия о возможной инсценировке преступления. В качестве мотива инсценировки выдвигалось сокрытие следов растраты. После передачи дела другому следователю, в ходе повторного осмотра краеведческого музея, расположенного в здании бывшей церкви, новый следователь провел осмотр купола здания, где и обнаружил следы разбитого стекла, остатки веревки, свидетельствующие о том, что преступник обладая достаточной ловкостью и сноровкой проник в помещение через купол, также его покинул и затем используя подручные средства перелез на дерево и скрылся. Моделируя возможный портрет лица, совершившего данное преступление следователь использовал данные о способе совершения преступления.[4]

Осмотр места происшествия позволяет получить информацию не только о событиях преступления, но и о многих личностных качествах (физических, биологических, психологических). Преступление, как один из видов преднамеренной и сознательной человеческой деятельности, отражает многие личные характеристики преступника. Поэтому, когда совершается преступление, «неизбежно появляются улики, и процесс их создания является естественным». Между результатом преступных действий и личностью преступника может быть установлена объективная связь. Она может проявляться в форме и способе совершения преступления, в определенных существенных изменениях обстановки на месте преступления. Место происшествия может содержать индивидуальные данные о возрасте правонарушителя. Чаще всего он позволяет определить, совершено ли преступление взрослым или несовершеннолетним правонарушителем. Психологические черты личности взрослого и несовершеннолетнего часто различаются. Представление о возрасте преступника может определяться способом совершения преступления, предметом посягательства (сладости, техника, полиграфия и т. д.). Взрослые используют профессиональные навыки и специальные приспособления, а подростки – примитивные навыки домашнего хозяйства и предметы повседневного обихода. По способу совершения преступления можно судить о профессиональном уровне преступника. Следы, оставленные на месте происшествия, содержат информацию о потребностях и привычках преступника (курение, употребление алкоголя, наркотиков, сексуальные извращения и т. д.). По ним также можно судить о его психическом состоя-

[1] *Чуфаровский Ю.В.* Указ. соч. С. 152.

[2] *Дулов А.В.* Судебная психология (учебное пособие). Изд. 2-е, испр. и доп. Минск, 1975. С. 50.

[3] *Васильев В.Л.* Указ. соч. С. 130.

[4] *Чуфаровский Ю.В.* Указ. соч. С. 155.

нии. Например, множественные неизбирательные ножевые ранения жертвы указывают на наличие физиологического аффекта.[1]

Осмотр места преступления может дать определенную информацию о профессии, профессиональных навыках и способностях преступников, т.к. их применение неразрывно связано с осуществлением преступной деятельности и облегчает ее реализацию.(навыки специалиста по охранным системам для их отключения и т п.) пр совершении преступлений. Анализ обстановки позволяет предположить и версии о мотивах, особенное если преступников оставлены какие-либо вещи, привлекающие внимание к отдельным элементом(надписи на стенах). При изучении обстановки места происшествия можно составить представление относительно особенностей самого лица, совершившего преступление, так совершение преступления с особой дерзостью свидетельствует о характере правонарушителя[2].

Окружающая среда на месте преступления иногда может отражать определенные психологические состояния, в частности эмоциональные состояния, пережитые субъектом во время совершения преступления. Если преступник выбрал точный момент кражи, действовал продуманно и последовательно, завладевал наиболее ценными вещами, позаботился об уничтожении следов, вел себя расчетливо от начала до конца преступления (не причинил вреда обстановки в квартире), выключил свет, запер за собой дверь и т. д.) то это говорит о том, что он довольно хладнокровный, расчетливый человек.

С психологической точки зрения в основе работы следователя на месте происшествия лежит произвольное восприятие, направленное на выявление максимальных источников информации (в виде вещей и явлений) обо всем, что происходило на месте происшествия. Именно профессиональное внимание позволяет следователю оторвать от наблюдаемой ситуации все, что может иметь значение в ходе расследования.

Таким образом, осмотр места происшествия является одним из наиболее распространенных следственных действий и его значение трудно переоценить. Особенно велика его роль в расследовании таких преступлений, как убийство, изнасилование, кража с применением технических средств, разбои, поджоги, железнодорожные и автомобильные катастрофы и т.д. Расследование по этим категориям дел необходимо начинать обязательно с осмотра. В большинстве случаев результаты, полученные в ходе осмотра места происшествия, являются отправной точкой, от которой зависит весь последующий ход расследования, а в некоторых случаях единственным средством получения доказательств, позволяющих провести дальнейшее расследование. Осмотр места происшествия иногда позволяет в общих чертах ответить почти на все вопросы, которые необходимо разрешить следствию, чтобы раскрыть преступление и раскрыть преступника, а также то, как использовать первую следственную меру, чтобы предоставить фактическую основу для проведения расследования, и комплекса других следственных мероприятий.

Таким образом, с психологической точки зрения осмотр места происшествия определяется как процесс сбора информации о существующем преступном событии на месте его совершения с использованием восприятия, анализа и активного целенаправленного синтеза полученной информации, чтобы решать важные задачи при рассмотрении уголовного дела. Действия следователя во время осмотра места происшествия также можно определить как процесс построения ментальной модели криминального события, поиска и использования различных типов информации и их исправления в процессуальном порядке.[3]

Важнейшим элементом системы осмотра места происшествия (и расследования в целом) является личный потенциал следователя, его способность к продуктивной мыслительной деятельности. В условиях объективного увеличения объема информации, которая будет обрабатываться и использоваться при осмотре места происшествия, наличия значительного количества факторов вмешательства и стресса, эффективность и качество интеллектуальной деятельности следователя заметно снижаются. Осмотр места происшествия должен проводиться с особой осторожностью и вниманием, т.к. он может существенно повлиять на развитие как дальнейших следственных действий, так и на исход расследования. Производя осмотр места происшествия, следователь должен стремиться получить ответы на следующие основные вопросы: где, что и когда произошло, кто и почему это сделал, каким образом и с чьей помощью.

Осматривая место происшествия, следователь может выяснить индивидуальные особенности преступника и механизм совершения преступления, техническое оснащение преступника, его физические данные и т. д. Только тщательный и всесторонний анализ ситуации на месте происшествия обеспечивает квалифицированное расследование.

Необходимо отметить некоторые недостатки в практике силовых структур при осмотре объекта. Чаще всего присутствует опасение кардинального изменения ситуации, под влиянием получения новой информации, не укладывающейся в сложившуюся систему доказательств. При подобном подходе невозможно в полной мере установить все обстоятельства расследуемого события, происходит сужение зоны познания и невозможность исследования всего объема сведений. К числу недостатков можно отнести и не использование всего арсенала научно-технических средств, способствующих более эффективному исследованию объектов и выявлению следов. Применительно к средствам фиксации хода и результатов осмотра это распространяется и привлечение соседств видеозаписи. Психология работы следователя при осмотре места происшествия существенно влияет на качество его проведения.

Научно-технический прогресс в нашей стране позволяет использовать различные технические средства при осмотре места преступления, что также оказывает существенное влияние на расследование и раскрытие преступлений, но на первом месте всегда профессиональные навыки и знания следователя.

[1] *Сорочан В.В.* Указ. соч. С. 76.

[2] *Чуфаровский Ю.В.* Указ. соч. С. 160.

[3] *Чуфаровский Ю.В.* Указ. соч. С. 151.

Кубатиева Ф.К.
студент 2 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Михайлова Ю.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.

ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ТИПИЧНАЯ СЛЕДОВАЯ КАРТИНА И РЕКОМЕНДАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ

Аннотация. *Совокупность существующих сегодня процессов, таких как глобализация и интеграция информационных ресурсов и мировая пандемия, способствовали развитию дистанционных способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Анализ следовой характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации, совершенного дистанционно, позволяет выработать рекомендации для расследования указанного вида преступления.*

Ключевые слова: *компьютерная информация, киберпреступление, мошенничество, следственные органы, расследование.*

Kubatieva F.K.
Student 2 courses of Institute of magistracy and postgraduate study the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Mikhailova Y.N. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

REMOTE FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION: A TYPICAL TRACE PICTURE AND RECOMMENDATIONS FOR INVESTIGATION

Abstract. *The set of processes existing today, such as globalization and integration of information resources and the global pandemic, have contributed to the development of remote methods of committing fraud in the field of computer information. Analysis of the trace characteristics of remotely committed fraud in the field of computer information makes it possible to develop recommendations for investigating this type of crime.*

Keywords: *computer information, cybercrime, fraud, investigative bodies, investigation.*

За последние двадцать лет информационные технологии развивались с невероятной скоростью. Еще в начале двухтысячных никто не мог представить, что сегодня у каждого второго будет доступ к сети Интернет, или наличие смартфона, способного оплачивать покупки при помощи бесконтактной оплаты. Глобализация и интеграция информационных ресурсов стала не просто реальностью, а повседневностью.

Одним из последствийразвития информационных технологий является появление новых способов совершения преступлений, а также усложнение структуры уже известных. Преступность «эволюционировала», в частности, это касается, самой структуры совершения преступления, сокрытия следов преступления и, соответственно, процесса раскрытия и расследования преступлений в целом.

На развитие преступности повлияла также пандемия короновирусной инфекции, во время которой произошло увеличение количества преступлений, совершаемых «дистанционно», и появление новых видов и способов мошеннических действий. Согласно статистике, в России за шесть месяцев 2020 года число зарегистрированных случаев мошенничества выросло на 76 % (по сравнению с первым полугодием 2019 года)[1]. Особый интерес вызывает развитие способов совершения анализируемого состава преступления. В настоящее время одной из наиболее распространенной форм мошенничества в сфере компьютерной информации является фишинг, суть которого заключается в рассылке электронных писем с вредоносной программой. В 2020 г. наиболее распространенной формой фишига являлась рассылка электронных писем от имени авторитетных международных организаций, связанных со здравоохранением (ВОЗ, ЮНИСЕФ), которые направлялись сотрудникам коммерческих компаний и государственного сектора России и стран СНГ. Создание площадок по продаже справок-пропусков на период карантина по цене от 3000 до 5500 рублей[2] – также получило свое распространение.

Одной из особенностей мошенничества в сфере компьютерной информации является широкое многообразие форм его совершения. Такое положение приводит к отсутствию единой классификации способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации и невозможности разработки всех способов совершения мошенничества в полном объеме. В наиболее общем виде можно выделить два способа совершения мошеннических действий в сфере компьютерной информации:

1. Дистанционный (посредством сети, которая может быть локальной или глобальной).

2. Локальный (посредством прямого подключения к компьютеру, или иному техническому средству).

При этом, наибольшее количество эпизодов мошенничества в сфере компьютерной информации сегодня совершается именно дистанционно. Ярким примером дистанционного совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является уголовное дело, возбужденное в отношении группы взломщиков программного обеспечения, похитивших со счетов клиентов

[1] Показатели преступности России: портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 20.02.2021).

[2] Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии: информационные сообщения ОАО «РосБизнесКонсалтинг». URL: https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d (дата обращения: 20.02.2021).

банка 25 миллионов рублей. Алгоритм совершения данного деяния состоял в следующем: группа обвиняемых распространяла посредством глобальной сети вредоносное программное обеспечение, которое при загрузке на компьютер, давало возможность копирования клиентской информации о платежных реквизитах и идентификационные сведения для доступа к системам дистанционного банковского обслуживания. Впоследствии, обвиняемые направляли в банк подложные платежные поручения о перечислении денежных средств со счетов клиентов на подконтрольные им счета.

Следующей особенностью совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является специфичная следовая картина, в частности наличие «виртуальных следов», остающихся в памяти электронного устройства[1].

При дистанционном совершении исследуемого деяния прослеживается почти полное отсутствие «традиционных» материальных следов. В большинстве случаев отсутствует «необходимость» выявления таких материальных следов, как отпечатки пальцев рук на клавиатуре и т.д. Достаточно доказывания определенного «факта», к примеру вмешательства в компьютерную систему, направления вирусных программ или их создания, входа в аккаунт через конкретное устройство и т.д.

Таким образом, наибольшее количество информации будут нести именно «виртуальные следы». Однако, на сегодняшний день не определено их место в трасологии. Часть ученых-правоведов склоняется к их определению в качестве «материальных следов-отображений», обосновывая свою точку зрения тем, что они имеют, материально-фиксированное отображение на материальных носителях и именно это позволяет их идентифицировать с помощью разработанных наукой средств и методов[2]. По мнению В.В. Коломинова, аналогично можно было бы выделить такие виды следов, как: террористические следы (по уголовным делам о терроризме), военные следы (по уголовным делам о военных преступлениях), технические следы (по уголовным делам, совершаемым с использованием какой-либо техники) и т.д.. Однако, анализируя природу существующих сегодня виртуальных следов, а также их «отображение», нельзя проводить параллель с «террористическими следами» или «военными следами»[3]. Безусловно, приведенные автором следы имеют свою специфику, однако она отличается от природы «виртуальных следов». Более того, на сегодняшний день существует тенденция исключения жесткой привязки информационного поля (памяти устройства) к материальному носителю. Данная тенденция выражается в активном развитии облачных хранилищ и энергозависимых видов памяти. Материальный носитель выступает лишь в качестве «носителя», к примеру, как пробирка при изучении запаховых следов.

При расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации, совершенного дистанционно следователь, помимо всего прочего, сталкивается с такими трудностями, как: тщательное сокрытие следов преступления, которое происходит еще на этапе подготовки к нему[4]и возможная территориальная удаленность пострадавшего лица и преступника. Более того, нужно помнить о том, что анализируемый вид преступления всегда связан с информационными технологиями, и помимо всего прочего, существует риск удаления информации при совершении следственных и розыскных действий.

Сложная структура исследуемого преступления обуславливает необходимость консультации со специалистом на протяжении всего расследования. В специальной литературе отмечается, что при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации необходимо наличие не только специалиста, но и понятых, обладающих минимальным пакетом знаний в области компьютерных технологий (уверенные пользователи ПК)[5]. С последним пунктом не должно возникнуть проблем, т.к. большинство граждан сегодня уже имеют необходимый набор знаний.

Привлечение специалиста, как правило, осуществляется не только при совершении определенных следственных действий, а на протяжении расследования. Например, успех расследования уголовного дела, в котором группа лиц на протяжении трех лет скрытно устанавливала специализированные вредоносные программы и получала данные клиентов не состоялся без участия специалистов. Обвиняемые, после получения доступа к указанным ранее данным, формировали платежные поручения с их реквизитами и обналичивали денежные средства в различных городах. Данное преступление было раскрыто с помощью компании Kaspersky Security, сотрудники которой, помимо участия в различных следственных действиях, осуществляли также консультации работников следственного комитета и иных лиц и органов, принимавших участие в расследовании указанного преступления[6].

Как было отмечено выше, необходимо учитывать и вероятность удаления информации с технологического устройства. Вследствие чего, А.Б. Смушкин[7], дает рекомендации во время изъятия, осмотра технологического устройства:

1. Определение факта подсоединения к устройству различных внешних носителей (флешкарт, дисков, моде-

[1] *Базаров А.А.* Виртуальные следы в криминалистике // Актуальные проблемы современного уголовного процесса и криминалистики: материалы международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики» 2017. С. 19.

[2] *Россинская Е.Р., Шамаев Г.П.* Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // elibrary.ru – научная электронная библиотека. 2014. С. 320. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23791198_70740334.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

[3] *Коломинов В.В.* Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: дис. …канд. юрид. наук. Иркутск, 2017. С. 32.

[4] *Коломинов В.В.* Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации… С. 21.

[5] *Бачиева А.В.* Следственные действия при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2017. С. 36.

[6] Касперский помог поймать хакеров, «скомпрометировавших» банковские счета на сотни миллионов рублей: PRAVO.RU: электронный правовой журнал. URL: https://pravo.ru/news/view/105900/ (дата обращения: 10.03.2021)

[7] *Смушкин А.Б.* Виртуальные следы в криминалистике // Законность.2012. № 8. С. 44.

мов и т.д.). Не рекомендуется вынимать данные устройства без специалиста.

2. Если компьютер или иное техническое средство включено, необходимо сделать фотографию монитора (дисплея), если же оно выключено – не включать технику.

3. Помимо технических устройств, при обыске и выемке необходимо также изымать техническую документацию (инструкции, журналы и т.д.).

Примечательно, что при совершении обыска и выемки технических устройств следователям не обязательно получать дополнительное судебное постановление в соответствии с определением Конституционного суда РФ от 25.01.2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Д.А. на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса РФ»[1].

Протокол осмотра и выемки должен содержать максимально полное описание технологического устройства. При изъятии ноутбука рекомендуется описывать: марку, объем оперативной памяти (как правило, указано на корпусе ноутбука), цвет, наличие особых примет (к примеру, разбитый экран, отсутствие определенной клавиши клавиатуры и т.д.), материал корпуса, его размер, и цвет. В случае, если компьютер был включен, описывается рабочий стол, открытые программы.

Таким образом, расследование мошенничества в сфере компьютерной информации имеет сложную структуру и требует повышенного внимания. Актуальность и эпизоды совершения анализируемого преступления будут только возрастать, что требует более тщательного исследования данного вида преступления. На сегодняшний день можно выделить следующие особенности совершения мошенничества в сфере компьютерной информации:

1. Широкое многообразие форм его совершения.

2. Отсутствие единой классификации способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.

3. Специфичная следовая картина, в частности наличие «виртуальных следов».

4. Тщательное сокрытие следов преступления, которое происходит еще на этапе подготовки к совершению преступления.

5. Возможная территориальная дальность пострадавшего лица и преступника.

6. Большой риск удаления информации при совершении следственных и розыскных действий.

Исследования и анализ способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации позволяет выделить следующие рекомендации расследования данного деяния:

1. Необходимость участия специалиста на всех этапах расследования.

2. Участие понятых, обладающих минимальным пакетом знаний в области компьютерных технологий.

3. Осмотр и изъятие технологических устройств с учетом его сложности: в частности при возможности самостоятельного осмотра и изъятия технологического устройства следователем (к примеру, мобильного телефона) участие специалиста не требуется, однако в случае если преступление было совершено посредством использования персонального компьютера, подключенного к сети, рекомендуется привлечение специалиста.

4. Изъятие информации должно осуществляться вместе с носителем данной информации. Не рекомендуется самостоятельная передача следователем информации на флеш-накопитель с технологического устройства.

[1] Определение Конституционного суда РФ от 25.01.2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Д.А. на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса РФ». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893#08347962798686124 (дата обращения: 12.03.2021).

Куряева Д.З.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Петрова Г.Б., к.ю.н. доцент, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ

Аннотация. *Деятельное раскаяние – одно из оснований для прекращения уголовного дела, предусмотренное российским уголовно-процессуальным законодательством. Несмотря на то, что данное основание для прекращения уголовного дела существует уже не первое десятилетие, при практическом применении положений о деятельном раскаянии возникают проблемные вопросы. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, а также предлагаются варианты разрешения данных проблем.*

Ключевые слова: *прекращение уголовного дела, деятельное раскаяние.*

Kuryaeva D.Z.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Petrova G.B. PhD, Assistant professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TO THE QUESTION OF THE FEATURES OF THE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE IN CONNECTION WITH ACTIVE REPENTANCE

Abstract. *Active repentance is one of the grounds for the termination of a criminal case provided for by Russian criminal procedure legislation. Despite the fact that this basis for the termination of a criminal case has existed for*

more than a decade, problematic issues arise in the practical application of the provisions on active repentance. The article examines some of the problems that arise when a criminal case is terminated in connection with active repentance, and also offers options for resolving these problems.

Keywords: *termination of a criminal case, active repentance*

Институт прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием регламентируется ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой соответствующее прекращение осуществляется судом, а также следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора[1].

В соответствии с п. 1 ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), лицо, которое впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести может быть освобождено от уголовной ответственности в том случае, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением.

Прекращение уголовного дела по соответствующим основаниям осуществляется исключительно в случаях, которые предусмотрены Особенной частью УК РФ[2].

Деятельное раскаяние как основание для прекращение уголовного дела является предметом исследования многих ученых в области уголовного права. Существует ряд дискуссионных вопросов, связанных с исследованием деятельного раскаяния. Так, например, некоторые авторы считают, что в случае, если действия лица, совершившего преступление, не свидетельствуют о сожалении таким лицом по поводу совершения преступления, то они не образуют деятельного раскаяния (например, когда мотивом деятельного раскаяния является не искреннее раскаяние, а страх перед наступлением уголовной ответственности)[3].

Другие же авторы полагают, что мотивы деятельного раскаяния не имеют значения для освобождения от уголовной ответственности, а главным фактором следует считать соблюдение всех условий, установленных на законодательном уровне[4].

Анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что для применения такого основания для прекращения уголовного дела, как деятельное раскаяние, предусмотрен ряд специальных условий:

1) Преступление должно быть совершено впервые.

2) Преступление должно относится к категории небольшой или средней тяжести.

Интересно, что ч. 2 ст. 75 УК РФ устанавливает ряд исключений, в соответствии с которыми в связи с деятельным раскаянием от уголовной ответственности могут быть освобождены лица, впервые совершившие тяжкие или особо тяжкие преступления в том случае, если это предусмотрено Особенной частью УК РФ. Такие исключения предусматриваются для целого ряда преступлений: похищение человека (ст. 126 УК РФ), торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), различные преступления террористической направленности (ст. 205.1 – ст. 205.5 УК РФ); захват заложника (ст. 206 УК РФ); дезертирство (ст. 338 УК РФ) и проч.

3) После совершения преступления лицо, совершившее его, должно добровольно явиться с повинной.

Согласно ст. 142 УПК РФ, явка с повинной – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении.

Исходя из указанного, для явки с повинной неотъемлемым является признак добровольности. Давление со стороны третьих лиц соответствующий признак добровольности исключает. Как отмечают К.К. Ефремова, М.П. Перякина, лицо, осуществляющее явку с повинной, находится в особом психологическом состоянии, и самостоятельно, добровольно определяет свободу выбора по вопросу о том, признаваться или не признаваться в совершении преступления[5].

4) Лицо, совершившее преступление, должно своими действиями способствовать расследованию и раскрытию преступления;

5) Лицо, совершившее преступление, обязательно должно возместить причиненный ущерб или другим способом загладить причиненный преступлением вред.

Как отмечает А.Н. Щербинин, только при соблюдении всех названных условий преступление перестает обладать признаком общественной опасности ввиду деятельного раскаяния[6].

Исходя из буквального толкования ст. 75 УПК РФ, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности только в том случае, если выполнит все условия, перечисленные в ней.

Однако в некоторых случаях выполнение всех действий, предусмотренных данной статьей, объективно становится невозможным. Например, лицо, которое задержано на месте преступления, не имеет возможности осуществить явку с повинной. При этом такое лицо все же может раскаяться, всячески способствовать расследованию и раскрытию преступления, возместить причиненный преступлением ущерб или загладить вред иным способом.

Представляется интересным: будут ли положения о деятельном раскаянии применяться к лицу, совершившему преступление, в соответствующем случае, или формальное несоблюдение одного из условий, предусмотренных ст. 75 УК РФ, является препятствием для этого?

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[3] *Дуюнов В.К.* Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания. Тольятти, 2001. С. 38.

[4] *Калугин А.Г.* Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 19; *Егоров В.С.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002. С. 120.

[5] *Ефремова К.К., Перякина М.П.* Явка с повинной в уголовном судопроизводстве России // Современность в творчестве в вузовской молодежи: материалы научно-практической конференции молодых ученых. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД РФ, 2013. С. 87-91.

[6] *Щербинин А.Н.* О деятельном раскаянии в совершенном преступлении // Тенденции и перспективы развития права и укрепления законности. 2012. № 23, ст. 32.

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[1], по смыслу части 1 статьи 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить; данные признаки должны рассматриваться только в совокупности. Если присутствует лишь один из указанных признаков, то в таком случае то или иное обстоятельство не подлежит рассмотрению в качестве деятельного раскаяния и его следует рассматривать как отдельное смягчающее ответственность обстоятельство.

Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации установил, что лицу, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, не обязательно формально соблюдать все условия деятельного раскаяния, достаточно соблюсти лишь те условия, которые объективно возможно соблюсти при условии конкретных обстоятельств дела. При этом, исходя из приведенных положений, обязательных признаков обязательно должно быть более одного.

Сложившаяся в регионах Российской Федерации судебная практика свидетельствует о том, что судами положение, разъясненное в п. 4 указанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, активно применяется[2].

В связи с указанным, для правильного применения статьи 28 УПК РФ, представляется необходимым внести добавить в ст. 75 УК РФ п. 1.1 следующего содержания: «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в п. 1 настоящей статьи действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить».

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

[2] Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 сентября 2019 г. по делу № 22-834/2018 // СПС «Консультант-Плюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 ноября 2015 г. по делу № 10-15992/2015 // СПС «Консультант-Плюс»; Постановление Верховного Суда Республики Крым от 22 марта 2016 г. по делу № 4У-318/2016 // СПС «Консультант-Плюс».

Ларионова Е.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Баранова М.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. *В данной статье рассматривается правовая природа принудительных мер медицинского характера, а также отличие принудительных мер медицинского характера от уголовного наказания. В статье автор рассматривает общенаучные воззрения на этот счет, и размышляет о рациональности внесения в перечень иных мер уголовно-правового характера принудительных мер медицинского характера на законодательном уровне.*

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера; наказание; психическое расстройство, уголовный процесс.*

Larionova E.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Baranova M.A., Ph.D. the State Law Academy (SSLA), Saratov

LEGAL NATURE OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES

Abstract. *This article examines the legal nature of compulsory medical measures, as well as the difference between compulsory medical measures and criminal punishment. In the article, the author considers various general scientific views on this subject, and reflects on the rationality of including compulsory medical measures at the legislative level in the list of other criminal-legal measures.*

Keywords: *compulsory medical measures; punishment; mental disorder; criminal proceedings.*

Координирование на уровне уголовного и уголовно-процессуального регулирования мер, именуемых как принудительные медицинские, требует сопоставления норм нескольких отраслей права. Легального определения мер принудительного медицинского характера в российском законодательстве не имеется, лишь в ст. 98 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) указаны цели их применения, а именно: «излечение или улучшение психического состояния лиц, к которым применяются подобного рода меры, предупреждение совершения ими новых деяний, из числа предусмотренных УК РФ, опасных для них или окружающих лиц. Кроме того, в УК РФ усматривается больше двадцати предписаний по поводу назначения, исполнения и прекращения принудительных мер медицинского характера, что закономерно можно назвать «залогом спасения данных лиц от произвольного применения к ним мер психиатриче-

ского лечения без их согласия»[1]. Несмотря на наличие ряда ограничительных предписаний именно в тексте УК РФ, мнения многих ученых сводятся все таки к гуманистической направленности рассматриваемых положений закона[2]. Однако в период их применения, исполнения и прекращения можно увидеть значительное количество ограничений правового статуса личности, которые свойственны и уголовному наказанию. Отличие выражается в происхождении этих притеснений. При применении принудительных мер медицинского характера любые притеснения личности связаны с тяжестью его психического расстройства, а характер и степень общественной опасности совершенных им общественно-опасных деяний отходит на второй план, при исполнении же уголовного наказания, наоборот, притеснения личности в первую очередь зависят от характера и степени общественной опасности совершенных данным лицом преступлений, а личность виновного в этот момент уходит на второй план.

В связи с этим закономерно, что определение степени тяжести психического расстройства личности закреплено на законодательном уровне. В частности в п. 3 ст. 196 УПК РФ закреплено, что «для установления психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве» необходимо обязательное производство экспертизы. Факт вынесения следователем постановления о назначении такой экспертизы сразу несет за собой возникновение ряда дополнительных гарантий для таких лиц, в частности – обязательное участие защитника, при условии, что ранее он не был привлечен к участию уголовном деле.

Вопросы, подлежащие разрешению при производстве судебно-психиатрической экспертизы установлены на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 года № 6, «при назначении судебно-психиатрической экспертизы на разрешение экспертов следует ставить вопросы, позволяющие выяснить характер и степень психического расстройства во время совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния и установить в ходе предварительного расследования или рассмотрения дела судом, могло ли лицо в указанные периоды осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Перед экспертами следует ставить также вопросы и о том, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц либо с возможностью причинения им иного существенного вреда, нуждается ли такое лицо в применении принудительной меры медицинского характера и какой именно, а также может ли это лицо с учетом характера и степени психического расстройства лично осуществлять свои процессуальные права»[3].

Как нами уже указывалось выше, всяческие ограничения и притеснения личности, связанные с исполнением наказания зависят прежде всего от характера и степени общественной опасности совершенных преступлений и нацелены на принудительное и восстановительное правосудие, тогда как применение принудительных мер медицинского характера обусловлено необходимостью лечения конкретного психического заболевания, а все ограничения и притеснения личности в данном случае зависят только от проводимого в отношении данного лица лечения. И сам проводимый лечебный процесс в этом случае регулируется не нормами права, а наукой медициной[4].

На наш взгляд, данные отличия опровергают имеющееся в юридической литературе суждение о том, что и уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера «возможны за совершение преступлений»[5]. Как следует из целей применения принудительных мер медицинского характера, закрепленных на законодательном уровне, назначаются они только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Так, при вынесении судом решения о применении к лицу, совершившему в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, принудительных мер медицинского характера, в первую очередь учитывается психическое заболевание данного лица, и только потом характер и степень совершенных им общественно опасных деяний.

Кроме того, еще одним на наш взгляд важным отличием является то, что применение принудительных мер медицинского характера производится не в учреждениях федеральной службы исполнения наказаний, а в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, и закономерно в этом случае, что в отличие от наказания, применение принудительных мер медицинского характера не влечет наличия судимости у лица, не выражает официального порицания данного лица от имени государства.

Далее, рассмотрим такую имеющую место быть позицию, согласно которой принудительные меры медицинского характера все же являются принудительными карательными мерами, но лишь по отношению к определенной категории лиц, а именно – к лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключающими их вменяемости. Во всех остальных же случаях рассматриваемые меры не относятся к карательным[6], а лица, страдающие психическими расстройствами, при применении к ним данных мер, подвергаются насильственному

[1] *Назаренко Г.В.* Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «Меры общественной безопасности» // Lex russica. 2017. № 8. С. 101-111.

[2] См.: *Спасенников Б.А.* К вопросу о целях принудительных мер медицинского характера // Вестник Института. Преступление, наказание, исправление. 2012. № 1. С. 12-16.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» (в ред. 03.03.2015) // БВС РФ. 2011. № 5; 2015. № 4.

[4] См.: *Цыганков Б.Д., Овсянников С.А.* Психиатрия: учебник для вузов. М.: ГЕОЭТАР-Медиа, 2012. С. 14-19.

[5] *Непомнящая Т.В.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 114-121.

[6] См.: Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2005. С. 537.

лечению[1]. В этой связи существует и такая позиция, что принудительные меры медицинского характера сочетают в себе как юридическое, так и медицинское начало[2]. Однако в связи с законодательным закреплением в психиатрической науке термина «госпитализация в недобровольном порядке»[3], а в положениях главы 15 УК РФ некарательного характера принудительных мер медицинского характера, понятие «насильственное лечение» представляется нам не подходящим, а данная позиция неудачной и не нашедшей своего законодательного подтверждения.

Однако следует отметить такой момент, что в связи с тем, что принудительные меры медицинского характера исполняются в медицинских учреждениях, такое их определение как «уголовно-правовые меры государственного принуждения»[4] не корректно. В сравнении понятий «в недобровольном порядке» и «принудительные меры» мы видим, что наиболее выигрышным является первое понятие. Безусловно, что при назначении лицу, совершившему общественно опасное деяние, подпадающее под признаки преступления, каких-либо мер принудительного медицинского характера, его мнение не учитывается, и характер лечения с ним не согласовывается. Однако такой термин как «принуждение» к таким лицам не подходит, т.к. психическое расстройство, подвигнувшее их к совершению деяния, лишает этого лица возможности понимания применяемых к нему принудительных медицинских мер, т.е., лечение психического расстройства происходит в «недобровольном» порядке. Однако полностью принудительным такое лечение также нельзя назвать, потому что все ограничения прав лица при этом определяются диагнозом и состоянием данного лица в настоящий момент, а не характером и степенью общественной опасности совершенных им преступных деяний.

Кроме того, все конституционные права лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, такие как: обязательное предоставление права на защиту; рассмотрение уголовного дела в отношении такого лица в закрытом судебном заседании (п. 5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ); отсутствие гражданского иска по таким делам в порядке уголовного судопроизводства; выплата процессуальных издержек, а также расходов по оплате труда адвоката за счет средств федерального бюджета и другие, – строго соблюдаются на законодательном уровне во всех случаях производства предварительного расследования и судебного разбирательства.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в рассматриваемых мерах принуждение выступает не как обязанность, а как отсутствие согласия лица, имеющего психическое расстройство на лечение. Различие понятий «принудительно» и «без согласия» закреплено в ч. 4 ст. 11 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в которой прямо предусмотрено лечение без согласия лица, страдающего психическим расстройством или без согласия его законного представителя при применении принудительных мер медицинского характера.

Исходя из вышеизложенного, наблюдаются различия между положениями гл. 15 УК РФ и Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» при назначения и характера принудительных мер медицинского характера.

Последняя научная точка зрения, которую мы отразим в данной статье, подразумевает признание принудительных мер медицинского характера уголовно-правовыми санкциями[5]. На наш взгляд, их приравнивание к наказанию посредством термина «санкции» является недостатком данного научного подхода. В российском законодательстве санкцией признается «часть нормы, в которой сформулированы вид и размер наказания, налагаемого на виновного в результате нарушения им предусмотренных уголовным законом общественных отношений»[6]. Однако, применение санкции к лицу, в отношении которого применяется лечение, невозможно, т.к. оно является для этого лица не наказанием, а способом улучшения его психического состояния. Считаем, что принудительные меры медицинского характера – «это правовое последствие совершения общественно опасного деяния»[7] и их содержание лишено какой бы то ни было санкции.

Подводя итог наших размышлений можно сделать вывод, что до настоящего времени какого-либо подходящего понятия принудительных мер медицинского характера, которое можно бы было закрепить на законодательном уровне не имеется[8]. Однако поскольку материально-правовой фундамент принудительных мер медицинского характера закреплен в нормах УК РФ, представляется наиболее верным включить их в перечень иных мер уголовно-правового характера, направленных на коррекцию общественно опасного состояния личности граждан, страдающих психическими расстройствами, и реализуемых лечебными методами.

---

[1] См.: *Журавлева Т.Н.* Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Ростов, 2002. С. 9.

[2] См.: Новое уголовное право России. Общая часть. М.: Зерцало, 1995. С. 156.

[3] Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (по сост. на 08.12.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33, ст. 1913. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080096 . (Далее – Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».)

[4] См.: *Ситникова А.И.* Принудительные меры медицинского характера: законодательная техника // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2008. № 4. С. 135-147.

[5] См.: *Жарко Н.В.* Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 87.

[6] *Байтин М.И.* Сущность права. Саратов: Изд-во СГАП, 2002. С. 187.

[7] *Павлова А.А.* Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 181.

[8] См.: *Лощинкин В.В.* К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 131-136.

Лемешев К.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Михайлова Ю.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ О ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В представленной статье исследуются отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с доведением до самоубийства несовершеннолетних либо склонением к его совершению. Автором обосновывается, что в ходе расследования преступлений данной категории, для наиболее полного понимания картины совершенного преступления, необходимо изучить личность подозреваемого лица. Помимо этого, приводится классификация подозреваемых в доведении до самоубийства несовершеннолетних по различным основаниям.*

Ключевые слова: *доведение до самоубийства, криминалистическая характеристика, несовершеннолетние, характеристика личности подозреваемого.*

Lemeshev K.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Mikhailova Yu.N., PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CHARACTERISTICS OF THE SUSPECT IN THE CASES ABOUT SUICIDE OF MINORS

Abstract. *The present article examines the individual elements of the criminalistic characteristics of crimes related to the bringing of before the suicide of minors or by inciting them to commit it. The author proves that during the investigation of crimes of this category, for the most complete understanding of the picture of the committed crime, it is necessary to study the identity of the suspect. In addition, the classification of suspects in bringing minors to suicide on various grounds is given.*

Keywords: *incitement to suicide, forensic characteristics, minors, characteristics of the suspect's personality.*

Всякое преступление, являясь актом сознательной волевой человеческой деятельности, в значительной мере обусловлено сущностью и специфическими, индивидуальными особенностями конкретного лица, прибегающего к подобной форме поведения. Ввиду этого, личность преступника выступает одним из центральных объектов криминалистического познания, в особенности по делам о доведении несовершеннолетних лиц до самоубийства либо склонении к его совершению. Именно при расследовании подобных общественно опасных деяний, для наиболее полного понимания картины совершенного преступления, необходимо в первую очередь определить характеристику личности как преступника, так и потерпевшего несовершеннолетнего. Характеристика личности преступника, определяет мотивацию поведения последнего, которая, в свою очередь, дает возможность доказать оценку исследуемых действий потерпевшего и виновного лица, отношение преступника к своим действиям и последствиям. Особенно учитывая то, что в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ[1], при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию в том числе и обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.

Личность это «человек, субъект отношений и сознательной деятельности, устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности»[2]. А.М. Зинин отмечает, что современное представление о личности базируется на том, что личность включает в себя совокупность находящихся в интегральном единстве, относительно постоянных социальных, биологических, психологических свойств человека[3]. Изучая личностные качеств подозреваемых по делам о доведении до самоубийства несовершеннолетних, их общефизические, психические, профессиональные и социальные признаки, взаимоотношения, способ общения и контакта с несовершеннолетним потерпевшими, можно составить классификацию подозреваемых по следующим основаниям:

1. *В зависимости от возраста лица, совершившего преступление*:

- несовершеннолетние подозреваемые (сверстники потерпевшего в учебных заведениях, кураторы и администраторы в социальных сообществах интернет-пространства, которые, зачастую, на момент совершения преступных действий сами не достигли возраста совершеннолетия, ровесники в дворовой среде, бывшие возлюбленные потерпевших);
- подозреваемые, достигшие возраста 18 лет (родители несовершеннолетнего, мачеха и отчим, опекун или попечитель, педагог несовершеннолетнего и т. п.).

2. *В зависимости от рода занятий подозреваемого*:

- безработные (ввиду наличия алкогольной или наркотической зависимости, ведущие аморальный образ жизни, по иным причинам);
- педагогические и иные работники образовательных организаций, в том числе воспитатели детских домой, домов-интернатов;
- учащиеся средних общеобразовательных, средне специальных и иных учебных заведений;
- иные трудоустроенные подозреваемые.

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 24.02.2021 № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Российская газета. 2021. 26 фев.

[2] Большой Энциклопедический словарь / под. ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1993. С. 721.

[3] См.: *Зинин А.М.* Проблемные вопросы криминалистической идентификации человека // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. научн. трудов (в двух частях). Часть вторая. М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 23.

3. *Наличие или отсутствие родственных связей с суицидентом*:

- родители подростка, бабушка, дедушка, близкие родственники;
- все остальные подозреваемые, не обладающие свойством родства с потерпевшим.

Если же брать за основу степень личного знакомства подозреваемого и потерпевшего, а также наличие либо отсутствие материальной или иной зависимости суицидента от преступника, то можно выделить две большие группы преступников по данной категории уголовных дел.

Первая группа – преступник лично знаком с потерпевшим, знает его повадки и характер, слабые стороны психики, и, как правило, находится в постоянном вербальном контракте с ним. К данному виду подозреваемых относятся родители несовершеннолетнего, члены его семьи, близкие родственники, родственники подростка, лица, которые непосредственно контактируют с несовершеннолетним – учителя, психологи, соседи. Отдельно стоит сказать про ближайших друзей, друзей по лестничной клетке, окружение в классе, сверстников по школе, в которой учится суицидент.

Как показывает следственная практика, не последнюю роль в доведении до самоубийства играют действия бывших возлюбленных несовершеннолетних потерпевших. Так 31-летняя жительница Краснодарского края довела до суицида через социальную сеть, посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», бывшего молодого человека 16 лет. Женщина публиковала на личной странице потерпевшего сведения, порочащие его честь и достоинство. В результате действий бывшей возлюбленной, потерпевший принял решение покончить жизнь самоубийством. Несмотря на то, что родственники подростка пытались повлиять на сложившуюся ситуацию, несовершеннолетний совершил суицид путем повешения[1].

К этой группе подозреваемых можно отнести мачеху или отчима подростка, которые своими действиями пытаются «изжить» несовершеннолетнего из собственной семьи, доводят его до психологического надлома, который становиться основополагающим при суицидальном поведении. К примеру, в августе 2020 года Тюменским районным судом мачеха была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ)[2]. По данным материалов дела, в результате применения насилия по отношению к ребенку, а также систематического унижения, криков, угроз убийством и ругательств со стороны мачехи, несовершеннолетний потерпевший неоднократно предпринимал попытки покончить жизнь самоубийством[3].

Проанализировав материалы уголовных дел, связанных с доведение до самоубийства несовершеннолетних лиц, личность преступника первой группы, характеризуется тем, что:

Во-первых, ему хорошо знаком несовершеннолетний суицидент, известны его личностные качества и особенности, черты характера, слабые и сильные стороны психики, на основании которых, преступник может предугадать поведение несовершеннолетнего при доведении его до самоубийства, спрогнозировать суицид.

Во-вторых, преступник имеет рычаги прямого воздействие на психологическое и психическое состояние личности подростка, способен непосредственно влиять на настроения и принятия последним решения совершить суицидальные действия или имеет доступ к этому воздействию. Как правило, несовершеннолетний находится в финансовой (материальной), семейной зависимости от подозреваемого (законный представитель, родители, мачеха или отчим, бабушка или дедушка, опекун или попечитель), проживает с ним в одних жилищных и социально-бытовых условиях. Преступник может воздействовать на суицидента посредством своего профессионального статуса, власти и авторитета (няня, сиделка, учитель в школе, преподаватель в учебном заведении). В особенности, это проявляется в младших классах, когда власть учителя над ребенком наиболее сильна и незыблема.

Так, учитель математики одной из сельских школ в Ставропольском крае довел до самоубийства ученика девятого класса. В результате несовершеннолетний принял около 60 таблеток лекарственного препарата, вызвавшего острое отравление и интоксикацию, от которого наступила его смерть. При этом мальчик оставил предсмертную записку о том, что причиной его ухода из жизни явились действия учителя. В итоге Буденновский городской суд признал педагога виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства)[4].

В-третьих, возраст преступника составляет от восемнадцати лет и более (возраст не ограничен). Разница в возрасте между несовершеннолетним и подозреваемым является ключевым фактором для успешного оказании последним психологического и психического давления и воздействия на подростка, что и приводит того к мысли совершить суицидальные действия.

В-четвертых, семейное положение подозреваемого может быть различным, но, как правило, ввиду большого возраста, преступник находится в брачных отношениях.

В-пятых, образование данной группы подозреваемых – среднее, среднее специальное, высшее. Жилищные условия могут быть различными.

Мотивами доведения до самоубийства у таких преступников будут являться: желание устранить суицидента из своей жизни и семьи, ненависть к ребенку без желания как такого устранения, ревность, корысть, хулиганские побуждения. Основополагающим мотивов для совершения преступления у лиц, хорошо знакомых с потерпевшим, зачастую является личная неприязнь и враж-

[1] В Лазаревском районе Сочи женщина признана виновной в доведении до самоубийства своего знакомого. URL: https://sledcomrf.ru/news/22700-v-lazarevskom-rayone-sochi.html (дата обращения: 08.03.2021).

[2] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 24.02.2021 № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2021. 26 фев.

[3] Под Тюменью мачеху осудили за доведение ребенка до суицида // URL: https://72.ru/text/criminal/69426865/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 08.03.2021).

[4] Учительница довела ребенка до суицида. URL: https://www.infox.ru/news/25/16042-ucitelnica-dovela-rebenka-do-suicida (дата обращения: 08.03.2021).

дебность к самому несовершеннолетнему. Например, неприязнь мачехи к падчерице, которая всячески пытается унизить свою подопечную.

Ко второй группе подозреваемых относятся люди, которые не знакомы с несовершеннолетним лично. Общение между преступником и жертвой происходит посредством применения технических средств и использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (кураторы и администраторы «групп смерти», публикующие информацию суицидального содержания; случайные пользователи сети «Интернет», ведущие переписку с несовершеннолетним определенной направленности).

Личность преступника второго вида характеризуется следующими признаками и социально-бытовыми факторами:

Во-первых, личность несовершеннолетнего неизвестна преступнику, либо известны лишь его анкетные данные, общедоступная информация из социальных сетей ребенка (ФИО подростка, пол, возраст, место проживания и место учебы, интересы и хобби, предпочтения в музыке, кино и литературе).

Во-вторых, подозреваемый является активным пользователем сети «Интернет», хорошо владеет навыками компьютерного программирования, создания сайтов, групп и сообществ в социальных сетях[1]. Он прекрасно понимает молодежный сленг и стиль общения несовершеннолетних, находится «на одной с ними волне». Чаще всего преступник нигде не работает, учится в школе, институте или временно трудоустроен, его деятельность не связана с тяжелым физическим трудом.

В-третьих, возраст подозреваемого варьируется в пределах 14-26 лет. Анализируя преступления, связанные с доведением до самоубийства посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», официальный представитель МВД России А.Н. Мошков указал, что администраторами и кураторами «групп смерти» в социальных сетях становятся подростки в возрасте от 13 лет до 25 лет, причем почти в половине выявленных случаев кураторами суицидальных сообществ являются девушки в возрасте до 18 лет[2]. К примеру, ученица восьмого класса в Самарской области, зарегистрировавшись в социальной сети, раздавала другим подросткам задания, которые должны были привести их к суициду[3].

В-четвертых, семейное положение подозреваемых – холост (не замужем), ввиду молодого возраста. Кураторами «групп смерти» часто становятся дети из благополучных семей, к своим жертвам они относятся с нескрываемым пренебрежением, позиционируя себя как здравомыслящих людей, стремящихся избавить мир от детей, попавших в сложные жизненные ситуации. Как отмечает В.А. Ларин, причинами возникновения подобного поведения являются не психиатрические проблемы, а присущая определенному человеку неспособность относиться к другим людям уважительно, зачастую опьяняющее ощущение абсолютной власти над человеком, ощущение беззащитности последнего[4].

В-четвертых, образование преступника среднее, среднее специальное. Жилищные условия: лицо, как правило, проживает совместно с родителями либо родственниками.

К психологическим характеристикам можно отнести недостаточную социальную адаптированность, хладнокровие, жестокость, цинизм, эгоизм, мстительность, антиобщественные взгляды, низкий уровень правосознания, отчужденность, пренебрежение основными общечеловеческими постулатами морали, пониженную самокритичность. В то же время преступник обладает наблюдательностью, хорошо импровизирует, легко входит в контакт с потенциальной жертвой, являясь ровесником суицидента, владеет приемами психологического воздействия и навыками манипуляции посредством переписки с собеседником на расстоянии. Такой человек нередко демонстрирует несовершеннолетнему ложное сочувствие и сопереживание.

Мотивами доведения до самоубийства у данной категории преступников будут являться: корысть, хулиганские побуждения, желание прославиться в информационном пространстве, самоутверждение за счет манипуляции несовершеннолетними.

На основании вышеизложенного, можно утверждать, что к первому виду подозреваемых относятся близкие люди и знакомые несовершеннолетних (не обязательно родственники), которые используя свое материальное, семейное, профессиональное положение, возрастное превосходство, социальный статус напрямую воздействуют на психическое состояние ребенка, зачастую применяя физическую силу и психологическое давление. При этом, такие люди прекрасно знают обстоятельства личной и семейной жизни суицидента, его сильные и слабые стороны характера, текущее эмоциональное состояние, имея при этом рычаги воздействия на потерпевшего.

Второй же вид преступника в полной мере не может спрогнозировать поведение несовершеннолетнего пользователя сети «Интернет», не обладает прямыми рычагами воздействия на подростка, а только опосредованно способен оказать давление, создать мнимое чувство безвыходности из проблемной ситуации в жизни суицидента, подтолкнуть последнего на принятие нужного ему решения с помощью информационно-коммуникационных технологий (посредством СМС-переписки и общения в социальных сетях, отправки подростку музыки и видео суицидального содержания, описания и демонстрации способов самоубийства). Он не уверен до конца, хватит ли у него сил и ресурсов довести несовершеннолетнего до суицида посредством социальной сети на расстоянии. Ввиду этого, действия подозреваемого зачастую направленны на неопределенное число «неокрепших умов», а не на конкретного суицидента.

---

[1] См.: *Вакуленко Н.А., Соломоненко И.Г.* О дополнительных механизмах противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4 (83). С. 105.

[2] См.: МВД выявило в соцсетях около 1,4 тыс. «групп смерти» в 2017 г. // URL: https://tass.ru/proisshestviya/4612248 (дата обращения: 08.03.2021).

[3] Переписка ценою в жизнь. «Группы смерти» в соцсетях курировали школьники // URL: https://rg.ru/2017/09/11/kuratorami-gruppsmerti-okazalis-podrostki.html (дата обращения: 08.03.2021).

[4] См.: *Ларин В.А.* Современная социальная напряженность как фактор доведения до самоубийства // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. М.: НИИ ИЭП, 2014. С. 86.

При этом первая группа преступников, так же как и вторая, может использовать в своих целях социальные сети, технические средства и способы доведения до самоубийства, но только применяя их по отношению к конкретному несовершеннолетнему лицу.

Литра Д.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Воробьева И.Б., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Криминалистическая методика расследования должностных преступлений является прикладным инструментом в деятельности работников правоохранительных органов, она содержит в себе рекомендации по расследованию преступлений. Развитие и усовершенствование криминалистической методики расследования преступлений является важной задачей научных деятелей и практических работников, т.к. позволяет с наибольшей эффективностью раскрывать преступления.*

Ключевые слова: *криминалистическая методика расследования, должностные преступления, криминалистическая характеристика.*

Litra D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Vorobyova I.B. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SOME PROVISIONS OF THE CRIMINALISTIC METHODS OF INVESTIGATING OFFICIAL CRIMES

Abstract. *The criminalistics investigation technique for investigating malfeasance is an applied tool in the activities of law enforcement officials; it contains recommendations for investigating crimes. The development and improvement of the criminalistics investigation technique is an important task for scientists and practitioners, as it allows the most effective disclosure of crimes.*

Keywords: *the criminalistics investigation technique,* malfeasance*, the criminalistics characteristics of the crime.*

Наука криминалистика развивалась постепенно, исходя их тех задач, которые перед ней ставились. Первоначально, система криминалистики включала в себя две части: уголовную технику и уголовную тактику[1].

Возникновение криминалистической методики расследования преступлений было обусловлено объективными причинами. Как отмечает С.Ю. Косарев: «Возникновение теоретических основ расследования преступлений, с одной стороны, и насущная потребность следственной практики, с другой, выдвинули к 1930-м годам на повестку дня актуальный вопрос о создании крупных методико-криминалистических работ, посвященных организации расследования отдельных, наиболее сложных в расследовании, категорий преступлений.

Первой такой работой стало пособие В.И. Громова и Н.О. Лаговиера «Расследование хозяйственных и должностных преступлений» (М., 1928), имевшее подзаголовок «Практическое пособие для органов дознания и следствия», имевшее 206 страниц типографского текста.»[2].

В.И. Громов выступал инициатором выделения методики расследований преступления в самостоятельную часть системы науки криминалистики. В своей работе В.И. Громов обосновывал это так: «уголовно-судебная практика и опыт прошлого дают возможность сделать обобщающие практические выводы о доступных для каждого человека, имеющего некоторую подготовку, методах работы, использование которых может облегчить работу по расследованию преступлений каждому среднему работнику, без отношения к его личным индивидуальным качествам и способностям. Такие выводы, содержащие практические указания или проверенные на опыте правила, относящиеся к наиболее рациональному использованию всех допустимых законом методов работы в процессе расследования преступлений, изложенные в определенной системе, естественно, могут в значительной степени облегчить работу по расследованию преступлений. Едва ли нужно доказывать то значение, которое может иметь для работников милиции и уголовного розыска знание тех элементарных сведений, которые я подвожу под общее наименование «методики расследования». Успех расследования уголовных дел почти всегда зависит от умения методически правильно построить и провести работу, конечной целью которой является раскрытие преступлений»[3]. Благодаря работам ученого в криминалистической науке активно стал использоваться термин «методика расследования преступлений». В 1935 г. был издан учебник криминалистики, в котором методика расследования преступлений была выделена в отдельный раздел, а в 1936 г. был издан учебник, который полностью был посвящен методике расследования преступлений[4].

Как отмечает А.Н. Халиков, активная разработка общих положений криминалистической методики началось

[1] См.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. С. 67.

[2] Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития): монография / под ред. И.А. Возгрина. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. С. 45.

[3] *Громов В.И.* Методика расследования преступлений. М., 1929. С. 6.

[4] См.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. С. 70.

в 70-80-е годы 20 века на основе развития криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений[1].

В криминалистической науке не раз было дано понятие методики расследования преступлений. Р.С. Белкин называл криминалистическую методику расследования «конечным "продуктом" криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики»[2], а также давал ей следующее понятие: «Криминалистическая методика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений»[3].

По мнению Н.П. Яблокова: «криминалистическая методика расследования представляет собой целостную часть криминалистики, изучающую криминальный опыт совершения отдельных видов преступлений и следственную практику их расследования и разрабатывающую на основе познания их закономерностей систему наиболее эффективных методов расследовании и предупреждения разных видов преступлений»[4].

В.Д. Зеленский под методикой расследования преступлений понимает «заключительный раздел криминалистики, который включает систему следственных, организационно-подготовительных и иных действий, научно-практических рекомендаций по их оптимальному применению в целях быстрого и полного расследования преступлений»[5].

А.Н. Халиков в своей работе дает следующее понятие: «Криминалистическая методика – это обширный раздел криминалистики, объединяющий научные разработки и выводы о деятельности правоохранительных органов, их следственных и оперативных служб, направленных на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений»[6].

Несмотря на разнообразие формулировок, данных в научной литературе, О.Я. Баев отметил, что «все исследователи едины во мнении: криминалистическая методика представляет приложение и соответствующую интерпретацию достижений частных теорий этой науки, криминалистической техники и криминалистической тактики к специфике расследования отдельных видов и категорий преступлений»[7].

Анализируя вышесказанное, можно сказать, что криминалистическая методика расследования преступлений – это раздел криминалистики, изучающий практическую деятельность правоохранительных органов по расследованию преступлений с целью формирования научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному расследованию и предупреждению преступлений.

Одним из принципов построения методики расследования преступлений является принцип законности[8]. Реализация этого принципа осуществляется в том числе и через соблюдение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. УК РФ определяет понятие, состав преступления, обстоятельства конкретного преступного деяния. УПК РФ закрепляет обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании каждого конкретного преступления, понятие и перечень доказательств, способы собирания доказательств, устанавливает права и обязанности участников процесса, что необходимо учитывать при разработке методики расследования преступлений.

В зависимости от совокупности преступных деяний, которые изучает криминалистическая методика расследования преступлений, можно выделить различные виды методики. И.А. Возгрин выделил следующие виды:

1. Общая криминалистическая методика.
2. Групповые методики расследования.
3. Частные методики расследования[9].

Опираясь на данную классификацию, методику расследования должностных преступлений можно отнести к групповым методикам расследования.

При объединении преступлений в единую группу для создания групповой методики расследования необходимо опираться на систему Особенной части УК РФ, которая закрепляет уголовно-правовую классификацию преступлений, а также выделять схожие элементы криминалистической характеристики преступных деяний.

Следовательно, можно выделить некоторые основания объединения преступлений в однородную группу для формирования групповой криминалистической методики расследования:

1. Схожие признаки субъекта преступления.
2. Схожий способ совершения преступления, в том числе, схожие орудия и средства совершения.
3. Схожие признаки причиненного преступлением вреда.

Должностные преступления имеют схожие признаки:

1. Специальный субъект преступления – должностное лицо, понятие должностного лица содержится в УК РФ.

2. Неправомерное использование должностных полномочий при совершении преступления, что обуславливает определенную специфику следов преступления.

Соответственно, криминалистическая методика расследования должностных преступлений формируется на основании норм уголовного законодательства и положениях криминалистической характеристики схожих преступных деяний.

---

[1] См.: *ХаликовА.Н.* Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект: дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. С. 142.

[2] *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. Т. 3. С. 176.

[3] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов /под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА (НОРМА–ИНФРА М), 2001. С. 43.

[4] Криминалистика: учебник / под отв. ред. Н.П. Яблокова. М.: Юристъ, 2005.С. 542.

[5] Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: учеб. пособие / В.Д. Зеленский. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 5.

[6] *Халиков А.Н.* Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект: дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. С.145.

[7] *Баев О.Я.* Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: научно-практическое пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М.: Эксмо, 2009. С. 13.

[8] См.: *Мозяков В.В.* Руководство для следователей / под ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен,2005. С. 428.

[9] См.: *Возгрин А.И.* Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 287-293.

Для дальнейшего рассмотрения криминалистической методики расследования должностных преступлений необходимо установить ее содержание. Р.С. Белкин выделяет следующие структурные элементы криминалистической методики:

1. Криминалистическая характеристика данной группы преступлений.

2. Описание типичных следственных ситуаций и особенностей планирования действий следователя на различных этапах расследования.

3. Тактика первоначальных следственных действий и ОРМ.

4. Особенности тактики последующего этапа расследования[1].

Р.С. Белкин писал, что в структуру криминалистической характеристики должна быть включена информация о способе совершения, сокрытия преступлений, типичных последствиях, возможной личности преступника, а также информация о месте, времени, обстановке совершения преступлений[2].

Г.А. Густов под криминалистической характеристикой преступлений понимал «основанное на практике правоохранительных органов и криминалистических исследованиях описание преступления как реального явления, имеющее своей целью оптимизацию процесса раскрытия и расследования преступления и решения задач правосудия»[3].

Можно сказать, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему знаний о типичных признаках преступлений определенного вида, формируемая на основе анализа следственной и судебной практики, в целях использования полученной информации для успешного выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Исходя из специфики рассматриваемой категории преступлений целесообразно выделить следующие элементы криминалистической характеристики:

1. Субъект преступления.
2. Обстановку совершения преступления.
3. Способ совершения преступления.
4. Типичные следы преступления.

Субъект преступления играет важнейшую роль для определения принадлежности преступного деяния к должностному преступлению. Субъектом рассматриваемой группы преступлений является должностное лицо. Понятие должностного лица дано в статье 285 УК РФ.

Существенным признаком должностного лица является осуществление функций представителя власти либо выполнение организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в соответствующих государственных органах, органах местного самоуправления или учреждениях. Необходимо отметить, что выполнение рассматриваемых функций возложено на лицо законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом[4].

Таким образом, к субъектам должностных преступлений можно отнести: депутатов различного уровня, должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц учреждений и организаций, сотрудников правоохранительных органов и суда[5].

Обстановка совершения преступления в первую очередь связана с местом и временем совершения преступления, оказывает влияние на механизм совершения преступления, а также несет в себе информацию о возможных следах совершения преступления.

Как отмечает И.В. Александров, в большинстве случаев должностные преступления совершаются в служебных кабинетах должностных лиц[6].Как правило, преступник находится один в своем служебном кабинете, т.е. отсутствуют свидетели непосредственного совершения преступления. Также, нахождение в своем кабинете дарит преступнику чувство защищенности.

Способ совершения преступления состоит из трех стадий: стадия подготовки преступления, непосредственного совершения преступного деяния, стадия сокрытия преступления. Способ совершения преступления является одним из основных элементов для изучения следствием, т.к. детальный анализ способа позволяет обнаружить, собрать и зафиксировать дополнительные доказательства.

Способ совершения должностного преступления включает в себя обязательно противоправное использование должностных полномочий. Они могут быть закреплены в законодательстве, должностных регламентах, инструкциях.

Подготовка к совершению преступления может заключаться в использовании служебных полномочий для проведения различных мероприятий по созданию благоприятных условий совершения преступления. Например, должностное лицо может после устной договоренности о передаче денежных средств, заранее подготовить необходимую служебную документацию.

Действия по непосредственному совершению преступления могут быть разнообразны, в зависимости от конкретного вида преступления. Например, получение денежных средств, материальных ценностей, совершения других действий, вопреки интересам службы и т.п.

Действия по сокрытию преступления могут варьироваться в зависимости от способа совершения преступления. Должностное лицо может составить подложные документы, которые придают видимость правомерности его действий, уничтожить подложные документы, в случае

---

[1] *Халиков А.Н.* Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект: дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. С. 145.

[2] *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 173.

[3] *Густов Г.А.* Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. 1984. С. 44.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/#dst100011

[5] См.: *Халиков А.Н.* Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект: дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. С. 58.

[6] См.: Александров, И.В. Служебные (должностные) преступления. Основы расследования: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / И.В. Александров. М.: Юрайт, 2018. С. 153.

обнаружения интереса со стороны правоохранительных органов, либо попытаться легализовать полученные материальные ценности.

К типичным материальным следам должностных преступлений относят составленные во время преступной деятельности документы. Это объясняется тем, что деятельность должностных лиц непосредственно связана с составлением большого количества документации. Своевременное обнаружение и изъятие таких документов поможет правильно установить механизм совершения преступления, а также снизит возможность противодействия со стороны преступника. Помимо документов, материальными следами часто выступают денежные средства, которые передавались должностному лицу.

К типичным идеальным следам относят показания свидетелей, заявителей, подозреваемого, обвиняемого. Чаще всего свидетелями выступают секретари, референты, сотрудники охраны, сослуживцы.

Следственная ситуация – это сумма значимой для расследования информации (доказательств, а также сведений, полученных непроцессуальным путем), имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту расследования.

Типичные следственные ситуации представляют собой характерную совокупность значимой для расследования информации у следователя к определенному моменту расследования[1].

По источнику получения информации о совершенном или готовящемся преступлении можно выделить следующие следственные ситуации:

1. Информация получена от заявителя, чьи права или законные интересы были нарушены.
2. Информация получена от оперативно-розыскного органа.
3. Информация получена от третьих лиц.
4. информация получена из СМИ.

Самой благоприятной для следователя является первая ситуация, в случае, когда преступление фактически еще не произошло, т.к. она позволяет организовать тактическую операцию задержания преступника с поличным. При такой ситуации следователю необходимо допросить заявителя в качестве свидетеля, подробно выяснить у него информацию о преступных действиях должностного лица, направить поручение о производстве необходимых ОРМ в орган дознания. Если информация от заявителя поступила уже после совершения преступления, то следователю необходимо оценить совокупность полученных данных, на их основе принимать решение о производстве следственных действий или дополнительных проверочных мероприятий.

Вторая ситуация также относится к благоприятным. После получения информации от оперативно-розыскного органа следователю необходимо убедиться в соблюдении закона при получении оперативной информации, иначе эти сведения не могут быть использованы в процессе доказывания.

Если информация получена уже о совершенном преступлении, то следователю необходимо правильно оценить полученные сведения на предмет доказательственной перспективы. В некоторых случаях, тактически верным решением будет продолжить оперативные мероприятия, провести дополнительные проверочные действия, т.к. это позволит собрать достаточную доказательственную информацию и задержать преступника с поличным при совершении следующего преступления.

Если информация получена о готовящемся преступлении, то необходимо направить поручение о проведении необходимых ОРМ в оперативно-розыскной орган.

При получении информации от третьих лиц, необходимо учитывать возможность оговора со стороны третьих лиц. Это может быть сделано из мести или из корыстных побуждений, так и в результате добросовестного заблуждения со стороны третьих лиц. При допросе такого лица необходимо детально выяснить источники информации, из которых лицо знает и преступлении, а также установить, в каких отношениях находится лицо с возможным преступником, могли ли быть у него мотивы для оговора должностного лица.

После допроса и оценки полученной информации, следователь либо принимает решение о проведении ОРМ и направляет соответствующее поручение, либо проводит неотложные следственные действия в виде ОМП, обыска, выемки.

При получении информации из СМИ идентификация источника этой информации может быть затруднена. Для выяснения дополнительной информации следователю рекомендуется направить поручение о проведении ОРМ в оперативно-розыскной орган.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о необходимости дальнейшего изучения со стороны науки криминалистики совершаемых должностных преступлений, с целью обобщения практических знаний и усовершенствования методических рекомендаций по расследованию указанной категории преступлений.

[1] См.: *Филиппов А.Г.* Криминалистика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. С. 165.

Лобанов А.П.
Студент 2 курса института магистратуры и аспирантуры
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», г.Саратов
Научный руководитель: Манова Н.С., д.ю.н.,
профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация: *В статье рассматривается сущность и правовая природа вердикта присяжных заседателей. На основе анализа положений УПК и точек зрения ученых-процессуалистов автор приходит к выводу, что вердикт присяжных не является самостоятельным и окончательным решением, а представляет собой органическую часть судебного приговора, с которым он образует единый акт правосудия.*

Ключевые слова: рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей, вердикт присяжных, приговор суда, уголовно-процессуальный акт.

Lobanov A.P.
Student of the Institute of Master's and Postgraduate Studies 2nd year, faculty "Jurisprudence" FSBEI HE "Saratov State Law Academy", Saratov
Supervisor: Manova N.S PhD, Professor the Saratov state law academy(SSLA) Saratov

THE PROCEDURE FOR MAKING A VERDICT BY THE JURY

Abstract. *The article considers the essence and legal nature of the jury verdict. Based on the analysis of the provisions of the Code of Criminal Procedure and the points of view of legal scholars, the author comes to the conclusion that the verdict of the jury is not an independent and final decision, but is an organic part of the court verdict, with which it forms a single act of justice.*

Keywords: *consideration of a criminal case with the participation of jurors, the verdict of the jury, the verdict of the court, the criminal procedure act.*

Одной из составляющих частей судебного разбирательства с участием коллегии присяжных заседателей является вынесение ими вердикта. Российские ученые-процессуалисты по разному расценивают сущность вердикта, рассматривая его как самостоятельное итоговое судебное решение[1], как часть приговора[2], как специфическое судебное решение, которое не относится ни к итоговым, ни к промежуточным решениям[3]. Между тем вопросы правовой сущности вердикта важны не только в теоретическом отношении, но и в аспекте законодательной регламентации порядка его вынесения и оформления. Если признавать вердикт присяжных заседателей судебным решением, то встает вопрос о соответствии его таким общим требованиям, предъявляемым к процессуальным решениям, как обоснованность и мотивированность (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), и об обеспечении указанных свойств в ходе принятия и процессуального оформления вердикта присяжных заседателей.

В УПК РФ (п. 5 ст. 5) вердикт определен как решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей. Безусловно, что вердикт присяжных заседателей является одним из уголовно-процессуальных актов. Порядок его вынесение регламентирован уголовно-процессуальным законом, однако в перечне судебных решений, указанных в п. 53.1 ст. 5 УПК РФ, вердикт не упомянут, как нет его и в дефинициях судебного решения (п. п. 53.2 и 53.3 ст. 5 УПК РФ).

Присяжные заседатели входят в состав суда первой инстанции (п. 2, 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ) и наделены полномочиями по разрешению основного вопроса уголовного дела: о доказанности деяния, вмененного в вину подсудимого, о доказанности его совершения подсудимым и о виновности или невиновности подсудимого. Поэтому несомненно, что коллегия присяжных заседателей выполняет в уголовном процессе функцию органа правосудия. Вердикт же, вынесенный присяжными, является фактическим основанием для применения профессиональным судьей правовых норм, регулирующих вопросы уголовной ответственности, он порождает соответствующие правовые последствия для дальнейшего судебного разбирательства и для разрешения правовых вопросов уголовного дела.

Вынесению присяжными заседателями вердикта предшествует формулирование председательствующим судьей вопросного листа, который определяет содержание вердикта и устанавливает границы для вывода присяжных заседателей о виновности или невиновности подсудимого. Но при этом вердикт не нуждается в чьем-либо утверждении. Он выносится присяжными в совещательной комнате, куда они удаляются после заслушивания напутственного слова председательствующего. С наступлением ночного времени, а также с разрешения председательствующего по окончании рабочего времени присяжные заседатели могут прервать совещание для отдыха. Присяжным запрещается разглашать суждения, имевшие место во время совещания. Никто не вправе фиксировать ход совещания и голосования присяжных заседателей по поставленным перед ними вопросам на аудио– и видеозапись. Радио– и теле – трансляция совещания также запрещены.

В вердикте присяжных заседателей «констатируется наличие или отсутствие юридически значимых обстоятельств, необходимых для подтверждения уголовного правоотношения, но отсутствует второй обязательный компонент судебного решения – властное установление правового состояния (статуса) подсудимого и императивное предписание органам власти и другим субъектам права на выполнение конкретных юридических действий, предусмотренных законом и с необходимостью вытекающих из существа решения о виновности или невиновности подсудимого»[4]. В силу отсутствия таких властных, индивидуально-регулятивных предписаний вердикт не может рассматриваться в качестве самостоятельного полновесного итогового судебного решения, окончательно разрешающего уголовно-правовой конфликт. Без приговора судьи вердикт не обладает необходимой юридической силой, не подлежит самостоятельному исполнению; он нуждается в подтверждении его приговором. Как справедливо отмечено, «сохраняя внешнюю документальную обособленность, вердикт своим содержанием вливается в судебный приговор, становится его неотъемлемой частью, образует с приговором единое целое»[5].

[1] См.: *Владыкина Т.А.* Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 32–33.

[2] См.: *Насонов С.А.* Особенности доказывания и принятия решений при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Доказывание и принятие решения в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М., 2017. С. 267.

[3] См.: *Беляев М.В.* Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 308.

[4] *Бурмагин С.В.* Является ли вердикт присяжных заседателей судебным решением? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 8-13.

[5] Там же.

Но и приговор, выносимый председательствующим судьей, при данной форме осуществления правосудия основан на вердикте и не может состояться без него, поскольку фактические основания для вынесения приговора устанавливаются вердиктом и по общему правилу не подлежат изменению (кроме ситуации, предусмотренной в ч. 4 ст. 348 УПК РФ). Такое неразрывное единство вердикта и приговора связано с разделением компетенции между «судьями факта» (присяжные заседатели) и «судьей права» (профессиональный судья), входящими в единый судебный состав. Только совместное решение коллегии присяжных заседателей и председательствующего по делу профессионального судьи обеспечивает реализацию задач уголовного судопроизводства. Не случайно в практике судов сложилось правило прикладывать к копии приговора, вынесенного судом с участием присяжных заседателей, копию самого вердикта присяжных и в таком соединенном виде выдавать их заинтересованным участникам процесса. Это отражает устоявшееся в теории и на практике восприятие вердикта и вынесенного на его основе приговора как единого процессуального решения[1].

Таким образом, вердикт присяжных заседателей по своей сущности и правовой природе является решением вопросов, относящихся к компетенции уголовного суда, и содержит признаки уголовно-процессуального решения. Но его нельзя признать полностью самостоятельным судебным решением. Только в совокупности с приговором вердикт приобретает значение акта правосудия.

Лосякова О.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Савельева Т.А., к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРОВ О ПЕРЕДАЧЕ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Составление и применение договоров о передаче прав на объекты интеллектуальной собственности всегда сопрягались с рядом проблем теоретического и практического характера. Основными проблемами, представленными в работе, стали проблемы замещения формы договора менее подходящими, сложности с определением субъектов принятия передаваемых прав, совмещения их с материальными договорами и использование агентских договоров при совершении подобных сделок.*

Ключевые слова: *интеллектуальные права, договоры на передачу исключительных прав, интеллектуальная собственность.*

Losyakova O.V.
FGBOU VO "SGUA", Saratov
Scientific supervisor: Savel'eva T.A., Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Arbitration Process SSLA, Saratov

PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE OF CONTRACTS FOR THE TRANSFER OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Abstract. *The drafting and application of agreements on the transfer of intellectual property rights has always been associated with a number of problems of a theoretical and practical nature. The main problems presented in the work were the problems of replacing the form of the contract with less suitable ones, difficulties with determining the subjects of acceptance of the transferred rights, combining them with material contracts, and the use of agency contracts when making such transactions.*

Keywords: *intellectual property rights, contracts for the transfer of exclusive rights, intellectual property.*

Вопрос охраны интеллектуальной собственности, его правовой природе и правоотношениях в области интеллектуальной собственности впервые прозвучал при вступлении в силу части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ). Однако, не смотря на введение специальных норм до сих пор в законодательстве сохраняются неточности, влияющие на практику их применения.

Одним из дискуссионных вопросов по сей день остается вопрос правовой природы договоров о передаче прав на объекты интеллектуальной собственности.

Часто на практике обе стороны договора при его составлении применяют так называемый проприетарный подход. При этом ни одна из сторон не задумывается о невозможности его применения именно из-за несоответствия правовой природы соответствующего договора производимым действиям. Суть данного подхода состоит в приравнивании вещной собственности и прав на результаты умственной деятельности. Именно из этой теории пошло словосочетание интеллектуальная собственность, хотя данный термин и не совсем правильно отражает его суть.

Однако, мы смело можем заявлять о невозможности применения данной теории к исследуемым объектам, т.к. мы имеем дело не с конкретной вещью, а, можно сказать, с фикцией. Продавая права на книгу, мы не продаем напечатанную вещь, мы продаем слова, историю, результат умственной деятельности, который может находиться на любом носителе и распространяться в любом виде новым правообладателем.

[1] См.: *Ведищев Н.П.* Вердикт присяжных. М., 2015. С. 153.

Частой практикой является передача исключительных прав в режиме договоров купли-продажи. Такая практика существует как за рубежом, так и в нашей стране. Законодательство Российской Федерации, исходя из смысла статьи 454 ГК РФ[1], говорит о возможности применения и использования такой формы договора, как договор купли-продажи, для продажи имущественных прав, если иное не вытекает из содержания и характера этих прав.

Однако, специфика и характер прав на результаты интеллектуальной деятельности свидетельствуют о фактической невозможности применения к ним каких бы то ни было норм регуляции прав по передаче материальных объектов. Это связано с обобщающей спецификой подобного регулирования, не включающей в себя по определению особенностей и характеристик интеллектуальных прав.

Проблема заключается в том, что в большей части мира уже отказались от заблуждений на счет приравнивания результатов интеллектуальной деятельности к вещным правам и разделяют данные понятия и в законе, и в юридической науке[2]. Однако в России все еще существует взгляд, что владение нематериальными объектами невозможно, т.к. владение возможно лишь предметами, имеющими пространственную локализацию. И, несмотря на то, что наука постепенно доказывает обратное и старается отходить от подобных воззрений, они еще встречаются в современной науке.

Также проблемой можно назвать разграничение договоров на выполнение работ, связанных с материальными объектами и объектами интеллектуальной собственности. А ведь различия кроются в порядке исполнения договора, в привлекаемых лицах, условиях и последствиях исполнения договора. Тем не менее даже судебная практика часто не делает различия между договорами подряда и договором о создании и использовании исключительных прав.

Более того, сложность в таких делах возникает и из-за того, что природа таких договоров зачастую смешанная, в связи с чем необходимо привлекать специалистов – экспертов для разграничения характера тех или иных пунктов одного документа.

Практической проблемой иногда становится то, что при заключении договора о распоряжении исключительными правами вместо передачи прав на данные объекты составляется посреднический договор. В таком случае вторая сторона фактически не наделяется никакими правами по отношению к предмету интеллектуальной собственности.

В какой-то момент это становится проблемой, т.к. законодательством напрямую не регулируются вопросы посреднических договорных отношений, в том числе агентских, по отношению к исключительным правам[3].

Так, согласно статье 1005 ГК РФ, все права на совершенную агентом сделку должны отходить принципалу, т.е. лицу, от чьего имени или в чьих интересах агентом была совершена сделка. Однако, по сделке изначально права и обязанности в связи с этой сделкой приобретает именно агент. Отсюда вытекает проблема, связанная с передачей прав на исключительные права.

Сделка получается сложносовершенной, многоступенчатой. Агент с одной стороны на время, пока принципал не потребовал приобретенные права, становится собственником этих прав, но по агентскому договору он обязан эти права отдать. Нельзя совершить сделку сразу на имя принципала, от есть отдать права сразу ему, минуя агента.

Но даже с владением этими правами агентом получается не совсем просто. Он не собственник в общепринятом смысле. Он распоряжается своими «чужими» правами и лишь в рамках дозволения принципала. Он не может их использовать как полноценный правообладатель. Но и к принципалу они уходят только в процессе их отдельной передачи.

При этом вне зависимости от особенностей прав, передаваемых с использованием агентского договора, он совершается одинаково. Однако, существует ряд договоров об исключительных правах, где как правообладатель, так и принимающее права лицо должны обладать определенными разрешениями и документами, подтверждающими их право владения такими правами. У агента таких прав нет. Но он является временным правообладателем. Эта не состыковка достаточно странная.

Во всем законодательстве отсутствует пояснение точного правового статуса агента в такой момент, что заставляет задуматься о возможности составления такого договора в указанных случаях.

Итак, природа договоров о передаче прав на объекты интеллектуальной собственности является достаточно сложной ввиду своей особой специфики объекта передачи и, в некоторых случаях, субъектов, совершающих данные сделки. Современное законодательство все еще не до конца учитывает специфику отрасли исключительных прав, в связи с чем на практике как у сторон данных правоотношений, так и у судебных инстанций возникают сложности при разрешении спорных вопросов.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496; 2020. № 30, ст. 4743.

[2] *Сергеев А.П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. М., 2003. С. 540.

[3] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальнные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей // М.: Статут, 2005. С. 215-218.

Лукьянова Я.Г.
магистрант кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной
юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: Севостьянов Р.А., к.ю.н.,
доцент, г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *К сожалению, общественность неоднозначно относится к проявлениям насилия в семье. Данный факт препятствует их выявлению и пресечению. В рамках настоящей статьи автором рассматриваются современные проблемы профилактики семейно-бытовых преступлений различными правовыми и неправовыми мерами.*

Ключевые слова: *семейно-бытовые преступления, насилие, семья, профилактика.*

Lukyanova Ya. G.
Saratov State Academy of Law Saratov, Saratov
Scientific supervisor Sevostyanov R.A. Candidate of Law Science Saratov State Academy of Law, Saratov

PROBLEMS OF PREVENTION OF DOMESTIC CRIMES

Abstract. *Unfortunately, the public is ambivalent about the manifestations of domestic violence. This fact prevents their detection and suppression. Within the framework of this article, the author examines the current problems of prevention of family and domestic crimes by various legal and non-legal measures.*

Keywords: *domestic crimes, violence, family, prevention.*

Не вызывает сомнения, что базис любого общества основывается на семье. К сожалению, проблема семейно-бытовых преступлений с каждым годом приобретает все более актуальный характер. Не смотря на социально важный характер института семьи, на протяжении долгих лет в обществе действовал стереотип, согласно которому семейное насилие является частным случаем деформации взаимоотношений между членами семьи.

Семейно-бытовые преступления – это противоправные деяния, основывающиеся на неприязненных взаимоотношениях либо внезапно возникших между близкими родственниками или членами семьи конфликтах и посягающие на жизнь и здоровье, честь и достоинство, личную свободу людей, а также на общественный порядок. Считаем необходимым отметить тот факт, что при их совершении значительно возрастает немотивированная жестокость, а поведение преступников зачастую не поддается логике здравого смысла и рассудка. Невозможно не согласиться с мнением о том, что наиболее важным криминогенным условием является злоупотребление алкогольными напитками. Оно обуславливает угасание высших эмоциональных переживаний, ослабление или потерю самоконтроля, проявление агрессии, вспыльчивости, грубости и жестокости. У человека, находящегося в состоянии сильного опьянения, обостряются отрицательные качества характера, чувства мести или ревности[1]. Конфликты, служащие причиной совершения преступлений в семейно-бытовой сфере, связаны с самим человеком и его поведением. Многое в данном процессе зависит от уровня личностной зрелости, от готовности лица к преодолению возникших противоречий законопослушным путем.

Профилактика проявления насилия в семье, к сожалению, вызывает трудности, что связано как со сложностями выявления причин и условий его совершения, так с общим уровнем организации профилактической деятельности в сфере семейно-бытовых преступлений, с несовершенством ее методов.

Работа правоохранительных органов по профилактике рассматриваемых преступлений должна заключается не только в осуществлении мер реагирования на поступившие об уже совершенных деяниях сигналы, но и в проведении предупреждающих мероприятий по выявлению «проблемных» семей, в проведении воспитательной работы с лицами, потенциально возможным к преступному поведения в быту.

В системе общих профилактических мер необходимо акцентировать внимание на усиление воспитательной работы, на искоренение пьянства и аморального поведения лиц, влекущее ссоры и драки.

В целях эффективного осуществления профилактической деятельности следует обратить внимание на следующие факторы:

- социальное и экономическое состояния общества, его позитивные и негативные тенденции с выделением обстоятельств, которые содействуют семейно-бытовой преступности;
- социально-психологическое состояние общества, преобладающее в нем отношение к бытовой преступности, в частности, к семейному насилию;
- состояние социально-правового контроля и тенденции его развития;
- состояние инфраструктуры криминологической профилактики и реабилитационного пространства с их реальными возможностями (финансовыми, организационными, правовыми), их реформирование и развитие.

Некоторые авторы также отстаивают точку зрения, в соответствии с которой существует необходимость влияния на обстановку внутри семьи с помощью средств массовой информации[2]. Их деятельность может повлиять на преодоление общественного отчуждения некоторых семей, укрепление связи между ними, преодоления конфликтности между членами семьи и, как следствие, создание нормального микроклимата в семье, исключающего совершение ее членами противоправных деяний.

[1] См.: Профилактика преступлений в быту. Официальный сайт МВД РФ. URL: https://xn--b1amaedr2am.18.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/17228021/ (дата обращения: 12.03.2021).

[2] См.: *Тляумбетов Р.Г.* Преступления против семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 21.

Кроме того, успешность осуществления профилактики рассматриваемого вида преступлений зависит от стабильности экономической обстановки в стране. Поэтому одним из основных направлений выступает стабилизация экономики, подъем отечественной промышленности и сельскохозяйственного производства. Данные мероприятия позволят государству вкладывать финансовые средства в социальную сферу. В свою очередь улучшение экономического положения семьи сделает возможным повышение ее культуры, в том числе культуры отношений внутри семьи. Рост уровня экономической жизни семьи означает и улучшение жилищных условий.

На наш взгляд, немаловажной проблемой при профилактике такого рода преступление является необходимость в совершенствовании действующего законодательства. Еще в 2016 г. в Государственную думу был внесен законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия»[1]. Однако он был отклонен как несоответствующий существующему на то время законодательству. Текущий вариант законопроекта опубликован на сайте Совета Федерации в 2019 г. Отметим, что указанные проект закона выступает предметом острой общественной полемики: сторонники принятия законопроекта считают нынешнюю редакцию слишком мягкой, в то время как противники рассматривают предусмотренные в нем меры как репрессивные и опасаются, что семейно-бытовым насилием можно будет признать «любое нормальное человеческое действие»[2].

Кроме того, в 2017 г. была осуществлена процедура по декриминализации впервые совершенных семейных побоев. Соответствующие деяния были исключены из Уголовного кодекса РФ. Данная мера, по словам законодателя, была реализована с целью расширения потенциальной возможности профилактического воздействия и минимизации негативных последствий семейно-бытовых конфликтов. Рассмотренное нововведение вызывает множество споров, до сих пор есть как противники, так и те, кто его отстаивает.

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что, безусловно, в сфере профилактики семейно-бытовых преступлений существует не одна, а множество проблем. Однако, комплекс взаимосвязанных и последовательных мер, осуществляемых различными уровнями государственного и общественного механизма, способен решить и даже искоренить рассмотренные проблемы. От правильной организации профилактической работы во многом зависит состояние борьбы с преступностью и общее настроение в обществе.

[1] См.: Законопроект № 1183390-6 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество», Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6 (дата обращения: 12.03.2021).

[2] См.: Кто и почему выступает против закона о домашнем насилии. РИА Новости. 08.12.2019. URL: https://ria.ru/20191208/1562071651.html (дата обращения: 12.03.2021).

Лупсаа Ч.Е.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Кухарук В.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности фальсификации лекарственных средств в Российской Федерации, проанализирована правоприменительная практика по данным составам преступлений, предложено внесение соответствующего уточнения в законодательство РФ.*

Ключевые слова: *лекарственные средства, фальсификация, преступление.*

Lupsaa C.E.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kuharuk V.V., PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TO THE QUESTION OF FALSIFICATION OF MEDICINES

Abstract. *The article examines the features of counterfeiting of medicines in the Russian Federation, analyzes the law enforcement practice for these corpus delicti, proposes the introduction of an appropriate clarification into the legislation of the Russian Federation.*

Keywords: *medicines, falsification, crime.*

Проблема фальсификации лекарственных средств остается актуальной уже на протяжении многих лет. По состоянию данных на февраль 2020 года федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения зарегистрирована 331 запись о случаях фальсификации лекарственных средств. 31 декабря 2014 года в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) были внесены дополнения касающиеся новых составов преступления. Это статьи 235.1 (незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий), 238.1 (Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологических добавок)[3].

Фальсификация лекарственных средств представляет реальную угрозу экономической и социальной безопасности страны, здоровью каждого человека. По мнению экспертов, по прибыльности мировой теневой фармацевтический рынок занимает третье место после рынка оружия и наркотиков[4].

[3] Федеральный закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» // СЗ РФ. 2015. № 1, ст. 85.

[4] Фальсификация лекарственных средств в России / под ред. С.В. Максимова. М.: Проспект, 2018. С. 7.

В конце марта 2015 г. возбуждено первое уголовное дело по статье 238.1 УК РФ[1]. В Люберцах был обнаружен склад поддельных препаратов. Преступники готовились к повышенному весеннему спросу на противоаллергенные таблетки и завезли большую партию недоброкачественного товара из Китая. Для определения степени опасности таких препаратов сотрудникам необходимо выяснить, что представляют из себя эти медикаменты. В случае, если в упаковку попадает мел – человек лечится на силе самоубеждения, а, если в состав препарата входит какое-либо другое вещество, то последствия могут быть различны: от тяжкого вреда здоровью до смерти. На наш взгляд, такое деяние, в случае если оно не повлекло никаких последствий, должно квалифицироваться по п. «а» ч. 2 статьи 238.1 УК РФ.

В настоящее время правоприменительная практика по данным составам преступлений находится на начальной стадии формирования, однако уже имеют место быть положительные примеры надлежащей организации расследования.

Так, в 2019 г. в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации поступило 67 сообщений о преступлениях (2015 г. – 32)[2]. Наибольшее число – в следственные управления по Красноярскому краю – 15 (2018 г. – 1), Удмуртской Республике – 4 (2018 г. – 3), городу Москве – 4 (2018 г. – 2), Московской области – 3 (2018 г. – 2), городу Санкт-Петербургу – 3 (2018 г. – 1), Республике Татарстан – 3 (2018 г. – 1), Республике Бурятия – 2 (2018 г. – 4), Республике Дагестан – 2 (2018 г. – 2). При этом отмечается тенденция к росту количества возбужденных уголовных дел. Так, по статьям 235.1 и 238.1 УК РФ в 2015 г. возбуждено 12 уголовных дел, в 2016 г. – 37, за 5 мес. 2017 года – 51, в 2018 – 68. В настоящее время уже есть завершенные уголовные дела и имеется 6 осужденных по статье 235.1 УК РФ и 53 осужденных лиц по статье 238.1 УК РФ[3].

Проанализировав судебную практику, в частности Определение Верховного Суда РФ от 9 декабря 2016 г. по делу № 306-АД16-16086[4], Постановление № 1-174/2019 от 10 июня 2019 г. по делу № 1-174/2019[5], можно сделать вывод, что несмотря на невозможность установить точное количество пострадавших от незаконных действий виновных, суды при назначении наказания учитывают характер и степень общественной опасности, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Сейчас в правоприменительной практике возникает множество вопросов о справедливости санкций, о возможностях для расширительного толкования норм, а также об их эффективности на практике. За производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна) в соответствии со ст. 235.1 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом в размере от 500 тыс. руб. до 2 млн руб.

Исходя из места ст. 235.1 и ст. 238.1 в системе УК РФ можно предположить, что в них подразумевается посягательство на здоровье населения. Однако вопрос об объекте незаконного оборота лекарственных препаратов и медицинских изделий, который по общему правилу определяется принадлежностью нормы к той или иной главе уголовного кодекса, в данном конкретном случае не имеет однозначного решения.

Законодатель одних стран незаконное производство медицинской продукции относит к преступлениям экономического характера (например, Азербайджан, Грузия, Китай, Узбекистан), других – к преступлениям против здоровья населения (Беларусь, Молдова, Украина, Таджикистан, Турция), третьих – к преступлениям в сфере общественной безопасности (Польша, Таиланд), четвертых – к преступлениям против здоровья человека (Израиль). Представляется, что обоснованность отнесения незаконного производства медицинской продукции к преступлениям той или иной группы определяется степенью определенности предмета преступления и характеристикой объективной стороны деяния.

Полагаем, что с точки зрения объекта посягательства незаконное производство лекарственных средств и медицинской продукции допустимо признать преступлениями в сфере экономической деятельности, если законодатель делает акцент на фальсифицированном характере медицинской продукции и не подчеркивает ее опасности для жизни или здоровья человека. В связи с чем, целесообразно норму статьи 235.1 отнести к экономическим преступлениям, поскольку в конструкции нормы отсутствует указание на причинение вреда здоровью и жизни человека, в то время как в статье 238.1 такое указание имеется. Кроме того, если рассмотреть объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 235.1 УК РФ, то можно заметить, что она обозначена как производство медицинского продукта без лицензии, если такая деятельность подлежит обязательному лицензированию. Лишь деятельность в сфере экономических отношений (предпринимательская) может быть лицензированной или нелицензированной. Именно отсутствием специального разрешения на производство лекарственных средств или медицинских изделий, необходимого для их товарного производства, обусловлена уголовная ответственность по ст. 235.1 УК РФ. При таких обстоятельствах не усматривается оснований для помещения этой нормы среди норм о преступлениях против здоровья населения. Логичнее было бы поместить ее в главу об экономических преступлениях.

Необходимо отметить, что в связи с распространением Коронавирусной инфекции (Covid-19), в том чис-

---

[1] В Люберецком районе возбуждено уголовное дело по факту обращения фальсифицированных лекарственных средств // Официальный сайт Главного Следственного Управления Следственного Комитета Российской Федерации по Московской области. URL: https://mosobl.sledcom.ru/news/item/910241/ (дата обращения: 04.04.2021).

[2] Агентство правовой информации. Судебная статистка РФ. Уголовное судопроизводство. URL.: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 04.04.2021)

[3] Агентство правовой информации. Судебная статистка РФ. Уголовное судопроизводство. URL.: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 04.04.2021).

[4] Определение Верховного Суда РФ от 9 декабря 2016 г. по делу № 306-АД16-16086. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/TUlSxt8jM5HP/ (дата обращения: 04.04.2021).

[5] Постановление № 1-174/2019 от 10 июня 2019 г. по делу № 1-174/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rIttTUhffGbK/ (дата обращения: 04.04.2021).

ле на территории Российской Федерации, в статью 238.1 УК РФ были внесены изменения. Во-первых, появилась часть 1.1, которая предусматривает ответственность за деяния, предусмотренные первой частью, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Во-вторых, появился пункт 3 в примечаниях к данной статье. Законодатель закрепляет ряд случаев, когда возможен ввоз на территорию РФ незарегистрированных лекарственных средств[1]. Кардинальных изменений данное нововведение не несет, поскольку соответствующие нормы и положения содержат Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ № 61-ФЗ)[2], Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»[3] и иные нормативно-правовые акты. Возникают вопросы относительно толкования данного пункта. Например, какими актами должен был регламентирован ввоз таких лекарственных средств, размер и количество ввозимых медикаментов, цели такого ввоза. В-третьих, следует учитывать, что по общему правилу ввоз незарегистрированных в РФ лекарственных средств является незаконным. Однако ФЗ № 61-ФЗ, а также Постановление Правительства РФ от 29.09.2010 № 771 «О порядке ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации»[4] закрепляют случаи-исключения. Тем не менее, ни одно из оснований не говорит о ввозе на территорию РФ лекарственных средств и медицинских изделий, которые не производятся на территории РФ, а соответственно, и не регламентируют его. Также необходимо отметить, что понятие ввоза незарегистрированного лекарственного средства или медицинского изделия, производство которого не осуществляется на территории РФ довольно широкое, поскольку можно говорить, что именно ввоз на территорию РФ незарегистрированного лекарственного средства или медицинского изделия подразумевает, что его производство было за пределами России. Таким образом, необходимо внести уточнения по этой части пункта 3 примечания к ст. 238.1 УК РФ, например в соответствующих нормативно-правовых актах.

Представляется, что криминализация соответствующих деяний при условии реального применения норм, предусматривающих за них уголовную ответственность, будет содействовать эффективной борьбе с фальсификацией лекарственных препаратов, с их незаконным оборотом и, в конечном счете – способствовать эффективной охране здоровья населения России. На наш взгляд, теперь преступники за оборот фальсифицированных лекарств будут нести ту ответственность, которая соответствует степени тяжести совершенного деяния, чем укрепится принцип справедливости уголовного наказания. С введением новой статьи не будет конкуренции уголовных норм, привлечение к ответственности станет неизбежным.

Таким образом, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства об обращении лекарственных средств, детализировав регулирование таких преступлений, как фальсификация лекарственных средств, установив более жесткие меры наказания за изготовление и реализацию фальсифицированных лекарственных средств.

[1] *Петрова А.А.* Фальсификация лекарственных средств: проблемы применения статьи 238.1 УК РФ // Личность, общество, государство, право: проблемы взаимодействия в современных условиях: сб. ст. Междунар. научно-практ. конф. Петрозаводск, 2020. С. 34.

[2] Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп. от 01.01.2021 № 105-ФЗ) // СЗ РФ. 2010. № 16, ст. 1815.

[3] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (с изм. и доп. от 28.01.2021 № 303-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

[4] Постановление Правительства РФ от 29.09.2010 № 771 «О порядке ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2016) // СЗ РФ. 2010. № 41, ст. 5235.

Лысенко Д.В.
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов
Научный руководитель: Шапиро Л.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПЕРВИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *статья посвящена установлению особенностей предварительной проверки первичной информации о незаконном предпринимательстве. Отмечается, что понятие «предварительная проверка первичной информации» целесообразно рассматривать в широком смысле. Рассматриваются отдельные способы проведения предварительной проверки первичной информации о незаконном предпринимательстве.*

Ключевые слова: *предварительная проверка, повод для проверки, способы предварительной проверки, незаконное предпринимательство.*

Lysenko D.V.
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov
Supervisor: Shapiro L.G. Doctor of Law, Professor of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

FEATURES OF PRELIMINARY VERIFICATION OF PRIMARY INFORMATION ABOUT ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP

Abstract. *The article is devoted to the peculiarities of preliminary verification of primary information about illegal business. It is noted that the concept of «preliminary verification of primary information» should be considered in a broad sense. Separate methods of conducting preliminary verification of primary information about illegal business are considered.*

Keywords: *preliminary inspection, reason for inspection, methods of preliminary inspection, illegal business.*

Проверка первичной информации о преступлении необходима для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела. Согласно части 2 статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления[1]. Соответственно, принятию такого важного решения предшествует тщательная деятельность, направленная на проверку первичной информации с целью установления достаточности для обоснованного возбуждения уголовного дела.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает понятие «предварительная проверка первичной информации», однако данное понятие активно используется в криминалистике. А.Н. Ильин под предварительной проверкой понимает «процесс приема и регистрации информации о предполагаемом преступном событии; выявления в ней фактических данных, указывающих на признаки преступления; а также сбора дополнительных сведений о следах преступного события и иных его признаках, необходимых для принятия предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством решения по сообщению о преступлении»[2]. Автор понимает «предварительную проверку» в широком смысле, выделяя ее этапы, где первым этапом выступает прием и регистрация информации. Однако хотелось бы отметить, что действия по приему и регистрации информации о преступлении по своей сути носят административно-правовой характер. Проверка же достоверности и достаточности сведений начинается после приема и регистрации сообщений о преступлении. Кроме того, прием и регистрация сообщений о преступлении и предварительная проверка первичной информации о преступлении, как правило, осуществляется разными должностными лицами.

Проверка первичной информации о любом экономическом преступлении является тактической задачей, от правильного решения которой зачастую зависит судебная перспектива уголовного дела. Оценивая материалы предварительной проверки, следователь формирует знания относительно фактических обстоятельств события. Причем оценка осуществляется по внутреннему убеждению следователя, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств в их совокупности. Следует отметить, что под достаточным основанием для возбуждения уголовного дела нужно понимать объем фактов, характеризующих отдельные элементы объективной стороны состава преступления. Поэтому на этапе предварительной проверки первичной информации излишне установление субъекта преступления и субъективной стороны, что, по сути, превращает эту стадию в расследование и может привести к нарушению процессуальных сроков, установленных законодателем. Достаточно установить только факт совершенного преступления.

Любые проверочные действия начинаются с предварительной оценки и анализа информации, содержащейся в сообщении о преступлении. Учитывая специфику расследования дел о незаконном предпринимательстве, этап предварительной проверки первичной информации о данном преступлении также имеет свои отличительные черты в зависимости от способа получения информации.

На основании исследования материалов более двух сотен уголовных дел М.М. Милованова и О.Н. Васильева пришли к следующим выводам. Наиболее распространенным поводом для производства проверки о совершенном преступлении и возбуждения уголовного дела о незаконном предпринимательстве являются рапорта сотрудников, составленные по результатам оперативно-розыскной деятельности (67 %). Количество заявлений граждан о фактах незаконного предпринимательства составляет 24 %. Число прокурорских проверок составило 4 %. Одним из наименьших показателей являются сообщения СМИ (2 %) и сведения, содержащиеся в материалах аудиторских проверок и ревизий (1 %). Причем такой повод как явка с повинной не встретился ни разу[3]. На основе данного исследования можно отметить, что усеченная стадия возбуждения уголовного дела о незаконном предпринимательстве (т.е. без предварительной проверки) встречается на практике значительно реже.

К типичным причинам возвращения материалов для проведения дополнительной процессуальной проверки по факту незаконной предпринимательской деятельности, как правило, относят: отсутствие объяснений лиц, причастных к хозяйственной деятельности, отсутствие либо неотражение обстоятельств совершения действий по незаконному предпринимательству; исследование хозяйственной деятельности эпизодически, не проводятся встречные проверки с контрагентами; отсутствие в материалах проверки документов, отражающих получение субъектом дохода от незаконной предпринимательской деятельности, а также заключений специалистов по расчету суммы этого дохода; не учитываются изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации[4]. Поэтому при предварительной проверке первичной информации о незаконном предпринимательстве необходимо уделять особое внимание указанным аспектам.

В целом ученые выделяют три группы способов проведения предварительной проверки первичных матери-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 24.02.2021 № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

[2] *Ильин А.Н.* Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

[3] *Милованова М.М., Васильева О.Н.* Особенности выявления незаконного предпринимательства // Образование и право. 2017. № 5. С. 148.

[4] *Тонкий Е.С.* Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства. дис… к.ю.н.. 2015. М., С. 140.

алов: процессуальные действия; оперативно-розыскные мероприятия; действия, не предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации[1].

Д.А. Запивалов на основе оперативной, следственной и судебной практики приходит к выводу о том, что к числу проверочных действий первичной информации о незаконном предпринимательстве относится следующий необходимый минимум мероприятий: производство документальных проверок и ревизий; производство следственных действий, разрешенных законодательством до возбуждения уголовного дела; получение объяснений от лиц, имеющих отношение к осуществлению незаконной предпринимательской деятельности[2]. Стоит отметить, что перечень проверочных мероприятий должен конкретизироваться с учетом возникшей в конкретном случае типичной исходной следственной ситуации. Такое положение требует тщательной подготовки и детально спланированного комплекса процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, т.к. иначе вряд ли возможно грамотно осуществить комплекс действий, направленных на установление исследуемых противоправных деяний.

Позицию Д.И. Запивалова о выделении обязательных мероприятий по проведению предварительной проверки информации о незаконном предпринимательстве можно дополнить таким элементом, как проведение оперативно-розыскных мероприятий. М.М. Милованова отмечает, что возбуждению уголовных дел о незаконном предпринимательстве в подавляющем большинстве случаев предшествует проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий [3]. Такое положение связано со спецификой незаконной предпринимательской деятельности, которую стремятся замаскировать под законную.

Для возбуждения уголовного дела о незаконном предпринимательстве необходимо установить получение соответствующей суммы дохода. Однако единовременно получить такой доход преступники могут не всегда, поэтому уполномоченные лица прибегают к документированию отдельных эпизодов незаконной предпринимательской деятельности, накапливая их совокупность до соответствующей суммы полученного субъектом дохода. Здесь применяются такие оперативно-розыскные мероприятия, как «проверочная закупка», «обследование помещений, зданий, сооружений», а также тактическая операция «задержание с поличным».

Рассматривая способы проведения предварительной проверки первичной информации о незаконном предпринимательстве, следует заметить, что они коррелируют с классификацией исходных следственных ситуаций. Учитывая ретроспективный характер расследования, следователь при изучении преступного события, имевшего место в прошлом, не имеет возможности наблюдать динамику его возникновения и развития, а сталкивается лишь с анализом преступных последствий в виде следовой картины и преступного результата. Первичная информация содержит лишь определенную ограниченную часть информации о совершенном преступлении. Различия объема информации о преступлении, имеющейся в первичных материалах, порождают различные исходные следственные ситуации.

В.Е. Корноухов и В.В. Степанов отмечали, что при определении способа проведения предварительной проверки первичной информации необходимо исходить из того, известно ли лицам, совершившим преступление, о поступлении заявления или сообщения в органы предварительного следствия, поскольку регистрация заявления о преступлении может вызвать активное противодействие со стороны заинтересованных лиц[4]. Данные обстоятельства определяют методы и способы проведения дальнейшей проверки первичной информации.

Не вызывает сомнений тот факт, что при предварительной проверке первичной информации о незаконном предпринимательстве документальные проверки и ревизии занимают особое место, т.к. любая операция, касающаяся предпринимательской деятельности, должна оформляться соответствующим документом или несколькими различными документами, содержащими необходимые сведения. Конечно же, для проведения всех проверок и ревизий необходимо привлечение соответствующих специалистов. Далее

Для проведения документальной проверки и ревизии можно выделить две группы приемов исследования: приемы документальной проверки и приемы фактической проверки[5]. Приемы документальной проверки предполагают изучение документального оформления одной или нескольких взаимосвязанных либо однородных операций (формальная, нормативная, арифметическая проверка, встречная проверка, взаимный контроль, хронологический и сравнительный анализ операций, контрольное сличение остатков). Вторая группа приемов заключается в осуществлении специально организуемых контрольных действий, с результатами которых сопоставляется содержание проверяемых документов (инвентаризация, получение справок и письменных объяснений от лиц, принимавших участие в совершении хозяйственной операции, проверка состояния средств хозяйства, указанных в содержании документа,). В результате этих приемов находят фактические несоответствия даже надлежащим образом оформленных документов действительному содержанию реальной хозяйственной деятельности субъекта незаконной предпринимательской деятельности.

Помимо ревизий, на практике могут проводиться встречные проверки, цель которых заключается в проверке документов двух организаций, связанных между собой. Например, в одной организации документы или часть документов отсутствуют, а в другой необходимые

[1] *Корноухов В.Е.* Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 2 / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2004. С. 26.

[2] *Запивалов Д.А.* Выявление признаков незаконного предпринимательства и проверочные мероприятия на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 131.

[3] *Милованова М.М.* Проблемы расследования незаконного предпринимательства //Приоритеты развития социогуманитарного знания, экономики и права: научная дискуссия и эксперименты. 2017. С. 243–248.

[4] *Корноухов В.Е., Степанов В.В.* Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2001. С. 14.

[5] Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений: в 3 т. Т. 3. / под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. СПб., 2004. С. 188.

документы сохранены или все экземпляры документов сохранены в обеих организациях, но в их содержании имеются противоречия. Результаты встречной проверки позволяют восстановить содержание недостающих документов. Кроме того, могут быть использованы нормативные проверки содержания отдельного документа; арифметическая проверка; сквозной анализ; инвентаризация.

Проверочными мероприятиями предварительной информации о незаконном предпринимательстве также является производство следственных действий, разрешенных уголовно-процессуальным законодательством до возбуждения уголовного дела. С учетом специфики незаконного предпринимательства большое значение имеет грамотно проведенный осмотр места происшествия.

Осмотр места происшествия подразумевает проведение комплексного анализа всей информации, установленной непосредственно во время его производства, т.е. процедура осмотра должна носить исследовательский характер. В качестве привлекаемых специалистов для проведения осмотра по делам о незаконном предпринимательстве могут выступать экономисты, бухгалтеры, технологи, работники налоговых органов, санитарно-эпидемиологической службы, специалисты в области компьютерной техники и т.д.

В результате осмотра места происшествия по делам о незаконном предпринимательстве могут быть установлены обстоятельства совершенного преступления, использованные предметы и документы, выявлены другие обстоятельства, имеющие значение для установления обстоятельств преступления. При осмотре рекомендуется применять видео– и фотофиксацию хода и результатов проведения следственного действия, а также привлекать специалиста, производящего техническое обследование производственных, торговых и иных помещений, технологического оборудования.

При осмотре важно соблюдать полноту и подробность описания помещения проверяемого физического (юридического) лица и прилегающей территории. В ходе осмотра необходимо конкретно описать и указать местонахождение бухгалтерских документов, черновых и иных записей и документов; денежных средств; предметов, являющихся доказательствами незаконной предпринимательской деятельности (лома черных и цветных металлов, винно-водочной и спиртосодержащей продукции и др.); автотранспорта (гос. номер, марка) и т.д.

Не менее важным проверочным мероприятием является получение объяснений от лиц, имеющих отношение к осуществлению незаконной предпринимательской деятельности. К ним относятся должностные лица лицензирующего органа; покупатели, которым осуществлялась продажа товаров; лиц, которые заказывали выполнение работ или оказание услуг; наемные работники, осуществляющие трудовую деятельность у занимавшегося незаконным предпринимательством лица; физические лица или представитель юридического лица, которым был причинен ущерб и т.д.

Получение объяснений является, как правило, достоверным способом проверки первичной информации, т.к. опрашиваемое лицо пока не подвержено влиянию заинтересованных в исходе проверки лиц, а детали происшедшего еще свежи в его памяти.

При получении объяснений важно выяснить следующую информацию: наличие документально подтвержденных данных о факте (фактах) регистрации или получения лицензии; сфера, характер и период времени осуществляемой предпринимательской деятельности; порядок организации и осуществления документооборота; круг лиц, с которыми осуществлялось сотрудничество; размер дохода от осуществления незаконной предпринимательской деятельности и т.д.

В результате анализа основных способов предварительной проверки первичной информации о незаконном предпринимательстве представляется возможным предложить следующую классификацию исходных следственных ситуаций, возникающих при расследовании незаконного предпринимательства.

Например, в зависимости от источника информации, содержащейся в поступивших материалах: ситуации, когда сведения о признаках совершенного преступления получены от потерпевшей организации после проведения в ней документальной ревизии; ситуации, когда сведения о признаках незаконного предпринимательства получены в результате оперативно-розыскной деятельности.

Кроме того, в зависимости от наличия данных о лице, совершившем преступление, можно выделить следующие ситуации: известен круг лиц, причастных к незаконной предпринимательской деятельности, но данных, необходимых для возбуждения уголовного дела, недостаточно, требуется проведение предварительной проверки; лицо, совершившее преступление, известно, и данных, подтверждающих его причастность к незаконному предпринимательству, достаточно для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, информация, полученная в рамках предварительной проверки первичных материалов о незаконном предпринимательстве, может содержать материалы ревизий, документальных проверок, результаты оперативно-розыскной деятельности, протоколы следственных действий, разрешенных уголовно-процессуальным законом на этой стадии. Специфика целей предварительной проверки первичной информации о незаконном предпринимательстве напрямую связана с уголовно-правовыми целями расследования и заключается в установлении объекта преступного посягательства, в установлении способа совершения преступления, иных обстоятельств совершения преступления. В зависимости от источника получения информации о преступлении последовательность действий по ее проверке будет отличаться. Принятие как оперативно-розыскного, так и тактического либо процессуального решения по данной категории дел зависит от того обстоятельства, является ли преступление уже совершенным или еще готовящимся.

Ляткина А.Д.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Киримова И.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. *В данной статье были раскрыты основные положения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов.Статья отображает основополагающие нормы, регулирующие отношения в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов. Тема статьи позволяет обозначить проблемы и перспективы решения коррупции с использованием должностного положения в рамках антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов.*

Ключевые слова: *антикоррупционная экспертиза, субъект антикоррупционной экспертизы, коррупциогенные факторы.*

Lyatkina A.D.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kerimova E.A. PhD, Associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF REGULATORY LEGAL ACTS

Abstract. *This article describes the main provisions of the anti-corruption expertise of regulatory legal acts. The article reflects the fundamental norms governing relations in the field of anti-corruption expertise of normative legal acts. The topic of the article allows us to identify the problems and prospects of solving corruption using official position in the framework of anti-corruption expertise of regulatory legal acts.*

Keywords: *anti-corruption expertise, subject of anti-corruption expertise, corruption factors.*

Одной из основных мер по профилактики коррупции выступает антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов. Ее проведение предусмотрено Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1]. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[2] содержит основные положения, касающиеся проведения антикоррупционной экспертизы. Данная деятельность осуществляется в целях выявления и устранения коррупциогенных факторов в нормативно– правовых актах и их проектах.

Субъектами, осуществляющими данную деятельность, выступают органы прокуратуры[3], юридические и физические лица, аккредитованные Министерством юстиции Российской Федерации в качестве экспертов по проведению независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Иные органы и организации, в компетенцию которых не входит проведение антикоррупционной экспертизы, обязаны информировать о выявленных в нормативно-правовых актах или их проектах коррупциогенных факторов, органы прокуратуры Российской Федерации.

С целью единообразного понимания и осуществления антикоррупционной экспертизы была разработана общая методика ее проведения. Она была утверждена на федеральном уровне Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[4].Соответствующие положения были утверждены Приказом Генеральной прокуратуры от 28.12.2009 г. Приказ закрепил порядок участия органов прокуратуры в проведение данной экспертизы, а также возможность принятия мер прокурорского реагирования[5].

Коррупциогенные факторы делятся на 2 группы. Первая из них определяетусловия для использования необоснованно широких пределов усмотрения или возможности необоснованного применения исключений из общих правил.

Среди коррупциогенных факторов можно выделить такие, как использование при формулировании объема компетенции термина «вправе»; предоставление компетентному органу права по его усмотрению возможности установления исключений из общего порядка для граждан и организаций; неограниченная рамками компетенции свобода подзаконного нормотворчества; отсутствие или неполнота процедур, требуемых для реализации законодательных положений; закрепление административного порядка предоставления права или блага в случаях, когда законодательно закреплена конкурсная форма и др.

Законодательное закрепление субъектов, в чью компетенцию входит осуществление коррупциогенной экспертизы, а также отбор факторов, позволяющих правоприменителям использовать должностное положение в корыстных целях, а именно для вымогательства и получения взяток является условием оздоровления общества и государства, полноценной и бесконфликтной реализации функций государства, средством укрепления законности и правопорядка.

[1] См.: Федеральный закон от 25декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. 31.07.2020) // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

[2] См.: Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных актов» (в ред. от 11.10.2018) // СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

[3] См.: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

[4] См.: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

[5] См.: Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов» (в ред. от 13.03.2018) // Законность. № 4. 2010.

Маловик С.Д.
магистрант Саратовской государственной юридической академии, Саратов
Научный руководитель: Родионова О.М., д.ю.н., доцент кафедры гражданского права

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Выполненная работа посвящена рассмотрению проблемы признания авторства за технологиями искусственного интеллекта. В работе проведен анализ идей различных ученых, а также выработано предложение по внесению изменений в гражданский кодекс РФ.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, авторское право, машиноцентрический концепт, антропоцентрический концепт, концепт гибридного авторства, концепт служебного произведения, концепт «исчезающего» (нулевого) авторства*

Malovik S.D.
Master's student, Saratov State Law Academy, Saratov
Supervisor: Rodionova O.M., Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COPYRIGHT LAW: THE MAIN PROBLEMS

Abstract. *The work is devoted to the consideration of the problem of authorship recognition for artificial intelligence technologies. The paper analyzes the ideas of various scientists, and also develops a proposal for amendments to the Civil Code of the Russian Federation.*

Keywords: *artificial intelligence, copyright law, machine-centric concept, anthropocentric concept, hybrid authorship concept, service work concept, concept of "disappearing" (zero) authorship.*

В октябре 2018 г. была продана картина, которая называется «Портрет Эдмонда Дели» на аукционе за 432,5 тысячи долларов. Особенностью данной картины является то, что картина была нарисована не столько человеком, сколько при помощи технологий искусственного интеллекта. Так, для создания портрета члены Obvious пользовались генеративно-состязательной сетью (GAN), состоящей из двух нейросетей. Первая рассматривает исторические портреты и создает свою картину, а вторая (так называемый дискриминатор) в это время отличает новое произведение от множества оригинальных. По словам авторов алгоритма, дискриминатор должен в итоге решить, что новое изображение – настоящее. В таком случае «состязание» нейросетей завершается и в результате появляется оригинальное живописное полотно[1].

Действительно, на сегодняшний день искусственный интеллект достиг определенных высот в различных творческих направлениях, в связи с этим все более и более актуальным становится проблема признания либо непризнания авторства данных произведений искусства за данными технологиями. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение различных концепций по данному вопросу и предложение дальнейшего изменения законодательства в данной области.

Прежде всего, необходимо выяснить, что мы будем понимать в дальнейшем под понятием искусственного интеллекта. Стоит отметить, что существует огромное количество определений, у каждого определения есть своя специфика, поэтому дать однозначное и точно описывающее определение представляется едва ли возможным. Поэтому за основу мы возьмем определение, которое встречается в законодательстве нашей страны, а именно в указе президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека – и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека[2]. С искусственным интеллектом также существенным образом связано и понятие нейронных сетей. Под искусственными нейронными сетями принято понимать математическую модель, а также ее программное воплощение, которая построена по тому же принципу, что построены системы организации и функционирования нейронных сетей живых организмов.

Что же касается права интеллектуальной собственности, то появление искусственного интеллекта само по себе заставляет пересмотреть некоторые основополагающие и уже устоявшиеся положения, которые сложились с момента принятия Бернской конвенции[3]. В соответствии со ст. 1257 Гражданского кодекса РФ автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано[4]. И это сразу вызывает два вопроса: необходимо ли изменять расширительно данную норму, отказавшись от однозначного термина «гражданин» и может ли искусственный интеллект создавать какие-то произведения творчески. Из концепций, которые будут рассмотрены далее, будет видно, что к вопросу о том, считать ли автором исключительно гражданина или заменить данную норму избавившись от этого термина, сторонники различных концепций относятся по – разному. Что же касается понятия творчества, то его традиционно отождествляют с внутренним миром человека, который нарушает устоявшийся порядок вещей, выходя за рамки обычного и обретая, тем самым, творческое начало. Как правило, считается, что технологии искусственного интеллекта не создают что-то творческим путем, а лишь имитируют

[1] URL: https://style.rbc.ru/impressions/5bd2de049a7947fd4d2ec2ce

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

[3] См. «Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений» от 09.09.1886 (в ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 52.

творческую деятельность, анализируя и интерпретируя уже имеющиеся произведения искусства. Тем не менее, важно понимать, какой смысл вкладывался в момент создания норм об авторских правах и ее защите. Безусловно, на момент написания Бернской конвенции человечество даже представить себе не могло, что кто-то, помимо человека, сможет создавать имитации, трудно отличимые от произведений искусства. Идея Бернской конвенции заключалась не только в защите прав авторства, но и в стимулировании людей к созданию определенных шедевров культуры. Поэтому необходимо концептуально определиться с пониманием проблемы «авторства» искусственного интеллекта на созданные с его использованием произведения, выяснить, каким образом воплощение той или иной концепции повлияет на существующую действительность и к каким последствиям может привести в обозримом будущем.

Итак, существуют следующие концепции, которые предлагают свое видение и свой путь решения рассматриваемой проблемы:

- машиноцентрический концепт
- антропоцентрический концепт
- концепт гибридного авторства
- концепт служебного произведения
- концепт «исчезающего» (нулевого) авторства

Рассмотрим каждый концепт отдельно:

1. Машиноцентрический концепт исходит из идеи признания за технологиями искусственного интеллекта права авторства. В своих работах представители данного подхода высказывали мысль о том, что если процесс создания литературного, музыкального или какого-либо иного произведения со стороны пользователя ограничивается подачей запроса, то справедливо и обоснованно считать, что данные произведения были созданы искусственным интеллектом. Это объясняется тем, что пользователь не внес в достаточной степени «интеллектуального вклада» в данное творчество, т.е. не был создателем даже минимума, который от него требуется в соответствии с законодательством. На справедливость данной концепции указывал и В.А. Дозорцев, который обращает внимание, что даже в искусственном интеллекте есть зачатки творческого начала, который присущ человеку[1]. Однако у данной концепции есть и недостатки. П.М. Морхат указывает, что наделение правосубъектностью искусственного интеллекта приведет только к дальнейшему осложнению, т.к. данные технологии не могут существовать автономно от человека и поэтому полностью признаваться субъектом права не могут[2]. Также признание авторства создаст проблему в определении сроков авторства. В действующем законодательстве сроки охраны авторских прав ограничиваются жизнью, а искусственный интеллект потенциально может быть бессмертным.

2. Антропоцентрический концепт. Данная позиция прямо противоположна первой. Она исходит из того, что искусственный интеллект в некотором смысле подобен печатной машинке, при помощи которой человек воплощает свои творческие амбиции. Согласно данной концепции, принято считать, что все создаваемое искусственным интеллектом творчество проходит под контролем его разработчика или пользователя. Человека принимает прямое или опосредованное участие в создании того или иного произведения, в связи с чем признание за искусственным интеллектом каких-либо прав не является вполне разумным. Сторонники данной идеи также обращают внимание на статью 1228, в которой сказано, что не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие[3].

3. Концепт гибридного авторства предполагает некую середину между первой и второй концепцией. Искусственный интеллект и человек, по мнению сторонников данной концепции являются создателями того или иного произведения искусства. Данный концепт, допуская творческое начало у технологий искусственного интеллекта, все же считает, что без вмешательства человека создание произведения фактически невозможно. Тем не менее, данная концепция также требует пересмотреть вопросы правосубъектности искусственного интеллекта, т.к. соавтором, в соответствии с правопорядком большинства стран мира, также может быть только человек.

4. Концепт служебного произведения. Идея данного концепта на сегодняшний день наиболее продуктивно разрешает сложившуюся проблему. Сторонники данной концепции придерживаются позиции, что искусственный интеллект следует рассматривать как наемного работника, который выполняет творческую работу на заказ. Действительно, существует определенное сходство между отношениями работодателя с работником и искусственного интеллекта с его владельцем. Подобно тому, как работодатель дает указания, предоставляет материалы, владелец также указывает искусственному интеллекту, какого конкретного результата от него он ждет.

5. Концепт «исчезающего» (нулевого) авторства. Эта концепция придерживается того мнения, что в процессе создания технологиями искусственного интеллекта произведений ни человек, ни искусственный интеллект не имеют права авторства на создаваемые произведения, а все созданное должно сразу переходить в общественное достояние. Думается, что данная форма является крайне деструктивной, т.к. лишает мотивации программистов создавать технологии искусственного интеллекта в этой области, что может негативно сказаться на общественном развитии страны.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что до сих пор у научного сообщества нет единого подхода к решению вопроса авторских прав искусственного интеллекта. Каждая из предлагаемых концепций содержит как положительные, так и отрицательные положения, в связи с чем судьба данного вопроса остается дискус-

[1] *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005. С. 145.

[2] См.: *Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : автореферат. М., 2018.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 52.

сионной. Тем не менее, одним из наиболее подходящих решений на сегодняшний день можно считать концепцию служебного производства.

В связи с этим, представляется необходимым выделить в законодательстве отдельную категорию произведений, созданных при помощи технологий искусственного интеллекта. Введенная категория позволит отграничить существующие произведения искусства от имитаций, создаваемых искусственным интеллектом. Законодательно должно быть закреплено, что право авторства на произведения, произведенные полностью или частично при помощи технологий искусственного интеллекта, принадлежит лицу, использовавшему данную технологию, однако с указанием на применение в своей работе ее конкретного вида. Использование на практике предполагаемой категории произведений должно указать на особый характер авторства того или иного произведения. Также предполагается, что данная мера позволит предотвратить процесс смешивания произведений, создаваемых людьми при помощи творчества, и произведений, сгенерированных искусственным интеллектом и, тем самым, не допустить процесса обесценивания произведений искусства в обозримом будущем.

Маслова А.В.
4ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Якушева С.Е., к.ю.н., доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРОФИЛАКТИКУ НАРУШЕНИЙ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье дается краткая характеристика полномочий органов прокуратуры, направленных на профилактику нарушений в сфере миграционного законодательства. Автором рассматриваются основные проблемы, которые возникают при вынесении актов прокурорского реагирования при выявлении нарушений законов, а также проводится сравнительная характеристика рассматриваемых понлмочий.*

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор, полномочия, акт реагирования, предостережение о недопустимости нарушения закона, профилактика нарушений.*

Maslova A.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervizor: Yakusheva S.E., PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

POWERS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AIMED AT PREVENTING VIOLATIONS OF MIGRATION LEGISLATION

Abstract. *The article gives a brief description of the powers of the prosecutor's office aimed at preventing violations in the field of migration legislation. The author considers the main problems that arise when issuing acts of prosecutor's response to the detection of violations of laws, and also provides a comparative description of the considered cases.*

Keywords: *prosecutor's office, prosecutor's supervision, powers, response act, warning about the inadmissibility of violating the law, prevention of violations.*

Полномочия, направленные на профилактику и предупреждение нарушений законодательства принято выделять в отдельную группу полномочий, поскольку это закреплено в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», а именно в п. 1 ст. 27. В ней говорится о том, что прокурор совместно с рядом других полномочий компетентентен принимать меры, направленные на предупреждение нарушений прав и свобод человека и гражданина. Одним из актов прокурорского реагирования, который направлен на профилактику нарушений закона, является предостережение о недопустимости нарушения законодательства. Необходимо сказать, что данная норма символизирует возвращение законодателем прокурорским работникам полномочия, которым они обладали в период действия Закона СССР от 30.11.1979 «О прокуратуре СССР»[1].

Данный акт закреплен в ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и емко прописывает основания применения данной превентивной меры[2]. Ею принято считать наличие сведений о готовящихся противоправных деяниях. Так же не стоит забывать и про цель объявления предостережения – предупреждение правонарушений, которые связаны с возможным нарушением законодательства, в том числе прав и свобод человека и гражданина.

Предостережение применяется, как и ряд других средств прокурорского надзора, к должностным лицам. Однако если существуют сведения о готовящихся противоправных деяниях, которые могут содержать признаки экстремисткой деятельности – к руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам.

Стоит говорить, что данный акт прокурорского реагирования не вправе заменять какой-либо иной акт, он направлен лишь на дополнение к уже существующим актам реагирования. Так, наряду с объявлением предостережения органы прокуратуры вправе использовать внесение протестов и представлений[3]. Именно такое сочетание

[1] Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162 – X «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49, ст. 843.

[2] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366.

[3] Указания и.о. Генерального прокурора РФ от 06.07.1999 № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения зако-

способствует более эффективному результату к реагированию. Кроме того, предостережение не является актом реагирования, которое принадлежит лишь прокурорам[1]. Так, в настоящее время нормами ряда законодательных актов предусмотрено применение предостережения должностными лицами некоторых федеральных органов исполнительной власти.

Как уже говорилось выше, законодательство регулирует цель и основания объявления предостережения. Таковыми выступают сведения о готовящихся противоправных деяниях, которые могли стать известны прокурорскому работнику из разных источников информации, но которые должны быть достоверными. Здесь необходимо говорить о том, что предостережение не может реализовываться после факта о свершении противоправного деяния, хотя в правоприменительной практике не редки случаи таких моментов.

Представление прокурора по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению правонарушений, также имеет цель превентивного назначения. Это связано, в первую очередь, с тем, что в ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предписывается обязанность адресатов в течение одного месяца со дня внесения представления принять конкретные меры, касаемо устранения не только нарушений законодательства, но также причин и условий, которые им способствуют.

Кроме всего прочего, профилактические начала можно найти практически в любом акте прокурорского реагирования, поскольку посредством их применения пресекаются имеющие место нарушения законов, в том числе и длящиеся, например, когда долгое время действовал противоречащий закону правовой акт, факты несоблюдения прав и свобод человека и гражданина, бездействие органов дознания и предварительного следствия и т.д.

Подводя итоги необходимо сказать о том, что надзорная деятельность органов прокуратуры за миграционным законодательством, и принимаемые работниками меры реагирования, служат основной юридической гарантией в обеспечении равенства интересов каждого участника миграционных отношений. Обоснованное применение возложенных полномочий, закрепленных в Федеральном Законе «О прокуратуре Российской Федерации» позволяет своевременно выявлять, устранять, а также предупреждать различные нарушения миграционного законодательства, что, в свою очередь, активно способствует укреплению законности и правопорядка на территории Российской Федерации.

на» // СПС «Гарант».

[1] *Винокуров А.Ю.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный). В 2 т. Том 1. Разделы I-III. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 272.

Мирошников И.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Табак И.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТЕНДЕНЦИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Аннотация. *Развитие информационных технологий способствует становлению электронного правосудия в Российской Федерации, в связи с чем актуальной становится тенденция цифровизации, которая касается в том числе и искового производства. Цель работы – на основе научных трудов и практики систематизировать особенности и пределы цифровазиции искового производства в гражданском процессе.*

Ключевые слова: *исковое производство, цифровизация, электронное правосудие.*

Miroshnikov I.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Tabak I.A., Candidate of Jurisprudence, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE TREND OF DIGITALIZATION OF CLAIM PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEDEURE: FEATURES AND LIMITS

Abstract. *The development of information technologies contributes to the formation of electronic justice in the Russian Federation, and therefore the trend of digitalization, which also concerns the claim proceedings, is becoming relevant. The purpose of the work is to systematize the features and limits of the digitalization of claim proceedings in civil procedure on the basis of legal works and practice.*

Keywords: *claim proceedings, digitalization, electronic justice.*

Современные технологии вмешиваются в процесс коммуникации людей, в том числе в профессионально-деловой сфере, когда речь идет о судебной защите нарушенных или оспариваемых прав. В связи с этим в науке гражданского процессуального права в последние годы принято выделять тенденцию цифровизации. В рамках настоящей работы проследим ее особенности и пределы относительно искового производства, поскольку именно этот вид судопроизводства наиболее полно позволяет проследить раскрытие принципов и общих правил отправления правосудия по гражданским делам.

Справедливо согласиться с позицией И.А. Табак, Р.А. Мелкумян о том, что на данном этапе развития электронное сопровождение искового производства (т.е.

возможность электронного обращения в суд, участия при помощи видеоконференц-связи и т.п.) является промежуточным итогом в переходе от классического правосудия к электронному в России[1]. При этом стремительно развиваются новые возможности защиты гражданских прав путем цифровых технологий.

Следует отметить, что в условиях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции сложился особый правовой режим, который затрагивает практически все сферы жизнедеятельности. Исключением не стало и исковое производство, которого коснулись новые правила. Как справедливо отмечают Н.В. Спесивов и А.А. Титов пандемия стала фактором «вынужденной цифровизации»[2].

Можно разделить изменения, произошедшие в порядке исковой защиты субъективных прав, на две группы: частные преобразования, носящие временный характер, которые в рамках настоящей статьи не рассматриваются, и изменения, которые в перспективе будут закреплены нормативно. Так, Постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ судам было рекомендовано использоваться при отправлении правосудия системы видеоконференц-связи и (или) веб-конференции[3]. Представляется, что переход на данные системы является возможной вехой развития, в частности, искового производства. Примечательно и то, что до пандемии нормативно установленного порядка применения веб-конференций в исковом производстве не существовало как такового, в связи с чем Минюстом России был подготовлен законопроект, согласно которому возможно проведение судебных разбирательств без личной явки сторон с использованием веб-конференций[4].

Однако любой процесс преобразований имеет свои пределы. В данном случае, с учетом объективных политико-правовых и технологических реалий и потенциала России, можно условно разделить пределы цифровизации на объективные и субъективные.

В первую очередь, к объективным пределам стоит отнести *нормативные пределы* –законодатель не предусматривает и в ближайшем будущем не сможет предусмотреть разрешение правовых споров при помощи искусственного интеллекта, исходя из этого, нельзя говорить о замене профессиональных судей программным обеспечением. В то же время дела бесспорного характера (приказного производства) можно в будущем предоставить на разрешение искусственному интеллекту.

В данном контексте актуальным представляется инструментальный подход к цифровизации в гражданском процессе – информационные технологии носят обслуживающий, обеспечивающий, а не руководящий характер, они есть трансформированное средство, способ отправления правосудия, особая, пока четко не регламентированная процессуальная форма[5].

Кроме того, еще одним объективным пределом цифровизации искового производства на данный момент является *уровень развития технологий,* который на данный момент не позволяет создать такое программное обеспечение, которое бы позволяло безошибочно разрешать дела либо составлять исковые заявления и иные процессуальные документы. Впрочем, уже тестируются роботы, способные предугадать решение по делу или составлять простые заявления о взыскании долгов.

Следующая группа препятствий цифровизации искового производства – *доказательственные пределы*. При предоставлении суду доказательств в электронной форме возникает проблема их достоверности, поскольку подлог цифровых доказательств осуществляется проще, а его обнаружение – сложнее, чем в тех случаях, когда доказательства предоставляются в традиционной форме. Представляется, что следует более детально регламентировать статус электронных доказательств в гражданском процессуальном законодательстве, определить порядок их собирания, исследования и оценки.

Субъективные пределы рассматриваются как менее принципиальные и поправимые в современных условиях. В первую очередь, это *отсутствие технической возможности или грамотности для обращения в суд* в электронной форме. Так, не на всей территории государства имеется доступ в сеть Интернет и даже электричество. Пожилые люди не способны самостоятельно обслуживать компьютерную технику, ввиду чего электронное правосудие для них становится недоступно. Решение проблемы видится в постепенной урбанизации, возрастании цифровой грамотности населения.

Еще одной проблемой, препятствующей цифровизации искового производства, является *низкий уровень технической оснащенности судебной системы* – на данном этапе те каналы, посредством которых осуществляется подача в суд электронных документов, не позволяют в полной мере передавать необходимый объем информации, суды не обладают техническим оснащением для повсеместного внедрения видеоконференц-связи. В данном случае, наиболее оптимальным будет переход на системы веб-конференции, который позволит с личных устройств иметь доступ к правосудию.

---

[1] *Табак И.А., Мелкумян Р.А.* Электронное сопровождение гражданского судопроизводства как инструмент оптимизации деятельности судов на пути к становлению электронного правосудия в Российской Федерации / Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Значение российского и международного права в процессе повышения гражданской активности в Российской Федерации: вопросы теории и практики». Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. № 6. С. 136.

[2] *Спесивов Н.В., Титов А.А.* Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2020. № 3 (134). С. 193.

[3] Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 года № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (в ред. от 29 апреля 2020 г.) // Верховный Суд Верховный Суд Российской Федерации Российской Федерации, 2021 URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28836/ (дата обращения: 07.03.2021).

[4] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов, 2021 URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=109498 (дата обращения: 07.03.2021).

[5] *Кузнецов М.Н.* Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2 (38). С. 62.

Ярко выраженными особенностями цифровизации искового производства в российском гражданском процессе является его поэтапность, отчасти вынужденный характер и наличие ряда факторов объективного и субъективного характера, которые препятствуют ее осуществлению в полной мере. Наличие пределов цифровизации связано с противоречивостью самого процесса – выделением как очевидно позитивных моментов, связанных с повышением эффективности отправления правосудия по гражданским спорам и возможности учета большого спектра информации при решении различных вопросов, так и проблемных аспектов, связанных, например, с риском абсолютной автоматизации и бесконтрольности судопроизводства. В связи с этим грамотное установление пределов хода данного процесса является гарантом конституционности перехода к цифровому правосудию.

Митина М.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Овчинникова Н.О., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

Аннотация. *В статье дается краткая характеристика сущности презумпции невиновности и приводятся правовые основы данного принципа. Автором уделяется внимание особенностям правового регулирования презумпции невиновности.*

Ключевые слова: *принципы уголовного процесса, презумпция невиновности, подозреваемый, обвиняемый.*

Mitina M.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ovchinnikova N.O, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PRESUMPTION OF INNOCENCE

Abstract. *The article provides a brief description of the essence of the presumption of innocence and provides the legal basis for this principle. The author pays attention to the peculiarities of the legal regulation of the presumption of innocence.*

Keywords: *principles of criminal procedure, presumption of innocence, suspect, accused.*

Любая презумпция определяется как предположение, характеризующие связь между наличным фактом и предполагаемым. Выделяют правовые и фактические презумпции. Различия проводят между этими презумпциями в зависимости от их закрепления в законе.

Правовые презумпции в науке определяются также по-разному. Однако в этих дефинициях есть, помимо общих признаков, характерных для презумпций вообще, такая черта, как прямое или косвенное отражение в нормативных актах. Итак, под правовой презумпцией понимается предположение о наличии или отсутствии определенных фактов, основанных на связи между предполагаемыми фактами и фактами наличными, прямо или косвенно закрепленное в правовой норме и считающееся истинным, пока не будет установлено иное.

В юридической литературе было высказано мнение о том, что презумпция невиновности является общеправовой презумпцией, т.к. она связана якобы со всеми отраслями права. Однако это не так.

Презумпция невиновности представляет собой одно из общих начал уголовного судопроизводства, содержание которого состоит в признании лица невиновным до момента вступления в силу вынесенного в соответствие с требованиями УПК РФ приговора судебного органа, согласно которому доказана его виновность.

Правовые основы принципа презумпции невиновности заложены как в актах международного уровня, так и национального. Среди международно-правовых актов следует назвать в первую очередь, такие как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах.

Если говорить о внутригосударственных актах, то принцип презумпции невиновности находит провозглашение и закрепление в нормах статьи 49 Конституции РФ и в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ в качестве одного из основных принципов уголовного судопроизводства в РФ[1].

Законодательная формула презумпции невиновности обвиняемого появилась сначала в Конституции РФ 1993 г. (ч. 1 ст. 49), а затем – в УПК РФ (ч. 2 ст. 14). Текст этих статей немного отличается, но содержание их идентично. Речь в них идет об обвиняемом, который считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в законном порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Более того, ст. 14 УПК помещена в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства»[2], что позволяет утверждать, что презумпция является принципом исходя из гл. 2 УПК РФ[3].

По утверждению И.Ю. Панькиной, сегодня презумпция невиновности «прочно вошла в общую систему принципов» и в современной процессуальной литературе нет авторов, которые выступают против такого понимания презумпции. Не существует противников презумпции невиновности как принципа и по мнению В.А. Лазаревой. В подтверждение своей позиции она ссылается на высказывания А.Я. Вышинского, исходя из которых, возражения против понимания презумпции как принципа можно отнести к категории «обветшалых догм буржуазного права», которые «должны быть выброшены на помойку»[4].

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Российская газета. 2021. № 41.

[2] *Селина Е.В.* Презумпция невиновности: структура и культурный код // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 27-30.

[3] *Корякин В.А.* Имитация действия презумпции невиновности при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2015. № 9. С. 36-39.

[4] *Лазарева В.А.* Презумпция невиновности // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова.

В литературе существует оригинальное опровержение необходимости существования в российском уголовном процессе принципа презумпции невиновности обвиняемого. Авторы ее – А.В. Агутин и Н.В. Агутина – признают презумпцию «инородным телом», достоянием западной цивилизации, искусственно перенесенным на российскую почву. Ей противопоставляется идея виновности, которая является «своеобразной пружиной уголовного судопроизводства». «Дезорганизатором уголовнопроцессуальной деятельности» презумпция невиновности выступает в тех случаях, когда, используя ее, «уходят от ответственности наиболее отъявленные преступники». Не рушится процесс «лишь благодаря богатству глубины российского духа»[1]. Оказывается, «российский дух» настолько силен, что может нивелировать негативные последствия социальных закономерностей, одной из которых является презумпция невиновности.

Особенность и содержание принципа презумпции невиновности состоит в следующем:

- неприменение ограничений прав обвиняемого, даже находящегося под стражей -сохраняются избирательные, жилищные, трудовые и иные права;
- презумпция невиновности начинает действовать с того момента, как появляется подозреваемое или обвиняемое лицо;
- принципу презумпции невиновности должна соответствовать вся уголовно-процессуальная деятельность, от возбуждения уголовного дела и до вынесения приговора судом[2].

В судебной практике имеют место трудности реализации презумпции невиновности при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

По данному вопросу Конституционный суд Российской Федерации, высказал позицию о невозможности отождествления решения о прекращении уголовного дела и приговора суда. Поэтому при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям действует презумпция невиновности и лицо считается невиновным.

Супрун С.В. также считает, что единственным актом признания лица виновным является приговор суда[3].

По утверждению Максимихиной Ю.О. прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям свидетельствует о виновности лица, поскольку в этом случае основания прекращения уголовного дела не исключают ее[4]. Исходя из этого, лицо признается виновным и на основании решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по данному вопросу отсутствует единая точка зрения. Представляется, что в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям вопрос о виновности лица остается открытым, именно поэтому закон предусматривает правило о необходимости согласия обвиняемого на прекращение уголовного дела в отношении него по нереабилитирующем основаниям.

Небесспорным является вопрос применения презумпции невиновности в делах особого порядка судопроизводства, поскольку при таком порядке судом не исследуются доказательства стороны защиты и обвинения. При этом, существует очевидное противоречие между нуждаемостью в ускорении, упрощении уголовного судопроизводства и необходимостью в исследовании доказательств. Институт особого производства – это способ оперативного и эффективного решения зада уголовного процесса. Однако указанное противоречие следует решить путем закрепления оптимального соотношения процессуальной экономии и реальной реализации принципа презумпции невиновности.

Таким образом, основное назначение принципа презумпции невиновности заключается в обеспечении реализации права обвиняемого на защиту в полном мере.

М.: Юрлитинформ, 2012. С. 47, 49–50.

[1] *Агутин А.В., Агутина Н.В.* Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. гуманит. унта, 2009. С. 23–24, 69.

[2] *Кереенков Л.Д.* Подсудимый в уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. 2018. № 2. С. 43-47.

[3] *Супрун С.В.* Презумпция невиновности в решениях Комитета конституционного надзора СССР и его приемника Конституционного Суда РФ // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 528 – 529.

[4] *Максимихина Ю.О.* Реабилитирующие и нереабилитирующие основания отказа в возбуждении и прекращения уголовного дела // ФН–Наука. 2012. № 10 (13). С. 41-43.

Михайлова Б.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Рассахатская Н.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье анализируются элементы, входящие в предмет доказывания по гражданским делам, возникающим из экологических правоотношений, механизмы исчисления размера вреда, а также способы возмещения причиненного вреда.*

Ключевые слова: *предмет доказывания, исчисление вреда, возмещение вреда.*

Mikhailova B.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Rassahatskaya N.A. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SOME ISSUES OF PROOF IN CIVIL CASES ARISING FROM ENVIRONMENTAL LEGAL RELATIONS

Abstract. *The article analyzes the elements included in the subject of proof in civil cases arising from environmental legal relations, the mechanisms for calculating the amount of damage, as well as ways to compensate for the damage caused.*

Keywords: *the subject of proof, calculation of damage, compensation for damage.*

Доказывание представляет собой мыслительную и процессуальную деятельность субъектов, направленную на установление наличия или отсутствия обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Рассматривая процесс доказывания по гражданским делам, возникающим из экологических правоотношений, необходимо отдельно рассмотреть вопросы определения предмета доказывания, распределения бремени доказывания, а также вариантов исчисления причиненного вреда.

Необходимо обращать внимание, что вред может быть причинен как непосредственно окружающей среде (ее природным компонентам), так и отдельным лицам. В этих случаях, доказывание по гражданским делам будет характеризоваться некоторыми различиями.

В статье в качестве дел, возникающих из экологических правоотношений, рассматриваются дела о компенсации вреда окружающей среде, причиненного в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды.

Предметом доказывания в гражданском судопроизводстве выступают «спорные юридические факты, а именно: существование или несуществование этих фактов»[1]. Предмет доказывания определяется исходя из нормы материального права, подлежащей применению.

В предмет доказывания по гражданским делам, возникающим из экологических правоотношений в соответствии со ст. 78 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» входят: наличие нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, наличие причиненного окружающей среде вреда, а также наличие причинно-следственной связи между ними.

По общему правилу, в предмет доказывания также будет входить и установление вины причинителя вреда. Но в силу п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» на причинителя вреда может быть возложена обязанность по его возмещению и при отсутствии вины.

Предмет доказывания по делам, возникающим из экологических правоотношений, не всегда очевиден. Это происходит из-за того, что наступление последствий совершенного действия (бездействия) может произойти через продолжительный промежуток времени. Такая ситуация была в сентябре 2020 года при массовой гибели морских животных на Камчатке. До сих пор достоверно неизвестно, какие именно действия или бездействия привели к негативным последствиям для окружающей среды. Данный случай наглядно иллюстрирует трудности в выявлении причины наступления негативных последствий для окружающей среды.

Вместе с тем из предмета доказывания по делам, возникающим из экологических правоотношений, невозможно убрать ни один из элементов, поскольку сам факт нарушения законодательства об охране окружающей среды не влечет возмещения вреда в ходе гражданского судопроизводства, а влечет привлечение лица к административной или уголовной ответственности.

Решение Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33-27273/2020 в отношении АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» примечательно с точки зрения установления причинно-следственной связи между действиями лица и наступившими негативными последствиями для окружающей среды. В данном решении отражена специфика компонентов окружающей среды и их свойство к самовосстановлению, в результате чего, не всегда удается выявить прямую причинно-следственную связь между нарушением законодательства об охране окружающей среды и вредом, причиненным ее компонентам. Для установления причинно-следственной связи между действиями ответчика и причиненным вредом суд руководствовался предоставленными данными о причинах и условиях, способствовавших разлитию дизельного топлива, а также о недостаточных действиях ответчика для его предотвращения[2].

При компенсации причиненного вреда возникает закономерный вопрос об его исчислении. При наличии утвержденных такс и методик, подлежат использованию установленные ими правила. При их отсутствии, суд исходит из «фактических затрат, которые произведены или должны быть произведены для восстановления нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ»[3].

При этом, исходя из методик (например, Приказа Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 8 июля 2010 года № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды») исчислению подлежит лишь вред, причиненный определенным установленным законом природным компонентам.

В связи с вероятностным характером вреда, причиненного окружающей среде, невозможно оценить реальную степень возмещения ущерба. Вместе с тем, абсолютно неверным представляется любой способ спрогнозировать размер вреда, наступление которого возможно в будущем. Логичным в этой связи является существующий повышенный срок исковой давности по данной категории дел, составляющий 20 лет.

[1] Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. Изд. 2. СПб., 1876. С. 267.

[2] См.: Решение Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33-27273/2020 от 12.02.2021 г. // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527/bfba6895-1959-479a-a858-b1ffffa60b7c/A33-27273-2020_20210212_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.03.2021)

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде // Российская газета. 2017. 11 дек.

О.Н. Кирюшина в 2015 г. отмечала, что система исчисления вреда, причиненного окружающей среде, носит характер наказания, а не компенсации, поскольку «вред взыскивается дополнительно к затратам на восстановление, альтернатива возмещения вреда в натуре или в денежном выражении игнорируется, вред рассчитывается по таксам, экономическое обоснование которых отсутствует, размер вреда не может быть уменьшен в зависимости от обстоятельств»[1].

Указанные характеристики не отражают изменившуюся действительность, поскольку Конституционный суд РФ в 2015 г. признал возможность, в том числе, учета размера фактически возмещенного вреда. То есть, в том случае, если лицом были предприняты действия по устранению причиненного вреда и восстановлению нарушенного состояния окружающей среды, суд должен соразмерно уменьшить размер компенсации. Такое нововведение отражает цель возмещения вреда, причиненного окружающей среде, а именно – восстановление нарушенного состояния окружающей среды. Этой цели соответствует и положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

Кроме того, в соответствии с целью восстановления окружающей среды применяется и обратный механизм, называемый, коэффициент бездействия, который позволяет увеличить размер компенсации причиненного вреда пропорционально отсутствию предпринимаемых действий по устранению данного вреда. Такой механизм, в том числе, был использован при разливе дизельного топлива Норильско-Таймырской энергетической компанией[2].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» устанавливает обязанность лица, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, представлять доказательства, подтверждающие наличие вреда, обосновывающие с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом[3].

Еще одним вопросом, рассматриваемым судом в связи с причинением вреда окружающей среде, является вопрос о соотношении взыскания причиненных убытков и обязанности ответчика по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» устанавливает возможность суда совмещать данных способы возмещения вреда или выбирать один из них, исходя из цели природоохранного законодательства, а также позиции истца в этом вопросе. При этом в приведенном ранее решении суда имеются сведения о том, что устранение причиненного ущерба самостоятельно причинителем вреда затруднительно, что связано с особыми свойствами вреда, причиняемого окружающей среде.

Таким образом, для возмещения вреда, причиненного окружающей среде, всегда подлежит доказыванию, в первую очередь, факт нарушения ответчиком законодательства об охране окружающей среды. По общему правилу, устанавливается вина, если только ситуация не будет входить в исключительные (как, например, в случаях причинения вреда источником повышенной опасности).

Трудности возникают при установлении причинно-следственной связи между совершенным нарушением и причиненным вредом. Полагаем, во многом единственно-верным решением представляется установление вреда на основе совокупности действий лица, которые выступали причиной причинения вреда и характеристикой наступившего вреда.

Рассмотренными в органичной связи элементами, не входящими в предмет доказывания по гражданским делам, возникающим из экологических правоотношений, являются размер причиненного вреда и способ его компенсации. Указанные элементы не могут быть отделены от предмета доказывания, поскольку только их совокупность может обеспечить достижение цели гражданского судопроизводства по делам, возникающим из экологических правоотношений. Данная цель может быть достигнута только при установлении не только обстоятельств, входящих в предмет доказывания, но и установлению обстоятельств, непосредственно влияющих на возмещение вреда окружающей среде. В качестве данных элементов выступают размер причиненного вреда и способ его компенсации.

---

[1] См.: *Кирюшина О.Н.* Возмещение вреда, причиненного нарушением законодательства об охране окружающей природной среды (в части возмещения вреда, причиненного лесам) // Газпром нефть. URL: http://law.spbu.ru/Libraries/25270d80-790a-4714-b703-618b3da8f554.sflb.ashx (дата обращения: 28.03.2021)

[2] См.: WWF попросила Потанина взять на себя ответственность за ЧП в Норильске // РБК. URL: https://www-rbc-ru.newsproxy.org/society/19/06/2020/5eec9e7d9a7947c635ab955d (дата обращения: 29.03.2021)

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде // Российская газета. 2017. 11 дек.

Михеева А.Д.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Пастушенко Е.Н., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *одним из главных условий обеспечения финансовой безопасности государства является финансовая устойчивость государства. Данная статья указывает на проблемы финансовой грамотности населения, низкого уровня развития системы финансового образования. И как пандемия оказала неблагоприятные последствия на благосостояние населения.*

Ключевые слова: *финансовая безопасность, финансовая грамотность населения, финансовое образование.*

Mikheeva A.D.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Pastushenko E.N. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THEORETICAL ISSUES OF INCCREASING FINANCIAL LITERACY AS ONE OF THE INSTRUMENTS OF FINANCIAL SECURITY OF THE STATE

Abstract. *One of the main conditions for ensuring the financial security of the state is the financial stability of the state. This article points out the problems of financial literacy of the population, the low level of development of the financial education system. And how the pandemic has adversely affected the well-being of the population.*

Keywords: *financial security, financial literacy of the population, financial education.*

Вопросы обеспечения финансовой безопасности и одного из ее основных условий – финансовой устойчивости с каждым годом становятся все более актуальными. Так, Банк России в информационно-аналитическом материале «Обзор финансовой стабильности» отмечает, что главный вызов 2020 года – пандемия коронавирусной инфекции «оказала существенное влияние на российскую экономику и финансовый сектор как через ухудшение внешнеэкономических условий, так и в результате реализации ограничительных мер, включающих производственные ограничения»[1].

Говоря о финансовой безопасности, необходимо помнить, что она многоуровневая. Доктор экономических наук Е.В. Каранина[2] в своей монографии совершенно справедливо выделяет финансовую безопасность государства, региона, организации, личности. Причем видится, что благосостояние отдельного гражданина также важно, как и финансовая безопасность государства в целом, ведь граждане, наряду с юридическими лицами, государственными и муниципальными образованиями в лице уполномоченных органов и органов местного самоуправления соответственно являются субъектами финансовых правоотношений.

Представляется уместным отметить, что в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг, личной финансовой безопасности и защищенности на финансовом рынке российского населения Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 – 2023 годы, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р (далее – Стратегия)[3], называет проблему недостаточного уровня финансовой грамотности, низкого уровня развития системы финансового образования и информированности одной из основных.

Проблемы финансовой грамотности населения поднимаются как представителями экономической науки, так и исследователями – юристами. Р.И. Коркин, определяя финансовую грамотность «как рациональное (разумное) умение распределять денежные средства от источников дохода»[4], выделяет следующие «навыки и установки финансово грамотных людей: 1. ведут бюджет своих финансов – баланс доходов и затрат; 2. знают, что такое индивидуальный финансовый план (ИФП); 3. имеют дополнительные источники дохода, помимо основного; 4. расходуют меньше, чем зарабатывают; 5. имеют резервный финансовый источник, который равен 4-6 месячным расходам, так называемую «подушку безопасности»[5].

Представители юридической науки определяют финансовую грамотность как «сложную и многоаспектную категорию, неразрывно связанную с правовым статусом индивида и формирующую взаимосвязи с такими ключевыми явлениями современности, как структура общества (гражданского общества), устойчивость финансовой системы и устойчивое развитие, правовая среда (правовая грамотность) и искоренение бедности»[6].

Несомненно, определений финансовой грамотности учеными дано множество. Приведенные единичные

[1] Обзор финансовой стабильности: информационно-аналитический материал Банка России за IV квартал 2019 – I квартал 2020 года URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27911/OFS_20-01.pdf (дата обращения: 12.12.2020)

[2] *Каранина Е.В.* Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности): Монография. Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2015.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годы» // СЗ РФ. 2017. № 40, ст. 5894.

[4] *Коркин Р.И.* Проблемы правового регулирования финансовой грамотности в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. 2019.

[5] Там же.

[6] *Поветкина Н.А., Кудряшова Е.В.* Финансовая грамотность в фокусе права // Журнал российского права. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-v-fokuse-prava (дата обращения: 16.12.2020).

примеры лишь наглядно показывают, что ученые разных отраслей науки едины во мнении о том, что устойчивость финансовой системы и благосостояние индивида неразрывно связаны и во многом зависят от уровня финансовой грамотности.

Вместе с тем, с сожалением следует констатировать, что уровень финансовой грамотности населения на современном этапе недостаточно высок.

Определенные попытки, направленные на повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования, принимаются как на федеральном уровне, так и на уровне регионов[1].

Вместе с тем, в условиях снижения доходов населения в связи с пандемией, и, как следствие, роста просроченной задолженности по кредитам, необходима не только финансовая поддержка государства, но и консультационная помощь, касающаяся вопросов повышения финансовой грамотности, в частности, вопросов, связанных с правовым обеспечением кредитных обязательств, вопросов банкротства граждан, как наиболее актуальных в нынешних условиях. Такие консультации должны быть бесплатными для граждан, попавших в трудные жизненные ситуации.

В связи с чем, представляется необходимым провести некую систематизацию основных направлений повышения финансовой грамотности населения и их правового регулирования. С этой целью, на наш взгляд, возможно, с учетом мнений ведущих юристов и экономистов, а также с учетом мнения населения начать разработку проекта Федерального закона «О финансовой грамотности», в котором будут представлены дефиниции основных понятий, связанных с повышением финансовой грамотности, установлено введение уроков финансовой грамотности в школе в качестве обязательного предмета, определены основные направления повышения финансовой грамотности населения, в том числе предусмотрена бесплатная консультационная помощь по повышению финансовой грамотности для слоев населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Отдельно следует четко определить, при каких конкретных условиях можно отнести гражданина к названной категории.

Подводя итоги, отметим, что изучение основ финансовой грамотности, начиная со школьной скамьи, продолжение ее освоения в вузах, как представляется, в дальнейшем позволит повысить благосостояние российских семей, что, в свою очередь, даст толчок к повышению финансовой устойчивости государства в целом, которая, как известно, является одним из главных условий обеспечения финансовой безопасности государства.

[1] См., например, Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 – 2023 годы» // СЗ РФ. 2017. № 40, ст. 5894; Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» // Официальный сайт Минфина России URL: https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/programs (дата обращения 05.12.2020).

Набиева А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Донченко А.Г., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ДОКТРИНАЛЬНОЕ И СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОСКОРБЛЕНИЯ»

Аннотация. *В уголовном законе РФ понятие «оскорбление» не раскрывается, но активно используется в ряде статей. В связи с этим за толкованием данного термина необходимо обращаться к доктрине уголовного права и судебной практике. В данной работе рассматривается уголовно-правовая природа «оскорбления», его неоднозначное содержание в науке и практике.*

Ключевые слова: *оскорбление, тяжкое оскорбление, честь, достоинство, нецензурная лексика.*

Nabieva A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Donchenko A.G. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

DOCTRINAL AND JUDICIAL INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF “INSULTS»

Abstract. *In the criminal law of the Russian Federation, the concept of “insult” is not disclosed, but is actively used in a variety of articles. In this regard, for the interpretation of this term, it is necessary to refer to the doctrine of criminal law and judicial practice. This paper examines the criminal-legal nature of “insult”, its ambiguous content in science and practice.*

Keywords: insult, grave insult, honor, dignity, obscene language.

Уголовное право знает термин «оскорбление» еще со времен своего возникновения. С древних времен честь и достоинство у определенных социальных классов нередко признавалось дороже жизни и именовалось как: «урекание» (Устав князя Владимира Святославича), «лай» (Судебник 1497 г.), «бесчестье[2]» (Судебник 1550 г.), что касается Русской Правды, то юридического определения оскорбления в данном источнике не содержалось в нем лишь назывались конкретные случаи. Это связано с тем, что под оскорблением подразумевалось действие лица, например, вырывание усов, бороды, которые считались символом мужества и чести; удары жердью, мечом. На сегодняшний день оскорбление выражается не только действием, но и словом.

В уголовном законе РФ понятие «оскорбление» не раскрывается, но активно используется в ряде статей: «тяжкое оскорбление» (ст. 107, 113 УК РФ), «публичное

[2] *Лернер Л.А.* Материалы к изучению истории отечественного государства и права. Выпуск 2. Судебники 1497 и 1550 годов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2005. С. 19–20.

оскорбление» (ст. 319 УК РФ), «неуважение к суду, выразившееся в оскорблении» (ст. 297 УК РФ), «оскорбление» (ст. 336 УК РФ), «в целях оскорбления религиозных чувств верующих» (ст. 148 УК РФ). В следствии этого, необходимо определиться не только, что обозначает «оскорбление», но и что понимается под публичным, тяжким оскорблением, религиозными чувствами верующих. Конечно, стоило бы обратиться в Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) за определением оскорбления, т.к. именно он «принял на себя обязанность» еще в 2011 г. (произошла декриминализация ст. 130 УК РФ) раскрывать содержание оскорбления (с учетом изменений, конечно). Это произошло в связи с декриминализацией ст. 130 УК РФ и появлением новой ст. 5.61 КоАП РФ, которая полностью повторяла диспозицию ст. 130 УК РФ вплоть до 2020 г. Помимо уголовного закона и КоАП РФ термин «оскорбление» содержится еще в ряде нормативных документов: в семейном и уголовно-исполнительном кодексах. Первый нормативный акт затрагивает унижения чести и достоинства – ребенка родителями, второй – осужденных к лишению свободы представителям администрации исправительного учреждения. Законодатель для понимания оскорбления использует оценочные понятия такие как: честь и достоинство, неприличная форма, а с 2020 г. еще и «иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма», но нас интересует понимание «оскорбления», которое встречается в уголовном законе РФ, в котором не дается определение данному понятию и не отсылается к другим нормативным актам. Это очень затрудняет работу следственных органов и судей при расследовании и рассмотрении дел об оскорблении. Поэтому, чтобы исследовать данный вопрос нам необходимо обратиться для начала к доктрине уголовного права.

В широком юридическом смысле под оскорблением понимают речевые действия, негативно влияющие на честь и достоинство гражданина. Взглянув на это определение, мы приходим к выводу, что способы и формы унижения чести и достоинства многообразны, несмотря на то, что они не оговорены.

Также про способы оскорбления ничего не сказано и в Толковых словарях Ушакова Д.Н., Ожегова С.И. Так, Ожегов С.И. раскрывает понятие «оскорбление» через тяжелую обиду, крайнюю степень унижения, а Ушаков Д.Н. к данным понятиям добавляет еще причинение морального ущерба, боли кому-нибудь[1].

Стернин[2] И.А. указывает на то, чтобы разобраться с толкованием оскорбления нужно уметь разграничивать юридическое оскорбление от речевого оскорбления, т.к. бытовое оскорбление подлежит только моральному осуждению и не является объектом правового регулирования. Поэтому он в качестве признания факта речевым оскорблением выделяет три условия: оскорбительная лексика, направленная на конкретного гражданина и употребляемая публично. Если в адрес конкретного гражданина прозвучали бранные слова, например, «козел, подлец, гнида» или вульгарная лексика, допустим, «какая рожа у тебя большая?», и этот человек чувствует обиду, то юридическим оскорблением – это не может быть признано, т.к. данные виды лексики являются не неприличной формой в юридическом смысле и не нецензурной, они не унижают честь и достоинство личности, не порочат человека. Здесь речь не идет о нарушении закона. Данные слова носят общеоценочный характер и произносятся под влиянием негативных эмоций, в отличие от слов: ворюга, взяточник, мошенник, а также любая нецензурная брань, если она произносится в адрес конкретного гражданина и публично. Правовых последствий не наступит в случае, если нецензурная лексика произносится себе под нос в междометной функции либо она никому не адресована, ее никто не слышит.

Таким образом, И.А. Стернин и С.В. Бородин[3] полагают, что для доказательства оскорбления требуется его публичное проявление. Неоднозначное мнение лингвистов относительно того, в присутствии или отсутствии потерпевшего должно происходить оскорбление, наравне с именем и иными характеристиками. В.Б. Поезжалов[4] думает, что заочное оскорбление возможно в том случае, когда окружающие понимают, про кого говорят, но при условии, что лицо не будет относить это к себе без достаточных оснований, когда высказывания не содержат определенного получателя.

Уголовный закон РФ выделяет два вида оскорбления – «аффективное» и «неаффективное». «Аффективное» оскорбление представляет собой способ совершения преступления, который приводит к общественно-опасным последствиям. К данному виду относятся ст. 107 и 113 УК РФ, отличающиеся общественно-опасными последствиями[5]. В данных статьях, как говорилось ранее, употребляется словосочетание «тяжкое оскорбление», которое в судебной и доктринальной практике толкуется по-разному. В доктрине уголовного права существует как минимум три подхода к определению «тяжкого оскорбления».

Сторонники первого подхода считают, что тяжкое оскорбление выражается в особо унизительной форме. Н.И. Загородников[6], В.В. Ераксин[7], И.Я. Козаченко[8] под тяжким оскорблением рассматривают ситуации циничного и грубого унижения чести и достоинства человека.

---

[1] Толковый словарь русского языка Т. 2 / Б.М. Волин [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938. С. 1040.

[2] *Стернин И.А.* Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление. URL: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/ll/4-1-0-144 (дата обращения: 10.03.2021).

[3] *Бородин С.В.* Комментарии к статье 130 УК РФ: АНПО правовой центр ИВВ МВД РФ. URL: http://www.nashyprava.ru/Biblio/UKRF97/ukrf130.php (дата обращения: 15.03.2021).

[4] *Поезжалов В.Б.* Уголовно-правовой анализ клеветы и оскорбления: учебное пособие / В.Б. Поезжалов. Уфа: УЮИ МВД России, 2011. С. 51.

[5] Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект, 2010. С. 72.

[6] *Загородников Н.И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 191.

[7] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко. М.: Спарк, 1994. С. 203.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль: Влад, ОрМак лтд, 1994. С. 319.

Авторы[1] второго подхода полностью определяют «тяжкое оскорбление» через диспозицию ст. 5.61 КоАП РФ (ранее ст. 130 УК РФ).

Третий подход[2] основан на том, что тяжкое оскорбление не всегда связано с неприличной формой. Н.И. Загородников[3] говорит, что нужно связывать с тяжким оскорблением: обвинение в преступлении тяжкой направленности, унижение национального чувства. А.Н. Красиков[4] считает, что оскорбить можно словом, действием, жестом, письмом, карикатурой и т. д.

При всяком подходе наиболее актуальны критерии тяжкого оскорбления. Должны ли мы исходить, например, из действий, произведенных оскорбителем? Субъективный критерий, объективный критерий или иное обстоятельство является определяющим? К примеру, противозаконность действий оскорбителя. Так, В И. Ткаченко[5] предлагает, что в основе признания оскорбления тяжким должен лежать признак противоправности действий оскорбителя. С таким утверждением трудно согласиться, т.к. отличить тяжкое оскорбление от оскорбления не приходится возможным.

Согласимся с М.К. Аниянцем[6], который говорит, что суд может решить является ли оскорбление тяжким или нет, при этом и субъективные свойства лица, подвергшегося оскорблению (состояние психики) должны учитываться законодателем. С мнением М.К Аниянц соглашаются также и другие авторы, которые к индивидуальным особенностям включают беременность лица, болезненное состояние[7], тип темперамента[8].

Таким образом, признания оскорбления тяжким – это вопрос факта, только совокупность доказательств поможет определиться с данным вопросом, достаточно доказать, что оно было противоправно и аморально, вина потерпевшего может быть любой, необходимо, чтобы виновный считал такое обстоятельство оскорблением в силу обстановки произошедшего, необходимо учитывать уровень нравственности социального окружения виновного[9], также не оставлять без внимания психофизические и психоэмоциональные особенности обвиняемого (гражданин с разным типом темперамента может одну и ту же ситуацию воспринять по-разному, женщина в состоянии беременности отреагировать может по-иному, чем в обычном состоянии) и самое главное – это то, что у обвиняемого должно возникнуть сильное душевное волнение в результате оскорбления потерпевшим, иначе квалифицировать по ст. 107, 113 УК РФ не представится возможным. Если посмотреть на вопрос с точки зрения языка, то слово «тяжкое» является избыточным, т.к. оскорбление подразумевает под собой значение «тяжело».

Проанализировав судебную практику ст. 107, 113 УК РФ можно прийти к выводу, что судьи чаще всего не считают оскорбление тяжким, лишь совокупность других фактов позволяет суду вынести приговор по привилегированным составам. Например, в соответствии с Приговором Советского районного суда г. Улан-Удэ[10] потерпевший называл виновного «подкаблучник, что он живет не по «понятиям», «прячется за жену» и в конце концов, ударил ладонью по затылку» суд не установил тяжкое оскорбление в отношении обвиняемого и не конкретизировал свою позицию. В отличие от областного судьи Ульяновской области[11], который тяжкое оскорбление рассматривает как особо грубое унижение чести и достоинства человека, которое можно считать достаточной причиной для возникновения аффекта. Выводы суда о том, что сомнение в половом здоровье осужденного, а также высказывание в его адрес слова «козел» в ходе распития спиртного являются тяжким оскорблением и повлекли за собой аффект, вызывают обоснованные сомнения. В другом решении суд[12] также не посчитал тяжким оскорблением слово «молокосос» и объяснил это тем, что оно не является не приличным. Таким образом, тяжесть оскорбления определяется судом в каждом конкретным случае. Критерием определения степени тяжести оскорбления обычно признаются общепринятые нормы морали, нравственности и индивидуальные психолого-возрастные особенности оскорбленного.

Рассмотрим «неаффективные оскорбления» – это противоправные деяния, которые представляют собой неуважение к суду, выразившемся в оскорблении участников судебного разбирательства или судьи, присяжного заседателя либо иного лица, участвующего в отправлении правосудия; а также в оскорблении одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы. Ранее Уголовный закон РФ под оскорблением понимал «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Поэтому, сначала нужно сказать, что рассматривается под унижением чести и достоинства, потом, в чем выражается неприличная форма. Так, по мнению таких

[1] *Ткаченко В.И.* Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта / В.И. Ткаченко. М.: ВЮЗИ, 1979. С. 4.

[2] *Андреева Л.А., Рогачевский Л.А.* Расследование убийств и тяжких телесных повреждений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения (вопросы квалификации и доказывания). СПб.: СПбЮИ, 1988. С. 10.

[3] *Загородников Н.И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. С. 191-192.

[4] *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. С. 110–111.

[5] *Ткаченко В.И.* Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта. С. 21, 51.

[6] *Аниянц М.К.* Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М.: Юридическая литература, 1964. С. 138.

[7] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М.: Юридическая литература, 1985. С. 104.

[8] *Кондрашова Т.В.* Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – С. 145.

[9] *Кондрашова Т.В.* Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. С. 145-146.

[10] Приговор Советского районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) № 1-469/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 1-469/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QAKmUrwQRkY0/ (дата обращения: 15.03.2021).

[11] Кассационное определение Ульяновского областного суда № 22-1171/2011 от 18 мая 2011 г. по делу № 22-1171/2011. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uUKBpCpvWMUu/?regular-txt=&regular-case/ (дата обращения: 15.03.2021).

[12] Приговор Можгинского районного суда (Удмуртская Республика) № 1-291/2013 от 26 декабря 2013 г. по делу № 1-291/2013. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RZfW1nBrvbZg/?regular-txt=&regular-case_doc=1-291 %2F2013/ (дата обращения: 15.03.2021).

авторов как: А.Ю. Кизилова[1], Л.Л. Кругликов[2] под ними понимали негативную оценку человека, которая выражется в подрыве собственного морального престижа и уважении окружающих. Некоторые авторы оскорбление связывают с психическим насилием[3]. На наш взгляд, эта черта должна быть отражена в его понятии, т.к. если психика субъекта воспринимает действия нейтрально, то назвать унижением чести и достоинства затруднительно.

Некоторые авторы[4] считают, что понимание оскорбления в лингвистике шире, чем юридическое, поэтому применять их к данным деянием не следует. А.Н. Баранов считает, что следует уточнить формулировку оскорбления, т.к. усматривает терминологическую неточность и выступает против рассмотрения моральных норм в судебном разбирательстве. Моральные нормы должны регулироваться на основе частной и общественной коммуникации.

Вторым признаком понимания оскорбления служит – неприличная форма. Так, И.С. Ной[5], А.В. Шрамченко[6] высказывают мнения о том, что уголовно-правовое значение для признания составов преступлений в сфере осуществления государственной власти имеет неприличная форма. К таким словам относится обсценная лексика (мат) – по разным источникам от 3 (В. Раскин) до 5 (Стернин) обсценных слов и их производных. Не все ученые считают, что в данный список нужно также включать бранную и вульгарную лексику. Другие авторы считают, что их необходимо наравне с нецензурными словами признавать оскорбительными, при этом степень ответственности зависит от степени оскорбительности высказываний: «бранные слова и обороты речи прямо и недвусмысленно оскорбляют достоинство человека, нарушают чистоту речи[7]». Лингвистами был разработан список лексических и фразеологических единиц, в который входят не только нецензурные слова, но и вульгарная и бранная лексика: жулик. расист, палач, мясник, свинья, осел, женщина легкого поведения. Направленность лицам осуществляющих государственную власть может служить унижением чести и достоинства в неприличной форме.

Но унизить честь и достоинство можно и приличной формой. Так, О.В. Ковалев назвал судью сумасшедшей, высказал утверждение, что заплатили за вынесение обвинительного приговора[8], выразив тем самым негативную оценку личности Н.Е.И. в неприличной форме.

Использование нецензурного слова может быть воспринято в качестве «междометия», не затронув честь и достоинство личности.

Для того, чтобы понять унижены честь и достоинство гражданина, необходимо выяснить это у потерпевшего. После чего можно установить обличено данное унижение в неприличную форму и нет? Так, в 2019 г. такой случай произошел в армии: Розов потребовал от потерпевшего кушать без ложки, а тот отказался. После этого подсудимый оскорбил потерпевшего действиями: нанес пощечину (подтвердили оба свидетеля) и толкнул того в грудь, тем самым унизил его честь и достоинство при сослуживцах.

Конструктивным признаком ст. 319 УК РФ является публичность. Некоторые авторы считают, что публичность налицо, в случае если есть третье лицо, помимо потерпевшего и виновного[9], другие говорят необходимо как минимум еще два свидетеля для признания публичности[10], третьи говорят, что представители власти не могут рассматриваться в качестве свидетелей[11]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ понимается под публичностью: множество лиц; присутствующие лица не должны быть сотрудниками той организации, к которой принадлежит представитель власти, поскольку они являются непосредственными участникам соответствующих управленческих отношений[12]. Почему же должно присутствовать обязательно третье лицо? Во-первых, представители осуществляют свою деятельность открыто, во-вторых, может произойти подрыв авторитета власти, возникнуть сомнение в их эффективности.

Анализируя судебную практику по ст. 319 УК РФ в большинстве случаев суды выносили обвинительные приговоры, указывая на обязательное присутствие посторонних, в единичных ситуациях это были коллеги оскорбляемого. Существенное значение может иметь место совершения преступления, в частности общественное место. К таким местам суды относят объекты транспортной инфраструктуры, административные здания, места отдыха, территории общего пользования и др. Таким образом, оценка оскорбления именно как публичного действия зависит от конкретных обстоятельств дела. В общем виде они проявляются в количестве присутствующих лиц, в месте, где происходит оскорбление, в восприятии оскорбительной информации всеми участниками события, а также в способах и средствах ее передачи другим гражданам.

Таким образом, изучив доктрину и судебную практику, можно прийти к выводу, что отсутствие понимания «оскорбления» в уголовном законе РФ затрудняет правоприменителю выносить решения, ему следует обращаться к толкованию данного понятия, назначать лингвистическую экспертизу, чтобы исправить данную ситуацию,

---

[1] *Брагина А.Г.* Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 104–105.

[2] *Брагина А.Г.* О толковании некоторых понятий в ст. 319 УК РФ // Уголовное право. 2006. № 2. С. 18-20.

[3] *Костров Г.К.* Уголовно-правовое значение угрозы: дис. … канд. юрид. наук. М., 1970.

[4] *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2007. С. 539.

[5] *Ной И.С.* Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 61.

[6] *Шрамченко А.В.* Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 126.

[7] *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 240.

[8] Приговор Ленинского районного суда г. Орска (Оренбургская область) № 1-185/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 1-185/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uGLS3IvlVXLp/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2 %84 %96+1-185 %2F2020 (дата обращения: 16.03.2021).

[9] *Кизилов А.Ю.* Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 136.

[10] *Киселев С.С.* Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3. С. 242.

[11] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. Омск, 2000. С. 572.

[12] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2006 г. № 11-Д05-103 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

необходимо оскорбление личности криминализировать либо в примечании обозначить, что понимается под оскорблением, признать помимо нецензурных слов, также и бранную, вульгарную лексику оскорбительной с юридической точки зрения к конкретной ситуации, слово «тяжкое» исключить из ст. 107, 113 УК РФ, также дать законодательное толкование понятия «публичность» в ст. 319 УК РФ.

Нефедова С.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Беликов Е.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ВЫЗОВАМ В МЕДИЦИНЕ

Аннотация. *В статье проводится оценка возможностей привлечения частного капитала в медицинскую сферу на принципах государственно-частного партнерства в ситуации экономического кризиса, вызванного пандемией. Особое внимание уделено выбору форм и моделей государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения с точки зрения эффективности использования их преимуществ.*

Ключевые слова: *здравоохранение, государственно-частное партнерство, пандемия, инфраструктурный проект, концессионные соглашения, инвестиции.*

Nefedova S.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Belikov E.G., PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

INVOLVEMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP MECHANISMS TO COUNTERACT NEW CHALLENGES IN MEDICINE

Abstract. *The article evaluates the possibilities of attracting private capital to the medical sector on the principles of public-private partnership in the situation of the economic crisis caused by the pandemic. Special attention is paid to the choice of forms and models of public-private partnership in the field of healthcare in terms of the effectiveness of using their advantages.*

Keywords: *healthcare, public-private partnership, pandemic, infrastructure project, concession agreements, investments.*

В последние годы произошли позитивные изменения государственной политики в сфере здравоохранения. Однако, учитывая изменения макроэкономических показателей (цена на нефть, курс доллара, ухудшение внешнеполитического климата), основными задачами государственной власти на ближайшую перспективу становятся установление баланса между доходами и расходами и укрепление обороны страны, что влечет за собой экономию на отраслях социальной сферы и оптимизацию расходов бюджетов на здравоохранение.

Таким образом, в условиях существенного сокращения финансовых возможностей государственного сектора, высокого физического и морального износа значительной части основных фондов сферы здравоохранения, неудовлетворительной обеспеченности современными объектами здравоохранения многих российских регионов, поддержание необходимых темпов обновления материальной базы здравоохранения требует совершенствования механизма инвестирования в развитие инфраструктуры здравоохранения. Значительные возможности для этого были связаны с развитием сотрудничества в медицинской сфере на принципах государственно-частного партнерства (далее – ГЧП). С этой целью был принят Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. ГЧП в сфере здравоохранения – это сотрудничество органов государственной власти и местного самоуправления, частных структур и некоммерческих организаций, целью которых является достижение наилучших финансовых результатов с максимально обоюдной выгодой и обеспечение эффективного выполнения задач публично-правовых образований в сфере здравоохранения путем привлечения возможностей, ресурсов и квалификации партнеров для создания, реконструкции, управления, содержания инфраструктуры здравоохранения или предоставления услуг. Наличие данного закона положило начало процессу использования механизмов ГЧП в ряде ключевых отраслей инфраструктуры здравоохранения и реализации проектов в этой сфере.

В ситуации распространения COVID-19 национальная система здравоохранения работает с максимальной нагрузкой, ощутив недостаток медицинских кадров, перегруженность клиник, недостаток оснащения, аппаратов ИВЛ и прочего оборудования, средств диагностики и защиты, медикаментов, острую нехватку инфекционных клиник и палат интенсивной терапии и вследствие срочного перепрофилирования больниц столкнулась с вынужденной приостановкой предоставления плановых услуг и иными трудностями. Пандемия вызывала беспрецедентный кризис во всех отраслях экономики Российской Федерации, находящейся у истоков процесса построения обоюдовыгодных отношений между государством и хозяйствующими субъектами, механизмы которых получили в этой связи еще большую актуальность, а в сфере медицины приобретают срочный характер.

[1] СЗ РФ. 2015. № 29, ст. 4350; 2021. № 1, ст. 3.

Эпидемия, падение курса рубля и снижение темпов роста экономики негативно отражаются на большинстве проектов, реализуемых в рамках уже действующих соглашений о государственно-частном партнерстве. Это выразилось в недополучении выручки, составившей в сфере здравоохранения до 90 %, удорожании стоимости проектов, неисполнении сроков по обязательствам, сложностях в сфере импорта, нехватке медицинских препаратов. В первую очередь это коснулось муниципальных проектов, представленных малым и средним бизнесом, наиболее пострадавшим в условиях эпидемиологической обстановки. Вследствие неопределенности эпидемиологического фактора также существенно снизилась инвестиционная инициатива в ожидании стабилизации ситуации. В настоящее время действие санитарных правил урегулировано постановлением главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика коронавирусной инфекции (COVID-19)»[1] и продлено до 1 января 2022 года.

Для минимизации ущерба рынку ГЧП в здравоохранении, его субъектам, прежде всего частным партнерам как наименее защищенной стороне соглашений, необходимо реализовывать антикризисные меры государственной поддержки. К последним относятся введение мораториев на банкротство и проверки бизнеса, предоставление кредитных, арендных и налоговых каникул, беспроцентных и в ряде случаев невозвратных кредитов, безвозмездного субсидирования, снижение ставки налоговых и страховых платежей, оказание другого содействия медицинским организациям и их партнерам.

В первую очередь внимание стоит уделить выбору форм и моделей государственно-частного партнерства. В настоящее время в России самой востребованной в области здравоохранения являются годовые контракты на оказание услуг, выполнение работ и поставку товаров по государственному заказу, регулируемые Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[2], и Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[3]. В ряде случаев реализация проектов в рамках указанных законов в настоящее время может быть нецелесообразна, в частности, из-за долгих сроков согласований и отборов и зачастую отсутствия мотивации в качественном выполнении работ подрядчиков. При создании или реконструкции объектов инфраструктуры здравоохранения более реалистичным является выбор концессионных моделей, которые регулируются Федеральным законом от 27 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»[4], которые отличаются более проработанным с юридической точки зрения и апробированным механизмом реализации проектов. На основании частной концессионной инициативы, при наличии заинтересованного инвестора соглашение можно заключить за небольшой срок, что сегодня является одним из главных факторов для создания объектов медицинской инфраструктуры. При этом концессионер, заинтересованный в высоком качестве объекта, инвестируя собственные средства в проект и тем самым снимая нагрузку с бюджета, несет ответственность за реализацию проекта на всех этапах: проектирование, строительство (или реконструкция), эксплуатация. Это также выгодно отличает данную модель от других механизмов реализации инфраструктурных проектов на основании ГЧП в здравоохранении в данных экономических и эпидемиологических реалиях.

Учитывая важность медицинской сферы для оперативного создания новой инфраструктуры в здравоохранении в условиях новых вызовов, необходимо эффективнее использовать модели ГЧП и быстрее осваивать его механизмы. Но из-за отсутствия опыта регионы не решаются начинать процесс, нередко проекты срываются из-за некачественного юридического сопровождения и нехватки правоприменительной базы. В этой связи необходимо вести работу над усовершенствованием законодательства, регулирующего государственно-частное партнерство в здравоохранении, которое будет способствовать защите его участников. Это позволит расширить практику реализации инфраструктурных проектов на принципах государственно-частного партнерства и инвестиционных соглашений и с учетом опыта реалий пандемии решать задачи повышения качества и доступности медицинской помощи.

[1] Российская газета. 2020. № 115; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 16.11.2020, № 0001202011160001.

[2] СЗ РФ. 2013. № 14. Ст.1652; 2021. № 1, ст. 40,78.

[3] СЗ РФ. 2011. № 30. Ст.4571; Российская газета. 2021. № 41.

[4] СЗ РФ. 2005. № 30, ст. 3126; 2020. № 50, ст. 8074.

Ниёзмамадов А.П.
Магистрант 2 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Еремина М.А., к.ю.н., доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Права и свободы человека и гражданина является непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов органами государственной власти. Защита прав человека является одной из актуальных проблем в системе как россискойго права, так и в системе права зарубежных государств современного мира. Право гражданина на судебную защиту прав и свобод является одним из фундаментальных составляющих элементов комплекса права человека.*

Ключевые слова: *права человека и гражданина, свободы человека и гражданина, защита прав человека, судебная защита, права на судебную защиту.*

Niyozmamadov A.P.
Master's student of the 2nd year of the Institute of Master's Degree Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Saratov State Law Academy», Saratov
Scientific Supervisor: Eremina M.A., PhD in law, associate professor of the constitutional law department named after Professor Isaak Efimovich Farber, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Saratov State Law Academy», Saratov

JUDICIAL PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the mechanism for the implementation of constitutional rights of citizens of the Russian Federation to judicial protection. The rights and freedoms of man and citizen are directly applicable, and they determine the meaning, content and application of laws by public authorities. The protection of human rights is one of the essential problems in the system of both Russian law and the system of law of foreign countries in the world. In addition, the article studies the legal regulation of human rights in foreign countries. A citizen's right to judicial protection of rights and freedoms is one of the fundamental components of the complex of human rights. The exercise of the right to judicial protection is one of the fundamental foundations, both in the science of constitutional law and in many other branches of Russian law.*

Keywords: *human rights, rights and freedom. human rights law, judicial protection. the right to judicial protection.*

В современном мире идея прав человека получила широкое распространение. Тем не менее она имеет не всегда общее содержательное наполнение, различным образом формулируется в теоретических конструкциях науки конституционного права и конституционно-правовом закреплении на практике, не одинаково проявляет себя в правоприменении, что объясняется влиянием самых разных факторов, определяющих национальный правопорядок. Вместе с тем современное понимание значимости создания оптимальных векторов развития в системе реализации и защиты основных прав не всегда находит ответ в научной среде. Необходимость принципиальной постановки вопроса о значимости механизмов реализации и защиты прав человека привела к попытке раскрытия в рамках данной статьи особенностей указанных правовых явлений.

Как справедливо отмечает Н.А. Богданова, в Российском государстве данная идея правозглашена на конституционном уровне в качестве фундаментальной основы всего российского законодательства в статье второй Конституции Российской Федерации, согласно которой человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а в обязанность государству вменяется признание, гарантирование и защита указанных прав в случае посягательств на их нарушение.[1]

Даже государства, которые раньше отрицали идею прав человека по политическим и идеологическим соображениям, как буржуазную идею, на сегодняшний день включают ее в свои национальные нормативно-правовые акты, в частности, в первую очередь, в тексты Конституций. Подтверждением тому могут служить конституции КНР, КНДР, Кубы (2020 года).

Так, большинсво стран современного мира содержат в своих конституциях положения о фундаментальных правах и свободах человека и гражданина, в том числе с учетом идеологических особенностей. Так, например, в 2004 г. посредством внесения поправок в Конституцию Китайской Народной Республики были закреплены права человека. Тем не менее следует отметить, что социализм с этой идей не сочетается. Что касается нормативного воплощения идей реализации прав человека, то оно происходит на разных уровнях: не только на национальном, но и на международном. Важно казаться своими гражданам и миру государством, отвечающими современным тенденциям в области стандартов прав человека.

В большинстве конституций стран мира правам человека уделяется значительное внимание. Вместе с тем, стоит отметить, что мир разнороден, а "мировая цивилизация" – слишком неопределенное понятие. Сложившаяся региональная социокультура на сегодняшний день, со своими особым менталитетом и особенными жизненными устоями, пониманиями, правилами составляют фундаментальную основу существования разных цивилизаций. Как для восточных цивилизаций, которые основываются на философии или релегии, так и в государствах, воплотивших в структуре своих конституций социалистическое учение, личность считается неотделимой от общества и связана с общественным интересом, первенствующим над личным. Индивидуальное начало подчинено общему. При этом общее, в том числе, представлено и властью. Для западной социокультурной среды характерен принцип "человек – высшая ценность" и непостредственно сопроваждающий его индивидуализм, который получил правовую формализацию и понимается как предел для власти и государства.

Право на судебную защиту прав и свобод человека является одним из важнейших элементов комплекса права. Судебная защита прав и свобод человека является одной из найважнейших и основных проблем в системе как российского права, так и зарубежных стран мира. Механизм реализации права гражданина на судебную защиту прав и свобод человека и граданина закрепленно в Конституции Российской Федерации и принадлежит каждому лицу. Реализация данного права является одной из фун-

[1] *Богданова Н.А.* Основные права человека в России: идея, ее конституционное отражение и практика реализации // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии: сб. матер. и докл. XXII Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Самарский государственный университет, 2017. С. 78-82.

даментальных основ, как в конституционном праве, так и во многих других отраслях российского права.

Рассматривая положения ст. 46 Конституции Российской Федерации, можно говорить, о том что каждому человеку гарантируется судебная защита его прав и свобод.[1] На основе этого законодатель отмечает значимость механизма судебной защиты, фиксируя данное положение на конституционном уровне. Подобная позиция отражена и во Всеобщей декларации прав человека, согласно которой "каждый человек имеет право на эффективное востановление в правах компетентным национальным судами" в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституией или законам.[2]

Таким образом, рассматривая правовые позиции как российского, так и зарубежного законодательства, можно констатировать что государства выступают в качестве гаранта защиты прав гражан, а также регулятора общественных отношений.

Для непосредственной реализации конституционного права лица на защиту своих прав и свобод в субебном порядке в Россиикой Федерации создается и функционирует судебная система, которая учреждается Конституцией РФ, деятельность которой регламентируется посредством федеральных конституционных законов, федеральных законов, и нормативно-правовых актов.

Таким образом, неотъемлемым элементом обеспечения механизма реализации конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека является правосудие.

Так, со статьи 1 ФКЗ "О судебной системе РФ" открывается перечень лиц, уполномоченных осуществлять правосудие. Так, судебная власть согласно содержанию данной статьи, осуществляется "в лице судей и привлекаемых в устанвленном законом порядке к осуществлению правосудия арбитражных и присяжных заседателей[3]".

Как отмечается З.М. Смирновой, судебная защита прав и свобод граждан охватывает весь объем прав и свобод, принадлежащих индивиду как в силу прямого указания Конституции Российской Федерации и иных нормотивно-правовых актах, так и на те права и свободы, которые не получили нормативной регламентации, однако, исходя из смысла законодательства, должны также подпадать под правовую охрану со стороны государства. Право на судебную защиту относится к числу тех важнейших прав, которые не подлежат какому бы то ни было ограничению.[4]

Исследователи также подчеркивают, что на современном этапе развития России судебный способ защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, хотя и имеет определенные преимущества пред другими способами механизма защиты прав, но, к сожалению, пока недостаточно обеспечивается надлежащим образом государством.[5]

Полагаем, можно согласится с обозначенным мнением, поскольку оно представляется достаточно обоснованным в силу того, что формально выскзанные положения законодательства нередко идут вразрез с практикой правоприменения. Во-первых, создаются специальные условия для реализация права на судебную защиту, а во-вторых, механизм защиты права человека зачастую является достаточно несовершенным.

Считаем, для поиск оптимальных взаимоотношений между личностью и государством всегда представлял собой сложнейшую насущную проблему. Вопросы, связанные с защитой прав человека на практике, выбор оптимальной модели поведения остаются актуальными и на сегодняшний день. В связи с этим эффективно функционирующие механизм защиты прав имеют большое значение при воплощении в жизнь требований, заложенных в правовой норме.

Никитина К.М.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Серветник А.А., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОДАВЦА ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО ПЕРЕДАЧЕ ТОВАРА ПОТРЕБИТЕЛЮ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье выявлены проблемы привлечения продавца к ответственности за непередачу товара потребителю при купле-продаже дистанционным способом, а также предложены пути их решения. Среди подобных проблем названы отсутствие закрепления конкретных сроков доставки товара потребителю, проблема определения момента передачи товара, проблема привлечения продавца к ответственности при продаже в социальных сетях, а также проблема досудебного урегулирования споров в рассматриваемой сфере.*

Ключевые слова: *защита прав потребителей, купля-продажа товаров дистанционным способом, ответственность продавца, виртуальное пространство.*

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2021).

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 11.12.2020).

[3] О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 29.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 3.03.2021).

[4] См.: *Смирнова З.М.* Проблемы судебной защиты конституционных прав и свобод граждан в России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 15–35.

[5] *Синцов Г.В.* Проблемы реализации конституционного права на судебную защиту в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 7. С. 49–54.

Nikitina K.M.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Servetnik A.A., candidate of law docent of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

RESPONSIBILITY OF THE SELLER FOR FAILURE TO FULFILL THE OBLIGATION TO TRANSFER THE GOODS TO THE CONSUMER IN THE VIRTUAL SPACE

Abstract. *The article reveals the problems of applying the norms on the seller's responsibility for failure to fulfill the obligation to transfer goods to the consumer when buying and selling remotely, and also suggests ways to solve them. Among such problems are the lack of fixing specific terms of delivery of the goods to the consumer, the problem of determining the moment of transfer of the goods, the problem of bringing the seller to justice when selling on social networks, as well as the problem of pre-trial disputes in the area under consideration.*

Keywords: *consumer protection, remote purchase and sale of goods, seller's responsibility, virtual space.*

В современных условиях развития информационных технологий одним из наиболее востребованных способов является купля-продажа товаров посредством сети Интернет. При заключении дистанционного договора розничной купли-продажи исключается возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара.

В сфере купли-продажи в виртуальном пространстве может быть причинен вред потребителю, который выступает центральной фигурой в данных правоотношениях.

Закрепление в законодательстве РФ норм, регулирующих ответственность за нарушение прав потребителя, презюмирующих вину продавца, обусловлено необходимостью защиты потребителя, который по сравнению с другими участниками потребительских правоотношений имеет неравные права.[1]

Согласно действующему законодательству РФ продавец, а также иные лица (исполнитель, изготовитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) за нарушение прав потребителей несут административную, уголовную или гражданско-правовую ответственность.

Основным видом юридической ответственности продавца является гражданско-правовая ответственность. Данный вид ответственности применяется, в частности при совершении продавцом наиболее распространенного правонарушения при купле-продаже посредством сети Интернет – неисполнение обязанности по передаче товара потребителю.

Следует выделить следующие формы гражданско-правовой ответственности продавца: взыскание неустойки, штрафа, возмещение убытков и возмещение компенсации морального вреда.

Как правило, потребители чаще предъявляют к продавцам требование о возмещении убытков. Данное обстоятельство во многом объясняется тем, что именно этот вид ответственности наиболее полно реализует все ее функции.

При дистанционной купле-продаже товаров продавец обязан возместить потребителю убытки, вследствие нарушения установленного договором купли-продажи срока передачи предварительно оплаченного товара (пункт 2 статьи 23.1 Закона о защите прав потребителей).

При осуществлении покупки дистанционным способом одной из правовых проблем является отсутствие закрепления конкретных сроков доставки товара.

Ранее действовавшие Правила продажи товаров дистанционным способом предусматривали, что если в договоре срок доставки товара не определен и отсутствуют возможности определить этот срок, товар должен быть передан продавцом в разумный срок. Обязательство, не исполненное в разумный срок, продавец должен выполнить в 7-дневный срок со дня предъявления покупателем требования о его исполнении.[2]

В настоящее время при определении срока, в течение которого продавец обязан передать товар потребителю, следует руководствоваться соответствующими положениями ГК РФ. Согласно пункту 1 статьи 457 ГК РФ срок исполнения продавцом обязанности передать товар покупателю определяется договором купли-продажи, а если договор не позволяет определить этот срок, в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 314 ГК РФ.

По смыслу пункта 2 статьи 314 ГК РФ в случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок, а равно и в случаях, когда срок исполнения обязательства определен моментом востребования, должник вправе при непредъявлении кредитором в разумный срок требования об исполнении такого обязательства предложить кредитору принять исполнение, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не явствует из обычаев либо существа обязательства. При отказе кредитора принять исполнение, в том числе посредством уклонения от принятия, он считается просрочившим.[3]

Исходя из указанной нормы следует, что продавец должен исполнить обязательство по доставке товара потребителю в разумный срок, при неисполнении обязательства в разумный срок продавец несет ответственность в виде возмещения убытков потребителю.

Однако возникает вопрос, какой срок понимать под понятием «разумный срок».

Законодательство не закрепляет определение понятия «разумный срок». В общем виде под ним понимается отрезок времени, который необходим для совершения действия, предусмотренного обязательством.

---

[1] См.: *Фролов И.В.* Правовое регулирование дистанционной торговли товарами и услугами в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 112.

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» (в ред. от 30.11.2019) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4894 (утратило силу с 01.01.2021).

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. № 275. 2016.

Разумность срока – оценочная категория и определяется судом в каждом конкретном случае с учетом различных факторов: вида обязательства, параметров предмета исполнения, условий исполнения, удаленности предмета исполнения и т.д.[1]

При приобретении товара дистанционным способом, потребитель при предъявлении требования к продавцу о возмещении убытков в связи с неисполнением обязанности по передаче товара в срок, следует руководствоваться правилом о разумном сроке. При этом, прежде всего, необходимо учитывать расстояние доставки товара, возможные проблемы со службой доставки, почтой и т.д.

В связи с этим, потребитель может рассчитать лишь примерный срок доставки товара, поэтому привлечь продавца к ответственности за нарушение срока передачи потребителю крайне сложно.

В качестве одного из вариантов решения названной проблемы представляется необходимым закрепление в законодательстве предельных временных границ передачи товара потребителю, в частности предлагается установить обязанность продавца по передаче товара в тридцатидневный срок с момента заказа товара потребителем. При этом данное положение распространить исключительно в случаях доставки товаров в пределах территории РФ.

Еще одной мерой гражданско-правовой ответственности продавца за нарушение обязанности по передаче товара потребителю является неустойка.

Понятие неустойки закреплено в статье 330 ГК РФ.

Неустойка, взыскиваемая с продавца, при дистанционном способе купли-продажи является законной, поскольку предусмотрена законодательством о защите прав потребителей.

Пункт 3 статьи 23.1 Закона о защите прав потребителей устанавливает ответственность продавца за нарушение установленного договором купли-продажи срока передачи предварительно оплаченного товара в форме уплаты потребителю штрафной неустойки (пени) в размере половины процента суммы предварительной оплаты товара за каждый день просрочки.

В данном случае речь снова идет о сроке передачи товара, который установлен в договоре купли-продажи товара. Но при заключении дистанционного договора купли-продажи, потребитель заказывает товар, заполняя на сайте интернет-магазина определенную форму, при этом срок передачи, часто не определяется продавцом.

Привлечение продавца к ответственности в виде выплаты неустойки становится еще одной проблемой для потребителя.

Вместе с этим, суды удовлетворяют требование потребителя о взыскании неустойки в том случае, если не определен срок доставки, но продавцом при электронной переписке с потребителем указывался предварительный срок передачи товара.[2]

Анализ судебной практики показывает, что суды отказывают в удовлетворении требований потребителя о взыскании неустойки при несоблюдении претензионного порядка урегулирования спора.

Вместе с этим, исходя из норм Закона о защите прав потребителей, следует, что в рассматриваемой сфере не предусмотрен обязательный досудебный порядок разрешения спора.

Однако практика работы государственных органов показывает, что предварительного направления претензии потребителем достаточно для добровольного исполнения продавцом своих обязанностей и восстановления нарушенных прав. Обращение в суд в подобных случаях не требуется.[3]

В 2019 г. был разработан проект федерального закона о внесении изменений в законодательство РФ в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров. Целью проекта является создание условий для обеспечения эффективной защиты прав потребителей с использованием информационных технологий и механизмов альтернативного урегулирования споров, что позволит потребителям совершать больше покупок в интернете, сделать более доступной защиту прав и уменьшить нагрузку на судебную систему.[4]

Кроме того, в ближайшем будущем планируется создание онлайн-сервиса на Госуслугах, который предоставит потребителю возможность предъявления требований интернет-продавцу о возврате товара, его замены, посредством направления претензии.

Таким образом, появление новых возможностей досудебного урегулирования споров между потребителями и продавцами при дистанционной торговле обуславливается более быстрым решением конфликтов и эффективной защитой прав потребителей, поэтому практически потребителю целесообразно обратиться к продавцу с письменным обоснованным требованием о нарушении своих прав.

В связи с вышесказанным, представляется необходимым распространить обязательный претеннзионный порядок урегулирования споров между потребителями и продавцами при дистанционном способе купли-продажи товаров. Кроме того, до обращения в суд предъявление претензии потребителем продавцу является доказательством неисполнения продавцом требований потребителя в добровольном порядке и основанием для взыскания с него штрафа.[5]

В соответствии с пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей в случае удовлетворения судом требований потребителя с продавца взыскивается штраф в размере пятьдесят процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

[1] См.: Информационный блок «Энциклопедия решений. Договоры и иные сделки». Разумный срок исполнения обязательства // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/58074821/ (дата обращения: 14.03.2021).

[2] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2019 по делу № 33-5815/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Богдан В.В.* Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики. дис. … д-ра юрид. наук. Курск, 2015. С. 312.

[4] См.: Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2019 г.». URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=14932 (дата обращения: 14.03.2021)

[5] *Сергеева П.О.* Проблемы правового регулирования купли-продажи товаров дистанционным способом // Синергия наук. № 24. 2018. С. 1048–1059.

К форме гражданско-правовой ответственности за нарушение прав потребителей законодатель относит компенсацию морального вреда, который был причинен потребителю.[1] При этом моральный вред подлежит возмещению только при наличии вины продавца.

Таким образом, правовые нормы, закрепляющие формы гражданско-правовой ответственности продавца за непередачу товара, в целом позволяют осуществить защиту прав потребителя.

Однако в настоящее время достаточно распространена продажа товаров в социальных сетях. Огромное количество аккаунтов предлагают товары и услуги, качество которых нередко оставляет желать лучшего. Кроме того, часто потребитель перечисляет денежные средства на счет продавца, но оплаченный товар потребитель не получает.

В подобных ситуациях потребители не могут защитить свои права, поскольку отсутствуют сведения о регистрационных данных организации или физического лица, на которого зарегистрирован аккаунт. В связи с этим, выявить продавца и привлечь его к соответствующей ответственности крайне сложно. Так, согласно информации справочного центра социальной сети «Instagram», в случае, если потребитель столкнулся с нарушением своих прав, он имеет право лишь обратиться с жалобой Руководства сообщества, либо в правоохранительные органы, иных способов защиты от мошенников правила данной социальной сети не предусматривают.[2]

Таким образом, при купле-продаже в виртуальном пространстве гражданско-правовая ответственность продавца является эффективным способом восстановления нарушенных прав потребителя, в том числе компенсировать потребителю причиненный действиями продавца вред.

Однако продавцы по-прежнему нарушают права потребителя, что свидетельствует о пробелах в правовом регулировании и необходимости совершенствования законодательства.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 1995; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2007.

[2] См.: Справочный центр Instagram. URL: https://ru-ru.facebook.com/help/instagram/477434105621119/ (дата обращения: 14.03.2021)

Новосельцев Н.Д.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Верина Г.В., д.ю.н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация. *в статье рассмотрены отдельные аспекты влияния квалифицирующих признаков на дифференциацию уголовной ответственности за уклонение военнослужащих от исполнения обязанностей военной службы. Высказано мнение о необходимости устранения существующих проблем законодательства.*

Ключевые слова: *порядок пребывания на военной службе, уголовная ответственность, наказание, военнослужащий.*

Novoseltsev N.D.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: VerinaG.V., Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

QUALIFYING FEATURES AS A MEANS OF DIFFERENTIATING CRIMINAL LIABILITY FOR EVADING THE PERFORMANCE OF MILITARY SERVICE DUTIES

Abstract. *The article deals with some aspects of the influence of qualifying characteristics on the differentiation of criminal liability for the evasion of military personnel from the performance of military service duties. The opinion is expressed on the need to eliminate the existing problems of the legislation.*

Keywords: *the order of stay in military service, criminal responsibility, punishment, soldier.*

Крайне важно подробно и тщательно анализировать каждый нюанс совершенного преступления. Его обстоятельства необходимо сопоставлять с признаками состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), иными словами, решать вопрос квалификации преступления, которая, по мнению Г.В. Вериной, является важнейшей предпосылкой дифференциации

уголовной ответственности[1]. Уголовная ответственность за уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы наступает по ст. 339 УК РФ, если его способом были: симуляция болезни, причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлог документов или иной обман (ч. 1 названной статьи российского уголовного закона).

Функцию квалифицирующего признака в контексте анализируемого состава преступления выполняет цель полного освобождения от обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 339 УК РФ).

Следовательно, если обвиняемый имел цель, заключающуюся лишь во временном уклонении от несения военных обязанностей, то будут применяться положения ч. 1 ст. 339 УК РФ, если уклонитель преследовал цель полного освобождения, то – положения ч. 2 ст. 339 УК РФ.

Таким образом, применительно к ст. 339 УК РФ законодатель выделил лишь один квалифицирующий признак, в то время как уголовная ответственность за другие преступления против военной службы более глубоко дифференцируется, и важно то, что средством такой дифференциации выступают именно квалифицирующие признаки. Так, статус военнообязанного лица не принят во внимание при конструировании ст. 339 УК, тогда как в ст. 337 (самовольное оставление части или места службы) УК РФ наблюдается обратная ситуация.

Поэтому целесообразно ст. 339 УК РФ наполнить новыми квалифицирующими признаками, повышающими степень общественной опасности преступления и преступника и способными влиять на дифференциацию уголовной ответственности.

Наиболее актуальным в данном контексте представляется факт совершения преступления в военный период. На сегодня данный аспект проблемы не нашел единого решения и на протяжении нескольких лет он является центром дискуссий среди отечественных и зарубежных юристов[2].

Согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени»[3].

Примечательно и парадоксально то, что законодательство Российской Федерации военного времени не разработано по сей день. Резонен вопрос: почему не предпринимается никаких действий для прояснения неоднозначной ситуации?

Так, ч. 3 ст. 331 УК РФ отсылает к Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и Федеральному закону от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». Однако ни тот, ни другой документ не дает четкого и подробного ответа на вопрос о целесообразности использования конкретных нормативно-правовых актов, если имел место быть случай совершения преступления военнослужащим в период боевых действий.

В данных нормативно-правовых актах содержится лишь косвенная информация о том, что ответственность применяется в соответствии с действующим на территории РФ законодательством. Таким образом, можно сделать вывод, что отечественное военно-уголовное право не является совершенным и остро нуждается в доработках и внедрении новых положений. Кроме того, очевидна ошибка процесса криминализации, которая стала следствием имеющихся пробелов в действующем законодательстве.

Генерал-полковник юстиции, в период 1992-1999 гг. председатель Военной коллегии Верховного Суда РФ Н.А. Петухов принимал непосредственное участие в формировании современного облика Уголовного кодекса РФ. Он считал крайне важным на законодательном уровне установить меры ответственности за покидание поля сражения, оставление места службы, мародерство, принятие плена без сопротивления, а также за иные проступки, которые могут повлечь за собой негативные последствия для безопасности страны и ее граждан в условиях военных действий[4].

Необходимо заметить, что предлагаемые Н.А. Петуховым корректировки законодательства не были приняты и утверждены, поэтому военная политика страны так и осталась несовершенной и недоработанной в данной части. Действующее уголовное законодательство РФ противоречит нормам международного права, поскольку в УК РФ не имеется положений, предусматривающих ответственность за правонарушения, совершенные в момент боевых действий[5].

Нельзя оставлять без внимания данные предложения, есть основания надеяться на новшества в данном вопросе.

Представляет теоретико-прикладной интерес анализ понятий военного времени и боевой обстановки. Особое внимание следует обратить на тот факт, что военное время нельзя приравнивать к боевой обстановке. Боевая обстановка может быть объявлена и в мирное для страны время. Но также во время войны войска могут быть как в боевой обстановке, так и нет. Однако парадоксален тот факт, что в действующем законодательстве, а именно в ч. 3 ст. 331 УК РФ разграничены с помощью союза «либо» рассматриваемые понятия. В данном контексте изложения представляется убедительным утверждение о том, что законом не предусмотрено существование преступлений, совершенных как в военное время, так и в военное время, но в боевой обстановке, поскольку связка «либо», означает «одно из двух, но не оба вместе»[6].

Согласно историческим фактам, на протяжении нескольких десятилетий были зафиксированы преступле-

---

[1] См.: *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 11.

[2] См., напр.: *Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А.* Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 6; *Косован О.А.* К вопросу о криминализации воинских общественно опасных деяний, совершаемых в военное время или в боевой обстановке // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 7-8.

[3] См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2021. 26 февр. № 41.

[4] Цит. по: *Шилов А.И.* Проблемы уголовной политики России в отношении военнослужащих в военное время и боевой обстановке // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1 (3). С. 36.

[5] См.: *Петухов Н.А.* Некоторые вопросы развития военно-уголовного законодательства Российской Федерации: сб. науч. тр. М., 2003. Вып. 1. С. 13.

[6] См.: *Ивин А.А.* Логика: учебник. М., 2002. С. 133.

ния военнослужащих во время вооруженных действий[1]. Под преступлениями здесь имеются в виду дезертирство, оставление места службы и др. противоправные деяния, совершенные военнообязанными лицами в период вооруженных конфликтов.

Регулирование процесса боевой обстановки в мирное время происходит в соответствии с Федеральным законом РФ от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

Боевая обстановка – события, во время которых военнослужащие непосредственно сталкиваются с противником и вынуждены путем проведения определенных действий противостоять ему.

Однако, по смыслу содержания ч. 3 ст. 331 УК РФ, и в отношении преступления, совершенного в военное время, но не в боевой обстановке, и в отношении преступления, совершенного в боевой обстановке, но в мирное время, необходимо применять законодательство военного времени. Данное положение уголовного закона представляется дискуссионным, поскольку законодательство военного времени вводится в действие при вступлении государства в состояние войны либо же при реальной угрозе такого вступления. Соответственно, в мирное время законодательство военного времени применяться все же не должно.

Каждое из воинских преступлений, в настоящее время предусматриваемых гл. 33 УК РФ, может быть совершено как в мирное, так и в военное время. Вместе с тем это не свидетельствует о том, что каждая норма главы нуждается во включении в нее «военного времени» как квалифицирующего признака. В частности, включение в содержание ст. 336 УК РФ, устанавливающей наказание за оскорбление военнослужащего, квалифицирующего признака «военное время» будет несколько не уместным, но в отношении уклонения от исполнения обязанностей военной службы – вполне оправдано и целесообразно. Подобное новшество в разумной степени усилит авторитет уголовного закона среди военнослужащих.

Нахождение страны на военном положении предполагает усиление всех видов юридической ответственности, включая и уголовную, свидетельством тому служат исторические факты.

Наличие боевой обстановки является самостоятельным признаком, повышающим уголовную ответственность, и этот признак отдельно выделяется в различных нормах зарубежного военно-уголовного законодательства[2]. «Согласно Кодексу военной юстиции Франции самовольное оставление часовым поста наказывается лишением свободы в мирное время на срок до шести месяцев, в военное время до пяти лет, а при нападении врага или вооруженной группы пожизненным лишением свободы с обязательным трудом», – отмечает Н.А. Шулепов[3].

Государство и его правовая система должны быть готовы к введению военного положения или возникновению локального вооруженного конфликта (боевой обстановки)[4].

Поэтому закрепление в ст. 339 УК РФ квалифицирующих признаков, позволяющих применять уголовно-правовые нормы в военное время или в боевой обстановке, будут способствовать решению обсуждаемой проблемы.

Кроме этого, необходимо задуматься о дополнении ст. 63 УК РФ понятием «военное время» в качестве отягчающего обстоятельства. Как справедливо отмечает С.Ф. Милюков, боеспособность и дух армии и флота способны подорвать не только исконно воинские, но и прочие, общеуголовные деяния, совершаемые в зоне вооруженных конфликтов, прежде всего, убийства, изнасилования, а также кражи, разбойные и бандитские нападения, поджоги и многое другое[5].

В завершение анализа важно подчеркнуть, что существующий на сегодня законодательный подход дает основание сделать вывод о том, что квалифицирующие признаки слабо задействованы в решении вопроса дифференциации уголовной ответственности за уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы. В конечном итоге это приводит к нарушению правил расслоения уголовной ответственности, к ее унификации. Поэтому целесообразно ст. 339 УК РФ дополнить таким квалифицирующим признаком, как «совершение деяния в военное время или в боевой обстановке».

Опалева В.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Донченко А.Г., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЭКСТРАДИЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ

Аннотация. *В статье проведен сравнительный анализ внутреннего законодательства и международно-правовых актов, действующих в странах СНГ и регулирующих выдачу лиц, совершивших преступление. Проведенное исследование позволило автору сформулировать предложение о необходимости создания специализированного внутригосударственного закона об экстрадиции, что позволит регулировать отношения Российской Федерации с иностранными государствами по вопросам экстрадиции, в случае отсутствия соответствующего международного договора.*

[1] См.: *Борисенко В.М.* Национальная безопасность: совершенствование военно-уголовного законодательства. Книга № 4. М., 2004. С. 101.

[2] См.: *Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А.* У истоков российского уголовного судопроизводства (к 1000-летию Русской Правды). М.: Проспект, 2017. С. 32-33.

[3] См.: *Шулепов Н.А.* Уголовное право зарубежных стран (общая и особенная части): учеб. пособие. М.: ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2007. С. 111.

[4] См.: *Ахметшин Х.М., Петухов Н.А., Тер-Акопов А.А., Уколов А.Т.* Преступления против военной службы: научно-практический комментарий УК РФ. М.: За права военнослужащих, 1999. С. 8–9.

[5] См.: *Милюков С.Ф.* Актуальные проблемы отечественного военно-уголовного права: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: СЮИ МВД России, 2005. Вып. 9. С. 255.

Ключевые слова: *экстрадиция, выдача лиц, нормативно-правовое регулирование, международное сотрудничество, страны СНГ.*

Opaleva V.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Donchenko A.G., Ph.D. in Jurisprudence, docent, Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

EXTRADITION AND ITS REFLECTION IN THE LEGISLATION OF CERTAIN COUNTRIES OF THE CIS

Abstract. *The article provides a comparative analysis of domestic legislation and international legal acts in force in the CIS countries and regulating the extradition of persons who have committed a crime. The study allowed the author to formulate a proposal on the need to create a specialized domestic law on extradition, which will allow regulating the relations of the Russian Federation with foreign states on extradition issues, in the absence of an appropriate international treaty.*

Keywords: *extradition, surrender of persons, legal regulation, international cooperation, CIS countries.*

Институт выдачи лиц, совершивших преступление, является формой международного сотрудничества государств по вопросам борьбы с преступностью и оказания правовой помощи по уголовным делам. Это комплексное правовое явление, поскольку находится на стыке международного и национального права. Опираясь на нормы двух таких самостоятельных правовых систем, экстрадиция реализуется как международно-правовыми, так и внутригосударственными средствами. Рассматриваемый институт закреплен в законодательстве многих зарубежных стран. Нормативную базу представляют международно-правовые документы, включая в себя региональные конвенции, многосторонние и двусторонние договоры. В случае отсутствия такого рода соглашений, правоприменительные органы заинтересованных государств вправе применять внутригосударственные законы.

Законодательство о выдаче лиц, совершивших преступление, как правило, представлено в Конституциях, двусторонних и многосторонних договорах, уголовных и уголовно-процессуальных кодексах, а также специальных внутригосударственных законах. Стоит отметить, что для большинства стран их собственное право может выступать в качестве самостоятельного юридического основания выдачи преступников, если отсутствует договор, регулирующий ее. В основе такого законодательства лежат четко сформулированные международно-правовыми актами принципы экстрадиции. Например, принцип двойной криминальности, принцип специализации, принцип взаимности, невыдачи собственных граждан, невыдачи за политические преступления и др. Указанные принципы находят свое отражение как в конституционных нормах, так и в специальных нормативных документах.

Для стран, входящих в Содружество Независимых Государств, одно из главных мест в системе международных правовых актов занимает Минская конвенция «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22 января 1993 года[1]. Данная конвенция является первостепенным правовым актом, затрагивающим вопросы сотрудничества государств. Регламентирует основные положения, касающиеся выдачи лиц для уголовного преследования и передачи для отбывания наказания. Следует отметить, что данная конвенция не содержит положений, которые могли бы затруднить или сделать невозможной процедуру уголовного преследования или выдачи лиц. Однако некоторые вопросы, влияющие на качество сотрудничества в данной сфере, так и остаются неурегулированными. Так, по мнению В.П. Волобуева, различия в законодательстве государств-участников являются существенной проблемой, влияющей на эффективность сотрудничества. Также автор выделяет еще ряд аспектов: несвоевременность направления государством-инициатором запроса о розыске лица в целях его выдачи для уголовного преследования; неисполнение установленных конвенцией сроков рассмотрения ходатайств о выдаче; нарушения в ходе истребования документов, не указанных в перечне, необходимом для представления[2].

На базе Минской конвенции 1993 г. в Кишиневе 7 октября 2002 г. принята аналогичная Конвенция, которую подписали десять государств СНГ. Она создана для уточнения ряда вопросов, которые в предыдущих ситуациях не обсуждались. Особое внимание уделено вопросу об экстрадиции и предотвращения возможности появления правовых коллизий. Главной особенностью Кишиневской конвенции 2002 г. являлось то, что она содержит большое количество положений, обеспечивающих защиту прав и свобод лиц, подвергшихся экстрадиции. Теперь заключенные под стражу или находившиеся под иной мерой пресечения лица могли подавать жалобы в суд либо иное учреждение. Помимо указанных конвенций большинством государств СНГ заключен ряд двухсторонних соглашений, регламентирующих вопросы экстрадиции, причем не только с государствами, являющимися членами Содружества.

В основе уголовного законодательства стран-участниц лежит Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 года[3]. Так, в статье 15 вышеуказанного нормативного акта закреплено, что граждане государств-участников СНГ, совершившие преступление на территории другого государства, не подле-

[1] См.: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. Стр. 3.

[2] См.: *Волобуев В.П.* К вопросу о проблемах международного сотрудничества органов прокуратуры РФ с государствами-участниками СНГ и другими государствами в сфере выдачи лиц, осуществления уголовного преследования и оказания правовой помощи при расследовании преступлений // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 39-43.

[3] См.: Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901781490 (дата обращения: 10.03.2021).

жат выдаче этому государству. Касательно иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление вне пределов государств, они могут быть выданы иностранному государству на основании международного договора. Более подробная детализация института экстрадиции осуществляется каждым государством самостоятельно в различных нормативно-правовых актах: в Конституции, Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах. Исключением является лишь Азербайджанская Республика, где наряду с вышеупомянутыми актами действует специальный закон о выдаче, вступивший в силу с 2001 г.

Для стран-участниц СНГ, в том числе и для Российской Федерации, характерно закрепление нормы о выдаче в главе Уголовного кодекса, регламентирующей пределы действия уголовного закона во времени и пространстве. Однако существуют исключения. Так, законодатель Республики Узбекистан не стал выделять норму о выдаче в отдельную статью, а заключил ее в рамках положений, закрепляющих действие УК в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Республики[1].

Нормативное описание экстрадиции в уголовном законодательстве стран СНГ, показывает, что позиция государств относительно субъектов экстрадиции идентична, ими признаются запрашиваемое и запрашивающее государство. Вопрос об объекте экстрадиции также решается относительно единообразно, к ним, как правило, относятся иностранные граждане и лица без гражданства. Однако в УК некоторых стран законодатель ставит решение вопроса о выдаче или невыдаче лиц без гражданства в зависимости от ценза оседлости, поэтому наряду с иностранными гражданами выступают только постоянно не проживающие на территории данных государств лица без гражданства[2].

Согласно экстрадиционному законодательству исследуемых государств, основным признаком выдачи лица, совершившего преступление, является отнесение решения данного вопроса к числу суверенных прав каждого государства. Однако ведущим юридическим основанием экстрадиции является международный договор (двусторонний или многосторонний), что обуславливает переход суверенного права государства на выдачу в его обязанность. Поскольку все страны-члены СНГ относятся к романо-германской правовой семье, экстрадиция может осуществляться и на иных основаниях. Например, согласно принципу взаимности, имеющий большое значение, если при заключении договора не были урегулированы отдельные вопросы. Разделяем точку зрения Д.П. Никольского, который совершенно правильно отметил, что выдача лица необходимо предполагает взаимность, поэтому все государства прямо заинтересованы в возможно лучшем определении ее условий[3]. По мнению С.С. Беляева, указанный принцип означает, что если одна сторона исполнила требование о выдаче другой, то она может рассчитывать на такое же поведение своего контрагента[4]. Л.Н. Галенская в своей работе обозначила не менее важный аспект, касающийся принципа взаимности, а именно, что при отсутствии договора о выдаче, каждое государство вправе разрешать вопрос по своему усмотрению, исходя из своих интересов, и что никто не может обязать его следовать принципу[5]. Указанный принцип нашел свое отражение в УК Республики Беларусь, где закреплено, что лицо может быть выдано иностранному государству на основе принципа взаимности, но только при отсутствии соответствующего международного договора и соблюдении требований законодательства Республики[6]. Несколько иная позиция закреплена в УК Республики Молдова, который предусматривает взаимность в качестве альтернативного основания экстрадиции по отношению к международному договору. Однако такое основание выдачи применяется исключительно по решению судебной инстанции и при отсутствии серьезных оснований полагать, что запрашиваемое лицо может быть подвержено смертной казни, пыткам или другому бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению[7].

Не менее интересным является тот факт, что принципы выдачи лиц, совершивших преступление, регламентируются законодательством стран СНГ в разном объеме. Большинство из них ограничивается лишь принципом невыдачи собственных граждан. Одним из таких государств является и Российская Федерация, закрепившая в ст. 13 Уголовного кодекса РФ невозможность выдачи иностранному государству гражданина РФ, совершившего преступление на территории такого государства[8]. Вместе с тем, УК отдельных государств содержат и иные принципы. Например, УК Республики Молдова закрепляет принцип невыдачи лиц, которым предоставлено политическое убежище. «Или выдай, или суди» – такой принцип отражен в УК Республики Армения, согласно которому в случае отказа в выдаче лица, уголовное преследование за преступление, совершенное на территории иностранного государства, будет осуществляться на основании законодательства данной республики[9]. Считаем, что указанный принцип играет немаловажную роль в борьбе с преступностью, поскольку позволяет обеспечить исполнение принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление.

---

[1] См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1, ст. 3.

[2] См., например: Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1, ст. 3; Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // Казахстанская правда. 2014. № 132 (27753); Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998. № 9, ст. 68–70.

[3] См.: *Никольский Д.П.* О выдаче преступников по началам международного права. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1884. С. 23.

[4] См.: *Беляев С.С.* Основания выдачи лиц, совершивших преступление // Уголовное право. 2000. № 2. С. 4.

[5] См.: *Галенская Л.Н.* Право убежища. М.: Междунар. отношения. 1968. С. 73.

[6] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

[7] См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. № 128–129, ст. 1012.

[8] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[9] См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года № ЗР-528 // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2003. № 25(260), ст.407.

Аналогичная ситуация складывается и с регламентацией права отказа в выдаче лиц, совершивших преступление. Поскольку законодательство всех государств закрепляет принцип невыдачи собственных граждан, то можно сделать вывод, что в качестве основания для отказа выступает государственно-правовой статус лица, в отношении которого разрешается вопрос о выдаче. И только в двух государствах Уголовный кодекс закрепляет более или менее развернутый перечень оснований для отказа в экстрадиции. Так, УК Республики Армения и Республики Казахстан предусматривают возможность отказать в выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что к запрашиваемому лицу может угрожать применение пыток, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, а также в случае угрозы применения смертной казни[1]. Законодатель Республики Армения расширил данный перечень, добавив еще одно основание для отказа, в случае, если имеются основательные причины полагать, что запрос о выдаче поступил по причине расовой, религиозной, национальной принадлежности лица, либо его принадлежности к определенной социальной группе или из-за его политических взглядов.

В настоящее время многими государствами принят специализированный закон, регламентирующий основания и процедуру выдачи лиц, совершивших преступления. Такие законы действуют в Германии, Англии, Бельгии, Нидерландах, Швеции и во многих других странах. Они направлены на развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства государства с закреплением в нем своих национальных интересов. Единственным специализированным законом о выдаче на пространстве СНГ является Закон Азербайджанской Республики «О выдаче лиц, совершивших преступление (экстрадиции)» от 15 мая 2001 г. № 132-IIГ[2]. Положения указанного Закона применяются в случае, когда между Азербайджаном и запрашивающим государством нет международного нормативно-правового акта, регулирующего вопросы выдачи. Закон строго определяет лиц, выдача которых возможна с территории государства, тем самым закрепляется применение принципа невыдачи собственных граждан. Помимо условий экстрадиции Закон содержит достаточно объемный перечень оснований для отказа в выдаче.

Следует отметить, что в октябре 2015 года Парламент Азербайджана принял на пленарном заседании поправки в указанный Закон, предусматривающие увеличение оснований для отказа в выдаче лиц, совершивших преступления на территории государства. Согласно им, Азербайджан вправе отказать в удовлетворении запроса запрашивающего государства, если преступление преследуется в порядке частного обвинения, а также, если законодательством иностранного государства за данное преступление предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы без права на помилование[3]. Отказ в выдаче в случае возможности применения к лицу смертной казни является факультативным основанием, что выражается не в обязанности, а в праве Республики Азербайджан не выдавать лицо. Закон на этот счет уточняет, что запрос о выдаче лица может быть удовлетворен, но только в случае вынесения смертной казни и дачи запрашивающей стороной гарантии не приведения его в исполнение. Если же иностранному государству было отказано в запросе о выдаче лица, то согласно законодательству Республики такие лица могут быть привлечены к уголовной ответственности на территории государства на основании ходатайства запрашивающей стороны. Интересно, что принцип неотвратимости наказания, согласно вышеназванному Закону, является факультативным, следовательно, лишь дает право привлечения к уголовной ответственности лица в соответствии с национальным законодательством после отказа в экстрадиции.

Проанализировав вышеуказанный Закон, Х.З. Нагдалиев приходит к выводу, что он направлен на регулирование отношений Азербайджана с иностранными государствами в сфере экстрадиции, закрепляя четкий перечень условий выдачи, основания для отказа, применение традиционных экстрадиционных принципов, гарантии и защиту основных прав запрашиваемого. А также отмечает, что данный нормативный акт может послужить основой для дальнейшего развития модельного законодательства на пространстве СНГ[4].

Можно отметить, что законодательство стран-участниц СНГ, регулирующее выдачу лиц, совершивших преступление, имеет упорядоченную систему, позволяющую осуществлять международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью на должном уровне, и отвечает современным требованиям международного права. В своем большинстве оно основывается на одних правовых предпосылках, в результате чего прослеживается больше сходств, чем различий, что позволяет на практике достичь высокого уровня эффективности данного института.

На основании изложенных выводов предлагаем заимствовать позитивный опыт нормативного регулирования выдачи лиц, совершивших преступление, который имеется в Республике Азербайджан, а именно создать специализированный внутригосударственный закон об экстрадиции. Такой унифицированный нормативный акт позволит регулировать отношения Российской Федерации с иностранными государствами по вопросам экстрадиции, в случае отсутствия соответствующего международного договора. Будет определена единая процедура выдачи лиц, нормы материального и процессуального

[1] См., например: ст. 9 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // Казахстанская правда. 2014. № 132 (27753); ст. 16 Уголовного кодекса Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528 // Официальные ведомости (вестник) Республики Армения. 2003. № 25(260), ст. 407.

[2] См.: Закон Азербайджанской Республики «О выдаче лиц, совершивших преступление (экстрадиции)» от 15 мая 2001 г. № 132-IIГ // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2001. № 386.

[3] См.: Закон Азербайджанской Республики от 20 октября 2015 года № 1397-IVQD «О внесении изменений в Закон Азербайджанской Республики «О выдаче (экстрадиции) лиц, совершивших преступление» // Азербайджан. 2015. № 246.

[4] См.: *Нагдалиев Х.З.* Единственный на пространстве СНГ специальный закон об экстрадиции – Закон Азербайджанской Республики «О выдаче лиц, совершивших преступления (экстрадиции)» // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 71-74.

права, что позитивно скажется на правоприменительной практике и значительно упростит разрешение коллизионных вопросов при осуществлении экстрадиционной деятельности.

Орлова И.А.
студент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель Савельева Т.А. к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПО СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

Аннотация. *В данной статье затронута проблема ограничений полномочий адвоката-защитника как участника уголовного судопроизводства, все его действия оцениваются как сбор доказательственной информации и только после ее легализации субъектом, имеющим властные полномочия, например, судом происходит формирование доказательства по уголовному делу.*

Ключевые слова: *адвокат, уголовный процесс, сбор доказательств, права адвоката, обязанности адвоката.*

Orlova I.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Savelyeva T.A., Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROCEDURAL CAPABILITIES OF A DEFENSE LAWYER TO COLLECT EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Abstract. *This article deals with the problem of restrictions on the powers of a defense lawyer as a participant in criminal proceedings, all his actions are evaluated as the collection of evidentiary information, and only after its legalization by a subject with authority, for example, by a court, the evidence in a criminal case is formed.*

Keywords: *lawyer, criminal procedure, evidence collection, lawyer's rights, lawyer's duties.*

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепил права адвоката-защитника, которые обеспечивают возможность профессиональной защиты от уголовного преследования, а также активного и допустимого противодействия этих лиц осуществляемому в отношении подозреваемого или обвиняемого уголовного преследования.

Согласно п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ[1] адвокат может использовать любые средства и способы защиты не запрещенных Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Пунктом 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» закреплены обязанности адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами. Все это привело к динамичности правозащитной деятельности и ее правомерности, которые, в свою очередь, актуализировали свое научное направление, связанное с тактикой адвокатской деятельности.

Проблема эффективности тактической оппозиции защиты и обвинения связана с правовыми возможностями, т.к. тактика сторон в различных видах судопроизводства предполагается для всех участников как правомерное поведение, использование разрешенных средств деятельности.

Именно адвокат-защитник как профессиональный участник уголовного судопроизводства может и должен использовать предоставленный ему объем прав, исходя из интересов своих доверителей и общего правила о допустимости всех прямо не запрещенных способов защиты. Однако наличие усмотрения и возможность распоряжаться своими процессуальными правами предполагает и возможность злоупотребления ими.

Как мы знаем УПК РФ предполагает принцип состязательности сторон – стороны обвинения защиты равны перед судом. Во многом этот принцип проявляется как раз в процессе сбора доказательств. Однако действующий УПК РФ не гарантирует реальной состязательности в возможности собирания доказательств именной стороной защиты.

Как известно дознаватель, следователь, прокурор и суд осуществляют сбор доказательств с помощью производства следственных и иных процессуальных действий. Часть 3 статьи 86 УПК РФ закрепила перечень способов, который направлен на собирание доказательств в ходе оказания юридической помощи. Такие же права предусмотрены ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Вместе с тем законодатель не закрепил процессуальный порядок производства этих действий, что на практике вызывает споры и влечет необоснованные решения об отказе в приобщении собранных адвокатом сведений к материалам уголовного дела, а иногда приводит и вовсе к крайним противоречивым решениям. Также в рассматриваемом пункте статьи 86 Уголовно-процессуальном кодекса РФ дан перечень способов собирания доказательств, однако правоохранительные органы имеют более широкий круг полномочий по сбору доказательств, например им доступны такие способы как выемка, обыск. Таким образом полномочия адвоката по сбору доказательств достаточно ущемлены.

В 2004 г. Федеральная палата адвокатов разработала методические рекомендации «Меры по защите профессиональных прав адвоката» (протокол № 5 от 22.04.2004)

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 15.10.2020) // СЗ РФ. 2001. № 51, ч. 1, ст. 4921.

в которых закреплено, что в случае необходимости получения адвокатом документов и предметов осуществлять данные действия только на добровольной основе, с обязательным письменным разрешением владельца этих документов или предметов, в котором будут отражены характерные признаки предмета (документа), обстоятельства его выдачи, добровольность и подпись лица (возможно нотариально). И передача предмета в присутствии 2 граждан (свидетелей). После получения предмета адвокат его детально рассматривает, изучает и после окончания данного действия составить акт, в котором отразить основания, ход и результаты получения предмета[1].

Тем не менее рекомендованные меры не могут защитить «доказательства», представленные адвокатом. Также обвиняемый, подзащитный могут сообщить заведомо ложные сведения о происхождении документов, выдвигает алиби, прибегает к фальсификации документов.

В статье 17 УПК РФ закреплен принцип свободы оценки доказательств, что субъекты доказывания оценивают доказательства на основании своего внутреннего убеждения. В свою очередь Уголовно-процессуальный кодекс не дает детальное урегулирование получения предметов, документов и иной информации, что влечет необоснованные решения об отказе в приобщении собранных адвокатом доказательств к материалам уголовного дела.

Далее пункт 2 части 3 статьи 86 УПК РФ закрепил способ собирания доказательств путем опроса лиц с их согласия. Интервью как уже было сказано проводится толь с согласия опрашиваемых лиц и представляет собой ответы на конкретные заранее подготовленные вопросы, либо в виде пересказа события с поставкой уточняющих вопросов в конце. Федеральная палата адвокатов предложила этот процесс фиксировать специальном документе, например, акте опроса лица. Такой документ должен содержать следующее: сведения об адвокате, который проводил опрос, адвокатское образование, адвокатская палата субъекта РФ, его номер в реестре, номер ордера, данные опрашиваемого: его ФИО, дата и место рождения, его адрес места жительства, место работы, паспортные данные, соответствующая отметка о согласии на опрос, отношения с обвиняемым и с потерпевшим.

Однако Твердова Е.В. в своей статье «Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов» утверждает, что с помощью этого права у адвоката возникла возможность: целенаправленно воздействовать на своего потерпевшего и свидетелей с тем, чтобы те давали «удобные» показания[2].

Хочется отметить, что Баев О.Я. и Баев М.О. в совместной статье «Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам» обратили внимание на то, что защитник не имеет права использовать запрещенные уголовным и уголовно-процессуальным кодексами средства при опросе лиц, например, нельзя добиваться показания путем угроз, насилия опрашиваемых лиц, также нельзя заставить свидетелей и потерпевших к даче ложных показаний и так далее[3].

И рассматривая пункт 3 части 3 статьи 86 УПК РФ, возможность сбора доказательств с помощью истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций или объединений, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии, хотелось бы акцентировать внимание на сроки, в течении которых органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос должны предоставить ответ.

В методических рекомендациях по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Федеральной палаты адвокатов указано, что при направлении запроса допустимо использование бланков адвокатского образования, установленного образца, а при необходимости они могут быть удостоверены печатью соответствующего адвокатского образования и также должны быть указаны сроки реализации адвокатского запроса ссылаясь на законодательство.

Стоит акцентировать внимание на сроки ответа на адвокатский запрос. Согласно ч. 2 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатуре» органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, должны дать на него ответ в письменной форме в тридцатидневный срок со дня его получения, также в некоторых случаях, которые требуют дополнительное времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, что позволяет указанным лицам продлить срок ответа и оповестить адвоката. Таким образом, адвокат, который направил запрос, не может никаким образом повлиять на ускорение процесса дачи ответа на его запрос.

Исходя из общих правил срок дознания производится в течении 30 суток, а предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела, предоставление информации по адвокатскому запросу в сроки, указанные в ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатуре», т.е. до 60 дней, делает бессмысленным запросы адвоката, направленные с целью сбора оправдательных или смягчающих ответственность доказательств, и не может выступать гарантией процессуального равенства сторон.

Если же сравнить сроки ответов на запросы правоохранительных органов, то можно заметить, что данные сроки не закреплены в законодательстве, а лишь установлено, что требования, запросы органов полиции, Следственного комитета обязаны для исполнения всеми лицами к которым они поступили и в сроки, установленные в самом требовании. Из практики известно, что органы правоохранительной деятельности устанавливают сроки менее тридцати дней, что, соответственно, меньше срока

[1] Меры по защите профессиональных прав адвоката. Одобрено Советом Федеральной палаты адвокатов Федеральной палаты (протокол № 5 от 22 апреля 2004 г.). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.12.2020).

[2] *Твердова Е.В.* Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов: информационная система. URL: https://center-bereg.ru/j2338.html (дата обращения: 12.12.2020).

[3] *Баев О.Я., Баев М.О.* Злоупотреблением правом в досудебном производстве по уголовным делам: информационная система. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie2315077.html (дата обращения: 13.12.2020).

ответа на адвокатский запрос. Таким образом, в ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» необходимо внести изменение по уменьшению срока ответа на адвокатский запрос.

Из выше сказанного следует вывод, что полномочия адвоката-защитника как участника уголовного судопроизводства достаточно ущемлены, все его действия оцениваются как сбор доказательственной информации и только после ее легализации субъектом, имеющим властные полномочия, например, судом происходит формирование доказательства по уголовному делу.

Калюжный В.Г.
студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

Островская Н.Б.
к.ю.н., ст. преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

РОЛЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЛОГОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОВЫШЕНИИ НАЛОГОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются налоговая культура и налоговая грамотность как важнейшие факторы экономического развития страны и повышения качества жизни населения. Огромную роль в формировании налоговой культуры и повышении налоговой грамотности играют налоговые органы, одной из основных задач которых является достижение удобного взаимодействия с налогоплательщиками.*

Ключевые слова: *налоговая культура, налоговая грамотность, налогоплательщики, налоговые органы, ФНС России.*

Kalyuzhny V.G.
student of Saratov State Law Academy, Saratov
Supervisor: Ostrovskaya N.B., Candidate of Law, Senior lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva Saratov State Law Academy, Saratov,

THE ROLE OF TAX AUTHORITIES IN THE FORMATION OF TAX CULTURE AND IMPROVING TAX LITERACY OF THE POPULATION

Abstract. *The article considers tax culture and tax literacy as the most important factors of the country's economic development and improving the quality of life of the population. A huge role in shaping the tax culture and improving tax literacy is played by the tax authorities, one of the main tasks of which is to achieve convenient interaction with taxpayers.*

Keywords: *tax culture, tax literacy, taxpayers, tax authorities, the Federal Tax Service of Russia.*

Масштабность задач по формированию налоговой культуры и повышению налоговой грамотности населения Российской Федерации предполагает участие в этой деятельности большого числа заинтересованных лиц.

В российском законодательстве о налогах и сборах понятия «налоговая грамотность» и «налоговая культура» не содержатся и не раскрываются. Следует признать справедливым, что «правовая культура предполагает правовую грамотность должностных лиц и граждан, умение и навыки пользоваться законами в практической жизни, высокую степень уважения, авторитета права, атмосферу законопослушания личности, внутреннюю потребность к соблюдению закона и социально-правовой активности»[1].

Недостаточная налоговая грамотность, по мнению В.А. Авдеевой, «в определенной степени обусловливает низкий уровень налоговой культуры и разрыв между потенциально возможной суммой налоговых поступлений и их фактической величиной»[2]. М.Н. Садчиков считает низкий уровень налоговой культуры одной из основных причин уклонения от уплаты налогов со стороны налогообязанных лиц, а также злоупотребления полномочиями со стороны органов налогового администрирования[3].

Значительную работу в сфере формирования налоговой культуры и повышения уровня налоговой грамотности проводят ФНС России и подведомственные ей налоговые органы путем проведения «открытых уроков и дней открытых дверей, продвижения официального сайта ФНС России и его интерактивных сервисов, а также реализации активной социальной рекламы, семинаров, вебинаров и публичных слушаний»[4].

В частности, в соответствии со ст. 11.2 Налогового кодекса РФ на сайте ФНС России размещен информационный ресурс «Личный кабинет налогоплательщика», предназначенный для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей. «Личный кабинет налогоплательщика» используется налогоплательщиками – физическими лицами для получения от налогового органа документов и передачи в налоговый орган документов (информации), сведений

[1] Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. С. 494.

[2] *Авдеева В.А.* Повышение налоговой грамотности и культуры участников налоговых правоотношений // Интерактивная наука. 2017. № 4 (14). С. 136-140.

[3] См.: *Садчиков М.Н.* Правовая культура в сфере налогообложения как обязательное условие эффективного взаимодействия между налоговыми органами и налогообязанными лицами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 80-83.

[4] Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8831766/ (дата обращения: 08.03.2021).

в электронной форме. Налогоплательщики – физические лица, получившие доступ к личному кабинету, получают от налогового органа в электронной форме документы, используемые налоговыми органами при реализации своих полномочий в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах. Документы, используемые налоговыми органами при реализации своих полномочий в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, налогоплательщикам – физическим лицам, получившим доступ к «личному кабинету налогоплательщика», на бумажном носителе по почте не направляются.

На данный момент Государственной думой приняты в первом чтении поправки в НК РФ, упрощающие оформление вычетов для физических лиц. Законопроект № 1075007-7 предлагает подавать заявления на сайте налоговой, без личного визита в инстанцию[1]. Нововведение касается вычетов по расходам на покупку жилья и выплату процентов по ипотеке, а также инвестиционных вычетов. В случае принятия поправок физические лица смогут подавать заявление на налоговый вычет через личный кабинет налогоплательщика на сайте ФНС России. Сейчас для этого требуется посетить налоговую инспекцию и предоставить декларацию и подтверждающие документы. Предполагается, что право на получение выплат налоговики будут подтверждать самостоятельно, запрашивая в банках информацию о сделках с недвижимостью.

«Закон упростит жизнь многим. Пандемия показала нам, как важно развивать цифровые технологии, делать доступ к госуслугам удаленным, чтобы воспользоваться ими человек мог в любой ситуации», – прокомментировал нововведение председатель Государственной думы В.В. Володин[2].

В настоящее время государство широко и планомерно использует технологические инновации в финансовой деятельности.

При этом, как следует признать, для формирования налоговой культуры и повышения уровня налоговой грамотности необходимы упрощение и визуализация сложной информации по актуальным вопросам налогообложения.

В соответствии со ст. 11.2 Налогового кодекса личный кабинет налогоплательщика – информационный ресурс, который размещен на официальном сайте ФНС России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и ведение которого осуществляется указанным органом в установленном им порядке. Личный кабинет налогоплательщика может быть использован для получения от налогового органа документов и передачи в налоговый орган документов (информации), сведений в электронной форме. Также сервис позволяет физическим лицам уплатить задолженность онлайн. Информация в «Личном кабинете налогоплательщика» визуализирована в удобные схемы, упрощена постановка на учет, а также поиск и оплата налоговых обязательств.

Другой пример – официальное приложение ФНС России для налогоплательщиков налога на профессиональный доход «Мой налог», которое помогает зарегистрироваться и работать на льготном специальном режиме. Приложение обеспечивает все взаимодействие между самозанятыми и налоговыми органами, не требуя личного визита в инспекцию, заменяет кассу и отчетность. С помощью приложения можно сформировать чек, проверить начисления налогов и узнать о сроках уплаты.

Очевидно, что в дальнейшем подобные сервисы продолжат развиваться. С учетом этого необходимо формирование соответствующей правовой базы, обеспечивающей наиболее полное использование их потенциала.

Сотрудники налоговых органов целенаправленно стремятся укоренить в общественном сознании аксиому: уплата налогов – залог существования государства, основа поддержания порядка и законности в стране, обеспечение прав и свобод ее граждан, реализации социальных программ. В частности, в целях повышения налоговой грамотности специалисты Межрайонной ИФНС России № 1 по Саратовской области провели в МОУ Романовская СОШ Романовского района Саратовской области имени И.В. Серещенко урок налоговой грамотности. На проведенном уроке учащимся разъяснили, сотрудники налоговых органов рассмотрели понятие бюджетной системы, а также доходов и расходов государства. Ученикам рассказали, на что расходуются средства из бюджета, проинформировали о видах налогов, в частности, о налогах физических лиц, а также охарактеризовали работу налоговой инспекции. Специалист инспекции провела практическое занятие по заполнению декларации по форме 3-НДФЛ. В завершении урока налоговой грамотности был проведен опрос учащихся о значимости налогов[3].

В заключение следует признать, что быть юридически подкованным, знать основные положения законодательства о налогах и сборах – необходимые навыки каждого гражданина. В связи с этим налоговая грамотность сегодня актуальна не только для крупных компаний или индивидуальных предпринимателей, но и для всех граждан. Огромную роль в формировании налоговой культуры и повышении налоговой грамотности населения Российской Федерации, несомненно, играют налоговые органы, одной из основных задач которых на современном этапе является упрощение процесса уплаты налогов и достижение удобного взаимодействия с налогоплательщиками.

[1] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1075007-7#bh_histras (дата обращения: 09.03.2021).

[2] URL: https://realty.rbc.ru/news/60100d149a79477deec1d166 (дата обращения: 09.03.2021).

[3] Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.ru/rn64/ifns/imns64_01/events/9328654/ (дата обращения: 08.03.2021).

Павлов Е.Ю.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Насиров Н.И., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ КОЛОНИИ: ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Аннотация. *В статье содержится обзор подходов к определению понятия «исправительная колония». В ходе проведенного исследования были выявлены закономерности, по которым данный вид исправительных учреждений подразделяется на соответствующие подвиды. Для выявления специфики исправительных колоний, было проведено более детальное изучение колоний особого режима, отбывание наказание в которых представляет собой наиболее строгую форму реализации наказания в виде лишения свободы. Сделанные выводы привлекут внимание специалистов в области уголовно-исполнительного права, заинтересованных в более четком видении целесообразности разделения пенитенциарной системы для разных категорий осужденных к лишению свободы.*

Ключевые слова: *исправительная колония, особый режим, условия отбывания наказания.*

Pavlov E.Y.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Nasirov N.I. CoL, Associate Professor Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CORRECTIONAL COLONIES: GENERAL AND DISTINCTIVE FEATURES

Abstract. *The article provides an overview of approaches to the definition of the concept of «correctional colony». In the course of the study, patterns were identified according to which this type of correctional institution is subdivided into the corresponding subspecies. To identify the specifics of correctional colonies, a more detailed study of special regime colonies was carried out, where the serving of a sentence is the most severe form of punishment in the form of imprisonment. The conclusions drawn will attract the attention of specialists in the field of criminal executive law, who are interested in a clearer vision of the expediency of dividing the penitentiary system for different categories of prisoners sentenced to imprisonment.*

Keywords: *correctional colony, special regime, isolation, legal restrictions, categories of convicts, conditions for serving a sentence.*

Исправительные учреждения (далее по тексту – ИУ), составной частью которых являются исправительные колонии (далее по тексту – ИК), предназначены, с одной стороны, для обеспечения изоляции осужденных к лишению свободы, а с другой, – обеспечения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства России. Необходимо помнить, что изоляция осужденного от общества – это не самоцель. Она необходима для того, чтобы человек, отбывающий наказание, исправился и в дальнейшем воздерживался от совершения нового преступления. При этом следует заметить, что в каждом ИУ изоляция осужденного от общества имеет свой объем и свои параметры, которые зависят от характера, степени общественной опасности совершенного деяния и личности виновного. Сказанное свидетельствует о том, что осуществление исправительного воздействия на лиц, совершивших преступление, должно иметь дифференцированный характер. По этим причинам условия содержания осужденных в разных ИУ имеют свои особенности. Однако между всеми ИУ встречаются и общие черты.

Целью исследования является определение общих и отличительных черт ИК особого режима, отбывание наказание в которых представляет собой наиболее строгую форму реализации наказания в виде лишения свободы, и других видов ИК.

Прежде чем говорить о сходствах и различиях ИК особого режима с другими видами ИК, следует начать со значения самого понятия «исправительная колония». По мнению А.В. Малько, ИК – это один из видов ИУ в соответствующей уголовно-исполнительной системе РФ; специализированное, строго охраняемое учреждение закрытого типа (за исключением колонии-поселения), предназначенное для физической изоляции от общества и исправления лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы[1]. В настоящее время ИК делятся на: колонии-поселения, ИК общего режима, строгого режима и особого режима[2].

На основании действующего отечественного уголовно-исполнительного законодательства, можно назвать несколько общих черт ИК уголовно-исполнительной системы России, а именно:

1) наличие единой задачи функционирования (исполнение наказания в виде лишения свободы);

2) факт единого направления, методов (на основе психологии и педагогики), формы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы (в сторону улучшения нравственности, морали, труда, физической культуры, правовой сознательности), которые способствуют их исправлению;

3) существование одинаковых разновидностей условий отбывания наказания осужденных (обычные, облегченные и строгие условия отбывания наказания), за исключением колоний-поселений;

Теперь, когда были названы общие черты ИК, стоит обратить внимание на различия между ИК особым режимом и остальными ИК, которые можно отметить по нескольким критериям:

1) по категориям осужденных по половому и возрастному признаку, характеру и степени совершенного деяния (в ИК особом режиме содержатся мужчины,

[1] См.: Большой юридический словарь / Академик. URL: https://big_law.academic.ru/562 (дата обращения: 09.03.2021).

[2] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 2013. № 30, ч. 1, ст. 63.

осужденные к пожизненному лишению свободы и при особо опасном рецидиве (п. «г» ч. 1 ст. 58 УК РФ[1]), в то время как с другими видами ИК имеет место более широкий контингент осужденных (в общий режим попадают мужчины за тяжкие преступления, ранее не отбывавшие лишение свободы, а также женщины за тяжкие преступления, в любом виде рецидива);

2) по объему правовых ограничений: в отличие от других ИК, в ИК особого режима осужденные содержатся в условиях строгой изоляции – запираемые помещения[2], а в других ИК (напр., в ИК общего режима), осужденные могут содержаться в общежитиях;

3) по срокам изменения условий содержания осужденных к лишению свободы заключается. Например, осужденные, содержащиеся в обычных условиях в ИК особого режима, при наличии указанных в ч. 2 ст. 124 УИК РФ оснований, по отбытии не менее одного года срока наказания могут быть переведены в облегченные условия. В ИК строгого режима такой перевод возможен по отбытии не менее девяти месяцев срока наказания (ч. 2 ст. 122 УИК РФ[3]).

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что между ИК разного вида имеются общие черты. В то же время, каждое ИУ обладает своими специфическими особенностями, которые позволяют дифференцировать степень контроля и объем уголовно-исполнительного воздействия на содержащихся в них осужденных и тем самым способствуют достижению целей, стоящих перед уголовно-исполнительным законодательством России.

Панкратова У.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Лопашенко Н.А., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. *В данной статье рассмотрены некоторые особенности уголовной ответственности за организацию террористического сообщества и руководство им. Проведен анализ определения террористического сообщества, целей его создания и специального вида освобождения от ответственности. Предложен вариант статьи УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за организацию террористической группы и участие в ней.*

Ключевые слова: *террористическое сообщество, организованная группа, преступное сообщество, формы соучастия, террористическая деятельность, освобождение от уголовной ответственности.*

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 99.

[2] См.: Чем отличаются режимы в колониях: общий, строгий, особый // Навигатор по учреждениям и сервисам ФСИН России. URL: https://fsin.ru/articles/chem-otlichayutsya-rezhimy-v-koloniyakh-obshchiy-strogiy-osobyy (дата обращения: 09.03.2021).

[3] См.: «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2020) // СЗ РФ. 2003. № 49, ст. 26.

Pankratova U.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Lopashenko N.A. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CRIMINAL LAW RESPONSE TO ORGANIZATION OF THE TERRORIST COMMUNITY

Abstract. *This article examines some features of criminal liability for organization and leadership of the terrorist community. The definition of a terrorist community, the goals of its creation and a special type of release from criminal responsibility were analyzed. A variant of the article of the Criminal Code of the Russian Federation, providing for criminal liability for the organizing and participating in a terrorist group, is proposed.*

Keywords: *terrorist community, organized criminal group, criminal association, forms of complicity, terrorist activities, release from criminal responsibility.*

Катализатором принятия Федеральным Собранием РФ решения о введении в Уголовный кодекс РФ 1996 г. статьи 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» в 2013 г.[4] и последующего ужесточения ответственности за нарушение установленного уголовно-правового запрета[5] выступили чудовищные последствия непрерывно растущей террористической преступности[6], исполнение международно-правовых обязательств, учащение сообщений о деятельности (и ее пресечении) транснациональных и локальных террористических сообществ, к организации которых бывают причастны и лица, занимающих руководящие должности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы[7].

[4] Федеральный закон от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 44, ст. 5641

[5] Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19, ст. 2335; Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28, ст. 4559.

[6] Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2020. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/terrorism (дата обращения: 03.02.2021).

[7] См., например: Возбуждены уголовные дела в отношении начальника ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Калмыкия и бывшего сотрудника. URL: https://sledcom.ru/news/item/1482987 (дата обращения: 18.03.2021); В воронежской колонии пресекли деятельность

Но что именно подразумевается под террористическим сообществом и какие цели оно преследует?

В соответствии с ч. 1 ст. 205.4 УК РФ под террористическим сообществом понимается «устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма».

Посредством сравнения легального определения и понятий, данных в ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ, легко обнаружить, что оно отвечает требованиям, предъявляемым к организованной группе, а не преступному сообществу: не являются обязательными такие признаки, как структурированность и цель получения материальной выгоды (хотя, конечно, они могут иметь место в некоторых террористических объединениях). Помимо того, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[1] прямо называет террористическое сообщество организованной группой (абзац 2 п. 22.2).

Обобщая изложенное, можно дать краткое определение террористического сообщества – это организованная группа, целью которой является совершение преступлений террористической направленности.

Во избежание рассогласованности понятийного аппарата учеными предлагаются различные варианты разрешения сложившегося противоречия[2], суть которых сводится к следующему:

1) изменение ст. 35 УК РФ (включение в нее новой формы соучастия «террористическое сообщество»);

2) изменение ч. 1 ст. 205.4 УК РФ (введение в нее недостающих признаков преступного сообщества);

3) замена террористического сообщества общим «экстремистским объединением»[3].

Каждое предложение представляет интерес и в то же время может повлечь негативные последствия: введение новых организационных форм вынудит уяснять их место среди иных форм соучастия и вызовет новые дискуссии, что скажется и на правоприменительной деятельности; наделение террористического сообщества новыми признаками приведет к декриминализации организации, руководства и участия в отношении организованной группы.

Исходя из имеющегося в уголовном законе определения, судебного толкования и зарубежного опыта регламентации уголовной ответственности за совершение анализируемых деяний, можно заключить, что переименование террористического сообщества в террористическую группу позволит устранить коллизию норм Общей и Особенной частей УК РФ без дополнительной разработки новых форм преступного союза лиц.

Не менее важным проблемным аспектом является целеполагание.

В соответствии с п. 2 ст. 3 ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[4] ряд закрепленных в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ деяний охватывается понятием «террористическая деятельность», в связи с чем законодательное разделение осуществления террористической деятельности и совершения входящих в нее определенных преступлений в диспозиции нормы Особенной части УК РФ является излишним.

Кроме того, алогично включение в текст статьи цели подготовки общественно опасных деяний террористического характера, поскольку само по себе приготовление к совершению преступления без воплощения в жизнь разработанного плана посягательства на объекты уголовно-правовой охраны не имеет смысла и не может быть предвосхищаемым результатом деятельности преступного сообщества. Как правило, оно создается в целях совершения террористических актов, убийств сотрудников правоохранительных органов или принуждения их к сокрытию преступлений, совершенных членами террористической группы или иными указанными ими лицами[5].

Требует уточнения такая цель террористического сообщества, как совершение иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Во-первых, по смыслу примечания 2 к ст. 205.4 УК РФ поддержка толкуется весьма широко, поглощая, в том числе, пропаганду и оправдание терроризма, которые можно рассматривать как «любую иную помощь, способствующую осуществлению террористической деятельности». Во-вторых, достаточно сложно доказать, что общеуголовное преступление совершено именно с целью поддержки терроризма, и норма в этой части применяться будет крайне редко[6]. Кроме того, ст. 205.1 УК РФ позволяет государству реагировать на случаи оказания какой-либо помощи террористам. Следовательно, для упрощения восприятия ст. 205.4 УК РФ, с учетом требований краткости и точности[7], имеющих огромное значение при формулировании уголовного закона, желательно исключить рассмотренную цель из диспозиции.

Необходимо внести ясность и в примечание 1 к ст. 205.4 УК РФ. В действующей редакции оно сформули-

---

террористической сети. URL: https://rg.ru/2020/11/16/reg-cfo/v-voronezhskoj-kolonii-raskryta-terroristicheskaia-set.html (дата обращения: 19.03.2021).

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[2] См.: *Аулов А.Н.* О понятии террористического сообщества // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-terroristicheskogo-soobschestva (дата обращения: 14.03.2021)

[3] См.: *Саркисов Д.Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovye-sredstva-protivodeistviya-ekstremistskoi-deyatelnosti (15.03.2021).

[4] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

[5] См., например: Предъявлено обвинение организатору и участникам террористического сообщества. URL: https://sledcom.ru/news/item/1490695 (дата обращения: 19.03.2021).

[6] См.: *Егорова Н.А.* Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-terrorizmu-novelly-ugolovnogo-zakonodatelstva (дата обращения: 15.03.2021).

[7] См., например: Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 380.

ровано таким образом, что при соблюдении перечисленных в нем условий подлежат освобождению от уголовной ответственности любые лица, состоящие в террористическом сообществе, в том числе организаторы и руководители. О возможности их освобождения дано разъяснение в п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»[1], согласно которому для этого требуется добровольно прекратить участие «в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп».

В целях повышения эффективности противодействия организованной террористической преступности следует распространить действие примечания исключительно на рядовых участников преступного объединения. Последним, в большинстве случаев, суд назначает и более мягкое наказание при наличии к тому оснований[2].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что решение законодательного органа о признании исследуемого деяния уголовно наказуемым является верным и объективно необходимым. Однако оно не лишено недочетов, исправление которых позволит улучшить и правоприменительную деятельность.

В заключение предлагается изложение ст. 205.4 УК РФ в следующей редакции:

Статья 205.4 УК РФ. Организация террористической группы и участие в ней

1. Создание террористической группы, т.е. устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, а равно руководство такой террористической группой, ее частью или входящими в такую группу структурными подразделениями -

наказываются ...

2. Участие в террористической группе -

наказывается ...

Примечание. Лицо, совершившее деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если оно добровольно прекратило участие в террористической группе, сообщило о ее существовании и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в террористической группе в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 06.02.2018 № 201-АПУ18-1 // СПС «КонсультантПлюс».

Планская Ю.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Лазарева О.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ В АНТИКОРРУПЦИОННОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. *Толкование правовых актов на всем протяжении развития права и законодательства не теряет своей актуальности, поскольку процесс правореализации невозможен без осмысления и разъяснения смысла правовой нормы. Необходимо уделить особое внимание и усовершенствовать законодательные положения относительно устранения и недопущения наличия в тексте правового акта коррупциогенных факторов, вызванных неоднозначностью нормы.*

Ключевые слова: *толкование права, правоприменение, коррупциогенные факторы*

Planskaya Y.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Lazareva O.V. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

INTERPRETATION OF LEGAL ACTS IN ANTI-CORRUPTION ASPECT

Abstract. *The interpretation of legal acts throughout the development of law and legislation does not lose its relevance, since the process of legal implementation is impossible without understanding and clarifying the meaning of a legal norm. It is necessary to pay special attention and improve the legislative provisions regarding the elimination and prevention of the presence of corruption-generating factors in the text of a legal act caused by the ambiguity of the norm.*

Keywords: *interpretation of law, law enforcement, corruption factors.*

Толкование нормативных правовых актов является необходимой деятельностью, осуществляемой субъектами права, существенно упрощающей процессы правоприменения и, в частности, правореализации.

Процесс реализации права невозможен без осмысления и разъяснения смысла правовой нормы. Так, толкование права – это интеллектуально-волевая деятельность уполномоченных субъектов права по уяснению и разъяснению смысла правовых норм, с целью определения их точного значения, обеспечения единообразного применения правовых актов, исключения их противоречивости. Сущность толкования как мыслительного процесса заключается в установлении содержания норм права посредством определения значений и смысла терминов и выражений (знаков естественного языка), заключенных в нормативных актах.

Проблемам толкования на всех этапах развития теории права и правоприменения уделялось достаточное

внимание ученых. К примеру, теоретико-правовому исследованию сущности и проблем толкования права посвящено немало известных трудов таких видных деятелей науки как Г. Гроций, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, Э. Бетти. Эти исследования заложили фундамент теоретических построений более поздних разработчиков правовой герменевтики[1].

В настоящее время различные аспекты проблемы толкования не теряют своей актуальности как для исследователей-теоретиков, так и для юристов-практиков. Безусловно, это обуславливается постоянным динамичным развитием права и законодательства, а как следствие увеличением нормативно-правового массива, недостаточной проработкой и унификацией терминологии, обилием отсылочных и бланкетных норм. Перечисленные факторы обосновывают важность развития юридической техники, поиска и исследования новых эффективных подходов к процедуре толкования.

Необходимо обратить отдельное внимание на тот факт, что политическая и законодательная системы нашего государства развивается достаточно динамично, что обуславливает появление все большего количества разнообразных способов злоупотребления правоприменителем своими правами, а также использования существующих пробелов и коллизий действующего законодательства в заведомо противоправных, коррупционных целях.

Следовательно, особого теоретического исследования и практического решения требует проблема противодействия коррупции, имеющая место в сфере толкования нормативных правовых актов, с целью своевременного выявления их коррупционного потенциала и недопущения противоправного влияния на право и законодательство.

Важно учитывать, что не существует единого подхода к определению понятия «толкование права». Однако, большинство исследователей данного вопроса сходятся во мнении, что толкование является сложным интеллектуально-волевым процессом определения точного смысла и значения нормы права, ее цели, социальной направленности, а также прогнозирования возможных последствий действия данной нормы.

До настоящего момента остается открытым вопрос о том, что должно выступать в качестве объекта толкования – «буква» закона, т.е. словесное выражение смысла правовой нормы или «дух» закона, т.е. воля законодателя, выраженная в смысле нормы? Так, как отмечала О.М. Беляева, объектом толкования должен выступать текст закона, а основная задача толкования заключается в определении смысла сформулированного законодателем положения, а не того, что он хотел выразить[2].

Однако, одной из самых частых проблем, затрудняющих процесс толкования, является противоречие воли и волеизъявления законодателя. Причинами двоякого смысла правовых актов могут выступать: нечеткость формулирования мысли законодателем, многозначность употребляемых языковых единиц, неразработанность необходимых правовых терминов и т.п.

Особую важность, учитывая вышесказанное, приобретает вопрос коррупционного потенциала правового акта. Если положения акта имеют явное противоречие воли и волеизъявления законодателя, или, иначе говоря, словесной формы и истинного смысла, вкладываемого законодателем в норму, то возможность двоякого толкования – в пользу «буквы», либо в пользу «духа» закона, может стать основанием совершения правоприменителем коррупционных действий.

Как известно, в настоящее время избавление действующего российского законодательства от актов и отдельных норм, обладающих коррупционным потенциалом, является одним из основных направлений совершенствования законодательного регулирования. Основные направления и принципы антикоррупционной политики закреплены в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[3]. Так, статья 6 указанного акта содержит положение, согласно которому мерой профилактики коррупционных нарушений является антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов.

Постановлением Правительства РФ № 96 от 26 февраля 2010 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» была утверждена Методика, согласно которой, коррупциогенным фактором может выступать регламентация компетенции формулировкой «вправе». Отмечается, что данная формулировка может повлечь «диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) коррупционных действий в отношении граждан и организаций»[4].

Если провести соответствующий анализ юридических норм, то можно отметить, что многие акты и их отдельные положения содержат необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также нормы, закрепляющие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и, таким образом, создающие благоприятные условия для проявления коррупции как в рамках толкования, так и правоприменения.

В качестве примера, иллюстрирующего вышесказанное, можно привести пункт 6 статьи 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[5],

---

[1] См.: *Барабаш О.В.* К проблеме толкования правовых документов: антикоррупционный аспект // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 209-211.

[2] См.: *Беляева О.М.* Объект толкования права: воля закона («буква» закона) или воля законодателя («дух» закона)? // Законы России: опыт анализа, практика / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. 2010. № 11. С. 104.

[3] Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2008. № 52, ст. 6228.

[4] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. от 31.07.2020) (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

[5] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения госу-

содержащий коррупциогенный фактор, заключающийся в юридико-лингвистической неопределенности: применение в формулировке положения нормы категории оценочного характера, выраженной использованием законодателем в тексте нормы наречия «незамедлительно». Данная формулировка исключает возможность точного определения срока, в течение которого закрепленная правовой нормой обязанность подлежит исполнению: «В случае выявления в составе комиссии указанных лиц заказчик, принявший решение о создании комиссии, обязан незамедлительно заменить их другими физическими лицами, которые лично не заинтересованы в результатах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и на которых не способны оказывать влияние участники закупок»[1]. В указанной ситуации представляется целесообразным определения и закрепления в тексте нормы конкретного срока для замены членов комиссии, что позволило бы избежать юридико-лингвистической неопределенности и придало выражению воли законодателя точность и однозначность. Исследуемый правовой акт обладает большим количеством отсылочных норм, обуславливающий перераспределение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти и существенно затрудняющих правоприменение.

Необходимо отметить, что основным коррупциогенным фактором в сфере толкования правовых актов выступает возможность неоднозначности толкования, обуславливающая вероятность использования правоприменителем широких пределов усмотрения или необоснованного исключения из общих правил в заведомо противоправных, коррупционных целях. При проведении процедуры толкования текста правового акта, в том числе направленной на своевременное выявление в нем коррупционного потенциала, важную роль играет план языкового выражения. Это обуславливается в первую очередь тем, что как только текст нормы проходит стадию официального опубликования, смысл правовой нормы перестает перестает подчиняться воле законодателя, иными словами, происходит разграничение текста и его автора, и с этого момента все субъекты правовой коммуникации самостоятельно производят интерпретацию правовой нормы опираясь на формулировки текста.

Опираясь на вышесказанное, важным критерием эффективного правового регулирования и правоприменения является перенесение акцента при толковании нормы в сторону адресата, что имеет особую практическое значения для исследования проблем толкования текста правового акта в антикоррупционном аспекте.

Итак, вопросам проблематики толкования норм правовых актов в антикоррупционном аспекте необходимо уделить особое внимание с целью недопущения наличия в правовых актах норм, обладающих неоднозначным смыслом, провокации недобросовестного толкования таких норм различными субъектами с целью совершения коррупционных действий. Вышеперечисленные проблемы можно решить посредством формирования, законодательного закрепления и развития инструментов анализа текста правовых норм учеными-филологами и юристами совместно, с целью формирования более качественного, однозначного и непротиворечивого законодательного массива, исключающего возможность интерпретации тех или иных правовых норм, направленной на противоправное удовлетворение своих потребностей или достижение каких-либо целей путем недобросовестного толкования текста нормы в свою пользу субъектами правоприменения. Необходимо более детально регламентировать процедуру толкования, с учетом особенностей русского языка и обеспечив должную подготовку специалистов.

Было бы уместным обеспечить толкование нормативно-правовых актов на стадии их разработки, что позволило бы избежать разночтений на стадии правоприменения (в юридической литературе такое толкование именуется проспективным). Для успешной и эффективной реализации проспективного толкования представляется целесообразным формирование в наделенных правотворческой функцией органах специализированных комиссий. Структуру таких комиссий должны составлять как представители уполномоченных государственных органов, так и привлекаться представители научных и профессиональных кругов. С учетом повышенной сложности и масштабности правотворчества важно определить, тексты каких актов будут подлежать проспективному толкованию (например, в зависимости от сферы регулирования, вида и информативности нормативного правового акта и т.д.)[2].

Таким образом, нельзя недооценивать важность процесса толкования текста правовых актов, т.к. четкость и точность толкования во многом обеспечивает правильное, качественное и эффективное правоприменение с избежанием возможности недобросовестного поведения правоприменителя, обусловленное неоднозначностью законодательных положений, на что в конечном итоге и направлен процесс толкования.

дарственных и муниципальных нужд» (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

[2] См.: *Султанова С.* Толкование норм права – как важный фактор правоприменения // Review of law sciences. 2018. № 3. С. 5.

Погорелова А.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Гвоздева И.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. *Раскрытие похищений детей возможно лишь при умелом взаимодействии правоохранительных органов и гражданского населения. В результате проведенного исследования предлагается рекомендовать: активное внедрение в процесс раскрытия преступлений систему взаимодействия с поисковыми отрядами и волонтерами; рассмотрение в качестве важного средства борьбы с преступлениями данного вида поиска несовершеннолетнего и заподозренного лица, а системы реагирования на сообщения об исчезновении ребенка.*

Ключевые слова: *похищения детей; преступление; раскрытие преступления; противодействие преступности.*

Pogorelova A.V.
FGBOU VO "SGUA", Saratov
Scientific supervisor: Gvozdeva I.S., *Candidate of Law, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "SSLA", Saratov*

FEATURES OF CRIMINALLY SIGNIFICANT ELEMENTS OF CHILD ABDUCTION

Abstract. *The detection of child abductions is possible only with the skillful cooperation of law enforcement agencies and the civilian population. As a result of the conducted research, it is proposed to recommend: active implementation of the system of interaction with search teams and volunteers in the process of solving crimes; the consideration of this type of search for a minor and a suspected person as an important means of combating crimes, and the system of responding to reports of the disappearance of a child.*

Keywords: *child abduction; crime; crime detection; crime prevention.*

Дети являются одной из самых социально-незащищенных категорий населения. В соответствии с законодательством РФ, до 18 лет ребенок считается несовершеннолетним и не обладает полной дееспособностью. Соответственно, до наступления совершеннолетия ребенок должен находиться под присмотром родителей, законных представителей. Но бывает, когда ребенок пропал и не выходит на связь. В таком случае родителя, законные представители обращаются в правоохранительные органы с заявлением. Работа по поиску пропавшего ребенка, установлению криминалистически значимой информации является многогранной и имеет свои особенности.

Основными причинами пропажи несовершеннолетних является: побег из дома; несчастные случаи и похищения. Если первый случай является волеизъявлением ребенка, второй – волеизъявлением судьбы, то в третьем случае по отношению к ребенку совершаются противоправные действия со стороны третьих лиц[1]. Иванов Д.Л. отмечает, что похищение человека – прежде всего это его захват. При похищении преступник ограничивает физическую свободу человека.

В соответствии с данными Международного центра «Поиск пропавших и эксплуатируемых детей» (ICMEC) в мире ежегодно пропадает до 8 миллионов детей. Российская статистика похищения детей значительно отличается от статистики зарубежных стран. Например, в США ежегодно поступает от 800-900 тысяч заявлений о пропаже детей[2]. Из них 250 тысяч случаев похищения детей их родителями, но в России такие случае не квалифицируются как похищения. Однако бывают случаи, когда дети получают травмы и погибают в результате таких похищений. Родитель может похитить ребенка и убить, а потом свести счеты со своей жизнью. Например, в Башкирии в августе 2019 года женщина развелась со своим супругом и решила устроить свою личную жизнь, но она посчитала, что ее годовалый сын от первого брака ей будет мешать, и она закопала ребенка заживо. В полиции женщина заявила, что ребенка похитил родной отец. Ребенка трое суток искала и полиция, и волонтеры, но потом женщина призналась.

Не менее распространены случаи похищения детей с целью получения за них выкупа. Чаще всего, этому подвержены дети из обеспеченных семей. Похитителем или организатором может являться человек, которому родители доверяют больше всего. При требовании выкупа, как правило, преступник сам выходит на связь и озвучивает свои требования для возврата ребенка. В таком случае, раскрыть преступление по горячим следам, задержать лицо – дело времени, с учетом налаженного взаимодействия в рамках следственно-оперативной группы[3]. Отмечается и такой мотив для похищения, как продажа ребенка на черном рынке. На ребенка подделывают документы и вывозят с территории.

Авдеев В.А. и Авдеева В.Е. считают, что в России за последнее время участились случаи похищения детей с целью попрошайничества[4]. Детям вводят наркотические вещества или вещества, для ведения их в сонливое состояние. Как правило, смерть ребенка наступает через два месяца. Тем не менее, бывают случаи более взрослых детей. Например, в 2018 г. волонтеры помогли освободиться 12– летней девочке, которую выкрали из детского дома в Луганской области. Девочку привезли в Москву

[1] См.: *Иванов Д.Л.* Исследование проблемы похищения детей. 2014. № 3. С.65-69.

[2] См.: *Дворкин А.И.* Расследование похищения людей. 2013. С.284-286.

[3] См.: *Рывкин С.Ю.* Доктринальные положения процессуальных, поисково-познавательных, тактических действий при расследовании убийств, совершенных организованными группами. 2019. С.86.

[4] См.: *Авдеев В.А., Авдеева Е.В.* Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы //Российский судья. 2018. №. 4 С. 26-28.

и заставили попрошайничать, но девочка сориентировалась и смогла попросить помощи. Еще распространенной причиной похищения детей является изъятие органов. Например, в Украине в 2013 г. зарегистрировано такое преступление. В супермаркете пропал ребенок, при этом камеры зафиксировали, как неизвестная женщина тянула упирающего ребенка. Ребенок нашелся спустя три месяца. Родители у ребенка обнаружили с правой стороны шрам, как оказалось ребенку вырезали надпочечник. Как и с какой целью это было сделано, выяснить не удалось. Так же есть еще один случай похищения. В Киеве украденную девочку вернули родителям с запиской в кармане. В записке было указано, что у ребенка нет почки. Раньше «черные трансплантологи» брали детей из интернатов и детских домов. Но здоровье у таких детей, как правило, весьма слабое, тогда преступники начали присматриваться к более здоровым детям. Бывают и иные причины похищения детей.

В криминалистической практике по раскрытию рассматриваемых происшествий и преступлений распространенным следует признать налаживание взаимодействия с общественностью. Также предлагается настоящую проблематику освещать широко в средствах массовой информации. Несмотря на то, что проблема является более чем актуальной, информации о похищении детей практически нигде не встречается. Родители должны быть лучше осведомлены о том, что происходит с детьми, что нельзя общаться с незнакомцами и как вести себя, если ребенок оказывается в опасности.

С учетом проведенного исследования, представляется возможным рекомендовать при раскрытии преступлений, связанных с похищением детей:

- активно внедрять в процесс раскрытия преступлений систему взаимодействия с поисковыми отрядами и волонтерами;
- рассматривать в качестве средства борьбы с преступлениями данного вида поиск несовершеннолетнего и заподозренного лица, а также противодействие преступным действиям путем реагирования, в том числе с привлечением средств массовой информации.

Рассмотрение криминалистически значимых элементов похищения детей, безусловно, способствуют эффективности процесса расследования преступлений в отношении несовершеннолетних, связанных с их похищением. Раскрытие этих преступлений, по моему мнению, возможно лишь при умелом взаимодействии правоохранительных органов и населения. Для положительного результата необходимо начинать действовать как можно более оперативно. Также следует отметить, что ответственность за безопасность несовершеннолетних лежит, в первую очередь, на взрослых.

Почуев Д.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Лапунин М.М., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И ПЕРПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДАННОГО ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *настоящая статья посвящена уголовно-правовой оценке смертной казни, а также проблемным аспектам данного вида уголовного наказания; анализируется место смертной казни в российском уголовном и конституционном праве, рассматриваются перспективы возобновления ее применения либо полной отмены.*

Ключевые слова: *смертная казнь, уголовное наказание, уголовное право.*

Pochuev D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Lapunin M.M., Candidate of Juridical Sciences, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

DEATH PENALTY: CRIMINAL ASSESSMENT AND PROSPECTS FOR APPLICATION OF THIS TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA

Annotation. *This article is devoted to the criminal-legal assessment of the death penalty, as well as the problematic aspects of this type of criminal punishment; the place of the death penalty in Russian criminal and constitutional law is analyzed, the prospects for its resumption or complete abolition are considered.*

Keywords: *death penalty, criminal punishment, criminal law.*

Смертная казнь, вне всякого сомнения, является одним из самых известных и наиболее древних видов уголовного наказания. В зависимости от особенностей законодательства и общественного строя того или иного государства в конкретный исторический период, смертная казнь назначалась за совершение самых разных преступных деяний: от убийства или кражи до оскорбления правителя или члена его семьи.

Однако в современном мире круг преступлений, которые влекут за собой самое суровое из возможных наказаний, достаточно узок. Такой вывод можно сделать, ознакомившись, например, с соответствующими положениями Международного пакта о гражданских и политических правах. В части 2 статьи 6 данного пакта сформулирован основной принцип назначения смертной

казни: «В странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления в соответствии с законом, который действовал во время совершения преступления и который не противоречит постановлениям настоящего Пакта и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Это наказание может быть осуществлено только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом»[1]. Положения Конституции Российской Федерации о смертной казни вполне согласовываются с указанной международно-правовой нормой. В соответствии с частью 2 статьи 20 Основного закона данное наказание (которое, как хорошо известно, в настоящее время в России не применяется), устанавливается уголовным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей[2].

Итак, уголовное наказание в виде смертной казни формально предусмотрено Конституцией и Уголовным кодексом РФ (а именно ст. 59); порядок исполнения обстоятельно изложен в главе 23 Уголовно-исполнительного кодекса. И хотя, как было сказано выше, лицам, признанным судом виновными в совершении особо тяжких преступлений против жизни, исключительная мера наказания не может быть назначена, все же неизбежно возникает ряд связанных с данным обстоятельством вопросов. Во-первых, насколько правомерным является лишение человека жизни по приговору суда как таковое? Во-вторых, насколько уместно наличие в российском законодательстве норм о смертной казни вообще, коль скоро она не применяется вот уже двадцать с лишним лет? Наконец, какова дальнейшая судьба данного вида уголовного наказания в России? Последний вопрос представляется особенно актуальным, если вспомнить, что ни власть, ни общественность не имеют на этот счет единого мнения.

О значении и характере смертной казни, уровне ее соответствия целям и задачам уголовного закона ученые, в том числе и в России, спорят не одно десятилетие. Следует ли считать существование в российском законодательстве данного вида наказания (пусть и формальное) противоречащим тем принципам, которые заложены в Конституции Российской Федерации и источниках международного права? Для ответа на этот вопрос достаточно обратиться к упомянутым выше нормам. Ни Основной закон России, ни являющиеся составной частью отечественного законодательства международные правовые акты не исключают возможность лишения человека жизни по приговору суда. Следовательно, существующие в российском уголовном законе положения о смертной казни не только не противоречат нормам статьи 20 Конституции РФ, но и дополняют их, раскрывая случаи и порядок применения данного вида наказания; лишение человека жизни по приговору суда, таким образом, не может считаться убийством, но является разновидностью правомерного лишения жизни.

Однако возникает другой вопрос: не противоречит ли российская Конституция в соответствующей части сама себе? Как можно провозглашать неотчуждаемость основных прав и свобод человека, в том числе права на жизнь, но при этом в определенных случаях предусматривать возможность лишения этого права? Ответ на данный вопрос необходимо искать в соотношении доктрин естественного и позитивного права. Дело в том, что в естественно-правовом смысле жизнь рассматривается как абсолютное благо, которое не может быть отнято ни при каких обстоятельствах. Но понимание права на жизнь наполняется иным смыслом, когда высокая идея принимает облик писаной нормы, из которой возможны свои исключения. Другими словами, законодатель, признавая и гарантируя право каждого человека на жизнь, все же не придает этому праву абсолютный характер, но устанавливает определенные разумные пределы для его обеспечения[3].

Вопрос о целесообразности самого наличия в перечне наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, смертной казни, обсуждается специалистами на протяжении многих лет. Разобраться в данном вопросе будет проще, предварительно рассмотрев причину той неоднозначной ситуации, которая сложилась в России вокруг смертной казни.

Российская Федерация, как известно, в апреле 1999 года подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которым «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» (исключение из этого положения составляют лишь случаи применения смертной казни в военное время)[4]. Протокол был подписан, но не ратифицирован, вследствие чего de jure смертная казнь в России существует до сих пор. Однако фактическое положение дел говорит об обратном. То обстоятельство, что Протокол № 6 не был ратифицирован, вовсе не означает, что применение смертной казни на территории Российской Федерации можно так просто возобновить. Об этом, прежде всего, свидетельствует позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в Постановлении от 02.02.1999 № 3-П; для краткости представляется уместным привести выдержки из Определения от 19.11.2009 № 1344-О-Р, которые разъясняют значение Протокола № 6 для российского права: «Тот факт, что Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь»[5]. Далее Конституционный Суд ссылается

[1] См.: «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Белобрагина Н.А.* Ограничение конституционного права на жизнь // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 26.

[4] См.: Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни ETS № 114 (Страсбург, 28 апреля 1983 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС «ГАРАНТ».

[5] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР,

на Венскую конвенцию о праве международных договоров от 23.05.1969, обязывающую государство воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, в том числе если оно подписало договор. Суд подводит итог: «Поскольку основным обязательством по Протоколу № 6 является полная отмена смертной казни, включая изъятие из законодательства данного вида наказания за все преступления, за исключением «действий, совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны», и отказ от его применения за тем же исключением, в России с 16 апреля 1997 года смертная казнь применяться не может, т.е. наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться»[1].

Приведенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволяет со всей уверенностью сказать, что de facto смертная казнь в России отменена. В то же время полная и окончательная ее отмена невозможна без внесения соответствующих изменений в Основной закон и Уголовный кодекс. Существует мнение, что неоднозначная трактовка части 2 статьи 20 Конституции создает риски возобновления применения данного вида уголовного наказания, подчеркивается необходимость отмены смертной казни также ввиду ее неэффективности[2]. Представляется, что требование полной отмены «высшей меры наказания» справедливо и обосновано, однако независимо от того, произойдет это или нет, ее возобновление в России кажется маловероятным в силу обстоятельств, указанных выше.

Одной из причин, почему смертная казнь в России до сих пор не была окончательно отменена, видится отсутствие единого мнения по данному вопросу среди чиновников и рядовых граждан. Спор о смертной казни без преувеличения можно назвать «больной темой» для российского общества. Многолетняя дискуссия о праве особо опасных преступников на жизнь вновь приобрела остроту осенью 2019 года, когда вся страна была потрясена жестоким убийством 9-летней школьницы из Саратова. Проводившийся фондом «Общественное мнение» в октябре того же года опрос выявил более 50 % респондентов, высказавшихся за возвращение данной меры уголовного наказания в правоприменительную практику[3].

Ясно, что происшествия подобного рода всегда вызывают широкий и более чем оправданный общественный резонанс. Но чем представляется в такие моменты смертная казнь в глазах граждан? Средством восстановления социальной справедливости, инструментом, который предупреждает совершение новых преступлений и защищает общество, или же примитивным орудием карательного свойства, нужным скорее для того, чтобы успокаивать возмущение или даже ненависть, испытываемые обычными людьми в отношении преступника? Когда отечественный законодатель сочтет себя вполне готовым для окончательного решения проблемы смертной казни, он, как думается, должен руководствоваться в первую очередь критериями целесообразности и теми целями и задачами, которые ставит перед собой уголовный закон. Учитывать общественное мнение тоже необходимо, но при этом важно помнить, что оно имеет свойство очень быстро меняться, в особенности по таким неоднозначным вопросам.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить следующее. Во-первых, как международное, так и российское законодательство, рассматривают смертную казнь в качестве допустимого в строго определенных случаях исключения из права каждого на жизнь. В целом же в мире наметилась отчетливая тенденция, направленная на постепенный отказ от данного вида уголовного наказания; так, например, в правовых системах Западной Европы сложилось общее мнение о том, что в настоящее время «смертная казнь больше не соответствует региональным нормам правосудия и современному уровню развития европейской цивилизации»[4]. Во-вторых, положение смертной казни в российском уголовном законодательстве отличается неоднозначностью. При фактическом отказе от ее применения, что было подтверждено Конституционным Судом Российской Федерации, и Конституция, и уголовный закон все еще формально предусматривают возможность лишения человека жизни по приговору суда. В-третьих, вопрос о дальнейшей судьбе данного вида наказания представляется достаточно сложным вследствие неоднозначного отношения как специалистов, так и рядовых граждан к возможным вариантам его решения. Можно предположить, что в будущем смертная казнь может быть либо отменена полностью, либо сохранится в том виде, в каком существует в настоящее время. Возобновление применения смертной казни в России видится маловероятным, но все же полный отказ от нее мог бы свидетельствовать о прогрессивном характере отечественного уголовного права и соответствии его духу современности.

пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Хорев А. В.* Допустимые ограничения права на жизнь // Наука. Общество. Государство. 2016. № 2 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dopustimye-ogranicheniya-prava-na-zhizn (дата обращения: 14.03.2021).

[3] См.: Опрос показал, сколько россиян выступают за возвращение смертной казни. URL: https://ria.ru/20191101/1560486013.html (дата обращения: 14.03.2021).

[4] См.: *Луценко С. И.* Институт смертной казни как правовой атавизм // Современное право. 2018. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

Прокопенко Е.А.
студент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Волгоград
Научный руководитель: Корнукова Е.В., к. ю. н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается процесс формирования и развития гражданского общества в России. В работе представлены социологические исследования, обращенные к феномену гражданского общества, выявляющие степень самоорганизации населения РФ и его заинтересованности в выстраивании отношений с органами власти и судьбе своего государства.*

В современной России становление гражданского общества неразрывно связано с переходом к демократической системе управления и рыночному механизму работы экономики. Однако в настоящий момент для многих исследователей очевидно, что данный институт в нашей стране развит достаточно слабо по ряду причин, одной из которых является отсутствие активного участия людей в жизни своего государства, их пассивность и неразвитость гражданского самосознания.

Ключевые слова: *Гражданское общество, гражданская активность, самоорганизация, политическая культура, правовая культура.*

Prokopenko E.A.
student Saratov State Law Academy (SSLA), Volgograd
Supervisor: Kornukova E.V. Candidate of law, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH.

Abstract. *The article examines the process of formation and development of civil society in Russia. The paper presents sociological studies focused on the phenomenon of civil society, revealing the degree of self-organization of the population of the Russian Federation and its interest in building relations with the authorities and the fate of its state.*

In modern Russia, the formation of civil society is inextricably linked with the transition to a democratic system of government and the market mechanism of the economy. However, at the moment, it is obvious to many researchers that this institution in our country is rather poorly developed for a number of reasons, one of which is the lack of active participation of people in the life of their state, their passivity and undeveloped civic consciousness.

Keywords: *Civil society, civic activism, self-organization, political culture, legal culture.*

В статье 1 Конституции Российской федерации сказано, что Россия есть демократическое правовое государство. Последнее невозможно установить каким-либо актом, для его формирования необходимо наличие гражданского общества.

Дефиниции гражданского общества могут даваться в различных сферах. С социологической точки зрения оно представляется как общество, для которого типично многообразие не опосредованных государством взаимоотношений свободных и равноправных индивидов в условиях рынка и демократии.[1]

Многие исследователи утверждают, что политическое сознание большей части населения РФ крайне слабо развито. Тем не менее, среди них нашлись те, кто еще в 90-е годы говорил о наличии гражданского общества в России. В качестве примера можно привести цитату из статьи Л.М. Романенко: «Гражданское общество в России уже существует. И не только существует, но и играет доминирующую роль (оттеснив государство) во всех сферах общественной жизни.».[2] Данный вывод был основан на том, что после распада СССР и перехода к демократии и рыночным основам были легализованы структуры гражданского общества, а их элементы полностью завладели политической ситуацией в стране.

Прогресс не стоит на месте, и Россия, избравшая после 1991 года новый вектор развития, претерпела немало изменений, в том числе и в сознании населения. В журнале «Мир России» в 2009 г. был опубликован труд, согласно которому: «В апреле 2001 г. на вопрос «Знаете ли вы, слышали или слышите впервые выражение “гражданское общество”?» только 16 % из 1500 участников дали утвердительный ответ. В начале весны 2008 г. уже каждый четвертый респондент (25 %) при аналогичном опросе ответил, что гражданское общество в России сложилось и существует. Также респонденты отмечали положительную роль общественных объединений и говорили о собственной гражданской активности.[3] Приведенные социологические данные свидетельствуют о том, что общественное самосознание постепенно развивается, населению приносят пользу различные институты, а граждане в свою очередь постепенно осознают необходимость не просто высказывания своего мнения, но и активных действий.

Фонд общественного мнения с 2007 по 2021 г. проводил исследование гражданского общества в рамках проекта «Соц-ФОМ». Согласно ему, уровень гражданской активности в указанный период возрос на 10 %. Верхушку гражданского общества составляет 5 % россиян, являющихся участниками добровольческих движений. Замыкает данную статистику 36 % населения, которые оказались не вовлечены ни в какие практики гражданского участия.[4]

Если посмотреть на возрастной состав исследуемой группы граждан, то исследование показывает, что основную долю активистов составляет население 18-30 лет

[1] *Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г.* Социология: учебное пособие. Ростов н/Д: Академцентр, 2016.

[2] Романенко Л.М. Социологическое исследование. 1994.

[3] *Петренко Е.С., Градосельская Г.В.* Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. 2009.

[4] Известия. URL: https://iz.ru/619941/tekst-rozhkovoi

(36 %), т.е. наблюдается тенденция, согласно которой молодое поколение проявляет большую заинтересованность и вовлеченность в структуры гражданского общества.

Одним из важнейших факторов объединения людей выступает общественная солидарность, основанием которой может служить доверие к политическим институтам. Согласно данным ВЦИОМ на 17 марта 2021 года одобряет деятельность Президента РФ 65,3 % россиян, в то время как деятельность Правительства всего 41 %. Индексы одобрения деятельности Государственной Думы имеют отрицательное значение (-10), Совета Федерации – положительное (7).

Индекс «насколько вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении» к январю 2021 года упал со своего максимального значения 79 до 42.[1]

Левада-Центр в декабре 2018 года проводил опрос, который показал, что при ответе на вопрос: «в какой мере государство сейчас выполняет свои обязанности перед гражданами России?» 33 % опрошенных (наиболее популярный ответ) считает: сколько государство выполняет, столько и не выполняет. На вопрос, «с каким из следующих мнений по поводу отношений с государством вы бы скорее согласились?», большинство (29 %) ответило, что государство им дает так мало, что они ему ничем не обязаны.[2]

Такое неоднозначное отношение к политике, проводимой властью, говорит о наличии в обществе нерешенных проблем и протестных настроений. Тем не менее, среди опрошенных граждан всего 28 % считают, что протесты в месте их проживания вполне возможны. Можно сделать вывод о том, что население либо видит иные пути отстаивания своих интересов, к примеру, различные экономические, политические и культурные объединения, либо не проявляет активности.

Рассматривая первую альтернативу, следует отметить, что на конец 2020 года в Российской Федерации насчитывалось 95204 общественных объединения.[3] При анализе количества общественных объединений за 2015-2020 годы было выявлено, что оно снизилось на 6,5 %.

Суммируя все результаты приведенных выше исследований, можно сделать вывод о том, что гражданское общество в современной России сложилось и существует. Тем не менее, уровень его развития относительно невысок. Население, имея определенные запросы к государству в различных сферах общественной жизни, не всегда готово объединиться и заявить о своих интересах. Огромной помехой на пути становления гражданского общества в России выступает непоколебимая вера части населения в то, что люди не в состоянии самостоятельно преобразовать существующую реальность без регламентации со стороны властей.

В свою очередь каждый профессиональный чиновник должен помнить, что его труд носит публичный и сервисный характер, поэтому управленцам важен навык эффективной коммуникации с людьми, адекватного восприятия и отражения их потребностей, анализа общественных тенденций и настроений.

Таким образом, гражданское общество России на сегодняшний день имеет ряд проблем, относящихся как к государственным структурам, так и ко всем гражданам в целом, поэтому ему предстоит долгий эволюционный путь развития до того идеала, о котором исследователи пишут в теории.

[1] Рейтинги на сайте ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov/

[2] Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/

[3] Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/#

Ревазова Д.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Комбарова Е.В., доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера, кандидат юридических наук ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

Аннотация. *Вопрос прав личности привлекает в последние годы все больше внимания ученых. Проблема природы социальных прав и механизмов их реализации и защиты является одной из самых дискуссионных в правовой теории и практике, а необходимость обращения к этим вопросам чрезвычайно актуальна, поскольку в трактовке природы социальных прав и их места в системе прав человека за последнее десятилетие произошли столь значительные изменения, без их оценки и выработки собственной позиции продвижение вперед невозможно. Международные стандарты являются основой деятельности Конституционного суда России по защите прав человека.*

Ключевые слова: *права человека, международные стандарты прав человека, Конституционный суд.*

Revazova D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kombarova E.V.

INTERNATIONAL STANDARDS OF HUMAN RIGHTS IN PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIA

Annotation. *The issue of individual rights has attracted more and more attention from scientists in recent years. The problem of the nature of social rights and the mechanisms of their implementation and protection is one of the most*

controversial in legal theory and practice, and the need to address these issues is extremely relevant, since such significant changes have occurred in the interpretation of the nature of social rights and their place in the human rights system over the past decade, without their assessment and development of their own position, it is impossible to move forward. International standards are the basis for the activities of the Russian Constitutional Court for the protection of human rights.

Keywords: *human rights, international human rights standards, the Constitutional Court.*

В современном мире степень защиты прав и свобод человека является важным показателем достигнутого обществом и государством уровня национальной безопасности. Формирование и осуществление государством защиты прав и свобод человека является сложным процессом, направленным на обновление, совершенствование основ внутренней безопасности страны. В Стратегии национальной безопасности России говорится о том, что главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.

Сегодня сфера международно-правовых отношений, в том числе осложненных международным элементом, характеризуется углублением демократизации, либерализации и интеграции. Международное право становится одной из ведущих отраслей, которая призвана обеспечить стабильность гражданского оборота и общее единство подходов к регулированию международно-правовых отношений.

Таким образом, актуальность темы обуславливается значимостью соблюдения, реализации и совершенствования государственной защиты прав и свобод личности условиях современного общества.

Рассматривая вопрос о соотношении в международном праве норм внутреннего законодательства государства и норм международных договоров, исследователи отстаивают одну из уже сложившихся в науке позиций, а именно: приоритета международного или национального права или дуалистической теории, согласно которой международное право и национальное право рассматривается как две независимых системы права[1]. Источники международного права – это акты компетентных органов (международных организаций, законодательных органов государств, международных судебных органов), которые содержат нормы международного права или их санкционируют[2].

Характеризуя внутреннее (национальное) законодательство как основу защиты прав человека, некоторые специалисты признают источниками права в РФ только нормативно-правовые акты[33]. Нормативно-правовые акты, содержащие нормы международного права, регулирующие отношения в области защиты прав человека, можно классифицировать по различным критериям.

Определение принципов, приоритетов, а также, разработка действенных механизмов обеспечения конституционных прав человека как необходимой предпосылки реализации его потенциала, обоснование социально-экономических и социокультурных основ гуманитарного развития РФ (с целью обеспечения конкурентоспособности государства и нации в современном мире) – это направления формирования современной целостной гуманитарной политики РФ. Действующая Конституция РФ имплементировала основные положения международно-правовых актов по правам человека. Однако прогресс развития защиты прав человека в РФ будет определяться, прежде всего, своевременным имплементированием в отечественное законодательство (и их выполнением) основных требований по соблюдению прав человека в сфере судопроизводства, экономических свобод, социальных гарантий и экологической безопасности. Источником гуманистических основ развития всех демократических стран мира являются международные акты, совокупность которых создает концептуальные принципы гуманитарного развития, а именно: «Всеобщая декларация прав человека», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Факультативные протоколы к «Международному пакту о гражданских и политических правах». Все четыре документа Генеральная Ассамблея ООН в 1966 г. объединила под названием «Международный билль о правах человека».

Международно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина – это предусмотренная международными договорами, конвенциями, декларациями и другими международными документами система международных норм, принципов, правовых и организационных средств, условий и требований, с помощью которых осуществляется соблюдение, обеспечение, охрана и защита прав, свобод и законных интересов человека.

Таким образом, права человека принадлежат человеку от рождения и обеспечивают его жизнедеятельность, являются объектом внимания многих ученых. Однако до сих пор не существует единого взгляда относительно

[1] *Балаян Э.Ю., Сычев С.С.* Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 18– 21.

[2] *Соколова В.Д., Филиппов А.Е.* Третейский суд: некоторые вопросы правоприменительной деятельности // В сборнике статей по материалам XXXVII международной научно-практической конференции. М.: Инфа, 2020. С. 37-42.

[3] *Коробанова А.В., Масуфранова Е.А.* Конституционно-правовой статус личности в условиях современной России: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. Пятой всерос. науч.-практ. конф. 2016. С. 102–105.

определения понятия личных прав человека. На сегодня дискуссионным является вопрос о месте рекомендаций международных организаций в защите прав человека. По мнению Таевой Н.Е., международно-правовое регулирование защиты прав человека осуществляют с помощью международных соглашений[1]. В отличие от конвенций, которые являются юридически обязательными для ратифицировавших государств, рекомендации не создают обязанность для государств, они должны стать обычной нормой при подготовке национального законодательства, поэтому являются вспомогательными источниками международного права. Рекомендации международных организаций, как и доктрина, не являются юридически обязательными, в то же время имеют определенный юридический смысл[2]. Это означает, что в случае возникновения спорной ситуации и при недостатке международных договоров или наличии пробелов в национальном законодательстве надо обращаться к рекомендациям международных организаций. Коробанова А.В., Масуфранова Е.А. не считают рекомендации источниками международного права, поскольку они не являются нормативно-правовым актом, носят рекомендательный характер, не создают обязанности для участников. Они отстаивают позицию, согласно которой юридическое содержание рекомендаций определяют в соответствии с указаниями в уставных документах международных организаций[3].

В научной литературе, посвященной анализу международных договоров как источников международного права, предлагают различные критерии их классификации. А.В. Цагикян, Е.С. Бутурлина делят их на следующие виды: договоры, специально посвященные правам человека; международные договоры по различным аспектам экономического, научного и культурного сотрудничества, в которых нормы защиты прав человека имеют вспомогательный характер для достижения определенной цели международного договора. А.В. Цагикян, Е.С. Бутурлина предлагают следующую классификацию международных договоров, регулирующих права человека: 1) договоры, заключенные в рамках ООН; 2) договоры, заключенные в рамках международных организаций; 3) договоры, заключенные в рамках региональных организаций; 4) двусторонние договоры[4].

Рожденные в тяжелых, затяжных спорах Декларация и, особенно, Международные пакты 1966, были долгожданными компромиссными достижениями. Стремясь сохранить их авторитет, специалисты старались не подвергать критике то, что было достигнуто с таким трудом. Однако впоследствии ученые (доктринальная классификация) все чаще критикуют и выявляют недостатки вышеупомянутой классификации[5].

Укажем на компромиссность этой классификации в угоду идеологическим требованиям разных сторон, а отсюда – неадекватность, оторванность от природы человека. В ней заявлено о неотъемлемых правах, но эти права выступают как идейно–политическая, а не юридически антропологическая категория. Неадекватность концепции вытекает из того, что она исходит не из антропологии, а из разрозненных характеристик, положений о человеке, а еще чаще – состояния власти в экономической, политической, социальных сферах и соответствующих благ, получаемых в этих сферах. Классификация гражданских и политических прав происходит не по сущностным характеристикам человека, а в соответствии с приоритетом автономии индивида в различных сферах жизнедеятельности.

С точки зрения теории прав человека, к личным правам человека относятся права и свободы: право человека на жизнь и ее защиту, право на уважение достоинства, право на свободу и личную неприкосновенность, право на невмешательство в личную жизнь и на тайну переписки, право на неприкосновенность жилища, право на свободу мысли и слова, право на свободу мировоззрения и вероисповедания, право на свободу передвижения и проживания. Практически каждое из названных прав тесно связанно с другими правами человека и гражданина, которые принято относить к другим группам. Так, право на уважение достоинства личности заставляет нас привлекать в круг нашего рассмотрения и такое зафиксированное в Конституции РФ право, как право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилье[6].

Хотя среди современных исследований довольно часто можно встретить точку зрения, которая предусматривает необходимость внутренней структуризации этой группы прав человека[7].

Среди прочего, указывается на то, что деятельность Конституционного Суда РФ по защите прав и свобод, выражается в рассмотрении дел о соответствии Конституции РФ нормативных актов, международных договоров, как действующих, так и находящихся на стадии ратификации, что является реализацией основной функции судебной защиты.

Защита Конституционным Судом РФ негативных и позитивных прав является задачами принципиально различными, несмотря на различную природу этих прав. Если негативные права являются органической частью природы человека как члена социума и самоценной существа, то положительные права являются социальными

---

[1] *Таева Н.Е.* Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации. М.: Норма, 2015.

[2] *Брежнев О.В.* Универсализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации при осуществлении правосудия судами общей юрисдикции // Российский судья. 2017. № 3. С. 50.

[3] *Коробанова А.В., Масуфранова Е.А.* Конституционно-правовой статус личности в условиях современной России: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. Пятой всерос. науч.-практ. конф. 2016. С. 102–105.

[4] *Цагикян А.В., Бутурлина Е.С.* Конституционные права и свободы как элемент конституционно-правового статуса личности в РФ // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сб. ст. по материалам 71-й науч.-практ. конф. Краснодар, 12 апреля 2016 г. С. 832–834.

[5] *Нудненко Л.А.* О структуре конституционно-правового статуса личности // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: Матер. междунар. науч.-практ. конф. 26–27 мая 2016 г. Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2016. С. 316–320.

[6] *Коробанова А.В., Масуфранова Е.А.* Конституционно-правовой статус личности в условиях современной России: актуальные проблемы и возможные пути их решения // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. Пятой всерос. науч.-практ. конф. 2016. С. 102–105.

[7] *Соколова В.Д., Филиппов А.Е.* Третейский суд: некоторые вопросы правоприменительной деятельности // Сб. ст. по матер. XXXVII междунар. науч.-практич. конф. М.: Инфа, 2020. С. 37–42.

обязательствами государства перед обществом и отдельными его представителями. Защита прав первой группы не вызывает никаких трудностей, в т.ч. и по реализации решений Конституционного Суда РФ, однако реализация решений, связанных с защитой положительных прав вызывает ряд проблем. Причина этого, по мнению автора, кроется, в том числе, в перегруженности российского государства социальными обязательствами.

Анализ практики Конституционного Суда РФ свидетельствует, что реализация его полномочий по проверке акта на соответствие Конституции (дело о смертной казни) имеет соответствующие последствия – нормы, признанные неконституционными, прекращают свое действие после решения Конституционного Суда РФ, а решение является окончательным и обжалованию не подлежит[1].

Вместе с тем, значительно меньший эффект наблюдается от официального толкования Конституции и законов и, тем более, казуального (дело о платных медицинских услугах). Неэффективность толкования связана, в том числе, с ненадлежащим исполнением государством своих обязательств в сфере положительных прав, ведь эффективный механизм реализации решений Конституционного Суда РФ относительно толкования норм права практически отсутствует.

Место конституционной юстиции как элемента системы защиты прав и свобод человека и гражданина можно определить как дополнительное. В странах, где данную функцию осуществляют суды общей юрисдикции, она вообще не является четко очерченной, что обусловлено отсутствием специальных процедур по защите прав человека этими органами. Только европейская модель определяет самостоятельное место органов конституционной юстиции в системе защиты прав и свобод, однако и в этих условиях конституционная юстиция не является основным элементом, а лишь вспомогательным средством, используя специальные полномочия, которые дополнительно обеспечивает институт прав и свобод[2].

Функции органа конституционной юстиции в правовом государстве определяют направления, сферы деятельности этого органа, а полномочия вызывают конкретные действия этого органа по защите конкретного права или свободы. Функция защиты прав и свобод человека и гражданина является производной от более общей функции – охраны конституции. То есть функция защиты является производной и дополняющей отношения тех полномочий, которые имеет конкретный орган конституционной юстиции[3].

Реализация принципа судебной защиты прав и интересов обеспечивается посредством установления организационных и функциональных гарантий осуществления правосудия. Организационными гарантиями осуществления правосудия является независимость и беспристрастность суда, гласность и открытость судебного разбирательства, равенство всех перед законом и судом. Функциональными гарантиями надлежащего отправления правосудия, которые обеспечивают реализацию принципа судебной защиты прав и интересов является состязательность, диспозитивность и вынесения судебного решения в разумный срок.

В ст. 46 Конституции РФ установлено, что права и свободы человека и гражданина защищаются судом. Реализация этой нормы в первую очередь требует установления надлежащей судебной процедуры осуществления этого права, т.к. в настоящее время именно судебная защита играет ведущую роль в механизме обеспечения прав и свобод человека, а уровень судебной защиты является основным показателем правового характера государства и демократичности общества. Поэтому не только право на судебную защиту, но и гарантии его реализации, вытекающие из международных нормативно-правовых актов, закреплены в отраслевом законодательстве. Брежнев О.В. отмечает, что право на судебную защиту является одновременно и конституционным, поскольку закреплено в Конституции РФ, и отраслевым, ведь механизм его реализации определяется процессуальным законодательством[4].

Конституционное правосудие как форма конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом, относится к международным признанным стандартам демократии и является новым институтом в истории российского государства. Его введение обусловлено переходом России к строительству гражданского общества, суверенного и независимого, социального, демократического, правового государства и является закономерным явлением.

Становление и функционирование конституционного правосудия порождает много вопросов, требующих научного обоснования и практического решения. Доктрина конституционного контроля до недавнего времени в социалистических странах, где не существовало судебного конституционного контроля, не была должным образом разработанной. Хотя некоторым его элементам, которые касаются конституционно– правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в свое время уделяли внимание ученые Цагикян А.В., Бутурлина Е.С. и другие, но их научные разработки освещали этот процесс без учета политико-правовых реалий, которые происходят на постсоветском пространстве[5].

Хотя ст. 125 Конституции РФ наиболее полно и обстоятельно раскрывает полномочия именно Конституционного Суда России, в отличие от полномочий Верховного Суда РФ.

Таким образом, если Президент – это глава государства и гарант Конституции, то Конституционный Суд РФ – это глава Конституции РФ государства, государственно– правовой абсолют. Из положений ст. 1 ФКЗ о Конституционном Суде РФ следует, что он призван осуществлять не только судебную власть, но и консти-

[1] *Соколова В.Д., Филиппов А.Е.* Там же.

[2] *Таева Н.Е.* Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации. М.:Норма, 2015.

[3] *Терехин В.А.* Самостоятельность судебной власти и независимость судебной власти как гарантия прав граждан // Государство и право. 2017. № 8. С. 43.

[4] *Брежнев О.В.* Универсализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации при осуществлении правосудия судами общей юрисдикции // Российский судья. 2017. № 3. С. 50.

[5] *Цагикян А.В., Бутурлина Е.С.* Конституционные права и свободы как элемент конституционно-правового статуса личности в РФ // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. ст. по матер. 71-й науч.-практ. конф. Краснодар, 12 апреля 2016 г. С. 832–834.

туционный контроль в государстве. В широком смысле конституционный контроль заключается в проверке соответствия законов и иных нормативно-правовых актов Конституции государства. Внедрение и реализация конституционного контроля в России позволяет определить на практике несколько основных положений, связанных с успешным функционированием Конституции России. Так, конституционный контроль позволяет определить, насколько основные ценности и положения, закрепленные в Конституции России, воспринимаются и гарантируются на уровне органов государственной власти и проводимой ими политики. Также осуществление конституционного контроля позволяет определить степень взаимоотношений между обществом и государственными властями. Главная цель конституционного контроля заключается в выявлении нарушений баланса интересов между обществом и государством. Отметим, что конституционный контроль призван обеспечивать общественную стабильность, гарантии прав, свобод и интересов населения, реализацию общепризнанных принципов Конституции.

На сегодня в юриспруденции, как в теоретической, так и в практической сфере, недостаточно четко разграничивается проблема соотношения понятий «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность», что, соответственно, отражает состояние разработанности этого вопроса в науке, в частности, в области конституционного права. Такая ситуация негативно влияет на правильное понимание задач соответствующих государственных органов, должностных лиц, институтов гражданского общества, в той или иной степени занимаются вопросами прав и свобод человека и гражданина. Проблема подмены понятий не позволяет качественно проводить реформы с целью определения правового статуса органа государственной власти во взаимодействии с социумом и его элементами с целью осуществления определенной правом деятельности, возложенной на государственный аппарат как таковой.

Однако, в соответствии с Конституцией РФ, утверждение и обеспечения прав и свобод человека является главной обязанностью государства. Поэтому необычными для восприятия являются такие понятия, как «правозащитные органы государственной власти» или «правозащитная деятельность государства».

На определенных этапах развития государства, в конкретных исторических условиях, определенных политико-правовых режимах (авторитарных и тоталитарных) целью правоохранительной деятельности может быть борьба с правозащитными организациями, а целью деятельности правозащитных организаций – ограничение власти правоохранительных органов. Итак, понимание этих понятий зависит от политической конъюнктуры и политической воли определенных элит, которые отвечают за проведение государственной деятельности в указанных сферах.

В России действуют институты, цель которых направлена на защиту прав и свобод граждан – судебная система, адвокатура, общественные правозащитные организации, Уполномоченный по правам человека и тому подобное.

Зато предметом правозащитной деятельности выступают (в узком смысле) нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина со стороны субъектов права, в частности: государственных органов и органов местного самоуправления, иных лиц, а также их негативные последствия. Однако стоит понимать, что содержание предмета правозащитной деятельности не является однозначным и включает значительное количество элементов.

Деятельность по правовой защите с привлечением государственных органов не может проходить в форме, четко не установлена действующим законодательством. Поэтому необходимость закрепления процессуальных форм осуществления правозащитной деятельности является неоспоримым. Отечественная юридическая наука не имеет четкого понимания понятия юридической процессуальной формы. Однако в подавляющем большинстве ученые сходятся в мысли, что под этим понятием понимают совокупность однородных процедурных норм, соблюдение которых требуется от участников соответствующего процесса и направленных на достижение четко оговоренной цели регулирования. Итак, процессуальная форма предусматривает использование наиболее целесообразной процедуры осуществления определенных полномочий органов государственной власти.

Решение о необходимости применения юридических мер воздействия с целью достижения целей регулирования возможно лишь в рамках конкретных процессуальных правил и процедур, установленных законом и подлежат обязательному исполнению. Несоблюдение субъектом правоприменения соответствующих процессуальных норм может повлечь признание решение неконституционным или незаконным, а также другие негативные последствия, в том числе и для должностного лица, допустившего нарушение процедуры.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, не имея возможности помещать ссылки на нормы международного права в резолютивной части решений, опирается на них в мотивировочной части, где международно-правовые нормы выступают основой формирования правовой позиции Конституционного Суда РФ. Сутью правовых позиций Суда является формулирование имеющих существенное значение для окончательного решения системных выводов и аргументов, позволяющих выявить конституционный смысл оспариваемой нормы. В необходимых случаях выявление конституционного смысла такой нормы требует привлечения и толкования определенных общепризнанных принципов и норм международного права и отдельных международных договоров Российской Федерации. В связи с этим «использование Судом норм международного права способно помочь сформулировать, обогатить или усилить его правовую позицию по рассматриваемому делу, что в свою очередь оказывает влияние на окончательное решение Суда».

Рожков Е.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Францифоров Ю.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА

Аннотация. *В целях гуманизации современного уголовного законодательства был введен судебный штраф. Судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных законом. В статье рассматривается судебный штраф с различных сторон, его цели.*

Ключевые слова: *судебный штраф, иные меры уголовно правового характера, правовая природа.*

Rozhkov E.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Frantsiforov Yu.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ARBITRATION COURTS OF TERRITORIAL SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: POWERS AND STRUCTURE

Abstract. *For the purpose of humanizing modern criminal legislation, a court fine has been introduced. A court fine is a monetary penalty imposed by a court when a person is released from criminal liability in cases provided for by law. The article examines the court fine from different sides, its purpose.*

Keywords: *court fine, other measures of a criminal legal nature, legal nature***.**

Одним из основных направлений развития современного уголовного права является гуманизация уголовно-правовых норм. Российское уголовное право не является исключением и также разрабатывает новые институты, которые позволяют нейтрализовать негативные последствия преступлений, удовлетворить интересы потерпевшего, а также же избежать назначения строго наказания, применение которого не всегда позволяет достичь целей уголовного права.

Примером этого является введение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) институт судебного штрафа.

Для четкого понимания и эффективного использования данного института правоприменителем необходимо определить правовую природу судебного штрафа в России.

Рассматривая сущность введенного института, прежде всего, стоит обратиться к УК РФ, в котором раскрывается сущность большинства положений, находящих отражение и в УПК РФ. Данный институт закреплен в разделе IV УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» в статье 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа», а также в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». Такое необычное закрепление института судебного штрафа позволяет сделать вывод о его двухсторонней природе. С одной стороны его можно рассматривать, как вид освобождения от уголовной ответственности, а с другой – как иную меру уголовно-правового характера. Эти положения не исключают друг друга, а, наоборот, действуют вместе.

Статья 104.4 УК РФ определяет судебный штраф как денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ.

Стоит сказать, что до введения рассматриваемого нами института, денежное взыскание применялось исключительно в виде наказания, тогда как сейчас, это может быть иная мера уголовно-правового характера.

Прежде чем рассмотреть судебный штраф с позиции иных мер уголовно-правового характера, стоит определиться с категорией данных мер.

Эти меры закреплены в УК РФ, однако легального определения не получил[1]. Это стало причиной множества исследований, авторы дают различные формулировки определения иных мер уголовно-правового характера, но к единому мнению научное сообщество не пришло.

Некоторые представители полагают, что иные меры уголовно-правового характера самостоятельным институтом. Так, например, Т.Г. Понятовская считает, что иные меры уголовно-правового характера имеют статус системообразующей структурной единицы законодательного текста. Название раздела Общей части УК РФ придает предусмотренным в нем положениям и значение института Общей части, который должен являться структурно обособленной, логически завершенной и последовательной системой правовых норм, имеющих одно основание и общий предмет регулирования[2].

Противоположной позиции придерживаются А.Н. Батанов, А.С. Куликов, которые не относят такие меры к отдельному институту[3].

Нам видится первое мнение более верным. Несмотря на непростую структуру, законодатель намерено выделил такие меры в отдельный раздел и дал им название «иные», что характеризует их, как «самостоятельный правовой институт, который параллелен уголовной ответственности»[4].

---

[1] *Оловенцева С.Ю.* Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 13

[2] Уголовно-правовое воздействие : монография / Г.А. Есаков и др.; под ред. А.И. Рарога. М. : Проспект, 2012. С. 228

[3] *Молчанов Д.М., Куликов А.С.* Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь : сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12(85). С. 126

[4] *Щедрин Н.В.* Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 274.

Споры возникают и относительно перечня мер, относящихся к данному институту. Одни ученые, например Р.С. Данелян, относят к иным мерам уголовно-правового характера помимо мер, указанных в разделе VI УК РФ, также виды освобождения от уголовной ответственности, виды наказаний, виды освобождения от наказания.

Другие же ученые, например М.Ф. Костюк, придерживаются более узкого подхода, относя только меры, закрепленные в разделе VI УК РФ.

Позиция М.Ф. Костюк нам ближе. Однако в систему иных мер уголовно-правового характера, на наш взгляд, необходимо включить также принудительные меры воспитательного воздействия, которые хоть и закреплены в отдельном разделе, но имеют одну природу и сущность с мерами, закрепленными в разделе VI УК РФ.

Для изучения судебного штрафа, как иной меры уголовно-правового характера следует определить характерные черты всех иных мер уголовно-правового характера. Такие меры:

1) являются последствием совершения деяния, запрещенного УК РФ;

2) носят строго индивидуальный характер;

3) являются мерой государственного принуждения;

4) ограничивают права человека, но в меньшей степени, чем наказание;

5) не влекут правого последствия в виде судимости;

6) назначаются только судом.

Судебный штраф имеет вышеуказанные особенности. Видится неоднозначным и спорным положение, которое характеризует судебный штраф, как меру государственного принуждения.

Во-первых, согласно части 2 статьи 27 УПК РФ применение судебного штрафа возможно только при отсутствии возражения со стороны подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, обязательно должно быть согласие подозреваемого или обвиняемого относительно применения данной меры, что выбивается из понятия государственного принуждения. Такая ситуация характера для прекращения уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: суд должен получить согласие подозреваемого или обвиняемого для назначения такой меры. Таким образом, подозреваемый или обвиняемый делает самостоятельный, осознанный выбор в применении к нему судебного штрафа, при соблюдении иных оснований и условий.

Во-вторых, соглашаясь на применение судебного штрафа, подозреваемый или обвиняемый возлагает на себя обязанность по уплате денежного взыскания. Согласно статье 446.5 УПК РФ в случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, суд отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору. Дальнейшее производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке. Таким образом, и здесь прослеживается волевой признак со стороны освобожденного от наказания лица, у него есть выбор: выплачивать или нет штраф.

Нельзя отнести к данному примеру случай, когда лицу был назначен штраф в виде наказания, а осужденный злостно уклоняется от его уплаты. Последствием этого будет замена штрафа на иное наказания. В обоих случаях лицо несет неблагоприятные последствия, однако в первом примере, лицо согласилось взять на себя обязанность уплатить штраф, и последствия носят другой характер – замена порядка уголовного судопроизводство, отмена судебного штрафа и, вместе с этим, более жесткие последствия для лица.

Таким образом, отличительной чертой судебного штрафа от остальных иных мер уголовно-правового характера является отсутствие государственного принуждения, как на стадии назначения, так и на стадии его исполнения.

Нельзя обойти стороной сравнение судебного штрафа в виде иной меры уголовно-правого характера и штрафа-наказания. Ученые разделились на два лагеря по данному вопросу. Первые считают судебный штраф и штраф-наказание максимально близкими категориями. К представителям этого мнения можно отнести Л.В. Головко, который утверждает, что судебный штраф альтернативной уголовно-правовой мерой не является, скорее, его следует считать наказанием без приговора[1].

Представители другого лагеря имеют совершенно другое мнение по этому вопросу. Так, Д.М. Молчанов и А.С. Куликов утверждают, что «судебный штраф не является видом наказания и не преследует присущих наказанию целей»[2]. Также А.Ю. Ульянов считает, что «судебный штраф не тождественен штрафу, который присутствует в уголовном праве как вид наказания»[3].

Для изучения этого вопроса сделаем упор на отличительных чертах иных мер:

1) судебный штраф назначается иным процессуальным документом – постановлением суда. А штраф-наказание в обвинительном приговоре суда;

2) как уже было выше сказано, судебный штраф лишен характера государственного принуждения, в то время как штраф-наказание является принудительным изъятием денежных средств;

3) при назначении судебного штрафа отсутствует правое последствие в виде судимости;

4) ввиду того, что судебный штраф не является мерой государственного принуждения, он носит скорее предупредительно-воспитательный характер, а штраф-наказание – карательный;

5) судебный штраф может быть не более половины максимального штрафа-наказания, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, а в случае, когда статьей не предусмотрен штраф-наказание, не может превышать двухсот пятидесяти тысяч рублей;

---

[1] *Головко Л.В.* Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия (интервью) // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 42-43.

[2] *Молчанов Д.М., Куликов А.С.* Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь : сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12(85). С. 125.

[3] *Ульянов А.Ю.* Институт судебного штрафа в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 30.

6) судебный штраф исчисляется только в определенной денежной сумме, а штраф-наказание в виде:

- денежной суммы
- размера заработной платы или иного дохода осужденного
- величине, кратной стоимости предмета или сумме подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

Таким образом, судебный штраф и штраф-наказание имеют значительные отличия, позволяющие отграничить данные понятия друг от друга.

Как уже было установлено, другая сторона судебного штрафа проявляется в виде основания освобождения от уголовной ответственности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» определяет освобождение от уголовной ответственности, как отказ государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)[1]. В науке существует мнение, что освобождение от уголовной ответственности, своего рода, поощрение. Например, Е.В. Благов определяет освобождение от уголовной ответственности как «даваемое лицу, совершившему преступление, разрешение не выполнять обязанность подвергнуться наказанию»[2].

Глава 12 УК РФ закрепляет различные виды освобождения от уголовной ответственности.

Судебный штраф был введен позже остальных видов освобождения от уголовной ответственности. Его характерными чертами являются:

1) является, по существу, отказом государства от реализации уголовной ответственности, в виде наказания и соответствующих правовых последствий;

2) основанием является совершение лицом впервые преступление небольшой или средней тяжести;

3) условиями являются возмещение лицом ущерба или иным образом заглажен причиненный преступлением вред, согласие подозреваемого или обвиняемого на применение судебного штрафа;

4) возлагает обязанность по уплате определенной денежной суммы в бюджет государства в будущем (в момент применения судебного штрафа обвиняемый или подозреваемый не выплачивает штраф);

5) назначается только судом;

6) имеет нереабилитрующий характер;

7) его применение обусловлено отсутствием необходимости назначения лицу наказания.

Таким образом, судебный штраф – вид освобождения от уголовной ответственности в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Помимо двухсторонней сущности судебного штрафа, необходимо рассмотреть цели внедрения этого института в УК РФ и УПК РФ. Некоторые ученые к целям судебного штрафа относят не только предупреждение преступлений и исправление лица, но и восстановление социальной справедливости. Так, Н.Н. Апостолова утверждает, что применение судебного штрафа подразумевает «восстановление социальной справедливости и такое исправительное воздействие на лицо, которое бы удерживало его от совершения новых преступлений»[3].

Другие ученые цель восстановления социальной справедливости не свойственна судебному штрафу. Например, Н.А. Егорова считает, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не может рассматриваться как справедливая мера[4].

Проведя анализ научной литературы и законодательства, нам видится, что законодатель преследовал следующие цели при введении судебного штрафа:

1. Исправление лиц, совершивших преступление. Данная цель достигается посредством ведением уголовного преследования в отношении лица, а также «наказание» денежным штрафом. В таком случае лицо осознает серьезность содеянного, перестает быть общественно опасным, и методом «поощрения» освобождается от уголовной ответственности

2. Предупреждение преступлений. Эта цель является продолжением первой, достигается посредством предупреждения преступлений лицами, освобожденными от уголовной ответственности с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, что снижает количество рецидивов[5].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 5 июля

[2] *Благов Е.В.* Основной курс уголовного права : лекции для бакалавров. М., 2017. С. 135.

[3] *Апостолова Н.Н.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10.

[4] *Егорова Н.А.* Новый вид освобождения от уголовной ответственности: теоретический, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3(12). С. 159.

[5] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=135874&rnd=53657AC2F7866 B2BA4C9C0E6AD62B197#08992475113518654 (дата обращения: : 12.03.2021).

3. Компенсационная цель. Сущностью этой цели является уплата в доход государства денежной суммы, которая позволяет компенсировать уголовное судопроизводство, пополнить бюджет государства. Так, в 2019 г. лица, освобождаемые от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, уплатили в бюджет государства сумму 824 979 558 рублей[1].

4. Восстановительная цель. Состоит в возмещении потерпевшему ущерба и заглаживании вреда, причиненного в результате преступления. Однако размер такого возмещения не регламентирован.

5. Экономия процессуальных издержек. Это предоставляет возможность органам предварительного расследования сосредоточить свои кадровые, технические и иные ресурсы на расследовании опасных преступлений, а также затрачивается меньше ресурсов для рассмотрения дела в суде.

6. Социальная цель. Предусматривает не наступление негативных правовых последствий в виде судимости, что способствует положительным изменениям в социальной структуре общества.

Рассмотрев цели введения судебного штрафа, резюмируем, что данный институт имеет высокую ценность и преследует цель гумманизации уголовного судопроизводства, а также позитивно влияет на разрешение уголовно-правовых конфликтов.

Таким образом, с учетом всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что судебный штраф двухстороннюю юридическую природу, является одновременно двумя институтами – одним из видов освобождения от уголовной ответственности и иной мерой уголовно-правового характера, которые взаимосвязаны между собой.

Нельзя не упомянуть, что судебный штраф отличается от всех остальных мер уголовно-правового характера тем, что не является мерой государственного принуждения. В данном институте имеется волевой характер обвиняемого или подозреваемого, что, в свою очередь, свидетельствует о гуманизационной природе института.

[1] Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : http://cdep.ru/index. php?id =79&item=4894 (дата обращения: 12.03.2021).

Романченко Э.Э.
Обучающийся института магистратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
Научный руководитель: Лавнов М.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Саратовской государственной юридической академии

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. *В настоящее время суд может рассматривать уголовное дело в общем и особом порядке. Общий порядок является наиболее распространенным и изученным. Этого нельзя сказать об особом порядке рассмотрения уголовного дела. Именно необходимостью тщательного исследования особого порядка судопроизводства по уголовным делам обусловлена актуальность выбранной темы научной статьи.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, расследование уголовного дела, особый порядок.*

Romanchenko E.E.
Student of the master's degree Institute Saratov state law Academy, Saratov
Supervisor: Lavrov M.A., candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department of criminal procedure of the Saratov state law Academy

PROBLEMATIC ISSUES OF A SPECIAL ORDER OF CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE

Abstract. *At present, the court can consider a criminal case in a General and special order. The General order is the most common and studied. This cannot be said about the special procedure for considering a criminal case. It is the need for a thorough study of the special procedure of criminal proceedings that determines the relevance of the chosen topic of the scientific article.*

Keywords: *criminal procedure, investigation of a criminal case, special procedure.*

В настоящее время суд может рассматривать уголовное дело в общем и особом порядке. Первый случай представляет собой базовый вид Уголовно-процессуальной деятельности, второй – характеризуется усечением уголовно-процессуального доказывания. Данный порядок применяется в России с 2002 года. Однако до настоящего времени не удалось достичь единого мнения по вопросу о его эффективности и целесообразности. Так, у «сделки с правосудием» есть как идейные последователи, так и противники. При этом на практике суще-

ствует множество проблем, связанных с определением сущностно – содержательной характеристики судебного решения по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке, и др.

В связи с увеличенной нагрузкой на аппарат судей необходимо было создание упрощенного порядка судебного разбирательства для более быстрого рассмотрения дела. Данный порядок хоть и упрощенный, но не нарушает право на справедливое рассмотрение дел. Однако имеются некоторые проблемы, которые будут рассмотрены ниже. Существуют следующие виды судебного разбирательства в особом порядке:

1. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленный к нему обвинением (глава 40 УПК РФ);

2. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного решения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ).

Основания и условия принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением отличаются от принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Так при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением выделим следующие основания: 1. Обвиняемый заявляет свое добровольное согласие с предъявленным ему обвинением; 2. Наличие ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства; 3. Уголовное дело о преступлениях небольшой или средней тяжести; 4. Государственный или частный обвинитель, подсудимый, потерпевший не должны возражать против применения особого порядка судебного разбирательства.

Главным проблемным моментом применения нормативных положений законодательства об особом порядке судопроизводства выступает усечение процедуры доказывания. Так, в соответствии со ст. 316 Уголовно-процессуального кодекса РФ исследование доказательств не предусмотрено. Отсутствие у судебных органов такой возможности противоречит базовым принципам судопроизводства. Во многом это объясняется тем, что судья утрачивает непосредственность как ключевую категорию своей деятельности. То есть он не в силах реально оценить все обстоятельства по конкретному делу и соответственным образом учесть их при вынесении решения.

В конечном итоге, на практике выходит, что судья выполняет возложенные на него функции исключительно формально. По факту получается, что приговор выносится чисто механически, что недопустимо, поскольку законность и обоснованность приговора предполагает установление всех обстоятельств по конкретному делу, которые имеют значение для выявления степени вины и тяжести совершенного преступления.

С учетом этого было решено усовершенствовать действующее законодательство в части отмены применения особого порядка рассмотрения дел по тяжким преступлениям. Действительно, подобные категории дел характеризуются повышенной опасностью для общества. Их можно охарактеризовать следующим образом[1]:

- особо сложный характер;
- затрагивают интересы большого количества лиц, в том числе потерпевших;
- вызывают большой резонанс в обществе;
- широко освещаются в СМИ.

Перечисленные факторы требуют установления высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия. При этом их обеспечение возможно исключительно в рамках общего порядка при условии реализации принципа непосредственности и устности исследования доказательств в ходе судебного заседания[2].

Еще одним проблемным моментом выступает согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением. По своей сути подобное согласие имеет процедурное значение, которое выступает всего на всего формальным поводом для перехода к особому порядку. На деле обвиняемому требуется лишь подтвердить согласие с обвинением. Это, в свою очередь, происходит без допроса судом об обстоятельствах дела[3]. Таким образом, можно систематизировать ключевые проблемные моменты, которые порождаются нормами статей 240 и 316 УПК РФ. Речь идет о следующем[4]: – исследуются обстоятельства, которые характеризуют личность подсудимого и влияют на смягчение/ужесточение наказания; – анализ и оценка представленных доказательств судьей не носят обязательного характера при вынесении приговора; – отсутствует возможность обжалования приговора ввиду несоответствия выводов, сформулированных судом, фактическим обстоятельствам дела. Помимо этого, на практике встречаются и иные проблемы, непосредственно связанные с применением норм об особом порядке разбирательства по уголовным делам.

Так, действующим законодательством допускается ситуация, когда потерпевший, который дал свое согласие на рассмотрение дела в рамках особого порядка, может изменить собственную позицию. То есть в законе отсутствует положение, которое предусматривает необратимость действий, связанных с выражением согласия. Это, в свою очередь, является правовым основанием для назначения рассмотрения данного дела в общем порядке. В конечном итоге, все это может привести к дезорганизации судопроизводства и затягивание сроков рассмотрения уголовного дела. Естественно, это идет в разрез с основной идей особого порядка судопроизводства – стремлением к процессуальной экономии.

Особого внимания заслуживает проблема, затрагивающая вопросы обжалования постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве. Статья 317.1 УПК РФ содержит положения, согласно которым обжалование данного постановления производится только посред-

[1] *Кулевва Л.О.* Категоризация преступлений как средство дифференциации наказаний в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2019.

[2] *Пиюк А.В.* Упрощенные порядки разрешения уголовных дел судом следует усовершенствовать // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 168–171.

[3] *Головко Л.В.* Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.

[4] *Развейкина Н.А., Дьячкова Е.А.* Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 114–119.

ством обращения к руководителю следственного органа. Обжалование в суде не допускается. С одной стороны, такая формулировка имеет место, поскольку полностью соответствует сути досудебного соглашения. Суд в такой ситуации не вправе принуждать участников уголовного дела к заключению такого соглашения. Однако законом установлено, что любой участник судопроизводства, включая подозреваемого, обвиняемого, его защитника, имеет право обжаловать решение суда в установленном порядке. А досудебное соглашение между следователем и обвиняемым лишает участника уголовного дела такого права[1].

Таким образом, несмотря на все преимущества, которые дает применение особого порядка судопроизводства по некоторым категориям уголовных дел, его практическая реализация осложняется целым комплексом проблем. Среди них целесообразно отметить то, что суд рассматривает только те обстоятельства, которые характеризуют личность подсудимого и влияют на смягчение/ужесточение наказания, анализ и оценка представленных доказательств судьей не носят обязательного характера при вынесении приговора, отсутствует возможность обжалования приговора и др. В совокупности названные проблемные моменты препятствуют основной цели уголовного процесса и требуют оперативного разрешения.

Ростова В.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Шляпникова О.В., доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии, к.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С АСОЦИАЛЬНЫМ И ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются существующие проблемы и факторы девиантного поведения несовершеннолетних, ведущего к совершению правонарушений. Обосновывается важность применения мер прокурорского реагирования в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних с асоциальным и девиантным поведением.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, преступность несовершеннолетних, девиантное поведение, асоциальное поведение, меры прокурорского реагирования, предупреждение преступлений.*

[1] *Развейкина Н.А., Дьячкова Е.А.* Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 114–119.

Rostova V.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Shlyapnikova O.V., Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PREVENTION OF OFFENSES OF MINORS WITH ANTISOCIAL AND DEVIANT BEHAVIOR BY THE PROSECUTOR'S OFFICE

Abstract. *The article examines the existing problems and factors of deviant behavior of minors leading to the commission of offenses. The article substantiates the importance of using prosecutor's response measures for the prevention of juvenile delinquency with antisocial and deviant behavior.*

Keywords: *prosecutor's supervision, juvenile delinquency, deviant behavior, antisocial behavior, measures of prosecutor's response, crime prevention.*

Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, материнство и детство, семья находятся под защитой государства[2].

Девиантное поведение представляет собой отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся норм общества. В свою очередь, асоциальное поведение выражается в нарушении социальных и правовых норм общества, и у детей нередко выражается в агрессивности, детском воровстве, бродяжничестве и т.д. Таким образом, асоциальное поведение представляется наиболее опасной формой девиантного поведения.

Асоциальное и девиантное поведение несовершеннолетних зачастую выражается в алкоголизме, наркомании, бродяжничестве подрастающего поколения. Кроме того, большое значение имеет существование ряда групповых субкультурных объединений, среди которых наибольшую опасность представляют имеющие криминальную направленность. Вышеперечисленное поведение основано на асоциальном устремлении против общепринятых социальных ценностей, целью жизни у несовершеннолетних данной категории выступает получение жизненных благ вследствие совершения общественно опасных деяний. При этом, подобное искажение мировосприятия зачастую приводит к последующему преступному поведению.

В свою очередь, прокурорский надзор за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних представляет собой вид государственной деятельности, осуществляемой органами прокуратуры РФ и выражающейся в проверке исполнения органами системы профилактики отмеченного законодательства в пределах их компетенции, правовое регулирование прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Регулирование данного

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газета. 1993. 25 дек.

надзора осуществляет Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1].

Помимо указанного Федерального закона, особую роль в осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних занимают указания и приказы Генерального прокурора РФ.

Так, приказом Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» закреплено, что «прокурорам необходимо уделять повышенное внимание вопросам реализации предоставленных им полномочий по предупреждению семейного неблагополучия, существенным обстоятельствам, способствующих вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий»[2]. Генеральный прокурор РФ в приказе от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» требует «добиваться безусловного исполнения органами и учреждениями системы профилактики, их должностными лицами требований закона о выявлении беспризорных и безнадзорных детей, семей, находящихся в социально опасном положении, а также о соблюдении ими обязанности информировать о них компетентные органы для защиты и восстановления прав детей»[3].

При этом следует отметить, что Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в п. 7 ч. 1 ст. 6 основным направлением системы профилактики правонарушений называет предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних[4].

Стоит особо подчеркнуть, что отклоняющееся от нормы поведение несовершеннолетних нередко противоречит гражданскому, административному и уголовному законодательству. Подобное поведение, обусловленное условиями и обстоятельствами жизни подростка, представляет собой тревожный сигнал о возможном будущем несовершеннолетнего. В целях исправления ситуации и недопущения ее усугубления при первых проблемах с законом, прокурорами в отношении конкретных лиц, семей и иных социальных групп применяются те или иные меры прокурорского реагирования.

Непосредственно в области охраны прав и законных интересов несовершеннолетних речь идет о применении таких средств, как:

- общенадзорных правовых средств в виде несения представлений в место учебы либо работы несовершеннолетнего;
- гражданско-правовых средств, к примеру, в виде обращения прокурора с иском в суд с целью лишения уклоняющихся от воспитания родителей несовершеннолетнего родительских прав;
- уголовно-правовых средств, выражающихся, к примеру, в отказе поддержания государственного обвинения по делу, если причастность несовершеннолетнего к его совершению не находит своего подтверждения.

Практически ежедневно органы прокуратуры проводят работу по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, пресекаются факты жестокого обращения с детьми и вовлечения их в преступную деятельность.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений определяется действиями, которые мотивировали несовершеннолетнего к совершению правонарушений. К их числу относятся методы влияния, подавляющие волю. Взрослый намеренно выстраивает линию действий так, что подросток начинает действовать преступно, подчиняясь действиям злоумышленника.

В целях реализации полномочий прокурора в сфере профилактики и предупреждения правонарушений несовершеннолетних, издаются те или иные акты прокурорского реагирования. К ним относятся протест, представление и предостережение.

Прокурорский протест выносится в случаях возможности восстановления нарушенных прав. К примеру, прокурор вправе путем протеста требовать отмены незаконного акта либо приведения его в соответствие с законом. Кроме того, возможно и иное восстановление нарушенного права и даже прекращение незаконных действий должностного лица. После вынесения прокурорского протеста, он рассматривается соответствующим органом и его результаты докладываются прокурору.

Также к числу актов прокурорского реагирования относится представление, которое направлено на устранение нарушений закона, а также непосредственно причин нарушений и способствующих им условий. Данный акт прокурорского реагирования направляется тому органу, который может принять необходимые меры к устранению нарушения закона и наказать виновных в этом лиц. При этом данное требование прокурора обязательно для исполнения.

Еще одним актом прокурорского реагирования выступает внесение предостережения в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях. Оно может быть сделано нарушителю закона наряду с применением иных мер прокурорского реагирования.

Также стоит особо подчеркнуть, что в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних органами прокуратуры проводится работа по межведомственному взаимодействию с органами подразделений по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительства, а также иными правоохранительными органами.

Прокуратурой проводится информирование общественности о недопустимости правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Большое значение отводится и профилактике нарушений законов совместно с институтами гражданского общества, что способствует

---

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2020) // Рос. газета. № 39. 18.02.1992.

[2] Приказ Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Законность. 2012. № 3.

[3] Приказ Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. 2008. № 2, ст. 7.

[4] Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177.

формированию у граждан уважительного отношения к закону.

Таким образом, в завершение стоит отметить важность прокурорского надзора за соблюдением законов о несовершеннолетних в качестве одного из ведущих направлений в деятельности органов прокуратуры. Профилактика преступности несовершеннолетних, в том числе с асоциальным и девиантным поведением, пронизывает все направления деятельности прокуратуры, помогая повсеместно обеспечивать законность и правопорядок, а также противодействовать любым нарушениям закона.

Ряховская А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов
Научный руководитель: Петрова Г.Б., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА» г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию функций прокурора в уголовном процессе. Также автором анализируются концепции процессуального положения прокурора в судебном разбирательстве: 1) прокурор в суде выполняет только функцию надзора за законностью; 2) и функцию надзора, и функцию обвинения; 3) функцию надзора за законностью в форме поддержания государственного обвинения; 4) только функцию обвинения.*

Ключевые слова: *прокурор, функция обвинения, поддержание государственного обвинения в суде, изменение объема и содержания обвинения.*

Riakhovskaia A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Petrova G.B. Cand.Sci(Jurid.), docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

TO THE QUESTION OF THE PROCEDURAL FUNCTION OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. *The article is devoted to the study of the functions of the prosecutor in the criminal process. The author also analyzes the concepts of the procedural position of the prosecutor in court proceedings: 1) the prosecutor in court performs only the function of supervision over legality; 2) both the function of supervision and the function of the prosecution; 3) the function of supervision over legality in the form of supporting the state prosecution; 4) only the function of accusation.*

Keywords: *prosecutor, the function of the prosecution, maintaining the public prosecution in court, changing the volume and content of the prosecution.*

Становление независимой судебной власти не допускает надзора за собой ни с чьей-либо стороны, а принцип состязательности исключает наличия преимуществ или дополнительных прав у какой-либо из сторон в процессе. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) регулирует надзор прокурора только применительно к процессуальной деятельностьи органов дознания и предварительного следствия (ст. 37 УПК).[1]

В суде у прокурора отсутствуют какие-либо преимущества процессуального положения или особенности его статуса, по сравнению со стороной защиты. Прокурор, осуществляя уголовное преследование в судебном разбирательстве, выступает как представитель публичного, государственного обвинения наравне с представителями защиты. Тот факт, что прокуратура является органом государственной власти, осуществляющим особые надзорные полномочия в Российской Федерации, не накладывает отпечаток на статус прокурора, выступающего в качестве стороны обвинения в суде, поскольку здесь его полномочия вытекают из уголовно-процессуального закона. Также об этом говорится в п. 4 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: «полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством Российской Федерации».

Следует отметить, что данное положение было подвергнуто критике со стороны большинства советских ученых-процессуалистов.

Большинство процессуалистов полагали, что в советском уголовном процессе, прокурор является «блюстителем законности», поддерживая обвинение в суде, он изобличает нарушителя законности, т.к. всякое преступление есть нарушение законности в его наиболее серьезной, тяжелой форме и требует применения к нему заслуженного наказания. Кроме того, в самом судебном разбирательстве перед прокурором также стоит задача обнаружения и пресечения правонарушений от кого бы они не исходили, независимо от того, кому именно – обвинению или защите – они непосредственно причиняют ущерб.[2]

Такое понимание процессуального положения прокурора в судебном разбирательстве было связано с определением прокурорского надзора как «высшего», «всеобъемлющего», распространяющегося на все сферы деятельности государства и граждан.

Некоторые авторы указывают на необоснованное сужение процессуального статуса прокурора в действующем УПК РФ и на его негативные последствия, отрицательно сказывающиеся на эффективности прокурор-

[1] *Пашин С.А.* Теоретические и практические основания реформы прокуратуры // Уголовное право. 2016. № 1. С. 77-81.

[2] *Басков В.И.* Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел: учебно-методическое пособие. М., 2016.

ского надзора и качестве уголовного судопроизводства в целом.[1] Так, выполнение уголовного преследования и надзора одним и тем же субъектом является неоптимальным, поскольку при этом утрачиваются объективность и беспристрастность, необходимые для эффективной реализации полномочий прокурора, ведь обвинитель заинтересован в результативности уголовного преследования, заключающейся в установлении обвиняемого и подтверждении обвинения.[2] Такая пристрастность влечет ряд негативных последствий, в числе которых усиление обвинительного уклона.[3]

Хотелось бы отметить необходимость усиления прокурорского надзора ввиду многочисленности и постоянства случаев нарушения законности работниками следствия и дознания при осуществлении предварительного расследования. Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка в своем выступлении в 2019 г. раскритиковал работу российских следователей, указав на то, что в 2018 г. надзорное ведомство насчитало более миллиона нарушений законодательства со стороны следователей всех ведомств.[4] Как показывает практика, производство следственных действий прокурором является результативным средством проверки соответствия закону процессуальных решений и действий следователей и дознавателей. В связи с этим целесообразным будет наделение прокурора правом производства следственных действий в рамках досудебного производства по возбужденному уголовному делу в случае необходимости проведения проверки законности и обоснованности процессуальных решений и действий субъектов, осуществляющих уголовное преследование по делу. Данное полномочие следовало бы закрепить в ч. 2 ст. 37 УПК.

Прокурорский надзор за соблюдением законности субъектами, осуществляющими предварительное расследование, не может быть подменен процессуальным контролем руководителей следственных органов или судебным контролем. Надзор должен осуществляться прокурором, как независимым экспертом, представляющим иное независимое ведомство. Автор статьи полагает обоснованным изложить ч. 1 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а также уголовное преследование от имени государства в судебном производстве».

Представляется, что в целях усиления надзора прокурор должен быть максимально дистанцирован от руководства уголовным преследованием в досудебном производстве. В связи с этим целесообразно исключение из статуса прокурора полномочий на дачу дознавателю письменных указаний и согласия на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуальных действий, которые допускаются на основе судебного решения, также право прокурора давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Обоснованной будет передача этих полномочий по организации и руководству уголовным преследованием начальнику органа дознания. В пользу этого выступает их знание профессиональных качеств своих подчиненных и ресурсов своего подразделения; информативные и тесные рабочие контакты с работниками оперативных подразделений; неограниченный и незамедлительный доступ к необходимым материалам и возможность лично участвовать в проверке сообщения о преступлении; возможность проведения допроса без принятия уголовного дела к своему производству.

Целесообразным представляется также наделение прокурора правом на принятие решения об отводе следователя. Прокурор, несомненно, является более объективным и непредвзятым субъектом уголовного судопроизводства, чем руководитель следственного органа, наделенный этим правом на основании ч. 1 ст. 67 УПК РФ. Прокурору должно быть возвращено полномочие на решение об отводе не только дознавателя, но и следователя, руководителя следственного органа, переводчика, защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, поскольку он объективно и беспристрастно осуществляет надзор за соблюдением законов участниками сторон обвинения и защиты.

Наделение прокурора предлагаемыми в исследовании полномочиями будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением уголовно-процессуального закона профессиональными участниками уголовного процесса, осуществляющими уголовное преследование. Данные нововведения не посягают на самостоятельность следователей, руководителей следственных органов, дознавателей и начальников подразделения дознания. Они направлены на выявление и устранение нарушений уголовно-процессуального закона и не затрагивают организации, методики и тактики уголовного преследования.

Реформа уголовного процесса России требует пересмотра роли и назначения в нем прокурора.

---

[1] Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б.А. Золотухин. М.: Республика, 2012.

[2] *Шифман М.Л.* Прокурор в уголовном процессе. Стадия судебного разбирательства. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.

[3] *Тарасов А.А.* Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2014.

[4] Ю. Чайка раскритиковал некачественную работу следователей. URL: https://rg.ru/2019/04/10/chajka-raskritikoval-nekachestvennuiu-rabotu-sledovatelej.html// (дата обращения: 01.03.2021).

Салахиева А.Р.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Шмелев А.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА»

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена изучению факторов, препятствующих реализации прокурорского надзора за исполнением законов, направленных на обеспечение государственной поддержки предпринимательства в арбитражном судопроизводстве. На основании проведенного анализа выдвигаются предложения о расширении полномочий прокурора в данной сфере в целях реализации основных целей прокурорского надзора.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор; арбитражное судопроизводство; малое предпринимательство; среднее предпринимательство; государственная поддержка предпринимательства.*

Salakhieva A.R.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Shmelev A.V., phD, Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER STATE SUPPORT FOR ENTREPRENEURS IN ARBITRAGE PROCEEDINGS: MAIN IMPLEMENTATION ISSUES

Abstract. *The article aims at the analysis of main factors inhibiting prosecutor's supervision over entrepreneurs state support implementation in arbitrage proceedings. Based on the research done, expanding the powers of the prosecutor in this area in order to ensure the implementation of the main objectives of the prosecutor's supervision is suggested.*

Keywords: *prosecutor's supervision; arbitrage proceedings; small entrepreneurship; middle entrepreneurship; state support for entrepreneurs.*

Реализация законодательства, регламентирующего оказание государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, выступает одним из приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации.

В связи с этим, прокурорский надзор за его надлежащим исполнением – это основная гарантия соблюдения баланса интересов всех вовлеченных лиц, а также предотвращения злоупотребления правами (полномочиями) как со стороны субъектов предпринимательства, так и государственных органов, их должностных лиц.

Отдельное место в системе мер государственной поддержки занимает правовая защита как условие результативности экономического развития предпринимательских отношений. Существующие способы защиты являются многофункциональным (экономическим и правовым) выражением реализации субъективных гражданских прав предпринимателей[1].

Являясь взаимосвязанными понятиями, меры поддержки и способы защиты отражают технологичность нормативного правового и индивидуального (договорного, правоприменительного) регулирования предпринимательских отношений.

В связи с тем, что рассмотрение экономических споров и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, относится к исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации, то и споры, связанные с обеспечением государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, в большинстве случаев рассматриваются в рамках арбитражного судопроизводства (за исключением, например, оспаривания нормативных актов в судах общей юрисдикции).

Следовательно, арбитражное процессуальное законодательство должно содержать в себе положения, обеспечивающие, в числе прочего, возможность защиты субъектами малого и среднего предпринимательства своих прав на получение такой государственной поддержки.

Однако, на практике, применительно к участию представителей органов прокуратуры в арбитражном судопроизводстве, существует определенный дисбаланс государственных интересов и интересов субъектов экономической деятельности.

Речь идет о содержании части 1 статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), предусматривающей основания для обращения прокурора в арбитражный суд[2].

В частности, прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с требованием:

- об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, затрагивающих права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- о признании недействительными сделок, совершенных органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправле-

[1] См.: *Степин А.Б.* Способы защиты в системе мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Безопасность бизнеса. 2020. № 1. С. 33.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

ния, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований;

- о применении последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной такими лицами;
- об истребовании государственного и муниципального имущества из чужого незаконного владения.

Однако, на наш взгляд, указанных оснований недостаточно для обеспечения эффективной защиты прав субъектов экономической деятельности.

Сложившееся нормативное регулирование данного вопроса создает, как уже было упомянуто, определенный дисбаланс: органы прокуратуры активно обращаются в арбитражные суды с требованиями, направленными на защиту публичных интересов, в то время как субъекты экономической деятельности, в особенности, малого и среднего предпринимательства, как «слабая» сторона, вынуждены защищать свои права и законные интересы только самостоятельно. В частности, как отмечает Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей в Ежегодном докладе Президенту Российской Федерации за 2020 год, несмотря на принятые меры, бизнес не защищен от необоснованного уголовного преследования.

Акцентируя внимание на проблеме высокого «индекса административного давления», Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей выделяет следующие основные проблемы:

1) избыточность требований к субъектам предпринимательской деятельности, зачастую, нереалистичных, за нарушение которых предусмотрена ответственность;

2) на фоне снижения числа проверок, общее число и общий размер наложенных административных штрафов на предпринимателей продолжают расти;

3) ответственность должностных лиц контрольных и надзорных органов не пропорциональна полномочиям: 88 % нарушений должностных лиц при проведении проверок завершаются предупреждением[1].

В связи с тем, что проблема значительного давления со стороны органов государственной власти и местного самоуправления на представителей малого и среднего предпринимательства остается неразрешенной, несмотря на активную работу Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченных по защите прав предпринимателей субъектов Российской Федерации, на наш взгляд, требуется расширение полномочий работников органов прокуратуры в данной сфере.

Так, в целях повышения эффективности прокурорского надзора и обеспечения государственной поддержки предпринимательства, прокурорский надзор в данной сфере должен осуществляться не только во внесудебном порядке.

В связи с этим, необходимо добавить в АПК РФ новое основание для обращения прокурора в арбитражный суд – в защиту субъектов малого и среднего предпринимательства в связи с неправомерными действиями (бездействием) органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Следовательно, требуется дополнить часть 1 статьи 52 АПК РФ абзацем 6 следующего содержания:

«с иском о признании неправомерными действий (бездействия) органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Сальникова Д.А.
аспирант кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
Научный руководитель: Хижняк В.С., Профессор конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. *В последнее время все большую актуальность приобретает вопрос о понятии и содержании различных видов конституционно-правовой политики. Такой ее вид, как конституционно-правовая политика в области защиты предпринимательской деятельности практически не рассматривается в науке конституционного права, ни в России, ни в Республике Казахстан, что придает новизну и актуальность нашей работе.*

Ключевые слова: *конституционное право, свобода предпринимательской деятельности, конституционное право Российской Федерации, конституционное право Республики Казахстан, конституционно-правовая политика, субъекты конституционно-правовой политики.*

Salnikova D.A.
postgraduate student of the department constitutional law named after professor I.E. Farber (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy»)

[1] См.: Ежегодный доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Президенту Российской Федерации за 2020 год. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html (дата обращения: 18.03.2021).

Supervisor: Khizhnyak V.S., Professor of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber FSBEI HE "Saratov State Law Academy"

THE DEFINITION OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL POLICY IN THE FIELD OF PROTECTION OF BUSINESS ACTIVITY IN RUSSIAN FEDERATION AND IN REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. *Recently, the question of the concept and content of various types of constitutional and legal policy has become increasingly relevant. Such a form of it as a constitutional and legal policy in the field of protection of entrepreneurial activity is practically not considered in the science of constitutional law, neither in Russia nor in the Republic of Kazakhstan, which makes our work new and relevant.*

Keywords: *constitutional law, freedom of entrepreneurial activity, constitutional law of the Russian Federation, constitutional law of the Republic of Kazakhstan, constitutional and legal policy, subjects of constitutional and legal policy.*

За последние два десятилетия в юридической науке повысилось внимание к такой категории, как правовая политика. Это не случайно т.к. данное явление определяет направление развития законодательства государства. Представляя собой единое целое, она может подразделяться не только по отраслям государственного права, но и по отдельным сферам правового регулирования.

Следует отметить, что определение данного правового явления не дается ни в нормативно-правовых актах, ни в материалах судебной практики.

Анализ и глубокое изучение правовой политики и отдельных ее видов, как правового явления дает возможность выявить проблемы правового регулирования и пробелы в праве. Поэтому, на наш взгляд, необходимо давать научные определения, каждому из существующих ее видов.

В науке теории государства и права есть несколько подходов к определению правовой политики: определение ее как идеи, как деятельности и как их совокупности.

Например, В.С. Нерсесянц считает ее идей[1]. Малько делает больший акцент на ее определение через системную и научно-обоснованную деятельность государственных и негосударственных структур[2]. Кроме того, он выделяет и цели правовой политики: «наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры в жизни общества и личности»[3].

Профессор Н.И. Матузов проводит взаимосвязь между правовой политикой как идей и правовой политикой как деятельностью государства, находящей свое воплощение в нормативно-правовых актах[4]. Так же он отмечает, что она является способом юридической легитимации политического курса страны, его правового оформления. Свое выражение правовая политика находит в различных нормативно-правовых актах и представляет собой средство преобразования общества[5].

В науке конституционного права есть определения конституционно-правовой политики. Например, Г.Н. Комкова понимает под ней – «научно-обоснованную и системную деятельность государственных и негосударственных структур, которая направлена на создание эффективного механизма конституционно-правового регулирования». В этом определении сочетаются идейное и деятельное начало конституционно-правовой политики, а под ее целями полагаются совершенствование и реализация конституции и конституционного законодательства[6]. Также есть большая схожесть с определением правовой политики, сформулированной А.В. Малько.

Несколько иное понятие конституционно-правовой политики дает А.А. Савченко. По ее мнению, в данной категории отражаются принципы законотворчества, основы взаимодействия личности и власти с точки зрения конституционного законодательства[7]. В целом такое понятие, скорее дополняет понятие, сформулированное Г.Н. Комковой, чем противоречит ему.

В юридической науке уже существуют исследования некоторых видов конституционно-правовой политики. Так, выделяют конституционно-правовую политику в сфере защиты прав человека или отдельных групп, например, А.Н. Нусупбекова, З.Т. Кубеева, Л.Н. Дегтярева.

Конституционно-правовая политика в сфере защиты предпринимательской деятельности затрагивается крайне редко и не всегда в контексте защиты. Например, С.П. Мороз говорит о концепции правой политики в сфере обеспечения предпринимательства, но определения такой конституционно-правовой политики не дает[8]. Поэтому необходимо сформулировать подобное понятие в науке конституционного права.

Рассматривая конституционно-правовую политику в сфере реализации права на предпринимательскую деятельность в России, И.Н. Плотникова также своего определения данного вида конституционно-правовой политики не дает, но приводит ее существенные признаки. Такие, как: «научная обоснованность, концептуальность,

---

[1] *Нерсесянц В.С.* Правовая политика и совершенствование законодательства: теоретико-методологические проблемы // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Москва, 4-5 ноября 2003 года. С. 3.

[2] *Малько А.В.* Правовая политика //Правовая политика: словарь и проект концепции/под ред. А.В. Малько; ГОУ ВПО Саратовская государственная академия права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 26.

[3] Там же.

[4] *Матузов Н.И.* Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997.№ 4. С. 8.

[5] Там же.

[6] Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009. С. 88.

[7] *Савченко А.А.* Роль конституционно-правовой политики в формировании правосознания // Омбудсмен. 2014. № 1. С. 3–9.

[8] *Мороз С.П.* Концепция правовой политики РК и обеспечение предпринимательства в РК // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 2. С. 56–59.

реалистичность, рациональность, прагматичность, комплексный, последовательный и системный характер, соответствие основополагающим принципам и идеологии Конституции РФ, политическому курсу высших органов власти и политической воле лидеров государства»[1]. Также ею отмечается, что «понятиеобразующим элементом конституционно-правовой политики выступает и ее основанность на Конституции РФ, предопределенность ее сущностью»[2].

Как мы видим, ни в российской, ни в казахской юридической литературе понятия конституционно-правовой политики в сфере защиты свободы предпринимательской деятельности нет.

Проанализировав понятия конституционно-правовой политики и ее видов, можно дать свое определение конституционно-правовой политике в области защиты свободы предпринимательской деятельности. Мы предлагаем понимать, под ней *деятельность государственных и негосударственных структур, направленную на совершенствование конституционно-правового механизма регулирования защиты свободы предпринимательской деятельности, через* выработку *стратегических идей, принятие и реализацию конституционно-правовых норм для урегулирования соответствующих отношений, осуществляемая на научной основе и имеющая системный характер*. Ее особенностью является направленность на обеспечение всеобъемлющей защиты свободы предпринимательской деятельности, развитие конституционно-правового регулирования и механизма именно защиты этой свободы, а также основанность как идей, ее составляющих, так и деятельности указанных органов, на нормах Конституции.

На наш взгляд, такая формулировка будет актуальна как для России, так и для Республики Казахстан. В ней отражается характер данного вида правовой политики именно как конституционно-правовой и подчеркивается направленность идей и деятельности именно на обеспечение защиты конституционной свободы предпринимательской деятельности.

В этом определении есть и критерий эффективности конституционно-правовой политики в рассматриваемой сфере – совершенствование конституционно-правового механизма регулирования защиты свободы предпринимательской деятельности. Данный вид политики будет эффективен, если, разрабатываемая и реализуемая правовая политика позволяет совершенствовать указанный конституционно-правовой механизм, заполняя пробелы в праве и заменяя неэффективные нормы на эффективные.

[1] *Плотникова И.Н.* Конституционно-правовая политика в сфере реализации права на предпринимательскую деятельность в России. // Российский юридический журнал. 2020. № 2 (131). С. 105.

[2] Там же.

Свиридов Д.Р.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Верина Г.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИНСТИТУТ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, появилось в российском уголовном законодательстве существенно позже иных обстоятельств подобного рода. В настоящей статье выдвигается гипотеза о том, что обоснованный риск – это институт российского уголовного права, рассматриваются генезис и этапы его развития.*

Ключевые слова: *обстоятельства, исключающие преступность деяния; обоснованный риск; институт уголовного права*

Sviridov D.R.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor:Verina G.V., Doctor of Law Professor of Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE INSTITUTE OF REASONABLE RISK IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: HISTORICAL ASPECT

Abstract. *Reasonable risk as a circumstance precluding the criminality of an act appeared in the Russian criminal legislation significantly later than other circumstances of this kind. This article puts forward the hypothesis that reasonable risk is an institution of Russian criminal law, examines the genesis and stages of its development.*

Keywords: *circumstances that exclude the criminality of the act; reasonable risk; institute of criminal law*

Под институтом права следует понимать объективно обособившуюся внутри той или иной отрасли группу взаимосвязанных однопорядковых юридических норм.

По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, институт права – это сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующая определенную разновидность общественных отношений. Институт права является одним из основных структурных элементов системы права, его составной частью[3].

При этом, как справедливо подчеркивает М.Н. Марченко, институты права существуют и функционируют в пределах отраслей права, вместе с составляющими их нормами они формируют структуру отрасли права[4].

[3] *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. 2-е изд. М.: Юристъ, 2005. С. 300.

[4] *Марченко М.Н.* Теория государства и права. 2-е изд. М.: Велби, Проспект, 2006. С. 254.

В.К. Цечоев полагает, что правовой институт – «совокупность правовых норм, регулирующих какой-либо конкретный вид однородных общественных отношений»[1].

С учетом представленных воззрений авторов есть основания выдвинуть гипотезу о том, что обоснованный риск представляет собой институт российского уголовного права.

Комплексное исследование института обоснованного риска в уголовном праве России представляется невозможным без исторического обзора причин и источников его формирования. Кроме того, его исследование невозможно и без рассмотрения в историческом аспекте всего института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Первым обстоятельством, исключающим преступность деяния, сформировавшимся на законодательном уровне, является необходимая оборона. В древнейший период становления и развития соответствующее обстоятельство, исключающее преступность деяния, имело существенное сходство с древнегерманским и римским правом, и, кроме того, имело значительное сходство с правом мести.

Нормативное закрепление необходимая оборона получила в Русской Правде. Изначально соответствующее обстоятельство, исключающее преступность деяния, применялось исключительно в целях защиты права собственности. Развиваясь в дальнейшем, необходимая оборона закреплялась как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в целях охраны жизни и здоровья, в Соборном Уложении 1649 года, законодательстве, действующем при Петре I, в Уголовных уложениях 1845 и 1903 годов[2].

Возникновение и развитие обоснованного риска в уголовном праве России главным образом связано с советским периодом развития государства. Отсутствие законодательного закрепления обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, не являлось препятствием для его использования в российском законодательстве в качестве социально-правовой категории.

Еще в 1929 г. ЦИК и СНК было издано Постановление «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателю»[3]. В данном постановлении было использовано понятие «производственный риск». Устанавливалось, что если вред причинен в условиях нормального производственного риска, то недопустимо возлагать ответственность за причинение вреда на рабочего или служащего. Сходная по своему смыслу норма в настоящий момент закреплена в Трудовом кодексе Российской Федерации[4].

По утверждению Н.Ш. Козаева, момент появления категории «риск» в уголовно-правовой сфере связан с 30-ми годами XX в., когда следственные и судебные органы столкнулись с острой проблемой причинения вреда в условиях риска в производственно-хозяйственных отношениях[5].

В дальнейшем в 1930-е годы XX столетия риск был признан буржуазной уголовно-правовой категорией и чуждой социалистическому государству[6].

Как справедливо подчеркивал М.С. Гринберг, тот факт, что в СССР в рассматриваемый период в уголовном праве не использовалась категория риска, являлся фактором торможения для научно-технического прогресса, а ученые были лишены «возможности постановки и разрешения существующих проблем»[7].

Верховный суд СССР в 1944 г. определил: «Производственный риск при определенных условиях может являться обстоятельством, которое устраняет виновность подсудимого»[8].

До окончания Великой Отечественной Войны и законом, и наукой институт производственного риска практически игнорировался.

Однако по окончании Великой Отечественной Войны, с наращиванием развития производственных технологий, в условиях необходимости восстановления государства, игнорирование производственно-технического риска могло бы повлиять на производственное развитие отрицательно.

Некоторые авторы начали рассматривать производственный риск в своих работах, придавать ему характер обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Действующее в 50-е гг. XX в. уголовное законодательство в СССР при этом еще рассматривало «производственный риск» как обстоятельство, которое при определенных условиях может исключать преступность деяния.

По мнению А.В. Омельченко, исследующего «творческий риск» в 50-е и 60-е гг. прошлого века, развитие производства в СССР может быть заторможено в связи с отсутствием в законодательстве производственного риска, смягчающего или полностью исключающего ответственность за непредвиденные последствия, которые могут возникать при проведении различных экспериментов в целях технического прогресса[9].

Достаточно детально исследовал производственный риск М.С. Гринберг. Автор выделил понятие «оправданного производственного риска», под которым он понимал «правомерное создание опасности в целях достижения общественно полезного результата, который не может быть получен иными, не рискованными средствами»[10].

Автор считал, что постановка вопроса о необходимости или отсутствии необходимости введения в уголовное

---

[1] *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017. С. 46.

[2] *Евтушенко Е.А.* О развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве России // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 254.

[3] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1929. № 42, ст. 367.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1, ст. 3.

[5] *Козаев Н.Ш.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 14.

[6] *Явич Л.С.* Социализм: право и общественный прогресс. М.: Юрид. лит. 1990. С. 6–7.

[7] *Гринберг М.С.* Проблемы производственного риска в уголовном праве. М.: Госюриздат. 1964. С. 8.

[8] Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1944 г. М. С. 145–146.

[9] *Омельченко А.И.* Творческий риск и его государственно-правовая охрана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 38.

[10] *Гринберг М.С.* Значение производственно-хозяйственного риска по советскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. Л., 1957.

законодательство производственного риска в круг обстоятельств, исключающих преступность деяния, достаточно бесцельна, поскольку судебная практика активно использует производственный риск в качестве такового.

Тем не менее, в новом нормативно-правовом акте, регулирующем уголовно-правовые отношения – в Основах уголовного законодательства СССР 1958 г. – производственный риск не был указан в числе обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В дальнейшем ряд ученых изучали допустимый риск в уголовном праве с точки зрения развития научно-технического прогресса. Такое направления исследования не было случайным: в советском государстве в рассматриваемый период было много достижений в научном исследовании медицины, биологии, космоса, атомной энергии.

Т.В. Церетели отмечала, что такие достижения были бы невозможны без допустимого риска[1].

А.А. Пионтковский предлагал включить положения о «допустимом риске» вместе с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Вместе с тем автор отмечал, что соответствующее закрепление возможно только в том случае, если будет разрешен ряд проблемных вопросов, связанных с допустимым риском. К таким «проблемным вопросам» автор относил сферу допустимого риска, а также проблему соотношения допустимого вреда и общественно полезного результата[2].

В ходе «перестройки» (1980-е гг.) многие авторы отмечали, что корректировка всех сфер общественной жизни требовала изменений в уголовном законодательстве, в том числе относительно обоснованного риска, отсутствие которого перекрывало дорогу новым качественным изменениям[3].

Институт государства и права СССР активно занимался разработкой теоретической модели Уголовного кодекса, работа над которой была завершена в 1987 г.[4].

В данной модели содержалась глава с правовыми нормами, регулирующими обстоятельства, исключающие преступность деяния. Впервые были разработаны положения о «правомерном профессиональном риске».

Для признания деяния «правомерным профессиональным риском», согласно положениям теоретической модели Уголовного кодекса, деяние должно было соответствовать двум критериям:

1) вред интересам, охраняемым нормами права, должен причиняться в условиях правомерного риска в целях достижения общественно полезного результата в профессиональной деятельности;

2) совершенные действия не должны нарушать прямых запретов, установленных действующим нормативно-правовым актом, и обязательно должны соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту, при этом цель в виде общественно полезного результата в профессиональной деятельности не может быть достигнута иными действиями, не связанными с риском, а лицо, совершающее действия, сопряженные с риском, предприняло все возможные меры для предотвращения вредных последствий;

Теоретическая модель Уголовного кодекса предусматривала, что уголовная ответственность за причиненный вред не наступает даже в том случае, если общественно полезный результат не был достигнут, а наступивший вред оказался более значительным, чем поставленная общественно полезная цель.

Представляется значимым, что положения теоретической модели Уголовного кодекса напрямую относились только к действиям, осуществляемым в профессиональной сфере.

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. было закреплено положение об «оправданном профессиональном и хозяйственном риске». Данные положения не вступили в законную силу в связи с распадом СССР.

Названный нормативно-правовой акт содержал следующие важные положения:

- не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но представляющее собой оправданный профессиональный или хозяйственный риск для достижения общественно полезной цели;
- риск признается оправданным, если совершенное действие соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями, а лицо, допустившее риск, предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам;
- риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой экологической катастрофы, угрозой здоровью или жизни людей.

По мнению С. Келиной, выделение двух соответствующих категорий – «профессиональный» риск и «хозяйственный» риск – связано непосредственно с тем, что в своей деятельности правоприменитель фактически сталкивался с обоснованным риском исключительно в двух названных сферах[5].

Впервые в число обстоятельств, исключающих преступность деяния, обоснованный риск был включен в момент принятия действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в 1996 г..

Обоснованный риск – это допустимый риск во всех сферах человеческой деятельности.

Институт обоснованного риска представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с причинением физическим лицом вреда охраняемым законом интересам в условиях, когда общественно полезная цель, в интересах достижения которой действовало физическое лицо, не могла быть достигнута никакими иными способами,

---

[1] *Церетели Т.В.* Деликты создания опасности // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 5.

[2] *Пионтковский А.А.* Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями НТР // Советское государство и право. 1972. № 4. С. 30–39.

[3] *Никулин С.И.* Социалистическая предприимчивость в хозяйственной деятельности и уголовная ответственность за должностное злоупотребление // Укрепление общественного порядка и законности в правовом государстве: межвуз. сб. науч. тр. М.: МВД СССР, 1989. С. 123–133.

[4] Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М.: Наука. 1987. С. 170.

[5] Келина С. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Советская юстиция. 1988. № 22. С. 14.

и при этом физическое лицо осуществило все возможные действия для нивелирования общественно опасных последствий своих действий (бездействия).

На основании проведенного анализа следует выделить несколько этапов исторического развития института обоснованного риска в уголовном праве России и их основные черты:

- этап I (1922 – 1928 гг.) отличался использованием категории «риск» в российском праве как обстоятельства, исключающего материальную ответственность работника;
- этап II (1929 г.) свидетельствовал о появлении термина «производственный риск»;
- этап III (1930 – 1945 гг.) сопровождался игнорированием «производственного риска», объявлением его несоответствующим советскому государству;
- этап IV (1946 – 1986 гг.) ознаменован активным теоретическим изучением категории риска в науке уголовного права, выдвижением предложений о необходимости включения обоснованного риска в действующее уголовное законодательство России в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния;
- этап V (1987 – 1995 гг.) – изучение «профессионального» и «хозяйственного» допустимого риска, их законодательное регулирование на уровне закона;
- этап VI (1996 г. – н.в.) характеризуется закреплением на законодательном уровне (УК РФ) обоснованного риска в качестве обстоятельства, которое исключает преступность деяния, и дальнейшим его развитием с учетом эволюции общественных отношений.

Серейчикас М.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель Неверова Н.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И В МИРЕ

Аннотация. *В представленной статье автор рассматривает особенности зарождения и развития рынка микрофинансирования не только в Российской Федерации, но и за ее пределами, приводит основные этапы становления данного вида деятельности на разных этапах развития общества и государства, оценивает его состояние на сегодняшний день, выделяет основные проблемы и тенденции развития микрофинансового рынка.*

Ключевые слова: *микрофинансирование, микрофинансовые организации, микрокредитование, зарубежный опыт микрофинансирования.*

Sereychikas M.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Neverova N.V., Cand. of Juridical Sc., Associate Professor Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE HISTORY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE LEGAL REGULATION OF MICROFINANCE ACTIVITIES IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Abstract. *In this article, the author examines the peculiarities of the origin and development of the microfinance market not only in the Russian Federation, but also abroad, gives the main stages of the formation of this type of activity at different stages of the development of society and the state, assesses its current state, identifies the main problems and trends in the development of the microfinance market.*

Keywords: *microfinance, microfinance organizations, microcredit, foreign experience of microfinance.*

Микрофинансирование в Российской Федерации существует уже далеко не первый год, а его мировая история и вовсе исчисляется десятилетиями, однако словосочетание «микрофинансовая организация» для многих россиян – обывателей является синонимом некой мошеннической схемы, еще одного способа получения сверхприбылей нечистыми на руку предпринимателями за счет чрезмерно доверчивых и зачастую финансово неграмотных граждан. Уровень доверия к таким организациям на сегодняшний день остается на весьма посредственном уровне, люди рассматривают микрофинансирование чаще всего в качестве «последней инстанции», когда иные способы получения заемных средств, будь то банковский кредит или кредитная карта, полностью себя исчерпали[1]. Тем не менее сегодня, пожалуй, невозможно найти человека, который ни разу не слышал о таком нехитром способе повышения уровня своего благосостояния, пускай и временного. Офисы различных микрофинансовых организаций открыты буквально в каждом районе города. Рекламой моментальных займов пестрят информационные щиты и остановочные павильоны. Даже в сети Интернет то и дело можно увидеть предложения получить небольшой заем быстро и без дополнительных документов и достаточно длительных процедур оформления, являющихся неотъемлемой частью банковского кредита.

Из всего вышесказанного может сложится представление о том, что микрофинансирование является совсем молодым институтом и находится только на пороге своего становления и развития. Однако это далеко не так. Первые идеи микрофинансирования стали зарождаться еще в средние века. Тогда основу финансового рынка

[1] См.: *Балашев Н.Б., Колетвинова Е.А.* Проблемы развития финансового рынка в современный период // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 4-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-finansovogo-rynka-v-sovremennyy-period (дата обращения: 11.11.2020).

составлял так называемый «ростовщический кредит», главными условиями которого были непомерно высокие процентные ставки. Однако это фактически сводило на нет стимулирующую функцию кредита, когда заемщики вместе с заемными средствами получали действенный стимул для дальнейшего развития. С этой целью к концу XV столетия при поддержке католической церкви было положено начало организации системы ломбардов, которая, по мнению монашеских общин, должна была стать более доступной альтернативой «ростовщическому кредиту», предлагая займы с более низкой процентной ставкой при условии залога движимого имущества, принадлежавшего заемщику.

В Российской Империи первые предпосылки к развитию микрофинансирования стали зарождаться в конце XIX века, когда отмена крепостного права и начало новой промышленной революции дали мощный толчок к развитию экономики. Стали массово появляться кредитные организации, созданные специально для малоимущих слоев населения. Именно их можно считать неким прообразом современных микрофинансовых организаций. Однако их бурному развитию помешала сначала Первая мировая война, а после Октябрьская революция и переход страны к социалистическому строю.

Датой появления микрофинансирования в его современном виде принято считать 1976 год. Тогда профессором из государства Бангладеш Мухаммедом Юнусом была создана нынешняя модель микрофинансирования, которая в несколько видоизмененном виде используется во всем мире по настоящее время[1]. В то время, будучи молодым ученым, возвратившимся на родину после обучения в США, он был назначен на должность руководителя специального проекта по экономическому развитию сельских регионов. Тогда профессор выяснил, что многие жители деревень были повергнуты в нищету именно ввиду непомерно высоких процентов по кредитам. Одним из способов борьбы с текущим положением дел Мухаммед Юнус видел выдачу гражданам небольших сумм займов (не более 1$) под невысокий процент для того, чтобы они смогли выбраться из долговой ямы и начать развивать собственный бизнес. Таким образом был создан Бангладешский проект «Грамин» (Grameen Bank Prakalpa), который не только является прообразом первого современного микрофинансового института, но и одним из наиболее успешных проектов микрофинансирования в мире. Уже к началу двадцать первого века на счету «Grameen Bank» было более четырех миллионов выданных займов, что в очередной раз доказывает эффективность и востребованность такой модели микрокредитования.

На примере успеха и эффективности проекта «Grameen Bank», другие страны с низким уровнем экономического развития также стали большое внимание уделять микрофинансированию. Так, к примеру, 8 южноафриканских стран, такие, как Бенин, Того, Буркина-Фасо, Нигер, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Мали и Гвинея-Биссау, совместными усилиями разработали унифицированный подход к формированию единой системы нормативно-правового регулирования микрофинансового сектора, который находится под контролем регионального Центрального банка[2].

Следующий виток развития микрофинансирования в мире пришелся на конец XX века, когда произошло его полное переосмысление в области субъектного состава. Так, отныне субъектами микрофинансирования стали не только начинающие предприниматели, но и физические лица – граждане из малоимущих слоев населения, у которых по различным причинам был ограничен доступ к классическим банковским продуктам. Благодаря этому микрофинансирование в своем развитии вышло за пределы развивающихся стран и на сегодняшний день активно развивается в таких странах как Великобритания, Германия, США и другие[3].

В настоящее время микрофинансирование занимает достаточно прочную позицию в финансовой инфраструктуре большинства стран. Однако на сегодняшний день присутствует достаточно обширное разнообразие программ микрофинансирования, которые реализуются в различных странах исходя из уровня социально-экономического развития и национальных особенностей отдельно взятого государства. Сегодня наибольшее распространение микрофинансовых услуг приходится на развивающиеся страны. На это указывает и само определение микрофинансирования, которое дает Программа развития Организации Объединенных Наций. Согласно ему микрофинансирование есть «розничные финансовые услуги на небольшие суммы, предназначенные для клиентов, имеющих низкий уровень дохода, или не имеющих доступа к традиционным финансовым услугам». Данное определение является верным для многих стран мира, в том числе и для России. Однако здесь стоит уточнить, что в нашей стране микрофинансовые организации зачастую функционируют без конкретной привязки к неким социальным целям, будь то оказание услуг начинающим предпринимателям или развитие сельского хозяйства. Несмотря на то, что Банк России делает определенные шаги в сторону развития именно обусловленного некой социальной целью микрофинансирования, например, увеличивая максимальную сумму микрозайма для предпринимателей, на отечественном финансовом рынке все еще превалируют микрофинансовые организации, чье основное направление деятельности – выдача займов физическим лицам по принципу «до зарплаты»[4].

С правовой точки зрения процесс становления микрофинансового рынка в Российской Федерации можно разделить на несколько этапов. Начало первому из них было положено еще в 1917 г. изданием Декрета ВЦИК, объявившего государственную монополию на банковскую деятельность. Это произошло в период тотального упадка всей финансовой системы страны, пострадавшей вначале от Первой мировой, а сразу после еще и Граж-

[1] См.: *Мухаммад Юнус Алан Жоли.* Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма. НП «НАУМИР», 2010.

[2] См.: *Панаедова Г.И., Панаедов Г.И.* Микрофинансирование в глобальном мире: международный опыт и российские реалии // Финансы и кредит, 2007. № 24 (264). С. 3-10.

[3] См.: *Захкин А.А.* Микрофинансирование на рынке финансовых услуг: история вопроса и мировой опыт // Банковские услуги. 2013. № 2. С. 8-14.

[4] См.: *Старостин В.М.* Становление рынка микрофинансирования в Российской экономике // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 2 (16).

данской войны. В указанный период микрокредитование осуществлялось исключительно в натуральной форме и вошло в историю под наименованием «рабочий кредит». Предоставлялся такой кредит рабочими кооперативами исключительно работающим гражданам, обязательным условием для его предоставления было поручительство предприятия-работодателя[1]. Некоторые изменения в сфере микрокредитования привнес переход государства к новой экономической политике. Так, были открыты первые ломбарды и кассы взаимопомощи при профсоюзных организациях. Однако доля таких касс вплоть до начала Великой Отечественной войны оставалась незначительной и глобальной роли в кредитовании населения страны они не имели.

После завершения Второй мировой войны получила некоторое развитие государственная программа по натуральному кредитованию населения для приобретения товаров длительного использования. Однако конкретный перечень таких товаров был значительно ограничен государством и в условиях послевоенного становления экономики, сопровождающегося неизбежным дефицитом многих товаров массового потребления, данная программа не приобрела массовый всенародный характер[2].

Распад СССР и переход к рыночной экономике, сопровождавшийся глобальными изменениями, в том числе и в банковской системе Российской Федерации, стал отправной точкой для активного развития микрофинансовых институтов. В связи с эффектом гиперинфляции большая часть займов, предоставляемых банками, выдавалась на крайне малый срок, как правило, до трех месяцев. Нередкими были случаи предоставления кредитов и займов на несколько дней. Однако в связи с достаточно низким уровнем жизни населения большинство граждан не могли воспользоваться заемными средствами на таких условиях, доходность, достаточную для покрытия значительных процентов за столь малые сроки могла обеспечить только предпринимательская деятельность, поэтому основными потребителями на рынке кредитования были именно такие субъекты. Проблему ограниченного доступа к заемным средствам для граждан отчасти помогало разрешить активное развитие ломбардов, а также появление большого количества частных лиц, предоставляющих доступные займы[3].

Существенным изменением на рынке кредитования того времени стало внедрение и развитие экспресс-кредитования в качестве доступной альтернативы ломбардному или же ростовщическому кредиту. Одним из первых такую модель кредитования стал активно внедрять «Межкомбанк», просуществовавший вплоть до кризиса 1998 года[4].

Уже к началу нового тысячелетия на рынке микрофинансирования наблюдалась устойчивая положительная динамика. Неуклонно увеличивалось количество организаций, объемы выдаваемых заемных средств, география и размеры клиентской базы. Микрофинансирование как инструмент финансовой политики государства, направленный на поддержку нуждающихся слоев населения, демонстрировало активный рост, доказывая свою эффективность и выступая при этом достаточно рентабельным видом деятельности. Кредитные кооперативы постепенно заменялись региональными и муниципальными фондами поддержки малого бизнеса, а затем начали массово функционировать уже рыночные институты, создаваемые в различных организационно-правовых формах. Происходит постепенное смещение микрофинансирования от инструмента для обеспечения финансовых возможностей малого и среднего бизнеса к потребительскому кредитованию. Все это неминуемо привело к формированию регулируемого рынка микрозаймов в Российской Федерации[5].

Начало формированию правового регулирования микрофинансовой деятельности в его современном виде было положено в 2010 г., когда был принят Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»[6]. Именно благодаря этому рынок микрофинансирования в том виде, в котором он существовал ранее, практически полностью исчез или трансформировался в соответствии с новыми реалиями, на рынок пришли современные микрофинансовые организации, все особенности функционирования которых на сегодняшний день строго регламентированы законодателем.

Подводя итоги, стоит отметить, что сектор микрофинансирования в России все еще находится на этапе формирования и, по мнению многих ученых и специалистов, его потенциал далеко не исчерпан. Принимая во внимание тенденцию последних лет на снижение числа выдаваемых коммерческими банками кредитов субъектам малого и среднего бизнеса, можно сделать вывод, что для микрофинансовых организаций открываются новые перспективы роста.

---

[1] См.: *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время // Terra Economicus. 2012. № 10.

[2] См.: *Езангина И.А., Шахбазян Е.М.* Микрофинансовые организации в России: опыт прошлого, настоящее, будущие перспективы // Экономика и предпринимательство. 2015. № 4-1 (57-1).

[3] См.: *Зеленковская И.И.* Эволюционное развитие системы микрофинансирования // Фундаментальные прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 4.

[4] См.: *Юрченко А.В., Колесов Р.В., Трохалев М.В.* Возникновение и развитие рынка микрофинансирования в России // Вестник МФЮА. 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-rynka-mikrofinansirovaniya-v-rossii (дата обращения: 18.03.2021).

[5] *Чирков А.В.* Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. 2017.

[6] Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СЗ РФ. 2010. № 27, ст. 3435.

Сеснева И.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Седова Г.И., к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ДОЗНАНИЕ КАК ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. *в статье выяснена сущность дознания как формы предварительного расследования, дана характеристика и рассмотрены особенности общего порядка производства дознания по уголовным делам.*

Ключевые слова: *дознание, форма, предварительное расследование, уголовное процессуальное законодательство*

Sesneva I.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: SedovaG.I. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

GENERAL PROCEDURE FOR PRODUCING AN INQUIRY IN CRIMINAL CASES AS A FORM OF A PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. *The article clarifies the essence of inquiry as a form of preliminary investigation, gives a characteristic and considers the features of the general procedure for conducting an inquiry in criminal cases.*

Keywords: *inquiry, form, preliminary investigation, criminal procedural legislation*

Действующим уголовно-процессуальным законодательством установление обстоятельств, имеющих значение для всестороннего и объективного разрешения уголовного дела предусматривается путем производства предварительного следствия или дознания, причем последнее, соединив в себе черты протокольной формы досудебной подготовки материалов и дознания в полном объеме, по существу, представляет собой предварительное следствие, осуществляемое в более короткие сроки, без предъявления обвинения и составления обвинительного заключения. Таким образом, законодатель пошел по пути интеграции форм расследования, отдав предпочтение процедуре расследования в форме дознания, которая в большей степени гарантирует соблюдение конституционных прав и законных интересов участников уголовного процесса, нежели протокольная форма досудебной подготовки материалов. Однако после принятия УПК РФ институт дознания постоянно подвергается изменениям и дополнениям (был принят ряд федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УПК РФ): увеличены сроки расследования, расширена подследственность, введен институт уведомления о подозрении в совершении преступления и т. п., поэтому возникает необходимость в пересмотре и переосмыслении места, значения и роли соответствующего процессуального института в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

В связи с этим целесообразно проанализировать нормы уголовно-процессуального закона РФ, которые регулируют производство предварительного расследования в форме дознания в общей форме.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) выделяет две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание. Дознание в свою очередь имеет также две формы: общую (глава 32 УПК РФ) и сокращенную (глава 32.1 УПК РФ).

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей проведения дознания в общей форме, отметим, что предварительное следствие и дознание, проводимое в общей форме, имеют много общих черт, но нас интересуют признаки их разграничения. Это такие признаки.

1. По органам, ведущим уголовно-процессуальную деятельность. Предварительное следствие осуществляют следователи, следственные аппараты в настоящее время существуют в трех ведомствах: Следственном комитете, МВД и ФСБ России. Дознание производят органы дознания, перечисленные в ст. 40 УПК РФ, а также те, которые указаны в ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

В системе МВД России дознавателями являются сотрудники, входящие в штат специализированных подразделений дознания (групп, отделений, отделов, управлений). Такие дознаватели называются «штатными» и имеют должности дознавателей и старших дознавателей. Кроме того, решением начальника органа внутренних дел любой подчиненный сотрудник (кроме следователя) может быть назначен исполняющим обязанности дознавателя. Для этого издается соответствующий приказ. В период исполнения обязанностей дознавателя такой сотрудник также является штатным дознавателем и подчиняется в организационных и процессуальных вопросах начальнику подразделения дознания.

Штатный дознаватель является должностным лицом, правомочным расследовать уголовные дела в форме дознания в силу занимаемой должности. При этом дознаватель самостоятельно, в пределах своей компетенции принимает процессуальные решения по уголовному делу.

Помимо этого, начальник органа дознания вправе поручить любому подчиненному сотруднику (кроме следователя) производство неотложных следственных действий, т.е. расследовать в течение 10 суток уголовное дело, не подследственное данному органу дознания. Такое решение принимается начальником органа дознания в виде письменной резолюции на поступившем сообщении о преступлении, причем начальник органа дознания обязан прямо указать фамилию и инициалы сотрудника, который будет производить неотложные следственные действия. Во время производства неотложных следственных действий указанное должностное лицо считается разовым дознавателем и не вправе производить

оперативно-розыскные мероприятия по расследуемому уголовному делу. Таким образом, разовый дознаватель изначально, в силу занимаемой должности не вправе расследовать уголовные дела в форме дознания, он уполномочивается лишь на производство предварительного расследования в форме дознания начальником органа дознания. По смыслу закона, разовый дознаватель при производстве неотложных следственных действий согласовывает принимаемые решения не с начальником специализированного подразделения дознания, а с начальником органа дознания[1].

При проведении уголовно-процессуальной деятельности штатный и разовый дознаватель равноправны, они вправе производить все разрешенные следственные и иные процессуальные действия и принимать все процессуальные решения в пределах своей компетенции. Вместе с тем полномочия разового дознавателя при производстве неотложных следственных действий изначально ограничены тем, что он не вправе принять по расследуемому делу итоговое решение (составить обвинительный акт или постановление о прекращении уголовного дела).

2. По расследуемым преступлениям. Распределение уголовных дел между органами предварительного следствия и дознания осуществляется по правилам подследственности, установленным в ч. 3 ст. 150 и ст. 151 УПК РФ. Данные два отличия являются сугубо формальными и имеют «внешний» характер, не затрагивая непосредственно процессуальный порядок предварительного следствия и дознания.

3. По субъектам, осуществляющим руководство расследованием. Такое руководство проявляется в нескольких формах: а) дача письменных указаний по вопросам расследования; б) дача согласия на обращение следователя и дознавателя в суд с ходатайством о производстве процессуальных действий, затрагивающих процессуальные права граждан; в) рассмотрение жалоб на действия следователя и дознавателя, отстранение от ведения дела и поручение предварительного расследования другому должностному лицу.

Для предварительного следствия субъектом процессуального руководства выступает руководитель следственного органа, для дознания – прокурор.

4. По степени процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя. Основное различие заключается в том, что следователь, получив указания от руководителя следственного органа, имеет право обжаловать их вышестоящему руководителю следственного органа, причем такое обжалование приостанавливает выполнение указаний. Дознаватель, получив указания от прокурора, обязан выполнять их сразу после получения, и даже если он обжалует эти указания, их действие не приостанавливается[2].

5. По срокам расследования. Срок предварительного следствия составляет 2месяца, при наличии оснований он может быть продлен до 3 и 12 месяцев, а затем и далее, причем предельный срок предварительного следствия в УПК РФ не установлен.

Срок дознания в общей форме составляет 30 суток, при наличии соответствующих оснований допускается его продление до 6 и 12 месяцев, при этом 12-месячный срок дознания является предельным.

6. По некоторым вопросам процессуального порядка и итоговым документам.

а) при производстве дознания, как правило, не составляется такой документ, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого, вынесение которого обязательно при проведении предварительного следствия(однако в порядке исключения и в ходе дознания может выноситься постановление о привлечении в качестве обвиняемого). Вместе с тем при производстве дознания предусмотрено составление уведомления о подозрении, которое при проведении предварительного следствия не оформляется;

б) в случае избрания при производстве дознания меры пресечения в виде заключения под стражу дознание должно быть закончено в течение 10 суток с момента применения данной меры пресечения;

в) по результатам предварительного следствия составляется обвинительное заключение, по результатам дознания в общей форме – обвинительный акт, а дознания в сокращенной форме – обвинительное постановление. Вместе с тем данные документы по своей структуре и содержанию практически идентичны, а различаются только по наименованию.

г) ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела при производстве предварительного следствия осуществляется до составления обвинительного заключения, а при производстве дознания –после составления обвинительного акта или обвинительного постановления.

Кроме того, при производстве дознания с материалами дела потерпевший знакомится только при наличии его ходатайства.

Вместе с тем следователь и дознаватель имеют одинаковые права по собиранию доказательств, производству следственных действий и применению мер процессуального принуждения. В этом смысле дознаватель имеет одинаковые полномочия со следователем, может производить все следственные действия, как и следователь.

Кроме того, для следователя и дознавателя одинаков перечень следственных и иных процессуальных действий, а также мер процессуального принуждения, которые можно производить или применять только по судебному решению.

Таким образом, в настоящее время различия между предварительным следствием и дознанием в общей форме минимальны.

Далее рассмотрим порядок производства дознания в общем порядке.

По действующему законодательству предварительное расследование в форме дознания может производиться как в общем, так и в сокращенном порядке, установленном гл. 21, 22 и 24-29 УПК РФ с изъятиями, предусмотренными гл. 32 и 32.1 УПК РФ. Таким образом, на дознание распространяются все правила, касающиеся общих ус-

[1] *Стельмах В.Ю.* Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД РФ, 2015. С. 22.

[2] *Валькова Т.В.* Дознание в органах внутренних дел. СПб.: Р-КИОП, 2016. С. 24.

ловий предварительного расследования, производства следственных действий, приостановления и возобновления предварительного следствия, прекращения уголовных дел. Если же установленные для дознания правила противоречат правилам предварительного следствия, то применяются специальные правила, регламентирующие дознание.

Срок дознания в общей форме составляет 30 суток. По аналогии со сроком предварительного следствия его течение начинается с даты возбуждения уголовного дела и заканчивается в момент направления уголовного дела прокурору с обвинительным актом или в момент прекращения уголовного дела (ч. 3 ст. 223 УПКРФ).

Продление срока дознания осуществляется:

1.На 30 суток, т.е. суммарно до 60 суток – в случае установления обстоятельств, влекущих невозможность окончить дознание в 30-суточный срок. Какого-либо формального перечня оснований для продления срока дознания до 60суток УПК РФ не устанавливает. Решение о продлении срока дознания до 60 суток принимается прокурором районного уровня (ч. 3 ст. 223 УПК РФ).

2. До 6 месяцев– в случае установления любых обстоятельств, влекущих невозможность закончить производство дознания в 60-суточный срок, в т. ч. Для производства экспертизы. По смыслу закона проведение экспертизы, хотя оно и выделено особо, является не единственным основанием для продления срока дознания до 6 месяцев. Решение о продлении срока дознания до 6 месяцев принимается прокурором районного уровня (ч. 4 ст. 223 УПК РФ).

3. До 12 месяцев– в исключительных случаях, только при исполнении запроса о правовой помощи в иностранное государство (ч. 5 ст. 223 УПК РФ).Никакие другие обстоятельства, в т. ч. сложность расследования, необходимость производства следственных действий, завершение экспертизы и т. п., не могут выступать основаниями для продления срока дознания свыше 6 месяцев.

12-месячный срок дознания является предельным и его дальнейшее продление недопустимо. В случае невозможности окончить дознание в этот срок уголовное дело должно быть передано для производства предварительного следствия.

При производстве дознания, по общему правилу, не составляется постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Вместе с тем законодатель учитывает, что лицо, подвергаемое уголовному преследованию, должно быть извещено о существе подозрения. Для этого законом предусмотрено вынесение такого процессуального документа, как уведомление о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1УПК РФ).

По буквальному смыслу закона уведомление о подозрении выносится только в тех случаях, когда уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, а не в отношении конкретного лица, а основания подозревать конкретное лицо были установлены в ходе дознания. Вместе с тем в практической деятельности во многих подразделениях дознания уведомление о подозрении составляется и тогда, когда в постановлении о возбуждении уголовного дела указаны данные конкретного лица. Такой подход представляется правильным, поскольку уведомление о подозрении, содержащее формулировку преступления, инкриминируемого лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, тем самым конкретизирует подозрение[1].

Уведомление выносится индивидуально в отношении каждого подозреваемого. При установлении по делу нескольких подозреваемых уведомление о подозрении выносится в отношении каждого из них (ч. 4 ст. 223.1 УПК РФ).

Общее содержание уведомления о подозрении раскрыто в ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ. Оно включает в себя 3 части: вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную.

Во вводной части указывается: дата и место составления; должность, специальное звание, фамилия и инициалы дознавателя, его составившего; наименование документа («уведомление о подозрении»).Описательно-мотивировочная часть содержит следующие сведения: данные подозреваемого (фамилия, имя, отчество подозреваемого, число, месяц, год и место рождения, место работы, семейное положение);формулировка инкриминируемого преступления (место, время, способ его совершения); полная квалификация преступления (пункт, часть, статья УК РФ).Если подозреваемому инкриминируется совершение нескольких преступлений, формулировка и квалификация приводятся по каждому из них (ч. 3 ст. 223.1 УПК РФ).

В резолютивной части приводятся следующие решения: об объявлении уведомления подозреваемому; о направлении копии уведомления надзирающему прокурору.

Уведомление о подозрении подписывается вынесшим его дознавателем. Несмотря на то что в УПК РФ не содержится прямого указания, уведомление должно быть объявлено подозреваемому и его защитнику под роспись с указанием даты объявления.

Уведомление о подозрении приобщается к уголовному делу. Его копии вручаются подозреваемому и его защитнику, а также надзирающему прокурору(ч. 4 ст. 223.1УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 223.1УПК РФ непосредственно после объявления уведомления о подозрении подозреваемому дознаватель также составляет протокол разъяснения прав подозреваемого, в котором делается отметка о вручении ему копии уведомления о подозрении.

В течение 3 суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении дознаватель обязан допросить данное лицо в качестве подозреваемого (ч. 1 ст. 223.1УПК РФ).

Как было отмечено, в ходе дознания не выносится постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Вместе с тем из этого правила есть одно исключение, которое касается ситуаций, когда в отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В данном случае срок производства дознания сокращается и обвинительный акт должен быть составлен не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу (ч. 2 ст. 224УПК РФ). При этом если имеющийся к этому времени срок дознания составляет менее

[1] *Лукожев Х.М., Долгов А.М.* Дознание как форма предварительного расследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 96.

10 суток, дознание должно быть окончено в фактически имеющийся у дознавателя срок.

При невозможности составления обвинительного акта в 10-суточный срок, в соответствии с ч. 3 ст. 224 УПК РФ, должно быть принято одно из двух решений:

1. Подозреваемому должно быть предъявлено обвинение (это и есть тот единственный случай, когда при производстве дознания выносится постановление о привлечении в качестве обвиняемого).

2. Должна быть отменена мера пресечения в виде заключения под стражу. В этом случае постановление о привлечении в качестве обвиняемого не выносится, производство дознания и исчисление его сроков осуществляется в обычном порядке.

Приостанавливается дознание в общем порядке, т.е. в соответствии с главой 28 УПК РФ. Основные особенности касаются лишь порядка его возобновления. Так, в случаях, предусмотренных ст. 211 УПК РФ приостановленное дознание может быть возобновлено на основании постановления прокурора либо начальника подразделения дознания.

В ходе дознания к подозреваемому могут применяться любые меры пресечения из числа тех, что предусмотрены законом. Это следует из содержания п. 13 ст. 5 УПК РФ, где говорится, что избрание меры пресечения – это принятие дознавателем, следователем и судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, а также ст. 97, 100-108 УПК РФ, где дознаватель перечисляется наряду с другими органами и должностными лицами.

Производство дознания может быть поручено группе дознавателей в случае сложности или большого объема дела(например, из-за значительного количества эпизодов преступной деятельности, большого числа потерпевших или обвиняемых, их проживания в различных районах, особого резонанса дела и других подобных обстоятельств) (ч. 1 ст. 223.2 УПК РФ).Решение о создании группы дознавателей принимает начальник органа дознания, который выносит соответствующее постановление(«постановление о производстве дознания группой дознавателей») (ч. 2 ст. 223.2УПК РФ). Кроме того, такое решение может быть указано и в постановлении о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 163 УПК РФ).

Руководитель группы дознавателей после вынесения постановления о ее создании обязан вынести постановление о принятии уголовного дела к своему производству, даже если ранее дело находилось также в его производстве (ч. 3 ст. 223.2УПК РФ).

Руководитель группы и входящие в нее дознаватели вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими дознавателями, лично производить следственные действия и принимать решения по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ.

Завершается дознание обвинительным актом либо постановлением о прекращении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 158 УПК РФ).

Обвинительный акт – это процессуальный документ, в котором подводятся итоги дознания, формулируется обвинение и приводятся все собранные доказательства, подтверждающие виновность конкретного обвиняемого в совершении преступления. В процессе дознания, как правило, не составляется постановление о привлечении в качестве обвиняемого, поэтому обвинительный акт является тем документом, после составления которого лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, придается процессуальный статус обвиняемого по уголовному делу. Кроме того, в обвинительном акте впервые приводится формулировка обвинения и квалификация, которая не может быть усилена в судебном разбирательстве[1].

В отличие от предварительного следствия, когда вначале все участники уголовного судопроизводства знакомятся с материалами уголовного дела, и лишь затем составляется обвинительное заключение, при производстве дознания обвинительный акт составляется и утверждается начальником органа дознания до ознакомления участников уголовного судопроизводства с делом, он включается в число материалов дела, которые предъявляются для ознакомления участникам уголовного судопроизводства, а затем, после их ознакомления и направления дела прокурору, обвинительный акт утверждается прокурором.

Исходя из этого, обвинительный акт должен быть составлен в течение срока дознания с таким расчетом, чтобы оставшегося срока дознания хватило на ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела и проверку дела прокурором.

Обвинительный акт сам по себе отражает принимаемое дознавателем решение о направлении уголовного дела прокурору и далее в суд, поэтому данное решение в обвинительном акте отдельно не формулируется и в силу этого обвинительный акт не имеет резолютивной части[2].

Обязательные реквизиты обвинительного акта указаны в ч. 1 ст. 225 УПК РФ.

Таким образом, характеристика предварительного следствия и дознания показывает, что каждая из этих форм предварительного расследования имеет как общие черты, так и свои специфические особенности. Дознание рассматривается как самостоятельная форма предварительного расследования наряду с предварительным следствием. Вместе с тем дознание неотделимо от предварительного следствия хотя бы потому, что оба они представляют собой две формы предварительного расследования и имеют единую цель – расследовать уголовное дело, собрать доказательства до (для) судебного рассмотрения. Между тем все это не означает стирание граней различий между дознанием и предварительным следствием, оно ни в коей мере не может подменять предварительное следствие, впрочем, как и обратно. Установление в законе отчетливых критериев их разделения – залог успеха эффективности производства по уголовному делу.

[1] Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие / [Ф.К. Зиннуров, М.Ю. Авдеев, Е.Н. Арестова и др.]; под ред. Ф.К. Зиннурова, А.С. Есиной. М.: Закон и право : ЮНИТИ, 2018. С. 359.

[2] Там же.

Сидоров Е.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Заметина Т.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности участия Совета Федерации РФ в законодательном процессе РФ. В центре внимания автора обозначена проблема совершенствования конституционных основ стадии одобрения закона Советом Федерации Федерального Собрания РФ. Исходя из содержания научной работы рекомендуются предложения по реформированию института одобрения закона Советом Федерации.*

Ключевые слова: *Совет Федерации, законодательный процесс, закон*.

Sidorov E.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Zametina T.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ACTUAL PROBLEMS OF PARTICIPATION OF THE FEDERATION COUNCIL OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LEGISLATIVE PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION.

Abstract. *This article discusses the specifics of the participation of the Federation Council of the Russian Federation in the legislative process of the Russian Federation. The author focuses on the problem of improving the constitutional foundations of the stage of approval of the law by the Federation Council of the Russian Federation. Based on the content of this scientific work, we recommend proposals for reforming the institution of approval of the law by the Federation Council.*

Keywords: *Federation Council, legislative process, law.*

Конституция РФ раскрывает правовое положение Совета Федерации Федерального Собрания РФ в законодательном процессе государства. В науке конституционного права выделяют несколько процессуальных форм участия Верхней Палаты Парламента РФ в законодательной сфере. Во-первых, Совет Федерации РФ обладает конституционным правом законодательной инициативы. Во-вторых, Совет Федерации, как конституционный орган представляющий интересы субъектов РФ на федеральном уровне рассматривает и утверждает принятые законы Государственной Думой РФ. Важно отметить, что конституционный срок рассмотрения Советом Федерации составляет 14 дней с момента поступления закона.

Процессуальный порядок рассмотрения закона в Совете Федерации предусмотрен специальным актом-регламентом. В ходе исследования процесса рассмотрения закона в Совете Федерации, можно определить некоторые правовые особенности данной стадии законодательного процесса. Во-первых, отсутствие рассмотрения закона в нескольких чтениях в Совете Федерации РФ. Во-вторых, в случае отсутствия решения Совета Федерации по утверждению закона в течении 14 дней с момента его поступления из Государственной Думы РФ, закон считается фактически одобренным верхней палатой Парламента.

Актуальным вопросом законодательного процесса в России является пассивное участие Совета Федерации в законодательно процессе РФ. На стадии одобрения закона верхней палате Парламента РФ отведена роль не только в юридическом представительстве интересов субъектов РФ на федеральном уровне, но и функции законодательного контроля за качеством принятых нижней палатой Парламента РФ законов. По мнению Е.В. Колесникова Совет Федерации РФ обладает правом вето на решения Государственной Думы РФ, что позволяет эму позиционировать в качестве самостоятельного института в рамках существующей конституционной модели.[1] Такой конституционный механизм способствует оптимизации законодательного процесса в России, а также устранению недостатков в законодательных актах. Однако, в практическом участии в законодательной деятельности Верхняя Палата Парламента нечасто использует конституционно-правовые способы отклонения закона, предусмотренные Регламентом Совета Федерации. Анализируя статистику отклонения законов Советом Федерации РФ, можно отметить, что в 2020 г. право вето было использовано в отношении одного закона, одобрено верхней палатой Парламента было 223 закона. Таким образом, на стадии утверждения закона Советом Федерации РФ важно нивелировать фактическое неравенство Палат Федерального Собрания в законодательной сфере.

Следует отметить, что Совету Федерации не предоставлено право вносить изменения в содержание текста законов, принятых законодательным органом РФ. Однако, Совет Федерации может принять решение об отклонении закона и предложении создать согласительную комиссию из представителей депутатов и сенаторов РФ в целях преодоления разногласий и достижению консенсуса палат Федерального Собрания РФ относительно закона. Важно отметить, что ускоренное прохождение закона в Совете Федерации РФ не достигает реализации принципов федерализма и конституционно значимых целей законодательного процесса РФ. Государственная Дума РФ вправе преодолеть вето Совета Федерации РФ путем принятия закона квалифицированным большин-

[1] *Колесников Е.В., Пажетных Д.В.* Взаимодействие Государственной Думы и Совета Федерации в законодательном процессе // Современное право. 2012. № 3. С. 34-45.

ством от общего числа депутатов и отказаться от создания согласительной комиссии. Таким образом, можно отметить, что палаты Федерального Собрания РФ по своему конституционно-правовому статусу обладают разными конституционными полномочиями в законодательном процессе. На мой взгляд в целях повышения взаимодействия федеральных и региональных органов в законодательной сфере, необходимо дополнить состав согласительной комиссии представителями от законодательных органов субъектов РФ.

Официальным процессуально-правовым началом этапа рассмотрения закона в Совете Федерации является момент вынесения на повестку дня заседания верхней палаты Парламента соответствующего значимого вопроса. Важно отметить определенную роль комитета Совета Федерации, который назначается ответственным за подготовку закона к рассмотрению, а также составлению заключения по итогам предварительного анализа законодательного акта. Правовое управление Аппарата Совета Федерации составляет заключение, проводя юридический анализ поступившего из Государственной Думы РФ текста закона. Институт предварительного анализа закона в верхней палате Парламента способствует не только выработке позиции Совета Федерации РФ по рассматриваемому закону, но и позволяет сформулировать правовую оценку законодательного акта. Важно отметить, что направление заключения Правового Управления Аппарата Государственной Думы и ответственного за рассмотрение закона комитета верхней палаты Парламента в законодательные органы субъектов РФ могло бы способствовать повышению роли субъектов РФ в механизме законодательного процесса РФ.

В соответствии с Регламентом Совета Федерации Федерального Собрания РФ, комитет ответственный за рассмотрение закона вправе приглашать на заседание экспертов и ученых, а также субъекта, инициировавшего законопроект.[1] Важно подчеркнуть, что обязательное участие представителя субъекта законодательной инициативы в рассмотрении закона верхней палатой Парламента будет способствовать более согласованному взаимодействию субъектов законодательно-процессуальных отношений. Одной из основных задач Совета Федерации Федерального Собрания РФ в законодательном процессе должно быть конструктивное и постоянное сотрудничество с законодательными органами субъектов РФ в целях реализации принципов федеративного правового государства. В зарубежном законодательном опыте Германии представители региональных ландтагов участвуют в заседаниях Бундесрата при рассмотрении законов, что способствует повышению роли региональных органов в федеральной законодательной политике государства. В ходе изучения этапа утверждения закона Советом Федерации Федерального Собрания РФ обосновывается введение новой конституционной модели законодательного процесса, согласно которой в случае осуществления права законодательной инициативы сенаторами или законодательными органами субъектов РФ, проект закона должен быть направлен в обе Палаты Федерального Собрания РФ в целях реализации принципа объективности рассмотрения проекта закона, а также обеспечения конституционного равенства Палат Федерального Собрания.

[1] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 17.02.2021) // СЗ РФ. 2002. № 7, ст. 635.

Содель О.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Беликов Е.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация. *В современном мире цифровые финансовые активы стремительно развиваются. Попытка государственного регламентирования выпуска и обращения криптоинструментов в России выразилась в принятии Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Особое внимание уделяется криптовалюте, выделяются ее некоторые технические и правовые особенности.*

Ключевые слова: *блокчейн, инвестиции, криптовалюта, токен, транзакция, цифровая валюта, цифровые финансовые активы.*

Sodel O.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Belikov E.G., Professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

DIGITAL FINANCIAL ASSETS: CONCEPT AND TYPES.

Abstract. *The relevance of the chosen research topic is primarily due to the fact that digital financial assets are rapidly developing in the modern world. An attempt by state regulation of the issuance and circulation of cryptoinstruments was expressed in the adoption of Federal Law No. 259-FZ "On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation." The author pays special attention to the cryptocurrency highlighting some of its technical and legal features.*

Keywords: *blockchain, virtual currency, investment, cryptocurrency, token, transaction, digital currency, digital financial assets.*

В последние годы идет активное обсуждение новых объектов финансового рынка, которые имеют электронно-цифровой формат. Достаточно долгое время наблюдалось противоречивое отношение к факту присутствия

в российском государстве цифровой экономики и, прежде всего, криптовалюты и токена. Однако 1 января 2021 г. вступил в действие Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] (далее – закон № 259-ФЗ). Данным законом регулируются отношения, которые связаны с выпуском и оборотом цифровой валюты и цифровых финансовых активов.

В соответствии с положениями нового закона № 259-ФЗ цифровые финансовые активы – это «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы».

Цифровая валюта определена законом как комплекс электронных данных, таких как цифровые коды или иные обозначения, которые содержатся в информационных системах, управляемых по определенным алгоритмам с участием оператора. Данное средство платежа или способ инвестиций не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства, международной денежной или расчетной единицей.

Цифровая валюта включает в себя любую информацию в информационной системе, которая:

- будет предлагаться или приниматься как средство платежа, т.е. она будет использована как средство обмена на различного рода товары и услуги, а также в роли инвестиций, т.е. объекта, приобретя который можно получить дополнительный доход после перепродажи или в форме дополнительных отчислений;
- не подкреплен валютой Российской Федерации, либо любой другой валютой иностранного государства;
- обезличена, т.е. не установлено, кто обязан осуществлять выплату, передавать товар или выполнять иное требование обладателя информации. Исключение составляет оператор, обеспечивающий техническую поддержку информационной системы.

Из анализа Федеральных законов о банкротстве (от 26.10.2002 № 127-ФЗ), об исполнительном производстве (от 02.10.2007 № 229-ФЗ), о противодействии коррупции (от 25.12.2008 № 273-ФЗ) и о противодействии отмыванию преступных доходов (от 07.08.2001 № 115-ФЗ) следует, что цифровая валюта – это имущество. То есть на нее может быть обращено взыскание в общем порядке. Вместе с тем, в соответствии с письмом Минтруда от 16.12.2020 № 18-2/10/В-12085 к цифровой валюте не относятся: бонусные баллы и бонусы на накопительных дисконтных картах, начисленные банками и иными организациями за пользование их услугами, в том числе в виде денежных средств (кешбэк).

В Законе № 259-ФЗ нет понятий криптовалюта, токен (ICO – Initial Token Offering), цифровой кошелек, а также электронного договора – смарт-контракта, хотя изначально они планировались. Несмотря на то, что указанные явления не нашли своего отражения в данном законе, они приобретают все большую популярность и активно развиваются в цифровом пространстве.

Криптовалютой принято называть виртуальные деньги, не имеющие физического выражения, чего нельзя сказать о натуральных денежных средствах. Единицей такой валюты называется «coin», что переводится как «монета». Такая валюта имеет защиту от подделок и дублирования. Ее объем строго ограничен, например самой крупной криптовалюты Bitcoin (BTC) никогда не будет создано более 21 миллиона BTC.

Децентрализация – это одна из особенностей криптовалют, т.е. отсутствие каких-либо внутренних или внешних администраторов. В связи с этим ни банки, ни налоговые, ни судебные и иные различные государственные органы не имеют возможности воздействовать на финансовые операции людей, использующих криптоактивы. Это стало возможным в связи с тем, что все данные о криптовалютных кошельках и транзакциях сохранены в блокчейне.

Видом цифрового финансового актива является токен – документ, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем для привлечения финансирования посредством криптовалютных единиц. Токеном принято считать определенный вид договора оказания услуг или долговой обязанности.

Токен обладает такими специфическими свойствами, как:

- высокая степень централизации, особенно на этапе выпуска;
- специальные платформы, определяемые их создателями;
- отсутствие возможности несанкционированного изготовления, т.к. основной объем token определен на стадии ICO;
- token нельзя использовать как инструмент для передачи ценностей от одного лица к другому;
- наличие актуального курса token, напрямую зависящего от его создателей.

Эмиссия токенов имеет как технические, так и правовые особенности. Правовые особенности процесса определены статьями 2 и 3 Закона № 259-ФЗ. Как и при выпуске традиционных ценных бумаг, эмиссия токенов предусматривает строго регламентированный порядок действий, имеющий целью продажу эмитентом токенов инвесторам. Определенные ограничения наложены ст. 4 Закона № 259-ФЗ, дающей право Банку России определять признаки цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором. В соответствии с Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[2] для неквалифициро-

[1] См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 5018.

[2] См.: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918; 2020. № 31, ст. 5065.

ванных инвесторов установлен порог в пятьдесят тысяч рублей. Кроме того, непрофессиональные участники фондового рынка смогут хранить свои токены только на обособленных счетах, которые открывают им владельцы цифровых кошельков.

В Законе № 259-ФЗ достаточно подробно изложены требования к сведениям об эмиссии цифровых финансовых активов. Помимо этого в отношении потенциальных инвесторов должны исполняться и требования ст. 495 Гражданского кодекса РФ, обязывающие продавца давать покупателю исчерпывающую информацию относительно товара.

Технически эмиссия – сложный процесс, построенный на математических, программных и криптографических алгоритмах, которые могут принципиально отличаться один от другого. Возможно по это этой причине законодатель не детализировал технические требования к процессу эмиссии. В Законе № 259-ФЗ не содержатся данные о языках и системах программирования и шифрования, способах организации распределенного реестра. Вместе с тем, подробно раскрываются требования к оператору информационной системы, отвечающей за выпуск цифровых финансовых активов.

Таким образом, закладываются принципы прозрачности, открытости цифрового финансового актива для потенциальных пользователей и инвесторов. В настоящее время для реализации данных задач широко применяется технология Blockchain. Данная технология при эмиссии токенов позволяет формировать уникальный программный код, который может отражать различные характеристики выпускаемого актива. В каждую единицу – токен могут быть зашифрованы сведения о размере эмиссии, максимальном количество токенов, которые могут быть выпущены. Программный продукт формируется таким образом, что определены параметры валидации и верификации новой появляющейся единицы.

Описанные выше принципы применимы и к наиболее распространенной в мире криптовалюте – Bitcoin. Рынку известно, как количество эмитированных «монет» на дату проведения операции, так и общее количество доступных биткоинов. Программно-оценочным методом рассчитана примерная дата, когда выпуск новых коинов прекратится, а также ряд параметров, касающихся особенностей данной криптовалюты. Своим примером данный актив свидетельствует о том, что токен может являться полноценным средством платежа.

Данное утверждение в настоящее время является предметом жарких дискуссий среди именитых инвесторов. В частности, гуру фондового рынка, автор ряда экономических бестселлеров Нассим Талеб после того как публично заявил о своем разочаровании Bitcoin как средством платежа, был подвергнут жесткой критике со стороны коллег. Международно-признанный риск-менеджер мотивировал свое мнение тем, что криптовалюты слишком нестабильны в условиях современного рынка, чтобы заменить традиционные платежные средства. События последнего года показывают, что стоимость данного актива изменилась примерно в 20 раз. Такая волатильность безусловно является препятствием для формирования цены контрактов на базе Bitcoin.

Описанные обстоятельства, как и сама природа появления токена, созданного для реализации среди неопределенного круга инвесторов, позволяют провести параллели данного актива с бездокументарными неименными ценными бумагами. Вместе с тем, во избежание смешения данных активов законодатель в Законе № 259-ФЗ разъяснил, что его положения не относятся к обороту денежных средств и не распространяются на выпуск, учет и операции с бездокументарными ценными бумагами.

При анализе закрепленных в законе терминов криптовалютного рынка можно сделать вывод, что данные положения распространяются на отдельные виды токенов, которыми являются токены-акции и кредитные токены, а также на традиционные необеспеченные криптовалюты. Обеспеченные фиатными деньгами, золотом, товарами, иными активами криптовалюты – стейблкоины, могут быть признаны цифровыми финансовыми активами, поэтому подпадают под регулирование данного закона. Данный закон не распространяется на токены и стейблкоины, которые не устанавливают права на любой из объектов, оговоренных в понятии цифровых финансовых активов. Это не исключает того, что об обороте этих объектов не будет сказано в других законах. Оборот определенных видов утилитарных токенов уже урегулирован Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259 ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. Законодательство не относит цифровые финансовые активы к законным платежным средствам и не предусматривает осуществление операций с их использованием в торговом обороте государства.

Соколова А.И.
студентка 1 курса, 1УПП1 группа, Института магистратуры ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Манова Н.С., заведующая кафедрой, доктор юридических наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член Научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Место работы: ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов.

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СТРУКТУРЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ С УЧАСТИЕМ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

[1] См.: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259 ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4418; 2020. № 31, ст. 5018.

Аннотация. *В начале данного доклада рассказывается в общем о структуре судебного разбирательства с участием присяжных заседателей. Затем дается понятие, что представляет собой напутственное слово председательствующего в структуре судебного заседания с участием коллегии присяжных заседателей. Описывается структура напутственного слова председательствующего, а также рассказывается о ошибках, при произнесении председательствующим напутственного слова и пример последствия ошибок.*

Ключевые слова: *Структура судебного разбирательства; присяжные заседатели; напутственное слово председательствующего в структуре судебного заседания с участием коллегии присяжных заседателей.*

Sokolova A.I.
1st year student, 1UPP1 group, Institute of Magistracy of the FGBOU VO "SSUA", Saratov
Supervisor: N. S. Manova, Head of the Department, Doctor of Law, Professor. Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Member of the Scientific Advisory Council of the Supreme Court of the Russian Federation. Place of work: FGBOU VO "SGUA", Saratov.

PARTING WORDS OF THE CHAIRMAN IN THE STRUCTURE OF THE COURT SESSION WITH THE PARTICIPATION OF THE JURY

Abstract. *At the beginning of this report, we describe in general the structure of the trial with the participation of jurors. Then the concept of what is the parting word of the presiding judge in the structure of the court session with the participation of the jury is given. The structure of the chairman's parting word is described, as well as the mistakes made when the chairman utters the parting word and an example of the consequences of mistakes.*

Keywords: *Structure of the trial; jurors; parting words of the presiding judge in the structure of the court session with the participation of the jury.*

Декретом СНК РСФСР от 24 ноября (5 декабря) 1917г. № 1 «О суде» был упразднен суд присяжных заседателей, который просуществовал в дореволюционной России с 1864г. с принятием Устава уголовного судопроизводства.[1]

24 октября 1991 года была принята Концепция судебной реформы, предусматривающая создание в Российской Федерации суда присяжных.

Закон РФ от 16 июля 1993 года учредил суд присяжных заседателей, изменив форму и содержание уголовной процедуры и, что не менее важно, заключив в УПК такие конституционные принципы, как состязательность, презумпция невиновности, право не свидетельствовать против себя и исключение доказательств, полученных с нарушением закона. Суд присяжных вводился по регионам России поэтапно, на уровне областных и приравненных к ним судов начиная с 1 ноября 1993г.[2]

Федеральный закон от 20.08.2004г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 01.10.2019) установил требования к отбору присяжных заседателей, исключающие некоторым категориям граждан быть присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели[3].

По всей России со вступлением в силу нового закона в списки кандидатов, в присяжные заседатели, по данным Судебного департамента РФ, в 2018г. подлежало в общей сложности 5 млн 937 тыс. 600 человек[4].

Расходы федерального бюджета субъектам РФ на осуществление полномочий по составлению (изменению, дополнению) списков кандидатов в присяжные заседатели федеральных судов общей юрисдикции составляют:

2020 г. – 60 млн 262,4 тыс. руб.;
2021 г. – 62 млн 109,2 тыс. руб.;
2022 г. – 474 млн 740,7 тыс. руб.;
В т.ч. Саратовской области:
2020 г. – 771,1 тыс. руб.;
2021 г. – 827,9 тыс. руб.;
2022г. – 2 млн 261,4 тыс. руб.[5]

Действующим УПК (ст. 30) закреплена следующая структура судов первой инстанции с участием присяжных заседателей:

а) судья верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегия из восьми присяжных заседателей (было двенадцать);

б) судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей.[6]

В Конституции РФ, наряду с судом общего порядка судопроизводства, упоминается такая форма судопроизводства, как суд присяжных (право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, в том числе, когда возможно применение смертной казни), чем подчеркивается его значимость.[7]

В суде с участием присяжных заседателей «судьи права» (профессионалы) ведут процесс, решают вопросы правового характера, формулируют вопросы, под-

[1] См.: *Сарбунова Н.Л.* Параллели истории (к 140-летию Ярославского окружного суда). Ярославль, 2006. С. 8-16.

[2] См.: Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судопроизводстве РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33, ст. 1314.

[3] См.: Федеральный закон от 20.08.2004г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2017) // Российская газета. 2004. № 182.

[4] См.: Федеральный закон от 20.08.2004г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 01.10.2019) // Российская газета. 2004. № 182.

[5] См.: Федеральный закон от 02.12.2019 № 380 – ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // СЗ РФ. 2019. № 49, ч. 1–4, ст. 6939.

[6] См.: Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации: по состоянию на 01.03.2018. М.: АСТ, 2018. Ст. 30.

[7] См.: Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2020. Ст. 20.

лежащие разрешению присяжными в своем вердикте, в соответствии с которым составляют приговор, а «судьи факта» (коллегия присяжных заседателей) разрешают вопросы о доказанности события преступления и виновности подсудимого в содеянном (было – не было, совершил – не совершил), руководствуясь здравым смыслом и жизненным опытом.

Уголовные дела с участием присяжных заседателей рассматриваются лишь при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного после ознакомления с материалами уголовного дела на предварительном следствии или в ходе предварительного слушания. Правила подсудности устанавливает государство.

В п.п. 2, 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК установлены составы преступлений, по которым обвиняемый вправе заявить ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных.

С 01.06.2018г. определена подсудность уголовных дел для рассмотрения судом присяжных на уровне районных судов.

Статистика свидетельствует о том, что более чем за 12 месяцев (2018-2019г.) районными судами было рассмотрено с участием присяжных заседателей всего 114 уголовных дел, из которых семь – в г. Москве.[1]

При отправлении правосудия судом с участием присяжных заседателей особое значение приобретает принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК).

С.И. Ожегов так определяет это понятие: состязательный (о судебном процессе) – такой, при котором обе стороны могут активно защищать свои права.[2]

В ст. 12 Конституции РФ указано, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».[3]

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28.11. 1996г. № 19-П разъяснил, что «этот конституционный принцип предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция правосудия (разрешения дела), осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, представляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, а потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных (целевых) функций».[4]

Следовательно, в суде присяжных заседателей объективно гарантирована независимость профессионального судьи, поскольку исход дела зависит не от него, а от коллегии присяжных заседателей.

Профессиональный судья ведет процесс, при этом сохраняя объективность и беспристрастность, создает государственному обвинителю и профессиональному защитнику при равенстве их прав, в условиях спора и борьбы мнений необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств содеянного, чтобы коллегия присяжных заседателей услышала и оценила все доводы, как прокурора, так и подсудимого и его защитника.

При состязательности процесса профессиональный судья выступает как арбитр: по ходатайствам сторон вызывает новых свидетелей, запрашивает документы, назначает экспертизу, может задавать вопросы допрашиваемым лицом, участвовать в исследовании доказательств и т.д.

Напутственное слово председательствующего судьи при рассмотрении уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей произносится перед удалением присяжных в совещательную комнату для вынесения вердикта. Как отмечает Н.В. Ведищев, «основная задача председательствующего судьи при произнесении напутственного слова состоит в том, чтобы помочь присяжным заседателям восстановить картину происходившего в судебном заседании на протяжении достаточно длительного времени»[5].

Напутственное слово представляет собой речь судьи, «которая в необходимой степени осведомляет присяжных о правовых сторонах рассматриваемого дела, о порядке постановления ими вердикта и его юридическом значении»[6]. Выступая с напутственным словом, председательствующий должен помочь присяжным заседателям, которые не обладают правовыми знаниями, «уяснить сущность предъявленного подсудимому обвинения, разобраться в значимости тех или иных доказательств и суметь их правильно оценить, а также правильно организовать процесс обсуждения поставленных вопросов»[7].

3.Содержание напутственного слова судьи регламентируется ст. 340 УПК РФ, согласно которой в нем должно быть приведено «содержание обвинения, предъявленного подсудимому и содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый; исследованные в суде доказательствах, как уличающие подсудимого, так и оправдывающих его; изложены позиции государственного обвинителя и защиты; разъяснены основные правила оценки доказательств; сущность принципа презумпции невиновности; положение о толковании не устраненных сомнений в пользу подсудимого; положение о том, что вердикт присяжных может быть основан лишь на тех доказательствах, которые исследованы в судебном заседании, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, что выводы присяжных не могут основываться на предположениях и на доказательствах, признанных судом недопустимыми; что отказ подсудимого от дачи показаний или его молчание в суде не имеют юридического значения и не могут быть истолкованы как свидетельство виновности подсудимого. Председательствующий также разъясняет порядок совещания присяжных заседателей, порядок голосования по ответам и порядок вынесения вердикта».

---

[1] См.: *Колоколов Н.А.* Неисповедимы мысли juror: справедливость против догмы. Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 3-9.

[2] См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка // Издание 25. М., 2001. С. 497, 627.

[3] См.: Конституция РФ. М.: Омега–Л, 2015. С. 33.

[4] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.1996г. № 19-П по делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР. ВКС РФ. 1996. № 5.

[5] *Ведищев Н.П.* Типичные ошибки и последствия процессуальных нарушений при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей (Российская и Конвенционная практика). М., 2020. С. 139.

[6] См.: *Григорьева Н.В.* Напутственное слово председательствующего судьи // Состязательное правосудие. 2002. № 3. С. 161.

[7] См.: Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел Научно-практическое пособие. М., 2006. С. 483.

Как разъясняют судьи Верховного Суда РФ, «председательствующий не должен подробно рассказывать обо всех исследованных доказательствах; он лишь в общем виде восстанавливает процесс судебного разбирательства, чтобы присяжные не забыли о каких-либо исследованных доказательствах»[1]. При этом закон требует, чтобы, напоминая присяжным об исследованных в судебном разбирательстве доказательствах, председательствующий не оценивал их, не выражал своего отношения к этим доказательствам и не делал выводы из них.

В своем напутственном слове председательствующий должен также разъяснить присяжным позиции сторон – государственного обвинителя и защитника, сформулированные ими в выступлениях в прениях. Однако судья не должен корректировать выступления сторон. Так, апелляционная инстанция отменила приговор по делу Т., т.к. председательствующий в своем напутственном слове обратил внимание присяжных на неточность, допущенную государственным обвинителем при анализе значения доказательств по делу. Выступая в прениях и опровергая версию подсудимого о необходимой обороне, прокурор указал на тот факт, что наличие крови потерпевших на различных частях машины, около которой произошла драка, однозначно свидетельствует о том, что подсудимый преследовал потерпевших. В напутственном слове судья заявил, что прокурор был неправ и что наличие крови потерпевших на различных частях машины не может однозначно свидетельствовать о факте преследования подсудимым потерпевших и в этой ситуации допустим иной вывод: пятна крови оставлены при других обстоятельствах[2].

До удаления присяжных в совещательную комнату судья должен предоставить сторонам возможность заявить возражения по поводу содержания напутственного слова в связи с нарушением судьей принципа объективности. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «по смыслу закона под нарушением, председательствующим принципа объективности при произнесении напутственного слова следует понимать, в частности, напоминание присяжным заседателям только уличающих или только оправдывающих подсудимого доказательств, исследованных в суде, их оценку, выражение в какой-либо форме своего мнения по вопросам, поставленным перед коллегией присяжных заседателей»[3].

Так, апелляционной инстанцией был отменен оправдательный приговор в отношении Н., вынесенный Московским областным судом, в связи с тем, что председательствующий в напутственном слове выразила свое мнение относительно доказанности обвинения Н., отметив следующее: «Я не услышала в речи прокурора, какие доказательства, по ее мнению, подтверждают вину Н. в этом преступлении. Но, может быть, я не права, и вы услышали такие доказательства. Обращаю ваше внимание на то, что доказательствами по данному обвинению могут быть само вещественное доказательство – нож и заключение эксперта – криминалиста о том, что нож является холодным оружием. Не каждый нож является холодным оружием, а специально предназначенный для поражения живой цели, о чем я вам говорила ранее. А таких доказательств вам не представлено»[4]. Как отмечают практикующие юристы, согласно сложившейся судебной практике, вышестоящий суд «не пересматривает приговор по мотивам нарушения председательствующим принципа объективности в его напутственном слове, если сторонами не были заявлены возражения непосредственно после произнесения напутственного слова»[5].

Таким образом, вся процедура рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей ориентированна на то, чтобы обеспечить принятие решения присяжными свободно, по убеждению, сложившемуся в ходе исследования доказательств в суде. Значительное влияние на формирование этого убеждения оказывает и напутственная речь председательствующего судьи – профессионала, который руководит ходом судебного разбирательства и выносит по делу приговор на основе вердикта присяжных.

[1] См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / под общей ред. В.М. Лебедева. 6-е изд. М., 2013. С. 670.

[2] См.: Летопись суда присяжных (прецеденты и факты) // Российская юстиция. 2006. № 9. С. 6.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. 2005. 2 декабря.

[4] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.12.2002 по делу № 18-кп002-94сп // СПС «КонсультантПлюс».

[5] *Ведищев Н.П.* Указ. соч. С. 141.

Солянкин С.Е.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Беликов Е.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

О СООТНОШЕНИИ И РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье проводится анализ понятий контроля и надзора, дается характеристика современных тенденций Российского законодательства, направленных на реформирование контрольно-надзорной деятельности. При этом основное внимание обращено на проблему отсутствия законодательного разграничения указанных понятий, в том числе в бюджетной сфере, а также единства по этому вопросу в юридической литературе и практической деятельности.*

Ключевые слова: *контроль, надзор, бюджет.*

Solyankin S.E.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Belikov E.G.PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE RELATIONSHIP AND DISTINCTION OF THE CONCEPTS OF CONTROL AND SUPERVISION IN THE SPHERE OF BUDGETARY LEGAL RELATIONS

Abstract. *The article analyzes the concepts of control and supervision, gives a characteristic of modern trends in Russian legislation aimed at reforming control and supervision activities. At the same time, the main attention is paid to the problem of the lack of legislative differentiation of these concepts, including in the budgetary sphere, as well as unity on this issue in the legal literature and practice.*

Keywords: *control, supervision, budget.*

15 января 2020 года Президент РФ в ежегодном послании к Федеральному Собранию[1] указал вектор развития, направленный на скорейшее, до конца 2020 года, завершение реформы контрольно-надзорной деятельности. Результатом указанной работы, в числе прочего, можно считать принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[2] (далее – Закон № 248-ФЗ), который смещает приоритеты в сторону профилактики правонарушений и устанавливает гарантии защиты прав граждан и организаций как контролируемых лиц. При этом под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации в соответствии с нормами указанного закона понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

Таким образом, вышеуказанный закон не содержит четкого определения и разграничения понятий «контроль» и «надзор», используя отсылочные нормы на виды деятельности соответствующих органов. Не содержит таких отличий и действующий Бюджетный кодекс РФ, определяющий в п. 3 ст. 166.1 функции Федерального казначейства, в числе которых особо выделяется контрольно-надзорная функция в финансово-бюджетной сфере. Аналогичные вопросы о разграничении понятий контроля и надзора возникают при анализе профильного законодательства[3].

Что касается юридической науки и правоприменительной практики, то тут бытуют диаметрально противоположные суждения по этому вопросу. Одни считают эти определения тождественными, другие – взаимоисключающими и т.д. Так, в современной теории права нет четких критериев разграничения понятий «контроль» и «надзор». Теоретики административного права рассматривают указанные понятия через призму самостоятельности каждого из них, при этом основополагающими являются три основных идеи.

Во-первых, идея надзора как части контроля. В частности, Н.М. Конин определяет контроль как форму деятельности государственных органов по систематическому наблюдению и присмотру за деятельностью субъектов управленческих отношений с целью проверки соответствия их решений и действий требованиям законности, а надзор как проверку соблюдения законов и определенных в подзаконных актах правил[4]. Из указанного суждения можно сделать вывод, что понятие «контроль» существенно шире понятия «надзор». Аналогичные выводы имеются в работах М.С. Студеникиной, А. Шафранова, В.М. Манохина и других ученых[5]. Так, по мнению М.С. Студеникиной надзор – это суженный контроль. В своих работах она указывает, что надзор ограничивается проверкой законности, в то время как органы контроля вправе не только проверить соблюдение действующего законодательства, но и оценить, правильность, целесообразность и эффективность использования соответствующих полномочий[6]. Другие же представители Саратовской школы административного права указывают на узость надзора посредствам специфичных и законодательно ограниченных мер[7]. Таким образом, указанные ученые декларируют, что понятия «контроль» и «надзор» не являются тождественными и отличаются, в числе прочего, целями и методами, подчеркивая главенствующую роль контрольных функций над надзорными.

Во-вторых, идея тождественности понятий контроля и надзора. Сторонники данной идеи полагают, что в ряде случаев трудно отличить контрольные полномочия от надзорных. Поэтому в законодательстве и литературе не всегда четко проводится разграничение между контрольными и надзорными полномочиями, а контрольные и надзорные органы нередко называют контрольно-надзорными[8]. Указанная позиция находит подтверждение

---

[1] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв. № 7.

[2] См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 5 августа. № 171.

[3] См.: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) // Российская газета. 2008. 30 декабря. № 266; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. 27 июля. № 165; и др.

[4] См.: *Конин Н.М., Маторина Е.И.* Административное право России: учебник. 4-е изд. М., 2017. С. 185.

[5] См.: *Студеникина М.С.* Государственный контроль в сфере управления (проблемы надведомственного контроля). М.: Юридическая литература, 1974; *Шафранов А.* Разграничение контрольной и надзорной деятельности в сфере исполнительной власти // Право и жизнь. 2006. № 91(1). С. 5–16.

[6] См.: *Студеникина М.С.* Государственный контроль и применение административной ответственности как формы государственного регулирования экономическими процессами // Административно-правовое регулирование в сфере экономических отношений: сб. статей. М., 2001. С. 41–44.

[7] См.: *Манохин В.М., Адушкин Ю.С.* Российское административное право: учебник. 2-е изд. Саратов, 2003. С. 242–243.

[8] См.: *Галанина Л.А.* Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Рос-

в значительном количестве нормативных правовых актов. Среди них Закон № 294-ФЗ, вновь принятый, но еще не вступивший в законную силу Закон № 248-ФЗ, а также Бюджетный кодекс РФ. При этом следует отметить, что указанный подход не носит всеобъемлющий характер и часто подвергается критике, как со стороны теоретиков, так и практиков, и обусловлен, как представляется, несовершенством на настоящем этапе действующего законодательства и отсутствием проработанных верифицированных определений.

Третьей идеей современной теории права является идея самостоятельности понятий «контроль» и «надзор». Сторонники этой идеи[1] декларируют самостоятельность указанных функций, подчеркивая их особенности. Указанный подход, в отличие от предыдущего, более соотносится с избранным руководством страны вектором развития и в идеале исключает дублирование управленческих функций соответствующих органов, что способствует сокращению административной нагрузки на хозяйствующие субъекты. Однако в современной действительности повсеместно встречаются факты дублирования полномочий одних органов другими, что свидетельствует о необходимости жесткого разграничения компетенции.

Так, рядом ученых все чаще фокусируется внимание на более радикальном варианте разграничения контрольных и надзорных полномочий, заключающихся в отнесении всех надзорных полномочий к исключительной компетенцией органов прокуратуры РФ, что в свою очередь согласовывается ее положениям как особого надзорного ведомства, закрепленном в профильном федеральном законе[2]. Остальные же органы принято считать контролирующими, а следовательно, обладающими исключительно контрольными функциями. В числе сторонников такого варианта, отмечающих главенствующую роль прокуратуры РФ как основного надзорного ведомства, стоит выделить К.О. Анисимову и А.Е. Скачкову[3].

Актуальность указанного подхода представляется возможным осветить через призму бюджетных правоотношений как наиболее объемного и сложного механизма, являющегося фундаментом и основной отправной точкой для любой государственной инициативы. На современном этапе стимулирование экономики и финансирование социальной сферы осуществляется в значительной степени за счет средств бюджетов различных уровней, еще более явно это прослеживается в анализе последних кризисных лет. Государственное финансирование национальных проектов, стимулирование малого и среднего предпринимательства в условиях ограничительных мероприятий, связанных с распространением коронавирусной инфекции, социальные гарантии и т.д., – на все эти мероприятия государством выделяются денежные средства из бюджетов различных уровней. Контроль за реализацией указанных мероприятий в настоящее время осуществляется, в числе прочих, посредствам надзора за соблюдением бюджетного законодательства. При этом нормативно закрепленное определение указанного понятия в настоящее время отсутствует.

При отсутствии общего теоретически обоснованного определения надзора за соблюдением бюджетного законодательства имеется риск отождествления его с понятием финансового контроля, который присущ, например, органам Федерального казначейства. Так, отсылки к указанным понятиям содержатся, как уже отмечалось, в п. 3 ст. 166.1 Бюджетного кодекса РФ, в соответствии с которым Федеральное казначейство осуществляет в числе прочих функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере в соответствии с полномочиями, установленными БК РФ, нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ. Аналогичная норма закреплена в п. 1 Положения о Федеральном казначействе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 01 декабря 2004 г. № 703, в соответствии с которым Федеральное казначейство является федеральным органом исполнительной власти (федеральной службой), осуществляющим, помимо прочего, в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере. Кроме того, Федеральное казначейство в рамках бюджетного мониторинга осуществляет мероприятия по мониторингу национальных проектов (программ) и призвано обеспечить операционную эффективность при использовании бюджетных средств.

Однако на практике значительная доля проверок исполнения бюджетного законодательства проводится органами прокуратуры РФ, которые при их осуществлении особое внимание уделяют целевому расходованию бюджетных средств и доведению их до конечных получателей. При этом надзорное ведомство не связано ограничениями, предусмотренными Законом № 294, действуя на основании специального закона и основных приказов Генерального прокурора РФ, регламентирующих организацию и деятельность прокуратуры в сфере экономики[4], своевременно реагирует на все факты нарушений и добиваются их оперативного устранения.

Таким образом, надзор за соблюдением бюджетного законодательства, осуществляют как органы прокуратуры РФ, так и в определенной степени Федеральное казначейство. В связи с указанными обстоятельствами существует риск дублирования полномочий двух государственных органов, что может повлечь неэффективное расходование административного ресурса и увеличение количе-

сийской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

[1] См.: *Зубарев С.М.* О соотношении понятий «контроль» и «надзор» в публичном управлении // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 10. С. 31–36; *Погодина Н.А., Карелин К.В.* Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 72–74; *Мартынов А.В.* Проблемы правового регулирования административного надзора в России. Административно-процессуальное исследование: моногр. М.: NOTA BENE, 2010.

[2] См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 18 февраля. № 39.

[3] См.: *Анисимова К.О.* Понятие и сущность государственного контроля и надзора, проблемы их разграничения // Научный вестник Крыма. 2018. № 4. С. 7; *Скачкова А.Е.* Внешние пределы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства // Законность. 2015. № 12. С. 12-15.

[4] См.: Приказы Генерального прокурора РФ: от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов»; № 195 от 07 декабря 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» и др.

ства проверок как в отношении органов исполнительной власти всех уровней, так и в отношении хозяйствующих субъектов. Это в свою очередь может негативно сказаться на достижении поставленных национальных целей и свести на нет прогнозируемый позитивный результат. В связи с указанными обстоятельствами представляется необходимым, во-первых, сформулировать теоретически проработанное и эмпирически верифицированное определение понятия «надзор за соблюдением бюджетного законодательства». Во-вторых, выделить его специфические характеристики, отличные от понятия государственного и муниципального финансового контроля. В-третьих, путем легального закрепления в нормативном правовом акте указанного определения четко разделить компетенцию между органами прокуратуры РФ и Федеральным казначейством и иными контролирующими органами.

Старынина Н.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Абакумов Д.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена рассмотрению правового положения несовершеннолетних в административном праве и его особенностям.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, административно-правовой статус, правовое положение, административное право.*

Starynina N.A.
Saratov State Low Academy (SSLA), Saratov
Supervison: Abakumov D.V. PhD, Assistant professor of the Saratov State Low Academy (SSLA), Saratov

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF A MINOR: CONCEPT AND CONTENT

Annotation. *This article is devoted to the consideration of the legal status of minors in administrative law and its features.*

Keywords: *minor, administrative-legal status, legal status, administrative law.*

В теории права до сих пор не сложилось единого подхода к определению правового статуса личности. До сих пор ведутся дискуссии, касающиеся входящих в его структуру элементов. Большинство правоведов придерживаются так называемого «узкого» подхода к определению структуры правового статуса, в соответствии с которым выделяют в ней только права и обязанности[1]. Сложившаяся ситуация в общей теории права естественно влечет за собой неоднозначные подходы и к определению положения личности в конкретных сферах права. Административное право не стало исключением. Отметим, что в науке административного права термины «статус» и «положение» применяются в качестве тождественных.

В связи с тем, что человек уже с момента рождения наделен совокупностью прав, одним из направлений социальной политики каждого современного правового государства выступает обеспечение соблюдения и реализации прав ребенка. Бесспорно, подрастание нового поколения требует его воспитания и развития в духовной, нравственной, культурной сфере. В противном случае, без достойной смены, обладающей лучшими человеческими качествами и высокой нравственной и правовой культурой, прогрессивное построение правового государства невозможно.

На сегодняшний день многими отмечается необходимость урегулирования правового статуса несовершеннолетних, порядка защиты их прав и привлечения их к юридической ответственности[2].

По их мнению административно-правового статуса ребенка – это положение, при котором «пространство его личной свободы ограничивается интересами государства»[3]. А значит он, для того чтобы не допустить его незаконное ограничение или умаление, должен быть максимально четко определен.

Однако, при рассмотрении административно-правового статус несовершеннолетнего, мы считаем необходимым остановиться на неотъемлемой его части, а именно на административной ответственности. Мы считаем это необходимым, т.к. количество совершивших административные правонарушения несовершеннолетних, по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2020 г. составило 203 898 человек.[4] На наш взгляд, первопричина совершения детьми правонарушений кроется в их безнадзорности и в недостаточном контроле или вовсе в его отсутствии со стороны семьи и со стороны государственных и общественных организаций.

В науке и практике проблемы административной ответственности несовершеннолетних постоянно наделяются особым интересом. Среди теоретиков административного права существуют различные мнения о понятии административной ответственности. По нашему мнению, следует согласиться с точкой зрения тех ученых, которые определяют административную ответственность как применение административных санкций за правонару-

[1] См.: *Бойков А.Д.* Статус адвоката: содержание, квалификационные требования и принципы адвокатской деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11.

[2] См.: *Бутько О.В.* Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 5.

[3] См.: *Черемухина Ю.А.* Административно-правовой статус несовершеннолетних детей как объекта административной опеки. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 2004. С. 11.

[4] См.: Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36187 (дата обращения: 31.03.2021).

шение[1]. При этом, для нее характерны две специфичных черты, а именно не карательный, а воспитательный уклон и меньший объем наказаний, применяемых к несовершеннолетним, выражающийся в меньшем ограничении их прав и свобод. Объяснением этому служит тот факт, что не соответствующее установленным в обществе нормам поведение несовершеннолетнего чаще всего связано с процессом их роста, с происходящими с ними изменениями, а значит нужно, в первую очередь, направить его в «нужное русло».

В соответствии с действующим законодательством, административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет[2]. К тому же необходимо иметь ввиду, что развитие каждого ребенка сугубо индивидуально, кто-то может быстро развиваться для своего возраста, а кто-то, наоборот, отставать в развитии. В связи с этим, законодателю следует установить единый подход к решению вопроса возрастных ограничений, уровню психофизического и социального развития личности подростка.

Таким образом, административно-правовой статус несовершеннолетних является сложным механизмом, включающим ряд взаимосвязанных элементов. Он, выступая одним из элементов комплексного правового статуса личности, имеет свои особенности, отличающие его от административно-правового статуса других субъектов административного права и получающие закрепление в регулирующих разнообразные области жизни общества нормативно-правовых актах.

Сулуев Р.С.
ФГБОУ ВО СГЮА, г. Саратов
Научный руководитель: Асташкина Е.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО СГЮА, г. Саратов

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье с учетом придания большого значения качеству современного российского образования рассматриваются основные аспекты прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере образования. Автором проводится анализ практики прокурорского надзора по данному направлению. Основное внимание уделяется подробному рассмотрению основных нарушений законодательства в сфере образования. Автор приходит к выводу об актуализации усиления позиций прокуратуры как основного органа защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства в сфере образовательных услуг.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, образование, нарушения, акты прокурорского реагирования.*

Suluev R.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Astashkina E.N. PhD, docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN THE FIELD OF EDUCATION

Abstract. *In the article, taking into account the importance attached to the quality of modern Russian education, the main aspects of the prosecutor's supervision of compliance with the legislation in the field of education are considered. The author analyzes the practice of prosecutor's supervision in this area. The main attention is paid to the detailed consideration of the main violations of the legislation in the field of education. The author comes to the conclusion about the actualization of strengthening the position of the Prosecutor's Office as the main body for the protection of human and civil rights and freedoms, as well as the legally protected interests of society and the state in the field of educational services.*

Keywords: *prosecutor's supervision, education, violations, acts of prosecutor's response.*

Образовательные учреждения являются основным звеном системы непрерывного образования, учреждение, которое осуществляет образовательный процесс, т.е. реализует одну или несколько образовательных программ и (или) обеспечивает содержание и воспитание обучающихся, воспитанников.

Как известно, образование в РФ является сложной многоступенчатой системой и ее существование и функционирование осуществляется на основе законодательного регулирования, государственного контроля и надзора. Основными органами, осуществляющими контролирование образовательной деятельности, являются уполномоченные государственные органы и прокуратура. Определяющими критериями разграничения этих органов являются: специфические задачи, для разрешения которых создан тот или иной орган; характер полномочий соответствующих органов контроля (надзора); положение занимаемое каждым из них в системе государственных органов, и др. «По своей специфике органы прокуратуры должны взаимодействовать с контролирующими органами, использовать информацию, поступающую от этих органов, но не подменять их по своим функциям. Органы прокуратуры также систематически должны осуществлять надзор и за деятельностью этих органов»[3].

[1] См.: Административное право России: учебник для вузов / под ред. Д.Н. Бахраха. М.: Эксмо, 2010.С. 56.

[2] См.: ст. 2.3. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; Российская газета. 2021. № 52.

[3] *Яковлев М.В.* Прокурорский надзор за исполнением образовательного законодательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук.

В настоящее время области образования присуще немало примеров нарушения прав, свобод, охраняемых законом интересов, как обучающихся, так и педагогов, и самих образовательных организаций. Известно, что нарушение прав личности в сфере образования приводят либо к неполучению гражданином образования соответствующего уровня, либо он получает его в ненадлежащем виде, объеме, низкого качества. Данная ситуация в обоих случаях является для государства негативным аспектом, даже в экономике, не говоря уже о снижении общего уровня образованности населения в целом.

Учитывая данную ситуацию, актуальными представляются вопросы организации государственного контроля и надзора за деятельностью образовательных учреждений. Однако, органы исполнительной власти, применительно к сфере образования – это Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор)[1], могут не всегда быть эффективными. Например, если законодательство было нарушено в сфере административного или уголовного права.

В связи с этим возрастает роль прокуратуры и прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере образования. Прокурорский надзор является важным элементом в системе госконтроля за исполнением законов в образовательной сфере. Так, известны нарушения требований закона о лицензировании образовательных организаций, аттестации образовательных программ, аккредитации вузов; например, часто встречаются случаи ведения образовательного процесса по специальностям и направлениям, не указанным в лицензии, превышение предельно допустимого количества обучающихся относительно численности контингента, рассчитанного применительно к нормативам обучения и т.д.[2]

Предметом прокурорского надзора за исполнением законов в сфере образования является соблюдение Конституции Российской Федерации, а также исполнение федеральных законов об образовании и нормативных правовых актов образовательными организациями и учреждениями, органами управления образованием, которые предусмотрены законом и принимаются для развития положений федерального образовательного законодательства. При анализе действующего законодательства, мы видим, что ведомственный локальный акт, регламентирующий организацию прокурорского надзора, конкретно в образовательной сфере в настоящее время еще не издан, поэтому осуществляя надзор прокурор руководствуется положениями ФЗ «О прокуратуре РФ»[3], а также иными подходящими для этого направления надзора НПА.

Основным методом контроля и надзора являются проверки. Главной целью здесь можно считать – укрепление коллективных форм проверок и исключение возможности их осуществления в индивидуальном порядке[4]. При проверке исполнения законодательства в сфере образования и осуществлением надзора прокуроры должны руководствуются рядом приказов Генерального прокурора Российской Федерации напрямую не связанными со сферой образования, а также включенными в нее приказами о деятельности образовательных учреждений.

Прокуратурой проверяются немаловажные сферы образовательной деятельности, положения учредительных документов, нарушения условий выплаты стипендий, издаваемые руководителями приказы и локальные акты, условия проживания в общежитиях, законность расходования государственных средств, законность выдачи ссуд педагогическим работникам заведения, законность использования образовательными учреждениями автотранспорта, расходы на учебники, технические средства обучения и др.[5]

При выявлении прокурором, в каких-либо учреждениях нарушений закона, им выносится протест, который должен быть рассмотрен руководителем учреждения. Однако далеко не каждый протест прокуроров подлежит удовлетворению. Протест должен состоять из определенных требований по форме и содержанию. Протест с нарушением приведенных требований, подлежит отклонению как необоснованный и имеющий при этом недостатки. Таким образом, например, не подлежат удовлетворению протесты прокурора, которые содержат необоснованные требования по изменению устава учреждения. «Результативность надзора за исполнением законов об образовании можно оценивать только в реально достигнутом уровне задач, стоящих перед надзирающим прокурором и направленных на достижение высшей цели»[6].

При анализе всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в действующие нормативно правовые акты следует внести определенные дополнения и изменения, которые могут позволить проводить прокурорский надзор в образовательной сфере более качественно. Также необходимо создание ведомственного акта, который будет регламентировать организацию прокурорского надзора именно в сфере образования. В этом правовом акте следует подробно пояснить все вопросы организации прокурорского надзора в образовательной сфере. Также стоит создать информационно-правовую базу по вопросам прокурорского надзора в сфере образования, которая будет постоянно пополняться и обновляться. Также, представляется верным проводить постоянные семинары по вопросам надзора в сфере образования и других приоритетных направлений в этой сфере. Возможно, при дальнейшем реформировании и совершенствовании функций прокуратуры выиграет все российское и гражданское общество в целом.

М., 1962. С. 5.

[1] Постановление Правительства РФ от 28 июля 2018 г. № 885 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2020) // СЗ РФ. 2018. № 32, ч. 2, ст. 5344.

[2] Официальный сайт Управления по контролю и надзору в сфере образования Республика Башкотарстан URL: https://obrnadzorrb.bashkortostan.ru/activity/22848/ (дата обращения:19.03.2021).

[3] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8, ст. 366.

[4] *Герасимова С.И.* Организация работы городской (районной) прокуратуры: методическое пособие. М.: МОСКВА, 2001. С. 67.

[5] *Винокуров А.Ю.* Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов / А.Ю. Винокуров // Законность. 2006. № 4. С. 27.

[6] *Ястребов В.Б.* Прокурорский надзор: учеб. М.: Зерцало-М, 2011. С. 167.

Сыркина Е.С.
студентка 2 курса Института прокуратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.
Научный руководитель: Куницына А.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЛИЧИЯ УГРОЗЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ, ОПАСНОГО ДЛЯ ЖИЗНИ ОБОРОНЯЮЩЕГОСЯ ИЛИ ДРУГОГО ЛИЦА, ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности установления наличия непосредственной угрозы применения насилия в рамках необходимой обороны, выводятся условия правомерности обороны при наличии угрозы, анализируются наиболее распространенные ошибки, допускаемые судами общей юрисдикции при рассмотрении дел о необходимой обороне, предлагаются изменения в законодательство, обеспечивающие наиболее точную квалификацию рассматриваемых деяний.*

Ключевые слова: *необходимая оборона; угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося; обстоятельства, исключающие преступность деяния.*

Syrkina E.S.
2nd year student of the Institute of Prosecution Saratov State Law Academy, Saratov.
Supervisor: Kunitsyna A.V., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law Saratov State Law Academy, Saratov.

FEATURES OF ESTABLISHING THE PRESENCE OF THE THREAT OF THE USE OF VIOLENCE DANGEROUS TO THE LIFE OF A DEFENDER OR ANOTHER PERSON, WITH THE NECESSARY DEFENSE

Abstract. *This article examines the specifics of establishing the presence of an imminent threat of the use of violence within the framework of necessary defense, deduces the conditions for the legitimacy of defense in the presence of a threat, analyzes the most common mistakes made by courts of general jurisdiction when considering cases of necessary defense, proposes changes to legislation that provide the most accurate qualification of the acts in question.*

Keywords: *necessary defense; the threat of the use of violence dangerous to the life of the defender; circumstances precluding the criminality of the act.*

В жизни каждого человека могут возникнуть обстоятельства, при которых он будет вынужден защищать жизнь, свое здоровье, а также здоровье близких. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны , т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.[1]

Для оценки общественно-опасного посягательства с точки зрения появления права на необходимую оборону важен факт установления его реальности. Толкование текста указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что право на необходимую оборону возникает при установлении наличия непосредственной угрозы применения насилия. Таким образом, обороняющемуся лицу не требуется ожидать непосредственного применения насилия со стороны посягающего. Следует отметить, что на практике чаще всего сложности возникают с установлением необходимой обороны, основанием для которой является не сам факт насилия, а угроза его применения.

Рассмотрим условия, при которых необходимая оборона при угрозе применения насилия является правомерной. Постановление Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет способы выражения непосредственной угрозы применения насилия.[2] О наличии посягательства в этом случае может свидетельствовать: во-первых, высказывание намерения немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни; во-вторых, демонстрация нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств. Однако право на необходимую оборону в указанных случаях возникает только тогда, когда из конкретной обстановки явствует, чт.е. основания опасаться осуществления этой угрозы.

Указанное разъяснение представляет практическую значимость для последующей правовой оценки действий, которые совершены в состоянии необходимой обороны. Однако тем не менее указанный перечень оснований не охватывает все многообразие форм проявления угрозы применения насилия. Как верно было отмечено В.Ф. Кириченко, «вопрос о правомерности необходимой обороны – вопрос факта. Только при анализе конкретных обстоятельств можно определить пределы защиты».[3]

Если обратиться к судебной практике применения законодательства о необходимой обороне, то можно выя-

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 12.11.2018)// СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. № 227.

[3] См.: *Кириченко В.Ф.* Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве; отв. ред. Б.С. Маньяковский. М.: Изд-во АН СССР, 1948.

вить ряд сложностей, связанных с установлением угрозы применения насилия. Правоприменитель не всегда усматривает в действиях посягающего лица непосредственную угрозу для обороняющегося, в связи с чем допускаются ошибки в квалификации деяния.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Пензенского областного суда изменила приговор Ленинского районного суда в отношении А., переквалифицировав его действия с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ[1]. Как следует из приговора суда первой инстанции, инициатором конфликта стал потерпевший Б., который преследовал подсудимого А., оскорблял его нецензурной бранью и высказывал угрозы физической расправы. По сути, суд изложил в приговоре обстоятельства, характерные для превышения пределов необходимой обороны, однако в резолютивной части неправильно квалифицировал действия А. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, сославшись на то, что в действиях потерпевшего не было реальности угрозы применения насилия.

Из обстоятельств дела стало ясно, что Б. будучи агрессивно настроенным после того, как лица из его компании нанесли удары Ю и последний стал убегать, начал преследовать его и угрожать расправой. Следовательно, у А. были основания предполагать реальность осуществления угрозы его жизни, поэтому он имел право на акт обороны в этой ситуации. Но в то же время А., без явной на то необходимости (т.к. у Б. отсутствовало какое-либо оружие и предметы), избрал не соответствующий характеру и степени общественной опасности способ защиты: нанес ножевое ранение в грудь, чем и превысил пределы необходимой обороны. Принимая во внимание обстановку совершения преступления, мы можем говорить о превышении пределов необходимой обороны, но не об умышленном убийстве.

Подобные ошибки в квалификации деяний, совершенных в состоянии необходимой обороны, не единичны. Следовательно, законодателю необходимо обратить внимание на ту сложность установления необходимой обороны, вызванная недостаточностью критериев, по которым правоприменитель определяет наличие угрозы применения насилия, опасного для жизни. Поэтому на наш взгляд, необходимо дополнить содержание вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного Суда следующим содержанием:

«О наличии реальной непосредственной грозы применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, действующих в состоянии необходимой обороны, могут свидетельствовать:

1) высказывания посягающего лица о его намерении причинить обороняющемуся либо другому лицу вред его жизни, здоровью, половой неприкосновенности;

2) оскорбительное приставание, в том числе сопровождающееся нецензурными высказываниями;

3) попытка посягающего лица схватить за одежду, руки, туловище, либо удерживать обороняющегося, либо резко сократить расстояние, каким-либо иным способом препятствовать его свободному продвижению, сопровождающееся агрессией со стороны посягающего;

4) преследование обороняющегося лица;

5) демонстрация нападающим оружия или предмета, используемого им в качестве оружия, способного причинить вред жизни и здоровью;

6) иные действия посягающего, свидетельствующие о наличии непосредственной опасности начала осуществления посягательства.»

[1] См.: Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел о насильственных преступлениях против личности, совершенных в том числе и с применением оружия, за период 2014 год – первое полугодие 2015 года // Официальный сайт Пензенского областного суда. URL: http://oblsud.pnz.sudrf.ru/ (дата обращения: 15.03.2021).

Тарасова Ю.С.
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ
Научный руководитель: Велиева Д.С., д.ю.н., профессор

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. *Всесторонне изучение права человека и гражданина на защиту своих прав и свобод зародилось в зарубежных странах еще в Древнем Мире. Анализ генезиса развития указанного права позволяет говорить о том, что европейские и азиатские страны развивали указанный комплекс прав по-разному. Отметим, что вначале документы содержали принципы установления и защиты прав, а не сами права. В настоящее время институт государственной защиты прав человека и гражданина развивается на наднациональном уровне.*

Ключевые слова: *права граждан, право на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, зарубежный опыт.*

Tarasova J.S.
Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin RANEPA under the President of the Russian Federation
Supervisor: Veliyeva J.S., Doctor of Law, Professor

FOREIGN EXPERIENCE OF STATE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Abstract. *Comprehensive study of the human and civil rights to protect their rights and freedoms originated in foreign countries in the Ancient World. Analysis of the Genesis of the development of this right suggests that European and Asian countries developed this set of rights in different ways.*

Note that at first the documents contained the principles of establishing and protecting rights, not the rights themselves. Currently, the Institute of state protection of human and civil rights is developing at the supranational level.

Keywords: *citizens ' rights, the right to state protection of human and civil rights and freedoms, foreign experience.*

Представление о необходимости государственной защиты прав человека возникло в зарубежных странах еще в Древнем Мире. Однако подходы к такой защите разительно отличались от существующих в настоящее время.

Считается, что впервые слово «свобода» было упомянуто в шумерских законах в XXIV в. до н.э[1]. В науке истории государства и права принято считать, что концепция прав человека и понятия о необходимости их государственной защиты появились в Древней Греции в V-VI веке до н. э. Объем прав и решение вопроса об их защите длительное время зависели от сословной принадлежности конкретного лица. Еще Аристотель говорил, что государство должно заботится о гражданах, но не о рабах[2].

Были свои представления о защите прав человека и в Древнем Риме. Римские юристы интерпретировали старые нормы права в соответствии с более современными представлениями о справедливости, что обеспечивало стабильность и гибкость развития юридической конструкции прав человека[3].

Сформировавшиеся на Востоке в 6-9 веках н. э. законы шариата с одной стороны ужесточали общественный контроль за личной жизнью человека, с другой наделяли мусульман (т.к. на иноверцев они не распространялись) такими правами, которых не было у индивидов в западных странах еще длительное время[4].

Отсчет современной истории зарождения и развития прав человека и их защиты в зарубежной литературе ведется с 1215 года, когда английский король Джон подписал Великую хартию вольностей (Magna Carta), в которой устанавливался принцип равенства перед законом и возможность судебной защиты прав.

Первым документом в Европе, в котором упоминались права человека, исследователи считают "Двенадцать статей" 1525 года (Германия). В документе говорилось и политических и о социальных правах, но основной акцент делался на свободе совести, поскольку и само его появление стало возможным благодаря движению Реформации.

Большое значение для развития государственной защиты прав человека в зарубежных странах имели и принятые в США в 1776 г. Декларация независимости и Конституция 1787 г. В этих документах опять же содержатся принципы установления и защиты прав, а не сами права. Так, в Декларации независимости указывается на автономию прав человека и необходимость их защиты от любых посягательств государства. В Конституции, также речь идет больше о принципах, чем о конкретных правах. Сами права человека были сформулированы позднее в американском Билле о правах 1791 г., представляющем собой 10 первых поправок к Конституции. Среди них, например, есть право на ношение оружия, право обвиняемого на безотлагательное рассмотрение его дела беспристрастным судом и т. д[5].

В это же время, во Франции была принята Декларация прав человека и гражданина 1789 г., значение которой для развития прав человека и их государственной защиты сложно переоценить. В отличии от всех предыдущих документов, в ней четко сформулированы права, присущие личности и введен термин гражданин, который подчеркивает естественный, а не дарованный или октроированный характер этих прав. В Декларации подчеркивалась роль государства в защите прав человека. Так, в ст. 12 этого документа говорится: «для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила, она создается в интересах всех, а не личной пользы тех, кому она вверена»[6].

Идеи, сформулированные в данном документе, получили, в дальнейшем, свое закрепление в законодательстве других зарубежных стран и в международном праве. Права, представленные в нем, представляют первое поколение прав и свобод человека, они явились основой для формирования других поколений прав.

Все рассмотренные выше документы появились в результате борьбы различных слоев населения за свои права и в ходе буржуазных революций. Государство устанавливало их защиту не в результате осознанной необходимости, а как ответ на требования населения.

В XIX веке в законодательстве зарубежных стран начинает складывается так называемый "либеральный набор" прав человека, в который входят свобода, равенство, неприкосновенность личности, право собственности, свобода вероисповедания, свобода печати, избирательные права и т. д. Соответственно, возникают и развиваются институты и механизмы, связанные с осуществлением государственной защиты этих прав и свобод. Не смотря на то, что права первого поколения преимущественно отражали различные свободы индивида (т.е. это в основном гражданские и политические права), в этот период времени возникает идея, что граждане могут требовать от государства улучшения условий жизни. Появляется представление об ответственности государства за регулирование проблем безработицы, здравоохранения, образования и т. д. Таким образом, закладывается основа социально-экономических прав, получивших свое законодательное закрепление уже преимущественно в XX веке.

В XX веке происходит наиболее бурное развитие прав человека, а так же правозащитных механизмов. На начало XX века приходится и активное развитие конституционного права, ознаменовавшегося принятием конституций во многих странах мира. В отдельных странах, например, в Сан-Марино, Литве, Польше, Норвегии конституции принимались и раньше в (Сан-Марино это произошло еще в 1600 г.), но новые конституции отличались от прежних. Первые принятые в этот период конституции

[1] См.: Права человека накануне XXI века. С. 271

[2] См.: *Мазитова И.Р.* История защиты прав человека //Вестник ТИСБИ. 2004. № 1.

[3] См.: Права человека / под ред. Е.А. Лукашевой. С. 55.

[4] См.: Noah Feldman (March 16, 2008). «Why Shariah?». New York Times.

[5] Цит. по Конституционное право зарубежных стран: хрестоматия / сост. Ганин О.В., Захаров В.В. Тамбов. 2006 г. С. 6-26 .

[6] Там же. С. 93-95.

закрепляли как сами права человека, так и обязанности государства по их обеспечению и защите. В этот период времени, права человека стали более обширны, в них входили как гражданские и политические, так и социально-экономические и культурные права.

В течении XX века законодательство большинства зарубежных стран в области прав человека было существенно модифицировано под влиянием демократических принципов права и гуманистических идей. В некоторых странах, например, в северной Европе, к началу XX века сформировались очень высокие стандарты прав человека. Однако, даже в достаточно благополучной Европе в XX веке было множество проблем, связанных с обеспечением и защитой прав человека. Некоторые из них сохраняются и до сих пор.

И все же, к началу XXI века мировое сообщество подошло с новыми стандартами государственной защиты прав человека, которые с различной степенью успеха реализуются в зарубежных странах.

В каждом государстве существуют свои механизмы государственной защиты прав человека, которые в большинстве случаев основаны на нормах конституционного права конкретного государства и на нормах международного права, устанавливающих стандарты прав человека, а так же принципы их защиты. Поэтому механизм защиты прав человека, существующий в государстве не должен противоречить обязательным для этого государства нормам международного права.

Механизм государственной защиты прав человека в зарубежных странах можно подразделить на нормативно-правовой и организационно-правовой. Нормативно-правовой механизм защиты прав человека реализуется через деятельность государственных органов принимающих нормативно правовые акты, затрагивающие права человека и вопросы их защиты.

Однако далеко не во всех странах вопрос решается так однозначно как в членах Евросоюза. Многие государства придерживаются дуалистических позиций в сфере соотношения международного и внутригосударственного права[1]. В этом случае, они менее связаны предписаниями норм международного права в своей деятельности, т.к. сохраняют возможность самостоятельно выбирать для себя международные обязательства и не должны выполнять абсолютно все предписания, принимаемые в международных организациях членами которых они являются. Так же и многие международные организации, в отличие от Евросоюза не ставят перед своими членами таких жестких условий. Например, в 1966 г. Организацией Объединенных Наций были приняты два Международных пакта о правах человека. При этом указывалось, что государства ратифицировавшие эти документы обязаны гарантировать в полоном объеме гражданские и политические права, закрепленные в них, а социально-экономические в зависимости от возможностей государства. Пакты обязательны для ратифицировавших их государств.

Анализируя зарубежный опыт государственной защиты прав человека можно отметить, что на особенности этого процесса до сих пор большое влияние оказывают традиции и религия и, безусловно, экономическая ситуация. Кроме того, среди подобных факторов следует выделить желание государства активно сотрудничать с международным сообществом, быть его неотъемлемой частью, т.е. политический фактор. Например, именно это является причиной реформирования законодательства Турции, приведения его в соответствие с международными стандартами, невзирая на силу религиозных традиций. Противоположностью ей в этом вопросе являются Китай и Саудовская Аравия.

[1] См.: *Хижняк В.С.* Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы. Саратов, 2007. С. 62.

Темуркаев М.И.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Мильшин Ю.Н., к.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АНАЛИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1718–1917 ГГ.

Аннотация. *Контрольно-надзорная деятельность органов внутренних дел во все периоды исторического развития занимала важное место для обеспечения общественного порядка и безопасности. В статье проанализированы нормативно-правовые акты различных периодов становления и развития органов полиции в России. В результате проведенного исследования были выявлены определенные этапы развития контрольно-надзорной деятельности в органах внутренних дел, которые имели свои особенности исходя из социально-политической обстановки в России в разные исторические периоды.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел, контрольно-надзорная деятельность, общественный порядок, полиция.*

Temurkaev M.I.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Milshin Yu.N. Candidate of Law, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ANALYSIS OF THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF CONTROL AND SUPERVISION ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS IN 1718–1917.

Abstract. *During all periods of historical development, the control and supervisory activities of the internal affairs*

bodies played an important role in ensuring public order and security. The article analyzes the regulatory legal acts of various periods of the formation and development of the police in Russia. As a result of the study, certain stages in the development of control and supervisory activities in the internal affairs bodies were identified, which had their own characteristics based on the socio-political situation in Russia in different historical periods.

Keywords: *internal affairs bodies, control and supervisory activities, public order, police.*

Контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел во все времена исторического развития уделялось особое внимание, осуществление данных функций позволяло обеспечить общественный порядок и безопасность в государстве. Анализ истории становления контрольно-надзорной деятельности в органах внутренних дел позволяет выявить тенденции развития, выделить позитивные моменты их эволюции, а также определить направления дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

Указом Петра I в 1718 г. была создана полиции[1], с данного момента фактически в первые начал применяться термин «полиция», а также осуществляться функции по контролю и надзору. Именно с того периода начинается формирование целостной системы органов внутренних дел, в России, которые осуществляли деятельность по обеспечению общественного порядка и борьбы с преступностью.

Согласно данному Указу Петром I уделялось большое внимание регулированию вопросов по осуществлению функций по контролю и надзору в полицейских органах, которые занимали важное место в системе государственного управления по обеспечению общественного спокойствия и безопасности государства.

Так, при Петре I началось паспортное регулирование, что было связано с необходимостью проведения комплексной работы, в частности по сбору налогов, т.е. существовавшая систем государственного управления нуждалась в налаженном паспортном режиме[2]. В 1724 г. был издан Указ «Плакат», в котором закреплялись требования к паспортам, в частности необходимо было прописывать основные приметы людей, в последующем данные положения развивались. Финансовое регулирование было во взаимосвязи с введенным паспортным режимом, что помогало контролировать налогоплательщиков, вести учет и собирать налоги. Функции по паспортному контролю были возложены на полицейские органы, как одно из важнейших направлений деятельности[3].

Соответственно еще в тот период исторического развития полицейские органы осуществляли функции по паспортному контролю, что говорит о том, что современное паспортное регулирование получило основы еще в ранние периоды исторического развития органов полиции.

Обеспечение порядка в общественных местах также было в числе основных функций полицейских органов того периода, который распространялся на неопределенный круг людей, с целью охраны общественного порядка. Именно в исследуемый период исторического развития полиция осуществляла всесторонний надзор за населением, в части соблюдения норм, регламентов, а также особо уделяя внимание городским жителям, устанавливая правила поведения, которые позволяли обеспечить дисциплину.

В дальнейшем расширяются полномочия полицейских органов с учетом роста численности населения в городах и масштабов их территорий. Так, Анной Иоанновной был издан Указ от 9 марта 1730 г. «О нескорой и осторожной езде на лошадях по улицам, и о задержании в Полиции тех, которые будут давить лошадьми и бить проходящих кнутьями».

В данном Указе говорилось, что многие «ездят в санях резво и не смирно, и верховые их люди перед ними необыкновенно скачут, и, на других наезжая, бьют плетьми, и лошадьми топчут». В связи с чем было указано «дабы впредь всяких чинов люди, как вышнего, так и нижнего достоинства, ездили сами и люди их пред ними смирно и на лошадях не скакали и ни на кого наезжая не били и лошадьми не топтали. А ежели кто впредь в противность сего указа дерзнет так резво и не смирно ездить и люди их необыкновенно перед ними скакать, и плетьми кого бить, и саньми и лошадьми давить, таких велено ловить, и для того из Полиции посылать разъезды из драгун и солдат. И которые так чинить будут, тех ловить и приводить в Полицию и в Правительствующий Сенат рапортовать»[4].

Таким образом, осуществлялось регулирование передвижения на лошадях, путем установления определенных правил безопасного передвижения, которые бы исключали наезды на людей, а также в случае необходимости доставляя нарушителей в полицию и направляя рапорт в сенат.

Анализ данных положения показывает, что надзор со стороны полиции того периода времени можно сравнить с осуществлением в настоящее время надзора за безопасностью дорожного движения Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

В последующем при Анне Иоанновне получил расширение и совершенствование паспортный контроль, в качестве важнейшей функции полицейских органов, в том числе началось осуществление функций по переписи населения проживающего в городах.

Дальнейшее развитие контрольно-надзорной деятельности связано с 8 апреля 1782 года, когда Екатериной II был утвержден Устав благочиния или Полицейского, который существенным образом внес вклад в развитие органов внутренних дел, а именно закреплялась четкая структура, осуществлялась систематизация и определялись основные направления деятельности полицейских органов.

---

[1] См.: Реформы Петра I: сб. документов / сост. В.И. Лебедев. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1937. С. 195.

[2] См.: Краткий исторический очерк и основные документы: учебное пособие / Альхименко В.В., Коряков В.П., Курицын В.М., Мулукаев Р.С., и др. / под ред. В.М. Курицына. М.: Щит-М. 1998. С. 47.

[3] См.: Дерюжинского В.Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб.: Сенат. тип. 1903. XII. С. 236.

[4] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. СПБ.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830.

Важнейшим направлением полицейских органов согласно Уставу благочиния или Полицейского было пресечение противоправных действий, обеспечение охраны общественного порядка и безопасности, в частности в период массовых мероприятий и крестных ходов. Особо уделялось внимание регулированию уличного движения, путем пресечения быстрой езды, надзора за состоянием транспортных средств, оказания помощи пострадавшим, что в целом обеспечивало безопасность дорожного движения.

Соответственно мы видим, что в положениях Устава благочиния или Полицейского нормы, существовавшие еще в Указе Анны Иоанновны о регулировании уличного движения развиваются и дополняются указанием в частности на необходимость осуществления надзора за состоянием транспортных средств.

Таким образом, можно сказать, что данные положения явились основой для формирования целостной системы государственного надзора за безопасностью дорожного движения который, существует в настоящее время в системе органов внутренних дел.

В результате проводимых реформ в сфере государственного управления Манифестом Александра I «Об учреждении министерств»[1] от 8 сентября 1802 г. было создано Министерство внутренних дел, которое выполняло обширные функции социального обеспечения и охраны общественного порядка.

Для понимания основных направлений контрольно-надзорной деятельности полиции в составе Министерства внутренних дел того исторического периода, необходимо обозначить его структуру. В «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. устанавливалась система министерств, их внутренняя организация и порядок деятельности с определением прав министерств. В свою очередь Министерство полиции включало в себя три департамента, а также общую и особенную канцелярии. В рамках департамента внутренних дел было четыре экспедиции, первое отделение экспедиции спокойствия и благочиния по делам земской полиции занималось сбором сведений о совершенных преступлениях, иных происшествиях, в том числе о людях, которые въезжали и выезжали из страны, осуществляло контроль при проведении собраний и зрелищ, а также выполняло функции по надзору за состоянием дорог и соблюдением на них порядка[2].

Также особенная канцелярия в составе Министерства полиции создавалась для осуществления секретного делопроизводства, но занималась ведением дел иностранцев, выдачей паспортов для въезда и выезда из государства, выполняла по сути функции политической полиции, в том числе ведала цензурой и иными делами на усмотрение министра которые он принимал к сведению и разрешал[3].

Можно сказать, что миграционный контроль, который осуществляется в настоящее время органами внутренних дел формировался еще в 19 века, когда были введены определенные меры регулирования на въезд и выезд из страны, также паспортное регулирование. Соответственно на полицию традиционно возлагались важнейшие функции по осуществлению контрольно-надзорной деятельности в различных сферах функционирования государства.

Ведомственный контроль также занимал важное место в системе Министерства внутренних дел того периода развития. Непосредственно министр осуществлял контроль за структурными подразделениями и региональными органами Министерства внутренних дел. В связи с чем, в 1803 г. министром были утверждены правила внутренней организации Министерства внутренних дел[4], в которых в частности были положения регулирующие вопросы осуществления ведомственного контроля.

В настоящее время осуществление ведомственного контроля в Министерстве внутренних дел также строится на принципе централизации, когда вышестоящие органы проверяют нижестоящих по иерархической подчиненности, что обеспечивает наиболее эффективное функционирование всех звеньев Министерства внутренних дел.

Также необходимо отметить, что с конца 19 начал формироваться полицейский надзор. Было принято положение о полицейском надзоре от 12 марта 1882 г., которое под давлением времени и историческим переменам в последующем подвергалось изменениям и дополнениям. Под полицейским надзором понималась определенная мера по предупреждению противоправных действий в отношении, государственного порядка которое учреждалось над вредными для общества лицами[5].

Представляется что полицейский надзор выступал по сути в качестве предшественника существующего в настоящее время административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, однако меры полицейского надзора в различные периоды исторического развития подвергались изменениям.

Соответственно контрольно-надзорная деятельность органами полиции в тот исторический период характеризуется серьезным развитием, начали свое формирование существующие в настоящее время контроль в сфере миграции, ведомственный контроль, административный надзор за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, надзор в сфере безопасности дорожного движения.

В начале XX в. в России происходили революционные события что существенным образом отразилось и на Министерстве внутренних дел, тогда 11 марта 1917 г. произошло упразднение Департамента полиции. В последующем постановлением Временного правительства создается рабоче-крестьянская милиция. Однако противоречия при взаимодействии народной и городской милиции, привело к тому что в ноябре 1917 создается Народный комиссариат внутренних дел РСФСР.

---

[1] См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXVII. СПБ.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830.

[2] См.: Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк / В.Ф. Некрасов [и др.]. М.: Объединенная редакция МВД России. 1996. С. 13.

[3] См.: Варадинов Н. История Министерства внутренних дел: ч. 1–3. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1858–1863. С. 21-22.

[4] См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXVII. СПБ.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830.

[5] См.: Продолжение Свода законов Российской Империи. ч. 3. СПб. 1906; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Прил. II к ст. 1.

На вновь созданный орган было возложено административное управление деятельностью советов[1], организация милиции, а также в сферу деятельности Народного комиссариата внутренних дел перешли существовавшие ранее функции Министерства внутренних дел в частности по надзору за общественным порядком которая имела особенности, связанные с социальной напряженностью вызванную революционным состоянием общества.

На основании проведенного исследования истории развития контрольно-надзорной деятельности в органах внутренних дел в период с 1718-1917 гг., представляется возможным выделить определенную периодизацию, а именно:

1. Возникновение государственных органов полиции в начале XVIII века при Петре I когда уделялось особое значение контрольно-надзорной деятельности полицейских органов для обеспечения общественного спокойствия и безопасности государства.

2. Развитие контрольно-надзорной деятельности полиции в период с 1730 г. до 1782 г. XVIII в., при Анне Иоанновне, когда уделяется особое внимание регулированию дорожного движение и развивается паспортный контроль полиции.

3. Дальнейшее развитие контрольно-надзорной деятельности полиции в период правления Екатерины II с конца XVIII в. где характерным было развитие нормативной основы данной деятельности, также расширение функций по надзору за уличным движением.

4. Контрольно-надзорная деятельность полиции в период с начала и до середины XIX в. когда развивается общий надзор по обеспечению общественного порядка, а также ведомственный контроль и миграционный контроль.

5. Вторая половина XIX и начало XX вв. характеризуется формированием полицейского надзора, как прототипа современного административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, а также, развитием надзора за безопасностью движения транспорта и миграционного контроля.

[1] См.: Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк в 2-х томах. Т. II. СПБ.: Фонд «Университет». 2002. С. 120–121.

Тимиржанова А.Д.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Михайлова Ю.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ИНСЦЕНИРОВКА КАК СПОСОБ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Вследствие разных причин раскрытие совершенных преступлений значительно осложнено. Причиной возникновения сложностей при расследовании преступлений выступают так называемые негативные обстоятельства, под которыми в криминалистике понимается наличие каких-либо признаков, которых не могло и не должно быть при обычном стечении обстоятельств, что свидетельствует об использовании инсценировок в качестве способа сокрытия преступления.*

Ключевые слова: *инсценировка преступления, сокрытие преступления, расследование.*

Timirzhanova A.D.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Mikhailova Yu. N. PhD., associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

STAGING AS A WAY TO CONCEAL A CRIME

Abstract. *Due to various reasons, the disclosure of committed crimes is significantly complicated. The reason for the difficulties in the investigation of crimes are the so-called negative circumstances, which in criminology is understood as the presence of any signs that could not and should not be under normal circumstances, which indicates the use of dramatizations as a way to conceal the crime.*

Keywords: *staging a crime, covering up a crime, investigating.*

В целях успешной борьбы с преступностью правоохранительным органам, а в особенности, следственным органам, следует достаточно быстро и своевременно осуществлять раскрытие и расследование уголовно-наказуемых деяний, а также тщательно выявлять все имеющиеся обстоятельства по расследуемому делу и находить причастных к преступному деянию лиц, виновных в его совершении, уклоняющихся от привлечения к уголовной ответственности.

К сожалению, вследствие разных причин раскрытие совершенных преступлений значительно осложнено и установить виновных в совершении преступных деяний лиц удается не всегда. Указанные сложности при раскрытии преступных деяний в основном возникают по причине того, что преступники пытаются запутать следствие, прибегая к разным уловкам, в том числе наводя органы расследования на ложные следы, в результате чего следствие заходит в тупик, и эффективность расследования снижается до минимума.

Некоторая группа ученых полагает, что подобные обстоятельства в первую очередь характеризуются отсутствием объектов, которые имели место (или должны иметь место) согласно общей (типичной) картине места совершения преступного деяния. Другие ученые-криминалисты утверждают, что причиной возникновения сложностей при расследовании преступлений выступают так называемые негативные обстоятельства, под которыми в криминалистической науке понимается наличие каких-либо признаков или следов, которых не могло и не должно быть при обычном стесчении обстоятельств[1]. Таким образом, можно сделать вывод, что сущность явления негативного обстоятельства в большей степени определяет именно наличие обстоятельств, противоречащих развитию обычного хода и признаков сложившегося при осмотре места происшествия события. То есть, в данном случае противоречие представляется как отсутствие признаков и обстоятельств, которые имели место быть, и обнаружение таких следственных данных, которые не могут быть при существующем событии, что свидетельствует о наличии инсценировки преступного деяния.

В криминалистической науке термин «инсценировка» рассматривается в нескольких значениях, а именно:

- «как деятельность по сокрытию преступления;
- как «негативное обстоятельство»;
- как деятельность, направленная на криминальное дезинформирование;
- как способ изменения обстановки места происшествия (симуляция)»[2].

Вместе с тем, по мнению ряда ученых и практиков, рассмотренные выше подходы к определению криминальной инсценировки преступлений являются ограниченными, не отражающими сущности анализируемого явления. Инсценировка является способом подготовки и совершения преступленного деяния, средством достижения желаемого преступного результата.

Е.С. Лапин указывает что «инсценировка преступления – создание несоответствующей произошедшему фактически событию в определенном месте обстановки в целях сокрытия совершенного или подготавливаемого преступления и введения следствие в заблуждение, дополняемое ложным поведением или ложными сообщениями»[3].

Указанный подход существенно изменяет представление об инсценировке преступления в сравнении с вышеперечисленными определениями криминальной инсценировки, а также о ее целях, методах и средствах их достижений.

Однако Д.А. Глотов утверждает, что «инсценировку преступления не следует рассматривать с других позиций (способа при подготовке к совершению преступления), поскольку она содержит в себе абсолютно другую целевую направленность»[4].

На наш взгляд, подобный подход к рассмотрению сущности криминальной инсценировки является довольно узким, т.к., придерживаясь данной точки зрения, ученые-криминалисты интерпретируют цель инсценировки только в качестве одного из возможных способов сокрытия преступного деяния, тогда как при совершении преступления виновные лица, как правило, разрабатывают план и в большинстве случаев используют инсценировку в качестве средства, способствующего обеспечению осуществления соответствующего преступного умысла и ориентированного на других лиц (инсценировка самоубийства).

Целью инсценировки является достижение субъектом желаемого результата. В некоторых ситуациях цель по сокрытию преступления заменяется другой наиболее важной целью для преступника – добиться конкретного преступного результата любой ценой. «Сущность криминальной инсценировки, ее ориентированность выполняет другие функции и решает разнообразные задачи при подготовке и совершении преступлений, она не ограничивается только деятельностью по их сокрытию»[5].

Основоположником изучения данной криминалистической проблемы является Ганс Густов Адольф Гросс. Изучая различные способы симуляции со стороны преступников при совершении ими преступлений, ученый также утверждал, что характерными чертами симуляции выступают так называемые отрицательные данные, которые определяются как негативные обстоятельства[6]. Под сущностью негативных обстоятельств аналогичным образом понимается отсутствие объектов, которые должны находиться на месте происшествия в соответствии с общей картиной события, либо их присутствие, которых не должно быть при обычном ходе и признаках произошедшего события. Часто преступник при искажении даже одного, но очень важного следа, во всем сложившимся событии, уже создает совокупность ложной информации на месте происшествия. Оставленные ложные следы в рамках инсценировки преступного деяния могут быть выявлены при проведении экспертизы, следственных действий и мероприятий или при допросе очевидцев произошедшего и т.д. Поэтому, следователь при осуществлении осмотра места происшествия должен выстраивать несколько следственных версий произошедшего и посредством опровержения некоторых из них, определять истинную картину события. Однако противоречия в существующих следах могут быть выявлены следователем не только при осмотре места происшествия, а позднее или даже до производства следственного действия. Например, смоделируем следующую ситуацию: при осмотре места происшествия был обнаружен труп гр. Т. И выдвинуто предположение, согласно которому смерть наступила в результате алкогольного отравления. Указанный данный факт подтвержден судебно-медицинской эксперти-

[1] *Мудьюгин Г.Н.* Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М.: Юрид. лит., 1973. С. 22.

[2] *Дементьев В.В.* Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 15.

[3] *Лапин Е.С.* Курс основ криминалистики: учебник. Саратов: Научная книга. 2013. С. 433.

[4] *Глотов Д.А.* Криминальная инсценировка: преступление или право на защиту? // Закон и право. 2013. № 9. С. 107-109.

[5] *Федотенков Д.Г.* Криминалистическая особенность инсценировки как способа сокрытия преступлений // Государство и право: теория и практика: материалы III Международной научной конференции (г. Чита, июль 2014 г.). Чита: Молодой ученый. 2014. С. 84-86.

[6] *Андреев А.С.* К вопросу о создании частных методик раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в условиях посткриминального противодействия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. С. 127-128.

зой. Вместе с тем, гр. Т. перед смертью продал квартиру, что вызвало у следователя подозрение в данном совпадении обстоятельств. Следователем было установлено, что процесс смерти противоречил официальному установленному диагнозу, поскольку у потерпевшего была остановка дыхания, и наступил паралич сердца, когда при алкогольной интоксикации смерть протекает медленно. При производстве следственных мероприятий подтвердилась версия об убийстве. Пример демонстрирует, что в данном случае имеются обстоятельства, являющиеся негативными, при выявлении которых удалось раскрыть убийство, инсценированное под бытовое отравление.

Руководствуясь вышеизложенным, можно сделать вывод, согласно которому теоретические подходы, рассматривающие криминальную инсценировку лишь как способ сокрытия преступлений, являются ограниченными и отстают от современных тенденций совершения преступных деяний. На наш взгляд необходимо внедрение новых знаний о криминальной инсценировке в процесс расследования и раскрытия преступлений, осуществление соответствующей дополнительной подготовки и обучения сотрудников следственных органов. Следователь должен критически подходить к совокупности полученных данных с места происшествия, наиболее детально изучать окружающую обстановку места происшествия и обнаруженные следы. Кроме того, в целях разоблачения криминальных инсценировок сотрудникам следственных органов следует достаточным образом обладать знаниями о негативных обстоятельствах, методах их определения в соответствии с общей картиной сложившегося события.

Ткаченко Д.С.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Седова Г.И., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ ввел в Уголовно-процессуальный кодекс РФ новый институт – особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Этот же закон внес соответствующие изменения и в Уголовный кодекс РФ. В настоящее время, по прошествию многих лет с момента введения, практика применения данного института только нарабатывается, имеется необходимость в более детальном рассмотрении и анализе некоторых аспектов данной формы судопроизводства, проблемы которой, в том числе, состоят в двойственности трактовки условий и порядка заключения досудебного соглашения. Сразу же отметим, что в данных тезисах будут затронуты исключительно юридические проблемы применения новелл УПК РФ и УК РФ.*

Ключевые слова: *досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка с правосудием.*

Tkachenko D.S.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Sedova G.I. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SOME FEATURES OF THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Abstract. *Federal Law No. 141-FZ of June 29, 2009 introduced a new institution into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation– a special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement. The same law also amended the Criminal Code of the Russian Federation. Currently, after many years since its introduction, the practice of applying this institution is only being developed, there is a need for a more detailed consideration and analysis of some aspects of this form of legal proceedings, the problems of which, among other things, consist in the ambivalence of the interpretation of the conditions for concluding a pre-trial agreement. We should immediately note that these theses will only address the legal problems of applying the novelties of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *a pre-trial cooperation agreement, a deal with justice.*

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве нормативно закреплен в X разделе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ[1] (далее – УПК РФ), а именно в главе 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Прежде чем мы приступим к более детальному рассмотрению некоторых аспектов заключения досудебного соглашения, необходимо понять, что именно понимается под «досудебным соглашениемо сотрудничестве» в Российском законодательстве.

Данная дифиниция нормативно закреплена в п. 61 ст. 5 УПК РФ, из которого следует, что «досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения»[1].

Большинство граждан Российской Федерации, впервые услышав о введении в российское уголовное судопроизводство особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), поспешно предположили о появилнеии некого аналога американской и британской «сделки о признании вины» или, говоря проще, «сделки с правосудием». На самом деле, ни о какой сделке со взаимными правами и обязанностями сторон, взаимной ответственностью за неисполнение условий и возможностью полного освобождения от обвинения в данном случае речи не идет.

В отличие от гл. 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», гл. 40.1 изначально была нацелена на содействие в раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, т.к. досудебное соглашение о сотрудничестве, в отличии от принятия судебного решения при согласии, не ограничено в своем заключении тяжестью совершенного преступления. Данный вывод основан на том, что рассмотрение дела в особом порядке при согласии обвиняемого с обвинением возможно только по уголовным делам о преступлениях, которые в соответсвии со ст. 15 УК РФ отнесены к категории преступлений небольшой или средней тяжести[2]. Внедрение гл. 40.1 в УПК РФ направлено на усиление борьбы с преступностью в ее профессиональных и организованных формах. По этой причине нормы гл. 40.1 УПК РФ устанавливают характер и пределы участия подозреваемого и обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления, изобличении соучастников и розыске имущества.

В делах такой категории, только прокурор наделен полномочиями по разрешению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и по составлению его текста. Кроме того, для упрощения такого судопроизводства был регламентирован особый порядок проведения предварительного следствия, судебного заседания и вынесения приговора, а также применения необходимых мер безопасности при возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого. Более пристальное внимание стоит обратить на тот факт, что, несмотря на казалось бы, двусторонний характер заключения соглашения, никаких обязательств со стороны обвинения в нем нет. В данном случае прокурор не вправе обещать какие-либо льготы обвиняемому. При условии соблюдения обвиняемым всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор подтверждает содействие следствию и ходатайствует о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Однако не стоит забывать о том факте, что даже при соблюдении всех этих условий суд, в который поступило уголовное дело с досудебным соглашением о сотрудничестве, может отклонить представление прокурора о рассмотрении уголовного дела в особом порядке В таком случае суд может сослатся на то, что прокурор не предоставил достаточно сведений, подтверждающих активное содействие обвиняемого следствию, обвиняемый не предоставил данных, способствующих раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления.

С юридической стороны гл. 40.1 УПК РФ в своем применении не имеет конкретных ограничений по степени тяжести, конкретным составам и каким-либо конкретным субъектам преступлений. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что применение норм гл. 40.1 УПК РФ возможно по отношению ко всем преступлениям и в отношении всех лиц. Так, например, в ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ: указывается одно из условий заключения досудебного соглашения: «Положения настоящей главы не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности»[3]. При более детальном рассмотрении данного аспекта возникает вопрос: «Обязательно ли: у подозреваемого или обвиняемого должен был быть соучастник при совершении преступления, в ходе расследования которого заключено досудебное соглашение, или же обвиняемый имеет право рассказать следствию о других преступлениях других лиц для того, чтобы добиться в отношении себя права на применение особого порядка?».

В контексте данной нормы определение «преступной деятельности» не обязательно должно предполагать под собой, что это должно быть одно и то же преступление. Однако в п. 1 ч. 2 данной статьи также закреплено положение, по которому обвиняемый обязательно должен был активно содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании всех других соучастников преступления.

Так, в качестве примера можно рассмотреть досудебное соглашение о сотрудничестве, заключенное с гражданином Евгением Пановым в связи с расследованием громкого дела о «рейдерском захвате» ресторана «У Казанского» в городе Санкт-Петербурге. Из материалов уголовного дела следует, что в органы следствия с явкой с повинной пришел гражданин Евгений Панов и попросил о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. В ходе предварительного следствия на основании изобличающей информации, предоставленной Евгением Пановым, обвинение в совершении преступления было предъявлено 14 гражданам РФ. Уголовное дело в отношении гражданина Евгения Панова было выделено в отдельное производство и с обвинительным заключением было направленно в Генеральную прокуратуру РФ для проверки соблюдения всех условий заключенного досудебного соглашения. В ходе рассмотрения ходатайства заместитель прокурора РФ вынес постановление о расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве, заключенного между органами следствия и Пановым Е.. В данном постановлении заместитель прокурора РФ

[1] См. п. 61 ч. 5 У головно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1.

[2] См. ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[3] См. ч. 4 ч. 317.6 У головно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1.

сослался на то, что Панов Е. не сообщил о других лицах, причастных к данному делу и не проинформировал о других преступлениях. В связи с этим, выделенное уголовное производство в отношении Панова Е. было возвращено и приобщено к уголовному делу. На наш взгляд, в данном случае органы следствия получили информацию, предоставляющую интерес для следствия. В дествительности же Панов Е. предоставил не полную информацию, скрыв возможность причастности других лиц к данному преступлению. Однако органы следствия в данном случае получили значимую для уголовного дела информацию, но, сославшись на ст. 63.1 УК РФ, суд не предоставил Панову Е. никакого снисхождения при избрании меры наказания за осуществленное им преступление[1]. Таким образом, заключение досудебного соглашения в российском уголовном судопроизводстве далеко не всегда является обоюдновыгодным при его заключении, особенно в случае не соблюдения какого-либо из пунктов соглашения.

Основополагаясь на вышесказанное, можно заметить еще одну особенность при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Эта особенность находит свое нормативное закрепление в ст. 62 УК РФ. Данная статья в связи с принятием Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ также претерпела изменения. В ч.ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ содержатся нормы, предусматривающие обязанности государства по заключенному соглашению. Так, в ч. 2 анализируемой статьи сказано, что наказание, не превышающее половины от максимально возможного, назначается в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако данная часть статьи действует только при соблюдении двух немаловажных условий. Во-первых, должны иметь место смягчающие обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления), а во-вторых, что является более интересным, должны отсутствовать любые отягчающие обстоятельства. Как всем известно, все обстоятельства, отягчающие наказание, перечислены в ст. 63 УК РФ. Следует отметить, что если эти обстоятельства рассматриваются статьями Особенной части УК РФ как квалифицирующие признаки преступления, то данное ограничение уже не действует.

При изучении научных трудов различных теоретиков о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве, мы обратили внимание, что законодателем конкретно не определено, кто из прокуроров уполномочен на заключение досудебного соглашения, а также на вынесение представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по правилам гл. 40.1 УПК РФ. Так, например, А.С. Александров полагает, что досудебное соглашение о сотрудничестве должно быть заключено на уровне прокурора субъекта РФ. Данный правовой институт, связанный с заключением досудебного соглашения, является относительно новым в системе российского уголовного судопроизводства, в связи с этим необходимость применения данных норм он отождествляет с получением позитивного опыта. Именно поэтому главная роль в такой процедуре должна отводиться более опытному и высокопоставленному должностному лицу – такому как прокурор субъекта Федерации[2].

В свою очередь, свое мнение противопоставил С.Б. Погодин, который напротив считает, что данное право, связанное с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, должно быть предоставлено тому прокурору, который впоследствии будет утверждать обвинительное заключение по данному делу. С.Б. Погодин утверждает, что это поможет избежать расхождений во мнениях вышестоящих и нижестоящих прокуроров и в результате максимально снизит риски возникновения нарушений условий соглашения о сотрудничестве со стороны обвинения, в том числе связанных с нарушением прав обвиняемого[3].

Данная позиция представляется более точной и логичной, на наш взгляд, нежели позиция А.С. Александрова. Заключать соглашение обязан тот прокурор, который в дальнейшем утверждает обвинительное заключение по данному делу, поскольку именно он знает все фактические обстоятельства и нюансы уголовного дела, организует взаимодействие непосредственно со следственным органом. В тоже время, вышепоставленному прокурору, например прокурору субъекта Российской Федерации, потребуется определенное время для полного изучения всех материалов уголовного дела для того, чтобы впоследствии дать объективную оценку перспектив и целесообразности заключения указанного соглашения о сотрудничестве.

Также как и с выбором прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, законодатель не указал никаких исключений в отношении участников ее применения, кроме главного условия – судебное производство в особом порядке возможно только в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и выполнившего все его условия. Тем не менее среди теоретиков возникают споры о возможности заключения досудебного соглашения с несовершеннолетним обвиняемым. Одни авторы допускают возможность заключения соглашения, вместе с тем отмечая, что в гл. 40.1 УПК РФ должны быть предусмотрены соответствующие права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего. Такие теоретики как В. Карпов и И.В. Маслов утверждают: «В случае если заключение соглашений с несовершеннолетними допустимо,– то ст. 317.1-317.3 УПК РФ необходимо дополнить нормами, регламентирующими права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего»[4].

В то же время практика показывает, что рассмотрение такого уголовного процесса в особом порядке в ин-

[1] URL: https://www.kommersant.ru/doc/1674709

[2] См.: *Александров А.С., Александрова И.А.* Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3-11.

[3] См.: *Погодин С.Б.* Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 61.

[4] *Карпов О.В., Маслов И.В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 5.

тересах несовершеннолетнего невозможно. Законом не регламентированы возможности применения особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого. В силу ч. 2 ст. 420 УПК РФ, судопроизводство по такому делу ведется в общем порядке, установленном УПК РФ, с учетом изъятий, предусмотренных гл. 50 УПК РФ. При этом рассмотрение такого дела в общем порядке не лишает суд возможности при назначении наказания несовершеннолетнему подсудимому, содействующему следствию, руководствоваться правилами ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ. К этому ссылается разъяснение, содержащееся в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16. Проблема заключается в том, что такое лицо, не заключив досудебное соглашение со стороной обвинения, не имеет гарантий, которые позволяли бы ожидать смягчения приговора в будущем.

Таким образом, исходя из аналогии норм гл. 40 УПК РФ, на которые законодатель неоднократно ссылается, разъясняя условия применения института уголовно-процессуального права, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ, мы приходим к выводу, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) недопустимо.

При этом могут быть ситуации, когда на момент заключения досудебного соглашения обвиняемый уже достиг совершеннолетнего возраста, либо совершал преступные деяния, объективная сторона которых являлась длящейся по времени (продолжаемые, составные, сложные), как в несовершеннолетнем возрасте, так и после достижения им возраста 18 лет. В таком случае обвиняемый как фактически, так и юридически приобретает процессуальное право, предусмотренное гл. 40.1 УПК РФ. При таких обстоятельствах следует понимать, что реализация такого права – это уголовный процесс, нормы которого применяются на момент возникновения данного права (ст. 4 УПК РФ).

Как субъект материального права несовершеннолетний на момент совершения преступления остается несовершеннолетним, но, достигая 18 лет во время предварительного следствия, он приобретает процессуальные права, которые ни в коем случае не должны ограничиваться. Учитывая, что действующий закон на прямую не запрещает заключение досудебного соглашения с несовершеннолетним лицом, а его системное толкование Верховным Судом РФ в постановлении оспоримо, следует исходить из возраста лица не на момент совершения преступления, а на момент заключения досудебного соглашения.

Принимая во внимание то обстоятельство, что все лица, достигшие совершеннолетнего возраста, приобретают полную процессуальную дееспособность, рассмотрение уголовного дела в порядке особого судопроизводства возможно в отношении подозреваемого (обвиняемого), достигшего совершеннолетнего возраста не на момент совершения преступления, а на момент заявления им ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом суду следует учитывать, что при определении подсудимому, сотрудничающему со следствием, наказания максимальный его предел должен быть установлен путем последовательного применения положений ч.ч. 2 – 6.1 ст. 88 УК РФ и ч. 2 или 4 ст. 62 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, становится понятно, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации требует совершенствования. На наш взгляд практика применения таких сделок, от части, должна быть заимствована или модернизирована в нашем законодательстве, чтобы это способствовало более быстрому разрешению уголовных дел. Также считаем необходимым обратить внимание законодателя на необходимость восполнения пробелов в нормативно-правовой базе, а также на необходимость решения некоторых казуальных вопросов при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе, с несовершеннолетними обвиняемыми.

Третьяков Р.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Ермаков А.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

Аннотация. *Рассмотрение корпоративных споров осуществляется не только в арбитражных судах, но и в судах общей юрисдикции. В настоящей статье раскрывается проблема доказывания заявителем своей позиции при рассмотрении корпоративного спора в суде общей юрисдикции на примере привлечения руководителя к ответственности за понесенные подконтрольному ему юридическому лицу убытки.*

Ключевые слова: *суд общей юрисдикции, корпоративные споры некоммерческая организация, подсудность*

Tretyakov R.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ermakov A.N., PhD,docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROBLEMS OF CONSIDERATION BY THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION OF CORPORATE DISPUTES

Abstract. *Consideration of corporate disputes is carried out not only in arbitration courts, but also in courts of general jurisdiction. This article reveals the problem of the applicant proving his position when considering a corporate dispute in a court of general jurisdiction on the example of a bringing*

a superviser to responsibility for losses incurred by a legal entity under his control.

Keywords: *court of general jurisdiction, corporate disputes, non-profit organization, jurisdiction*

В последние годы корпоративные споры стали занимать весомое положение в практике судов Российской Федерации. С совершенствованием корпоративного законодательства их количество увеличилось, поскольку у участников корпоративно-правовых отношений появилось больше возможностей отстоять свои права и законные интересы.

Корпоративно-правовые споры рассматриваются не только в арбитражных судах, но и в судах общей юрисдикции. При этом их компетенция разграничиваются правилами подсудности, которые установлены российским процессуальным законодательством. Под подсудностью следует понимать свойство судебных органов рассматривать определенные категории споров. Институт подсудности имеет важное значение для арбитражного и гражданского процесса, поскольку, во-первых, предусматривает, какие именно категории споров подлежат рассмотрению в судах, во-вторых, распределяет процессуальную нагрузку между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Правила подсудности, установленные гражданско-процессуальным и арбитражно-процессуальном законодательством, распространяются, в том числе, и на корпоративные споры, которые непосредственно связаны с созданием юридического лица, управлением им или участием в некоммерческой организации. Исходя из смысла ст. 225.1 АПК РФ арбитражными судами рассматриваются корпоративные споры, связанные с созданием, управлением и участием в некоммерческих организациях, участниками, которых выступают коммерческие организации и индивидуальные предприниматели[1]. Согласно ст. 22 ГПК РФ суды общей юрисдикции рассматривают дела по корпоративным спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся некоммерческой организацией, за исключением некоммерческих организаций, определенных ст. 225.1 АПК РФ[2]. Данное правило было введено в ГПК Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], изменения по данному закону вступили в силу с 1 октября 2019 года[4]. Как видно из содержания вышеуказанных правовых норм законодатель вполне конкретно определил компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов при рассмотрении ими корпоративных споров, связанных с некоммерческими организациями.

Тем не менее, несмотря на четкое разграничение компетенции между судами, как показывает практика, у сторон судебного разбирательства могут возникнуть проблемы с доказыванием своей позиции, при этом возникают риски злоупотребления участником корпоративно-правовых отношений своими правами и нанесения вследствие такого злоупотребления непоправимого вреда некоммерческой организации. Данную тенденцию ярко отражают судебные споры, связанные с привлечением руководителя некоммерческой организации к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания с него убытков, причиненных некоммерческому лицу.

Поскольку арбитражные суды не уполномочены рассматривать корпоративные споры с участием некоммерческих организаций, предусмотренных ст. 22 ГПК, они при рассмотрении данных дел принимают следующие судебные акты:

1. Определение о передаче дела в суд общей юрисдикции (дело № А83-17987/2019[5], дело № А62-4299/2020[6], дело А57-18499/2020[7]).

2. Определение о возвращении искового заявления (дело № А56-111578/2020[8]).

Как видим, сложилось единообразие судебной практики по определению подсудности данной категории корпоративных споров. Можно сказать, что законодатель смог решить проблему распределения дел между судами, которая раньше вызывала у правоприменителей много вопросов и судебных споров, которые фактически затягивали рассмотрение дела. Однако возникла другая проблема, которая препятствует истцам эффективно доказывать тот факт, что руководителем или бывшим руководителем были причинены убытки некоммерческой организации. Исходя из практики судов общей юрисдикции количество удовлетворенных исков незначительно, при этом до введения поправок, предусмотренных федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ, количество удовлетворенных исков было значительно больше.

Анализ судебной практики судов общей юрисдикции показал, что суды при рассмотрении дел о привлечении к ответственности руководителей некоммерческих организаций суды в основном руководствуются статьями 53, 53.1, 15 и 393 Гражданского кодекса РФ. Исходя из смысла данных норм, руководитель должен действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно и в случае, если руководитель причинил убытки юридическому лицу, то он обязан их возместить. При этом лицо, требующее возмещения причиненных ему убыт-

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

[3] Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 17.10.2019) // СЗ РФ. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7523.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Российская газета. 2019. № 206.

[5] Определение Арбитражного суда Республики Крым от 26.12.2019 года по делу № А83-17987/2019. URL: https://ras.arbitr.ru/

[6] Определение Арбитражного суда Смоленской области от 16.02.2021 года по делу № А62-4299/2020. URL: https://ras.arbitr.ru/

[7] Определение Арбитражного суда Смоленской области от 18.12.2020 года по делу № А57-18499/2020. URL: https://ras.arbitr.ru/

[8] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.12.2020 года по делу № А56-111578/2020. URL: https://ras.arbitr.ru/

ков, должно доказать факт нарушения ответчиком обязательств, наличие причинно-следственной связи между допущенным нарушением и возникшими у истца убытками, а также размер убытков[1].

Однако несмотря на то, что законодателем точно определен состав правонарушения, тем не менее, суды далеко не всегда удовлетворяют исковые заявления, ссылаясь на то, что не доказана вина руководителя и причинно-следственная связи между его действиями и результатом таких действий. Так, согласно решению Ленинского районного суда города Екатеринбурга от 15.05.2018 года по делу № 2-3927/2018 Солонинин А.В. и Мызникова О.С. обратились в суд с иском к Бузиной Т.В. о взыскании с ответчика в пользу Солонинина А.В. – 327778 рублей 06 коп., Мызниковой О.С. – 81944 рубля 65 коп., с возмещением за счет ответчика судебных расходов. Основанием для подачи искового заявления в суд явилось то обстоятельство, что с ЖСК «Университетский-2» в пользу Солонинина А.В. взыскана вышеуказанная сумма в связи с неисполнением кооперативом обязательств по передаче нежилого помещения. Ленинский районный суд отказал на основании того, что не доказана вина председателя ЖСК и причинно-следственная связь, исполнительное производство по взысканной суммам было инициировано после окончания полномочий Бузиной Т.В.[2].

В судебной практике есть еще одни пример: Сергеичева И.А., Окулова М.Ф. обратились в суд с иском о взыскании с председателя ЖСК «Колос-1» убытков, причиненных в связи с исполнением договора подряда. Свои требования истцы обосновывают тем, что было проведено общее собрание собственников жилья, в повестку дня собрания был включен вопрос о ремонте крыши, единогласно было принято решение о ее починке, однако председатель ЖСК не провел собрание по утверждению расходов на ремонт, заключил договор подряда. По мнению истцов, при выполнении договора были выявлены нарушения, которые привели к убыткам. Суд отказал в данном иске несмотря на то, что истцы предоставили в суд расчет, подтверждающий, что ремонт можно было провести на меньшую стоимость, чем фактически произведены работы[3].

При этом важно отметить, что суды достаточно часто в иске отказывают на основании норм трудового законодательства. Так, согласно решению Новгородского районного суда Новгородской области от 15.05.2018 года по делу № 2-105/2018 Лукина О.М., Иванов С.И., Иванов В.С., Соколов Ю.И., действующие в интересах ЖСК-35, обратились в суд с иском к Зимовой Л.Е. о взыскании в пользу ЖСК-35 возмещение убытков в сумме 67000 рублей. Свои требования они основывали на том, что с ЖСК-35 был оплачен штраф, выписанный кооперативу на основании постановления по делу об административном правонарушении. По мнению истцов, ЖСК-35 могло бы избежать штрафа, если бы председатель надлежащим образом исполняла бы свои обязанности. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав на отсутствие вины руководителя и причинно-следственной связи и сославшись на то, что штраф не относится к прямому действительному ущербу, который обязан возместить работник организации в смысле ст. 238, 273, 277 ТК РФ[4]. При этом ЖСК-35 является самостоятельным участником гражданско-правовых отношений, самостоятельно несет риск, связанный с несоблюдением российского законодательства[5].

Таким образом, данные факты говорят о том, что арбитражном суде имеется больше возможностей для доказывания состава правонарушения, совершенного руководителем, чем в судах общей юрисдикции. Кроме того, зачастую суды общей юрисдикции применяют нормы трудового законодательства, которые фактически ограничивают ответственность руководителей, поскольку российский закон разграничивает понятие убытков в гражданско-правовом смысле и понятие прямого ущерба, которое исходит из Трудового кодекса РФ. Такая ситуация создает предпосылки, во-первых, для злоупотребления руководителями некоммерческих организаций своими правами, во-вторых, для нарушения права истцов на судебную защиту.

До введения изменений, предусмотренных Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ дела по привлечению руководителей некоммерческих организаций (ст. 22 ГПК) к ответственности за убытки достаточно часто удовлетворялись арбитражными судами, поскольку истец мог доказывать вину директора в определенном порядке. При рассмотрении таких дел арбитражные суды руководствовались не только общими законодательными положениями об ответственности директоров, но и Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.06.2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Согласно абз .2 п. 1 данного постановления в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ истец должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица[6]. При этом Высший Арбитражный Суд раскрыл понятия добросовестности и разумности в конкретных действиях, в связи с чем истцы при защите своих интересов могут определить в чем именно выражалась вина директора и сформировать соответствующую доказательственную базу.

Кроме того, следует отметить, что Пленум позволяет привлечь к ответственности руководителя в случае, если истец или ответчик ссылаются на трудовое законодательство, и в случае ненадлежащего исполнением юридическим лицом публично-правовых обязанностей. Суд общей юрисдикции в вышеперечисленных случаях зача-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 15.05.2018 года по делу № № 2-3927\2018. URL: https://bsr.sudrf.ru/

[3] Решение Кировского районного суда г. Омска от 08.04.2019 по делу № 2-1122/2019 . URL: https://bsr.sudrf.ru/

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

[5] Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 15.05.2018 года по делу № 2-105/2018. URL: https://bsr.sudrf.ru/

[6] Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (бухгалтерское приложение). 2013. № 34.

стую отказывают в удовлетворении исковых требований со ссылкой на то обстоятельство, что некоммерческая организация является самостоятельным участником гражданско-правовых отношений.

Таким образом, обозначенные выше изменения правил подсудности привели к тому, что при рассмотрении дел о привлечении руководителя некоммерческой организации в смысле ст. 22 ГПК РФ к ответственности за причиненные убытки истцы фактически лишаются возможности доказать вину руководителя. Они оказались в том положении, в каком были коммерческие организации до издания Постановления Пленума № 62 от 30.06.2013 года, когда директоров практически невозможно было привлечь к ответственности. По этому поводу юрист-практик Станислав Соболев высказывает следующую позицию: «Существовавшее правовое регулирование не было эффективным, полагает Соболев. Нормы об ответственности руководителя имелись в законодательстве уже долго, но они не обеспечивали защиту интересов кредиторов и собственников бизнеса. Суд требовал доказать комплекс обстоятельств, но заявители сделать это затруднялись. Именно поэтому, считает эксперт, со временем упрощался сам процесс доказывания. Причем началось это с практики»[1].

В результате данного законодательного пробела истцы не могут исполнить свою обязанность доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются (статья 56 ГПК РФ), и, как отмечалось ранее, фактически право на судебную защиту своих законных интересов нарушается, создается много поводов для злоупотребления со стороны руководителей своими правами. Полагаем, что восстановлению нарушенного баланса интересов может способствовать издание Постановление Пленума ВС РФ, аналогичного Постановлению Пленума ВАС РФ № 62 от 30.06.2013 года, в котором уже будут сформированы случаи, когда руководитель может быть привлечен к ответственности, а также описаны ситуации, когда какие-либо значимые факторы не могут служить основанием для отказа в удовлетворении искового заявления.

[1] От безнаказанности до жестких рамок: за что ответят топ-менеджеры. URL: https://pravo.ru/story/226493/

Туртаева Е.Д.
студентка 2 курса Института магистратуры, кафедра финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», город Саратов.
Научный руководитель: Землянская Н.И., профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Н.И. Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. *данная статья посвящена актуальным аспектам антимонопольного контроля закупок для государственных и муниципальных нужд, в частности, проанализированы нарушения в сфере закупок, а также предложены пути решения проблем в области законодательства о госзакупках.*

Ключевые слова: *закупки для государственных и муниципальных нужд, антимонопольный контроль, конкуренция.*

Turtayeva E.D.
2nd year student of the Institute of Magistracy, Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Saratov.
Supervisor: Zemlyanskaya N.I., Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor

CURRENT ASPECTS OF ANTIMONOPOLY CONTROL OF PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Abstract. *This article is devoted to the current aspects of antimonopoly control of procurement for state and municipal needs, in particular, it analyzes violations in the field of procurement, and also suggests ways to solve problems in the field of legislation on public procurement.*

Keywords: *procurement for state and municipal needs, antimonopoly control, competition.*

В последние годы российская экономика столкнулась с глобальными экономическими вызовами. В этих условиях конкуренция является ключевым фактором экономического роста. Таким образом, состояние конкуренции становится все более важным, если не решающим.

Высокий уровень конкуренции в различных отраслях может обеспечить стабильный рост и развитие смешанной экономики, технологическое развитие, снижение затрат на уровне национальной экономики, снижение социальной напряженности, обеспечение национальной безопасности, повышение благосостояния потребителей, повышение эффективности и конкурентоспособности бизнеса.[1]

Глобальные экономические вызовы современной экономики ставят новые задачи по совершенствованию законодательства и организационных мер по обеспечению, защите и развитию конкуренции. Однако только преодоление неблагоприятных экономических факторов, объективно ограничивающих развитие конкуренции и экономического роста, может обеспечить решение таких проблем, как:

- высокоэффективное участие государства в экономике страны,
- отсутствие малых и средних предприятий[2].

Серьезные нарушения системных проблем, с которыми сталкиваются власти в отношении конкуренции, капитализации российской экономики, государственных заказов, приобретений государственных предприятий и естественных монополий, вызывают те же системные проблемы в доступе к государственным ресурсам.

Задачи аудита – важная часть государственных закупок. Они нацелены на эффективное распределение бюджетных ресурсов и создание прозрачной системы государственных закупок.

Перечень контрольных функций содержится в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ[3], которые определяют общую систему надзорных органов и их основные задачи. Система контроля государственных закупок имеет три уровня и обеспечивает контроль на региональном, федеральном и муниципальном уровнях. Этот принцип закреплен в статье 99 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», регулирующей контрольные функции в области проведения торгов для государственных и муниципальных нужд. Основная цель общественного контроля – соблюдение принципов открытости и максимальной прозрачности в государственных закупках. Одна из форм такого контроля – публичное обсуждение государственных закупок. При проведении данных операций необходимо учитывать Федеральный закон от 21.07.2014 «Об основах государственного контроля в Российской Федерации»[4].

Феномен монополии высоких цен сейчас широко распространен в России, а монополия низких, иногда антидемпинговых цен широко распространена в странах с высокой конкуренцией. Российская монополия, как правило, антиконкурентна в отношениях с потребителями или поставщиками, а не с конкурентами[5]. Но по мере усиления конкуренции увеличивалась возможность монопольно низких цен: сильные и диверсифицированные компании получали перекрестное субсидирование из-за прибыльности некоторых отраслей, что приводило к снижению цен на продукцию из других отраслей, тем самым запугивая конкурентов. В этом разделе особенно необходимо контролировать финансово-промышленные группы[6].

Как отмечают антимонопольные службы в 2020 г., необходимо проводить различие между факторами, ограничивающими конкуренцию:

- Во-первых, соглашение, не позволяющее другим компаниям выходить на рынок;
- Во-вторых, отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями;
- В-третьих, соглашение о разделении рынка на регионы или выбор в соответствии с условиями продавца или покупателя;
- В-четвертых, договоренность о цене.[7]

Помимо запрещения соглашений о конкуренции и злоупотребления доминирующим положением, контроль за экономической концентрацией также служит для уменьшения ограничений конкуренции. Результат создания, реорганизации или слияния компаний и ассоциаций; когда группа организаций может проводить последовательную рыночную политику[8].

На сегодняшний день наиболее частыми нарушениями в сфере госзакупок следует отметить следующее:

- Клиент запрашивает документы, не входящие в перечень, требуемый Законом № 44-ФЗ: документы о составе, свидетельство о государственной регистрации юридических лиц, справки, постановка на учет юридических лиц в налоговых органах и др.;
- Если заявка сделана на покупку нескольких пакетов продуктов одновременно, общая сумма финансирования будет показана без разбивки по лотам;
- Контракт не был присужден в соответствии с условиями, изложенными в запросе участника торгов;
- Тендерное досье не содержит специфических характеристик предмета тендера (поэтому, несмотря на соответствие требованиям тендерного досье, продукция, предоставляемая участниками, не соответствует потребностям заказчиков).

В последние годы система государственных закупок внедрена в соответствии с Федеральным законом 44-ФЗ

---

[1] См.: Национальная экономика: учебник / под общей ред. В.А. Шульги. М.: Изд-во Рос.экон. акад., 2020. С. 267-270.

[2] *Андреева Л.В., Шиповальникова Ю.Г.* Особенности государственных закупок // Юрист. 2018. № 12. С. 4-10.

[3] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2021. Ст. 99.

[4] Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2018. Ст. 24.

[5] *Мартыненко Г.И.* Правовое обеспечение конкуренции и ограничение монополистической деятельности // Право и экономика. № 11. 2019. С. 81.

[6] *Миронов В.В., Зимогляд В.Я., Яковлев А.Л.* Российский монополизм и приватизация // Экономист. 2019. № 6. С. 2-3.

[7] Информация Федеральной антимонопольной службы от 17 сентября 2020 г. «Проект «пятого антимонопольного пакета»: главное» // Гарант. ру информационно-правовой портал: сайт. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74560496/ (дата обращения: 01.02.2021).

[8] *Никифоров А.А.* Концепция антимонопольной политики и реформа // Вестн. Моск. ун-та. Сер.6.: Экономика. 2018. № 1. С. 4-7.

от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и претерпела ряд изменений. Некоторые из них начали работу в начале 2020 года, такие как обязательные аукционы, электронные котировки и требования к торгам, уточнение порядка контроля в сфере закупок, введение специальной процедуры закупок и исполнения контрактов на реализацию национальных проектов, и так далее.[1]

Поэтому необходимо организовать работу по совершенствованию приоритетных направлений системы государственных закупок, а именно:

- Совершенствование правоохранительной деятельности ФАС России в соответствии с Законом 44-ФЗ;
- Решение практических задач;
- Улучшение честной конкуренции;
- Повышение качества исполнения контрактов.

Следовательно, российское антимонопольное законодательство должно бороться не с конкуренцией, а с повышением экономической эффективности всех участников государственных закупок.

Уварова А.Ю.
Магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г.Саратов
Научный руководитель: Балашова И.Н., к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «СГЮА», г.Саратов

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ СРОКА НА КАССАЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация. *В статье анализируются различные причины пропуска процессуального срока с указанием на их уважительность с учетом практики кассационных судов общей юрисдикции. Автором делается вывод, что институт восстановления процессуального срока реализуется на всех стадиях гражданского судопроизводства, однако для этого необходимо наличие уважительных причин, подтвержденных в установленном законом порядке.*

Ключевые слова: *правосудие, кассационный суд, восстановление срока, кассационное обжалование.*

Uvarova A.Y.
Undergraduate of Saratov State Law Academy, Saratov
Supervisor: Balashova I.N., cls, associate professor the Saratov State Law Academy, Saratov

TO THE QUESTION OF REINSTATEMENT OF THE TERM OF CASSATION BEFORE THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION IN CIVIL CASES

Abstract. *The article analyses the various reasons for missing the procedural period, indicating their respectability, taking into account the practice of cassation courts of general jurisdiction. The author concludes that the institution of restoration of the procedural period is implemented at all stages of civil proceedings, but for this it is necessary to have good reasons confirmed in the manner prescribed by law .*

Keywords: *justice, court of cassation, restoration of term, cassation appeal.*

Все процессуальные действия совершаются в строго установленные законом или судом сроки. Указанное положение распространяется, в том числе, и на сроки обращения за защитой своих прав и свобод путем подачи в суд иска, заявления, жалобы в порядке пересмотра судебных постановлений.

Как установлено частью 1 статьи 109 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) право на совершение процессуальных действий погашается с истечением установленного федеральным законом или назначенного судом процессуального срока[2]. Между тем, в целях реализации конституционного принципа гарантии судебной защиты прав и свобод, а также доступа к правосудию, существует институт восстановления процессуальных сроков.

В настоящее время процессуальный срок на обжалование судебных актов в кассационном порядке в гражданском судопроизводстве составляет три месяца со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного постановления. В том случае если указанный срок будет пропущен, он может быть восстановлен по заявлению лица, подающего жалобу. При этом, если ранее ходатайство подавалось в суд первой инстанции, который и решал вопрос о возможности восстановления данного срока, то сейчас заявление подается непосредственно в кассационный суд общей юрисдикции и рассматривается судьей единолично без проведения судебного заседания.

В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2012 года № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разъяснено, что пропущенный процессуальный срок на подачу кассационной жалобы может быть восстановлен по заявлению как физического, так и юридического лица и только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной жа-

[1] См.: *Скрыпник В.И.* Энергетика России: естественная монополия на свободе // Общество и экономика. 2020. С. 10-15.

[2] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

лобы в установленный срок. В отношении физических лиц, участвующих в деле, к таким обстоятельствам, в частности, могут относиться тяжелая болезнь, беспомощное состояние, иные относящиеся к личности заявителя обстоятельства, а также другие, независящие от лица обстоятельства, в силу которых оно было лишено возможности своевременно обратиться с кассационной жалобой в суд[1].

Из приведенных норм процессуального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению следует, что в случае пропуска срока подачи кассационной жалобы он может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин. Уважительными причинами могут быть признаны не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, и прочее, но и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать право на обжалование судебного постановления в установленный законом срок. Вопрос о возможности восстановления пропущенного процессуального срока решается судом в каждом конкретном случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и оценки представленных сторонами доказательств по правилам, определенным статьями 67, 71 ГПК РФ, в связи с чем, восстановление срока на кассационное обжалование на практике происходит не всегда. Таким образом, представляется актуальным проанализировать самые распространенные причины пропуска срока на подачу кассационной жалобы, а также случаи их восстановления.

Одной из причин пропуска срока, относящейся к личности заявителя кассационной жалобы, является тяжелая болезнь. Очевидно, что указанная причина является безусловным основанием для его восстановления. Между тем, стоит учесть некоторые особенности. Во-первых, болезнь должна иметь место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу, во-вторых, данное обстоятельство должно быть подтверждено надлежащими доказательствами.

Спорным на практике является вопрос, относить ли к уважительным причинам пропуска срока на обжалование болезнь родственника, за которым необходим уход. В указанном случае практика различна. Одни суды не считают данную причину уважительной, другие же – восстанавливают срок при указанном обстоятельстве.

Полагаю, что пропуск срока на подачу кассационной жалобы в связи с болезнью близкого родственника не свидетельствует о невозможности подачи кассационной жалобы в установленный срок, при этом ГПК РФ предусматривает возможность реализации своих прав не только самим лицом, но и представителем.

Довольно часто физические лица в обоснование пропуска срока ссылаются на отсутствие юридических знаний и на этом основании считают его подлежащим восстановлению. Указанное обстоятельство суды кассационной инстанции уважительным не признают и единообразно отказывают в его восстановлении. При этом принимается во внимание участие лица в судебном заседании суда апелляционной инстанции, где порядок обжалования был разъяснен.

Причиной пропуска срока на обжалование, объективно исключающей подачу жалобы в установленный срок и не связанной с личностью заявителя, является неполучение копии судебного акта. В настоящей редакции ГПК РФ требование о приложении к кассационной жалобе заверенных копий обжалуемых судебных постановлений отсутствует. Уважительность пропуска срока связана с невозможностью ознакомления с мотивировочной частью апелляционного определения, что и препятствует подаче жалобы в установленный срок.

В данном случае имеет значение, какие обстоятельства этому способствовали. Стоит иметь ввиду, что выдача копий апелляционных определений носит заявительный характер, т.е. на суд возлагается обязанность направления копии судебного акта только после поступления заявления. Следовательно, восстановление срока на подачу кассационной жалобы будет иметь место только при предоставлении доказательств бездействия суда при наличии указанного ходатайства.

Если же лицо таких обстоятельств не подтвердило, то суды, отказывая в восстановлении срока, указывают: «Согласно принципу состязательности и равноправия сторон, установленному ст. 12 ГПК РФ, лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или не совершения ими процессуальных действий. Устанавливая срок для подачи кассационной жалобы продолжительностью три месяца, законодатель предполагает, что лицо при проявлении должной предусмотрительности и добросовестности в осуществлении предоставленных ему законом прав, имеет возможность рассчитать необходимое ему время для ознакомления с обжалуемыми судебными актами и подготовки надлежаще оформленной кассационной жалобы таким образом, чтобы не пропустить установленный срок для ее подачи»[2].

Соглашаясь с позицией судов, необходимо также отметить, что действующим законодательством регламентируется обязанность суда разместить на официальной сайте вынесенный им деперсонифицированный судебный акт. Таким образом, заявитель имеет возможность в пределах процессуального срока на кассационное обжалование ознакомиться с необходимым ему судебным постановлением в электронном виде.

Актуальной причиной, объективно препятствующей подаче жалобы в установленный срок и не связанной с личностью заявителя кассационной жалобы, являются обстоятельства, связанные с введенными ограничениями по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

Верховный Суд РФ в Обзоре от 21 апреля 2020 г. № 1 «По отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением мер по противодействию распро-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2012. № 295.

[2] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2020 № 8Г-15561/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

странению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» разъяснил, что сроки совершения процессуальных действий лицами, участвующими в деле, пропущенные в связи с введенными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (ограничение свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, изменения в работе органов и организаций), подлежат восстановлению в соответствии с процессуальным законодательством[1].

Между тем, суды, разрешая вопрос о восстановлении срока в связи с указанными мерами, принимают во внимание в совокупности и иные обстоятельства: спустя какое время подана кассационная жалоба, была ли возможность у заявителя подать кассационную жалобу через суд первой инстанции в электронном виде и др., тем самым исключая возможность злоупотреблений гражданами своими процессуальными правами. Исходя из практики, ссылки заявителя на неполучение копии судебного акта, на основании того, что личный прием граждан в судах не осуществлялся, судом кассационной инстанции не принимался, поскольку данное обстоятельство не препятствовало лицу обратиться с заявлением в суд через ОАО «Почта России» или электронную систему ГАС «Правосудие».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что восстановление срока, как институт гарантии судебной защиты прав и свобод, реализуется на всех стадиях гражданского судопроизводства. В то же время необходимо учесть, что кассационная инстанция является «третьей» инстанцией по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов после суда первой и апелляционной инстанций, следовательно, лицо, подавшее кассационную жалобу, так или иначе знакомо с материалами гражданского дела, принимало участие в судебных процессах, имеет представление о порядке обжалования и др. В связи с чем, восстановление процессуального срока на обжалование происходит в исключительных случаях при наличии уважительных причин, которые должны быть подтверждены в установленном законом порядке.

[1] См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

Уварова Е.Ю.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Абанина Е.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОХРАНА ЛЕСОВ ОТ ПОЖАРОВ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ

Аннотация. *Лесные пожары – одна из самых значимых проблем современного мира. Методы охраны лесов от пожаров постоянно совершенствуются, вносятся изменения в законодательство, однако это не позволяет в должной степени решить обозначенную проблему, а значит, необходимость повышения эффективности правового регулирования охраны лесов от пожаров сохраняется. В данной статье обозначены основные причины лесных пожаров, рассмотрены отдельные методы борьбы с ними, проблемные вопросы, а так же предложены пути их решения.*

Ключевые слова: *лесные пожары, охрана лесов от пожаров, правила пожарной безопасности.*

Yvarova E.U.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Abanina E.N. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROTECTION OF FORESTS FROM FIRES: PROBLEMS OF LEGISLATION AND PRACTICE

Abstract. *Forest fires are one of the most significant problems of the modern world. Methods of forest fire protection are constantly being improved, changes are being made to the legislation, but this does not allow us to adequately solve this problem, which means that the need to improve the effectiveness of legal regulation of forest fire protection remains. This article will identify the main causes of forest fires, consider individual methods of combating them, problematic issues, as well as suggest solutions.*

Keywords: *forest fires, protection of forests from fires, fire safety rules.*

С каждым годом фиксируется рост лесных пожаров, о чем свидетельствуют данные статистики. Между тем, в 2020 г. их зарегистрировано значительно меньше – 14737[2], что можно оценить как небольшой спад количества пожаров. Так, специалисты относительно данных показателей утверждают, что сокращение пожаров на землях лесного фонда является следствием более оперативного реагирования на них[3]. Однако, на наш

[2] Официальный сайт ФБУ «Авиалесоохрана». Электронный ресурс. URL: https://aviales.ru/ (дата обращения: 15.03.2021).

[3] Площадь лесных пожаров в России сократилась на 30 % в 2020 г. // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/politics/ploshhad-

взгляд, к этим данным нужно относиться критически, т.к. причина снижения статистических данных заключается в объекте статистики – не все пожары в лесах попадают в официальные статистические данные. Так, например, пожары в лесах на землях сельскохозяйственного назначения (10 % российских лесов), землях запаса и ряда других категорий земель не подлежат включению в официальную статистику и профилактические выжигания в лесах не считаются пожарами, хотя являются таковыми по сути.[1]

Активные возгорания на землях лесного фонда наносят глобальный ущерб лесному хозяйству, а именно его ресурсному потенциалу, флоре и фауне, пагубно сказываются на экологии и, как правило, экономике нашей страны. Так, в России ущерб от лесных пожаров в 2019 г. составил 13.4 575 миллиардов рублей.[2] Следует отметить, что ущерб в данном случае можно рассматривать как следствие недостаточного финансирования профилактических мероприятий в области охраны лесов от пожаров.

Таким образом, не вызывает сомнения, что необходимость разработки более продуктивных профилактических мероприятий, будет способствовать снижению количества лесных пожаров, и соответственно, значительное снижение ущерба для экономики нашей страны.

На практике 75 % лесных пожаров возникает не иначе как по вине человека. Так, МЧС России по Белгородской области отмечает, что это может быть как непотушенная сигарета, так и стеклянная бутылка, преломляющая лучи солнечного света. Вместе с тем, нельзя не упомянуть еще несколько факторов, которые являются одними из самых распространенных потенциальных угроз – костер [3] и умышленные поджоги сухой травы.[4]

Это значит, что основные профилактические мероприятия в данной области должны быть направлены, прежде всего, на предотвращение угрозы возникновения лесных пожаров от деятельности человека.

Остальные причины пожаров можно разделить на естественные (например, пожары, возникающие вследствие удара молнией) и экономические, о которых упоминается в Постановлении Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 29 марта 2017 г. «О мерах, принимаемых Правительством Российской Федерации по предотвращению и ликвидации природных пожаров, сохранению и восстановлению лесов» – это, как уже упоминалось ранее, недостаточное финансирование и сокращение численности работников[5].

Как уже было отмечено, методы борьбы с лесными пожарами постоянно совершенствуются, и огромное значение в данной области имеют профилактические мероприятия, в связи, с чем вносятся изменения в действующее законодательство. Однако, к сожалению, пробелы имеют место быть, что в свою очередь непременно сказывается на численности лесных пожаров.

Сравнительно недавно, Федеральным законом от 22.12.2020 № 454-ФЗ в Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 года внесены изменения. На законодательном уровне закреплено такое понятие как «лесной пожар». Согласно ст. 1 Федерального закона «О пожарной безопасности», лесной пожар – разновидность ландшафтного (природного) пожара, распространяющегося по лесу. В свою очередь ландшафтный (природный) пожар – неконтролируемый процесс горения, стихийно возникающий и распространяющийся в природной среде, охватывающий различные компоненты природного ландшафта.[6] Хотелось бы обратить внимание, что не совсем понятно, что представляет собой выражение «стихийно возникающий» и будет ли в данном случае пожар в результате умышленного поджога являться лесным пожаром и подпадать под данные официального статистического учета?

К позитивным результатам нормотворческой деятельности в этой сфере можем отнести Методику тушения ландшафтных пожаров, в соответствии с которой лесные пожары подразделяются на группы: верховые, низовые и подземные (почвенные), дается описание классам опасности, приведены формулы расчета угрозы возникновения пожаров в лесах, технологии и способы их тушения[7]. Данная Методика имеет особое практическое значение для предупреждения возникновения, и скорейшей локализации и в конечном итоге ликвидации пожаров на территории лесного фонда.

Однако указанные выше нормативные акты имеют значение в случае уже случившегося лесного пожара, а для недопущения лесных пожаров важную роль играют профилактические меры.

Во-первых, как положительную законодательную практику, имеющую профилактическое значение, можно оценить изменения в декабре 2020 года в Правила пожарной безопасности. Так, например, введены пункты 63,67,70, которые регламентируют процесс выжигания сухой травы, которая, как уже упоминалось ранее, является одной из основных причин лесных пожаров. Кроме того, вышеуказанные пункты закрепляют обязанность граждан обеспечивать очистку от сухой травянистой

lesnykh-pozharov-v-rossii-sokratilas-na-30-v-2020-godu.html (дата обращения: 15.03.2021).

[1] Данные дистанционного наблюдения выявили лесные пожары, которые «не видят» чиновники от леса // Сайт Greenpeace. URL: https://greenpeace.ru/news/2020/04/13/98-lesnyh-pozharov-ne-popali-v-operativnye-svodki/ (дата обращения: 15.03.2021).

[2] Ущерб от лесных пожаров. Официальный интернет-ресурс ЕМИСС Государственная статистика. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/59269 (дата обращения: 15.03.2021).

[3] Пожарная безопасность в лесу (природные пожары). Официальный интернет-ресурс МЧС России. URL: https://31.mchs.gov.ru/deyatelnost/poleznaya-informaciya/pozharoopasnyy-period/pamyatka/pozharnaya-bezopasnost-v-lesu-prirodnye-pozhary

[4] Генеральная прокуратура Российской Федерации держит на особом контроле ситуацию в сфере обеспечения пожарной безопасности в лесах. Официальный интернет-ресурс. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1866786/(дата обращения: 15.03.2021).

[5] Постановление СФ ФС РФ от 29.03.2017 г. № 86-СФ «О мерах, принимаемых Правительством Российской Федерации по предотвращению и ликвидации природных пожаров, сохранению и восстановлению лесов» // СЗ РФ. 2017. № 14, ст. 2026.

[6] Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 454-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования деятельности в области пожарной безопасности» // СЗ РФ. 2020. № 52, ч. 1, ст. 8600.

[7] Методика тушения ландшафтных пожаров» (утв. МЧС России 14.09.2015 № 2-4-87-32-ЛБ). URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256435/fe0fcde01af39800bd620af2a8e83bd5634875f4/ (дата обращения: 15.03.2021).

растительности, пожнивных остатков, валежника, порубочных остатков, мусора и других горючих материалов на полосе шириной не менее 10 метров от леса[1]. Таким образом, данные изменения направлены на подготовку к «пожароопасному периоду» и, в случае строгого и неукоснительного соблюдения данных пунктов Правил, они были бы достаточно эффективными и достигли бы той цели, ради которой были введены – сокращение численности лесных пожаров.

Во-вторых, кроме законотворческих мер, приоритетное направление должна занимать профилактика охраны лесов от пожаров как комплекс мероприятий, направленных на предупреждение лесных пожаров посредством формирования экологической сознания и мировоззрения у человека, его правильного отношения к лесу, в связи с тем, что как уже упоминалось ранее, основная причина лесных пожаров – деятельность человека. Особенно необходимо проводить профилактику среди детей, поскольку с малых лет необходимо воспитать в ребенке чувство бережного отношения к природе, объяснять какие непоправимые последствия могут причинить подожженная трава и непотушенный костер[2]. Одним из методов профилактики также является освящение данной проблемы в средствах массовой информации. Так, в 2016 г. была проведена масштабная информационная компания «Против поджогов сухой травы», которая включала всевозможное освящение в СМИ вреда от поджога сухой травы [3].

В-третьих, необходимо повышение общего состояния законности в обществе, поскольку соблюдение всех норм и правил в области охраны лесов от пожаров позволит сократить количество возгораний.

Многие ученые и практики считают, что действенными являются всевозможные запреты, направленные на предотвращение угрозы возникновения пожаров в лесах, а так же ужесточение ответственности за их нарушение, например, усиление природоохранных требований, введение повышенной ответственности государственных и частных предприятий, физических лиц за непринятие мер по обеспечению пожарной безопасности[4]. Ю.С. Шпаковский предлагает усилить контроль за исполнением органами государственной власти субъектов РФ переданных полномочий в области лесных отношений; обеспечение субъектами РФ своевременной разработки и утверждения планов тушения лесных пожаров, а также сводных планов тушения лесных пожаров на территории субъекта РФ; четкое определение порядка осуществления авиационных работ по охране лесов от пожаров [5].

Говоря об институт ответственности за лесные пожары, следует упомянуть административную ответственность. Так, ст. 20.4 КоАП РФ предусмотрена ответственность за нарушение требований пожарной безопасности[6]. Эта же статья устанавливает ответственность и за самовольное выжигание сухой травы. Санкция данной статьи предусматривает лишь предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей, или до четырех тысяч рублей (в условиях особого противопожарного режима). Таким образом, мы видим, что санкция статьи ничтожно мала по сравнению с тем невосполнимым ущербом, который наносит виновное лицо экологии и экономике нашей страны. К сожалению, данная статья в меньшей мере направлена на угрозу предотвращения поджогов сухой травянистой растительности, поскольку является общей, а не специальной нормой. Кроме всего прочего, существует еще одна проблема, заключающаяся в том, что установить виновное лицо в редких случаях не представляется возможным.

Таким образом, мы видим, что профилактика лесных пожаров еще недостаточно эффективна, поэтому нужно искать новые способы и пути решения данной проблемы.

В данном контексте хотелось бы отметить опыт США в борьбе с лесными пожарами. Национальной ассоциацией пожарной безопасности США (NFPA) разрабатываются всевозможные стандарты. Один из них помогает готовить квалифицированных пожарных, готовых к борьбе с возгораниями в лесных массивах. Документ под названием NFPA 1051 «Стандартный метод оценки уровня профподготовки специалистов по ликвидации лесных пожаров» призван сводить к минимуму количество пожаров в лесах и вероятность нанесения урона имуществу и здоровью людей – как непосредственно из-за огня, так и по причине ухудшения качества воздуха из-за задымлений[7].

Анализ статистических данных, нормативных актов и научной литературы показывает, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательных и управленческих механизмов в целях эффективного предотвращения лесных пожаров и борьбы с ними. На наш взгляд, комплекс профилактических мероприятий должны составлять следующие меры:

1) увеличить количество людей добровольцев в пожароопасный период, путем повышения оплаты их труда;

2) подготавливать квалифицированных лесных пожарных, которые будут иметь высокий уровень знаний и умений в данной области;

3) увеличить финансирование мероприятий, направленных на охрану лесов от пожаров;

---

[1] Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» (в ред. от 31.12.2020) // СЗ РФ. 2020. № 39, ст. 6056.

[2] Профилактика лесных пожаров. Официальный интернет-ресурс Федерального агентства лесного хозяйства Российской Федерации. URL: http://rosleshoz.gov.ru/activity/forest_security_and_protection/fires/prevention (дата обращения: 15.03.2021).

[3] Информационная кампания «Против поджогов сухой травы». Официальный интернет-ресурс Федерального агентства лесного хозяйства Российской Федерации. URL: http://rosleshoz.gov.ru/activity/forest_security_and_protection/fires/information_campaign (дата обращения: 15.03.2021).

[4] *Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г.* Правовые проблемы совершенствования государственной лесной политики в современных условиях // Экологическое право. 2018. № 1. С. 25-30; *Баскакова С.И., Шарова Г.Н.* Проблемы охраны лесов от пожаров // Экологическое право. 2012. № 2. С. 21–24.

[5] *Шпаковский Ю.Г.* Современные проблемы правового регулирования охраны лесов от пожаров // Lex Russica. 2018. № 1 (134). С. 43–56.

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

[7] Как международные стандарты помогают при профилактике и ликвидации пожаров? URL: https://xn--01-6kcaj2c6aih.xn p1ai/news01/normativnoe_regulirovanie_soedinennyh_shtatov_ameriki_v_sfere_obespecheniya_pozharnoj_bezopasnosti/ (дата обращения: 15.03.2021).

4) проводить контролируемый профилактический пал сухой травы не только на землях лесного фонда, но и на землях сельскохозяйственного назначения, которые расположены в пределах лесов, и несут для них потенциальную угрозу возгорания;

5) кроме того, в целях уменьшения объемов сухой травянистой растительности можно было бы реализовать покос травы и ее заготовку, либо обустройство минерализованных полос в местах, в которых отмечалось большое количество пожаров, т.е. потенциально подверженных угрозе возгорания;

6) ввести специальную статью в КоАП РФ, посвященную ответственности за самовольное выжигание сухой травянистой растительности и ужесточить санкцию;

7) в «пожароопасный период» ужесточить контроль и надзор не только за обстановкой в лесах, но и на приближенных, потенциально опасных территориях;

8) организовать взаимодействие с общественностью, в том числе с детьми, проводить профилактические лекции, направленные на формирование у них уважительного отношения к природе.

Таким образом, мы видим, что в области охраны лесов от пожаров имеются проблемы, заключающиеся в недостаточной эффективности проводимых мероприятий. Поэтому необходимо постоянно совершенствовать законодательство в данной области, разрабатывать профилактические мероприятия, воздействовать на сознание граждан, ведь только так мы сможем сохранить «легкие нашей планеты», от которых напрямую зависит наше дальнейшее будущее, невозможное без благоприятной экологической обстановки.

Устименко Д.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Устинов Д.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАДЕРЖАНИЯ И ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Аннотация. *статья посвящена анализу проблем практической реализации презумпции невиновности на досудебном этапе уголовного судопроизводства, в частности при задержании и при заключении под стражу. Предлагаются меры по предупреждению нарушений прав подозреваемого и обвиняемого, а также обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в уголовно – процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: *правосудие, презумпция невиновности, задержание, заключение под стражу.*

Ustimenko D.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ustinov D.S. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

IMPLEMENTATION OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE IMPLEMENTATION OF DETENTION AND ELECTION OF PREVENTION MEASURES IN THE FORM OF CONFERENCE

Abstract. *The article is devoted to the problem of the practical implementation of the presumption of innocence at the pre-trial stage of criminal proceedings, in particular during arrest and detention. The need to amend the legislation is substantiated and measures are proposed to prevent violations of the rights of the suspect and the accused.*

Keywords: *justice, presumption of innocence, preventive measures, arrest, detention.*

В соответствии со ст. 49 Конституции РФ «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». В соответствии с вышеуказанным положением лицо, в отношение которого выдвигается обвинение не обременено доказыванием собственной невинности, при этом все неустранимые сомнения в виновности толкуются в его пользу. Дальнейшее развитие и надлежащее закрепление данная презумпция получила в уголовно-процессуальном законодательстве. Вследствие закрепления этого положения в уголовно-процессуальном законодательстве, лицу в отношение которого ведется уголовное преследование представляется возможным сохранить статус лица как невиновного до момента вынесения в отношении него обвинительного приговора суда, что можно охарактеризовать как объективное правовое положение.

Общество и государство презюмируют добросовестность и добропорядочность лица ровно до тех пор, пока иное не установлено в надлежащем процессуальном порядке компетентными органами государственной власти, наделенными соответствующими полномочиями. По этому поводу В.И. Каминская отмечает: «Значение презумпции невиновности – прежде всего в том, что она представляет собой необходимое условие нахождения истины по делу. Именно она, в сущности, стимулирует раскрытие истины, поскольку в ней-то и выражено как необходимое требование, что виновность обвиняемого должна быть доказана, и доколе это не достигнуто, ни-

кто не может быть признан виновным. Одним лишь либеральным стремлением облегчить положение обвиняемого в процессе такое требование объяснить нельзя. Основное его назначение в том, чтобы толкнуть мысль и деятельность лица, исследующего дела, на всестороннее рассмотрение вопроса»[1].

Подводя черту под вышесказанным, итогом реализации презумпции является, то, что ни один государственный орган до момента вступления приговора в законную силу не вправе делать выводы о виновности лица в совершении того или иного преступления. Однако, при этом, органы, осуществляющие уголовное преследование обязаны до приговора принимать процессуальные решения, которые как правило связаны с выдвижением версии о причастности конкретного лица к совершению преступления, тем самым опровергая презумпцию невиновности. При этом практически по каждому уголовному делу применяются задержание и заключение под стражу. Эти меры процессуального принуждения являются довольно распространенными. Так, в своей диссертации Кирьянов А.Ю. указывает, что в 110 из 250 изученных им уголовных дел применялось задержание, что представляет собой почти половину от общего числа изученных материалов[2].

Правоохранительные органы при задержании лица, виновность которого еще не установлена, обязаны описать в протоколе о задержании факты достаточные для доказательственной базы, разоблачающие подозреваемого в реализации противоправного деяния. Законодательство устанавливает короткий срок задержания лица в связи с тем, что личная свобода лица ограничена, а виновность не подтверждена в полном объеме. В.М. Савицкий указывает, что: «Длительное задержание становится особенно нетерпимым, когда выясняется, что лицо задержали незаконно и необоснованно, без достаточности оснований. И поэтому необходимостью органов дознания или следователя является немедленное сообщение по задержанию подозреваемого прокурору. Прокурор же в свою очередь имеет возможность в кратковременный срок с момента принятия сообщения или санкционировать арест, или же отменить задержание» [3].

Как справедливо отмечают некоторые авторы, неопределенность вносит отсутствие детального регулирования процедуры задержания до момента составления протокола задержания, в связи с чем выделяется задержание фактическое и задержание юридическое. Так, согласно положениям п. 11 ст. 5 УПК РФ «задержание подозреваемого – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления» При этом, момент фактического задержания признается – «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». Вместе с этим процессуальный порядок применения принудительного воздействия до составления протокола задержания детально в гл. 12 УПК РФ не определен. В результате чего, по факту имеется 2 задержания– фактическое и юридическое. Так, например, при изучении протоколов задержания некоторыми авторами, было установлено, что между фактическим задержанием и составлением протокола проходило как минимум от 3 до 20 часов[4]. При этом, все обозначенное время лица находятся, по сути, в бесправном состоянии вследствие отсутствия надлежащего разъяснения причин задержания, отсутствия связи с защитником, зачастую задержанным лицам даже не разъясняются их права. Подобная неурегулированность вопроса несет в себе серьезную угрозу, поскольку существенным образом ограничиваются права и свободы лица невиновного в силу действия презумпции, а также отсутствие возможности надлежащим образом использовать предоставленные нормами конституции и УПК РФ средства защиты. В связи с этим видится верным расширение нормативного регулирования 12 главы УПК РФ, связанной с производством фактического задержания, в частности– установки предельных сроков фактического задержания.

Говоря в свою очередь об особенностях реализации презумпции невиновности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу стоит указать что несмотря на то, что это самая жесткая мера пресечения, при этом она была и остается одной из самых «популярных» наравне с подпиской о невыезде и надлежащем поведении. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента в 2019 г. Судами РФ было рассмотрено по существу 104.866 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом из них удовлетворено 94.633, что составляет 90,2 % от общества числа[5].

Проблема продолжительности нахождения лица в местах исполнения предписанной меры пресечения прямым образом затрагивает реализацию презумпции невиновности на практике. Так, Чезаре Беккариа утверждал, что: «пока не вынесен обвинительный приговор, никто не может быть назван преступником, и предварительное заключение по существу есть наказание, то оно должно быть как можно менее продолжительно и как можно менее сурово[6]».

В данном контексте особую тревогу вызывает формальных подход судей при удовлетворении заявленного следователем, дознавателем ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ при избрании

---

[1] *Каминская В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948. С. 132.

[2] *Кирьянов А.Ю.* Проблемы реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2012.

[3] Уголовно-процессуальное право: интеллектуальный практикум. Учебник для академического бакалавра / под ред. Г.М. Резника. М.: Юрайт, 2014. С. 221.

[4] *Победкин А.В., Яшин В.Н.* Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя / Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. С 16-24.

[5] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258 (дата обращения: 04.03.2021).

[6] *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939.

указанной меры пресечения в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял данное решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. В соответствие с разъяснения содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда: «избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление и т.п.). При этом, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица» [1].

Несомненно, что указанные выше положения относятся непосредственным образом к проблеме реализации презумпции невиновности при заключении лица под стражу. При этом, имеется ввиду, что судье, участвовавшему в судебном заседании в порядке ст. 108 УПК РФ также скорее всего необходимо будет и рассматривать поступившее уголовное дело в отношении лица по существу с последующим принятием итогового решения по делу.

Согласно изложенным выше обстоятельствам, необходимо отметить, что позиция Верховного Суда, связанная с реализацией презумпции невиновности в указанном ключе, нуждается в некоторой доработке. Наиболее лучшим образом по данному поводу высказался Шадрин В.С., который указал на сложность в исполнении указанного предписания. Так, по его мнению, следует обозначить, что «обоснованность подозрения в отношении лица при решении вопроса о заключении его под стражу предполагает наличие достаточных доказательств того, что лицо могло совершить преступление»[2]. И далее автор указывает, что «необходимо отказаться от использования формулировки, согласно которой суд при проверке обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, заменив ее указанием на то, что при избрании меры пресечения в отношении лица суд не вправе предрешать вопрос о его виновности»[3].

Таким образом правоохранительные органы при задержании лица, виновность которого еще не установлена, обязаны описать в протоколе факты достаточные для его задержания. Ввиду неурегулированности вопроса применения данной меры процессуального принуждения существенным образом ограничиваются права и свободы лица, заподозренного в совершении преступления. Представляется верным расширение нормативного регулирования 12 главы УПК РФ, связанной с производством фактического задержания, в частности – установки предельных сроков фактического задержания. Так же необходимо отказаться от использования формулировки, согласно которой суд при проверке обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, заменив ее указанием на то, что при избрании меры пресечения в отношении лица суд не вправе предрешать вопрос о его виновности.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11.06.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.03.2021).

[2] *Шадрин В.С.* Осуществление презумпции невиновности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 34-37.

[3] Там же.

Федорищева А.Ю.
магистрант 1 курса ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Кирдина Н.А. к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ

Аннотация. *в статье рассматриваются проблемы, связанные с участием защитника в процессе доказывания по уголовным делам в связи с расширением состязательных начал уголовного судопроизводства.*

Ключевые слова: *защитник, доказывание, доказательства, собирание доказательств*

Fedorishcheva A. Yu.
1st year master's student Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kirdina N.A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE ISSUE OF COLLECTING EVIDENCE BY THE DEFENSE ATTORNEY

Abstract. *The article deals with the problems associated with the participation of the defense lawyer in the process of proving in criminal cases in connection with the expansion of the adversarial principles of criminal proceedings.*

Keywords: *defender, proof, evidence, evidence collection*

Деятельность, осуществляемая в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, субъектами производства которой являются государственные органы и должностные лица, сущность которой

включает в себя процессы собирания, проверки и оценки доказательств в рамках производства по конкретному уголовному делу, обусловленные необходимостью установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания, называется уголовно-процессуальным доказыванием.

Полномочиями на осуществление данной деятельности в досудебном производстве, обладают следователи и дознаватели, при этом, поскольку именно они принимают важные процессуальные решения, доказывание определенных обстоятельств, в пределах предоставленных им полномочий, является их обязанностью. Процессу доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса сопутствует так называемая тайна предварительного расследования, которая ставит некоторые ограничения полноценной реализации принципа состязательности сторон для стороны защиты.

Субъектом собирания доказательств на стороне защиты в первую очередь относится защитник. Нельзя не согласиться с точкой зрения Э.А. Винокурова, который считает, что оптимальная реализация принципа состязательности сторон требует совершенствования процессуального механизма, обеспечивающего участие защитника в собирании доказательств, и определения процессуальной формы фиксации доказательств защитника в материалах уголовного дела[1]. Необходимость развития положений законодательства, регламентирующих средства и способы участия рассматриваемого субъекта в процессе доказывания, продиктована возможностью более эффективной реализации принципа состязательности сторон на досудебном производстве.

УПК РФ, согласно статье 53, наделяет защитника полномочиями, которые способствуют его деятельности в рамках доказательного процесса, среди них: право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи обвиняемому, привлекать специалиста, участвовать при производстве следственных действий, проводимых с участием обвиняемого, заявлять ходатайства.

При этом Уголовно-процессуальный закон закрепляет перечень способов, при помощи которых защитник может собирать доказательства. Часть 3 статьи 86 УПК РФ выделяет:

1) получение предметов, документов и иных сведений;

2) опрос лиц с их согласия;

3) истребование справок, характеристик, иных документов от различных ведомств.

Правовую основу деятельности защитника по собиранию доказательств на стадии досудебного производства составляют также нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где в статье 6 адвокат управомочен на собирание сведений, которые имеют значение для оказания юридической помощи, а также предметов и документов для признания их в качестве вещественных доказательств, опрос лиц с их согласия, которые возможно владеют информацией, относящейся к уголовному делу, по которому адвокат выступает защитником, привлечение специалистов, когда необходимо получить консультацию лица, обладающего специальными знаниями.

Намеченная законодателем тенденция на признание за защитником права на участи в процессе сбора доказательств не унимает возникающие в научной среде дискуссии по данному вопросу.

Одним из возможных путей решения проблемы ряд ученых считает расширение установленного в части 2 статьи 74 УПК РФ перечня источников доказательств, дополнив его положением следующего содержания: документы и предметы, представленные стороной защиты[2]. А М.А Фомин высказывает мнение о необходимости дополнения статьи 74 УПК РФ частью третьей, в которой статус доказательств, полученных защитником, приравнивался бы к собранным органом предварительного расследования[3]. Следует все же отметить неспособность описанных теорий решить имеющиеся процессуальные проблемы относительно собирания доказательств защитником, а вот их обострение они вызвать вполне способны, поскольку лишь добавят вопросы относительно качества собранных сведений.

Адвокатская деятельность нацелена на защиту прав и законных интересов обвиняемого, следовательно, доказательственная информация, которую он управомочен собирать, должна иметь отношение лишь к отстаиванию занимаемой им позиции, что не характерно для органов, осуществляющих уголовное преследование. Пассивное поведение защитника, неиспользование полномочий, предоставленных ему законом для защиты обвиняемого, непредставление сведений о нем при их наличии, неопровержение аргументов противоположной стороны влекут отсутствие какого-либо благоприятного исхода в отношении обвиняемого и не способствуют защите его прав и законных интересов. Противоположная ситуация и поведение защитника способствует яркому проявлению состязательности сторон в ходе предварительного расследования и обеспечению объективности самого расследования.

Принципы деятельности защитника в ходе собирания доказательств законом не предусмотрены, вследствие чего требование о соблюдении каких-либо норм к ним не имеет никакого отношения. Возникает вопрос о характере предоставляемых защитником сведений, предметов и документов: они изначально имеют статус допустимых или такое требование к ним вообще не предъявляется? Наиболее верным представляется считать собранную информацию относимой, а свойством допустимости она наделяется после представления следователю и приобщения в качестве доказательства.

Данной точки зрения придерживается и В.А. Лазарева, которая пишет о необходимости дифференциации требований, предъявляемых к доказательствам стороны защиты и стороны обвинения. Иное положение дел сви-

[1] См.: *Винокуров Э.А.* Уголовно-процессуальные и тактические аспекты профессиональной защиты на стадии предварительного расследования: автореф. дис.канд.юрид.наук. Воронеж, 2010. С. 11.

[2] См.: *Засорина Е.А.* Защитник как субъект доказывания в российском уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012.№ 6(25). С. 224.

[3] См. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство): учебно-практическое пособие/ М.А. Фомин. М.,2004. 118.

детельствовало бы о возложении на сторону защиты обязанности по доказыванию[1].

Следует также выделить полномочие стороны защиты на заявление следователю ходатайства об исключении доказательства. Здесь следует согласиться с мнением А.А. Васяева: «Судьба подобного ходатайства заведомо известна – следователь откажет в его удовлетворении, т.к. вряд ли он будет разрушать собственными руками построенное обвинение»[2]. Следует также учесть, что подача такого ходатайства возможна лишь при наличии у стороны защиты копии протокола следственного действия, в процессе проведения которого имели место нарушения процессуального законодательства, иные случаи вряд ли возможны до момента ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела и направления их в суд.

Согласно УПК РФ полноценное исследование всех обстоятельств уголовного дела происходит в ходе судебного разбирательства, поскольку именно в ходе него все субъекты способны дать объективную оценку условиям получения доказательств, влиянию нарушений норм Уголовно-процессуального закона на его достоверность, проанализировать возможность их устранения с учетом мнения сторон.

Как показывает анализ практики, правом заявлять ходатайства об исключении доказательств в большинстве случаев пользуется сторона защиты, что можно объяснить восстановлением симметрии прав сторон на судебных стадиях и сложностью разрешения этих споров в досудебном производстве[3].

Некоторые процессуалисты предлагают закрепить в законе обязанность следователя всегда удовлетворять ходатайство защитника о приобщении полученных им документов и предметов или проведении допроса опрошенного защитником лица с целью предоставления суду возможности дать объективную оценку полученных адвокатом материалов[4]. Практика при этом показывает полное отсутствие стремления защитника к раскрытию таких сведений до самого судебного разбирательства, что отражает избранную им совместно с его подзащитным тактику.

Подводя итог можно отметить присущий защитнику особый статус в процессе доказывания, который вызван его ролью в уголовном процессе в целом.

Исследование всех форм участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании позволяет их группировать следующим образом:

1) собирание предметов и документов с целью представления их следователю, дознавателю или суду для приобщения в качестве вещественных документов или иных документов;

2) опрос лиц с целью представления сведений следователю, дознавателю или суду;

3) собирание сведений путем истребования справок от организаций целью приобщения их в качестве иных документов;

4) заявление ходатайств о производстве следственных или иных процессуальных действий.

Деятельность защитника в доказательном процессе обусловлена необходимостью защиты прав и законных интересов подзащитного. В связи с чем существует объективная необходимость по активизации его роли в доказывании посредством усиления начал состязательности в рамках производства на досудебных стадиях уголовного процесса.

[1] См.: *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. М., 2010. С. 166.

[2] *Васяев А.А.* Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: М., 2010. С. 43.

[3] См.: *Васяев А.А.* Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции вроссийском уголовном процессе. М., 2010. С. 45.

[4] См. *Засорина Е.А.*Защитник как субъект доказывания в российском уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 6(25). С. 224; *Стародубова Г.В.* Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовном делам //Судебная власть в уголовном процессе. № 1. 2012. С. 117.

Филимонов О.Ю.
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Костина С.Е., к.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. *Арбитражный управляющий в условиях экономической нестабильности является центральной фигурой по делам в делах о несостоятельности (банкротства) юридического лица. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования деятельности арбитражного управляющего в процедуре банкротства юридического лица и пути решения данных проблем.*

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), юридическое лицо, арбитражный управляющий.*

Filimonov O.Yu.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kostina S.E., PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITY OF THE ARBITRATION MANAGER IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF A LEGAL ENTITY

Abstract. *The arbitration manager in the conditions of economic instability is the central figure in cases of insolvency (bankruptcy) of a legal entity. The article deals with the current problems of legal regulation of the activity of the arbitration manager in the bankruptcy procedure of a legal entity and the ways to solve these problems.*

Keywords: *insolvency (bankruptcy), legal entity, arbitration manager.*

Арбитражный управляющий в условиях нестабильности финансового состояния юридических лиц играет важную роль в процедуре несостоятельности (банкротства) юридического лица, поскольку от его решений и непосредственных действий зависит разрешение дела о банкротстве, а также обеспечение защиты законных интересов всех участников конкурсного процесса. В период пандемии вопрос рассмотрения проблем правового регулирования деятельности арбитражных управляющих встал особенно остро, поскольку введенные законодательные ограничения увеличили ряд существующих проблем в их деятельности.

Основные положения, регламентирующие деятельность арбитражных управляющих в процедуре несостоятельности (банкротстве) юридического лица находят отражение в действующем Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» № 127 от 26.10.2002 г., согласно которому, несостоятельность (банкротство) представляет собой признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства неспособность должника в полном объеме удовлетворять требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность об уплате обязательных платежей[1].

Моментом начала процесса процедуры банкротства юридического лица, заключающейся в удовлетворении требований кредиторов или ликвидации должника, следует считать подачу кредитором, должником, или уполномоченным органом заявления в арбитражный суд. Соответственно, решения о введении процедуры банкротства, признании должника банкротом и назначении арбитражных управляющих выносятся арбитражным судом. Также согласно действующему Закону о банкротстве, арбитражный управляющий должен обладать гражданством Российской Федерации, иметь высшее образование и являться членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Саморегулируемой организацией признается некоммерческая организация, которая основана на членстве и создана гражданами Российской Федерации, а также включена в Единый государственный реестр арбитражных управляющих.

По смыслу Закона о банкротстве арбитражный управляющий должен осуществлять реализацию своих полномочий лично, однако в научной литературе имеются мнения о том, что законодательство в буквальном толковании не содержит запрета на передачу арбитражным управляющим третьим лицам полномочий, принадлежащих ему как лицу, осуществляющему полномочия органов управления должника. К полномочиям, которые не могут быть переданы третьим лицам следует относить принятие решений об утверждении и подписание заключение отчета о финансовом состоянии должника, решении о включении в реестр требований о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, а также решений о даче согласия на совершение сделок, предусмотренных п. 2 ст. 64 Закона о банкротстве. Также в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»» (в ред. от 20.12.2016) суд обращает внимание, что арбитражный управляющий вправе привлекать иных лиц за счет средств должника для обеспечения исполнения возложенных на него обязательств[2].

В качестве примера судебной практики можно привести решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 11.07.2016 по делу № А74-4224/2016, которым финансовый управляющий привлечен к административной ответственности за передачу полномочий на организацию проведения собрания кредиторов, собрание проводилось представителем арбитражного управляющего[3]. Суд в данном решении указал, что организация проведения собраний кредиторов относиться к личным обязанностям арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) юридического лица, потому управляющий должен лично отчитываться перед кредиторами.

Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.01.2017, Постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 09.09.2016 решение арбитражного суда от 11.07.2016 по делу № А74-4224/2016 оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения. При этом остается проблема, что несмотря на имеющуюся судебную практику, ни в Федеральном Законе «О несостоятельности (банкротстве) № 127-ФЗ, ни в разъяснениях вышестоящих судов не содержится закрытого перечня полномочий на передачу другим лицам.

Актуальным остается вопрос о характере ответственности арбитражных управляющих в случаях, когда за длительный период ведения дела о несостоятельности (банкротстве) юридического лица происходит смена арбитражных управляющих или их освобождения от исполнения обязанностей, т.к. в разные периоды обязанности арбитражных управляющих исполняют различные лица. Законодательство не закрепляет характера ответственности арбитражных управляющих, если в результате их действий кредиторам, должнику, или иным лицам были причинены убытки, что приводит к сложностям на практике. В частности, в определении

[1] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4807.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»» (в ред. от 20.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 11.07.2016 по делу № А74-4224/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

от 29.07.2016 по делу № 309-ЭС15-18344 Верховный Суд РФ, отменив вынесенные судебные акты о взыскании убытков с арбитражных управляющих, указал, что суды трех инстанций при решении вопросов о надлежащем исполнении возложенных на арбитражного управляющего обязанностей, а также о наличии причинно-следственной связи между его бездействием и наступившими для общества убытками не учли, что в соответствии с п. 2 ст. 99 и п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве обязанность по выявлению принадлежащего должнику имуществу и формированию конкурсной массы возложена на всех внешних и конкурсных управляющих, которые были утверждены арбитражным судом в процедуре банкротства юридического лица.

Не менее актуальной проблемой правового регулирования деятельности арбитражного управляющего является законодательное отсутствие количественного ограничения процедур, которые может провести арбитражный управляющий. Нередко возникают ситуации, когда арбитражный управляющий осуществляет в один период более 100 процедур на законных основаниях, что ставит под сомнение качество реализации таких процедур. Также в таких случаях нередко арбитражный управляющий привлекает большое количество сторонних лиц, что влечет за собой дополнительные расходы для должника-юридического лица[1].

Для повышения эффективности деятельности арбитражных управляющих разумным представляется установление верхнего предела количества дел о банкротстве, которые может вести один арбитражный управляющий. Неэффективность и некачественная деятельность арбитражного управляющего приводит к росту жалоб и обращений на арбитражных управляющих пропорционально росту процедур банкротства. К примеру, по данным Росреестра в 2017 г. было введено 63256 процедур банкротства, у уже через год 77694 процедуры, при этом было подано 15544 и 17571 жалоб соответственно. Из этого следует, что каждая четвертая процедура банкротства юридического лица сопровождалась жалобой на деятельность арбитражного управляющего.

На основании анализа судебной практики, целесообразно также дополнить п. 4 ст. 20 Закона о банкротстве, который бы устанавливал, что ответственность арбитражных управляющих, которые осуществляют полномочия в рамках процедуры банкротства одного должника, за убытки, причиненные должнику, кредиторам, иным лицам, является солидарной. При этом следует ввести норму об исключительных случаях освобождения от ответственности одного или нескольких арбитражных управляющих, если совершенные ими действия (бездействия) явно несоразмерны наступившим последствиям.

27 января 2021 г. Министерство экономического развития РФ представило на рассмотрение правительства законопроект О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», принятие которого также создает риски для возникновения новых проблем в деятельности арбитражного управляющего, поскольку прежде всего, поправки нарушают баланс интересов должников и интересов, а принятые изменения будут способствовать более частым случаям со стороны недобросовестных лиц.

Помимо увеличений требований к арбитражным управляющим, данный законопроект предусматривает сокращение финансирования деятельности арбитражного управляющего в 5,5 раз до 100 тыс. рублей по 1 группе должников, убирает процентное вознаграждение при оставлении залоговым кредитором имущества за собой, а также законопроект увеличивает правовую нагрузку арбитражных управляющих в виде обязательства рассмотрения требований кредиторов.

Целесообразным для более эффективной деятельности арбитражного управляющего и его правовой защите является принятие наиболее гибких норм, которые позволили бы арбитражному управляющему привлекать третьих лиц без опасения, что такие расходы в конечном итоге будут взысканы с арбитражного управляющего как убытки, а также детальное регулирование прав, обязанностей и последствий деятельности залогодержателя корпоративных прав и более четкая регламентация статуса требований в случае их передачи от одного субъекта, имеющего специальный статус (банк, участник долевого строительства, контролирующее должника лицо), к другому субъекту, не имеющему специального статуса.

Таким образом, для устранения имеющихся проблем в деятельности арбитражного управляющего в процедуре несостоятельности (банкротства) юридического лица необходимо более детальное правовое регулирование деятельности арбитражного управляющего, а также корректировка законодательства Российской Федерации о банкротстве с целью устранения ряда проблем и пробелов в механизме саморегулирования арбитражного управления для повышения эффективности деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и самих арбитражных управляющих. Законопроект О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в его нынешнем виде не сможет поспособствовать достижению целей процедуры банкротства и более эффективной работе, защите прав и гарантий деятельности арбитражного управляющего, что усилит негативные настроения в сообществе арбитражных управляющих.

[1] *Дачкина А.А.* Совершенствование механизма регулирования деятельности арбитражного управляющего // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2014. № 16. С. 86-91.

Хамидова Л.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Чаннов С.Е., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИИ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. *В статье рассмотрены приоритеты России в сфере научно-культурного сотрудничества. Проанализирована Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Диалог культур, религий и цивилизаций рассмотрен в рамках международных соглашений России с ООН, ЮНЕСКО, ЕС и странами СНГ. Выявлены основные проблемы российского законодательства в сфере культурной политики и предложен ряд рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой области. Сформулирован вывод о том, что культура является мощным катализатором развития общества и геополитики в целом.*

Ключевые слова: *долгосрочные перспективы, интеграция, культурное сотрудничество, международное право, культурное наследие, диалог культур, международные соглашения, модернизация.*

Khamidova L.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Channov S.E., professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PRIORITY DIRECTIONS OF RUSSIA IN THE FIELD OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND CULTURAL COOPERATION

Abstract. *The article considers the priorities of Russia in the field of scientific and cultural cooperation. The Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 is analyzed. The dialogue of cultures, religions and civilizations is considered within the framework of Russia's international agreements with the UN, UNESCO, the EU and the CIS countries. The main problems of Russian legislation in the field of cultural policy are identified and a number of recommendations for improving legislation in this area are proposed. It is concluded that culture is a powerful catalyst for the development of society and geopolitics in general.*

Keywords: *long-term perspectives, integration, cultural cooperation, international law, cultural heritage, dialogue of cultures, international agreements, modernization*

Стратегическая цель международного сотрудничества в области науки и культуры – использование, сохранение и развитие культурного и научного потенциала. Важность развития международного сотрудничества России в области науки и культуры подчеркивается в концепциях долгосрочных перспектив различных ведомств и министерств Российской Федерации.

Важную роль в процессе формирования международного сотрудничества играют процессы глобализации и интеграции культуры и науки. Большое значение отводится многосторонним культурным акциям, международным фестивалям, научным конференциям, симпозиумам и так далее.

В современных условиях, по мнению М.В. Шугурова, обязанность каждого государства стремиться к созданию условий для развития своего научного, культурного и инновационного потенциала рассматривается «как ценностный идеал современного международного права».[1]

Что касается перспектив развития международного научно-культурного сотрудничества Российской Федерации, то следует обратить внимание на положения Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, включающие основные направления политики в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества.

В соответствии с Основами государственной культурной политики Российской Федерации реализация научно-экономической и культурной модернизации страны, переход к интенсивному пути развития, обеспечивает реакцию на вызовы современного мира. Интенсивный путь развития не возможен без систематики инвестиций в человека, во избежание гуманитарного кризиса.[2]

Согласно бюджетному посланию Президента РФ о бюджетной политике в 2012-2014 годах, культура определяется как один из приоритетов бюджетных расходов. Так, расходы на культуру в 2014 г. в консолидированном бюджете России составили 410 млрд. рублей составили, что на 33,1 млрд. рублей больше, чем в предшествующем 2013 г.[3]

Значительные вложения направляются на восстановление и охрану культурно-исторических памятников. В 2014 г. на содержание и ремонт 172,5 тыс. памятников, охраняемых государством, было выделено 43,6 млрд. рублей.[4] Российская Федерация как многонациональное и многоконфессиональное государство способствует диалогу культур, религий и цивилизаций, последовательно проводит данное направление в рамках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, БРИКС, Совета Европы и других международных организаций. Международное научно-культурное сотрудничество России и других стран базируется на соглашениях двустороннего и многостороннего характера, принципах независимости и суверенитета, отстаивания национальных интересов.

Главным примером успешной интеграции международной культуры служит Европейский Союз. В 2004 г.

---

[1] *Шугуров М.В.* Международно-правовые обязательства государств в сфере международного научно-технологического сотрудничества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 1. С. 161.

[2] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»

[3] Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (в ред. от 30.03.2018).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (в ред. от 30.03.2018).

на саммите в Санкт-Петербурге была достигнута договоренность об укреплении сотрудничества между Россией и Евросоюзом в создании пространства науки и образования, в том числе культурных аспектов[1]. Культура послужила основой международных отношений стран-участников Евросоюза. Стирание внутренних границ и свободное перемещение сделали свое дело. Перспектива сотрудничества определялась «дорожной картой», утвержденной в 2005 г. и охватывающей общее пространство в области образования, науки и культуры.[2]

Европейские культуры на сегодняшний день представляют что-то целое, единое. Культурные связи европейских стран расширяют границы, превращаются в единое интеграционное пространство. Подобная политика способствует не только взаимному обогащению и диалогу государств, но и, главным образом, их объединению. Члены Европейского Союза формируют свои отношения посредством так называемой «общей судьбы». Формируется общая культура, общее ценностное поле, общепризнанные нормы. Все это позволяет задать вектор в направлении многосторонней европейской дипломатии, европейской внешней политики. Именно эту цель единения и преследует международное культурное сотрудничество стран Европы.

Одним из приоритетов российской политики в области научного и культурного сотрудничества служит содействие эффективному взаимодействию с ЮНЕСКО. Взаимодействие ЮНЕСКО с Россией в области культуры, как ключевого фактора устойчивого развития, направлена на поддержку и поощрение культурного разнообразия в странах кластера. Большое внимание уделяется охране культурного наследия, например сохранению исчезающих языков, таких как коренные языки Севера России.

В настоящее время значимым проектом является «Управление музеем – XXI век». ЮНЕСКО стремится к усилению роли музеев как катализаторов устойчивого развития культурной деятельности. Проект «Управление музеем – XXI век» внес значительный вклад в совершенствование историко-культурного наследия и коллективной памяти поколений. Произошло повышение национального и международного статуса большого количества музеев стран России и СНГ и их дальнейшее развитие.

В статье 6 Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 2 ноября 2001 года, в частности, в качестве гаранта культурного сотрудничества указан равный доступ к научно-технической информации, включая цифровую форму, а также гарантию доступа всех культур к любым средствам самовыражения. Все это означает признание равенства и равноправия культур, их равного доступа к информационно-коммуникационным технологиям. По причине современного запроса на культурное разнообразие и самобытность, значительная роль отводится распространению соответствующих идей и практик.

С точки зрения общего исторического прошлого приоритетным направлением внешних культурных связей России остается Содружество Независимых Государств. Реализация соглашения 2005 года о гуманитарном сотрудничестве тесно связана с проведением Года стран СНГ, значительную часть мероприятий которого составляют акции гуманитарного характера, включая механизмы создания цивилизованного рынка культурных, научных, образовательных и других гуманитарных услуг.[3]

Реализуется целый ряд масштабных гуманитарных мероприятий стран СНГ на международном уровне. Среди них – Всемирный форум по межкультурному диалогу, Молодежные Дельфийские игры, выступления молодежного симфонического оркестра СНГ, открытый кинофестиваль «Киношок» стран СНГ, Латвии, Литвы и Эстонии, Международный кинофестиваль «Золотая слива», Международный фестиваль профессиональных театров «Навруз» и другие.

Не малую роль в развитии современного культурного сотрудничества России и стран СНГ играет Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Фонд действует с 25 мая 2006 года, в состав которого входят следующие республики: Россия, Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Молдова. Вектор Фонда направлен на развитие общего культурного и гуманитарного пространства и стимуляцию межкультурного диалога членов Содружества. К заслугам Фонда можно отнести тот факт, что в период с 2007 по 2010 г. было осуществлено порядка 200 успешных проектов в области культуры, образования, науки, культурного наследия, туризма и работы с молодежью. В общей сложности, с 2007 года были поддержаны более 600 крупных совместных проектов, в которых приняли участие около 400 тысяч человек из всех стран СНГ.[4]

Следует подчеркнуть, что для достижения стратегических задач международного научно-культурного сотрудничества Российская Федерация располагает обширной базой международных соглашений в области науки, образования и культуры. Действующие соглашения способствуют достижению таких задач, как проведение совместных исследований, обмен культурами, специалистами, стирание духовной разобщенности стран и так далее. Используя опыт других стран, Россия может существенно обогатить свою культурную политику инновационными формами и средствами международного сотрудничества.

Таким образом, на мировой арене существует достаточное количество межгосударственных объединений в области культуры. Тем не менее, процесс культурной интеграции не является совершенным. Многие положения требуют пересмотра и нуждаются в корректировке. В свя-

[1] Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6886

[2] «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты (утверждена 10 мая 2005 г. в Москве Президентом России В. Путиным, Премьер-министром Люксембурга Ж.-К. Юнкером, Председателем Комиссии Европейских сообществ Ж.М. Дурау-Баррозу и Верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланой). URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3590 (дата обращения: 02.03.2021).

[3] Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств от 26 августа 2005 года.

[4] Сообщение для СМИ «О подписании Меморандума о взаимопонимании между ЮНЕСКО и МФГС». Официальный сайт МИД РФ 1917-28-11-2008. URL: http:// archive.mid.ru/bdomp/Ns-dksu.nsf/416a07318ecf41dd432569ea00361456/432569f10031dce6c325750f005c6d53!0penDocument (дата обращения: 25.02.2021).

зи с этим, хотелось бы предложить ряд рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой области.

В Российской Федерации, многие нормативные акты были разработаны и реализованы до основополагающих законов в области научного и культурного правового регулирования. Собственно по этой причине возникают споры и противоречия с главным гарантом закона Российской Федерации – Конституцией. Некоторые нормативно-правовые акты являются морально устаревшими и не актуальными.

Кроме того, правовые нормы должны не только допускать, но и стимулировать развитие культурно-гуманитарной сферы. Государственная политика не должна ограничиваться контролем соблюдения законов или выделением необходимых средств на реализацию программ. Государство должно обеспечить возможность инновационного, культурно-гуманитарного взаимодействия субъектов, содействовать развитию культуры, максимально возможному сохранению и передачи культурных ценностей для будущих поколений.

Так же необходимо гарантировать на государственном уровне права потребителей услуг сферы науки и культуры. Обеспечить равный для всех доступ к культурным достояниям и ценностям. Социальный статус, состояние здоровья, возраст, национальная принадлежность, место жительства потребителя – ничто не должно служить фактором отказа в потреблении данных услуг.

Учитывая реалии 2020 года, эпидемиологическую обстановку во всем мире, необходимо обеспечить свободный доступ к удаленным платформам, сайтам учреждений культуры и так далее. Музеи, библиотеки, консерватории, театры должны транслировать выпуски, которые возможно посмотреть в режиме реального времени в сети Интернет. Сфера культуры в период «локдауна» служит источником улучшения эмоционального состояния людей, усиления сплоченности и стойкости общества. Таким образом, модернизации правовой политики в области науки и культуры послужит укрепление роли государства в рамках охраны культурного наследия и реализации культурных прав граждан. С этой целью необходимо внедрять новые приемы и механизмы культурного правового поля, привлекать новых субъектов.

Все эти факты ведут к главному обстоятельству: культура играет ведущую роль в объединении стран и народов, в направлении внешней политики, в полномерном развитии социума. Политика, геополитика, экономика – все это не может существовать без развития и интеграции культуры. Взаимодействующий процесс международного сотрудничества имеет глобальное значение не только с точки зрения приобщения российской общественности к культурному наследию и ценностям других стран и народов, но и для формирования в мире авторитета России как демократического, открытого государства.

Химион А.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Абрамова С.Р., к.ю.н., доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СЛЕДСТВЕННАЯ ОШИБКА»

Аннотация. *Уголовное судопроизводство в РФ осуществляется на основе принципа состязательности сторон, в связи с чем, проблемы качества расследования уголовных дел, объективная оценка обстоятельств дела стороной обвинения имеют принципиальное значение, т.к. ошибки, допущенные на стадии предварительного расследования, препятствуют ходу расследования и влекут правовые последствия в виде вынесения несправедливого и незаконного судебного или иного решения. В действующем законодательстве отсутствует закрепленное понятие «следственной ошибки». В науке существуют различные подходы к его определению и даются разные его трактовки. В статье анализируются различные точки зрения на определение данного понятия, предложено авторское определение понятия «следственная ошибка».*

Ключевые слова: *следственная ошибка, процессуальная ошибка, добросовестное заблуждение, достижение назначения уголовного судопроизводства.*

Khimion A.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Abramova S.R., associate professor of Forensic Science of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF “INVESTIGATIVE ERROR»

Abstract. *Criminal proceedings in the Russian Federation are carried out on the basis of the principle of adversarial parties, in this connection, the problems of the quality of the investigation of criminal cases, an objective assessment of the circumstances of the case by the prosecution are of fundamental importance, since mistakes made at the stage of preliminary investigation hinder the progress of the investigation and entail legal consequences in the form of an unfair and illegal judicial or other decision. In the current legislation, there is no fixed concept of “investigative error”. In science, there are different approaches to its definition and different interpretations are given. The article analyzes various points of view on the definition of this concept, and suggests the author’s definition of the concept of “investigative error”.*

Keywords: *investigative error, procedural error, conscientious error, achievement of the purpose of criminal proceedings.*

Расследование преступлений – это сложная система, которая включает в себя комплекс следственных, оперативных, процессуальных и иных действий, для осуществления которых уполномоченное лицо совершает поиск, анализ, оценку большого объема информации, принятие на ее основе решений, влияющих, как на процесс расследования, так и на судьбу участников уголовного судопроизводства. А так же осуществляет практическое применение материальных и процессуальных норм и знаний не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и из других областей (в зависимости от категории дел, по которой проводится расследование), взаимодействие с лицами, принимающими непосредственное и опосредованное участие в процессе и т.п. Несомненно, для успешной реализации такой деятельности лицо, осуществляющее расследование, должно обладать высокими профессиональными навыками, качествами и иметь опыт работы. Однако, по объективным причинам на практике имеет место сменяемость кадров в рассматриваемой сфере, поэтому во многих случаях следователи в связи с отсутствием опыта, знаний, специализации и т.д. допускают ошибки, которые, в свою очередь, приводят к сложным правовым последствиям. Так, изучение такого рода ошибок играет значительную роль в их предотвращении, в частности, формулирование понятия, его содержания, их типизация и обобщение, а также разработка методических рекомендаций по выявлению, устранению и предупреждению типовых следственных ошибок позволят избежать совершения наиболее распространенных ошибок в следственной деятельности.

В действующем уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве отсутствует закрепленное понятие *«следственной ошибки»*, а в науке уголовного процесса и криминалистики существуют различные подходы к его определению и даются разные его трактовки.

Более того, отдельные авторы не принимают само название – *«следственная ошибка»*. В частности, Е.И. Комарова предлагает ввести термин – *«ошибки досудебного производства»*, который, по ее мнению, очерчивает границы его использования, а именно стадии возбуждения уголовного дела и осуществления предварительного расследования[1]. В криминалистике существуют также и другие возможные наименования, например, *«упущения предварительного следствия»*, *«недостатки предварительного расследования»*, *«нарушения законности в досудебных стадиях производства по делу»*, *«нарушения норм права»*, *«отступления от норм закона»*, *«процессуальные ошибки предварительного следствия»* и т.п.[2]

Так, Ю.В. Кореневский считает, что к изучению термина *следственная ошибка* нужно подходить с позиции двух аспектов. В широком значении – это недостатки, а в узком – неполнота произведенного следствия[3].

З.З. Тугушева определяет *следственную ошибку* как непреднамеренно допущенную следователем во время производства следственных или процессуальных действий ошибку. При этом акцент делается именно на характере такой ошибки, поскольку необходимо строго разграничивать указанное понятие от нарушения закона, совершенного следователем как по объективным, так и по необъективным причинам, таким как невнимательность, отсутствие знаний или опыта следственной работы[4].

А.Д. Байков называет в качестве *следственной ошибки* любое незаконное или необоснованное решение властного компетентного субъекта, отвечающего за процесс расследования, вызванное неверными действием или бездействием[5].

А.Б. Соловьев, в отличие от А.Д. Байкова, указывает не на любые нарушения, допущенные следователем, а только на наиболее существенные из них, повлекшие за собой принятие незаконных или необоснованных решений по уголовному делу[6].

В.П. Климчук полагает, что *следственная ошибка* представляет собой неумышленное, совершенное ввиду добросовестного заблуждения, нарушение требований и норм действующего уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства, выраженное в виде их неисполнения или ненадлежащего исполнения, уполномоченными на производство предварительного расследования по уголовному делу лицами[7].

С позиции А.А. Ширванова, *следственная ошибка* – это не являющееся уголовно-наказуемым с точки зрения уголовно-процессуального закона деяние, выраженное в форме действия или бездействия, носящее непреднамеренный характер, произведенное следователем (дознавателем) или иным компетентным лицом, влекущее за собой правовые последствия в виде нарушения законных прав и свобод участников уголовного процесса, оказывающее воздействие на законность, обоснованность и справедливость выносимых промежуточных и итоговых процессуальных решений (актов)[8].

Рассмотренные выше трактовки относятся к процессуальному подходу к определению понятия *«следственной ошибки»*. Указанные авторы отмечают логическую взаимосвязь между совершенным действием (бездействием) и принятием решений в рамках уголовного дела на этапе предварительного расследования, связывая характер и направленность таких действий (бездействия) с процессуальным порядком производства по уголовному делу.

Можно провести определенную аналогию и связь между следственной и судебной ошибкой (четкое определение которой также отсутствует в законодательстве), т.к. от всесторонности, полноты и беспристрастности осуществления следствия зависит, будет ли достигнут

---

[1] См.: *Комарова Е.И.* Уголовно-процессуальные ошибки досудебного производства, устанавливаемые в процессе судебного разбирательства, и пути их устранения // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 7. С. 31.

[2] См.: *Пучковская М.Е.* Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 9.

[3] См.: *Корнеевский Ю.В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования: учебное пособие. М., 1974. С. 23.

[4] См.: *Тугушева З.З.* Следственные ошибки: теоретические и практические проблемы // Молодой ученый. 2018. № 46. С. 200-202.

[5] См.: *Байков А.Д.* Уголовно-процессуальные отношения: учебник. М., 2000. С. 45.

[6] См.: *Соловьев А.Б.* Следственные ошибки в уголовном процессе: научно-методическое пособие. М., 1982. С. 88-89.

[7] См.: *Климчук В.П.* Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранении: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.

[8] См.: *Ширванов А.А.* Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения: монография. М., 2005. С. 6.

главный результат, а именно назначение уголовного процесса, в частности защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод[1].

З.Ф. Коврига и К.А. Панько отмечают, что, как *следственная*, так и судебная ошибки носят непреднамеренный характер, а именно представляют собой непреднамеренное искаженное познание объективной действительности[2].

В.И. Власов считает, что *следственные ошибки* – это любые неумышленные нарушения норм и требований материального и процессуального законодательства, совершенные в ходе возбуждения уголовного дела и производства расследования, любое отклонение в процессуальной деятельности, а также логическом мышлении компетентного лица (следователя, дознавателя)[3].

На наш взгляд, точки зрения на понятие «следственная ошибка» З.Ф. Ковриги и К.А. Панько более узкое, поскольку ограничивает себя только рамками познавательной деятельности, не включая непреднамеренные нарушения правовых норм. При этом В.И. Власов, указывая непосредственно на непреднамеренные нарушения закона, говорит о «любых нарушениях» и «любых отклонениях», не конкретизируя их, а между тем, таковыми могут быть технические или человеческие факторы, например, опечатка, неразборчивый почерк, тип бумаги, неправильная подшивка листов (нарушен порядок подшивки листов, не подшиты необходимые листы). Указанные погрешности имеют место быть при расследовании групповых или многоэпизодных дел, например, когда выделяется уголовное дело в отношении одного или нескольких фигурантов в отдельное производство (ошибочно копируются не все материалы из основного дела). При этом такие ошибки не имеют влияния на уже произведенные следственные и процессуальные действия.

По мнению Ю.Н. Белозерова и В.В. Рябоконь *следственная ошибка* представляет собой вывод, умозаключение, не соотносящееся с действительностью, или степень, действие, не порождающее достижение поставленной цели, если неправильность в познании или отступление от плана вызваны добросовестным заблуждением[4]. Полагаем, что такое определение следственной ошибки можно применить к любому другому виду ошибок, например, логическим или тактическим. В нем отсутствуют указание на конкретные признаки, определяющие специфические особенности данного рода ошибок, как объективного характера, так и субъективного. Кроме того, нецелесообразно называть неправильными действия, если они не привели к достижению поставленной цели. Постановка следственной цели находится в прямой взаимосвязи от сложившейся следственной ситуации, а значит, может быть не достигнута в связи с изменением обстоятельств или появлением новых доказательств в деле, новой оперативной или иной информации. К примеру, вновь открывшиеся обстоятельства по делу, появление нового свидетеля совершения преступления, получение новых выводов из повторно проведенной экспертизы. Однако на момент принятия какого-либо решения следователь исходит из конкретной следственной ситуации, и такое решение непосредственно направлено на достижение поставленной цели.

Аналогичной позиции придерживается Г.А. Зорин, рассматривающий *следственную ошибку* в виде отступления следователя от поставленной цели вследствие применения способов и форм деятельности, не согласующихся со следственной ситуацией, на этапах получения и анализа информации, оценки обстановки, принятия соответствующих решений и их исполнения[5]. Полагаем, что такое определение больше подходит для рассмотрения тактических следственных ошибок.

Ряд ученых при трактовке определения *следственной ошибки* делают отсылку к негативным последствиям, наступившим в результате ее совершения. Так, В.П. Краморенко указывает на необходимость не достижения оптимального результата или потерю потенциальных возможностей в процессе осуществления расследования[6].

О.Я. Баев толкует *следственную ошибку*, как неправильные действия уполномоченного субъекта непроизвольного характера, конечной целью которых является осуществление качественного расследования уголовного дела, однако, при определенных обстоятельствах способные повлечь за собой не менее одного из четырех последствий:

- привлечение к уголовной ответственности невиновного;
- не установление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности за совершение конкретного преступления;
- неверное применение норм уголовного или уголовно-процессуального права;
- иное существенное нарушений прав и законных интересов граждан, принимающих участие в предварительном расследовании, не зависимо от их процессуального статуса[7].

С точки зрения А.Д. Назарова, *следственная ошибка* (как и судебная) – это незаконное или необоснованное действие (бездействие) лиц, осуществляющих предварительное расследование, не являющееся уголовно-наказуемым деянием, выразившееся в неполноте и субъективности исследования имеющихся в уголовном деле доказательств, нарушении (ограничении) законных прав и свобод личности, а также норм и принципов международного права в части отправления справедливого правосудия, существенном нарушении закона, неправильном применении уголовного или уголовно-процессуального

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

[2] См.: *Коврига З.Ф., Панько К.А.* Генезис и правовые последствия судебной и следственной ошибки // Правовая наука и реформа юридического образования.1995. № 11. С. 43.

[3] См.: *Власов В.И.* Расследование преступлений. Проблемы качества: монография. Саратов, 1988. С. 58.

[4] См.: *Белозеров Ю.Н., Рябоконь В.В.* Производство следственных действий: учебник. М., 1990. С. 10-11.

[5] См.: *Зорин Г.А.* Криминалистическая эвристика: учебник. Гродно,1994. С. 29.

[6] См.: *Краморенко В.П.* Технологические аспекты ситуационного подхода к классификации следственных ошибок // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 16. С. 22.

[7] См.: *Баев О.Я.* Основы криминалистики: курс лекций. М., 2017. С. 56.

законодательства, отражающее субъективный характер такого действия (бездействия) по отношению к целям уголовного процесса, объективно препятствующее их достижению вследствие получения неправильного процессуального результата (решения)[1]. Схожей позиции придерживаются И.И. Короленко и Е.Ю. Драгунова в своем научном исследовании[2].

А.И. Михайлов, С.А. Шейфер, В.А. Лазарева в целом определяют понятие *следственной ошибки* по аналогии с А.Д. Назаровым, однако, указывают, что негативное последствие в виде принятия незаконного и необоснованного процессуального решения в обязательном порядке должно быть установлено соответствующим актом прокурора или суда[3].

Из представленного подхода к трактовке рассматриваемого понятия можно заключить, что неправильное действие следователя (дознавателя), признается следственной ошибкой исключительно тогда, когда оно повлекло за собой вынесение необъективного и несправедливого решения по делу на любом из его этапов, которое, в свою очередь, повлияло на всестороннее, полное изучение обстоятельств дела и доказательств, изобличение виновных лиц, правильное применение законодательных норм и, как следствие, на достижение целей уголовного процесса

Проанализировав все представленные выше научные точки зрения на дефиницию следственной ошибки, можно выявить некоторые их недостатки со стороны криминалистической науки:

- неполное раскрытие в предлагаемых определениях всех сторон деятельности следователя в ходе производства предварительного расследования, что не дает возможности представить разнообразие видов следственных ошибок;
- в большинстве случаев не уделяется должного внимания субъективно-психологическому моменту, оказывающего влияние непосредственно на совершение следственных ошибок.

На наш взгляд, такой подход, при котором учитывается не только непреднамеренный характер действий (бездействия) лица, осуществляющего предварительное расследование, ограниченные рамками познавательной деятельности, но и конкретизируются также объективные или необъективные непреднамеренные нарушения закона, в чем именно выражаются указанные действия (бездействие), личностное отношение и восприятие субъекта, какие повлекли за собой нарушения или ограничения, а также правовые последствия принятия незаконного и необоснованного процессуального решения в результате допущения следственной ошибки, наиболее полно раскрывает природу и сущность данного понятия.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Проблемы качества расследования уголовных дел, объективная, полная, всесторонняя оценка обстоятельств дела и доказательств имеют важное значение в теории и практике уголовного процесса и криминалистики. Следственные ошибки, допущенные в ходе производства по делу, могут воспрепятствовать нормальному ходу расследования, а также повлечь за собой нарушение прав участников уголовного процесса. Понимание содержания понятия *следственной ошибки* позволит более эффективно проводить их типизацию и обобщение, а также, более грамотно и детально сформулировать методические рекомендации по выявлению, устранению и предупреждению типовых следственных ошибок, допускаемых по различным категориям преступлений.

На основе проведенного анализа различных точек зрения полагает, что следственная ошибка – это непреднамеренно допускаемые уполномоченным субъектом нарушения (не являющиеся уголовно-наказуемыми), выраженные в форме действия или бездействия, связанные с неправильным применением законодательных норм, неправильным реагированием на ситуацию под влиянием объективных или субъективных причин, а также принятием различного рода решений (в том числе тактических, плановых), осложняющих следственную ситуацию или не отвечающих ей, и исполнением указанных решений, могущих повлечь за собой наступление общественно опасных или иных негативных для осуществления предварительного расследования последствий либо возможности их наступления.

На наш взгляд, сформулированное определение учитывает не только непреднамеренный характер действий (бездействия) компетентных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство в части расследования, но и психологический подход к восприятию и оценке ошибки как явления, а также конкретизирует направленность и содержание таких действий (бездействия), допущенные нарушения или ограничения, а также правовые последствия принятия незаконного и необоснованного процессуального решения в результате допущения следственной ошибки. Таким образом, наиболее полно раскрывает природу и сущность данного понятия.

---

[1] См.: *Назаров Д.А.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дисс. … докт. юрид. наук. СПб., 2017. С. 9-10.

[2] См.: *Короленко И.И., Драгунова Е.Ю.* Следственные ошибки как фактор, препятствующий осуществлению правосудия // Российский следователь. 2017. № 8. С. 10.

[3] См.: *Михайлов А.И., Шейфер С.А., Соловьев А.Б., Лазарева В.А.* Следственные ошибки и их причины // Социалистическая законность. 1987. № 12. С. 36-38.

Холкина Н.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Пастушенко Е.Н., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОПЫТ БАНКА РОССИИ В ОБЛАСТИ НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ЕГО СУБЪЕКТОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. *В современном мире коррупция оказывает большое воздействие на законотворческий процесс. Особенно данная тенденция проявляется в банковском секторе. Наделение Банка России правом законодательной инициативы является одним из вариантов для развития антикоррупционных процедур.*

Ключевые слова: *Банк России, антикоррупционная экспертиза, право законодательной инициативы.*

Kholkina N.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Pastushenko E.N. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE HISTORY OF THE BANK OF RUSSIA IN THE FIELD OF REGULATION AND ANTI-CORRUPTION EXPERTISE AS A BASIS FOR RECOGNIZING IT AS THE SUBJECT OF A LEGISLATIVE INITIATIVE

Abstract. *In the modern world, corruption has a great impact on the legislative process. This trend is especially evident in the banking sector. Giving the Bank of Russia the right to initiate legislation is one of the options for the development of anti-corruption procedures.*

Keywords: *Bank of Russia, anti-corruption expertise, the right to initiate legislation.*

Особая роль в законотворческом процессе отводится непосредственно субъекту законодательной инициативы. На сегодняшний день ученые активно дискутируют о субъектах законодательной инициативы, а именно о нецелесообразном расширении их перечня или, наоборот, о необходимости наделения некоторых субъектов таким статусом.

Прежде всего, законодательную инициативу надо рассматривать как результат выражения субъектами законодательной инициативы своего правосознания[1]. Такой результат представляет собой законопроект, который подлежит официальному внесению в законодательное учреждение согласно установленной процедуре.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[2] устанавливает закрытый перечень субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. Согласно п. 1 ст. 104 Конституции РФ право законодательной инициативы принадлежит Президенту РФ, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству РФ, законодательным органам субъектов Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

Как мы видим, данный перечень включает в себя только представителей законодательной, исполнительной и судебной власти. Остальные органы, граждане и другие субъекты могут выступать с инициативой законопроекта только при посредстве субъектов, указанных в п. 1 ст. 104 Конституции РФ.

Если рассматривать банковскую сферу как обособленную сферу, для регулирования которой требуются специальные навыки, знания, квалификации и опыт, то считается целесообразным право законодательной инициативы предоставить Центральному банку Российской Федерации (далее – ЦБ РФ). На сайте Банка России в разделе «Правовой статус» закреплена позиция о том, что Банк России не является органом государственной власти, но обладает государственно-властными полномочиями. Данное положение дает возможность потенциальному субъекту законодательной инициативы своевременно реагировать на изменения, происходящие в банковской сфере путем применения инструментов и методов денежно-кредитной политики.

Одним из полномочий ЦБ РФ является нормотворчество, которому отводится особая роль. Издание регулирующих нормативных актов – важнейший инструмент реализации полномочий Банка России в вопросах регулирования банковской деятельности, валютного регулирования и валютного контроля. Согласно Федеральному закону от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[3] Банк России может издавать нормативные акты в форме указаний, положений и инструкций. ЦБ РФ считается специализированным органом, поскольку может издавать нормативные акты в соответствии со строго определенным кругом вопросов.

Несмотря на то, что посредством издания нормативных актов Банк России реализует правовое регулирование банковской деятельности, Конституция РФ не включает его в перечень субъектов права законодательной инициативы. Его участие в законодательном процессе,

[1] См.: *Фомичева О.А.* Особенности участия в законотворческом процессе субъекта законодательной инициативы // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 2.

[2] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru). 2020.

[3] См.: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2021. № 9, ст. 1467.

помимо издания собственных правовых актов, обеспечивается также и тем, что проекты федеральных законов, а также нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, касающиеся выполнения Банком России своих функций, должны направляться за заключением в Банк России.

Стоит отметить, что законодательство зарубежных стран также не закрепляет право законодательной инициативы национальным банкам этих государств[1].

Анализ нормотворческой деятельности ЦБ РФ позволяет говорить о его высокой роли в области совершенствования законодательства. На конец 2019 года благодаря активному участию Банка России в разработке законопроектов, направленных на регулирование финансового рынка было принято 70 федеральных законов[2]. Они охватывают следующие сферы:

1. Дополнительные гарантии защиты интересов заемщиков по кредитному договору (договору займа), обязательства по которому обеспечены ипотекой (например, Федеральный закон № 483-ФЗ[3]).

2. Развитие цифровой экономики (например, Федеральный закон № 476-ФЗ[4]).

3. Совершенствование функционирования финансового рынка (например, Федеральный закон № 507-ФЗ[5]).

4. Совершенствование деятельности некредитных финансовых организаций и др.

По мнению многих ученых, законодательная инициатива представляет собой не только внесение законопроекта в законодательный орган, но и целую совокупность процедур, которая предшествует внесению законопроекта, а включает в себя также и: формирование законотворческой идеи, экспертную деятельность по разработке законопроекта и многое другое.

Таким образом, если рассматривать законодательную инициативу в данном смысле, то мы можем обосновать необходимость наделения Банка России правом законодательной инициативы. Как мы видим на приведенных выше примерах, ЦБ РФ реализовал все составляющие процедуры законодательной инициативы. К примеру, формирование самой законотворческой идеи в каждом из приведенных направлений банковской деятельности, проведение экспертизы законопроекта, в частности антикоррупционной, и т.д.

Подробнее остановимся на такой составляющей, как проведение антикоррупционной экспертизы законопроекта. Сегодня она играет важную роль в деле борьбы с коррупцией. Антикоррупционная экспертиза, являясь инструментом совершенствования нормотворчества, обладает достаточно высоким антикриминогенным потенциалом, с чем согласны специалисты, профессионально занимающиеся разработкой антикоррупционной политики государства[6]. В российском праве появился правовой институт, позволяющий не только органам государственной власти, но и представителям гражданского общества выявлять нормы коррупционного содержания в законах и подзаконных актах. Работой по выявлению коррупциогенных факторов в нормах правовых актов различного уровня занимаются в настоящее время множество органов государственной власти и местного самоуправления. К ним, прежде всего, относится и Центральный банк Российской Федерации.

На сегодняшний день коррупция стала склона к большому влиянию на законотворческий процесс. Больше всего данная тенденция просматривается в банковском секторе[7]. Если государство будет бороться с коррупцией исключительно карательными мерами, то ему не удастся свести на нет незаконную банковскую деятельность. Нужны усилия законодателя по совершенствованию законотворческого процесса. Одной из возможностей развития антикоррупционных процедур является наделение Банка России правом законодательной инициативы.

В этой связи необходимо понимать, что законодательная инициатива оказывает существенное воздействие на качество правового регулирования, т.к. в какой-то мере выступает критерием принятия актуальных законов, действительно обеспечивающих развитие и укрепления общественных отношений в банковской сфере.

Для эффективной процедуры законодательной инициативы на каждой из стадий необходимо детально исследовать общественные отношения в сфере банковской деятельности, оценить предполагаемый результат воздействия законопроекта на эти общественные отношения. Все эти задачи в данном случае выполняет специализированный орган – Банк России, реализовывая основные стадии законодательного процесса.

Таким образом, опыт ЦБ РФ по изданию нормативных актов и проведению антикоррупционной экспертизы позволяет сделать вывод об эффективности участия ЦБ РФ в законопроектной работе и поставить вопрос о наделении ЦБ РФ правом законодательной инициативы по вопросам законодательно определенной компетенции.

Данное изменение повысит уровень квалифицированности и сделает возможным своевременное реагирование на изменение общественных отношений в банковской сфере, а также их эффективное правовое регулирование.

---

[1] См.: *Игнатьева С.В.* Право законодательной инициативы и Банк России // Законодательство и экономика. 2008. № 9. С. 4.

[2] См.: Годовой отчет Банка России за 2019 год. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27873/ar_2019.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

[3] См.: Федеральный закон от 27.12.2019 № 483-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7801.

[4] См.: Федеральный закон от 27.12.2019 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7794.

[5] См.: Федеральный закон от 27.12.2019 № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7825.

[6] См.: *Судакова Т.М., Васильева Н.В.* Антикоррупционная экспертиза в оценках эффективности антикоррупционной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 5. С. 690.

[7] См.: *Ражков Р.А.* Об антикоррупционной экспертизе в законодательном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2008. № 1. С. 34.

Хохлова Д.П.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Шапиро Л.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

О ПРИЗНАКАХ СЛЕДСТВЕННОЙ ОШИБКИ

Аннотация. *В статье обращено внимание на проблему сущности и содержания следственных ошибок, допускаемых при расследовании преступлений против собственности. Автор проанализировал различные точки зрения на отдельные существенные признаки названного понятия, сделал вывод о наиболее актуальных признаках следственных ошибок.*

Ключевые слова: *следственные ошибки, предварительное следствие, преступления против собственности.*

Khokhlova D.P.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Shapiro L.G., Doctor of Law Sciences, *professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov*

ABOUT THE SIGNS OF INVESTIGATIVE ERROR

Abstract. *In the article attention is paid to the problem of the essence and investigative crimes allowed in the investigation of crimes against property. The author analyzed various points of view on certain essential features of the named concept,* made a conclusion about the actual signs of investigative errors.

Keywords: *investigative errors, preliminary investigation, crimes against property.*

Актуальность исследования следственных ошибок при расследовании преступлений против собственности заключается, прежде всего, в том, что указанная категория общественно опасных деяний год за годом остается на лидирующих позициях по числу их совершения. Так, 50,5 % всех зарегистрированных преступлений за январь 2021 года составляют хищения чужого имущества. А каждым шестьдесят шестым зарегистрированным преступлением за указанный период выступает квартирная кража, раскрытие которых стало на 18,2 % меньше в сравнении с январем 2020 года[1]. При этом остается тенденция возвращения федеральными судами общей юрисдикции уголовных дел указанной категории прокурору для устранения недостатков в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Так, за первое полугодие 2019 года было возвращено 1 495 уголовных дел, в 2020 за тот же период – 1 647[2].

Рассматривая проблему следственных ошибок в уголовном судопроизводстве, первоначально необходимо определить, что представляют собой следственные ошибки, что входит в их содержание, является их сущностью.

Во-первых, следует отметить, «следственная ошибка» – не любое неправильное, нецелесообразное действие следователя. При осуществлении предварительного расследования могут быть допущены различные просчеты, которые, так или иначе, влияют на его ход и результаты, при этом, если в действиях следователя содержатся признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 293, 299, 300, 301, 302, 303 УК РФ[3], их нельзя признать следственной ошибкой. Другими словами, нельзя отождествлять факты нарушения законности (следственный произвол) с рассматриваемым нами правовым явлением[4]. Дополнить это утверждение можно также и тем, что под следственной ошибкой нельзя понимать и невыполнение следователем рекомендаций криминалистики, а также отсутствия элементарных навыков организации работы и знаний[5].

Эта мысль отражена в определениях следственной ошибки таких ученых как О.Я. Баев, А.Д. Назаров. Так, в определениях, которые были даны этими авторами, подчеркивается отличие рассматриваемого нами феномена от правонарушения – «действия, не носящие характера произвола[6]» или «не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс[7]», а также обращается внимание на последствия именно ошибочных действий при расследовании преступлений, которые в общем можно определить, как «существенное нарушение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в любом качестве в орбиту расследования преступления[8]».

Указанный поход в определении «следственных ошибок» способствует уяснению причинно-следственной связи между действиями следователя и их последствиями. Это в свою очередь позволяет уяснить саму сущность следственной ошибки, тогда как отождествление следственной ошибки с нарушением норм права с отступлением следователя от предписаний уголовно-процессуального закона (т.е. допущением уголовно-процессуального правонарушения) «размывает» рассматриваемое понятие, упрощает его суть и не позволяет отгра-

[1] См.: Состояние преступности в России за январь 2021 года // Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь 2021 года». URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23163626/ (дата обращения: 05.03.2021).

[2] См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.03.2021). Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.03.2021).

[3] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[4] См.: *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. С.6.

[5] См.: *Загрядская Е.А.* Следственная ошибка как негативное последствие риска в уголовно-процессуальной деятельности следователя // Российский следователь. 2015. № 20. С. 20.

[6] См.: *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронеж: НПО «МОДЭК». 1995. С.6

[7] См.: *Назаров Д.А.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. … докт. юрид. наук. СПб., 2017. С. 9–10.

[8] См.: *Барсукова Т.В.* Указ. работа. С. 121.

ничить от других правовых категорий[1]. И.И. Короленко и Е.Ю. Драгунова также обратили внимание на то, что совершение следственных ошибок более распространено в том случае, когда в описании уголовно-процессуальных норм нет точности или присутствуют оценочные понятия, т.е., когда нет четкого юридического критерия[2]. Представляется, что и данное суждение позволяет опровергнуть мысль о том, что следственная ошибка – это правонарушение, т.е. нарушение нормы права.

Во-вторых, многие авторы указывают также и на то, что следственная ошибка имеет такой признак как непреднамеренность ее совершения, характеризуя ее как «непреднамеренное нарушение законодательства[3]» или «непреднамеренное неверное умозаключение следователя[4]». Однако данный «признак» можно подвергнуть сомнению, т.к. следователь может допустить преднамеренную следственную ошибку, например, по причине сознательного пренебрежения как материальными, так и процессуальными требованиями законодательства Российской Федерации. Еще раз отметим, что такое пренебрежение не должно содержать состав какого-либо преступления.

Следовательно, включив в определение понятия «следственная ошибка» такую характеристику как «непреднамеренность», можно исключить различные толкования рассматриваемого явления.

Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ, имела место следующая следственная ошибка – проведение проверки показаний на месте до осмотра самого места происшествия. Последствием этого стало фактически отсутствие в ходе предварительного следствия установленного места происшествия и утеря важной доказательственной информации[5].

В-третьих, в настоящее время при рассмотрении дефиниции «следственная ошибка» наиболее актуальной является точка зрения В.П. Крамаренко, который рассматривает указанное понятие с позиции системного и ситуационного подходов. Данный подход позволяет рассмотреть следственную ошибку в динамике, в ее развитии, определить условия, в которых происходило ее формирование, а также определить влияние на эти процессы различных факторов, имеющихся при осуществлении предварительного расследования. Следственную ошибку, по мнению названного автора, следует характеризовать как «упущение или выбор неоптимального варианта реагирования на возникшую ситуацию»[6].

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: следственная ошибка как правовое явление имеет негативные свойства, препятствующие реализации уголовного судопроизводства в целом и создающие трудности в расследовании преступлений, в том числе, против собственности. До сих пор в криминалистической науке существуют различные подходы к определению рассматриваемого понятия, причем существующие разногласия затрагивают основные, базовые характеристики, что зачастую не позволяет не только эффективно предотвратить негативные последствия названных явлений, но и выявить следственные ошибки непосредственно в ходе предварительного, а не судебного следствия.

Храмов Б.В.
студент 2 курса Института магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Соболева Ю.В., доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены основания и суть контроля за соблюдением антитеррористического законодательства Российской Федерации. Особое внимание обращается на требования нормативный актов по процедуре проведения контроля.*

Ключевые слова: *Росгвардия, вневедомственная охрана, антитеррористическая защищенность, проверка, безопасность.*

Khramov B.V.
2 st year student of the Institute of Master's Studies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", Saratov
Supervisor: Soboleva Yu.V. Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy, Saratov

ORGANIZATION OF ENSURING COMPLIANCE WITH THE ANTI-TERRORIST LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

[1] См.: *Боруленков Ю.П.* Правовые ошибки: постановка проблемы // Российский следователь. 2014.№ 7. С. 46.

[2] См.: *Короленко И.И., Драгунова Е.Ю.* Следственные ошибки как фактор, препятствующий осуществлению правосудия // Российский следователь. 2017. № 8. С. 11.

[3] См.: *Климчук В.П.* Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 9.

[4] См.: *Аубакирова А.А.* Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 13.

[5] См.: Следственные ошибки: учеб.-практ. пособие / отв. ред. А.М. Бастрыкин. М.: ЮНИТИ-ДАНА,2017. С.76.

[6] См.: *Крамаренко В.П.* Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2012. С. 11.

Abstract. *The article examines the grounds and essence of control over the observance of the anti-terrorist legislation of the Russian Federation. Particular attention is paid to the requirements of regulatory enactments for the control procedure.*

Keywords: *Rosgvardia, private security, anti-terrorist security, verification, security.*

Современные реалии жизни XXI века обострили проблему международного терроризма. Руководители всех стран принимают комплексные меры по противодействию этому явлению. Борьба с терроризмом – общегосударственная задача, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. Так, к примеру, очень важно задействовать потенциал гражданского общества с целью создания атмосферы активной гражданской нетерпимости к любым проявлениям терроризма. Среди населения следует проводить разъяснительную работу, с тем чтобы лишить террористов мифического ореола борцов-мучеников и дать им солидарный отпор[1]. В Российской Федерации одним из органов исполнительной власти правоохранительной направленности является Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, перед которой стоят различные задачи[2]. Федеральный закон от 03.07.2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», в части 3 статьи 2 прямо закрепляет одной из задач войск национальной гвардии Российской Федерации участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в статье 2, устанавливает одним из принципов противодействия терроризму, приоритет мер по предупреждению терроризма. Исходя из этого, Правительством Российской Федерации, был разработан ряд постановлений, направленных на превентивные меры борьбы. Одним из основополагающих документов стало Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)», в котором были закреплены требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий) и паспорта безопасности объектов (территорий). Также были установлены меры, направленные на противодействие возможным террористическим угрозам посредством неправомерного проникновения на объект, выявление потенциальных нарушителей и минимизацию последствий совершения террористического акта. Необходимо отметить, что этот перечень не является исчерпывающим, но он составляет основу любого нормативного акта по противодействию терроризма. Также были определены требования к форме паспорта безопасности, порядок контроля за выполнением требований, включая должностных лиц, уполномоченных на проведение проверок, а также виды проверок, основания, периодичность и сроки их проведения. Паспорт безопасности является документом, содержащим в себе краткую форму сведений об объекте или территории и имеет ограничительную пометку «для служебного пользования», за исключением тех случаев когда ему присваивается гриф «секретно» в связи с этим принимаются меры по защите информации и в ходе проведения контрольных мероприятий сотруднику необходимо проверять наличие, сохранность, способ и место хранения документов по антитеррористической защите объекта (территории).

Вневедомственная охрана, являясь структурной частью войск национальной гвардии наделена полномочиями по организации контроля за выполнением требований. Так Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 марта 2015 года № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)», «контроль за выполнением требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) возлагается на территориальные органы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и осуществляется путем проведения документарных и выездных проверок антитеррористической защищенности объектов (территорий), которые могут носить плановый и внеплановый характер»[3].

В соответствии с Методическими рекомендациями Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации 075-2018 плановая проверка объектов (территорий), подлежащих обязательной охране, проводится 1 раз в год в соответствии с планом-графиком проведения плановых проверок антитеррористической защищенности объектов (территорий). Ежегодный план-график утверждается руководителем территориального органа Росгвардии (лицом, его замещающим) до 1 декабря года, предшествующего году проведения таких проверок, и размещается в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее 31 декабря года, предшествующего году их проведения на официальном сайте территориального органа Росгвардии». Согласно Постановлению Правительства № 272, о проведении плановой проверки антитеррористической защищенности объектов (территорий) правообладатели объектов уведомляются территориальным органом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации посредством направления копии распоряжения или приказа руководителя этого территориального органа о начале проведения плановой проверки заказным почтовым отправлением с уведом-

[1] См.: *Байбаков Ю.Г.* Комментарий к Федеральному закону от 26 февраля 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Феникс, 2016. С. 2.

[2] См., например: *Соболева Ю.В., Фаисханов Р.Р.* Оборот списанного оружия: проблемы правового регулирования // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г.) / ответственный редактор А.И. Каплунов. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 144.

[3] См.: Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» (в ред. 29 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2015. № 14, ст. 2119; 2020. № 32, ст. 5286.

лением о вручении в срок не позднее 3 рабочих дней до начала ее проведения.

Таким образом, основная задача сотрудников, отвечающих за проведение проверки на данном этапе, максимально подготовить правообладателя объекта к предстоящей проверке, ведь конечной целью является сохранение жизни и здоровья людей.

Срок проведения плановых и внеплановых проверок антитеррористической защищенности объектов (территорий) не может превышать 30 рабочих дней.

По результатам проведения плановой или внеплановой проверки антитеррористической защищенности объектов (территорий) должностными лицами, проводящими плановую или внеплановую проверку антитеррористической защищенности объектов (территорий), составляется акт по установленной форме в двух экземплярах[1].

Типовая форма акта проверки устанавливается Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации и представляет собой сокращенную версию паспорта безопасности.

Необходимо отметить, что для объектов подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии предусмотрены дифференцированные требования в зависимости от категории. Это требования к инженерно-технической укрепленности объектов (территорий), к применяемым на объектах (территориях) техническим средствам охранной, тревожной и пожарной сигнализации, контроля и управления доступом, оповещения и охранного освещения, а также к инфраструктуре физической охраны объектов (территорий), что является не только превентивными мерами борьбы с терроризмом, но и обеспечивает защиту объекта от иных преступных посягательств.

Для участия сотрудников вневедомственной охраны в проведении экспертной оценки, решением начальника территориального органа Росгвардии или подразделения вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации назначаются сотрудники вневедомственной охраны из числа наиболее подготовленных, обладающих необходимой квалификацией в установленной сфере деятельности и имеющих соответствующий допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Ко всему прочему, стоит отметить, что данное направление деятельности является по сути проведением экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности. Участие сотрудников Росгвардии в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности охраняемых объектов (территорий) регламентировано Приказом Росгвардии от 17 июля 2017 г. № 219 и заключается в процессе установления ими соответствия состояния антитеррористической защищенности и инженерно-технической укрепленности охраняемых объектов (территорий) предъявляемым требованиям.

В ходе проведения проверки сотруднику необходимо изучить конструктивные особенности, месторасположения объекта (территории), а также применяемые на объекте технические средства охраны. При наличии на объекте (территории) физических постов охраны, изучаются особенности выставления сотрудников охраны, график несения службы и прочее. При проведении обследования проводится сравнительный анализ фактического состояния объекта с данными, отраженными в паспорте безопасности.

В контексте постановления Правительства Российской Федерации от 25 марта 2015 года № 272, деятельность сотрудников вневедомственной охраны описана весьма детально и в повседневной деятельности не вызывает затруднений.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что деятельность сотрудников вневедомственной охраны по обеспечению контроля за выполнением требований антитеррористического законодательства, является необходимой для безопасного и стабильного развития общества и государства.

Цвелих А.М.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Николайченко В.В., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

РАССЛЕДОВАНИЕ СОЗДАНИЯ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ): ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Преступная деятельность преступных сообществ (преступных организаций) стала глобальной проблемой современности и серьезнейшей угрозой безопасности социального, экономического, политического и в целом государственного развития России. Поэтому борьба с данным видом преступности представляет собой важнейшую задачу для правоохранительных органов. В связи с этим актуальным представляется определение практических рекомендаций по расследованию создания преступных сообществ (преступных организаций) в современных условиях.*

Ключевые слова: *криминалистика, расследование, ст. 210 УК РФ, преступное сообщество, преступная организация, организованная преступность.*

Tsvelikh A.M.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Nikolaychenko V.V. PhD, professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» (в ред. 29 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2015. № 14, ст. 2119; 2020. № 32, ст. 5286.

INVESTIGATION OF THE CREATION OF A CRIMINAL COMMUNITY(CRIMINAL ORGANIZATION): PRACTICAL RECOMMENDATIONS IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The criminal activity of criminal communities (criminal organizations) has become a global problem of our time and a serious threat to the security of the social, economic, political and overall state development of Russia. Therefore, the fight against this type of crime is a major task for law enforcement agencies. In this regard, the definition of practical recommendations for the investigation of the creation of criminal communities (criminal organizations) in modern conditions is relevant.*

Keywords: *criminalistics, investigation, ar. 210 of the Criminal Code, criminal community, criminal organization, organized crime.*

Преступные сообщества (преступные организации) являются наиболее опасными формами организованной преступности, они проникают во все сферы общества, овладевают влиянием в экономической и политической областях жизни страны, их лидеры нацелены на извлечение максимальной финансовой и иной материальной выгоды и ради этого готовы на самые циничные и жестокие преступления. Преступные сообщества (преступные организации) растут количественно и качественно, становятся более организованными и профессиональными. Они развивают свою инфраструктуру, оснащаются новейшей техникой, имеют собственные службы безопасности, штат юристов, связи в государственных и правоохранительных органах. Подготавливаемые ими преступные деяния тщательно профессионально планируются, постоянно совершенствуются способы сокрытия следов преступления, возрастает противодействие, оказываемое преступными сообществами и организациями органам правоохранительной деятельности. Обладание большими возможностями позволяет таким организованным преступным группам длительно оставаться безнаказанными.

Правоохранительные органы до сих пор не способны оказывать в полной мере эффективное противодействие этой форме организованной преступности. Одна из причин невысокой результативности заключается в недостаточном исследовании вопросов, связанных с созданием преступных сообществ (преступных организаций) с позиции криминалистики. Органы предварительного следствия, суд и другие подразделения, призванные бороться с организованной преступной деятельностью, продолжают испытывать сложности в налаживании эффективного раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ и нуждаются, в первую очередь, в разработке надежного методико-криминалистического обеспечения их деятельности.

Несмотря на то, что криминалистикой в целом накоплен определенный теоретический и практический материал по методике расследования создания преступных сообществ (преступных организаций), ряд вопросов как в теоретическом, так и методическом плане нуждаются в дальнейших исследованиях, некоторые проблемы требуют больше внимания.

Проблема недостаточной обеспеченности в криминалистических методических рекомендациях по расследованию организации преступных сообществ (организаций) остается актуальной в связи с тем, что участники преступных формирований все чаще обладают особыми профессиональными преступными качествами, хорошо знакомы с оперативно-розыскной и следственной практикой, способны оказывать противодействие следствию и уходят от уголовной ответственности. Требуется усовершенствование научно-обоснованных криминалистических рекомендаций и соответствующей частной методики расследования преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, чтобы облегчить сбор, исследование и сохранение доказательств, расследование в целом. В данной связи представляется необходимым исследование, имеющее своей целью определение практических рекомендаций по расследованию создания преступных сообществ (преступных организаций) в современных условиях.

Исследование трудов авторитетных ученых, таких как О.А. Берзин, А.В. Бутырская, С.Э. Воронин, А.А. Галушкин, В.Г. Гриб, О.Д. Жук, С.В. Зуев, Г.М. Меретуков, В.В. Меркурьев, А.И. Романов, В.В. Романюк, Р.А. Степовой и других, позволяет сформулировать следующие выводы и практические рекомендации по расследованию, которые основываются на глубоких особенностях организованных криминальных формирований современной России.

1. При расследовании организации преступного сообщества (преступной организации) субъекты расследования могут пойти тремя путями. Криминальные сообщества имеют достаточно сложную иерархическую структуру и многочисленные запутанные скрытые связи. В этой связи необходимо как можно более оперативное получение информации о лидерах и наиболее активной части преступного формирования, чтобы нанести внезапный удар по «мозговому центру» сообщества, изолировать его коррумпированных сообщников, дезорганизовать всю преступную деятельность, включая и по противодействию расследования. Таков первый путь. Как альтернатива предыдущей рекомендации в иных случаях более эффективно пойти путем снизу вверх, т.е. постепенно устанавливать всю многоступенчатую преступную цепь с заключительным выходом на ее иерархическую вершину. Второй вариант подходит для расследования организации преступного сообщества, в котором имеется особая система безопасности, направленная на сохранение лидеров и их ближайшего окружения. В рамках третьего пути возможно объединение двух изложенных выше тактик в одну комплексную. В такой будут оптимально сочетаться самые эффективные приемы и методы расследования и учитываться все слабые и сильные стороны организационной структуры криминальных формирований[1].

[1] См., напр.: *Жук О.Д.* Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций): монография. М.: Инфра-М, 2004. С. 102; *Берзин О.А.* Свойства преступных организаций и принципы их функционирования как осно-

2. Расследование должно производиться только хорошо укомплектованными специализированными следственно-оперативными группами, в состав которых входят профессионально подготовленные сотрудники, с руководителями в лице специалистов высокого уровня.

3. В основе процесса расследования рассматриваемого вида преступлений должен лежать комплекс тактических операций, нацеленных прежде всего на решение важных промежуточных задач, постепенно и последовательно ведущих к достижению главной цели.

4. Важная роль отводится использованию конфликтного состояния в мире организованной преступности между различными преступными группировками. Конфликтные ситуации необходимо грамотно выявлять, изучать и использовать, безусловно, без нарушений правовых, процессуальных и нравственных норм. Кроме того, и сами лидеры преступных группировок в определенных случаях могут идти на контакт и сотрудничество с правоохранительными органами (как правило при перерастании конфликтов между группировками в вооруженные столкновения, при опасении за свою жизнь)[1].

5. Необходимо умело выявлять информацию об оперативной обстановке, относительной стабильности зоны (сфера, хозяйства территория и т.д.), стандартности условий и способов преступной деятельности, заранее создавать источники негласной информации. Это дает возможность, во-первых, выбрать благоприятный момент для начала расследования, во-вторых, облегчит создание конспиративной сети устойчиво действующих источников и каналов оперативной информации, в-третьих, своевременно пресечь и предотвратить преступную деятельность криминальных сообществ и совершение ими новых готовящихся преступлений[2].

6. В оперативно-розыскной и следственной работе необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- большинство криминальных формирований как уголовной, так и экономической направленности не придерживаются жесткой территориальной и функциональной дифференциации;
- в плохо освоенных сферах антиобщественной деятельности преступники не успевают приобрести криминальный профессионализм, а на «новых» территориях не успевают установить полезные связи, что приводит к многочисленным сбоям, утрате ими обычной латентности[3].

7. Следователь должен всегда учитывать опасность расшифровки источников негласной информации, очень тщательно продумывая все возможные варианты, планируя и реализуя вместе с оперативными работниками оптимальные меры конспирации.

8. Важнейшая роль должна отводиться использованию криминалистической и специальной техники. Особенно таких методов как фотографирование, киносъемка и звукозапись. Большое тактико-психологическое значение имеет применение специальной техники при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий: скрытых кино– и видеокамер, звукозаписывающих устройств, других средств наблюдения и фиксации[4].

9. В расследовании преступлений, совершенных организованными формированиями, особое место занимают прослушивание телефонных переговоров и контроль за корреспонденцией[5].

10. Успешное расследование сложных уголовных дел рассматриваемой категории в конечном счете зависит от результатов «борьбы за информацию». При правильных и своевременных запросах пользователей, при постоянном и четком обновлении и расширении банков данных следователи могут получить чрезвычайно полезную дополнительную информацию для построения перспективных версий, успешного выявления, установления и поиска виновных лиц[6].

11. Оптимизация борьбы с преступностью и прежде всего с ее организованными формами и направлениями во многом зависит от создания надежной системы информационного обеспечения следователей и оперативных работников[7].

Таковы практические рекомендации по расследованию создания преступных сообществ (преступных организаций) в современных условиях.

ва изучения организованной преступной деятельности // Современные проблемы юридической науки и практики: сб. науч. тр. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2005. Вып. 4. С. 160.

[1] См., напр.: *Меретуков Г.М.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями): учебное пособие. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2010. С. 119; *Воронин С.Э., Воронина Е.С., Железняков А.М.* Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты. Красноярск : НОУ ВПО СИБУП, 2015. С. 114.

[2] См.: *Романов А.И.* Первоначальный этап расследования уголовных дел об организации преступного сообщества: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 83.

[3] См., напр.: *Гриб В.Г.* Характеристика и особенности личности лидеров и участников преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах // Правотворчество и правоприменительный процесс в современной России. М.: МФПА; Маркет ДС, 2007. Вып. 1. С. 159; *Зуев С.В.* Борьба с организованной преступностью: нужны надлежащие правовые средства // Законность. 2011. № 3. С. 29.

[4] См.: *Галушкин А.А.* Некоторые особенности оперативно-розыскной методики раскрытия и расследования преступлений организованных преступных сообществ // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87). С. 234.

[5] См.: *Романюк В.В.* Расследование организации преступного сообщества (преступной организации) : криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 97.

[6] См.: *Меркурьев В.В.* Способы преодоления противодействия расследованию организации преступного сообщества (преступной организации) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 139.

[7] См.: *Бутырская А.В.* Методика расследования создания преступного сообщества (преступной организации) : дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 76.

Цекало И.И.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Фаст О.Ф., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу практики применения судами положений главы 29 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих вопросы изменения и расторжения договора, актуальность которого обусловлена практикой применения судами положений названной главы, связанной с увеличением числа дел о рассмотрении споров об изменении и расторжении договора в связи со сложной экономической ситуацией в стране.*

Ключевые слова: *договор, изменение договора, расторжение договора, существенное нарушение договора, существенное изменение обстоятельств.*

Tsekalo I.I.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Fast O.F. Ph. D., associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CURRENT ISSUES OF UNILATERAL CHANGES TO THE TERMS OF THE AGREEMENT AND TERMINATION OF THE AGREEMENT

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the practice of the courts' application of the provisions of Chapter 29 of the Code of the Russian Federation, the regulated issues of amendment and termination of the contract, the relevance of which is due to the practice of the application by the courts of the provisions of the said chapter, used in the structure of the number of cases on consideration of disputes on amendment and termination of the contract in connection with a difficult economic the situation in the country.*

Keywords: *modification of the contract, termination of the contract, significant change in circumstances.*

В соответствии с принципом надлежащего исполнения обязательств и недопустимости одностороннего отказа от их исполнения, отечественным гражданским законодательством установлено, что согласно ст. 450 ГК РФ[1] договор может быть изменен и расторгнут лишь в исключительных случаях, а именно по соглашению сторон; при существенном нарушении договора другой стороной, а также в иных случаях, предусмотренных законом или договором.

Невозможно не согласиться с Кабалкиным А.Ю., который утверждает, что «изменение договора означает, что при сохранении его силы в целом, то или иное условие либо некоторые из них, в том числе связанные с исполнением договорных обязанностей, формируются по-новому, по сравнению с тем, как это было зафиксировано первоначально при заключении договора. Расторжение же договора всегда приводит к его досрочному прекращению. Несмотря на различные правовые последствия, к которым должно привести каждое из этих действий, правила о них в значительной степени совпадают потому сосредоточены в одной группе норм в ГК»[2]. Так согласно Гл.29 ГК РФ изменение или расторжение договора возможно по соглашению сторон, или же в одностороннем порядке, посредством уведомления другой стороны о своих намереньях, а также в судебном порядке[3].

Согласно принципу реального исполнения обязательства принятые сторонами договора обязательства надлежит исполнять или прекратить иным способом, допускаемым законом, в связи с этим п. 1 ст. 310 ГК РФ содержит положения, согласно которым одностороннее изменение условий договора не допускается, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством.

Согласование права на одностороннее изменение условий договора возможно, согласно п. 2 ст. 310 ГК РФ только между субъектами, обладающими имеющими равные возможности, так стороны обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть право на одностороннее изменение условий обязательства. Так согласно решению Арбитражного суда Самарской области по гражданскому делу № А55-39581/2019 от 06.10.2020 п. 6.3 Договора аренды № 18 от 06.11.2018[4] заключенного между общество с ограниченной ответственностью «Дизайн.Строительство» и обществу с ограниченной ответственностью «Интерьеры и Фасады» , согласно которому «любая из Сторон вправе в любое время в одностороннем внесудебном порядке отказаться от исполнения настоящего Договора с обязательным предварительным уведомлением другой Стороны за 10 (десять) дней до даты фактического прекращения Договора» признан законным, в связи с тем, что обе стороны осуществляют предпринимательскую деятельность и потому равны в своих возможностях. В обязательствах в которых лишь одна сторона осуществляет предпринимательскую деятельность, такое право предоставляется более уязвимой стороне обязательства, следовательно обязательство между сторонами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, договор может

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. от. 29.07.2017 № 259-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301; 2017. № 31 (Часть I), ст. 4808.

[2] См.: *Кабалкин А.Ю.* Гражданско-правовые договоры в России. Общие положения. Курс лекций. М.: Юридическая литература, 2002. С.82.

[3] См.: *Алексеева О.Г., Аминов Е.Р., Бандо М.В. и др.* Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. С.143-144.

[4] См.: Решение Арбитражного суда Самарской области по гражданскому делу № А55-39581/2019 от 06.10.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL.: https://sudact.ru/arbitral/doc/XdbjBsvV7nJN/ (дата обращения: 21.03.2021).

предусматривать право каждой стороны на одностороннее изменение условий договора.

Суд в праве удовлетворить исковые требования одной из сторон об изменении или расторжении договора, только в случае существенного нарушения договора другой стороной, которое влечет причинение ущерба, при котором сторона лишается всего того, на что она могла бы рассчитывать при заключении договора. Так, например, согласно ст. 619 ГК РФ[1] по требованию арендодателя договор аренды может быть досрочно расторгнут судом в случаях, когда арендатор:

- Во-первых, пользуется имуществом с существенным нарушением условий договора или назначения имущества либо с неоднократными нарушениями, так согласно решению арбитражного суда Омской области[2], суд удовлетворил требования истца о расторжении договора аренды А3-20-13-5/2016 от 29.04.2016, заключенного между Администрацией Надеждинского сельского поселения Омского муниципального района Омской области и обществом с ограниченной ответственностью «Сибагрохолдинг» о расторжении договора аренды в виду того, что арендатор пользуется имуществом (земельным участком) с существенным нарушением условий договора или назначения имущества либо с неоднократными нарушениями; существенно ухудшает имущество (земельный участок). Так материалами дела подтвержден факт того, что в соответствии с подпунктом 5 пункта 4.2. договора арендатор обязан обеспечивать надлежащее санитарное состояние и внешнее благоустройство на прилегающей и закрепленной территории, обеспечивать пожарную безопасность. Вместе с тем, в нарушение условий договора арендатором на протяжении длительного времени не обеспечивается соблюдение вышеуказанных обязанностей, что привело 18 апреля 2020 года к распространению открытого огня в связи с тем, что участок не обрабатывается, зарастает сорной, травянистой растительностью высотой около 1 метра, что подтверждается актом осмотра;
- Во-вторых, существенно ухудшает имущество;
- В-третьих, более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа не вносит арендную плату, так определением Верховного Суда РФ[3], оказано в передаче кассационной жалобы ООО «ТДК» для рассмотрения в судебном заседании СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ, в виду того, что арендатор в течение длительного периода времени (более двух раз подряд) надлежащим образом не исполнял свои обязательства по оплате арендных платежей, что является существенным нарушением условий договора аренды, суд пришел к выводу о том, что арендодатель правомерно на основании пункта 10.3 договора в одностороннем порядке расторг договор аренды. В данном случае возникает вопрос не нарушает ли данное судебное решение принципа «справедливости и добросовестности» гражданско-правовых правоотношений. Так по мнению Фаст О.Ф.[4], оценка, данная судом наиболее объективна, в виду того, что каждая из сторон договора оценивает ситуацию с позиции удовлетворения своего интереса, суд же выступая третьей незаинтересованной стороной может свободно рассуждать о «справедливом», «разумном» осуществлении «необходимых дополнительных действий», «необходимого содействия», в данном случае суд справедливо отмечает отсутствие в действиях арендодателя злоупотребления правом, т.к. последним были направлены письменные предупреждения арендатору о необходимости исполнения обязательств в разумные сроки.
- В-четвертых, не производит капитального ремонта имущества в установленные договором аренды сроки, а при отсутствии их в договоре в разумные сроки в тех случаях, когда в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором производство капитального ремонта является обязанностью арендатора, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством или условиями договора.

В равной степени право на одностороннее расторжение договора предусмотрено и для арендатора ст. 620 ГК РФ:

- Во-первых, если арендодатель не предоставляет имущество в пользование арендатору либо создает препятствия пользованию имуществом в соответствии с условиями договора или назначением имущества;
- Во-вторых, если переданное арендатору имущество имеет препятствующие пользованию им недостатки, которые не были оговорены арендодателем при заключении договора, не были заранее известны арендатору и не должны были быть обнаружены арендатором во время осмотра имущества или проверки его исправности при заключении договора;
- В-третьих, если арендодатель не производит являющийся его обязанностью капитальный ремонт имущества в установленные договором аренды сроки, а при отсутствии их в договоре в разумные сроки;
- В-четвертых, если имущество в силу обстоятельств, за которые арендатор не отвечает, окажется в состоянии, не пригодном для использования.

При оценке существенности нарушения суд должен оценивать весь комплекс обстоятельств, пытаясь соизмерить такую радиальную меру, как расторжение договора, с последствиями и характером нарушения и найти наиболее справедливое решение[5]. Данное суждение всецело подтверждается решением Ставропольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 09.09.2020[6] согласно которому Администрация муниципального райо-

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изм. от. 09.03.2021 № 33-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 5. ст. 410; Российская газета. № 52.2021;

[2] См.: Решение Арбитражного суда Омской области по гражданскому делу А46-8608/2020 от 06.10.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL.: https://sudact.ru/arbitral/doc/scBE1nuP5e5C/ (дата обращения: 21.03.2021).

[3] См.: Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № А67-13353/2019 от 10 марта 2021 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL.: https://sudact.ru/vsrf/doc/MpCnYX2shGrv/?vsrf-txt=Судья+Верховного+Суда+Российской+Федерации+Попов+В.В. 1616520119771 (дата обращения: 21.03.2021).

[4] См.: *Фаст О.Ф.* Категория «справедливость» в некоторых гражданских правоотношениях // Вестник СГЮА. 2019. № 6 (131). С.140-143.

[5] См.: *Аблятипова Н.А., Шабнова А.В.* Особенности изменения и расторжения договора по решению суда // Colloquium-journal. 2019. № 3-4 (27) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izmeneniya-i-rastorzheniya-dogovora-po-resheniyu-suda (дата обращения: 23.03.2021).

[6] См.: Решение Ставропольского районного суда г. Тольятти Самарской области по гражданскому делу № 2-1641/2020 от 09.09.2020 г. //

на Ставропольский Самарской области предъявила иск к Вечкановой Елене Сергеевне о расторжении договора аренды земельного участка № от 14.12.2012г. и взыскании задолженности по договору аренды, указав при этом, что между администрацией и Варламовой А.А. на основании распоряжения администрации муниципального района Ставропольский Самарской области № от ДД.ММ.ГГГГ. был заключен договор аренды земельного участка площадью 94880 м2, сроком на 5 лет для производства и хранения сельскохозяйственной продукции. Через пять лет срок действия договора земельного участка закончился, однако, после его окончания, ответчик Варламова А.А. продолжила пользоваться указанным земельным участком, этот земельный участок у нее не изымался, по договору Администрацией муниципального района Ставропольский Самарской области (арендодателем) начислялась арендная плата по договору земельного участка, что подтверждается актами сверки за период с 25.09.2014г. по 21.07.2020г., за 14.08.2020г., уведомлением о размере арендной платы по договору аренды земельного участка с 01.01.2019г., предоставленными стороной истца. По истечении срока договора аренды земельного участка такой договор прекращает свое действие, но т.к. по истечении срока аренды Варламова А.А. продолжила пользоваться земельным участком при отсутствии возражений со стороны арендодателя, на основании части 1 статьи 46 Земельного кодекса РФ и пункта 2 статьи 621 ГК РФ договор аренды от 14.12.2012г. был возобновлен на тех же условиях на неопределенный срок . В силу п. 2 ст. 450 ГК РФ по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только: при существенном нарушении договора другой стороной; в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами или договором. Статьей 619 ГК РФ предусмотрено, что по требованию арендодателя договор аренды может быть досрочно расторгнут судом в случае не внесения арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока. 31.05.2019г. в адрес Варламовой А.А. было направлено уведомление о размере арендной платы по договору аренды земельного участка, согласно которому с 01.01.2019 арендная плата в год составляет 27 420,32 рублей. В ходе судебного разбирательства Варламовой А.А.. была полностью погашена задолженность перед администрацией муниципального района Ставропольский Самарской области по арендной плате и пеням по договору аренды. Указанные истцом (Администрацией) обстоятельства свидетельствуют о том, что предупреждение о расторжении договора от 14.12.2012г. в адрес ответчика Варламовой А.А. сделано одновременно с предупреждением о необходимости исполнения арендатором обязательства в разумный срок, что является нарушением указанных выше норм права. Достоверных доказательств того, что истцом до направления уведомления о расторжении договора аренды выполнены требования ст. 619 ГК РФ, предусматривающей направление арендатору письменного предупреждения о необходимости исполнения им обязательства по внесению арендной платы в разумный срок и позволяющее ответчику надлежащим образом исполнить требование истцов, суду представлено не было. В связи с чем, суд приходит к выводу, что истец, заведомо рассчитывая на неисполнение обязательств по внесению платежей по арендной плате в разумный срок, сразу же направил уведомление о расторжении договора аренды. Суд принимает во внимание сведения, предоставленные администраций по использованию земельного участка. Между тем, каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что действиями ответчика Варламовой А.А. администрации муниципального района Ставропольский Самарской области был причинен ущерб, что истец в значительной степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора, стороной истца суду не представлено, равно как и не представлено доказательств, которые в их совокупности подтверждали бы существенные нарушения ответчиком условий договора аренды.

Также истец не представил доказательств того, что имеются обстоятельства, исключающие возможность использования арендатором земельного участка для целей, для которых он был ему предоставлен. Кроме того, истец не обосновал соразмерность допущенного арендатором нарушения, которое в настоящее время устранено, выбранному способу самозащиты, направленному на досрочное прекращение правоотношений, вытекающих из договора аренды. При этом ведение Варламовой А.А. хозяйственной деятельности на спорном участке, лишь подтверждает намерения ответчика использовать арендованный земельный участок.

Таким образом, проанализировав представленные сторонами доказательства по правилам ст. 67 ГПК РФ, суд не находит оснований для удовлетворения уточненных исковых требований администрации муниципального района Ставропольский Самарской области и расторжении договора аренды земельного участка.

Основанием для изменения или расторжения договора, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа, выступает существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора[1]. Так согласно п. 1 ст. 451 ГК РФ изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях, таковыми могут выступать только те обстоятельства, которые стороны договора не могли предвидеть. Суды, рассматривая конкретные дела, основываются на том, что стороны договора при заключении долгосрочных договоров должны прогнозировать возможные потери и убытки, осознавая риск изменения обстоятельств, в которых будут исполняться обязательства. Например, в соответствии с решением Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 24.11.2019[2] суд считает, что изменение имущественного положения заемщика не является существенным из-

Судебные и нормативные акты РФ. URL.: https://sudact.ru/regular/doc/HDNTCGxXD6oT/?regular (дата обращения: 21.03.2021).

[1] См.: *Егорова М.А.* Некоторые особенности реализации прав на изменение и расторжение договора в российском праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 4 (56). С.236-242.

[2] См.: Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края по гражданскому делу № 2-7204/16 от 24.11.2019 // Судебные и нормативные акты РФ. https://sudact.ru/regular/

менением обстоятельств и, соответственно, основанием для изменения кредитного договора служить не может. Так как принимая решение заключить кредитной договор в валюте заемщик должен был осознавать правовые последствия получения кредитных средств и необходимость их возврата, т.е. оценивать свою платежеспособность и предполагать связанные с этим финансовые риски, а именно повышение курса доллара США не изменило предмет кредитного договора и обязательства сторон по нему. Доход Заемщика (либо его изменение) и экономическая ситуация в стране не являлись условием заключения кредитного договора и условием исполнения обязательств, в связи с тем, что обязательства по возврату кредита возникают вне зависимости от указанных обстоятельств, а при его получении. С позиции большинства граждан данный подход к разрешению подобной ситуации, может показаться несправедливым, в виду того, что граждане при понимании того, что справедливо, а что нет, ориентируются на потребность реализовать или защитить свои личные интересы, на жизненный опыт. Правоведы расценивают категорию справедливости иначе, так Фаст О.Ф. расценивает данное понятие как готовность и способность субъекта правоотношений определять меру своих возможностей реализовывать и защищать свои права и интересы посредством существующих в государстве механизмов[1]. Следовательно, предоставление законодателем права истцу на подачу искового заявления, свидетельствует о справедливом подходе в урегулировании данных правоотношений, т.к. в момент заключения кредитного договора как кредитор, так и должник несут единые финансовые риски, а именно кредитор не дополучить в полной мере того, что предоставил, а должник передать сверх установленной нормы.

Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств может прямо предусмотрено нормой закона, так согласно п. 6 ст. 709 ГК РФ при существенном возрастании стоимости материалов и оборудования, предоставленных подрядчиком, а также оказываемых ему третьими лицами услуг, которые нельзя было предусмотреть при заключении договора, подрядчик имеет право требовать увеличения установленной цены, а при отказе заказчика выполнить это требование, имеет право требовать расторжения договора в одностороннем порядке. Таким образом, случаи существенного изменения обстоятельств дают подрядчику право при отказе заказчика от увеличения стоимости работ требовать только расторжения договора. Подобная позиция отражена в решении Вятскополянского районного суда Кировской области от 18.09.2019 года[2], так между ИП Стешовым А.В. и Подрезовым А.Н. был заключен договор строительного подряда. Сроки начала и окончания работ были сдвинуты по обстоятельствам, зависящим от заказчика, который не мог долго урегулировать отношения с жильцами дома, препятствовавшими строительству, и администрацией города, предлагавшей приостановить работы в связи с жалобами жильцов. В связи с зимними условиями, подрядчик вынужден был привлекать технику для земляных работ, что увеличило стоимость этих работ. Материалы закупались по мере готовности объекта, в связи с изменением сроков работ, стоимость материалов увеличилась. С заказчиком устно согласовывали и сроки, и стоимость дополнительных работ. Работы выполнены, оплата не произведена в полном объеме. В апреле 2017 г. перед завершением работ заказчику была направлена по электронной почте новая уточненная смета, в которой указаны дополнительные расходы. Однако ответчик до настоящего времени уклоняется от оплаты. Данное обстоятельство не отрицалось ответчиком в судебном заседании. В связи с этим суд частично удовлетворяет исковые требования истца, расторгнув ранее заключенный между сторонами договор, т.к. несогласие заказчика производить изменения ранее заключенного договора, вынуждает подрядчика требовать расторжения договора и взыскания суммы дола, неустойки и пени.

Согласно п. 2 ст. 451 ГК РФ если стороны договора не достигли соглашения о приведении договора в соответствие с существенно изменившимися обстоятельствами или о его расторжении, договор может быть расторгнут или изменен по требованию одной из сторон судом при наличии одновременно следующих условий:

- Во-первых, в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;
- Во-вторых, изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;
- В-третьих, исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;
- В-четвертых, из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Проанализировав предусмотренные законодателем условия можно прийти к выводу о том, что данные условия исключают возможность изменения или прекращения обязательства в связи с экономическими причинами, что подтверждается ранее приведенным решением Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 24.11.2019. В связи со сложившейся обстановкой мире, возникает вопрос могут ли быть признаны судом эпидемиологическая обстановка, ограничительные меры или режима самоизоляции существенное изменение обстоятельств, являющимся основанием для изменения или расторжения договора?[3] На наш взгляд

doc/71ShNfsKH9bN/?regulartxt=ПАО+МОСОБЛБАНК (дата обращения: 21.03.2021).

[1] См.: *Фаст О.Ф.* Проблема справедливости, как предмет гражданско-правового исследования // Вестник СГЮА. 2019. № 1 (126). С.123-127.

[2] См.: Решение Вятскополянского районного суда Кировской области по гражданскому делу № 2-600/2019 от 18.09.2019 // Судебные и нормативные акты РФ. https://sudact.ru/regular/doc/PnjmzOSTspQ1/?regular-txt=Индивидуальный (дата обращения: 21.03.2021).

[3] См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию рас-

стороны при должной степени заботливости не могли предвидеть подобного стечения обстоятельств, кроме того, при принятии решений об удовлетворении исковых заявлений необходимо указывать каким общественным интересам противоречит расторжение договора либо обосновывать значительный ущерб сторон от расторжения договора в соответствии с п. 4 ст. 451 ГК РФ

Правовое регулирование одностороннего изменения условий договора и расторжения договора идентично, несмотря на различие правовых последствий данных правоотношений, что подтверждается многочисленной судебной практикой, вызванной сложной экономической ситуацией в стране. Актуальность данного вопроса подтверждается, разнообразием судебных решений, что свидетельствует о необходимости дальнейшей теоретической разработки данной темы.

Цинтынь В.С.
Обучающийся 2-го курса Института магистратуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
Научный руководитель: Захарьящева И.Ю. к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ФУНКЦИЯ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье раскрывается понятие функции защиты в российском уголовном процессе. Автором анализируется роль защитника в обеспечении и реализации функции защиты в состязательном уголовном судопроизводстве с учетом конституционных гарантий права каждого на получение квалифицированной юридической помощи.*

Ключевые слова: *функция защиты, адвокат, защитник, уголовный процесс, защита прав и интересов подозреваемого и обвиняемого, исследование доказательств.*

Tsintin V.S.
2nd year student of the Institute of Magistracy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov State Law Academy”, Saratov
Supervisor: Zakharyasheva I.Y. Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “ Saratov State Law Academy», Saratov

DEFENSE FUNCTION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. *The article reveals the concept of the defense function in the Russian criminal process. The author analyzes the role of the defender in ensuring and implementing the function of protection in adversarial criminal proceedings, taking into account the constitutional guarantees of the right of everyone to receive qualified legal assistance.*

Keywords: *defense function, lawyer, defender, criminal procedure, protection of the rights and interests of the suspect and the accused, investigation of evidence.*

Уголовное судопроизводство как особый вид социально-правовой деятельности призвано обеспечивать, в том числе, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Состязательность как общий принцип организации и осуществления судопроизводства предполагает такое построение процесса, при котором функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. В соответствии с нормами уголовно-процессуального закона суд не является органом уголовного преследования, а стороны обвинения и защиты – равноправные участники судебного процесса (ст. 15 УПК РФ). Функция защиты как одна из основных функций российского уголовного процесса является многоаспектной деятельностью.

В современной юридической литературе понятие функции защиты рассматриваются в различных аспектах. Так, Н.А. Пастернак определяет функцию защиты как систему непротиворечащих закону отобранных и творчески применяемых субъектом защиты средств, приемов и действий по оспариванию либо опровержению обвинения, подозрения, выяснению обстоятельств, оправдывающих или смягчающих наказание, по охране его личных и имущественных прав и законных интересов[1].

По мнению И.А. Насоновой защита – это осуществляемая субъектами защиты совокупность действий, ориентированных на отстаивание прав и законных интересов лиц, предотвращение нарушения прав и законных интересов лиц или на восстановление уже нарушенных прав посредством осуществления полномочий, предусмотренных законом[2].

пространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2020.

[1] См.: *Пастернак Н.А.* Реализация функции защиты в уголовном судопроизводстве по действующему уголовно-процессуальному законодательству // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. Вып. 3. С. 169–171.

[2] См.: *Насонова И.А.* О системе средств уголовно-процессуальной защиты // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 3. С. 43–48.

Мы согласимся с мнением Е.В. Горбачевой, которая под функцией защиты понимает направление уголовно-процессуальной деятельности по защите прав и законных интересов лица, в отношении которого ставится вопрос о привлечении его к уголовной ответственности, по отысканию оправдывающих его обстоятельств и обстоятельств, смягчающих его ответственность[1].

Защита обеспечивается во всех стадиях уголовного судопроизводства, всеми средствами, способами, формами и методами, предписанными уголовно-процессуальным законом. Одним из основных субъектов, призванным защищать права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления является защитник.

Осуществляемая защитником функция защиты представляет собой направление деятельности, целью которой является оспаривание возникшего подозрения или предъявленного обвинения, выяснение обстоятельств, оправдывающих обвиняемого и подозреваемого или смягчающих их ответственность, а также оказание подозреваемому и обвиняемому необходимой юридической помощи[2].

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. На стадии предварительного расследования в качестве защитника выступает лицо, которое в установленном порядке получило статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, которая регламентируется Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». В судебном разбирательстве и на последующих судебных стадиях уголовного судопроизводства на основании постановления судьи или определения суда в качестве защитника могут быть допущены также и близкие родственники обвиняемого, круг которых определен законом, а равно иное лицо, не состоящее с последним в родстве.

Важно обратить внимание, что защитник подозреваемого или обвиняемого при реализации своей уголовно-процессуальной деятельности должен осуществлять эту деятельность таким образом, чтобы она не противоречила правам и интересам подозреваемого или обвиняемого. В противном случае данная деятельность будет считаться незаконной, противоречащей правам и интересам подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе и нарушающей их право на защиту (ст. 16 УПК РФ). То есть несмотря на то, что защитник обладает в уголовном судопроизводстве относительно самостоятельным статусом, осуществляемая им деятельность целиком обуславливается интересами подозреваемого и обвиняемого.

Для оказания юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) в выявлении оправдывающих его обстоятельств защитнику предоставлены права, перечисленные в ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Так, защитник вправе представлять доказательства, полученные от его подзащитного или истребованные через юридическую консультацию (справки, характеристики и т.п.). Защитник вправе участвовать в допросе обвиняемого и подозреваемого, производимых с их участием других следственных действиях. Наряду с этими правами защитник наделен правом собирать доказательства. Отметим, что полномочия по собиранию доказательств у защитника ограничены законом. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Кроме того, к полномочиям, усиливающим потенциал защитника в осуществлении деятельности по защите прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, относятся: а) право на привлечение специалиста; б) расширение возможностей по участию в следственных действиях; в) обеспечение доступа к более широкому кругу документов в ходе расследования; г) предоставление возможности по окончании расследования не только выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, но и снимать копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств; д) участие в заседаниях судов не только первой, но и вышестоящих инстанций (второй и надзорной); е) расширение круга обжалуемых действий и решений и предоставление возможности участвовать в их рассмотрении судом.

Предоставленные законом полномочия защитника, необходимые для реализации им функции защиты. В юридической литературе, в частности, Д.М. Берова условно разделяет их на три подфункции (частные функции):

1) первая подфункция – это участие защитника в доказывании, включает собирание и (или) предоставление доказательств, заявление ходатайств о получении (истребовании) дополнительных доказательств: допрос дополнительных свидетелей, назначение экспертизы и т.п.; участие в следственных действиях;

2) вторая подфункция – это оспаривание (опровержение) обвинения, которое представляет собой логическое обоснование своей позиции (оспаривание доказанности обвинения, свое истолкование доказательств, выдвижение версий и т.п.);

3) третья подфункция – это защита иных прав и интересов обвиняемого (подозреваемого), которая реализуется через обжалование им различных действий и решений, ограничивающих иные права обвиняемого (подозреваемого), оспаривание (обжалование) меры пресечения и иных мер процессуального принуждения (например, наложения ареста на имущество), обжалование нарушений иных прав подзащитного (например, нарушение сроков следствия и др.)[3].

[1] См.: *Горбачева Е.В.* Функции защиты как необходимый элемент состязательного процесса // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 55.

[2] См.: *Колоколов Н.А.* Адвокат в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2017. С. 9.

[3] См.: *Берова Д.М.* Функция защитника в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6. С. 54–61.

Н.А. Дмитриева отмечает, что в предварительном расследовании направлениями деятельности защитника являются: «частичное или полное опровержение факта совершения противоправного деяния подозреваемым (обвиняемым); утверждение, что данное преступление совершено не подозреваемым (обвиняемым); несогласие с уголовно-правовой оценкой деяния, инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому); проверка выдвинутых им версий; несогласие с избранной мерой пресечения; возражение против наличия или размеров материального ущерба, причиненного подозреваемым (обвиняемым); опровержение обстоятельств, отягчающих наказание; наблюдение за соблюдением всех процессуальных требований при осуществлении следственных действий и иных процессуальных действий[1]».

Е.В. Брянская, Н.Э. Шишкина указывают на необходимость активной позиции защитника и в ходе судебного следствия в целях обеспечения принципа состязательности. По их мнению, защитнику необходимо участвовать в исследовании доказательств, обеспечив непосредственность исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ), которая предполагает обязанность суда лично воспринять, рассмотреть и исследовать доказательства, на основании которых будет установлено наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном деле. Также активность должна проявляться и в прениях, где стороны обвинения и защиты на основе анализа исследованных в суде доказательств выдвигают свои доводы и аргументы в обоснование своей позиции[2].

Таким образом, можно сказать, что реализация предоставленных защитнику полномочий является процессуальной гарантией осуществления им всех своих функций.

Также, нельзя не сказать, что в юридической литературе высказываются мнения о том, что функция защиты осуществляется всеми участниками процесса, стороной защиты и стороной обвинения. Ученые считают, что 1) функция защиты едина по своей сути и осуществляется всеми участниками процесса; 2) участники процесса могут выполнять одновременно несколько функций; 3) функция защиты развивается независимо от функции обвинения; 4) необходимо разделять функцию защиты на государственно-правовом уровне.

Действительно суд защищает интересы сторон, прокуратура защищает интересы потерпевшего, но это не означает, что они выполняют функцию защиты. Суд осуществляет функцию правосудию, а деятельность следователя и прокурора направлена на изобличение виновного.

Поэтому, мы согласны с позицией авторов, считающих, что органы предварительного расследования, органы прокуратуры, суд непосредственно не осуществляют функцию защиты, при реализации своей функции они способствуют обеспечению и реализации функции защиты.

В заключение хотелось бы отметить, что функция защиты одна из основных и важных функций в российском уголовном процессе, реализация которой обеспечивается на всех стадиях уголовного процесса. Функция защиты способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, укреплению состязательной формы уголовного процессе, и прежде всего, защите конституционных прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого).

[1] Цит.по: *Дмитриева Н.А.* Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней института адвокатуры: автореф. дис… канд. юрид. наук. М., 2006. С. 28.

[2] См.: *Брянская Е.В., Шишкина Н.Э.* Особенности защиты в процессе доказывания при рассмотрении уголовных дел // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 107–114.

Цмиев А.А.

Студент института магистратуры Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Научный руководитель: Корнукова Е.В., доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера, к.ю.н., доцент Саратовской государственной юридической академии

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *Правовой статус личности – одна из наиболее важных категорий в юридической науке. Это объясняется тем, что он воплощает в себе сложную систему связей между государством, обществом, коллективом и гражданином. Данная категория затрагивает огромное количество правовых проблем, отражает степень развития прав и обязанностей, свободы и ответственности индивида, институтов демократии.*

Ключевые слова: *правовой статус личности, права и свободы, личность*

Zmiev A.A.

Student of the master's degree Institute Saratov state law Academy, Saratov

Supervisor: Kornukova E.V., associate Professor of the Department of constitutional law named after Professor I.E. Farber, candidate of legal Sciences, associate Professor of the Saratov state law Academy

THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL

Abstract. *The legal status of an individual is one of the most important categories in legal science. This is due to the fact that it embodies a complex system of relations between the state, society, the collective and the citizen. This category affects a huge number of legal problems, reflects the degree of development of rights and obligations, freedom and responsibility of the individual, and institutions of democracy.*

Keywords: *legal status of the individual, rights and freedoms, personality*

Правовой статус личности – это юридически закрепленное положение личности в обществе. Это определение является самым широким и общим. Все то, что гарантируется законодательством, юридически закрепляет в нем положение человека, составляет правовой статус граждан.

В переводе с латинского слово «статус» означает положение, состояние кого или чего-либо. В данной курсовой работе речь идет о положении, состоянии личности, человека, гражданина.

Юридически оформленные связи личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими, наиболее полно отражены в понятии правового статуса личности. В нем выражаются законные границы свободы личности, объем его прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности.

Известно, что кроме прав, обязанностей и свобод, правовой статус личности включает еще, к примеру, гражданство. Некоторыми особенностями обладает правовой статус мигрантов. У них есть определенные права и обязанности, но имеется и ряд ограничений. Так, в соответствии со ст. 14 ФЗ «о правовом положении иностранных граждан в РФ»[1], они не могут поступить на государственную, военную и даже на альтернативную гражданскую службу.

Г.В. Мальцев утверждал, что правовым можно назвать только то положение личности, которое закреплено в законах и иных подзаконных нормативно – правовых актах. В них законодатель закрепляет существование общих и равных для всех граждан прав, свобод и обязанностей, существующих вне правоотношений[2]. Эту же точку зрения разделяет А.С. Комаров, утверждая наличие у граждан равных прав и обязанностей вне конкретных правоотношений[3]. Считаем убедительной точку зрения, согласно которой правовое положение личности не зависит от правоотношений, возникающих между людьми. Он появляется гораздо раньше, чем соответствующие общественные связи. Уже с рождения человек обладает определенным правовым статусом, хотя и не вступает еще в общественные отношения.

Ядром правового статуса является конституционный статус личности. Он включает права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Следует отметить, что Конституция РФ и международно-правовые акты разделяют права человека и права гражданина на две разные категории. На территории РФ могут находиться и иностранцы, и лица без гражданства, не имеющие тех прав, которые предусмотрены в соответствии с гражданством. Понятие «человек» определяет его с биологической стороны как индивида с физиологическими свойствами, как представителя живого мира. Права человека – это мера возможного поведения, которая охраняется государством и направлена на удовлетворение потребностей каждого человека. Права человека принадлежат всем людям, а права граждан только тем, которые находятся в соответствующей политико-правовой связи с государством[4]. Например, право на жизнь имеют люди с любым правовым статусом, а право избирать и быть избранным только граждане РФ.

Кроме прав, свобод, обязанностей, закрепленных Конституцией, правовой статус гражданина включает гражданство.

Право юридически оформляет это положение, определяет его нормативно-правовые границы. Социальный и правовой статусы соотносятся как целое и часть. Социальный статус это реальное положение человека в обществе. Разница между этими двумя статусами заключается в том, что правовые статусы закрепляются юридически, а социальные не требуют законодательной регламентации. Например, друг. Это социальный статус. Он не закрепляется в нормативно-правовых актах и не влет юридических последствий. А пенсионер – это уже правовой статус. Со стороны государства данной категории лиц полагаются социальные гарантии, льготы, пенсии.

До возникновения государства социальный статус был, а правовой еще отсутствовал, поскольку там не было права.

Социальный статус личности – это положение человека в обществе, занимаемое им в соответствии с возрастом, полом, происхождением.

Каждая личность обладает огромным количеством статусов: отец, студент, преподаватель, общественный деятель и др.

Права человека не могут быть ограничены или отменены.

Данный принцип подразумевает признание прав и свобод человека неотчуждаемыми. Ч. 2 Ст. 55 Конституцией РФ запрещено издание нормативно – правовых актов, отменяющих или умаляющих права людей. Если будут существовать такие законы, то соответственно они будут противоречить Конституции РФ, а это недопустимо. И поэтому они подлежат отмене.

Этот принцип тесно связан с понятием правоспособность. Это способность лица иметь предусмотренные законом права и юридические обязанности. Человек обладает правоспособностью с рождения и не может быть лишен ее.

Признаки правового статуса личности:

1) Юридическое закрепление в нормативно – правовых актах. Правовой статус личности находит свое отражение в российском законодательстве. В Конституции РФ, в международно-правовых актах закрепляются права, свободы и обязанности личности.

2) Выражает легальные пределы свободы личности, объем его прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности.

3) Наличие правового статуса влечет юридические последствия.

М.Н. Марченко определяет правовой статус как «законодательно установленные и взятые в единстве права, свободы и обязанности личности»[5].

---

[1] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. Ст. 14.

[2] *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы) М., 1968. С. 82

[3] *Комаров С.А.* Личность в политической системе российского общества. Саранск, 1995. С. 28.

[4] *Снежко О.А.* Государственная защита прав граждан. М., 2005.

[5] Общая теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. С. 78.

В.А.Кучинский отмечает, что элементы правового статуса обладают всеобщностью, масштабностью, а правовой статус соответственно их объединяет. На основе этих факторов определяются границы правового положения конкретных лиц[1].

Раскрывая понятие правового статуса, мы тем самым характеризуем роль личности в обществе, ее возможности, взаимоотношения с другими людьми, с государством.

Цух И.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Шуршалова Е.С., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Положения Конституции Российской Федерации, регулирующие отношения в сфере миграционных процессов, регламентируют на конституционном уровне значительный объем прав и свобод личности, а также официально устанавливают принцип приоритета международных норм-стандартов о правах человека перед национальным законодательством. В статье рассматриваются основные конституционные положения, регулирующие процессы миграции в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, правовое регулирование, миграция*

Tsukh I.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Shurshalova E.S. PhD, Assistant professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The provisions of the Constitution of the Russian Federation regulating relations in the field of migration processes regulate at the constitutional level a significant amount of individual rights and freedoms, and also formally establish the principle of priority of international norms and standards on human rights over national legislation. The article examines the main constitutional provisions governing migration processes in the Russian Federation.*

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, legal regulation, migration*

Уважение прав человека, а также недопустимость их нарушения – это один из фундаментальных принципов международного права, закрепленный в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г.

Конституция Российской Федерации признает общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью правовой системы Российской Федерации, и, кроме того, устанавливает приоритет правил международного договора перед национальным законодательством[2].

Данные правила прямо распространяются на следующие документы: Конвенция о статусе беженцев (и Протокол к ней от 1967 г.); Всеобщая декларация прав человека; Декларация прав и свобод человека; Декларация прав человека и гражданина; ряд иных международных договоров и соглашений.

Следует сказать, что систематизация российского законодательства в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права началась еще до принятия действующей Конституции Российской Федерации, в 90-е годы прошлого столетия.

Нормы Конституции Российской Федерации, которые осуществляют правовое регулирование миграции, условно возможно подразделить на две группы.

К первой группе следует относить правовые нормы, которые признают права человека, которые прямо или косвенно лежат в основе миграционных процессов.

Вторая группа – это правовые нормы, которые определяют пределы полномочий и пределы ответственности органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, и кроме того, должностных лиц, осуществляющих управление миграционными процессами, в том числе, обеспечение соблюдения требований законодательства. Статья 17 Конституции Российской Федерации гарантирует и признает права и свободы человека в соответствии с общепризнанными нормами международного права.

Кроме того, основной закон Российской Федерации устанавливает, что по общему правилу иностранные граждане и лица без гражданства имеют те же права и обязанности, что и граждане России, за исключением ряда случаев, которые конкретизируются в федеральном законе или международном договоре.

Положения статьи 27 Конституции Российской Федерации провозглашают свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на свободный выезд за пределы Российской Федерации, и, кроме того, для граждан Российской Федерации – беспрепятственное возвращение на территорию Российской Федерации.

Указанная статья Конституции Российской Федерации закрепляет право на свободное передвижение по территории Российской Федерации за всеми лицами, которые пребывают на ней на законных основаниях, в том числе, за иностранными гражданами и лицами без гражданства.

А.Х. Абашидзе считает, что рассматриваемые права должны принадлежать «без различия, как гражданам,

[1] *Кучинский В.А.* Личность. Свобода. Право. М., 1978. С. 115.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 04 июля.

так и иностранцам, будь то мигрант, беженец или лицо, ищущее убежища, находящееся в стране; при это обязанности уважать и защищать права человека лежат на государстве»[1].

Государственно-правовое регулирование миграционных процессов в Российской Федерации осуществляется федеральными законами, которые регламентируют как деятельность государства, так и должностных лиц, уполномоченных осуществлять государственное управление в рассматриваемой сфере.

К соответствующим конституционным нормам необходимо отнести положения статьи 6 Конституции Российской Федерации, устанавливающие порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации. Здесь следует отметить, что право на гражданство – это субъективное право человека, которое признано Всеобщей декларацией прав человека в статье 15, а также Конвенцией о правах ребенка, Конвенцией СНГ о правах и основных свободах человека.

Далее необходимо рассмотреть вторую обозначенную группу правовых норм, которые являются правовой основой для государственного регулирования миграции. К данной группе относятся правовые нормы, которые определяют порядок действий Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления в части установления полномочий, направленных на обеспечения прав, регламентацию определенных вопросов, которые связаны с миграцией.

Согласно статье 71 Конституции Российской Федерации, к ведению Российской Федерации относится ряд важных вопросов, связанных с миграцией: принятие и изменение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, контроль за их исполнением; регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, гражданства в Российской Федерации и проч.

Кроме того, к данной группе норм следует относить полномочие Президента Российской Федерации, установленное в статье 89 Конституции Российской Федерации – разрешать «вопросы гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища».

На основании изложенного, положения Конституции Российской Федерации, регулирующие отношения в сфере миграционных процессов, регламентируют на конституционном уровне большой, даже значительный объем прав и свобод личности, а также официально устанавливают принцип приоритета международных норм-стандартов о правах человека перед национальным законодательством.

Конституционные положения, регулирующие миграцию, являются основой для принятия федеральных законов и иных нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере[2].

Рассматривая конституционные принципы, с помощью которых регулируется правовое положение мигрантов, необходимо сделать вывод о том, что все изменения, связанные с миграционными правилами и нормами, вносимые в российское законодательство, должны подвергаться глубокому исследованию на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. Кроме того, соответствующие правила должны распространяться и на правовые акты уполномоченных государственных органов в целях их соответствия конституционным принципам правового положения мигрантов.

[1] *Абашидзе А.Х.* Применение норм международного российского права в сфере миграции // Миграция в России: проблемы правового регулирования : сб. науч. статей под ред. М.В. Немытиной. Саратов, 2001. С. 30.

[2] Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (в ред. от 31.07.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12, ст. 425; Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (в ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1995. № 52, ст. 5110.

Чернова Ю.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Кухарева О.А., к.ю.н., доцент кафедры ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ПРОЦЕНТОВ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖИМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Аннотация. *Статья посвящена некоторым вопросам, связанным со взысканием процентов незаконное пользование чужими денежными средствами, а именно по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации. Первой, рассматриваемой проблемой в статье является соблюдение претензионного порядка при подаче искового заявления в арбитражный суд при наличии решения суда о взыскании суммы основного долга. Второй рассматриваемой проблемой является уменьшение судами размера ответственности, предусмотренной ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, со ссылкой на статью 333 Гражданского кодекса Российской Федерации. Таким образом, в статье по второй проблеме рассматривается дискуссионная ситуация, когда с одной стороны проценты по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации Российской Федерации признаются гражданско-правовой ответственности отличной от неустойки, а с другой стороны содержатся указания по снижению процентов по правилам, применяемым к неустойке. В статье предлагаются конкретные пути решения указанных проблем.*

Ключевые слова: *арбитражный суд, проценты, неустойка, взыскание, нарушение денежного обязательства, гражданско-правовая ответственность.*

Chernova Yu. A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kukhareva O.A., Ph.D., Associate Professor of the Department the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THEOETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF RECOVERY OF INTEREST FOR THE USE OF OTHER PEOPLE`S MONEY

Abstract. *The article is devoted to some issues related to the recovery of interest for the illegal use of other people's money, namely, under Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation. The first problem under consideration in the article is to comply with the claim procedure when applying for a claim to the Arbitration Court in the presence of a court decision on the recovery of the amount of the principal debt. The second issue under consideration is a decrease in the size of the responsibility, provided for by Art. 395 Civil Code of the Russian Federation, with reference to Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation. Thus, in the article on the second issue, a discussion situation is considered when, on the one hand, interest on Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation of the Russian Federation is recognized as civil liability different from the penalty, and on the other hand contains instructions to reduce interest according to the rules applied to the penalty. The article proposes specific ways to solve these problems.*

Keywords: *arbitration court, interest, penalty, collection, violation of a monetary obligation, civil liability.*

395 статья Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает особую меру гражданской ответственности за нарушение денежного обязательства – начисление процентов за неправомерное удержание денежных средств.

Многолетняя практика применения статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет выявить актуальные проблемы, возникающие при взыскании процентов по статье 395 Гражданского кодекса в рамках Арбитражного судопроизводства.

Первой из проблем является соблюдение претензионного порядка при взыскании процентов отдельным исковым производством. Казалось бы, все ясно – есть норма Арбитражно-процессуального кодекса (ч. 5 ст. 4 АПК РФ), регулирующая обязательное принятие сторонами мер по досудебному урегулированию споров, возникающих из гражданских правоотношений. Закон четко устанавливает претензию, в которой должно быть сформулировано конкретное предложение о добровольном исполнении должником требования о погашении суммы задолженности, отказ от исполнения которого повлечет предъявления иска в Арбитражный суд. Но, в силу своей природы процентов, а также разъяснений судов досудебное урегулирование спора при взыскании процентов по статье 395 Гражданского кодекса представляется достаточно нецелесообразным.

Так, в ситуациях со взысканием процентов по статье 395 Гражданского кодекса отдельным исковым производством после принятия Арбитражным судом решения о взыскании суммы основного долга следует руководствоваться разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 24.03.2016г. «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств», в котором говорится, что «если кредитором соблюден претензионный порядок в отношении суммы основного долга, считается соблюденным и претензионный порядок в отношении процентов, которые взыскиваются на основании статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации»[1]. Указанной нормы придерживаются большинство Арбитражных судов.

Например, Девятый арбитражный апелляционный суд занял позицию в несоблюдении досудебного урегулирования спора при соблюдении претензионного порядка основного долга взысканном в рамках одного дела, а проценты по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в рамках другого искового производства. Суд четко указал: «Поскольку подано исковое заявление о взыскании исключительно процентов на основании статьи 395 ГК РФ, в связи с просрочкой исполнения денежного обязательства, в отношении которого имеется вступившее в законную силу судебное решение, то не имеется оснований для вывода о несоблюдении претензионного порядка и возвращении, в связи с этим, искового заявления»[2]. Подобная позиция также нашла свое отражение и в Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2018 г. по делу №А40-239096/2017.

Кроме того, в другом аналогичном деле апелляционный суд особо отметил: «Заявленное дополнительное обязательство о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами связано с основным долгом, следует его судьбе, все обстоятельства, в том числе о наличии долга у сторон, выяснены и установлены судом, в связи с чем нет единственного иска о взыскании исключительно процентов за пользование чужими денежными средствами, а есть последующий спор, связанный с основным о взыскании долга»[3].

В свою очередь, есть суды, которые истолковывают данное разъяснение ограничительно, придя к выводу, что оно «относится к случаю одновременного предъявления требований о взыскании суммы долга и процентов(неустойки)»[4]. Т.е., по мнение суда, претензия в отношении основной суммы долга распространяется на проценты лишь в том случае, если проценты поданы вместе с суммой основного долга.

Тот же вышеупомянутый Девятый апелляционный арбитражный суд по данному вопросу занял ровно противоположную позицию. Суд отметил: «Претензия, направленная в рамках иного судебного дела, рассмотренного по существу, не может распространять свое действие на все возможные исковые требования ответчика, которые могут

[1] Постановления Пленума ВС от 24 марта 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (в ред. от 7 февраля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2021).

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 марта 2018 г. по делу №А40-23151/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2021).

[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 марта 2018 г. по делу №А40-130582/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2021).

[4] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июня 2020 г. по делу №А55-3107/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2021).

быть заявлены в дальнейшем»[1]. Соответственно, обращаясь с заявлением о взыскании только процентов на основании статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, кредитор должен принять отдельные меры по соблюдению досудебного урегулирования спора.

На наш взгляд представляется целесообразным рассматривать дело о взыскании суммы основного долга и процентов по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации исключительно в рамках одного производства без соблюдения претензионного порядка, т.к. проценты, безусловно, являются последующим спором, преследующего судьбе первоначального искового заявления о взыскании суммы долга. А также, мы считаем, что внесение изменений в Российское законодательство о взыскании процентов исключительно в рамках одного производства значительно снизит нагрузку на Арбитражные суды.

Второй немаловажной проблемой является снижение Арбитражным судом размера ответственности, предусмотренной ст. 395 Гражданского кодекса со ссылкой на статью 333 Гражданского кодекса (уменьшение неустойки). В настоящее время гражданским законодательством предусмотрено право сторон закреплять любую ответственность за неисполнение денежного обязательства. Данное право вытекает из принципа свободы договора.

В Российских доктринах нередко приводятся примеры установления в соглашениях ставки, применяемой при неисполнении денежного обязательства в размере от 1800 % годовых[2]. Как правило при судебном регулировании такие положения в большинстве случаев признаются недействительными. Судьи при принятии решения руководствуются частью 1 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, указывая на сделку, заключенную на крайне невыгодных условиях, при которой лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем воспользовалась вторая сторона соглашения (кабальная сделка).

В России арбитражная практика в отдельных случаях признает возможность снижения процентов по статье 395 Гражданского кодекса, ссылаясь на часть 2 статьи 10 Гражданского кодекса, указывая на то, что, кредитор при взыскании процентов в чрезмерно высоком размере злоупотребляет своим правом.

В остальных случаях суды ссылаются на статью 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая регулирует сходные по своей природе отношения с процентами. На сегодняшний день именно эта норма является преобладающей и применяемой.

Согласно части 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 13, Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» если определенный размер процентов в соответствии со ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации явно несоразмерен последствиям просроченного денежного обязательства, суд, учитывая компенсационную природу процентов, применительно к статье 333 Гражданского кодекса Российской Федерации вправе уменьшить ставку процентов, взыскиваемых в связи с просрочкой. При этом возможность и размер снижения ответственности за нарушение денежного обязательства рассматривается судом самостоятельно[3].

Таким образом, можно сделать вывод, что Постановлением Верховный Суд Российской Федерации и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации создали совершенно новую правовую норму. «Действительно, речь здесь идет не о толковании, конкретизации или детализации нормы статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации – из текста данного пункта прямо следует, что высшие суды России поставили себя на место законодателя, т.е. явно вышли за пределы своих законных полномочий, создав новую «правовую норму», изменив суть статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, дополнив ее новым положением, и тем самым приравняли размер процентов к неустойке»[4].

Стоит отметить, что право на снижение размера гражданско-правой ответственности предоставляется арбитражным судам несмотря на то, что проценты по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации определены в Постановлении Пленумов № 13/14 не неустойкой, а формой гражданско-правовой ответственности.

Представляется, что признание процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами самостоятельной формой гражданско-правовой ответственности автоматически исключает применение статьи 333 Гражданского кодекса, регулирующие исключительно неустойку. «Приходится констатировать, что такой подход не имеет правового основания, т.к. проценты по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации не относятся к способам обеспечения обязательств в отличие от неустойки и уж тем более не могут быть неосновательно завышены, если они установлены законом»[5].

На наш взгляд, представляется необходимым дополнение статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации нормой, определяющей возможность снижения судами процентов за пользование чужими денежными средствами в случае ее несоразмерности последствиям неисполнения денежного обязательства, а часть 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 13, Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 14 от 08.10.1998г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» об уменьшении начисленной суммы процентов при ее явной несоразмерности последствиям

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2018 г. по делу №А40-95559/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2021).

[2] *Суханов Е.А.* О юридической природе процентов по денежным обязательствам // Законодательство. 1997. № 1. С. 18.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 13, Пленума ВАС Российской Федерации № 14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» (в ред. от 24 декабря 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2021).

[4] *Ипатов А.Б.* Отдельные вопросы применения статьи 395 ГК РФ // Юрист. 2001. № 10. С. 51.

[5] *Белевич А.В.* Об ответственности за неисполнение денежного обязательства // Законодательство. 1998. № 12. С. 11.

нарушения обязательства в порядке, предусмотренной ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, признать утратившим силу.

Чибрикова Ю.К.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Абанина Е.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальность, содержание и перспективы деятельности по формированию основ экологической культуры в обществе. Представлен опыт решения проблем экологического воспитания молодежи.*

Ключевые слова: *экологическая культура, экологическое просвещение, экологическое образование.*

Chibrikova Yu.K.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Abanina E.N. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

PROBLEMS OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE

Abstract. *The article examines the relevance, content and prospects of activities to form the foundations of ecological culture in society. The experience of solving problems of ecological education of youth is presented.*

Keywords: *environmental culture, environmental education, environmental education.*

Данная тема с каждым годом становится актуальнее. Вопросы формирования экологической культуры общества являются дискуссионными и все чаще подлежат обсуждению.

Обусловлено это тем, что стране осталось большое наследство в виде нерешенных экологических проблем. Даже в настоящее время проблемы экологии все чаще дают о себе знать. Например, за последние месяцы в нашей стране случилось не малое количество экологических катастроф самое известное это утечка нефтепродуктов на Камчатке, что привело к засорению Тихого океана и уничтожению огромного количества морских существ.

Конечно, глава государства неоднократно в своих обращениях поднимает тему формирования экологической культуры в обществе.

Летом 2020 г. В.В. Путин сообщил, что «Россия намерена продолжать поддерживать международные инициативы, связанные с улучшением состояния окружающей среды, а также подчеркнул, что вопросы рационального, грамотного использования природных ресурсов находятся в числе общенациональных приоритетов.

В настоящее время на повестке дня стоят такие серьезные задачи, как создание современной инфраструктуры для эффективного обращения с отходами производства и потребления, переход предприятий на новейшие перспективные технологии, совершенствование системы мониторинга качества воздуха, почвы и воды, формирование высокой экологической культуры в обществе».

Премьер-министр РФ Михаил Мишустин также отмечает, что решение экологических вопросов требует комплексного подхода и четкой координации усилий государства, бизнеса и общества[1].

А совсем недавно 16 марта 2021 глава государства вновь упомянул важность рационального использования природных ресурсов и создания современной инфраструктуры для обращения с отходами, которые имеют жизненно важное значение, требуют солидарной ответственности государства и институтов гражданского общества.

Важно отметить, что на законодательном уровне дается разъяснение, что под собой подразумевает экологическое просвещение. Так согласно статье 74 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в целях формирования экологической культуры в обществе, воспитания бережного отношения к природе, рационального использования природных ресурсов осуществляется экологическое просвещение посредством распространения экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов.

Экологическое просвещение, в том числе информирование населения о законодательстве в области охраны окружающей среды и законодательстве в области экологической безопасности, осуществляется органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, средствами массовой информации, а также организациями, осуществляющими образовательную деятельность, учреждениями культуры, музеями, библиотеками, природоохранными учреждениями, организациями спорта и туризма, иными юридическими лицами.

Негативное состояние окружающей среды повлияло к принятию ряда программных актов, направленных на решение экологических проблем[2].

Наиболее ярким и общеизвестным примером решение экологических проблем является разработка национального проекта «Экология», срок действия которого установлен на период с 2019 по 2024 годы.

Стоит отметить, что основными задачами национального проекта является эффективное обращение с отходами производства и потребления, включая ликви-

[1] Путин подчеркивает важность формирования экологической культуры. URL: https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/putin-podcherkivaet-vazhnost-formirovaniya-ekologicheskoy-kultury-v-obshchestve (дата обращения: 19.03.2021).

[2] *Харьков В.Н.* Проблемы развития экологического и природоресурсного законодательства Российской Федерации в контексте модернизации функционирования публичной власти // Экологическое право № 1, 2021 С. 14-18.

дацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов; кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20 процентов совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах; повышение качества питьевой воды для населения, в том числе для жителей населенных пунктов, не оборудованных современными системами централизованного водоснабжения; экологическое оздоровление водных объектов, включая реку Волгу, и сохранение уникальных водных систем, включая озера Байкал и Телецкое; сохранение биологического разнообразия, в том числе посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий[1].

Помимо национального проекта «Экология» в Российской Федерации действуют различные государственные программы: «Охрана окружающей среды», «Воспроизводство и использование природных ресурсов» реализация которых запланирована на 2021-2022 годы[2].

В настоящее время современное общество оказалось перед выбором: «либо сохранить существующий способ взаимодействия с природой, что неминуемо может привести к экологической катастрофе, либо сохранить биосферу, пригодную для жизни, но для этого необходимо изменить сложившийся тип деятельности. Последнее возможно при условии коренной перестройки мировоззрения людей, ломки ценностей в области как материальной, так и духовной культуры и формирования новой – экологической культуры». Поэтому важнейшим показателем уровня культуры общества следует полагать «не только степень его духовного развития, но и то, сколь нравственно население, насколько внедрены экологические принципы в деятельности людей по сохранению и воспроизводству природных богатств»[3].

Стоит отметить, что «уровень экологической культуры в России остается на достаточно низком уровне и во многом не соответствует международным стандартам. На качестве и темпах развития российского экологического образования, экологического воспитания, просвещения и культуры сказываются следующие факторы:

- недооценка обществом приоритетности экологического воспитания,
- недостаточность финансирования,
- недостаточно развитая материально-техническая база,
- слабое развитие научно-методического, психолого-педагогического, информационного и кадрового обеспечения системы,
- отсутствие эффективного общественно-государственного механизма,
- отсутствие интеграции и координации в деятельности существующих образовательных, природоохранных структур и неправительственных организаций»[4].

«Формирование экологической культуры в обществе основывается на целенаправленной, постепенной и методичной передаче людям информации о рациональном природопользовании, о важности соблюдения экологических правил и требований, о личной ответственности за сохранение окружающей среды каждого человека перед нашей планетой и всем ее населением»[5].

К сожалению, «в России на сегодняшний день наблюдается достаточно низкий уровень экологической культуры, который проявляется в следующих аспектах:

- в экологическом поведении (прагматичная ориентация человека на природопользование, которая существует в настоящее время, должна быть перенаправлена на максимальную гармонизацию отношений человека с природой);
- в экологическом просвещении (в современном мире на сегодняшний день существуют лишь отрывочные знания о природе и о ее взаимосвязи с обществом, отсутствует полная картина понимания и осознания взаимосвязи природы и человека);
- в вопросах экологического воспитания (на сегодняшний день наблюдается скорее неуважительное отношение к природе, которое сопровождается отсутствием личной ответственности за ее судьбу и слабым пониманием ее красоты и сущности).

Цель формирования системы непрерывного экологического образования, воспитания и просвещения в России до сих пор не достигнута, хотя была обозначена практически двадцать лет назад. В чем же причина? В настоящее время социально-экологические вопросы рассматриваются у нас не иначе как через социально-экономическую призму. То есть на данный момент в России эффективность экономики имеет доминирующее значение над социальной оценкой производства и его влияния на окружающую среду»[6]. Для воспитания у населения России экологической культуры необходима смена текущих приоритетов: с экономических на экологические.

В сложившейся экологической ситуации экологическое образование становится приоритетным направлением стратегии устойчивого развития многих государств. Оно должно способствовать решению экологических проблем населением страны в быстро меняющихся условиях окружающей среды. Такое образование призвано формировать общественно-экологическое мировоззрение, правовые позиции, комплекс научных знаний, способность воплощать знания в практику, умение сотрудничать друг с другом; поднимать уровень культуры человека и общества в целом, совершенствовать моральные качества людей.

---

[1] Национальный проект экология/ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%C2%AB%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%C2%BB (дата обращения: 19.03.2021).

[2] Государственные программы. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_programmy/ (дата обращения: 09.03.2021).

[3] Проблема формирования экологической культуры. URL: https://ru-ecology.info/post/102772302750011/ (дата обращения: 09.03.2021).

[4] Формирование экологической культуры. URL: https://scienceforum.ru/2019/article/2018015674 (дата обращения: 09.03.2021).

[5] *Савватеева О.А., Шахова Н.А., Старостина И.А.* Формирование экологической культуры на современном этапе // Вестник международного университета природы, общества и человека «Дубна». Серия: естественные и инженерные науки. 2019. № 1 (42). С. 40.

[6] Формирование экологической культуры. URL: https://scienceforum.ru/2019/article/2018015674 (дата обращения: 09.03.2021).

В США, Канаде, Англии, Нидерландах, Дании, Швеции, Германии приоритетными в экологическом образовании являются занятия на природе, выделение специальных проектных дней и недель, разработка экологических игр, в основе которых лежит стремление пробудить целостное эмоциональное восприятие природы[1].

Также следует выделить «различия в тенденциях экологического образования в сильно индустриализированных и менее экономически развитых странах. Так, молодые люди в Англии, Голландии, Германии и др. странах Европы практически не представляют жизни вне городов: природа как таковая занимает очень мало места в их жизни. Соответственно, стали создаваться специфические программы, занимающиеся обучением на природе, где дети узнают как пахнет трава и что под пеньками есть специфическая жизнь насекомых и простейших. Здесь упор идет больше на прочувствование и ощущение, нежели на специфические биологические, географические или экологические знания. Здесь большой упор делается на знания и практическую работу. Еще один компонент экополитический, где управленцев различных уровней учат принимать эколого-сбалансированные решения, учитывающие систему экологических рисков. В некоторых странах Запада науки об окружающей среде включают в себя не только понятия об охране природы, но и об охране исторического наследия (Hysterical preservation). Другая особенность экологического образования в США и странах Европы – это существование научных лабораторий на базе университетов, наличие механизмов реализации научных идей и их разработок в жизнь. На базе работающего экологического законодательства, привлечение студентов к исследованиям и современным достижениям экологической науки. В Нидерландах, например, разработаны специальные экологические программы, предусматривающие информирование, обучение и совместные действия по охране окружающей среды таких групп населения, как потребители, производители, политики, государственные служащие, исследователи, которые направлены на улучшение экологической обстановки»[2].

В России проблемы экологического просвещения начали подниматься еще в начале XX в. Экологическое образование получило развитие в конце 60-х годов, при этом последовательно осуществлялся переход от просвещения в области проблем окружающей среды к природоохранной деятельности, шло интенсивное накопление опыта. В 90-е годы в Российской Федерации принят ряд нормативно-правовых документов по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, в которых в качестве одного из приоритетных направлений решения экологических проблем определены экологическое образование, просвещение и воспитание населения.

Разработаны комплексные программы экологического образования населения реализуются во всех субъектах России. Ведутся научные исследования в области экологического образования. Появились разнообразные авторские программы, создаются базовые (экспериментальные) образовательные учреждения с экологической специализацией. Увеличиваются объемы подготовки специалистов-экологов с высшим и средним профессиональным образованием, растет число организаций, получивших лицензию на повышение квалификации и профессиональную подготовку кадров природоохранных органов, предприятий и организаций.

Таким образом, главной целью экологического образования любого государства является формирование у учащейся молодежи и общества в целом экологического мировоззрения на основе единства научных и практических знаний ответственного и положительного эмоционально-ценностного отношения к своему здоровью, окружающей среде, улучшению качества жизни, социально-политической и экологической стабильности государств, их национальной безопасности. В современном мире экологическое образование приобретает еще и особый социальный смысл, поскольку возникло понимание того, что без преодоления только потребительского отношения к природе не решить экологических проблем, не уберечь общество от физической и духовной деградации. Соответственно необходим переход к экологизации экономики и производства, экологически ориентированной цивилизации, что обуславливает формирование системы знаний, построенной на единой теоретической основе и выходящей за традиционные рамки дифференцированных наук о природе. Требования такой идеологии сложнее задач охраны окружающей среды и сокращения потока загрязнений[3].

Новая система экологических знаний должна помочь настоящим и будущим специалистам организовать человеческую деятельность в условиях жесткого экологического императива.

[1] *Топор А.В., Иващенко О.В.* Зарубежный опыт и мировые тенденции в организации экологического образования // Молодой ученый. 2013. № 10 (57). С. 539-542.

[2] *Топор А.В., Иващенко О.В.* Там же.

[3] Концепция непрерывного экологического образования. URL: http://agroecoinfo.narod.ru/html/russian/Obras/f2_1.html (дата обращения: 09.03.2021).

Чимаров М.А.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Хмелева Т.И., к.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Вопрос об ответственности сторон по договору личного страхования носит проблемный характер, т.к. он не нашел четкого законодательного урегулирования. При применении судами норм об ответственности в данной сфере принимается множество противоречивых решений. В связи с этим заявленная проблема является актуальной.*

Ключевые слова: *страхователь, страховщик, ответственность.*

Chimarov M.A.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Khmeleva T.I. Ph.D., professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

LIABILITY OF THE PARTIES UNDER THE PERSONAL INSURANCE CONTRACT: PROBLEMS

Abstract. *The issue of the liability of the parties under the personal insurance contract is problematic, since it has not found a clear legislative regulation. When the courts apply the norms on liability in this area, many contradictory decisions are made. In this regard, the stated problem is urgent.*

Keywords: *policyholder, insurer, liability.*

Среди мер гражданско-правовой ответственности в сфере личного страхования можно выделить возмещение убытков, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, уплату неустойки, компенсацию морального вреда. Для страхователя предусмотрена специальная мера ответственности, которая заключается в отказе страховщика в выплате страховой суммы по договору личного страхования[1].

Первым будет рассмотрен вопрос о проблемах ответственности страхователя по договору личного страхования.

Если при заключении договора страхования страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об указанных обстоятельствах и данный факт будет установлен уже после заключения договора, то страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных пунктом 2 статьи 179 ГК РФ. В п. 2 ст. 179 ГК РФ речь идет о сделке, совершенной под влиянием обмана.

П. 2 ст. 944 ГК РФ устанавливает следующее: «Если договор страхования заключен при отсутствии ответов страхователя на какие-либо вопросы страховщика, страховщик не может впоследствии требовать расторжения договора либо признания его недействительным на том основании, что соответствующие обстоятельства не были сообщены страхователем»[2].

Интерес представляет вопрос о соотношении указанных выше положений ГК РФ. В абз. 1 п. 3 ст. 944 ГК РФ речь идет о страхователе, предоставившим заведомо ложных сведений. Одновременно с этим п. 2 ст. 944 ГК РФ устанавливает, что страховщик не может требовать признания договора недействительным, ссылаясь на то, что страхователь при заключении договора страхования не ответил на вопросы страховщика. Если же обратиться к абз. 2 п. 2 ст. 179 ГК РФ, ссылка на который содержится в п. 3 ст. 944 ГК РФ, обманом следует считать и намеренное умолчание об обстоятельствах, которые лицо обязано было сообщить исходя из принципа добросовестности. Как же следует толковать указанные нормы применительно к договору личного страхования? В судебной практике имеются противоречивые вопросы по данному вопросу.

Согласно апелляционному определению СК по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 24 января 2017 г. по делу № 33-836/2017 наличие у страховщика права на использование любого метода восполнения недостаточности предоставленной страхователем информации не освобождает страхователя от обязанности предоставить достоверные сведения[3].

В одном из апелляционных определений Ставропольского краевого суда по делу с похожей фабулой суд пришел к выводу, что в такой ситуации речь идет не об указании ложных сведений, а об умолчании. Несообщение страхователем сведений о наличии заболевания не является основанием, которое бы освобождало страховщика от выплаты страхового возмещения[4].

Некоторые суды толкуют п. 2 ст. 944 расширительно, что в данном случае недопустимо. Исходя из позиций таких судов, отсутствие указания страхователя в заявлении на страхование информации о наличии у застрахованного лица хронических заболеваний является умолчанием. Поэтому в данном случае применению подлежит п. 2 ст. 944 ГК РФ о недопустимости признания договора недействительным в связи с отсутствием ответов страхователя на вопросы страховщика. Если следовать таким выводам, то в заявлении на страхование должен быть приведен обширный перечень заболеваний, где страхователь отмечает, имеются ли у застрахованного лица соответствующие заболевания. Это бы серьезно усложнило

[1] *Павлова Е.В.* Гражданско-правовая ответственность по договору страхования: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410.

[3] Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 24 января 2017 г. по делу № 33-836/2017 // СПС «Гарант-Максимум».

[4] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 7 марта 2017 г. по делу № 33-1577/2017 // СПС «Гарант-Максимум».

процедуру заключения договора личного страхования. Указанные позиции судов являются неосновательными.

В связи с вышесказанным внесение изменений в п. 2 ст. 944 ГК РФ не представляется верным решением. Проблема возникает в толковании данной нормы судами. Считаю, что Верховному суду необходимо затронуть данный вопрос в одном из своих постановлений. В данном постановлении Пленума ВС стоит подчеркнуть, что если при заключении договора личного страхования страхователь отрицательно отвечает на вопрос о наличии у застрахованного лица хронических заболеваний, которые у последнего в действительности имеются, то правила п. 2 ст. 944 ГК РФ к указанным отношениям применению не подлежат. В данном случае применяются правила п. 3 ст. 944 ГК РФ о предоставлении страховщику заведомо ложных сведений.

Как закрепляется в абз. 1 п. 1 ст. 963 ГК РФ, страховщик освобождается от выплаты страховой суммы, если оговоренный договором страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, застрахованного лица или выгодоприобретателя. В п. 3 ст. 963 ГК РФ предусмотрено следующее: «Страховщик не освобождается от выплаты страховой суммы, которая по договору личного страхования подлежит выплате в случае смерти застрахованного лица, если его смерть наступила вследствие самоубийства и к этому времени договор страхования действовал уже не менее двух лет».

Авторами в научных трудах объясняется, что такой значительный срок между моментом заключения договора личного страхования и совершением самоубийства призван гарантировать отсутствие умысла у застрахованного лица на совершение самоубийства с целью получения страховой премии выгодоприобретателем[1].

В законодательстве зарубежных стран можно встретить похожие положения. В качестве примера приведем Закон ФРГ о договоре страхования. Так, согласно п. 1 параграфа 161 этого закона при страховании на случай смерти страховщик имеет право не производить исполнение, если застрахованное лицо совершило самоубийство до истечения трех лет с момента заключения договора. При этом согласно п. 3 этого же параграфа страховщик должен выплатить выкупную стоимость вне зависимости от обязанности произвести исполнение[2].

У страхователя есть право получить выкупную сумму при расторжении договора страхования жизни, предусматривающего дожитие застрахованного лица до определенного возраста или срока либо наступления иного события – такое правило закреплено в п. 7 ст. 10 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»[3].

В связи с этим считаем, что нужно внести изменение в действующее законодательство по указанному вопросу и учесть при этом законодательный опыт ФРГ. Поэтому п. 3 ст. 963 ГК РФ стоит дополнить абзацем 2, который бы закреплял следующее: «Независимо от времени действия договора страхования жизни, предусматривающего дожитие застрахованного лица до определенного возраста или срока либо наступления иного события, страхователь обязан уплатить страхователю (наследникам страхователя) выкупную сумму в пределах сформированного в установленном порядке страхового резерва на день смерти застрахованного лица».

На страхователя договором личного страхования может возлагаться обязанность по уведомлению страховщика об увеличении страхового риска.

Согласно п. 3 ст. 959 ГК РФ, если страхователь не выполнил указанную обязанность, то страховщик имеет право потребовать расторжения договора и возмещении страхователем убытков, причиненных расторжением договора.

Проблема заключается в том, что законодателем не разрешен вопрос о судьбе страховой выплаты в указанном случае. Пункт 5 ст. 959 ГК РФ, регламентирующий порядок уведомления страхователем страховщика об увеличении страхового риска применительно к договору личного страхования, также не содержит никаких замечаний по этому поводу.

Судебная практика также противоречива. В одном из постановлений Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа указано, что, т.к. по условиям договора страховщик вправе отказать в страховой выплате при несообщении страхователем об увеличении страхового риска, то такой отказ является обоснованным[4].

В свою очередь в одном из постановлений Федерального арбитражного суда Поволжского округа отмечается, что ст. 959 ГК РФ не подлежит расширительному толкованию. Исходя из указанной статьи, страховщик имеет право требовать расторжения договора страхования и возмещения убытков при невыполнении страхователем обязанности по сообщению об увеличении страхового риска, а не отказать в страховой выплате[5].

На наш взгляд, в целях защиты страхователя по договору личного страхования, необходимо п. 5 ст. 959 ГК РФ дополнить абзацем вторым следующего содержания: «Неисполнение указанной обязанности страхователем по договору личного страхования не может являться основанием для отказа страховщика в страховой выплате».

Далее следует рассмотреть вопрос о проблемах ответственности страховщика по договору личного страхования.

Основная обязанность страховщика состоит в осуществлении страховой выплаты. Необходимо закрепить за страховщиком обязанность принять решение о произведении страховой выплаты в течение 30 дней с момента получения страховщиком требования об исполнении до-

[1] *Авакян А.М., Ардаганьян И.Н.* Самоубийство как основание освобождения страховщика от страховой выплаты: проблемы правового регулирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 89.

[2] Закон ФРГ о договоре страхования от 23 ноября 2007 г. (с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2010 г.). URL: https:// www.insure.travel/netcat_files/userfiles/laws/versicherungsvertragsgesetz_ru.pdf (дата обращения: 02.03.2021).

[3] Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 01.04.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1993. № 2, ст. 56.

[4] Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 января 2008 г. № А82-1682/2007-36 // СПС «Гарант-Максимум».

[5] Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 8 октября 2008 г. № А65-1245/2008 // СПС «Гарант-Максимум».

говора страхования и установить, какую ответственность будет нести страховщик при невыполнении соответствующей обязанности. Такая обязанность может быть закреплена в новой статье (947.1) ГК РФ.

В связи с необходимостью закрепления соответствующей обязанности страховщика и ответственности за ее неисполнение, целесообразно предлагаемую для принятия ст. 947.1 ГК РФ дополнить п. 2 следующего содержания: «При несоблюдении сроков осуществления страховой выплаты страховщик уплачивает страхователю неустойку за каждый день просрочки в размере одного процента от страховой выплаты».

Можно прийти к выводу, что в законодательстве по вопросу ответственности сторон договора личного страхования имеется множество проблем. Предложенные выше поправки направлены на их разрешение.

По итогам были сделаны следующие выводы:

1) Верховному суду РФ необходимо в одном из своих постановлений подчеркнуть, что если при заключении договора личного страхования страхователь отрицательно отвечает на вопрос о наличии у застрахованного лица хронических заболеваний, которые у последнего в действительности имеются, то правила п. 2 ст. 944 ГК РФ к указанным отношениям применению не подлежат. В данном случае применяются правила п. 3 ст. 944 ГК РФ о предоставлении страховщику заведомо ложных сведений.

2) П. 3 ст. 963 ГК РФ стоит дополнить абзацем 2, который бы закреплял следующее: «Независимо от времени действия договора страхования жизни, предусматривающего дожитие застрахованного лица до определенного возраста или срока либо наступления иного события, страхователь обязан уплатить страхователю (наследникам страхователя) выкупную сумму в пределах сформированного в установленном порядке страхового резерва на день смерти застрахованного лица».

3) П. 5 ст. 959 ГК РФ дополнить абзацем вторым следующего содержания: «Неисполнение указанной обязанности страхователем по договору личного страхования не может являться основанием для отказа страховщика в страховой выплате».

4) Ввести новую статью в ГК РФ (947.1), в п. 1 которой предусмотреть, что страховщик обязан принять решение о произведении страховой выплаты в течение 30 дней с момента получения страховщиком требования об исполнении договора страхования. Предлагаемую для принятия ст. 947.1 ГК РФ дополнить п. 2 следующего содержания: «При несоблюдении сроков осуществления страховой выплаты страховщик уплачивает страхователю неустойку за каждый день просрочки в размере одного процента от страховой выплаты».

Чиняева Е.В.
магистрантФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Лисиченко Н.Р., Старший преподаватель ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ ТРАНСГЕНДЕРНЫХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Автором обозначены проблемы, связанные со сменой пола, в отношениях между супругами и их несовершеннолетними детьми и выработаны предложения по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации.*

Ключевые слова: *смена пола, брак, расстройство половой идентификации, усыновление, родительские права.*

Chinyaeva E.V.
Undergraduate Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Lisichenko N.R., senior lecturer at the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

FAMILY LEGAL RELATIONS INVOLVING TRANSGENDER PERSONS: THE PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. *The author identifies the problems connected with change of a gender in the relations between spouses and their minor children and suggestions for improvement of the family legislation of the Russian Federation.*

Keywords: *sex change, marriage, sexual identification disorder, adoption, parental rights.*

В условиях постоянно меняющейся действительности зарегистрированный союз мужчины и женщины перестает существовать как единственная форма семейно-брачных отношений, во всем мире активно распространяются альтернативные формы семьи: сожительства, однополые союзы. Во многих государствах изменение половой принадлежности в результате хирургического вмешательства, в том числе лицами, уже находящимися в законном браке, становится обычным явлением. Кроме того, в декабре 2013 г. Европейский суд по правам человека постановил, что во всех странах Евросоюза, в том числе и в тех, в которых однополые браки не признаются, «гомосексуальные пары должны иметь все права и льготы, что и гетеросексуальные».[1]

Одним из приоритетных направлений семейной политики в Российской Федерации на современном этапе

[1] Гомосексуальные браки стали законными во всех странах Евросоюза. URL: https://www.vesti.ru/article/1993338 (дата обращения: 18.02.2021).

является сохранение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании.[1] Стоит подчеркнуть, что глава Российской Федерации, В.В. Путин, неоднократно публично обращал внимание о недопустимости подмены терминов «папа» и «мама» на «родитель № 1» и «родитель № 2».[2] Вместе с тем, несмотря на то, что Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) определяет брак исключительно как юридически оформленный союз мужчины и женщины[3], фактически может иметь место однополый союз. Речь идет о ситуации, при которой один из супругов, уже состоящий в браке, изменяет половую принадлежность. Правовые последствия такой «трансформации», в том числе в сфере брачно-семейных отношений, законодательно не урегулированы. С позиции действующего семейного законодательства подобный брак сохраняет юридическую силу. С одной стороны, существование брака между лицами одного биологического пола неприемлемо для российского законодателя, с другой стороны, прекращение правовой связи между супругами в принудительном порядке также противоречит нормам российского права, поскольку предполагает вмешательство государства в личную и семейную жизнь граждан РФ. Таким образом, приходится констатировать тот факт, что действующее законодательство не позволяет однозначно подойти к решению данной проблемы. На данный момент наиболее приемлемым представляется закрепление в ч. 2 ст. 19 СК РФ самостоятельного основания для расторжения брака по заявлению одного из супругов независимо от наличия у супругов общих несовершеннолетних детей в органах ЗАГС, которое должно быть сформулировано следующим образом: «если другой супруг сменил пол во время брака».

Не менее важным в рамках обозначенной проблемы является вопрос, касающийся воспитания несовершеннолетнего ребенка родителем, страдающим расстройством половой идентификации. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. В 2018 г. жительница Екатеринбурга, мать троих детей, вместе со своим супругом взяла под опеку двух мальчиков, желая в дальнейшем их усыновить. Органы опеки и попечительства, получив сведения о том, что женщина имеет диагноз – «транссексуализм» и планирует сменить пол, приняли решение о прекращении опеки. Суд отказал в обжаловании данного решения, заключив, что имеющиеся расстройство опекуна является препятствием к усыновлению детей.[4] Как следствие возникает вопрос, нарушаются ли права и интересы несовершеннолетних детей, родившихся или усыновленных в таком браке? Могут ли малолетние дети в случае изменения гендерной принадлежности родителя адаптироваться к изменившейся ситуации?

Согласно ч. 1 ст. 65 СК РФ родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию при осуществлении родительских прав.[5] Учеными установлено, что семья является главным фактором гендерной социализации ребенка. Несовершеннолетние, особенно в раннем возрасте, в большей степени предрасположены к воздействию со стороны семьи, чем к любому другому воздействию.[6] По этому поводу следует отметить, что в «нетрадиционных семьях», у детей «перед глазами» отсутствует правильная ролевая модель межполового общения, что может повлечь за собой психологические проблемы в более взрослом возрасте. На наш взгляд, часть 1 ст. 127 СК РФ, содержащую перечень лиц, не имеющих право быть усыновителями, необходимо дополнить пунктом 14, изложив его в следующей редакции: «лиц, страдающих расстройствами половой идентификации, а также лиц, изменивших половую принадлежность». Соответствующее изменение также необходимо внести в ч. 1 ст. 146 СК РФ, которая предусматривает круг лиц, не имеющих право быть опекунами (попечителями). В настоящий момент «расстройства половой идентификации» относятся к заболеваниям, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, принять его под опеку, попечительство, взять в приемную или патронатную семью.[7] Однако Всемирная организация здравоохранения внесла изменения в Международную классификацию болезней, которые вступят в силу с 1 января 2022 г., согласно которым «расстройства половой идентификации» (F64) будут исключены из перечня психических расстройств.[8] В связи с этим, внесение в семейное законодательство предложенной поправки становится особенно актуальным.

Что касается правовой связи родителя, изменившего пол, и его биологических детей, действующее законодательство не предусматривает каких-либо изменений в осуществлении родительских прав. Вместе с тем, заслуживает внимания следующая судебная практика. После расторжения брака мужчина, отец двоих детей, в результате хирургической коррекции пола стал женщиной. По заявлению бывшей супруги биологический отец был ограничен в родительских правах, поскольку суд пришел к выводу о том, что трансгендерный переход отца окажет негативное влияние на ребенка. После того как вышестоящие судебные инстанции оставили судебное решение без изменения, в 2019 г. биологический отец обратился в Европейский суд по правам человека за защитой своих

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2021).

[2] «Родитель № 1 и родитель № 2»: как отменяют мам и пап. URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/02/14/12960301.shtml (дата обращения: 18.02.2021).

[3] Ст. 1, 12 «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2021).

[4] Юлия Савиновских из Екатеринбурга, у которой отняли приемных детей, призналась, что она транссексуал. URL: https://info24.ru/news/juliya-savinovskih-iz-ekaterinburga-u-kotoroj-otnyali-priemnyh-detej-priznalas-chto-ona-transseksual.html (дата обращения: 18.10.2020).

[5] «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2021).

[6] *Азаров Ю.П.* Семейная педагогика: Педагогика Любви и свободы. М. 1993.

[7] Постановление Правительства РФ от 14.02.2013 № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2021).

[8] ВОЗ исключила трансгендерность из списка психических расстройств. URL: https://vademec.ru/news/2019/05/31/voz-isklyuchila-transgendernost-iz-spiska-psikhicheskikh-rasstroystv/ (дата обращения: 18.02.2021).

родительских прав.[1] Окончательное решение по данному делу в настоящий момент еще не принято.

В соответствии с ч. 2 ст. 73 СК РФ ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие).[2] Когда гражданин ощущает себя как лицо противоположного пола, он проходит длительное медицинское наблюдение у врачей-психиатров, как правило, не менее двух лет, в результате которого врачебная комиссия может диагностировать наличие психического расстройства – «транссексулизм», что подтверждается специальным документом.[3] Более того, в ходе проведенного российскими учеными комплексного исследования в данной области, было установлено, что большинство пациентов (87 %) помимо транссексуализма страдают расстройствами шизофренического спектра, расстройствами личности и другими психическими расстройствами.[4] Как правило, после смены половой принадлежности проблемы больных в психологической и эмоциональной сфере не исчезают, на практике имеют случаи самоубийства среди таких лиц. Кроме того, американскими учеными из университета Брауна были зафиксированы участившиеся случаи «гендерной дисфории» среди несовершеннолетних, основными причинами тому, как было выявлено, послужили общение с трансгендерными лицами, а также просмотр в сети «Интернет» ресурсов, связанных с трансгендерной тематикой.[5] В связи с этим, можно говорить о том, что совместное проживание несовершеннолетних детей с трансгендерами может содержать в себе вероятную угрозу формирования у несовершеннолетних искаженных полоролевых представлений, стремления к смене пола. Однако однозначно утверждать о негативном влиянии детско-родительских отношений в подобных случаях пока не представляется возможным. Таким образом, в случае если суд придет к выводу, что наличие такого психического заболевания с учетом иных установленных фактических обстоятельств является опасным для ребенка, то принятие решения об ограничении родительских прав будет полностью соответствовать семейному законодательству.

Кроме того, в правовой науке неоднократно высказывалась позиции о необходимости лишения родительских прав в аналогичных ситуациях. Однако использование данного подхода на практике будет являться необоснованным по следующим основаниям. Лишение родительских прав является наиболее строгой мерой семейно-правовой ответственности, которая наступает за виновное поведение родителей по отношении к своим несовершеннолетним детям. Сама по себе смена пола не связана с неисполнением или ненадлежащим исполнением родительских обязанностей. В связи с чем, не представляется возможным включения в статью 69 СК РФ такого основания лишения родительских прав как осуществление операции по изменению пола.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что действующее семейное законодательство, закрепляющее основания прекращения брака, а также категории лиц, имеющих право усыновить ребенка, принять его под опеку, попечительство, взять в приемную семью, нуждается в пересмотре. Предложенные изменения позволят расторгнуть брак, в котором супруг изменил половую принадлежность, в упрощенном порядке, а также более эффективно обеспечить защиту личных неимущественных прав и интересов несовершеннолетних лиц. Появление в судебной практике подобной категории дел свидетельствует о необходимости поиска наиболее оптимального решения назревших проблем, связанных с переменой пола.

[1] Россиянин сменил пол, его лишили родительских прав. URL: https://www.fontanka.ru/2019/12/16/059/ (дата обращения: 18.02.2021).

[2] «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2021).

[3] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23.10.2017 г. № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола». URL: https://rg.ru/2018/01/23/minzdrav-prikaz850-site-dok.html (дата обращения: 18.02.2021).

[4] Психопатологическая коморбидность расстройств половой идентичности. URL: https://arbat25.ru/o-czentre/publikaczii-i-stati/psixopatologicheskaya-komorbidnost-rasstrojstv-polovoj-identichnosti (дата обращения: 18.02.2021).

[5] Пропаганда превращает подростков в трансгендеров. URL: https://pro-lgbt.ru/550/ (дата обращения: 18.02.2021).

Чумнова С.Ю.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Абанина Е.Н., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. *на сегодняшний день правовое регулирование экологической информации является актуальной темой для исследования. В статье рассматриваются вопросы реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ней. Проанализированы нормативно-правовые акты, которые закрепляют и конкретизируют данные права.*

Ключевые слова: *право на экологическую информацию, экологическая информация, правовое регулирование экологической информации, благоприятная окружающая среда.*

Chumnova S.U.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Abanina E.N. PhD, associate professor the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL INFORMATION IN RUSSIA

Abstract. *Today, the legal regulation of environmental information is a topical topic for research. The article discusses the implementation of citizens for favorable information about it. Analyzed the regulatory legal acts that consolidate and concretize these rights.*

Keywords: *the right to environmental information, environmental information, legal regulation of environmental information, favorable environment.*

В эпоху цифровизации информация представляет собой мощный инструмент для решения социальных, экономических, политических проблем. Открытость информации, ее доступность населению становятся не только фактором, значительно ограничивающим возможность нарушения государством прав и свобод человека и гражданина, но и фундаментом для развития гражданского общества.

Основу эколого-информационных отношений составляет Конституция РФ, в соответствии с которой право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды отнесено к числу основных прав человека и гражданина.[1] Право на получение экологической информации позволяет гражданам так же реализовать и другие конституционные права: право на благоприятную окружающую среду, на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Так же в соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.[2] В Федеральном Законе РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» провозглашается гласность и открытость информации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также о деятельности федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаций в этой области[3].

Ранее российское законодательство не содержало официального понятия «экологическая информация», а определить, что же относится к экологической информации возможно было лишь по собирательному образу, что негативно сказывалось на правоприменительной практике.

На сегодняшний день Федеральным законом от 09.03.2021 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены следующие изменения: «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация) – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления об окружающей среде, в том числе о ретроспективном, текущем и прогнозируемом состоянии окружающей среды, ее загрязнении, происходящих в ней процессах и явлениях, а также о воздействии на окружающую среду осуществляемой и планируемой хозяйственной и иной деятельности, о проводимых и планируемых мероприятиях в области охраны окружающей среды.»[4]

Скрывать информацию о состоянии экологии можно будет в случае – если она составляет государственную тайну, что вполне обоснованно.

Дополнительно, государство вправе отказать субъекту права на экологическую информацию в предоставлении этой информации, если она затрагивает:

а) интересы национальной безопасности;

б) конфиденциальность материалов работы высших органов публичной власти и управления и конфиденциальность рассмотрения вопросов, касающихся международных отношений и национальной обороны;

в) вопросы, которые находятся на рассмотрении судебных органов или на этапе предварительного следствия (включая дисциплинарное расследование);

г) коммерческую и производственную тайну, включая интеллектуальную собственность;

д) конфиденциальность личных данных и/или данных национальной паспортной системы, архивов;

е) материалы, разглашение содержания которых может повлечь за собой угрозу окружающей среде или если ее компонентам может быть нанесен вред;

ж) материалы, предоставленные третьим лицом, если это лицо не связано законом или обязательством поступать подобным образом или если на это лицо не может быть возложено такое обязательство, и в тех случаях, когда это лицо не давало согласия на обнародование таких материалов[5].

На мой взгляд, закрепление понятия в основном экологическом законе – это большой скачок в сфере правового регулирования доступа к экологической информации. Однако, рано говорить об эффективности российского экологического законодательства, пока Россия не подписала Орхусскую конвенцию о доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. В России вопрос о присоединении к Орхусской конвенции решается уже на протяжении 20 лет. В отличие от всех остальных основных конвенций по экологическому праву этот документ все еще не

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.03.2021).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, дата обращения: 18.03.2021.

[3] Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. № 35, ст. 3648. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.03.2021).

[4] Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газет. 2021. № 52.

[5] Модельный закон «О доступе к экологической информации». Принят на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 10-7 от 6 декабря 1997 года). Интернет-портал правовой информации АО «Кодекс», 2021 http://docs.cntd.ru/document/901914300 (дата обращения: 18.03.2021).

был подписан российской стороной.[1] В декабре 2016 г. был составлен график разработки Минприроды нормативных актов, обеспечивающих присоединение России к Орхусской конвенции. Подписание и ратификация конвенции включена в План реализации Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г. (Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2012 № 2423-р «Об утверждении Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.»[2]. Возможно, легитимное закрепление понятия «экологическая информация» позволит принять Орхусскую Конвенцию и это станет следующим шагом к совершенствованию природоохранного законодательства.

Также, право граждан на информацию о состоянии окружающей среды, в свою очередь, порождает обязанности у органов государственной власти и органов местного самоуправления размещать в сети Интернет согласно п. 4-5 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»:

- информацию о состоянии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и принятых мерах по обеспечению их безопасности, о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях, о приемах и способах защиты населения от них, а также иную информацию, подлежащую доведению государственным органом, органом местного самоуправления до сведения граждан и организаций в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации;
- информацию о результатах проверок, проведенных государственным органом, его территориальными органами, органом местного самоуправления, подведомственными организациями в пределах их полномочий, а также о результатах проверок, проведенных в государственном органе, его территориальных органах, органе местного самоуправления, подведомственных организациях.[3]

Несмотря на широкое правовое регулирование данной области, возникают пробелы в сфере исполнения данного закона, что подтверждается примером, произошедшем совсем недавно.

Люди воспринимают информацию об окружающей среде и ее проблемах особенно остро, ведь здоровье человека напрямую связано с состоянием окружающей среды. Знание населения по экологическим вопросам, а также уровень экологической культуры в обществе зависят от профессиональной деятельности СМИ. Так, в сентябре 2020 г. произошел общественный резонанс, когда было обнаружено загрязнение акватории на Камчатке, в связи с чем произошла массовая гибель животных. О произошедшем люди стали узнавать из социальных сетей, где о случившемся рассказывали местные жители, пытаясь донести масштабы трагедии, а вовсе не из официальных источников средств массовой информации. Региональное минприроды опубликовало видеозапись с комментарием: «Цвет воды нормальный, запах воздуха обычный, пляж совершенно чистый». На кадрах виден пляж без следов загрязнения. В этот же день журналист Юрий Дудь показал в Instagram снятое местными серферами видео, на котором заметна береговая линия с нефтяными пятнами, а также сотни погибших представителей морской фауны.[4] С помощью активного распространения информации о случившемся, людям удалось привлечь внимание органов государственной власти и официальных СМИ. Не является ли это сокрытием информации и прямым нарушением конституционных прав человека на достоверную информацию?

Стоит отметить, история загрязнения океана показала, что ни на Камчатке, ни в России нет отлаженной системы экологического мониторинга. Нет и системы предупреждения природных явлений, которая могла бы оградить людей от вредных влияний окружающей среды. Отсутствие такой системы можно воспринимать как халатность, но многие видят за этим корысть – раз нет системы мониторинга, то никто ничего не узнает.

После данного инцидента на Камчатке запустили комплексную систему мониторинга экологической обстановки с доступом всех жителей к ней и возможностью обратной связи. Губернатор Камчатского края Солодов Владимир заявил, что первое и необходимое условие для доверия граждан к власти – информационная открытость.[5] Так, экологическая проблема стала двигателем прогресса и поспособствовала социальным информационным инновациям.

Однако, это только начало большого сложного пути. Сбор и открытость экологической информации напрямую зависит от состояния и развития информационных систем в государстве. В идеале это должна быть система, которая действует как комплексная информационная платформа для управления окружающей средой, обмена информационными ресурсами и как информационный сервис.

Однако в настоящий момент создание такой платформы оперативно невозможно из-за разнородности формата данных и технической составляющей каждого из субъектов обмен данными друг с другом затруднен. Следовательно, общественность не сможет получить достаточную выгоду. Единая платформа необходима для интеграции данных из органов, отвечающих за водное хозяйство, метеорологию, земли, сельское, лесное хозяйство, других ведомств, а также социальных данных, производи-

[1] Василевская Д. В ожидании ратификации. Участие России в международных соглашениях по охране окружающей среды// Экология и право. 2018. № 70. С. 40-43.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2012 № 2423-р «Об утверждении Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 10.08.2016) // СЗ РФ. 2012. № 52, ст. 7561.

[3] Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2009. № 7, ст. 776.

[4] Яровая сообщила о возбуждении дела после загрязнения воды на Камчатке// РБК.URL: https://www.rbc.ru/society/04/10/2020/5f7943089a7947458d291b8e (дата обращения: 18.03.2021).

[5] На Камчатке запустят систему мониторинга экологической обстановки// Парламентская газета.URL: https://www.pnp.ru/politics/na-kamchatke-zapustyat-sistemu-monitoringa-ekologicheskoy-obstanovki.html (дата обращения: 18.03.2021)

мых предприятиями, физическими лицами и так далее[1]. Это должна быть единая информационная система, в которую имеют доступ для размещения открытой экологической информации органы государственной власти федерального и регионального уровня, органы местного самоуправления, хозяйствующие субъекты, который своей деятельностью воздействуют на окружающую среду – и ограниченный доступ у граждан, которые могут получить информацию, но не могут изменить ее в системе.

Кроме того, и участие хозяйствующих субъектов на такой платформе будет затруднительно. Многие предприятия технически отстают в перспективе обмена экологическими данными, другие предприятия не хотят инвестировать в охрану окружающей среды. Поэтому государству необходимо ускорить разработку, внедрение и применение технологий больших данных, которые смогут объединить, казалось бы, несвязанную, фрагментированную информацию об окружающей среде. Использование технологий, связанных с большими данными, таких как базы данных, технологии моделирования, а также интернет-технологии обеспечат экологическую защиту с помощью интегрированной системы для лиц, принимающих решения в области окружающей среды[2].

Отличительными особенностями применения технологии больших данных в единой информационной системе являются:

1. С точки зрения технического построения, наилучшим решением является создание информационной системы поверх платформы облачных вычислений с виртуализацией, которая может решить проблему плохой масштабируемости и низкого использования ресурсов.

2. Технология обработки больших данных, которая преодолевает ограничения традиционных данных; сбор, обработка, преобразование этих разнородных данных в соответствующие форматы и типы, а также применение этих данных для принятия экологических решений.

3. Моделирование и анализ – основная технология больших данных. Используется технологии нового поколения, искусственный интеллект и другие технологии для внедрения инноваций в приложениях и обеспечения персонализированных услуг для лиц, принимающих решения в области окружающей среды на основе обработанной экологической информации[3].

Безусловно, это следующий шаг, который обеспечит доступ к экологической информации всех заинтересованных лиц. В настоящее время прорывом является легитимация экологической информации в законодательстве. Несомненно, принятие изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» благоприятно скажется на эффективном решении задач обеспечения рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды всеми субъектами, участвующими в этом процессе. А надлежащее обеспечение реализации права граждан на доступ к экологической информации будет способствовать подотчетности и открытости процесса принятия решений и усилению поддержки общественностью решений в области окружающей среды, осведомленности о процедурах участия в процессе принятия решений по вопросам, касающихся окружающей среды, свободному доступу к ним и знать, каким образом пользоваться ими. Однако мировая тенденция растущей экологической ответственности ставит новые задачи перед обществом и государством, значительно повышается заинтересованность граждан к экологическому состоянию страны, что требует особого внимания государства в сфере правового регулирования экологической информации.

[1] *Ченг Ч.М., Ли В., Сонг Х.* Размышляя о конструировании больших данных для экологической среды // Управление окружающей средой Китая. 2015. № 7. С. 9-13.

[2] Лю Р., Цао К., Се Т. Обсуждение тенденции развития экологической информационной службы. // Окружающая среда. 2013. № 23. С. 187-190.

[3] Ин С., Яньхун С. Размышляя о тенденциях развития системы экологической информацииДля цитирования // IOP Conf. Серия: Материаловедение и инженерия. 2018. № 439.

Шадевская Д.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Овчинникова Н.О., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

ПРАВО НА ЗАЩИТУ: ПРАКТИКА НОВЫХ КАССАЦИОННЫХ СУДОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы обеспечения права на защиту, в том числе в случаях, когда адвокаты при осуществлении защиты по уголовным делам занимают позицию вопреки мнению доверителя. Новые кассационные суды рассматривают это как безусловное основание для отмены приговора, иного судебного решения. Предложены отдельные рекомендации по формулированию адвокатом своей позиции по делу.*

Ключевые слова: *кассационный суд общей юрисдикции, право на защиту, основания отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке, права и обязанности адвоката по уголовному делу.*

Shadevskaya D.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Ovchinnikova N.O., docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

THE RIGHT TO DEFENSE: NEW CASSATION COURTS PRACTICE

Abstract . *The article reviews the issues of enforcement of the right to defense including in cases when attorneys acting as defendants in criminal cases occupy a position contradicting the principal's opinion. New cassation courts review this as an unconditional ground for sentence cancellation and issue of another court ruling. The authors bring forward some recommendations for wording of the position in a case by an attorney.*

Keywords: *cassation general jurisdiction court, right to defense, ground for cancellation or amendment of a court ruling in cassation proceedings, rights and obligations of an attorney in a criminal case.*

В соответствии со ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) подсудимый имеет право возражать против обвинения, защищаться средствами и способами, не запрещенными законом, пользоваться помощью защитника[1].

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитник осуществляет защиту прав и интересов подсудимого и оказывает ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В силу ч. 7 ст. 49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, что исключает, в том числе, занятие адвокатом позиции по делу, противоречащей позиции его подзащитного, а также объективно существующим интересам данного подзащитного.

В п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» Российской Федерации закреплено требование о том, что адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя. Из этого же положения исходит и Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятый VIII Всероссийским съездом адвокатов.

Несмотря на указанные правила, нередко имеют место случаи, когда позиция адвоката в части вопросов виновности подсудимого, доказанности вины, квалификации его действий и других существенных обстоятельств дела противоречит позиции подсудимого. Новые кассационные суды обращают внимание на данное обстоятельство и расценивают его как нарушение права на защиту.

Например, по приговору Ленинского районного суда г. Краснодара от 6 мая 2019 г. гражданин П. осужден по ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) к лишению свободы на срок 3 года[2]. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения. По кассационной жалобе осужденного Четвертый кассационный суд общей юрисдикции состоявшиеся судебные решения отменил и направил дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции. Кассационный суд пришел к выводу о том, что при рассмотрении судом первой инстанции уголовного дела было нарушено право П. на защиту. В судебных прениях адвокат Б. просил, с учетом отсутствия отягчающих обстоятельств и наличия смягчающих обстоятельств, отнестись к подсудимому снисходительно и не лишать его свободы, назначив условное наказание, т.е. фактически указал на виновность подсудимого П. в совершении преступления. В то же время подсудимый П. в ходе судебного разбирательства оспаривал свою виновность в совершении преступления, в прениях утверждал, что наркотические средства ему подложили сотрудники полиции. В последнем слове он также не соглашался с обвинением, указывая, что наркотические средства ему подкинули.

В расхождении позиций адвоката и подсудимого кассационный суд усмотрел нарушение права на защиту подсудимого, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона[3].

Другой пример. Лабытнангский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа 18 октября 2019 г. осудил Т. за покушение на убийство по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ к лишению свободы. Суд апелляционной инстанции оставил приговор без изменения. В кассационной жалобе Т. приводил многочисленные доводы, которые в целом сводились к тому, что его действия подлежали квалификации по ст. 111 или 114 УК РФ, т.к. он сам оборонялся от нападения потерпевшего. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции отменил приговор и апелляционное определение, придя к выводу о том, что нарушено право обвиняемого на защиту. Нарушение усматривалось в том, что осуществлявший защиту Т. в суде первой инстанции адвокат Д. просил квалифицировать действия подсудимого по ч. 1 ст. 114 УК РФ и назначить наказание, не связанное с лишением свободы. Между тем в судебном заседании суда первой инстанции Т. утверждал, что нанес потерпевшему два удара ножом с целью самообороны, он защищался от действий потерпевшего, для того чтобы его самого не убили. То есть Т. приводил доводы о самообороне и, соответственно, утверждал о своей невиновности. Такой же позиции он придерживался и в апелляционной жалобе и подтвердил ее в заседании суда апелляционной инстанции. В этом кассационный суд усмотрел нарушение права на защиту в суде первой и апелляционной инстанций. Но в то же время в кассационной жалобе осужденный уже изменил свою позицию и указывал, что его действия должны быть квалифицированы по ст. 111 или по ч. 1 ст. 114 УК РФ, т.е. он согласился с позицией адвоката[4].

Представляется, что когда позиция осужденного меняется по мере движения дела по стадиям уголовного процесса, не всегда можно утверждать о нарушении права на защиту. В данном конкретном случае такого нарушения не было.

Когда сам осужденный указывает на допущенное нарушение его права на защиту в связи с расхождением в позициях с адвокатом, то это безусловное основание для отмены судебного решения. Например, Н., осужденный по ч. 4 ст. 111 УК РФ, указывал в апелляционной, а затем и в кассационной жалобах, что он вину отрицал полностью, а адвокат просил суд осудить Н. за неосторожное причинение смерти. В этой связи в конце судебного заседания апелляционной инстанции Н. заявил отвод своему адвокату и в кассационной инстанции его интересы представлял другой адвокат.

В данном случае Девятый кассационный суд общей юрисдикции обоснованно признал нарушение права

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Российская газета. 2021. № 41.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2021. № 41.

[3] См.: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 марта 2020 г. № 77-193/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 апреля 2020 г. № 77-468/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

на защиту и отменил состоявшиеся судебные решения[1].

Требование о том, чтобы адвокат никак не отклонялся от позиции подзащитного, в отдельных случаях представляется формальным и даже необоснованным. Например, вина подсудимого полностью доказана. Но в силу различных причин обвиняемый вину отрицает (например, ему стыдно признаться перед родными в совершении преступления). Адвокат, ознакомившись с делом, понимает, что линию защиты необходимо выстраивать по пути смягчения наказания, однако это недопустимо, т.к. подзащитный вину отрицает. Адвокат вынужден избрать иную линию защиты, основанную на полном отрицании вины его подзащитным. Представляется, что это неверный подход, обреченный на неудачу, поскольку для адвоката очевидно, что обвинительного приговора не избежать, но исходя из позиции обвиняемого он вынужден повторять слова своего подзащитного. Как же быть в подобных ситуациях.

Думается, что нарушение права на защиту в связи с расхождением в позициях обвиняемого и его защитника следует определять, в том числе, и с учетом мнения обвиняемого, осужденного. Например, возможна такая ситуация, что обвиняемый не признает вину, говорит о своей невиновности. И в то же время обвиняемый предоставляет адвокату полную свободу действий: действуйте, как считаете нужным. Адвокат исходя из материалов уголовного дела ведет защиту с упором на наличие смягчающих обстоятельств с целью снижения наказания. Осужденный против избранной тактики не возражает.

Впоследствии в апелляционной или кассационной инстанции суд, установив расхождение в позициях осужденного и его защитника, ставит перед осужденным вопрос: не возражал ли он против такой позицией защиты. И если осужденный не считает позицию адвоката нарушением своего права на защиту, а избранная линия защиты позволила смягчить наказание и улучшить положение подсудимого, то нет оснований для отмены судебного решения нижестоящего суда.

Что характерно, судебная практика требует от адвоката придерживаться позиции своего подзащитного даже в тех случаях, когда он освобождается от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ.

Например, постановлением Рязанского областного суда В. был освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. К нему применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства В. неоднократно заявлял о своей непричастности к убийству, утверждал, что в день убийства потерпевшего не видел, а возле места, где было совершено убийство, видел двух мужчин. Адвокат, защищавший в суде В., его позицию не поддержал, заявил, что стороной защиты не будут представлены какие-либо доказательства. В судебных прениях адвокат отметил, что выводы о совершении В. деяния, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не представляется возможным опровергнуть доказательствами, свидетельствующими о его непричастности к инкриминируемому преступлению, его виновность доказывают и результаты проведенных экспертиз. Не была поддержана позиция В., отрицавшего свою причастность к убийству, и его законным представителем.

Конечно же, нарушение права на защиту не ограничивается лишь расхождениями в позиции обвиняемого, осужденного и его защитника. Она носит многофакторный и широкий характер. Нередко право на защиту подозреваемого, обвиняемого, осужденного, умышленно или по незнанию, нарушает сам адвокат. В отдельных случаях адвокаты дают согласие на незаконные действия следователей, что также охватывается общим понятием нарушения права на защиту.

Например, А. и Г. привлекались к уголовной ответственности за вымогательство (п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ). Преступление они совершали в период 2015-2017 гг., когда были несовершеннолетними. На момент возбуждения уголовного дела А. и Г. уже исполнилось 18 лет. Особенности производства по уголовным делам по обвинению несовершеннолетних регламентируются гл. 50 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 420 УПК РФ требования гл. 50 УПК РФ применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет. Вопреки требованиям закона, предварительное расследование по уголовному делу в отношении А. и Г. осуществлялось в общем порядке, без особенностей, установленных гл. 50 УПК РФ. Законные представители несовершеннолетних к участию в уголовном деле не привлекались. Более того, адвокат подсудимого А. подал следователю заявление от подсудимого – об отказе от законного представителя. На данном заявлении адвокат написал «согласен» и согласовал тем самым незаконные действия и решения следователя.

Каспийский городской суд Республики Дагестан осудил А. и Г., не учитывая положения гл. 50 УПК РФ. Не обратила на данное обстоятельство внимание и апелляционная инстанция Верховного Суда Республики Дагестан. Пятый кассационный суд общей юрисдикции указал, что неприменение при предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела особенностей, предусмотренных гл. 50 УПК РФ, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, и отменил состоявшиеся судебные решения[2].

Полагаем, что незаконные действия адвоката по данному уголовному делу требовали специального рассмотрения Адвокатской палаты региона.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции пришел к выводу о том, что изменение оценки вида соучастия подсудимого, его роли в совершении преступления может повлечь нарушение его права на защиту. Новая

[1] Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июня 2020 г. № 77-319/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2020 г. № 77-89/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

квалификация содеянного предполагает иные по характеру действия подсудимого и имеет существенные отличия с точки зрения объективных и субъективных признаков от ранее предъявленного обвинения. По указанным основаниям Шестой кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное определение и уголовное дело направил на новое апелляционное рассмотрение[1].

Таким образом, новые кассационные суды формируют новую судебную практику с упором на более строгие требования к неукоснительному обеспечению права лица на защиту. Данный подход представляется правильным, поскольку защита интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту является принципиальным нормоположением и определяет назначение уголовного судопроизводства.

Ширяева Я.Р.
магистрант ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Манова Н.С., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ОБВИНЕНИЕ: ПРОБЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме соотношения понятий «уголовное преследование» и «обвинение». Автор, проанализировав точки зрения советских и современных ученых-процессуалистов, приходит к выводу, что, исходя из смысла действующего уголовно-процессуального закона, уголовное преследование представляет собой направление уголовно-процессуальной деятельности (процессуальную функцию), а обвинение, наряду с подозрением, являются формами ее реализации.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, уголовное преследование, обвинение.*

Shiryaeva Y.R.
master's student of Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Manova N.S., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CRIMINAL PROSECUTION AND PROSECUTION: PROBLEMS OF CORRELATION

Abstract. *The article is devoted to the problem of correlation between the concepts of "criminal prosecution" and "prosecution". The author, analyzing the points of view of Soviet and modern scientists-processualists, comes to the conclusion that, based on the meaning of the current criminal procedure law, criminal prosecution is a direction of criminal procedure activity (procedural function), and prosecution, along with suspicion, are forms of its implementation.*

Keywords: *criminal process, criminal prosecution, prosecution.*

Соотношение понятий «уголовное преследование» и «обвинение» вызывает множество дискуссий в теории уголовного процесса. И во многом это связано с тем, как эти понятия определяются в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с действующим УПК РФ, «обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом запрещенного уголовным законом деяния, выдвинутое в установленном законом порядке» (п. 22 ст. 5), а уголовное преследование – это «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Несмотря на различные дефиниции этих категорий, законодатель в п. 45 ст. 5 УПК РФ приравнивает данные понятия, говоря о том, что «стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняют на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения».

То, что законодатель использует в УПК РФ понятия «обвинение» и «уголовное преследование» как синонимы, следует и из содержания ст. 20, которая называется «Виды уголовного преследования». Как отмечает В.А. Андреянов, «УПК РФ, говоря о формах обвинения, включает в их содержание не только, строго говоря, обвинение, но и порядок осуществления уголовного преследования, поскольку форма обвинения, определяемая, прежде всего, частным или публичным интересами, опосредует движение всего уголовного судопроизводства»[2].

Многие советские ученые-процессуалисты также рассматривали уголовное преследование как обвинение лица в совершении определенного преступления. В частности, профессор М.С. Строгович писал об уголовном преследовании как деятельности следователя, направленной на то, чтобы изобличить обвиняемого в совершении преступления, доказать его виновность, обеспечить применение к нему заслуженного наказания[3]. В работах ряда других советских ученых уголовное преследование трактовалось как основанная на законе процессуальная деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и по обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться его публичного осуждения. Профес-

[1] См.: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 г. № 77-1253/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Андреянов В.А.* Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 16. См. также: *Ротар А.И.* Соотношение категорий «обвинение» и «уголовное преследование» // Евразийский союз ученых. 2014. № 7-5 (7). С. 1.

[3] См.: *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 65.

сор В.М.Савицкий также отмечал, что суть уголовного преследования заключается в обвинении конкретного лица, в его изобличении в совершении преступления[1].

Тем самым в советский период понятия «обвинение» и «уголовное преследование» не просто использовались для обозначения одной процессуальной функции, но и фактически отождествлялись[2]. Но подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные ученые-процессуалисты, отмечая, что понятию «обвинение» соответствуют процессуальные действия по наделению лица статусом подозреваемого и обвиняемого, по предъявлению обвинения, утверждению прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта) с направлением уголовного дела в суд[3].

В настоящее время вопрос о равнозначности терминов «уголовное преследование» и «обвинение» получил новое звучание. Ряд ученых полагает, что «исходя из анализа п. 22 и 55 ст. 5 УПК РФ, а также из содержания постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П, можно утверждать, что уголовное преследование, представляя собой одну из уголовно-процессуальных функций уголовного процесса, рассматривается в уголовном судопроизводстве в более широком значении, чем обвинение. Кроме того, уголовное преследование можно определить, как уголовно-процессуальную деятельность соответствующих государственных органов и должностных лиц по привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Данная деятельность охватывает возбуждение уголовного дела и расследование обстоятельств преступления, розыск и поимку лица, его совершившего, обоснованное утверждение следователя о виновности лица в совершенном преступлении, а также доказывание его виновности в судебном заседании»[4].

Таким образом, понятие «уголовное преследование», хоть и соответствует смыслу и содержанию деятельности, которая осуществляется стороной обвинения при производстве по уголовному делу, но вместе с тем по своему объему гораздо шире. Обвинение есть результат уголовного преследования, и поскольку появление обвинения является эпицентром уголовного преследования, то эти две категории нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. И в советской, и в современной научной литературе выделяются два этапа осуществления обвинительной деятельности, соответствующие стадиям уголовного судопроизводства (досудебный и судебный): «протекая в форме уголовного преследования обвинение, переходя из одной стадии в другую на этапе предварительного расследования, в конечном счете реализуется на стадиях судебного разбирательства»[5].

Уголовное преследование может быть приостановлено или прекращено, а обвинение – дополнено или отменено. Это свидетельствует о том, что обвинение – это, главным образом, решение, а уголовное преследование – процесс. Следователь, собрав совокупность доказательств, достаточных и дающих основание для обвинения лица в совершении преступления, выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), и это скорее однократное, а не длительное действие, как уголовное преследование.

Мы в полной мере разделяем точку зрения авторов, считающих, что уголовное преследование и обвинение – это, хотя и взаимосвязанные, но все же самостоятельные категории, которые «несут различный смысл и в них заложен различный объем уголовно-процессуальной деятельности»[6]. Исходя из смысла положений действующего уголовно-процессуального закона, уголовное преследование представляет собой направление уголовно-процессуальной деятельности (процессуальную функцию), а обвинение, наряду с подозрением, являются формами ее реализации[7]. Безусловно, что по объему уголовное преследование значительно шире обвинения; оно включает все действия властных участников процесса (следователя, дознавателя и прокурора), направленные на обоснование вывода о виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, уголовное преследование и обвинение отличаются друг от друга объемом, стоящими перед ними целями, процедурой и субъектами их осуществления[8]. Обвинение применяется только к лицу, наделенному статусом обвиняемого, а уголовное преследование может осуществляться и в отношении подозреваемого.

---

[1] См.: *Савицкий В.М.* Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 44.

[2] См.: *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. С. 65; *Альперт С.А.* Участники советского уголовного процесса. Конспект лекции. Харьков, 1985. С. 4; *Нажимов В.П.* Исторические типы формы и виды уголовного процесса // Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989.

[3] См.: *Ягофаров Ф.М.* Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 21; *Аширбекова М.Т.* О некоторых вопросах содержания понятия «уголовное преследование» // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика: матер. межрегион. науч.-практ. конф. Волгоград, 2007. С. 295.

[4] *Лебедев В.М.* Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры). М., 2021. С. 59.

[5] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 147.

[6] См.: *Элькинд П.С.* К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Саратов, 1974. С. 9.

[7] См.: *Корнуков В.М.* Уголовное преследование и реабилитация в российском уголовном процессе: курс лекций. Саратов, 2005. С. 17.

[8] См.: *Сухарева Н.Д.* Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск. 2002. С. 56.

Якубов Э.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Колесникова Т.В., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

О НАЛИЧИИ КОРРУПЦИОГЕННОГО ФАКТОРА В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ОТ 27.07.2010 № 210-ФЗ «ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ»

Аннотация. *Борьба с коррупцией в России является актуальной проблемой последних десятилетий. Необходимость формирования непримиримого отношения к ней и организации жесткого предотвращения ее проявлений вызвана тем, что указанное социально-негативное явление служит тормозом для ускоренного развития экономики страны, причиной углубления социальной дифференциации населения и кризисных явлений в обществе. В статье учитывается личный опыт работы автора в качестве помощника прокурора, в должностные обязанности которого входит проведение антикоррупционной экспертизы.*

Ключевые слова: *коррупциногенный фактор, государственные и муниципальные услуги, коррупция.*

Yakubov E.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Kolesnikova T.V. PhD, Docent the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

ON THE PRESENCE OF A CORRUPTION-CAUSING FACTOR IN FEDERAL LAW NO. 210 OF 27.07.2010 “ON THE ORGANIZATION OF THE PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES”

Abstract. *The fight against corruption in Russia is an urgent problem of the last decades. The need to form an irreconcilable attitude to it and organize a strict prevention of its manifestations is caused by the fact that this socially negative phenomenon serves as a brake on the accelerated development of the country's economy, the cause of deepening social differentiation of the population and crisis phenomena in society. The article takes into account the personal experience of the author as an assistant prosecutor, whose official duties include conducting anti-corruption expertise.*

Keywords: *corruption-causing factor, state and municipal services, corruption.*

Несомненно, что коррупция является сложным негативным социально-правовым явлением, которое следует рассматривать не только с уголовно-правовой точки зрения, но и с позиций социологической, политологической и криминологической наук. Борьба с коррупцией в нашей стране активно продолжается уже несколько десятилетий. В процесс борьбы с коррупцией вовлечены как различные правоохранительные органы (ведущую роль среди которых по праву занимает прокуратура), так и органы государственной власти, органы местного самоуправления, граждане и юридические лица, их объединения.

Противодействие коррупции не сводится лишь к закреплению коррупционных преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации. Оно имеет системный характер и содержит не только мероприятия, направленные на устранение ее последствий и привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности, но также, что является очень важным, мероприятия по ее предупреждению.

Само предупреждение коррупции можно определить как деятельность субъектов предупреждения, направленная на введение организационной структуры, правил и процедур, регламентированных нормативными документами, обеспечивающих недопущение коррупционных правонарушений. Одним из таких мероприятий была разработка и принятие Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», имеющего превентивный характер[1].

Намного эффективней предотвратить предпосылки возникновения коррупционного конфликта, ставшего возможным благодаря неточности регионального и муниципального правотворчества, чем бороться с последствиями уже совершенного факта. Однако, федеральный законодатель и сам допускает наличие в своих актах положений, устанавливающих необоснованно широкие пределы усмотрения для правоприменителя, или возможность широкого спектра исключений из общих правил, а также положений, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям. Тем самым создаются условия для проявления коррупции.

Именно о допущенном коррупциогенном факторе в Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и пойдет речь в предлагаемой статье.

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп. 30.12.2020 № 479-ФЗ) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4179.

Якушева В.К.
магистрант 2 года обучения ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского»
Научный руководитель: Кондращенко Д.А., к.ю.н., доцентом кафедры конституционного и муниципального права

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВНОГО ДОСТУПА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ГОСУДАРСТВЕНУЮ СЛУЖБУ В ВОПРОСАХ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА

Аннотация. *Значение конституционного принципа равенства нельзя недооценивать, именно указанный принцип имеет регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования как прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона. Рассматривая генезис принципа равенства при поступлении и прохождении государственной гражданской службы как в зарубежных странах, так и в России, отметим, что указанный принцип закреплен не только в международно-правовых актах, но и на самом высоком уровне в большинстве современных государств (в основном – Конституции), что говорит о высоком значении его реализации для успешного функционирования национальных систем государственного управления. На практике же конституционно ничем не ограниченный принцип равного доступа, в действующем законодательстве находит ряд пределов и ограничений.*

Ключевые слова: *государство, государственная служба, конституционные принципы, принцип равенства.*

Yakusheva V.K.
2-year Master's student of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky
Supervisor: Kondrashenko D.A., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUAL ACCESS TO THE CIVIL SERVICE IN THE FIELD OF GENDER ISSUES

Abstract. *The importance of the constitutional principle of equality cannot be underestimated, it is this principle that has a regulatory impact on all spheres of public relations and acts as a constitutional criterion for evaluating legislative regulation of both rights and freedoms enshrined directly in the Constitution of the Russian Federation, but also rights acquired on the basis of the law. Considering the genesis of the principle of equality in entering and passing the state civil service both in foreign countries and in Russia, we note that this principle is enshrined not only in international legal acts, but also at the highest level in most modern states (mainly the Constitution), which indicates the high importance of its implementation for the successful functioning of national public administration systems. In practice, the constitutionally unrestricted principle of equal access finds a number of limits and limitations in the current legislation.*

Keywords: *state, public service, constitutional principles, the principle of equality.*

Вопрос о принципах государственной службы не перестает быть актуальным в структуре института государственной службы и в настоящее время. Обуславливается указанное, во-первых, с позиции позитивного подхода реорганизации тех или иных процессов и явлений государственной гражданской службы; во-вторых, с позиции организации выполнения обязанностей служащими на самом высоком уровне.

Мы предлагаем в своей работе рассмотреть принцип равного доступа при поступлении на государственную службу в современной России через призму гендерного равенства. Обратим особое внимание, что гендерное равенство нас интересует не столько с точки зрения равенства прав и свобод мужчин и женщин, сколько с точки зрения равенства возможностей мужчин и женщин для реализации личностных и профессиональных качеств[1].

Согласимся с мнением профессора РАНХиГс Н.Н. Коростылевой по определению государственной службы с точки зрения гендерного подхода: «Указанное представляет собой четкую иерархическую систему с определенной социопрофессиональной средой, где происходит становление, формирование и совершенствование профессиональной деятельности мужчин и женщин – государственных служащих с учетом их статусно-ролевых, ценностно-ориентационных и личностных характеристик»[2].

Отметим, что в настоящее время сформировалась тенденция к процессу феминизации государственной службы. Подтверждается сказано следующей статистикой: с 2003 г. и по настоящее время соотношение мужчин и женщин на государственной службе распределено в пропорции 70 к 30 (2003 год: мужчины 30,5 %, женщины 69,5; 2011 год: мужчины 28,7 %, женщины 71,3 %; 2016 год: мужчины 28,6 %, женщины 71,45 %).

Указанная статистика весьма объяснима. Так, по итогам проведенного опроса Институтом государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации среди государственных служащих на предмет мотивации людей при поступлении на государственную службу, большинство женщин объяснили

[1] *Булычев Е.Н.* Принцип равенства и проблемы его закрепления в Конституции Российской Федерации// Права человека в евразийском пространстве. 2016. № 2 (21). С. 61-63.

[2] *Коростылева Н.Г.* Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // Государственная служба, 2015, № 5 (97). С. 47-51.

свой выбор гарантиями социальной стабильности и защищенности (63 % опрошенных), желанием принести свою пользу обществу (34 %). И первое, и второе утверждение вполне отражают реалии служащих не руководящего состава.

Что касается мужчин, то свой выбор они объясняют материальным аспектом (постоянный заработок – 47 %), а также желанием карьерного роста (38 %).

Но не стоит думать, что большее количество женщин-служащих и на руководящих должностях.

Рассмотрим и другой аспект государственной службы – феномен «гендерной пирамиды» – чем вывшее и значимее должность, тем большее количество мужчин являются руководителями. Интересны данные Росстата по указанному вопросу[1]: в 2019 г. в высшей группе должности «руководители» занимали 62,8 % мужчин и 37,2 % женщин. Заметим, что в младшей группе должностей категории «обеспечивающие специалисты» мужчин крайне мало (2016 г. – 12,4 % мужчин против 87,6 % женщин, 2017 г. – 12,9 % и 87,1 %, соответственно).

Попробуем разобраться в причинах такого «распределения» должностей среди мужчин и женщин. На наш взгляд, стоит говорить и о стереотипном мышлении, согласно которому мужчина – руководитель, женщина – подчиненный. Также отнесем и тот факт, что большинство женщин более интересует семья, нежели чем работа и карьерный рост (что весьма обосновано социальной ролью и предназначением женщины). Указанное вполне обоснованно, т.к. не многие руководители могут «похвастаться» достаточным количеством времени для семьи.

Приведенные примеры, а также данные опроса самих государственных служащих позволяют придти к выводу, что в современной России отсутствует гендерный подход в построении государственной службы. В связи с этим интересным видится опыт зарубежных стран.

Например, в 2015 г. Бундестаг принял закон «О равноправном участии женщин и мужчин на руководящих позициях в частном и общественном секторах» [2], согласно которому для публичных частных компаний с количеством сотрудников более 2 тыс. человек назначается квота, по которой женщины должны занимать в совете директоров или «в другом ответственном органе» не менее 30 % от общего числа руководителей. В последующем при каждом обновлении руководящего органа не менее 30 % мест в нем должно отдаваться женщинам.

Гендерные квоты для женщин при формировании органов представительной власти существуют в Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании. Именно скандинавские страны могут «похвастаться» наибольшим количеством женщин государственных служащих: порядка 40-44 % в парламентах указанных государств занимают женщины.

Порой незаслуженно не уделяется должного внимания вовлеченности женщин в представительные органы власти африканских странах и странах Южной Америки. Однако наиболее высокие показатели полового равенства (отметим, что многие ученые говорят о половом равенстве лишь при достижении женщинами наибольшего представительства в выборных органах. Мы же придерживаемся точки зрения, согласно которой должны быть созданы равные возможности для всех граждан вне зависимости от индивидуальных особенностей) зафиксированы не в Европе, а в Африке и Южной Америке. Хотя разброс показателей там тоже довольно большой – в Африке, например, наряду с Руандой (рекордно большая доля женщин, 58 %) есть Демократическая Республика Конго (8 %) и Нигерия (6 %). Похожая ситуация в Южной Америке: в Боливии женщины занимают больше половины мест в парламенте (52 %), в то время как в Бразилии – лишь 11 %.

Анализируя опыт стран с большой долей женщин-парламентариев, можно выделить два основных фактора, способствующих гендерному равенству:

1) наличие женского движения, которое способно эффективно лоббировать привлечение женщин в политику;

2) государственная установка, поддерживающая женщин в политике, и положительное отношение к гендерному равенству самих партий.

Рассматривая первую причину, укажем, что в России на сегодня есть довольно сильное движение, занимающее исключительно развитием прав женщин – Союз женщин России[3], который был создан по инициативе Валентине Матвиенко и в настоящее время насчитывает представительства в 82 субъектах Российской Федерации.

В соответствии с международными и национальными обязательствами Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства на уровнях принятия решений, Администрацией Президента Кыргызской Республики и Программой развития ООН в 2007 г. был инициирован проект «Продвижение женщин в государственную службу и политику»[4].

Не беремся утверждать, что императивный подход в гендерном вопросе при формировании органов государственной власти, назначении на должности государственной службы должен быть законодательно определен. Мы отстаиваем свою позицию конституционного принципа равенства мужчин и женщин при достижении должностей, реализации своих знаний в карьерном росте.

[1] URL: http://rosstata.ru/ofitsialnyj-sajt/ (дата обращения 01.03.2021).

[2] URL: https://www.rbc.ru/society/06/03/2015/54f982629a7947f118201274 (дата обращения: 01.03.2021).

[3] URL: http://eawfpress.ru/orgs/118/ (дата обращения 01.03.2021)

[4] URL: http://www.kg.undp.org/content/dam/kyrgyzstan/Publications/gender/kgz_Gender%20analysis%20of%20the%20civil%20service_RUS.pdf (дата обращения 01.03.2021)

Ярощук М.В.
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов
Научный руководитель: Донченко А.Г., к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

СИСТЕМНОСТЬ КОМПРОМИССА КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье исследуется возможность отнесения компромисса к институтам уголовного права РФ. Дается анализ сущностных элементов системы уголовного права с различных его аспектов, а также уголовно-правового института. На основе соотнесения результатов анализа и признаков компромисса сформулированы соответствующие выводы и предложение.*

Ключевые слова: *системность, компромисс, институт, система уголовного права.*

Iaroshchuk M.V.
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov
Supervisor: Donchenko A.G., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

SYSTEMITY OF THE COMPROMISE AS THE INSTITUTION OF CRIMINAL LAW

Abstract. *This article examines the possibility of referring the compromise to the institutions of criminal law of the Russian Federation. The author analyzes the essential elements of the system of criminal law from its various aspects, as well as the criminal law institute. Based on the correlation of the analysis results and the signs of the compromise, the corresponding conclusions and proposal were formulated.*

Keywords: *systemity, compromise, institution, system of criminal law.*

В настоящее время компромисс является общеупотребительным понятием, которое применимо к различным сферам жизни общества. Однако универсальность рассматриваемой категории препятствует ее однозначному и точному определению. На наш взгляд, разрешить данную проблему можно с помощью выделения сущностных признаков компромисса, которые характеризуют его в качестве явления, пронизывающего разные сферы жизни людей и в то же время упоминает подавляющее большинство ученых в своих работах. Возможности компромисса привлекли внимание теоретиков и практиков юриспруденции, что, в свою очередь, послужило адаптации данного понятия под правовое поле и возникновению другой многоаспектной категории, «правовой компромисс». Первоначально компромиссу не была присуще правовая, в том числе уголовно-правовая, природа, но в результате анализа уголовно-правового компромисса появилась возможность обозначить его значение, сущность и формы проявления. Более того, в доктрине уголовного права все чаще рассматривают уголовно-правовой компромисс с позиции института уголовного права. Полагаем, что последовательный анализ компромисса в качестве уголовно-правового института будет свидетельствовать о его окончательном закреплении среди методов уголовно-правового характера, которые направлены на осуществление задач уголовного закона, подобно тому, как сложные социальные явления, способные перерасти в правовые институты, в конечном счете завершают свой этап юридизации[1]. Представляется правильным, что для того, чтобы попробовать ответить на вопрос, можно ли рассматривать в качестве уголовно-правового института компромисс, следует соотнести между собой термины «системность», «система», «система уголовного права», «институт права», «институт уголовного права».

Системность стоит рассматривать с позиций методологии познания действительности человеком и мировоззрения, в котором объектом выступает определенная система. Отказ от линейного исследования и односторонней аналитики, а также особый упор на анализ целостного объекта с его структурой, комплексом внешних и внутренних связей, особенностями функционирования и развития – вот то главное, что лежит в основе определения системности. Также стоит отметить, что при конструировании и руководстве абсолютно любыми сложными системами также важны системность и системный подход. При этом достояние последнего заключается в комплексном видении окружающей действительности человеком. Выступая в качестве принципа познания, системность выполняет такие функции, как ориентационную и мировоззренческую.

Системное познание предполагает, на наш взгляд, определенный набор постулатов, среди которых можно выделить следующие: исследование объекта в контексте образующих его множества элементов, определение структуры и организации этих элементов, выявление внешних связей искомого объекта наряду с обозначением ее роли, анализ закономерности существования и развития системы. При изучении определенного объекта именно системность направляет исследователей на выявление системы в той или иной области знаний. Категория «системность» является междисциплинарной, в связи с чем она применима к любому направлению познания. Справедливо отмечается, что системный подход, как и учение о системности, актуальны при проведении исследований в области права[2].

Право, являясь составным элементом общества, связанным с иными сферами его жизни, характеризуется как одна из сложных систем, поскольку играет первостепенную роль в обеспечении порядка и единообразия в регламентации и регулировании общественных отношений. В частности, одним из модификаторов сложности права

[1] См., например: *Бобровник С.В.* Институционализация компромисса и конфликта в праве // Государство и право. 2012. № 1. С. 104; *Пронина М.П.* Компромисс в системе действия права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 37-40; *Парфенов А.В.* К вопросу о классификации правового компромисса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 39-44.

[2] См.: *Денисова А.В.* Принципы российского уголовного права в контексте учения о системности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1 (15). С. 67-73.

является наличие целого ряда отраслей права, которые по отношению к другим составным элементам права являются целым. Общепринятым в науке считается, что под отраслью права понимается его внутреннее строение, структура и взаимосвязь образующих элементов[1]. Одной из малоизученных тем в доктрине уголовного права является система уголовного права, несмотря на значимость данной отрасли. Для того, чтобы решать задачи, которые закреплены в тексте уголовного закона, недостаточно одной, пусть и развитой, совокупности правовых норм. На наш взгляд, такая совокупность должна представлять собой определенную систему, обладать систематичностью. Сложности в определении системы уголовного права, а также его характеристик не являются единичным случаем среди отраслей правовой системы России. В первую очередь, это связано с отсутствием в доктрине единого понимания относительно элементов системы права. Кроме того, полагаем, что немалое внимание ученые уделяют описанию системы отраслей права. Проблематичным также представляется отсутствие единого понимания в отношении видов структурных элементов системы права. Например, существует колоссальное количество классификаций институтов права по тем или иным основаниям, что порой приводит к диаметральным противоположностям. Полагаем, что все это негативно сказывается на появлении и развитии качественно новых норм и институтов для уголовного права, в том числе уголовно-компромиссных норм и института компромисса в уголовном праве. Разрешить подобную ситуацию, по нашему мнению, возможно с помощью четкого соотношения структурных элементов системы уголовного права.

Известно, что отечественное уголовное право рассматривается в контексте нескольких аспектов, а именно: составная часть законодательства, отрасль права, наука, а также учебная дисциплина[2]. Система каждого из данных подходов к уголовному праву сформировалась по-разному, вследствие чего ряд их составных элементов не совпадают. В связи с этим считаем правильным провести анализ искомых элементов для того, чтобы их можно было соотнести и уяснить их содержание. С позиции законодательства уголовное права более формализованно и структуализированно ввиду того, что его составные части находятся в рамках дифференциации и имеют вид части, раздела, главы, статьи. Однако стоит отметить, что эти элементы составлены в соответствии с определенными принципами в целях преодоления препятствий, которые связаны с применением положений закона, а также экономии текста. По этой причине формально закреплены такие нормы и институты, которые представляют особую важность для применения и соблюдения уголовного закона. Полагаем, что поэтому более развитая система институтов уголовного права не может найти свое полное отражение в содержании разделов и глав действующего уголовного закона. По этой причине уголовное право с позиции отрасли права, которая содержит совокупность правил общеобязательного поведения, не может полностью ориентироваться на текст и содержание уголовного закона, т.к. это будет свидетельствовать об отсутствии развития в системе институтов уголовного права.

В рамках уголовного права с позиции системы научных знаний в большей степени уделяется внимание уголовно-правовым институтам, а также их объединениям. Так, одному учению соответствуют несколько институтов уголовного права, а самостоятельное их объединение можно рассматривать в качестве сложного института. При сравнении положений учений доктрины уголовного права и разделов уголовного закона отмечается определенное сходство. Уголовное право в качестве учебной дисциплины по причине роли, которую она выполняет, имеет свои особенности. Дело в том, что учебная дисциплина должна целиком охватывать уголовный закон ввиду того, что обучающиеся должны знать уголовное законодательство и грамотно применять его на практике. Но в то же время уголовный закон не способен целиком подменить собой учебную литературу по уголовному праву. Учебная дисциплина предусматривает постулаты, которые имеют основополагающее значение для теории. Составным элементом дисциплины выступает конкретный вопрос, который в совокупности с другими вопросами составляет конкретную тему. При сравнении дисциплины и норм уголовного права становится заметно, что уголовно правовым нормам соответствуют вопросы, а с уголовно-правовым институтом вполне соотносится тема.

Считается общепринятым рассматривать норму как первичный элемент системы уголовного права. Стоит при этом отметить, что норма уголовного права нисколько не перекрывает значение принципа, т.к. принципы в системе права играют особую роль ввиду того, что все уровни построения права и правовой системы наряду с ее элементами пронизаны принципами. Норма является базовым элементом уголовного права, именно они прослеживаются во всех подходах понимания системы уголовного права. Другим, более сложным, элементом является институт. Полагаем, что качественное исследование элементов системы уголовного права предполагает именно анализ институтов по причине связующей комплексности последних. Системность любой отрасли, в том числе уголовно-правовой, зависит от понимания института. Самое общее понимание института права представлено группой норм права, регулирующих совокупность однородных общественных отношений[3]. На наш взгляд, более подходит определение, в котором институт рассматривается в качестве структурного элемента законодательства, зафиксированного в пределах статьи, группы статей, главы и (или) раздела закона и представленного совокупностью предназначенных для регулирования обособленной группы возникающих по поводу или в результате установления наиболее общих признаков отношений определенных предписаний[4]. Именно данное определение позволяет в полной мере, по нашему мнению, разграничить институт от подотрасли и отрасли права.

---

[1] См.: *Лазарев В.В.*, Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 256.

[2] См.: *Генрих Н.В., Квашис В.Е.* Понятие уголовного права // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 38-45.

[3] См.: Большой юридический словарь // Gufo.me – коллекция словарей и энциклопедий. URL: https://gufo.me/dict/law/институт_права (дата обращения: 14.03.2021).

[4] См.: *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части уголовного права. СПб, 2002. С. 155-156.

Представляется примечательным то, что при изучении института уголовного права много внимания уделяется такому признаку, как нормативность. Отметим, что абсолютно нормативистское представление об институте права сильно урезает понимание права с позиции не только совокупности норм, но и идей и отношений. В настоящее время характерно комплексное понимание права[1]. Через призму не только теории, но и практики необходимо понимать правовой институт по той причине, что так содержание искомого расширяется и включает в себя и нормативный материал, и принципы правовых институтов, и правовые отношения, в том числе уголовно-правовые[2].

Стоит обратить внимание и на количество норм права, которые способны образовать правовой институт. На наш взгляд, исходя даже из самого общего понимания института права видно, что для образования последнего необходима именно совокупность норм, а не единичная норма. Существование института, который состоит из нормы, противоречило бы логике, поскольку институт права определяют как промежуточное звено, которое соединяет норму и подотрасль и (или) норму и отрасль. Другим вопросом является уже определение того, какую совокупность следует рассматривать в качестве института права. Представляется, что предмет правового регулирования, его особенности определяют институт права. Предмет регулирования института уголовного права не может быть за пределами предмета уголовного права. В то же время один уголовно-правовой институт не способен охватить весь тот комплекс отношений, которые составляют предмет уголовного права. Примечательна позиция, что нормы уголовного права можно объединить в уголовно-правовой институт в такой ситуации, когда нормы регулируют связанные между собой общественные отношения, и эта связь объясняется общественными отношениями, являющимися следствием подобных социальных противоречий[3].

Стоит помнить о том, что функциональное назначение правового института, в частности уголовно-правового, состоит в относительно законченном, беспробельном правовом регулировании, которые необходимо рассматривать в качестве идеала, к которому необходимо стремиться. Предназначение правового института едино, т.е. институты права в рамках одной отрасли должны решать однородные, схожие задачи и ни в коем случае не противоречить друг другу.

В качестве промежуточного вывода можно отметить, что к числу сущностных признаков уголовно-правового института можно отнести:

- комплексный характер;
- множественность норм;
- предметность в рамках отрасли права;
- направленность на цельное и беспробельное регулирование правоотношений;
- единое предназначение;
- обособленное закрепление в виде правовых норм.

Вернемся к изначальному вопросу о том, можно ли компромисс считать институтом уголовного права. Компромисс, правовой компромисс, уголовно-правовой компромисс являются понятиями многоаспектными. Уголовно-правовой компромисс представляет собой одновременно идею, соглашение со взаимными уступками, являющееся само по себе одновременно и процессом, и результатом. При уголовно-правовом компромиссе происходит правоотношение. Уголовно-правовой компромисс обладает механизмом воздействия, стимулирует определенное положительное поведение и играет важную роль в общем и специальном уголовно-правовом предупреждении, что соотносится с задачей уголовного права, связанного с предупреждением преступлений. Уголовно-правовой компромисс и уголовно-правовое поощрение не противоречат друг другу, а направлены на решение определенных задач. Уголовно-правовой компромисс имеет нормативное закрепление, и эти нормы есть как в Общей, так и в Особенной частях Уголовного кодекса РФ. Однако компромисс практически только начинает проникать в уголовно-правовую систему, в науке уголовного права немногочисленны исследования о компромиссе в целом, а также о компромиссе в качестве уголовно-правового института. Следствием этому является то, что в учебной дисциплине уголовного права не уделяется достаточное внимание обозначенной теме. Было отмечено, что компромисс обладает нормативным закреплением, однако в уголовном законодательстве на данный момент нет четкого выделения компромисса в отдельную главу.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время компромисс в качестве многоаспектного явления присутствует в системе уголовного права.

2. Подавляющее большинство признаков уголовно-правового института имеется в компромиссе.

3. Ввиду сравнительно недавнего появления уголовно-правового компромисса в теории уголовного права представляется недостаточно оснований для самостоятельного выделения компромисса в уголовном праве с позиций учебной дисциплины, а также законодательства.

В связи с обозначенными выводами представляется правильной идея о том, что изучение элементов и свойств системности компромисса в теории уголовного права необходимо продолжить. В дальнейшем это позволит заявить, что компромисс является полноценным институтом в уголовном праве.

---

[1] См.: *Лившиц Р.З.* Теория права. М., 1994. С. 62.

[2] См.: *Жук М.С.* К вопросу дефиниции института уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 40-43.

[3] См.: *Филимонов В.Д.* Правовой институт – основное звено в системе уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. М., 2007. С. 437-442.

Бессонова Т.А.
аспирант 1 курса кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА», г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о сущности судебной экспертизы как многоэтапного следственного действия. В уголовном судопроизводстве проблема назначения и производства судебных экспертиз занимает особое место. Она была и до настоящего времени остается весьма актуальной, поскольку судебной экспертизе принадлежит важная роль в доказывании виновности лица, совершившего преступление. В результате проведенного исследования сделанные выводы привлекут внимание специалистов в области уголовно-процессуального права.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, следственное действие, производство судебной экспертизы, допрос эксперта.*

В соответствии с ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации[1] и ч. 1 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] виновность лица в совершении преступления должна быть доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Однако в УПК РФ порядок проведения данного следственного действия в досудебном и судебном производстве регламентирован недостаточно детально. В связи с этим среди ученых и практических работников отсутствует единое мнение по вопросу о порядке производства экспертизы при проверке сообщений о преступлениях, гарантиях обеспечения прав участников уголовного процесса при назначении и производстве экспертизы в досудебном и судебном производстве, основаниях производства дополнительной экспертизы и допроса эксперта в судебном заседании и др. На практике производство дополнительной (а иногда и повторной) экспертизы нередко подменяется допросом эксперта. В связи с несовершенством правовой регламентации производства экспертизы на практике возникают проблемы, связанные с производством допроса эксперта, а также оценкой достоверности и допустимости его заключения и показаний, что снижает эффективность деятельности по доказыванию и обоснованию обвинения. В связи с этим исследование вопросов правового регулирования назначения и производства судебной экспертизы является актуальным. Стремительный рост потребностей современного общества в использовании специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла делает судебную экспертизу при производстве по уголовным делам одним из самых «востребованных» следственных действий.

Понятия «судебная экспертиза» и «производство судебной экспертизы» не являются тождественными. Экспертиза – это исследование соответствующих материалов (объектов), проводимое лицом (лицами), которому (которым) поручено производство экспертизы.

Назначение и производство судебной экспертизы является многоэтапным следственным действием, производство которого в досудебном и судебном производстве состоит из: 1) назначения экспертизы следователем, дознавателем, судом и формулирования вопросов перед экспертом; 2) проведения исследований и дачи заключения экспертом по поставленным перед ним вопросам или сообщения о невозможности дать заключение; 3) последующей деятельности по допросу эксперта (факультативный этап); 4) предъявления заключения эксперта или его сообщения о невозможности дать заключение, а также протокола допроса эксперта, заинтересованным участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения или стороны защиты.

Научная новизна работы отражается в следующих основных положениях, которые сформулированы на основе результатов проведенного исследования.

1. Сущность судебной экспертизы как следственного действия состоит в назначении экспертизы лицом, ведущим производство по уголовному делу или судом, и поручении ее производства государственным судебным экспертам (экспертному учреждению) или иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, а также в самостоятельном исследовании конкретным лицом (лицами), которому (которым) поручено производство судебной экспертизы, то есть лицом, назначенным экспертом, материалов, представленных для ее производства, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, результаты которого фиксируются в документе, который называется «заключение эксперта».

2. По своей правовой природе производство судебной экспертизы является следственным (судебным) действием. Иное толкование означало бы возможность производства данного действия на предварительном слушании (ст. 234), при производстве в суде кассационной и надзорной инстанции (ст. 40113 и 41210 УПК РФ), что по закону недопустимо. Производство судебной экспертизы можно рассматривать и как комплексное процессуальное действие, включающее в себя, наряду с назначением экспертизы, также допрос эксперта.

3. Фактическим основанием назначения судебной экспертизы является наличие достаточных данных (доказательств), свидетельствующих о необходимости применения специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла для установления и (или) исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного

[1] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7 -ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 13.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921; 2021. – № 15. – Ст. – 2434 (в дальнейшем, если не оговорено иное – УПК РФ).

разрешения уголовного дела, которые не могут быть установлены путем применения иных следственных действий.

4. Лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять процессуальные права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права.

5. Необходимо изменить формулировку ч. 3 ст. 195 УПК РФ. Предложение «Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя» следует заменить предложением «Следователь предъявляет для ознакомления постановление о назначении судебной экспертизы подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, его представителю».

6. Часть 2 ст. 197 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Факт присутствия следователя и (или) иных участников уголовного судопроизводства при производстве судебной экспертизы, объяснения подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя, а также разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий отражаются в заключении эксперта».

7. То обстоятельство, что в ст. 198 и 283 УПК РФ не определены права, которыми наделены гражданский истец и гражданский ответчик при назначении судебной экспертизы, свидетельствует о несогласованности существующего правового регулирования с положениями ч. 3 ст.123 Конституции РФ и ч. 3 ст.15 УПК РФ.

8. Предлагается включить в УПК РФ следующее правило: в случае установления факта нарушений процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве судебной экспертизы, которые повлияли на содержание выводов экспертов, суд обязан признать недопустимым доказательством данное заключение эксперта и впоследствии решать вопрос о назначении повторной экспертизы по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 207 УПК РФ – необоснованность заключения эксперта.

9. Допрос эксперта в досудебном и судебном производстве представляет собой самостоятельное следственное действие, которое не является обязательным при производстве по уголовному делу. В связи с этим о нем логично говорить как о факультативном этапе назначения и производства судебной экспертизы.

10. Положение ч. 2 ст. 282 УПК РФ о том, что при допросе эксперта в суде первой вопросы задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза, не может и не должно распространяться на все без исключения процессуальные ситуации. Первым должен допрашивать эксперта тот участник уголовного судопроизводства, по инициативе которого он был вызван в судебное заседание.

11. Часть 1 ст. 282 УПК РФ после слов «в ходе предварительного расследования» следует дополнить словами «или судебного разбирательства».

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА МАГИСТРАТУРЫ В РАМКАХ САРАТОВСКОГО МОЛОДЕЖНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

(21-22 апреля 2021 г., Саратов)

В авторской редакции
Компьютерная верстка – *О. А. Фальян*

Подписано в печать 07.06.2021. Формат 60x84 1/8
Гарнитура «OfficinaSans». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,85. Уч.-изд. л. 42,36. Тираж 500 экз. Заказ № 199.

Издательство
Саратовской государственной юридической академии.
410028, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, Саратов, ул. Вольская, 1.

ISBN 5-7924-1705-9

Издательство ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»